

«MAGNA TARTARIA ~ ОЛУГ ТАТАР ИЛЕ»

На пути
к «Стратегии
развития татарской
нации»

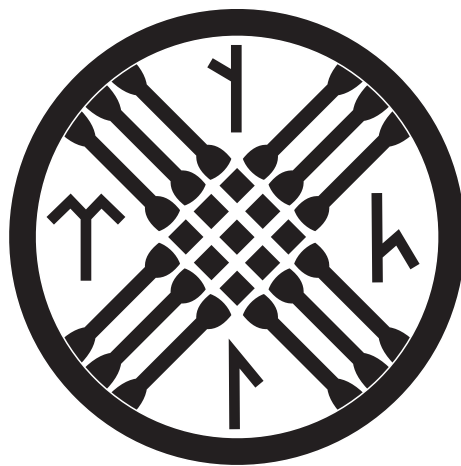

«Всетатарское общество краеведов»
Журнал «Туган жир. Родной край»
«Штаб татар Москвы»
Клуб «Татарский квадрат. Татар шакмагы»

На пути к «Стратегии развития татарской нации»

Дискуссии татарских
интеллектуалов

Казань – 2020

УДК 308
ББК 66.05 (Рос=Тат)
Н 23

Серия
«MAGNA TARTARIA ∞ ОЛУГ ТАТАР ИЛЕ»

Редакционная коллегия:

Д. М. Исхаков (руководитель проекта, ответственный редактор), Р. В. Айсин (зам. рук. проекта),
И. З. Гарифуллин (зам. ответ. редактора)

Редакционно-издательская группа:

М. Х. Сагидуллина (ответственный секретарь), Д. И. Файзуллина (корректор)

Н 23 На пути к «Стратегии развития татарской нации». Дискуссии татарских интеллектуалов./ Всетатарское общество краеведов. – Казань: Изд-во «Груммант», 2020. – 398 с.

Настоящее издание является собранием различных материалов, опубликованных между 2017–2019 гг. (иногда и раньше) в средствах массовой информации Республики Татарстан и некоторых зарубежных изданиях в ходе подготовки к написанию «Стратегии развития татарского народа». В большинстве случаев это дискуссионные публикации. В книгу вошли также отдельные до сих пор не публиковавшиеся материалы «круглых столов», организованных небольшой группой экспертов, а также отдельные предложения, подготовленные специалистами для включения в названный документ. В целом настоящее издание дает достаточно полное представление о взглядах татарских интеллектуалов на проблемы современного состояния и тенденций дальнейшей трансформации татарской нации.

Сборник представляет интерес для экспертного сообщества и того круга читателей, которые интересуются фундаментальными аспектами динамики татар в XXI в.

ISBN 978-5-6044670-3-9

© Всетатарское общество краеведов, 2020
© Журнал «Туган жир. Родной край», 2020
© Оформление. Издательство «Груммант», 2020.

Содержание

Введение.....	6
Наши эксперты.....	8

Часть 1. Начало дискуссии: 2017

<i>Айрат Файзрахманов.</i> Татарам не хватает своего центра современной культуры, своей «Смены».....	10
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть I.</i> «Как сказал Путин: «Слабых-то бьют!» Мы, татары, слабеем, и нас бьют...».....	13
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть II.</i> «Договор сейчас – это межа, над которой уже нога занесена Москвой, чтобы раздавить».....	21
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть III.</i> «Сценарий движения от Татарстана к Казанскому краю четко виден».....	29
<i>Эльвира Самигуллина.</i> Дамир Исхаков: «У татар есть собственные интересы».....	39
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть I.</i> «Не надо искать черную кошку в темной комнате... Вся проблема только в татарах».....	47
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть II.</i> «Главная проблема – у татар нет городской татарской культуры...».....	56
<i>Руслан Айсин.</i> Проект либералов: агломерация против «ненужных людей».....	72
<i>Дамир Исхаков.</i> Вопрос знатокам: как нам обустроить татар.....	74

Часть 2. Предварительные обсуждения: 2018

<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Школа с татарским языком обучения, не окрепнув, практически исчезла».....	80
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «У всех один вопрос: как быть дальше, какой должна быть национальная стратегия?».....	87
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть I.</i> «Разговоры об Иване Грозном, взятии Казани... на первом курсе даже дрался из-за этого».....	91
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть II.</i> Гениальных бизнесменов, которые могли бы сделать татарскую тематику окупаемой, я не вижу».....	101
<i>Руслан Айсин.</i> «С историей татар происходит преступный подлог на протяжении столетий».....	117
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Какая судьба ожидает татарский язык в новых ФГОСах?».....	120
<i>Руслан Айсин.</i> «Забвение языка – это реквием по своему будущему».....	123
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Законопроект против родных языков – только маленькая капля в море проблем...».....	125
<i>Руслан Айсин.</i> «Важнейшие институты татарского народа находятся в системном кризисе».....	130
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Нам нужна общественная стратегия развития татар до 2050 года».....	133
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Мало часов татарского? Давайте в качестве второго иностранного выбирать турецкий язык».....	136
<i>Руслан Айсин.</i> «У русских – несколько стратегий развития, у татар – полная сабантуйность».....	139
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Удивляет, что ВКТ не задействует в разработке стратегии татарскую молодежь».....	143
<i>Круглый стол в «БИЗНЕС Online».</i> «Наелись мы сабантуями!»: какой должна быть «Стратегия татарского народа?».....	147

Часть 3. Дискуссии вокруг фундаментальных проблем: 2019

<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть I.</i> «Если татарин татарина не затоптал в грязь, то день не день, жизнь не жизнь...».....	153
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть II.</i> «Казань и Москва, особенно после Ивана Грозного, – это два полюса. Они меняются местами».....	167
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «3 копейки на инородца»: можно ли за 80 миллионов в год сохранить две сотни языков?	183
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online».</i> «На чак-чаках далеко не уедешь: быть или не быть исламу в стратегии татар».....	186
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть I.</i> «Предки татар – одни из немногих народов мира, кто создавал исламские государства».....	189
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть II.</i> «В значительной степени подлинный ислам сохранился только у татар».....	199
<i>Руслан Айсин.</i> «Татарские civitas ставят болезненные вопросы».....	210
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Призываю общественность «не слезать» с Ильдара Ирековича!»	212
Татарская геополитика (<i>Дискуссия</i>).....	217
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online».</i> «Эчпочмак» пишут как «треугольник», но «шаурму» же не переводят! Это и есть боязнь ученых».....	227
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Уфа перестала быть одним из центров татарского мира».....	240
Татарские общественные объединения: застой или прорыв. <i>Стенограмма</i>	243
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Главной задачей нашего поколения должно стать возрождение национального образования».....	256
<i>Руслан Айсин.</i> «Татарстан находится в трубе турбулентного потока и старается не потерять управление».....	261
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «К сожалению, опыт татаро-мишарских агрополисов уникален и почти неповторим».....	264
<i>Римзиль Валеев.</i> Татарское информационное пространство.....	268

Часть 4. Обсуждения исторических проблем

I. Нация

<i>Альфريد Бустанов.</i> «Будущее татарского народа – это концепции, не связывающие себя с советским проектом».....	277
<i>Дамир Исхаков.</i> «Конец татарской нации? Не будем спешить с окончательным вердиктом».....	279
<i>Альфريد Бустанов:</i> «Памфлет Дамира Исхакова вполне объясним, хоть и анахроничен».....	283
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Объектов истории и культуры татарского народа, находящихся в опасности, достаточно много».....	285
<i>Дамир Исхаков.</i> «Нам важно понять, чем был Татарстан для татар».....	290
<i>Камиль Галеев.</i> «Смотреть на Татарстан шире, чтобы быть сильнее».....	297
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Татары – экстерриториальная нация или разделенный по региональным квартирам этнос?».....	299
<i>Айрат Нигматуллин.</i> Дамир Исхаков: «Конечно, «северо-западные башкиры» – это политический проект».....	306

II. Историческая память с разных ракурсов

<i>Айрат Файзрахманов.</i> «События 1552 года остаются в памяти народа, но «Хәтер көне» не стал всеобщим днем скорби».....	316
--	-----

<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Мы штампуем ошибку советской историографии, празднуя 100-летие Татарстана в 1920 году».	319
<i>Марк Шишкин.</i> Дамир Исхаков: «Россия должна быть кровно заинтересована включить в свое историческое поле наследие Золотой Орды».	322
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Почему же татары оказались менее достойны своей истории революции?»	328
<i>Айрат Файзрахманов.</i> Это большой период в истории татар, который сформировал нас как нацию.	330
<i>Рустам Курчаков.</i> «Советско-сталинское наследие по-прежнему сквозит из всех щелей «державного» устройства».	335
<i>Рустам Курчаков.</i> «Духовное ядро татарского народа во все времена сохраняло непрерывную традицию единобожия».	340
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Попытка восхваления Ивана Грозного вызывает в Татарстане оторопь».	343
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Агрессивная политика Казанского ханства», Мединский и «татарский вопрос».	346
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть I.</i> «И с той, и с другой стороны реки Угры стояли предки современных россиян».	349
<i>Круглый стол «БИЗНЕС Online». Часть II.</i> «Татары, башкиры, якуты... Общим фронтом мы выстоим не на Угре, но на Москве-реке».	360

Часть 5. Проблемы федерализма.

<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Мы вернемся к советской модели «федерализма», когда ТАССР владела 2% своей экономики».	368
<i>Ильнар Гарифуллин.</i> Что делать с преподаванием башкирского языка в Башкортостане?	372
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Демократия в России невозможна без федерации. Это аксиома, которой более ста лет».	375
<i>Ильнар Гарифуллин.</i> Что для России значит «14 макрорегионов»?	378
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Обкому ТАССР приходилось ездить на поклон и в Куйбышев, и в Москву».	381
<i>Ильнар Гарифуллин.</i> «Десоветизация» 1993 – конец демократии и начало краха реального федерализма.	384
<i>Айрат Файзрахманов.</i> «Трогать статус республик, менять границы, укрупнять регионы так просто не получится».	387
<i>Ильнар Гарифуллин.</i> Берлинская стена между Волгой и Уралом: как рисовали границу Татарстана и Башкортостана.	389
<i>Ильнар Гарифуллин.</i> 30 августа – праздник несбывшихся надежд.	395
Заключение.	397

Введение

Данная работа является собранием большого числа дискуссионных материалов, появившихся в республиканских средствах массовой информации в основном в 2018–2019 гг. в ходе обсуждения планировавшейся тогда к подготовке «Стратегии развития татарского народа». Вследствие того, что в конечном счете такой сводный документ так и не был создан – появилась только так называемая «Стратегия действия», утвержденная на расширенном заседании Национального Совета ВКТ, названном «Милләт жыены» и проходившем в г. Казани 29 августа 2020 г. – было решено представить вниманию экспертного сообщества и общественности ставшие уже историей материалы обсуждений в виде собранного в одной книге компендиума.

Необходимость такого издания объясняется следующим обстоятельством.

Решением руководства ВКТ процесс подготовки проекта «Стратегия развития татарского народа» изначально был возложен на группу экспертов, работавших под эгидой АН РТ. Но те формы и методы организации проектной деятельности, которые были при этом предложены, не нашли одобрения значительного числа экспертов, которые в итоге решили пойти другим путем – через обсуждение фундаментальных проблем, стоящих перед татарской нацией, в республиканских СМИ. Так как эта идея в первую очередь была поддержана электронным изданием «БИЗНЕС Online», большинство дискуссий и отдельных статей в русле общей проблематики обсуждения проходили на его страницах. Хотя были публикации и в ряде других изданий. В некоторых случаях редакция «БИЗНЕС Online» участников дискуссии привлекала самостоятельно (часть из этих публикаций, особенно по методологии, сюда не была включена, их предполагается издать позже отдельной книгой).

В ходе большого числа обсуждений проблем развития татарской нации постепенно сформировалась устойчивая группа экспертов (позже они образовали Клуб «Татарский квадрат / Татар шакмагы»), которая продолжала заниматься аналитической деятельностью и после того, как стало ясно (где-то с середины 2019 г.), что полноценной «Стратегии развития татарского народа» не получится. К тому времени и основная – «официальная» группа разработчиков данного документа, оказалась в тупике и не смогла предложить его приемлемый для руководства Татарстана, вариант. Результат известен – чтобы не потерять лица, Аппарату республиканских властей пришлось самому «скроить» из лоскутов неудавшихся заготовок представленного проекта собственную его версию в стиле духоподъемного обращения, получившего наименование «Татары: Стратегия действия». Главную суть этого, ставшего после принятия на указанном выше Форуме татарской общественности, неким руководством татарскому миру на ближайшую перспективу, можно передать известной формулой покинувших марксизм европейских социал-демократов: «Движение – все, цель – ничто». Может быть в настоящих условиях сильно «замороженной» российской политической действительности такой подход и имеет смысл как способ сохранения нации, но в более отдаленной перспективе это стремление зарыть голову в песок и законсервироваться не может быть полезным татарскому сообществу.

Осознавая сказанное, патриотически настроенные члены клуба «Татарский квадрат / Татар шакмагы» и редакция журнала «Туган жир. Родной край» решили собрать основные итоги прошедших горячих дебатов о судьбе татарской нации в данном объемистом издании. Как думается, ещё не вечер и татарам в дальнейшем надо будет продолжить начатые дискуссии для того, чтобы все-таки завершить подготовку стратегического видения своего будущего. Для возможных участников этой деятельности данная книга будет весьма полезна. Хотя знакомство с её содержанием способно сыграть важную роль и в формировании национального самосознания представителей

татарского мира в целом. Она представляет интерес и для российского, а также зарубежного экспертного сообщества, интересующегося идеологическими процессами, происходящими среди татарских интеллектуалов в современных условиях.

Материалы дискуссий, представленные в настоящем сборнике, были опубликованы в виде «круглых столов» или отдельных статей, но в одном случае являются итогами «внутренних» обсуждений небольшого числа экспертов (они затем и составили ядро Клуба «Татарский квадрат / Татар шакмагы») и ранее не публиковались. Для удобства использования, а также для лучшего понимания логики размышлений экспертов, результаты дискуссий даны в хронологическом порядке (за 2017, 2018 и 2019 гг.), часть их была выделена в две тематические разделы – «Обсуждения исторических проблем» и «Проблемы федерализма». Последний раздел, в силу обстоятельств, оказался несколько урезанным по числу публикаций.

* * *

От имени редакционной коллегии хотелось бы выразить искреннюю благодарность всем участникам обсуждений, включая и авторов отдельных статей, вошедших в представленное вниманию читателей, издание. Особой благодарности заслуживает руководство «Бизнес Online», сыгравшее неоценимую роль в организации многочисленных дискуссий вокруг татарской проблематики в 2017–2019 гг.

И, конечно, большое татарское «Рэхмэт!» «Штабу татар Москвы» и лично его руководителю Рустему эфенди Ямалееву, российскому и татарскому патриоту, поддержавшему наш проект на стадии издания.

Книга была подготовлена к печати в редакции журнала «Туган жир. Родной край».

*Дамир Исхаков,
доктор исторических наук,
главный редактор журнала «Туган жир. Родной край»*

НАШИ ЭКСПЕРТЫ

Аблязов Камиль – предприниматель, глава национально-культурной автономии татар Саратовской области.

Агеев Шамиль – председатель Торгово-промышленной палаты РТ.

Айсин Руслан – политолог, руководитель концептуальной площадки «ТатПолит».

Аюпов Ильдар – основатель и руководитель дизайн-студии «Теория».

Батыр (Батров) Рустам – исламовед, блоггер, экс первый заместитель муфтия РТ.

Бахтияев Рустем – учитель татарского языка и литературы полилингвальной гимназии № 180 Казани, кандидат филологических наук.

Бикмухаметова Римма – журналист, общественный деятель.

Бустанов Альфريد – Ph.D., ассистент-профессор Амстердамского университета.

Валеев Римзиль – главный редактор Интернет-студии «Дөнья» Всемирного конгресса татар, журналист, общественный деятель.

Габдрахманова Гульнара – зав. Отделом этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доктор социологических наук.

Галеев Камиль – историк, магистрант университета Сент Эндрюс, Соединённое Королевство.

Галимов Тэймур – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук.

Галямов Рашид – издатель «БИЗНЕС Online».

Гарифуллин Ильнар – член Совета Всемирного форума татарской молодежи, кандидат исторических наук.

Гарифуллин Рамиль – доцент Института психологии и образования К(П)ФУ, кандидат психологических наук, заслуженный работник культуры РТ.

Гилязов Искандер – директор Института татарской энциклопедии и регионалистики АН РТ, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук.

Забиров Абдурауф – имам казанской мечети «Миргазиян» (ныне мечети «Салах»).

Ибляминов Марат – медиаменеджер, создатель популярной татароязычной радиостанции «Тэртип».

Игламов Нияз – зав. литературно-драматической части ТГАТ им. Г. Камала, театральный критик.

Измайлов Искандер – зав. Отделом средневековой археологии Института археологии им. А. Халикова АН РТ, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РТ.

Имамов Вахит – писатель, главный редактор газеты «Мәдәни жомга».

Имамутдинов Туфан – экс-гл. режиссер Казанского ТЮЗа им. Г. Кариева.

Исхаков Дамир – гл. редактор журнала «Туган жир. Родной край», член «Милли шура» Всемирного конгресса татар, доктор исторических наук.

Курчаков Рустам – экономист, публицист, кандидат экономических наук.

Лотфуллин Марат – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат физико-математических наук.

Махмутов Зуфар – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, этносоциолог, кандидат исторических наук.

Миргалеев Ильнур – руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук.

Мухаметшин Рафик – ректор Российского исламского института, профессор, доктор психологических наук.

Недашковский Леонард – профессор К(П)ФУ, доктор исторических наук.

Рахимбай Ильшат – режиссер.

Сейдаметов Эльдар – руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Трепавлов Вадим – главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Туктамышов Наиль – зав. кафедрой высшей математики КГАСУ, Председатель Ассоциации работников татарского национального просвещения и культуры РТ «Магариф», доктор педагогических наук, профессор.

Уразаев Фарит – исполнительный директор Всемирной ассоциации содействия татарским предпринимателям.

Усманова Сурия – общественный деятель, экс-депутат Госсовета РТ.

Файзрахманов Айрат – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи, кандидат исторических наук.

Фомина Татьяна – доцент ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук.

Хайрутдинов Айдар – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук.

Хуснутдинов Равиль – член Совета Конгресса татар Челябинской области, гл. редактор газеты «Татар рухы».

Шамильоглу Юлай – историк, профессор Висконсинского университета (США).

Шаринов Ирек – директор Дома дружбы народов РТ, экс-депутат Госсовета РТ, зам. пред. ФНКАТ РФ.

Яруллин Табрис – экс-председатель Всемирного форума татарской молодежи.

ЧАСТЬ 1. НАЧАЛО ДИСКУССИИ: 2017

Айрат Файзрахманов

ТАТАРАМ НЕ ХВАТАЕТ СВОЕГО ЦЕНТРА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ, СВОЕЙ «СМЕНИ»

Более 70% татар уже являются горожанами, значительная часть которых не имеет никакой связи с народной, деревенской культурой.

Именно через современные молодежные форматы можно вызвать интерес к татарскому языку и культуре, к национальной школе, уверен блогер «БИЗНЕС Online», кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов. При этом в своем материале он высказывает опасения по поводу того, что взятое чиновниками на карандаш поручение по организации современных национальных площадок превратится в очередное фольклорное шоу, выступление эстрадных коллективов и продажу чак-чака с треугольниками.

«КАК БЫ НЕ ПОЛУЧИЛСЯ ОЧЕРЕДНОЙ СУРРОГАТ САБАНТУЯ»

Прошедший летний книжный фестиваль «Смены» на «Черном озере» – формат для Казани весьма свежий и приятный. Порадовали погода, книги, лекции, организация пространства и сами люди. Вот только собственного казанского, татарстанского контента на фестивале было не так много. Приглашенный Джон Сибрук, конечно, крут. Но приходилось ловить себя на мысли, что другие спикеры порой транслируют «колониальный» контекст и сплошные столичные смыслы, где «провинциальной» аудитории рассказывают, что нового происходит в Москве и в мире. Эдакий легкий и интригующий столичный снобизм и вторичный дискурс.

Конечно, это проблема не только книжного фестиваля «Смены», но и других подобных мероприятий в нестоличной России. С одной стороны, есть желание донести все самые свежие идеи, с другой – местным инициативам может не хватать продвижения и умения переложить свои форматы на современный язык потребителя. Есть самобытность, но мало связи с внешним миром, или есть современные форматы, но не хватает продюсирования. Особенно критично это для татарской культуры.

Очень жаль, что в рамках подобных городских фестивалей практически не задействуется потенциал местных сообществ и казанских интеллектуалов. Современные форматы, трендовые мероприятия всегда можно наполнить качественным и близким Казани содержанием, этнокультурной составляющей. На ее отсутствие на фестивале посетовала и национальная общественность, и депутаты, и мэр Казани Ильсур Метшин.

Впрочем, есть опасения, что взятое чиновниками на карандаш поручение по организации подобных национальных площадок превратится в очередное фольклорное шоу, выступление эстрадных коллективов и продажу чак-чака с треугольниками. В общем, как бы не получился очередной суррогат Сабантуя.

«ЭТОГО ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ТУРИСТА, НО НЕДОСТАТОЧНО ТОГО, ЧТОБЫ РАЗВИВАТЬ СЕБЯ»

Сам фестиваль, бурная дискуссия в социальных сетях и в комментариях к репортажам с «Черного озера» еще раз заставили порефлексировать над современной «татарскостью» и ее слабым присутствием в городском ландшафте.

Позволю себе, дилетанту и массовому потребителю, попробовать зафиксировать современное состояние татароязычной культуры. Тем более моя рефлексия продиктована умонастроениями Фо-

рума татарской молодежи – без сомнения, наиболее массового татарского городского сообщества на сегодняшний день.

Безусловно, современный мир – это мир городов, мир урбанизированной культуры и динамичных, открытых форматов. Сейчас более 70% татар уже являются горожанами, значительная часть которых не имеет никакой связи с народной, деревенской культурой. Без учета этого фактора татарскую культуру ждут застой и фольклорный формат существования: тубетейка по праздникам, песни про родную деревню, два-три слова на татарском языке с «абикой» и снова чак-чак с треугольником. Скорее именно эти шаблонные образы рождаются при слове «татарин». Недаром наиболее популярным татарским местом в Казани является комплекс «Туган авылым», в Старо-Татарской слободе можно увидеть памятник барашку, а в музее этой слободы вас встречает «интерактивная татарская бабушка». Возможно, этого достаточно для туриста, но недостаточно для того, чтобы развивать себя в стремительно меняющемся мире.

«Сохранение» (консервация) – наиболее часто употребляемый по отношению к татарскому языку и культуре термин, это не то состояние, которого требует статус современной, конкурентоспособной нации.

«НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ ТАТАРЫ ОДНИМИ ИЗ ПЕРВЫХ В МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЕ РАЗВИЛИ НОВЫЙ УРБАНИЗИРОВАННЫЙ МИР»

На рубеже XIX–XX вв. татары одними из первых в мусульманской умме развили новый урбанизированный мир: национальный театр, музыку, новые жанры литературы, современную методику обучения, светскую науку и университеты-медресе, национальную архитектуру, политические движения. При этом были открыты новые горизонты для развития национального капитала. Были не только ресурсы, но и пространство – в городах татары проживали на территории более трех десятков автономных слобод, имея богатую и прогрессивную для своего времени культуру. Феномен Тукая получил свое развитие именно в городском пространстве за счет появления татарских средств массовой информации и своего «креативного пространства» – клуба «Шәрәк». Тогда татары смогли создать современную урбанизированную культуру, открытую широкой аудитории и интересную другим народам.

Сегодня «старший брат» живет в стомиллионном русскоязычном городском пространстве, развивая урбанизированную культуру, создавая свои уникальные форматы. Татары же в настоящее время даже в городах РТ имеют весьма ограниченную по охвату современную культурную жизнь, редко выбираясь из концертных залов и помещений советских ДК. Открытые уличные форматы на татарском языке представлены преимущественно в рамках Сабантуя и Дня города. Есть несколько массовых культурных феноменов, но об этом чуть ниже. В этом контексте татарская культура не выдерживает здоровой конкуренции.

«К СОЖАЛЕНИЮ, ФЕСТИВАЛЬ «ҮЗГӘРЕШ ЖИЛЕ» ПОЧТИ ПРОИГНОРИРОВАЛ ЭТОТ ФЕНОМЕН»

Что мы имеем из современной татарской городской культуры? Для меня, потребителя, есть самый живой, современный формат татарской городской культуры, интересный широкой аудитории и молодежи, – национальный театр. Наверное, он будет жить, если даже исчезнет татарский язык. Есть качественная татарская альтернативная музыка в европейском звучании с более чем двумя десятками музыкальных групп, но пока с весьма узкой аудиторией. К сожалению, фестиваль «Үзгәреш жиле» почти проигнорировал этот феномен. Имеется два-три интересных современных татароязычных СМИ, есть несколько видеоблогеров, интересные small media и пару пабликов в соцсетях. Например, паблик в соцсети «Вконтакте» «Татары и Татарочки» имеет аудиторию в 130 тыс. человек – это больше, чем у любого татарского СМИ. Практически нет конкурентного телевизионного продукта, имеется только две FM-радиостанции. Почти нет конкурентного и массового татарского кино, есть только просмотренные до дыр короткометражки. Есть татарская книга (насколько она современна, это большой вопрос; благо появилась качественная детская ли-

тература издательства Yulbasma), но нет татарского нон-фикшена, почти нет современной переводной литературы. Есть множество интересных начинаний – от выполненных на полном энтузиазме переводов Гарри Поттера и Фиксиков на татарском до татарских перформансов, многотысячных фестивалей и открытых лекториев.

Татары сегодня билингвально или «полуторалингвально», а значительная часть и вовсе утратила родной язык. Но есть, например, понятные современному поколению «татарские по духу» писатели Ильдар Абузяров, Шамиль Идиятуллин (его «Город Брежнев» взял недавно премию «Новые горизонты» и вошел в шорт-лист национальной литературной премии «Большая книга»), Гузель Яхина. Но почему-то даже их не оказалось на казанском книжном фестивале. Обидно. Значительная часть молодых казанских ученых, исследующих историю, культуру татар (Институт истории, КФУ), тоже могли бы весьма популярно изложить свои темы казанцам. Их книги, которые они пишут о Татарстане и для Татарстана, зачастую нельзя найти ни в магазинах, ни в библиотеках. Кстати сказать, исторические лектории и открытые экскурсии, которые Форум проводит с приглашением молодых ученых, всегда находят отклик у совершенно разной казанской публики.

Есть много поэтов новой волны, есть открытый для уличных постановок татарский театр. Или, например, творческая группа «Калеп» – большое сообщество творческих талантов. Есть массовые уличные татароязычные фестивали. Так, фестиваль «Мин татарча сөйләшәм» на улице Баумана собирает до 10 тыс. зрителей. Фестиваль «Печән базары» – мы считаем, квинтэссенция татарской городской культуры – собирает до 6–7 тыс. участников: здесь и добрая сотня татарских дизайнеров, уличный лекторий и экскурсии от старожилов, «Парк чтения», книжная ярмарка, архитекторы и художники, национальный фуд-корт и стилизованные малые архитектурные формы. Есть еще и фестивали «Jadid fest» и «Исән-fest», есть «Фатирник», который каждый год открывает слушателю новые музыкальные коллективы. Действует свой «открытый университет» – «Акыл фабрикасы» и лекторий «Хэлбуки», татарский научпоп «Гыйлем» и свой научный видеопроjekt «Элбәттә».

*«ТАТАРСКИЙ МЕЦЕНАТ ВКЛАДЫВАЕТСЯ В ОГРОМНЫЙ ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК,
МУЗЕЙ, ЭСТРАДУ, НО НЕ В СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМАТЫ ТАТАРОЯЗЫЧНОЙ
ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ»*

Думается, в рамках таких форматов каждый сможет ответить положительно на вопросы о том, совместим ли татароязычный контент и, например, популярный научный лекторий, может ли татарская история быть интересна казанским хипстерам, не нарушится ли «татарский моң» альтернативной музыкой и т. д. И здесь как нельзя кстати оказывается главный лозунг Форума татарской молодежи: «Татарское актуализируем, актуальное татаризируем». Новых проектов, идей, увлеченных современной татарской культурой людей становится больше. По сути, это уже самогенерирующая среда.

Однако почему-то это все малозаметно глазу местного чиновника и тех, кто имеет ресурсы. Татарский меценат вкладывается в огромный деревенский праздник, красочную книгу, реставрацию здания, музей, эстраду, но не в современные форматы татароязычной городской культуры, открытые для всех. Иногда старшее поколение, сидящее на ресурсах, может послушать молодежь для интереса, но сделает все по своему, по-старому. А молодежь пробегает мимо. И татары стремительно теряют себя, несмотря на наличие инфраструктуры, сабантуев, джиенов, национально-культурных автономий, «Татар жыры», «Татаркино», «ТАТМЕДИА» и «ТНВ», Тукаевской премии и пр.

Благо Казань успела сформировать свою современную городскую татароязычную субкультуру. Надеемся, что она и дальше будет рождать востребованные проекты и культурные феномены, которые будут интересны уже большинству татарстанцев. Но пока это только «субкультура», перечисленные современные форматы имеют весьма скромную аудиторию, которую можно оценить максимум в несколько десятков тысяч молодых татар, преимущественно живущих в городе.

«СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ ТАТАРСКАЯ КУЛЬТУРА – ЭТО НЕ ВЕЩЬ В СЕБЕ»

Так сложилось, что 95% перечисленных мероприятий, форматов, сообществ действуют на полном энтузиазме или самоокупаемости. Действуют весьма скромно, иногда обособленно, оказываясь известными узкой аудитории татар в Казани.

Поэтому татарам явно не хватает своего центра современной культуры, своей «Смены», собственного креативного пространства, признанного в городе и в республике. Речь идет не о какой-то национальной сегрегации. Это могла бы быть открытая площадка, где слоган «Татарское актуализируем, актуальное татаризируем» зажил бы своей полноценной жизнью. Современная городская татарская культура – это не вещь в себе, это часть общетатарстанской идентичности и часть общегородского культурного ландшафта. Язык этой культуры более глобализирован и понятен молодому поколению из разных стран. Поэтому участниками и даже организаторами татарских фестивалей, музыкальных групп, татарских дизайн-студий являются не только сами татары.

Именно через современные молодежные форматы можно вызвать интерес к татарскому языку и культуре, к национальной школе. Сначала динамика, все самое актуальное и современное, только потом – сохранение традиций. Иначе на этом уровне формирования интереса мы рискуем остаться с горсткой энтузиастов, сохраняющих до последнего татарский язык и культурное наследие. Если же татарская молодежь в городах Татарстана сможет перейти от состояния татарской субкультуры к полноценной татароязычной городской культуре, то тогда, к счастью, не сбудется прогноз писателя Гаяза Исхаки – и через 90 лет татар вместо состояния «инкыйраз» (вымирание) будет ожидать состояние «алгарыш» (прогресс).

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/348994>,
18 июня 2017.*

* * *

«КАК СКАЗАЛ ПУТИН: «СЛАБЫХ-ТО БЬЮТ!» МЫ, ТАТАРЫ, СЛАБЕЕМ, И НАС БЬЮТ...»

Круглый стол «БИЗНЕС Online» в преддверии ВКТ: как «прохлопали» КФУ, во что превратился Сабантуй и чему пора учиться у чеченцев. Часть I

Итоги 25-летней деятельности Всемирного конгресса татар накануне съезда организации подвели на «круглом столе» в редакции «БИЗНЕС Online» эксперты. Почему к неудачам татарской нации можно отнести ЕГЭ только на русском языке и потерю национального университета, как татарский капитал за пределами республики может формировать новую идеологию и необходимо ли омоложение структурам конгресса – об этом в первой части стенограммы встречи.

Участники «круглого стола»:

Камиль Аблязов – предприниматель, глава национально-культурной автономии татар Саратовской области.

Шамиль Агеев – председатель Торгово-промышленной палаты РТ.

Руслан Айсин – политолог.

Римзиль Валеев – журналист, общественный деятель.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член Исполкома Всемирного конгресса татар.

Фарит Уразаев – исполнительный директор Всемирной ассоциации содействия татарским предпринимателям.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи.

Модератор: Рашид Галямов – «БИЗНЕС Online».

*РИМЗИЛЬ ВАЛЕЕВ: «ОТВЕЧАТЬ ЗА ВЕСЬ ТАТАРСКИЙ НАРОД – НА ТАКОЕ НИ
КОНГРЕСС, НИ ИСПОЛКОМ ПРЕТЕНДОВАТЬ НЕ МОГУТ»*

Модератор: Предлагаю подвести некие итоги за 25 лет, в том числе и за последние 5 лет: выполняет ли свою миссию Всемирный конгресс татар (ВКТ) по защите интересов, объединению татар всего мира в контексте тех вызовов, которые есть у татарской нации, в условиях глобализации?

Римзиль Валеев: Я 10 лет был первым замом председателя ВКТ и видел, с чего все начиналось, сейчас работаю в информационной структуре Исполкома конгресса татар. Одновременно с этим я возглавлял федеральную автономию татар (ФНКАТ), которая находится в непростых отношениях с ВКТ, и остаюсь в этой структуре.

Прошедший в 1992 г. первый съезд ВКТ – это было эпохальное событие после мусульманских курултаев в начале прошлого века – в 1905, 1917 гг. (они назывались мусульманскими, но фактически были общенациональными татарскими), в советские годы никогда такого не было – чтобы и государственные органы власти участвовали, и со всех регионов страны принимали участие. Поэтому у конгресса такой статус, ему было оказано такое доверие. И одновременно конгресс – проект Республики Татарстан, его первого Президента и нынешнего Президента. И поэтому оценивать конгресс как собрание людей – 500, 800 или 1000 человек – не просто. Я не берусь оценивать нынешние или предыдущие созывы этого сообщества. Но есть Исполнительный комитет, есть планы, есть задачи, которые были поставлены на первых пяти съездах. Как они реализуются? И есть проблема: куда идет татарский народ? Если так оценивать, то кому нужно давать оценку? Исполкому, руководству исполкома, членам бюро?

Если взять конкретно только последние пять лет, то конгресс продолжал работать в том формате, в каком был определен тренд, – проведение эффективных мероприятий. Мероприятий действительно проводилось еще больше, еще эффективнее, плюс к этому и сабантуи есть, и это всегда в тесной связи с государством, с органами власти, с региональными татарскими общинами. Конечно, конгресс стал, не знаю, хорошо это или плохо, огромным комбинатом по проведению таких важных мероприятий, которые имеют большое значение и для пиара, и для вдохновения людей. Если мы будем считать, что этого достаточно... Я не отношусь к тем людям, которые считают, что достаточно собирать большие форумы на 500 или 1000 человек и проводить их регулярно. Мне кажется, что этим вообще должно государственное агентство заниматься.

Хочу напомнить и усилия Республики Татарстан: три госпрограммы – по языкам, по идентичности, по национальной политике. Но насчет эффективности сохранения культуры и языка – тут проблема, глобализация наступила, в этом направлении у нас, к сожалению, идет отступление, я не знаю, это общая ситуация в стране, глобализация или народ расслабился. Где народ находится, актив где? Есть ли все 400 организаций, которые составили этот конгресс? Открытые вопросы есть.

Модератор: В чем миссия ВКТ, на ваш взгляд, и выполняет ли он свою главную миссию?

Римзиль Валеев: Я был одним из тех, кто составлял программу и устав. Это объединение общественных организаций и управление, объединение общественной энергии татарских масс и посредничество между органами власти. Провозглашаемые лозунги: помогать всем татарам, спасти татарский народ или отвечать за весь татарский народ – на такое ни конгресс, ни исполком, ни его председатель претендовать не могут и отвечать за это тоже не могут. А вот что касается пробуждения общественной энергии, расширения и усиления активности, получилось ли – вы это сами знаете. В целом маятник российского общества качнулся туда, где народ уже совсем отошел от гражданского общества, от революционного духа, от творчества, от веры в изменения. Вера в демократические институты слабовата.

Новый съезд может и должен дать толчок, чтобы повернуться, в конце концов. А повернуться надо. Не надо за все отвечать, а надо, чтобы в каждом селе, в каждом районе, в каждом институте был татарский клубчик, татарские небольшие организации, и татары должны решать свои проблемы по месту жительства, в своем институте, а в конгресс обращаться за правовой и организационной помощью. Такая миссия должна быть у ВКТ.

Модератор: То есть ВКТ нужен?

Римзиль Валеев: ВКТ и другие общественные организации нужны, но необходимо, чтобы все организации знали свое место и исполняли свою миссию. Это и ВКТ, и федеральная автономия татар, есть организации, которые вообще не входят туда, они тоже должны выполнять свою миссию. Я не надеюсь на какой-то один конгресс, который решит все проблемы.

*ДАМИР ИСХАКОВ: «НАМ НЕ УДАЛОСЬ ПРОРИСОВАТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНУЮ
ДОРОГУ, ДВИЖЕНИЕ ТАТАР В БУДУЩЕЕ»*

Дамир Исхаков: Хочу немного напомнить историю: конгресс был создан в пику Милли Меджлису, в очень острый момент. Римзиль Валеев рассказал немножко, но не сказал, что во время съезда первого съезда конгресса никакого программного документа не было. Его начали создавать, я в этом участвовал, только после первого съезда. То есть там была политическая задача другая.

Модератор: Остановить Талгата Абдуллина и Фаузию Байрамову (на тот момент лидеров национального движения в республике – прим. ред.)?

Дамир Исхаков: Это первый серьезный момент, на который надо обратить внимание. Второй момент: после начала работы конгресса я в 1997 г. написал статью, которая называлась «Конгресс или Сабантуй?». Я думаю, что эта статья до сих пор не устарела, потому что некоторые проблемы, которые там поднимались, имеются и сегодня. Конгресс совершенно не случайно критикуется как орган, который слишком увлекся некоторыми развлекательно-зрелищными мероприятиями и упустил из виду другие моменты. Эти проблемы не новые.

И третье, на что стоит обратить внимание: последние 15 лет я все время состоял в руководстве конгресса – в исполкоме, бюро, занимался аналитической работой. И я думаю, что в целом произошло отступление от занятых рубежей всем российским обществом, в том числе и татарским. Мы все просели. И если вы посмотрите региональные организации, то там тоже народ стал очень осторожный, большие задачи не поднимает, потому что окружение такое. И вот этот вал, который начался из регионов, на нас тоже идет. И поэтому конгрессмены и руководство конгресса стали вести себя очень осторожно, несколько пугливо. Хотя иногда мы делаем громкие заявления, но все равно окружение на нас сильно влияет.

Надо иметь в виду, что, когда Руслан Айсин нас ругает в «БИЗНЕС Online», мол, вот это не сделали, то не сделали и т. д., он же со стороны смотрит, а когда изнутри наблюдаешь, то ситуация немножко по-другому выглядит. Потому что хотим мы того или не хотим, мы являемся полугосударственной структурой.

Модератор: Квазигосударственной, наверное, если быть точнее.

Дамир Исхаков: Квазигосударственной, да. Народ был собран по воле руководства Татарстана. Это надо четко помнить. И хотя у нас есть выборы – делегаты сюда с мест прибывают – то конгресс, конечно, представительный орган, а не этнособрание. Мы представляем татарскую нацию. Другой такой организации нет в мире. Конгресс – это единственная такая представительная организация, которая собирается на основе выборов. Достаточно большое число людей участвуют в этом процессе. И в результате этого мы являемся органом, который представляет всю татарскую нацию. Каковым не является, например, руководство Татарстана или сам Татарстан, потому что татарский народ туда не влезает никак.

Вот обратите внимание, в России такие организации есть у всех народов: курултай башкир, чувашская организация есть, марийская. И эти организации, как ни странно, никак не вписаны в общую структуру российского государства, они как бы живут вне правового поля, существуют в особом пространстве. И я понимаю, почему такое положение: это же довольно опасно, если народы будут иметь свои такие общие представительные органы, они могут провозгласить какие-то вещи, которые будут неуютны существующим властям. И поэтому с осторожностью относятся ко всем таким организациям из-за того, что они являются представительными органами. По этой причине мы должны понимать, где мы существуем и какова наша особенность.

Далее можно сказать несколько слов о том, насколько нам удалось реализовать некоторые наши задумки. Если сказать одним словом, у нас есть 50 процентов успеха, но на 50 процентов мы оказались неуспешны...

Модератор: Высокая оценка.

Дамир Исхаков: Да, но самое слабое наше звено – нам не удалось прорисовать концептуальную дорогу, движение татар в будущее. Куда мы идем – совершенно не ясно. Мы просто реагируем на ситуации, которые складываются, помимо нашей воли. И потом мы задним числом начинаем быстренько реагировать на то, что происходит. Далеко не всегда успешно. Классический пример: как нас провели, когда ввели ЕГЭ на одном русском языке. Уж если бы все народы оказали сопротивление, я думаю, такого бы не было. Мы же вообще не сопротивлялись и сейчас пожинаем плоды. И таких вещей достаточно много, к сожалению.

Я думаю, что мы явно прохлопали и проблему национального университета. На наших глазах все разворачивалось. Я, например, являюсь руководителем группы, которая в 2008 году закончила концепцию развития высшего образования в Татарстане. Там было четко написано, что национальный университет нужен, и Минтимер Шарипович Шаймиев подписал эту концепцию, но после этого дела пошли совершенно не так, как мы задумывали. И в итоге мы сейчас оказались где-то на задворках Казанского федерального университета, где татарский сегмент все уменьшается и непонятно, что будет в дальнейшем. Уже нет учителей для преподавания в татарских школах, скоро это будет вообще катастрофа, потому что из-за пределов Татарстана идут сигналы: присылайте учителей, присылайте учителей! Нет учителей. Я слышал даже, что Балтасинский район приглашает учителей из соседней Удмуртии, где еще есть татары, знающие татарский язык и могущие преподавать на татарском языке. У нас таких мало или вообще нет. Это говорит о том, что мы оказались в тяжелом положении из-за того, что не думали, как все сформировать в будущем. А будущее формируется в значительной степени усилиями тех людей, которые живут сегодня. Я думаю, что большая вина нашего исполкома как раз заключается в том, что он не смог сформулировать эту задачу и реализовать ее.

РУСЛАН АЙСИН: «У ТАТАРСТАНА ЕСТЬ ЕЩЕ ЧТО ОТНИМАТЬ»

Модератор: Теперь взгляд извне Руслана Айсина, хотя он и был в свое время человеком изнутри...

Руслан Айсин: Да, я был изнутри. И тоже, как аксакалы, похвастаюсь, что участвовал в написании и резолюций, и прочих вещей, возглавлял Всемирный форум татарской молодежи. Вопрос относительно того, что мы по-ленински «два шага назад, шаг вперед» Дамиром Мавляевевицем [Исхаковым] действительно очень правильно был поднят. Но вот какого-то движения сейчас нет. На мой взгляд, главное упущение конгресса заключается в том, что конгресс политически сдулся. Можно бесконечно проводить и сабантуи, и «Диснейленды», и все это превращать в такой постмодернистский шарж, потому что все наши сабантуи никакого чистого отношения к традиционному празднику не имеют. Действительно, сабантуй превратился... Давайте на Мальте проведем? А почему бы нет: на батутах попрыгаем. Или в Австралии? Ну, давайте.

Дамир Исхаков: Здесь явно недооценка Сабантуя.

Руслан Айсин: Может быть, я не хочу концептуально в это вдаваться, но я хочу, чтобы был элемент критики. Потому что получается, что конгресс действительно занимается идеальной оргработой, чего у него не отнимешь, потому что Ринат Зиннурович [Закиров] является человеком с большим и богатым бюрократическим прошлым: комсомолец, в обкоме работал и всю оргработу он прошел, что называется, с молодых ногтей. Он окружал себя хорошими аналитиками и идеологами. Пожалуйста, я буду работать руками, вы – мозгами. Но почему-то эта конструкция не работает. Можно, конечно, бесконечно сетовать на то, что ситуация в стране, вы понимаете, «Единая Россия» и так далее. Но возьмем фактор чеченцев, Рамзана Кадырова – кладем на чашу весов и понимаем, что ни Рамзану Кадырову, ни чеченцам эти тренды политические как-то не очень там. Дело в том, что пассионарный запал у чеченцев выше, они будут стоять до конца: где-то подкупать,

где-то давить. Это же искусство политики. Татарстан очень долгое время козырял тем, что мы искусные политики, что у нас талант идет еще со времен гуннов, мы сейчас вас всех в закулисье переиграем.

Римзиль Валеев: Переигрывая себя.

Руслан Айсин: Переигрывая себя. А оказалось, что не так. Договор-то вот, истек. Нам сколько обещали относительно ЕГЭ? В 2007 г., когда конгресс проводил свой съезд, были выборы в Госдуму, – Шаймиев тогда встречался с Путиным и он обещал, что эти изменения в закон об образовании не будут приняты. Все, татары проголосовали – 99,9%, как и положено. 3 декабря же Путин подписывает этот законопроект. То есть нас на коротком коньке обыгрывали понесколько раз. Почему так получается? То ли у нас отсутствует политическое видение, мне трудно сказать. Но то, что политически мы сдаемся и делаем вид, что мы всегда договоримся, если мы будем заниматься культурой, то нас трогать не будут. Но как сказал когда-то Владимир Владимирович Путин: «Слабых-то бьют». Мы слабеем, и нас бьют. Я думаю, что и дальше будут продолжать бить, потому что у Татарстана есть еще что отнимать. Единственный ресурс, на который Татарстан как политический субъект мог опираться, – это большая татарская община внутри России.

Модератор: Большой Татарстан.

Руслан Айсин: Да, Большой Татарстан. Я его недавно вспоминал, хороший был проект. Надо разговаривать с позиции силы, сейчас татары разговаривают с позиции обороняющегося, слабого, заискивающего...

Римзиль Валеев: Обиженного.

Руслан Айсин: Что касается конгресса татар: я хочу, чтобы конгресс прошел на достойном большом уровне. Но я, честно говоря, собрал мнения некоторых людей из Казахстана, Узбекистана, с теми, с кем в молодежной среде общались, стараюсь донести ряд их тезисов. Они говорят, не стоит проводить один раз в пять лет пышно – собрали генералов, поели, провели Сабантуй, разъехались, – но каждый год или раз в два года. Чтобы это были люди, которые непосредственно в поле работают. И, конечно, усиливать информационно-аналитическое направление. Пример уйгурского конгресса это доказывает: у уйгур в Мюнхене или Берлине огромный пятиэтажный особняк, и там работают до 200 человек, несколько спутниковых телеканалов.

Резюмируя свое выступление, я – за омоложение кадрового состава, о чем я писал на страницах «БИЗНЕС Online», за усиление информационно-аналитической работы, за создание центра по защите прав татар и мусульман, чего, к сожалению, нет у нас, но есть у других народов. Ну и необходимо усиливать роль общественных организаций на местах, перетряхивать тот состав, который там есть. Пришло время.

Модератор: Это про уйгурский конгресс – боюсь, в Мюнхене он имеет такие активы благодаря не себе, а ЦРУ, играющего через них против Китая. Вряд ли татарам такие активы нужны. Но это в качестве ремарки... Если про ваши последние тезисы – это пожелание или ожидание? Какой прогноз? Удастся сделать его каким-то конструктивно-эпохальным?

Руслан Айсин: Есть такая шутка: оптимист учит английский, пессимист – китайский, а татарин-реалист идет на конгресс татар. Я, конечно, ожидаю, но не очень верю.

КАМИЛЬ АБЛЯЗОВ: «МОЛОДЕЖЬ ПРИСТАЛЬНО СЛЕДИТ ЗА ТАТАРСТАНОМ,
СЛЕДИТ ЗА ЕГО УСПЕХАМИ И ДЕЛАЕТ ВЫВОД»

Модератор: Камиль Аблязов – человек, который представляет Большой Татарстан. Что скажете? Из Саратова видно существование Всемирного конгресса татар? Нужен ли он?

Камиль Аблязов: Если подходить к работе конгресса как к обычной организации, то на сегодняшний день это нормальная бюрократическая организация, которая выполняет свою определенную роль с теми или иными плюсами и минусами, где-то быстрее, где-то медленнее, что-то упускает, что-то не упускает. Конгресс свою роль практически выполнил и будет выполнять. Чтобы мы ни говорили, но в целом, если брать бывший Советский Союз, то установлены нормальные связи, выявлены лидеры на местах, в той или иной степени открывшиеся общественной работе.

Придет кто-то на место Закирова или не придет, в любом случае базовый фундамент сделан, то есть надстройка в форме конгресса сама по себе состоялась. Хотя интересный факт – федеральная автономия татар более легитимна по рамкам нашей Конституции, чем конгресс. Но так как там нет той активности, то она отошла на второй план. И конгресс сейчас ассоциируется со всем: и с автономией, и без автономии, за обе организации отвечает. А в регионах много что сделано. Там человек и автономией занимается, и конгрессом, для нас разницы никакой абсолютно нет. Если судить по тому, что сделано за прошедшие 15 лет, то принципиально усилена работа по печатным изданиям, телевидению, налажены контакты с местами в форме доставки информации или приглашению сюда на какие-то конференции, особенно мне нравится, когда приглашают учителей.

Роль конгресса в проведении конференции незаметна, обычное рутинное мероприятие, которое можно отнести к пышному или непышному. Но для людей, которые едут из аула, преподавателей – для них это целое событие. Для них это знаковое событие, как и для детей, для фермеров, которых стали собирать вместе. Это достаточно хорошие мероприятия, отработанные уже во времени, можно недооценить, можно переоценить, можно заставить конгресс заставить махать шашкой или еще что-то делать. В любом случае кристаллизация началась, и она началась, самое интересное, вокруг Татарстана. Молодежь начала понимать слово «Татарстан», что он существует. Пусть это будет один из 500 человек, но он уже относится к этому осознанно. Молодежь пристально следит за Татарстаном, следит за его успехами и делает вывод. Надо побольше рассказывать об успехах и достижениях Татарстана, чтобы люди видели, что в РТ телята рождаются в белых халатах.

Мы наметили выступить от имени конгресса за внедрение наших 6 букв [татарского алфавита] во все паспорта, свидетельство о рождении, военные билеты, вернуть графу «Национальность» в паспорта. Подадим заявки, пойдем легитимным путем через Госдуму. Включим депутатов от Татарстана в этот процесс, и пусть отрабатывают свой хлеб. Записи в документах должны производиться нашим алфавитом. Почему нет?

Римзиль Валеев: Это в тот момент как раз, когда требуют упразднить вкладыши и вообще все, чего мы добились за 25 лет, списать, убрать, ведется такая пропаганда и нажим.

Камиль Аблязов: Пессимизм напрасен. Мы пропустили удар в 90-м г., когда господин Шахрай упразднил эту графу. Но тогда не до этого было. И в этом ничего страшного для нашей страны нет. Это совершенно нормальный подход.

*ФАРИТ УРАЗАЕВ: «ЕСЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ИЕРАРХИИ
ЦЕННОСТЕЙ ТАТАР ЯВЛЯЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ ИЛИ ПРЕДПОСЛЕДНИМ, ТО КОГО
БУДЕМ ОБВИНЯТЬ?»*

Модератор: Фарит Уразаев – человек, который курирует татарский бизнес. Вы смогли бы через призму татарских деловых людей дать оценку деятельности ВКТ.

Фарит Уразаев: Начинал я свое дело с открытия татарских школ и гимназий. Был обеспокоен и чувствовал ответственность перед своими детьми. В высших учебных заведениях открыли татарские группы – мои дети получили образование там. Но сегодня я обеспокоен, озабочен. У меня есть внук. Где будет он учиться? Конечно, есть гимназия имени Марджани в Казани, пока теплится, но мы понимаем, что те тысячи школ, гимназий, которые были открыты, сегодня точно таким же образом в маршевом порядке закрываются – и в регионах Российской Федерации, и в самом Татарстане. Второе. Есть Татарстан – национально-территориальная автономия, есть Всемирный конгресс татар, который занял и занимает место национально-культурной автономии. Между двумя этими субъектами формируется татарская нация. Хорошо или плохо? Себе я бы поставил небольшую оценку – «удовлетворительно».

Модератор: ВКТ?

Фарит Уразаев: Я бы оценил на 10% – мы вложились только на 10%. Возможности у татарской нации колоссальные, потенциал огромный. Время, в которое мы живем, благоволит нам. А многие проблемы у нас остаются. У каждого этноса, у каждой нации есть своя элита, и она необходима для того, чтобы сформировать свою иерархию ценностей татарской нации. Каждый народ так делает, и

мы не исключение. Если национальный вопрос, национальное возрождение в иерархии ценностей татар является последним или предпоследним: кого будем обвинять? Надо обвинять самих себя. В этом отношении я возлагал большие надежды на татарские гимназии и другие учебные заведения, которые должны были сформировать новую современную татарскую элиту.

Насчет татарского предпринимательства. Татарская буржуазия появилась и функционирует вопреки всему, вопреки более агрессивной среде. Они имеют достаточно большой иммунитет. И когда мы говорим о татарской буржуазии, я умом понимаю: она являлась не только татарской буржуазией, она формировала татарскую элиту во все времена. Поэтому я возлагаю большие надежды на тех татар, которые живут в Татарстане, за пределами Татарстана, в странах СНГ, за рубежом. Через определенные структуры они формируются, мобилизуются, и их вклад в возрождение татарской культуры огромен. Они являются прямыми инвесторами татарской культуры. Если вы выйдете в регионы России, если вы окажетесь в конкретном российском татарском селе, там будет несколько предпринимателей, которые содержат это село в полном объеме. Они не только возникли, они стали во главе многих татарских общественных движений. И когда появляется татарский капитал, появляется новая идеология за пределами Татарстана.

ШАМИЛЬ АГЕЕВ: «Я СЧИТАЮ, ТАКТИЧЕСКИ КОНГРЕСС ТАТАР И РИНАТ ЗАКИРОВ РАБОТАЛИ ОЧЕНЬ ПЛОДОТВОРНО»

Рашид Галямов: Шамиль Агеев. Торгово-промышленная палата, которую вы возглавляете, является такой же наднациональной структурой, как и ВКТ. Это такая же уникальная структура. Как вы видите, Шамиль Рахимович, из ТПП проблемы ВКТ и шире татар, татарского бизнеса?

Шамиль Агеев: Всегда вспоминаю ленинскую фразу: «Не решив общий вопрос, всегда будешь наткаться на частности». У нас в стране, в России, не решен вопрос, как развиваться – федеративно или унитарно. Сейчас дело склоняется к тому, что есть один на троне и ручное управление. Это тема договора.

Возвращаясь к конгрессу татар: есть стратегические и тактические цели. Стратегические цели я затрагивать не буду. А тактически, я считаю, очень неплохо работают с селом. Ежегодные съезды татарских предпринимателей – наглядный пример. Они заряжаются здесь энергией. А молодежный форум? «Селигер» – это одно. А здесь столько татар собирается со всего мира, общаются между собой. Мне по роду работы приходилось встречаться с татарами по всему миру. Я вам скажу, роль нашего конгресса татар и уважаемого Закирова очень большая. Во Франции собрать около тысячи татар! Естественно, с помощью нашего президента. То же самое – в Германии, в Англии и в других странах. Там везде идут не такие показушные встречи – там люди свободные, они в лоб вопросы задают. Там нет такого авторитета в лице органов государственной власти.

Модератор: То есть содержание встреч есть?

Шамиль Агеев: Отдача большая, и встряхивает очень здорово!

Потом я долго размышлял о сабантуях. У меня тоже вначале было: «Сабантуй, ну что это такое? Сабантуй – это праздник труда и прочее». Но если посмотреть с точки зрения Татарстана, есть Каравон, где собирается одно направление, есть Питрау, где собираются крышены, Уяв – собираются чуваша. Если с этой точки зрения очень важно посмотреть на Сабантуй как на возможность преподнести информацию о татарской нации, о ее возможностях. Другое дело вам самим оценивать, как развиваться конгрессу татар. В любом случае, сейчас идти по пути конфликта с властью... Нужно власть обнимать в объятьях, искать выход через этот путь. Сейчас ситуация такая – в той же Думе можно оставить четырех человек от каждой фракции и они будут голосовать и выбивать. И зря вы надеетесь на них в своих вопросах – там сейчас система такая. Этот момент нужно по-другому раскрутить. И в этом отношении конгресс татар не для того, чтобы противопоставлять.

Как будет развиваться Россия, как будет развиваться экономика? Так развиваться сложно. Есть миф, что у нас налоговые послабления по сравнению с другими. У нас сейчас такой жим в государстве: зажимается предпринимательство – в полном смысле слова. Молодежь не идет в предпринимательство. И вот то, что есть такие люди, как Камилль Аблязов, которые занимаются

и подтягивают, – это большой пример. Они показывают, что можно стоять и к чему-то стремиться. Наша задача сейчас – дать возможность, чтобы татарское предпринимательство подтягивать. Не случайно говорят, что у татар быстрее кровь бежит. Поэтому вопрос поднимается очень серьезный. На него ответов нет. Я считаю, тактически конгресс татар и Ринат Закиров работали очень плодотворно. Стратегически должны определиться: как работать с другими регионами, усилить давление на центр или нет? Это опять вопрос договора. Но в этом отношении татарскую нацию нельзя противопоставлять другим, ее надо подтягивать, и татарская нация должна объединять рядом и удмуртов, и чуваш, и прочих, чтобы показать, что мы должны жить в федеральном государстве, где должен быть закон и развитие каждой национальности по Конституции РФ. А то, что упустил конгресс татар, – это явно закрытие пединститута и особенно Елабужского пединститута.

*АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «ВОПРОС ТАТАР, ПРОЖИВАЮЩИХ В
БАШКОРТОСТАНЕ, – ЭТО СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВОПРОС»*

Модератор: Спасибо большое! Айрат Файзрахманов – наш активный блогер, активист, заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи.

Айрат Файзрахманов: Что хорошего в конгрессе – он дает работать молодежи, нет давления: делайте то или это. У нас есть свобода, и она позволяет создавать такую творческую атмосферу. Но все же получается так, что конгресс собирается принимать решения на 5, а то и на 10 лет, нам – молодежи – с этими решениями жить, а решения принимаются зачастую без нашего голоса. Наверное, это не есть хорошо. Созыв Форума татарской молодежи был прекрасным шагом к созданию кадрового резерва. И где сейчас этот резерв в конгрессе – первые три председателя Форума и другие? Они для конгресса пропали, но не для татар.

О плюсах много было сказано, я со всеми ними соглашусь, «сабантуйная дипломатия» важна, главное, чтобы не доходило до кича, чтобы на Сабантуе не танцевали танцовщицы ночных клубов и темнокожие. Многообразие культур – это хорошо, но все-таки необходимо в первую очередь транслировать именно свое национальное, чтобы они были в центре национального праздника. Есть сабантуи, где веселятся, но нет жыенов, когда собирается несколько деревень и решают насущные и важные проблемы.

Модератор: Как урожай будем делить, да?

Айрат Файзрахманов: Да, в качестве такого принципа работы. Ну и тут говорилось, что татары действуют на основе договоренностей, договора. Это тоже хорошо, это тоже важно: мы показываем пример другим народам. Но в истории очень часто происходит так, что договаривались, договаривались, а в итоге, например, в середине XVI в. договаривающиеся татарские ханства исчезали. Поэтому в условиях достижения каких-то договоренностей надо пользоваться моментом. К сожалению, мы не воспользовались моментом в отношении татарского университета, как уже говорилось. Не совсем все взяли от татарских школ, а они находятся сейчас не сказать, что в худшем состоянии, но они менее конкурентоспособные, чем, например, русскоязычные. Это факт, и, я думаю, на этом должен быть сделан главный акцент на конгрессе. Нужно и важно говорить о национальном образовании, о национальной школе: как сделать ее конкурентоспособной, как сделать так, чтобы, действительно, не заставлять изучать татарский язык, а чтобы это было приятно, чтобы это было для молодежи, так скажем, fun. Важно об этом говорить, важно намечать шаги к этому. Что касается татарского университета, я бы конкретный шаг предложил. Есть ощущение, что КФУ не заинтересован в национальном образовании. Но есть, например, строительный университет, где до сих пор действуют татарские группы. Нужно транслировать этот опыт, нужно на совет ректоров с участием президента выносить вопросы о татароязычном высшем образовании. Это даже можно было бы включить в резолюцию конгресса.

Очень хотелось бы, чтобы конгресс прошел под знаком 100-летия создания национально-культурной автономии татар, которая впоследствии переросла в территориальную автономию. 100 лет тому назад это было событие чрезвычайной важности, хотелось бы, чтобы конгресс напомнил об

этом. Еще из вопросов, который, к сожалению, я здесь не услышал, – это вопрос татар, проживающих в Башкортостане, это тоже стратегический вопрос. К сожалению, на мой взгляд, конгресс здесь сделал еще недостаточно шагов. Мы знаем, что сейчас пошло какое-то обострение, что башкирский конгресс, в свою очередь, протестует против участия татар в общественно-политической жизни Башкортостана. Может быть, нужно садиться за «круглый стол» и разговаривать. Еще говорилось о татарской буржуазии. Я также считаю, что это то, на что можно опереться. Это пример самоорганизации, и татарам на местах не всегда хватает этой самоорганизации. Есть и патерналистские чувства, особенно в самом Татарстане – чем больше будет самоорганизации, чем больше будет ее примеров, связанных не только с бизнесом, но и с общественными организациями. Еще важный момент. Много говорим о сабантуях, но практически не развивается городская татароязычная культура. Понятно, что конгресс не может отвечать за все, он не может сам создавать пьесы и играть в театре, но говорить, создавать какие-то экспертные группы, которые вместе с уполномоченными лицами решали бы эти вопросы, нужно.

Замечу единственный минус: те стратегии, концепции, которые создавались конгрессом, – очень интересные документы, но далеко не все реализовались. И они делались в немного закрытой среде. Нужно, чтобы татарские сообщества как можно шире участвовали в общественных дискуссиях, вместе создавали, проводили какие-то стратегические сессии. Тогда организации будут втянуты в это работу, а не только сверху получали бы указания, как им действовать на местах.

И последний момент относительно татарских школ. Мы говорим, что отсутствие ЕГЭ на татарском языке превратило школу в то, что мы имеем, что татарский язык преподается, а другие предметы на татарском языке не преподаются. Это большая проблема. Но с Ильдаром Ирековичем Гильмутдиновым была встреча, где он сказал, что у их комитета есть наработки по созданию законопроекта по введению ЕГЭ на национальных языках в РФ, но, по его словам, нет соответствующей инфраструктуры.

Шамиль Агеев: Вместо того чтобы ЕГЭ совсем кончать.

Дамир Исхаков: Какой инфраструктуры нет?

Айрат Файзрахманов: По его словам, нужно садиться и Министерству образования, и конгрессу татар, и ему как представителю комитета Госдумы и решать, как должна быть создана эта инфраструктура: инфраструктура перевода, инфраструктура ФИПИ.

Руслан Айсин: Это вопрос политического решения Кремля, давайте прямо об этом скажем.

Айрат Файзрахманов: Об этом нужно говорить на конгрессе и подталкивать к принятию такого решения.

Руслан Айсин: Конечно! Должно быть политическое решение конгресса.

(Продолжение следует)

*Источник: «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/353162>,
1 августа 2017.*

* * *

«ДОГОВОР СЕЙЧАС – ЭТО МЕЖА, НАД КОТОРОЙ УЖЕ НОГА ЗАНЕСЕНА МОСКВОЙ, ЧТОБЫ РАЗДАВИТЬ»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: почему татарская буржуазия отходит от принципов, как евреи хранят иврит и прав ли Путин? Часть II

В преддверии съезда Всемирного конгресса татар на «круглом столе» в редакции «БИЗНЕС Online» эксперты анализировали слова Владимира Путина об изучении неродного языка в школах, а также дискутировали о том, станет ли серьезной потерей отказ Москвы продлить Договор о разграничении полномочий с Татарстаном. В чем смысл этого документа и как сохранить татарский язык – об этом во второй части стенограммы встречи в редакции нашей газеты.

Участники «круглого стола»:

Камиль Аблязов – предприниматель, глава национально-культурной автономии татар Саратовской области.

Шамиль Агеев – председатель Торгово-промышленной палаты РТ.

Руслан Айсин – политолог.

Римзиль Валеев – журналист, общественный деятель.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член Исполкома Всемирного конгресса татар.

Фарит Уразаев – исполнительный директор Всемирной ассоциации содействия татарским предпринимателям.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи.

Модератор: Рашид Галямов – «БИЗНЕС Online».

ШАМИЛЬ АГЕЕВ: «Я ЗА ДОГОВОР ИМЕННО В ТОМ ПЛАНЕ, ЧТОБЫ УРЕГУЛИРОВАТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ»

Модератор: Я предлагаю рассмотреть еще два важнейших вопроса. Жизнь нам подбросила накануне конгресса два острейших информационных повода, нам нужно определиться и как-то отвечать на эти вызовы и, понятно, конструктивно. Что делать Татарстану в условиях непродления договора (а это долгие годы был такой некий политический каркас), какая стратегия элиты должна быть, национальной интеллигенции? Какие прогнозы? Это первый вопрос. И насколько реальная угроза для Татарстана в плане сохранения двуязычия и даже межнационального согласия, для татарстанских школ (где свой сложился хрупкий баланс) на фоне последних заявлений первого лица страны («Заставлять человека изучать язык, который родным для него не является, – так же недопустимо, как и снижать уровень преподавания русского»)?

Шамиль Агеев: Договор всегда нужен. В любом случае надо договариваться. Договор нужен между властью и бизнесом всегда, договор нужен между центром и местными. Договор всегда один. Меняется человек, но договор, когда остается, есть возможность вернуться. Это менее волюнтаристическое дело. Другое дело, что в договоре должно быть так, чтобы не расшатывались устои государства, чтобы ни у кого не было права на выход и прочее.

А по двуязычию – беда: катастрофически сокращается количество носителей татарского языка. И почему? Потому что не хватает методик, которые могут обучить татарскому языку. Этим нужно заниматься. Я знаю, что их разработкой сейчас активно занимаются, их и президент поддерживает. Почему нужно учить татарский язык? Это зависит от нас. Мы учили татарский язык на слух – разговорный слух, и сейчас у ребят есть желание его учить. А получается так, что английский и немецкий языки учить можно, а татарский? Эта фраза Путина пока непонятная.

Модератор: Как вы считаете, изучение татарского языка в школах должно быть все-таки по желанию?

Шамиль Агеев: Я думаю, что в школе нужно всем дать возможность учить язык. Не только английский, но и татарский.

Модератор: Это должна быть возможность или все-таки обязанность?

Шамиль Агеев: В Татарстане – в национальной республике – должна быть обязанность.

Модератор: Уточните ответ по договору. Наверное, бизнес должен с государством договариваться. Хотя мы не видим, как он договаривается...

Шамиль Агеев: Договаривается. Есть много площадок, та же налоговая реформа.

Модератор: Как-то неформально договаривается, и договор постоянно меняется. О чем должен быть договор между Татарстаном и Россией? Какое содержание должно появиться в новом договоре? Есть вообще какое-то содержательное зерно? Может, раньше надо было договариваться?

Шамиль Агеев: Все содержательное зерно давно растворилось.

Модератор: Вы признаете это?

Шамиль Агеев: Совершенно верно. Было так: еще Евгений Васильевич Примаков ввел бюджетное правило 50/50. Дедушкина оговорка, чтобы не ухудшалось положение. А то получается

так: приходит новое руководство, новый министр и начинает эти договоренности выравнять. В этом отношении договор нужен не только между Татарстаном и Россией, а договор нужен между регионами и центральной властью, это необходимо. А в качестве примера можно начать с Татарстана, делая упор на экономическую часть. Естественно, учитывая, что Татарстан, татары – вторая нация, нужно добыть возможность больше поддерживать национальное образование в других регионах, это тоже должно быть законодательно закреплено. Та нагрузка, которая в этой части ложится на Татарстан, должна быть прописана.

Модератор: А в договоре этот момент был? Его, по-моему, не было?

Шамиль Агеев: Мы сейчас не берем того, что было и чего не было. Мы говорим, что договор все-таки дал возможность Татарстану почувствовать себя второй нацией. Сейчас, может быть, такой необходимости нет, но я за договор именно в том плане, чтобы урегулировать взаимоотношения между центром и регионами.

Модератор: Стоит ли вообще будоражить сейчас? Есть еще непростой внешнеполитический контекст, непростые времена для страны, санкции и чуть ли новая холодная война с Западом, а тут татары со своими «хотелками».

Шамиль Агеев: Не стоит.

Модератор: Стоило ли сейчас Москве делать жесткие заявления в адрес Татарстана?

Шамиль Агеев: А кто жесткие заявления делал?

Модератор: Москва, которая не хочет продлевать, это тоже некая жесткая позиция.

Шамиль Агеев: Пока мы ни от кого ничего не слышали.

Модератор: Но там не хотят, это же видно. И есть ощущение, что это может принести некую нестабильность, к сожалению. И не только в регионе...

Шамиль Агеев: Не принесет.

Модератор: И что делать Татарстану в этих условиях?

Дамир Исхаков: Не надо думать, что Кремль имеет только одну башню, там разные взгляды есть.

Фарит Уразаев: Правовая основа, правовая законодательная база, которую Татарстан взял с 1990-х гг. за основу, естественно, дала свои плоды. В этом направлении в дальнейшем нужно работать и двигаться. Потому что мы – татары – живем в России, Россия – это наш дом, Конституция РФ защищает наши права. Я налогоплательщик, я формирую гражданское общество, мои права на основе Конституции должны защищаться. Государственные языки в РТ – татарский, русский. Государственные языки обязательны к изучению в школах.

**КАМИЛЬ АБЛЯЗОВ: «ЕСТЬ ДОГОВОР ИЛИ НЕТ ДОГОВОРА – МЫ ЖЕ НЕ
КОНЧАЕМСЯ, НЕ ИСЧЕЗАЕМ. МЫ ПРОДОЛЖАЕМ СВОЮ РАБОТУ»**

Камиль Аблязов: Пессимизмом веет от этого всего...

Модератор: В Саратове, в Уфе знают о существовании договора, придают ему какое-то сакральное значение?

Камиль Аблязов: Конечно, мы же подписи собирали – около 38 тыс. Я хочу сказать другое. Договор, если он не противоречит Конституции нашего государства, договор между субъектом и центром, дополняющий Конституцию, с изменениями, не противоречащими Конституции, – да на здоровье! Там можно предусмотреть любые вещи, которые не противоречат Конституции, – какого цвета рубашки носить и т. п. Или то, что ты имеешь право сажать просо вместо пшеницы – пожалуйста! И второе. Я, конечно, понимаю, что договор нужен. Но есть договор или нет договора – мы же не кончаемся и не исчезаем. Мы продолжаем свою работу.

Модератор: Саратовская область живет прекрасно, по-моему, без договора?

Камиль Аблязов: Не в этом дело. Я имею в виду, что взаимоотношения между татарскими общинами в регионах развиваются. Линейная связь между регионами не поменяется.

Теперь о языке. Мы не должны забывать, что скрепами нашего государства являются, допустим, железная дорога, энергетика, трубопроводы, водные и сухопутные пути. И язык. Если мы

представим, что мы все общаемся на наших 150 или 160 языках – вся страна, мы понимаем, что мы окончательно и бесповоротно отстанем от мира всего. Поэтому возражать против того, что русский язык будет одной из скреп, я считаю, бессмысленно, если мы вообще уважаем землю, на которой мы живем.

Модератор: На это вообще никто не возражает. Великий и могучий язык мы все знаем, ценим, и он есть наша неотъемлемая часть в жизни, хотим мы того или нет. У нас дискуссия немного о другом. Дискуссия в том, нужно двуязычие в школах или не нужно? Или, допустим, русские не хотят изучать татарский – ну и не надо. Дают татарам возможность изучать татарский язык – это уже благо. Как считаете?

Камиль Аблязов: Двуязычие обязательно! Зная оба языка, ты пойдешь на фронт защищать не только Татарстан, допустим, против НАТО...

Модератор: Для татарина – понятно, обязанность, а для русскоязычного? Он обязан в республике изучать татарский язык или пусть не изучает?

Камиль Аблязов: Также как и английский. Хочет английский знать – изучает, хочет татарский знать – изучает.

Модератор: Нет, с английским вариантов нет. Сейчас в школах ты обязан изучать английский, как и математику.

Камиль Аблязов: А зачем русскому учить татарский язык, если мы все равно разговариваем по-русски? Это раз. Во-вторых, мы изучаем свой язык, татарский, не для того чтобы не разговаривать по-русски. Мы его изучаем чисто на генном уровне, потому что мы хотим, чтобы наши дети из нашего набора, который я усвоил на 70% от родителей, чтобы они усвоили хотя бы на 70% от меня. Возможно, мы дойдем до такого периода, когда наше преподавание по татарскому языку будет достойно. Но сейчас, на сегодняшний день, по опыту гимназии я вам скажу, что при трехчасовом обучении в неделю и продолжении в семье, базой литературного языка ребенок овладеет спокойно. Но научного языка, конечно, у нас нет.

Модератор: То есть ваш ответ – навязывать татарский русским детям не нужно. Вы с Путиным согласны?

Камиль Аблязов: Абсолютно, а почему нет? Он как гарант Конституции обязан удерживать страну в порядке. В порядке она удерживается скрепами, скрепы я вам назвал. Одна из них – это язык. И он обязан, чтобы все разговаривали на этой территории на одном языке.

РУСЛАН АЙСИН: «ТАТАРСТАН – ЭТО ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КРЮЧОК, КОТОРЫЙ НЕ ДАЕТ РОССИИ ОКОНЧАТЕЛЬНО ВПАСТЬ В ПУЧИНУ ТОТАЛИТАРИЗМА»

Модератор: Руслан, пожалуйста: перспективы Татарстана в условиях не заключения договора, на ваш взгляд, и вообще нужен ли такой договор и что такое договор, кроме некоего символического капитала? И есть ли угроза для двуязычия в республике?

Руслан Айсин: Что касается символизма, мы все понимаем, что реальность формируется из символов, что мы ее дешифруем через символы, через такие вот знаки, крючки, за которые мы цепляемся. Татарстан юридически должен на чем-то цепляться, здесь никаких других мнений быть не может, по крайней мере, у политически ангажированных татар. Договор, естественно, нужен. Я бы еще так сказал и предлагаю продвигать эту тему в публичном поле: федеративное отношение Татарстана является сейчас последним крючком, как выражался Черкесов «чекистский крючок». Я скажу так: Татарстан – это демократический крючок, который не дает России окончательно впасть в пучину тоталитаризма.

Договор сейчас – это та межа, тот рубикон, вот уже нога занесена Москвой, она уже готова ее раздавить. Но пока еще она не растоптала, надо биться. Не по принципу, конечно, слона и моськи, но все-таки проявлять активность. Здесь встает вопрос о чем – о политической ангажированности, есть ли она у нас. Я, когда работал в конгрессе, очень много дискутировал на тему того, что первично. Конечно, не курица и яйцо...

Модератор: Деньги или идеи, да?

Руслан Айсин: Да. Все куплю, сказало злато, всех убью, сказал булат. Я тогда настаивал на том, что главное – это политические активисты общественной организации. Почему? Да. В Татарстане это очень размытая тема, но политические активисты, как кшатрии – воины, которые горят сердцем и идут за идеей. Татарская буржуазия, не в обиду будет сказано здесь присутствующим, но если кого-то прижмут, может отойти от своих принципов. А политический общественник, активист, который встал на этот путь, он встал на него сознательно. Его будут давить, он будет и сидеть и все такое, но от своих идей не отступится.

Камиль Аблязов: Любой буржуа отойдет от своих принципов. Капитал всегда тормозит.

Модератор: Конечно. Капитал самый компромиссный. Третье сословие – там всегда компромисс.

Руслан Айсин: Я не выступаю против третьего сословия. Третье сословие должно быть всегда. При этом прослойку политических активистов Татарстан должен поддерживать обязательно.

Модератор: Она вообще отсутствует по факту, по-моему, у татар.

Руслан Айсин: А ее нет. Ее нет, потому что ее разгромили: разгромили ВТОЦ, скажем открыто, разгромили Милли Меджлис.

Модератор: «Разгромили», наверное, все-таки громкое слово. Скорее он, как снег, растаял, а никто это искусственно не культивировал, не взращивал в надежде, что в перспективе такие политические инструменты могут понадобиться республике.

Руслан Айсин: Потом у нас общий уровень политической культуры снизился и у руководства Татарстана. Когда Фарит Хайруллович Мухаметшин говорит, что договор – это о том, кто будет строить туалеты или больницы, я извиняюсь, ну что тут можно сказать? Развернуться и уйти. Потому что на этом политический проект Татарстана можно закрыть. Но так, конечно, мы думать не должны. Мы все-таки оптимисты.

Переходя на двуязычие, приведу пример государства Израиль. Отсутствующий здесь Фатих Саубанович [Сибатуллин] очень любит эту тему. У евреев есть чему учиться, особенно у них богатая история. Когда эллинский мир наступал на еврейский, иудейский мир, была большая проблема, потому что евреи переходили на греческий язык. Эллины учили их науке, они были восхищены Платоном, Порфирием, язычниками, они уходили в этот мир. И там выкристаллизовалась эта группировка, так называемые хасидимы – святые, или как бы у нас сказали «аулия». Они взяли на себя эту ответственность, это политическое бремя лидерства. А когда через столетия встал вопрос о потере евреями языка и когда сформировался так называемый идиш, что сделали евреи? Как мотивировать обучению татарскому языку? В данном случае как было у евреев? Как? Не загощишь. Все очень просто. Татары тоже любят деньги. Евреи выплачивают огромные гранты тому, кто изучает еврейский язык. Иврит, не идиш, они отходят от идиша. У татарской буржуазии есть большой капитал. В Саратовской области пошли таким путем, в Астраханской. Это прекрасные примеры. Но это надо распространять. И Татарстану нужно создать большой фонд, который бы этим целенаправленно занимался.

Модератор: Все-таки двуязычие, что сейчас будет с нашими школами, на ваш взгляд? И вообще нужно ли русскоязычным детям навязывать изучение татарского языка?

Руслан Айсин: Обязательно нужно, потому что если не навязывать, это чисто детская психология: если ты ребенку не будешь навязывать, он откажется от всего. Свободная форма обучения – это неправильно, потому что у нас народ ленивый. Нужно, потому что это сохранит среду и психологический тонус вокруг татарского языка. Потому что, когда откажутся русские, я вас уверяю, 50% родителей-татар тоже скажет: «А зачем нам? Ребенок устает, рюкзак тяжелый...»

Модератор: Они и так якобы учат: на двойки, на тройки знают...

Руслан Айсин: А так вообще рукой махнут.

Модератор: Может быть, тогда силы, энергию направить на методики, на привлекательность? Я должен учить, делаем это полным и нужным, а остальные присоединятся?

Руслан Айсин: У нас была такая идея, что нужно создать трехязычную гимназию – англо-русско-татарскую – и сделать ее привлекательной. Не получилось.

ДАМИР ИСХАКОВ: «ЭТО ЖЕ ОЗНАЧАЕТ ФАКТИЧЕСКИ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ»

Модератор: Хорошо, спасибо. Дамир Мавляевеич, ваш экспертный взгляд как опытного политбойца особо ценен. Нужно ли нам вообще цепляться по сути за «бессодержательную бумагу», как некоторые договор называют?

Дамир Исхаков: Вам только кажется, что это бессодержательная бумага.

Модератор: В чем ее содержание? По пунктам?

Дамир Исхаков: Проблема в том, что мы пережили определенный процесс и постепенно уступали свои позиции. Это видно по тому, каким образом менялось содержание этого договора. По мере проседания татар договор становился все менее и менее содержательным. Но в этом договоре зафиксирован один очень важный момент, который внешне не виден. Этот договор на самом деле определяет особый статус татар в Российской Федерации. Мы, татары, являемся особой нацией на этой территории. Никто не смог удержать эту позицию. Мы удержали, потому что за нами есть история и значимость татар в этом обществе.

Модератор: В каком пункте это зафиксировано в договоре?

Дамир Исхаков: Это не имеет значения в самом факте, потому что мы удержали эту позицию, хотя и не вполне сохранив содержание, но свою позицию мы удержали.

Модератор: То есть мы договариваемся с Москвой о чем-то, сами не зная о чем, и этим гордимся?

Дамир Исхаков: При чем тут гордость? Это место татар в России фиксируется, федеративная часть российского сообщества. Мы все время занимали в этом пространстве особое место. Сама Россия возникла изначально из того, что татары и русские начали объединяться разными способами, и Российская империя стала империей именно из-за этого.

Модератор: Безусловно, что мы – это нация, формирующая империю.

Дамир Исхаков: И даже Проханов признает, что татары являются государствообразующим этносом в Российской Федерации. И если мы сейчас сдадим этот договор в пользу тех кругов, которые не хотят иметь, на самом деле, здесь совершенно правильно сказали, мы, во-первых, собственную позицию потеряем в РФ. Во-вторых, сама Россия перестанет быть федерацией. Очень много желающих сделать Россию нефедеративным государством. Очень много, потому что вертикаль все больше вертикализуется, из-за этого мы в дальнейшем будем иметь еще больше проблем.

Второе: хотя некоторые думают, что договор не имеет значения, я думаю, что договор имеет значение. Я только один пример приведу. За пределами Татарстана много школ, в которых изучают татарский язык. Вопрос: как туда поставить учебники татарского языка и литературы? Вроде бы самый элементарный вопрос, но механизм построить можно только через договорные отношения. Иначе как получается? Татарстан свой бюджет использует на издание этих учебников, хотя у нас дополнительных средств на это нет. Мы у кого-то отнимаем из нашей республики и раздаем учебники за пределами Татарстана. А ведь мы обучаем тех детей, родители которых выплачивают налоги там. Эти деньги должны нам возвращаться. Если мы договор составляем, мы вот такие конкретные вещи тоже должны прописывать. Или же культурное взаимоотношение между Татарстаном и регионами, где были бы учтены татарские интересы. Это же тоже межрегиональные договоры, и они должны быть обозначены и в нашем большом договоре с центральной властью. Тогда этот договор станет более содержательным.

Поэтому я за то, чтобы договор, во что бы то ни стало, сохранить. И нужно иметь в виду, что, если договор наш сейчас исчезнет, следующим шагом будет ликвидация поста президента как обязательного атрибута, а потом придут и за большим. Наш знаменитый генерал Махмут Гареев как-то с трибуны Академии наук сказал: «Ничего обратно не отдавайте того, что взяли». И указал пальцем в зал. Мы тогда как раз начали раскручиваться в обратном направлении. Бабай-то старый, очень опытный вояка и штабист, и, я думаю, что прислушиваться можно было.

Модератор: Включите прагматизм. Судя по тому, как складывается ситуация, скорее всего, договора не будет, уже по всем сигналам понятно. Ваш прогноз: как это повлияет на ситуацию в России и в Татарстане?

Дамир Исхаков: В худшую сторону. Если договора не будет, мы будем иметь дальнейшую вертикализацию, в том числе и потерю Татарстаном своих занятых позиций. На нас давление усилится, и сигнал, который нам дан по языковым вопросам, – это следующий шаг.

Модератор: Уточняющий вопрос. Как татарину, как патриоту России, неужели для вас важно, что глава нашей республики называется англоязычным словом «президент»? Скажите, это настолько принципиально?

Дамир Исхаков: Это атрибут государственности. Если мы хотим превратиться в рядовую российскую область, тогда это не имеет значения. Но если мы хотим иметь то, что мы завоевали, в тяжелой битве, кстати... Может быть, не все знают, как нам приходилось все это выколачивать. Если мы хотим все это терять, тогда да, мы должны лечь на дно и успокоиться на этом. И через некоторое время через нас пройдут танки, от нас может ничего не остаться.

Фарит Уразаев: И трубы отойдут, и рельсы отойдут, и водные пути...

Модератор: Давайте теперь к теме языков.

Дамир Исхаков: Что касается заявления Путина, я думаю, что это не просто ошибочный ход со стороны Президента РФ. Я думаю, это непродуманное использование чьих-то идей, которые были Президенту навязаны, а он серьезно не вдумался в это, и это очень опасный шаг. Во-первых, чисто формально как это проделать? Для того чтобы этот тезис Путина реализовать, нам придется менять татарстанскую Конституцию и закон о языках. Причем нужно будет отменять решения Конституционного суда РФ, который признал равноправие преподавание двух языков в Татарстане, все это в комплексе. Это же означает фактически конституционный переворот! Во-вторых, чисто содержательный момент: один из основоположников немецкой национально-культурной автономии, который жил в Австро-Венгерской империи, а там немцы преобладали и были господствующей нацией, сказал: «Немец, живущий в Чешской области, где чехов много, должен обязательно знать чешский язык, иначе он будет неконкурентоспособен в политической борьбе. Ибо чех знает оба языка, а немец только один, а политическая борьба идет на двух языках». Потому что народ-то здесь на чешском говорит.

Это абсолютно относится и к Татарстану. Вот если русский, который здесь живет, будет знать один русский язык, в политическом пространстве будет мало дееспособен, потому что он будет апеллировать только к русской массе, а как он будет с татарами разговаривать, скажем, в сельских условиях? Или вообще с татароязычным населением? Тем самым мы сужаем, урезаем возможности русскоязычной общины в Татарстане. Вот с этого бока если подойти, я бы на месте русских Татарстана, наоборот, ратовал за то, чтобы русские дети очень хорошо знали татарский язык. Тогда бы они заняли равноправное положение, в том числе зная и татарскую информационную сеть, культуру изнутри. Это помогло бы им вписаться в это пространство. Это есть способ выживания в многоязычной среде.

Дальше очень важный момент, который необходимо иметь в виду, когда мы языковой вопрос поднимаем. Я по опыту знаю, что тех людей, которые кричат из среды русскоязычного населения, что не надо нам изучать татарский язык, на самом деле мало, процент их мал. И русские учителя, которые преподают в русских гимназиях, говорят: «Дети изучают татарский язык, и это хорошо». Многие русские так говорят! Я сам слышал даже во время дискуссий, которые здесь проводились, из уст русских преподавателей. Поэтому если государство хочет этот момент ликвидировать, то оно будет, во-первых, не на пользу региональным русским. Почему – я уже сказал. Во-вторых, это опять усилит вертикаль власти, и тогда России не видать федерализации. И, в-третьих, мы создадим ситуацию напряженности в этом политическом пространстве. Вот смотрите, в Татарстане, как только он возник в 1921 г., сразу два языка объявили государственными, потому что это стержень государственности. Если русская община выключается из этого процесса, один из государствен-

ных – татарский – остается только для татар, это уже не государство, это рядовая область РФ, каких много. Оба языка должны функционировать на равных, в том числе и в политической жизни, и в СМИ. Поэтому я думаю, что против той тенденции, которая сейчас обозначена высказыванием Путина, Татарстан должен жестко держаться и все время говорить о своей позиции. И Всемирный конгресс татар во время своего съезда должен свою позицию обозначить достаточно четко по этому вопросу.

Модератор: Вы думаете, эти вопросы будут подниматься на конгрессе?

Дамир Исхаков: Я думаю, будут.

Модератор: Есть кому?

Дамир Исхаков: Естественно. Зря вы думаете, что татары, которые за пределами Татарстана живут, на эти вещи не обращают внимания. Вот сегодня Камиль Алимович немного по-своему высказался, но многие татары так не считают. Они смотрят на Татарстан, и эти отрицательные тенденции, которые могут произойти, оценивают и соответствующим образом высказываются.

Камиль Аблязов: Не знаю. Татарский язык и мы в своих школах и детских садах пропагандируем, развиваем и используем. И от того, что мы уже знаем русский язык, ничего не меняется.

Дамир Исхаков: Здесь речь не о вас, а о русских, которые живут в Татарстане. Немножко другая ситуация.

Камиль Аблязов: Русские в Татарстане... Мы сейчас все упираемся в технико-тактические данные будущего – в распоряжение министра, Госдумы. Кто-то из самых инициативных будет учить вместе с нашими детьми татарский язык, кто-то не будет. Мы что за них сейчас заранее говорим? Что они сейчас сразу все уйдут из класса? Нет, конечно. Половина детей наверняка скажут: «Учите». Слишком много пессимизма.

РИМЗИЛЬ ВАЛЕЕВ: «МЫ, К СОЖАЛЕНИЮ, ПЛОХО ОБЪЯСНИЛИ И СВОИМ ТАТАРАМ: ТАТАРИН С ТАТАРИНОМ, ДРУГ С ДРУГОМ ГОВОРЯТ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ!»

Римзиль Валеев: Камиль Алимович, ролик такой в Интернете гуляет: Чулпан Хаматова рассказывает про свою юность, про свои школьные годы, о том, почему у нее появилось отвращение к татарскому языку. Она говорит: «Дети уходят, мы трое оставались (татарские дети), и учительница нас учила. Мы ее называли Гитлером, потому что она чуть-чуть усатая была и очень злая, говорит, была».

Камиль Аблязов: А где она училась?

Римзиль Валеев: В Казани. Именно татарских детей, она говорит. Потому что в то время русские дети уходили, а татарам – татарский язык, пожалуйста, учите. Так что, Камиль Алимович, ваши такие мечтания о том, что в семье немножко поговорил, ребенка обрезал и он стал татарин... Нет, дети становятся такими, какая их среда. Сын Рустама Нургалиевича [Минниханова] Искандер, когда сходил два раза в садик, вернулся домой с русским языком. Президент Татарстана на совещании это говорил, по телевизору показывали.

Модератор: Что он сказал?

Римзиль Валеев: Он сказал: «Мой сын пошел в детсад, забыл татарский, пришел с русским языком». Не только он, все дети! На улицу сходят, в детсад, в татарскую гимназию сходят и возвращаются с русским языком. Поэтому язык существует – я как филолог могу сказать – в среде и усваивается, удерживается в среде. И поэтому выход по поводу русских – учить/не учить – будет один: принудительно не научишь, но обязательно должен быть порядок. На работу как у нас устраивают? По конкурсу. В управленческой, гуманитарной среде там, где язык нужен, обязательно должен победить двуязычный.

Модератор: Я вам больше скажу. В нашей компании полгода искали офис-менеджера с татарским языком, полгода не могли найти человека (и вопрос был не в окладе). Это в плане того, что уже сейчас мы имеем с реальным двуязычием...

Римзиль Валеев: Как только у нас высшее руководство, депутаты, чиновники, там, где есть половина татар, заговорят наполовину на татарском... У нас Президент и Фарид Хайруллович Му-

хаметшин дают интервью на двух языках, они вставляют фразы, они должны легко переходить с одного языка на другой везде. И русские не должны обижаться на это. Как наша русская секция в Союзе писателей уходит из зала, когда начинают говорить по-татарски. Они говорят: «Мы этого не понимаем». На писательском собрании такая традиция – как только появляются один-два русскоязычных, все татары, включая имеющих высший литературный язык, переходят на русский – и все. На язык одного человека!

Поэтому этот спор еще мы не начали, как следует. У нас аргументы слабоваты. Мы, к сожалению, плохо объяснили и своим татарам: татарин с татарин, говорите друг с другом на татарском языке! А другие люди, другие татарские дети и русские дети послушают и научатся. В 1930-е годы никаких школ, ВУЗов не было. Во дворе татары, пацаны из деревни на своем татарском языке говорили, и остальные русские учились...

(Окончание следует)

Гульназ Бадретдин

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/353266>,
2 сентября 2017.*

* * *

«СЦЕНАРИЙ ДВИЖЕНИЯ ОТ ТАТАРСТАНА К КАЗАНСКОМУ КРАЮ ЧЕТКО ВИДЕН»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: чем опасен отказ от продления договора с Татарстаном для России? Часть III

Придется ли Татарстану отменить двуязычие в школах с 1 сентября? Когда татары научатся мыслить себя в рамках Большой России – Большого Татарстана? С чем связан интерес соседних с Российской Федерацией стран к судьбе договора между РФ и РТ? И когда у татар появится субъект, осознающий и реализующий общенациональные интересы? Об этом в третьей части стенограммы «круглого стола» «Место и роль татар в России» в редакции «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Камиль Аблязов – предприниматель, глава национально-культурной автономии татар Саратовской области.

Шамиль Агеев – председатель Торгово-промышленной палаты РТ.

Руслан Айсин – политолог.

Римзиль Валеев – журналист, общественный деятель.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член Исполкома Всемирного конгресса татар.

Фарит Уразаев – исполнительный директор Всемирной ассоциации содействия татарским предпринимателям.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи.

Модератор: Рашид Галямов – «БИЗНЕС Online».

РИМЗИЛЬ ВАЛЕЕВ: «ЕСЛИ ЖИРИНОВСКОГО СЛУШАТЬ, ПОЛОВИНУ ДУМЫ, ЕЩЕ
И ЦЕРКОВЬ ТАМ ЕСТЬ, ТО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УЖЕ НЕТ»

Модератор: И все-таки какие прогнозы по языковой теме и продлению договора между РФ и РТ?

Римзиль Валеев: Все-таки это одна связка – договор и сразу про язык заявление Владимира Владимировича Путина. Во-первых, Путин немножко выступал на татарском языке на тысячелетии Казани. Во-вторых, он на Третьем конгрессе татар встречался с нами и вновь избранный председатель Ринат Закиров зачитал при нем просьбу наших татар. Он всегда принимал, он к татарам хорошо относится.

Модератор: Тем более удивительно последнее заявление.

Римзиль Валеев: Но последний тренд... То ли это Кириенко, то ли не Кириенко. Это случилось, этот тренд пошел, я считаю, что это очень опасный тренд и для татар, и для России в целом. Конечно, я уверен, что Путин не по бумажке прочитал, ему неоднократно говорили, что в национальных республиках принуждают, а русскому плохо учат. Он поверил в это дело и озвучил, тем более предвыборный популизм и часть националистической русской части обязательно на выборах пригодится. В чем опасность этого тренда? Во-первых, да, Конституцию Татарстана меняй, язык меняй, глава или президент – решай. Хотя я считаю, что, если это только слово, меня это не волнует. Вот пусть президент гордится, что он президент. Мне пусть предъявят полномочия – есть или нет. А вот договор, даже символический, от этого отказаться – это уже новая судьба. Поэтому то, что этот тренд диктует сейчас – упразднение и изменение российской Конституции, как только тронешь... Сейчас уже, если слушать монархиста Жириновского, который продвигает в качестве гимна «Боже, царя храни», если половину Думы слушать, еще и церковь там есть, Российской Федерации уже нет. Сначала на словах, потом маленькие такие шажки, ликвидация Татарстана и других республик – это довольно скорое дело.

Кстати, все российские нации смотрят на Татарстан и татар. Понимаете? И вдруг такой Путин, такая Российская Федерация, такая демократия. Мы дошли до такой критической массы, еще кто-то, я уверен, воспользуется... России нужны новые враги, то это арабы, иногда евреи, а тут ну-ка зажавшиеся татары и Татарстан, как Жириновский говорит, «пухнут». Еще есть элемент зависти других регионов: «Ах, татары, оказывается, живут за счет наших налогов, за счет преференций», хотя сами дотируемые регионы, вот это распускается. Я предлагаю, чтобы в аппарате Сергея Владиленовича [Кириенко] подобрать двух-трех кураторов этой темы, по Skype или по переписке будем обсуждать русскую литературу, русский язык. Я опровергаю тезис о том, что русский язык в Татарстане и в России плохо изучают. По ЕГЭ у нас балл выше. Я из татарской деревни, окончил 10 классов на татарском языке, я татарский журналист и по-русски тоже пишу, работал и в центральной газете.

Модератор: Но по факту получается, что договора не будет? Он на днях уже закончил свое действие.

Руслан Айсин: Прошлый мы ждали три года – с 2004-го по 2007-й.

Дамир Исхаков: Нам совсем недолго ждать Всемирный конгресс татар, татары должны высказать свою позицию, насчет договора тоже.

Римзиль Валеев: В российской Конституции сказано, что у нас есть национальные республики, а у них есть языки.

Модератор: Никто не замахивается на статус республики. Пожалуйста, пусть будет республика.

Римзиль Валеев: Это первый шаг...

Дамир Исхаков: В российской Конституции предусмотрено наличие договора.

Модератор: Предусмотрено, но не обязательно.

Дамир Исхаков: Нет, мы должны сказать свою позицию и послушаем, что скажет центр после этого.

Модератор: Центр уже вам сказал косвенно. Косвенно вам ассиметричный ответ через языки пришел.

Римзиль Валеев: Это элемент демонтажа республики. Это элемент «опускания» республики, которая лидирует в течение последних 20 лет. Это опускание народа, который образовал Россию, и развал России. Этот тренд начинается. Потом есть русские, которым Татарстан нравится.

ДАМИР ИСХАКОВ: «РОССИЯ, ВЫСТРАИВАЯ ТАКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ, ПОКАЗЫВАЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР ДЛЯ СВОИХ СОСЕДЕЙ»

Дамир Исхаков: Можно я еще один аспект скажу? Мы его не затронули, но он на самом деле очень серьезный. Я недавно был в Казахстане и с казахскими учеными обсуждал ряд вопросов, связанных со взаимоотношением казахов с современной Россией. И они очень жалостливо начали

на нас смотреть, на татар. Из-за того, что Россия таким образом сужает наши возможности, они говорят, что вы – татары – все опускаетесь и опускаетесь. Но они оттуда извлекают собственный урок. Они думают, что в такой ситуации интеграция с Россией для них опасна. Россия показывает для своих соседей отрицательный пример, выстраивая такую национальную политику.

Римзиль Валеев: Не рассчитывай на демократию при таком тренде!

Дамир Исхаков: И это не пойдет на пользу России. В геополитическом отношении Россия будет проигрывать.

Модератор: В плане построения Евразийского союза, безусловно, это может получить отрицательные последствия.

Римзиль Валеев: Обидное слово: мы же уже стали служилыми. Посмотрите, Крым, крымские татары, как работает наш президент? Мы же хотели, я сам выезжал в Крым от имени Роскомнадзора, говорил, что не надо крымско-татарскому телевидению лезть в политику. Не нужно в Украину тащить крымско-татарский народ. То есть мы полностью, получается... И тогда Шаймиев в гостинице сидел с лидером крымских татар тогдашним разговаривали. Мы были залогом или каким-то примером...

Модератор: Мы и остаемся.

Римзиль Валеев: Мы не остаемся, вот теперь мы точно не остаемся.

Дамир Исхаков: Чем больше нас будут давить, тем больше на нас будут кивать американцы, турки нам на помощь будут приходить. Зачем это России нужно? Я не понимаю этого.

Римзиль Валеев: Живущие в Киеве бывшие крымско-татарские вожди, которых оттуда попросили, что они сказали нам? Знаете? Они сказали: «Вы предлагаете нам татарстанскую модель? Вот спасибо!» Вот теперь оказалось, что они правильно поблагодарили, получается, что казанские татары скоро будут крымскими татарами, я предсказываю, что уже каким-то вербовщикам-радикалам наших фанатов сумасшедших находить, увозить будет проще. Организовывать какие-то тайные подпольные организации и партии будет легче.

Модератор: Почему так получилось? Не хватает у Путина советников, которые могли бы подсказать, что не надо будоражить в этом месте, кстати, все и так неплохо и гармонично [в плане национального согласия]? А Татарстан почему последние полгода молчал, не было дискуссий и проработки каких-то сценариев?

Римзиль Валеев: А ты видишь у нас экспертное сообщество? Ты видишь, у нас политика есть? Или политология?

Модератор: Так к кому претензии?

Римзиль Валеев: Два-три блогера у нас выступают, и то сами. И вот мы выступаем, нам кто-нибудь хотя бы из исполнительной власти позвонил?

Камиль Аблязов: Да, пессимизма столько... Я уже представил себя в Крыму.

Римзиль Валеев: Почему пессимизм? Это правда.

Камиль Аблязов: Нет, пессимизм.

АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «СЦЕНАРИЙ ДВИЖЕНИЯ ОТ ТАТАРСТАНА К КАЗАНСКОМУ КРАЮ ЧЕТКО ВИДЕН»

Модератор: Айрат, пожалуйста, вам слово – по договору и по двуязычию какие анализ и прогнозы?

Айрат Файзрахманов: Сценарий движения от Татарстана к Казанскому краю четко виден, их может быть три-четыре варианта. Но этот сценарий четко нащупывается, если снимается этот защитный слой в виде договора. Следующее – уже наступление на языки, на институт президентства, не на наименование должности, а на институт президентства. Если помните, Европейский Татарстан – я, в частности, представляю такую платформу, собирали подписи за институт президентства, не за наименование должности, это же целый институт устоев, гипертрофии исполнительной власти, это очень важный институт. Какие тут сценарии еще могут быть? Может быть мягкий отказ, естественно, Кремля. Я не думаю, что это будет какой-то жесткий отказ. Может

быть, второй сценарий – это согласительная комиссия, которая будет заседать год-два, и республика окажется в среде такого правового вакуума, в котором она оказалась в 2004-м, 2005-м, 2006 гг., когда договор все еще не подписывался. Кстати, о бессодержательной бумажке – было несколько текстов договора, в конечном счете, в 2007 г. оказалось то, что мы имеем.

Модератор: Т. е. пустоту. Вы согласны с этим?

Айрат Файзрахманов: Я согласен с тем, что не так много содержания. К сожалению, не было интеллектуальной дискуссии о том, каким бы мог быть договор 2017 г. Это надо было начинать год, а то и два года назад, а то и раньше. К сожалению, республика в этом плане немного упустила.

Дамир Исхаков: Наша власть надеялась тихой сапой протащить.

Руслан Айсин: О чем и речь.

Дамир Исхаков: Не получилось. Серьезный урок.

Айрат Файзрахманов: Также, как и исторически договаривались, что сдадим Свияжскую землю, авось отстанут от нас. То же самое – мы постепенно-постепенно отступаем: сдадим договор, а потом институт президентства. Я не считаю, что это бессодержательная бумажка, потому что если посчитать экономику и внешнеэкономическую деятельность, я замечу, что Татарстан – единственный из регионов, находящийся внутри России, который ведет такую активную инвестиционную политику. У Калининграда свои преимущества, у Калуги свои преимущества, которая находится рядом с Москвой. Татарстан, находясь практически в 1000 километров от Москвы, ведет такую активную инвестиционную политику, находясь далеко от границ, так скажем, экономически активных стран, все-таки умудряется вести такую активную инвестиционную политику.

Модератор: Какая инвестиционная политика?

Айрат Файзрахманов: Внешнеэкономическая деятельность, привлечение сюда инвестиций, постоянный переговорный процесс.

Модератор: В глобальном мире же сейчас проблем нет: любая компания, любой субъект со всем миром может общаться. Для этого договор не нужен.

Айрат Файзрахманов: Я думаю, что договор для этого нужен, что без этого договора подобная активность будет ограничена.

Модератор: Чем? В Елабугу привести турков? В чем ограничение? Любой город сейчас имеет обратима на Западе, в Европе. Как это с договором связано?

Айрат Файзрахманов: Если сравнивать регионы, Татарстан, имеющий этот договор, в сравнении с другими регионами гораздо более активный в инвестиционной деятельности, если не считать Калугу и Калининград. Это один из факторов.

Модератор: Калуга как связана с договором? Ты открыт миру – к тебе приходят, дал преференции – вот конкурентное преимущество.

Айрат Файзрахманов: Потому что они находятся рядом с Москвой, с огромным рынком.

Модератор: Значит, другие факторы имеют роль. Главный фактор – выгода.

Айрат Файзрахманов: У нас нет этих факторов.

Модератор: У нас нет факторов? Сделайте идеальную среду для бизнеса.

Айрат Файзрахманов: Я сказал, что может быть несколько сценариев, в том числе возможен сценарий, когда федеральный Центр отыграет, так скажем, невозможность подписания договора.

Руслан Айсин: При каких условиях?

Айрат Файзрахманов: Например, прошло обсуждение, Татарстан готов внедрять у себя технологии блокчейна. Для того чтобы их внедрять, нужно очень сильно перестроить систему государственного управления. Без договоренностей, без соглашений сделать это будет невозможно.

Руслан Айсин: Очень просто. Если у нас здесь проваливается, мы еще виноватыми остаемся, наоборот.

Айрат Файзрахманов: Вот я и говорю: для того чтобы его внедрить, описать, как это должно внедряться...

Модератор: Каждый свое понимает под словом «блокчейн». Что вы понимаете под этим?

Айрат Файзрахманов: Это система шифрования данных, при которой, например, не нужно будет столько бумажек постоянно с собой носить и ставить печати. Инновационная технология, возможно, позволит отыграть вот эту необходимость подписания договора. Здесь речь не только о блокчейне, есть другие технологии, которые могут внедряться и которые требуют отдельных соглашений. Еще такая тактика здесь возможна будет: если федеральный Центр отказывается, то можно будет просто окутаться сетью соглашений и договоров межведомственных, межрегиональных, чтобы хоть какую-то почву иметь, чтобы в дальнейшем все-таки вернуться к принципу договорных отношений.

Что касается языка и высказывания Президента РФ. Я думаю, Президент дал хорошую взбучку республике, отметив, что заставляют учить татарский язык. Образование, конечно, без того, чтобы не заставляли, представить сложно. Но это означает, что сейчас у республики есть буквально год, чтобы форсировать деятельность по тому, чтобы татарский был прекрасен в преподавании, чтобы дети получали удовольствие. Я знаю, что форсировать возможно.

Римзиль Валеев: Почему насчет применения не говоришь? При чем тут преподавание? Если он не применяется, зачем его учить?

Дамир Исхаков: Это тоже важный аспект.

Айрат Файзрахманов: Скажу. Я знаю, что сейчас 300 учителей татарского языка преподают по сингапурскому методу. Сейчас готовится учебно-методический комплекс для 1–3-х классов, «Салям» называется. Для 1-х классов готов. По мнению экспертов, это отличнейший инструмент. Мне кажется, нужно форсировать эту работу и сделать по 11-й класс уже в течение полугода, 9 месяцев.

**ДАМИР ИСХАКОВ: «ВЫСКАЗЫВАНИЕ ПУТИНА – ЭТО ЕЩЕ НЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АКТ»**

Модератор: Если с 1 сентября не отменят двуязычие.

Римзиль Валеев: Не отменят.

Айрат Файзрахманов: С 1 сентября это практически невозможно. Это учебные планы перестраивать, это законы перестраивать. Естественно, нам дадут передышку год. И этот год нам нужно использовать для форсирования результатов.

Модератор: Т. е. сделать его привлекательным?

Айрат Файзрахманов: Сделать его привлекательным. Понятно, что абсолютно привлекательным его не сделаешь, понятно, что уже с сентября начнутся такие эксцессы, когда родители русскоязычных детей будут отказываться, будут писать заявления. Здесь важно сейчас с завучами и с директорами школ поговорить так, чтобы они смогли объяснить родителям, для чего татарский язык, что методики перестраиваются, что в скором времени вы получите хорошее образование.

Дамир Исхаков: Подождите, не надо так. Высказывание Путина – это еще не законодательный акт. Мы пока еще актов не имеем.

Айрат Файзрахманов: Я поэтому и говорю, что есть год и будут эксцессы.

Модератор: Эксцессы будут с 1 сентября. Все равно есть группа недовольных, и сейчас в их руках появился некий козырь.

Дамир Исхаков: Недовольные всегда есть. В условиях Башкортостана прокуратура уже оспаривает это, но башкирские власти пока не подчиняются.

Модератор: То – прокуратура, а тут первое лицо страны сказала.

Камиль Аблязов: Но не про татар же он сказал! При чем тут татарский язык? Я вот слушаю, сию: где вы там прочитали про татарский язык?

Римзиль Валеев: Я тут только добавлю именно к этому тезису. Вот этот тренд еще раскалывает общество и семьи. Получается, смешанные семьи – родной язык и неродной язык. Ребенок выбирает русский язык. Значит, папа или мама, которые нерусские, его не надо знать, он уже zapomинает, знает, что наполовину корень у него гнилой, ненужный. Получается, семьи, общество раскалываются.

Руслан Айсин: Мы объясняем сейчас сами для себя. Давайте на внешнее?

Айрат Файзрахманов: Я согласен на все 100 процентов. Давайте просто подытожу. Последний момент: обязательно конгресс, я думаю, должен высказаться. Ринат Зиннурович [Закиров], кстати, сказал, что скорее мы выскажемся относительно договора и относительно статуса государственного языка и того, как сделать его привлекательным.

Руслан Айсин: Если уж и конгресс не выскажется, то все – реквием...

Фарит Уразаев: Зря вы беспокоитесь. Налоговая база страны уменьшается. Естественно, та сторона будет вынуждена выбрасывать многие вещи, и, естественно, неизбежны договорные процессы. Кто-то должен же нести ответственность. Нашими проблемами мы будем заниматься сами. Договорные процессы будут. Хорошие, плохие – не от этого зависит, а насколько мы методом самоорганизации будем мобилизованы, от этого будет зависеть наше будущее, наших детей, семей и Татарстана.

РИМЗИЛЬ ВАЛЕЕВ: «НАДО ПРЯМО СКАЗАТЬ: КАЗАНЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПЛАНЕ – САМОЕ ХУДШЕЕ МЕСТО»

Дамир Исхаков: Мы перешли в другую плоскость, конгрессовскую тематику не заострили на выводах: что нам делать, что на конгрессе делать?

Модератор: Давайте дообсуждаем. Можно еще одну реплику я скажу – кто хочет, ее прокомментирует. Есть понятие «у страха глаза велики». Я с пониманием отношусь к тем тезисам, которые здесь прозвучали. Я логику вашу понимаю, но есть другая логика. Вы заметили, мы решили сделать название «круглого стола» «Роль и место татар в России». Когда Татарстан и татары научатся мыслить внутри Большой России – Большого Татарстана? На нас висит огромная миссия. Посмотрите на Путина: татарам дают деньги, дают возможность развиваться, республика цветет, он видит в них соратников. В Крым, вы правильно сказали, татар привлекли и справедливо привлекли: «Ребята, или вы участвуете в провокациях с украинцами, или нормально развивается, посмотрите на нас». Да, кто-то и сдает эти позиции 25 лет. Но можно и с другой стороны посмотреть – за эти 25 лет есть колоссальный прогресс в развитии республики, в развитии бизнеса, экономики, инфраструктуры. А насчет национального образования тут правильно прозвучало: если не хватает интеллектуального потенциала у нации на данный момент, если не хватает нормальных учебников, технологий, то...

Римзиль Валеев: Нет, дело не в этом. Хватает.

Дамир Исхаков: Все у нас есть.

Модератор: А почему они не внедряются? Даже по договору посмотрите. Зачем искать виновного? Я просто хочу сказать, чтобы другой взгляд тоже иметь. Мы или партнеры Путина и России в это сложнейшее время, где страна сама испытывает колоссальное давление со стороны, или мы изнутри превращаемся в обиженных татар, которые сидят и плачут: «Как мне плохо, меня обижают, меня завтра демонтируют».

Римзиль Валеев: Никто не плачет.

Дамир Исхаков: Можно получить вообще не плачущих, а взрывающихся...

Модератор: Третья сила с удовольствием сейчас воспользуются. Что мешало Татарстану и татарам за год до договора поднять этот вопрос, если в нем есть содержание? Приходил к нам Морозов, я у него лично спрашивал: «Будет договор?» Он говорит: «А не видно содержания. Пока нет содержательного момента, чтобы о чем-то договариваться». Он, по сути, озвучил позицию Москвы. У Рафаэля Хакимова мы спрашивали: «Ваши прогнозы?» Он говорит: «Я не вижу, чтобы какая-то группа работала, я не вижу, чтобы Мухаметшин работал, Госсовет». Что мешало, если есть потребность в договоре, за год до истечения его срока создать рабочую группу?

Дамир Исхаков: Здесь сидят не государственные мужи. Если бы спросили наше мнение, мы бы сказали, но нас никто не спрашивал. Это не наша проблема, это проблема государственных мужей.

Римзиль Валеев: Я неоднократно писал, что народ верит начальству, как договорится, так будет правильно, так полагались. А теперь поняли, что не договорились.

Модератор: Есть часть людей, и в Казани тоже, которые говорят: «А о чем договариваться? Есть предмет договора?»

Камиль Аблязов: А почему нет? Оставить его, как он есть, и все.

Модератор: Это один из вариантов, чтобы не будоражить. Наверное, это был бы идеальный вариант.

Римзиль Валеев: Правовая коллизия ведь есть, раз мы обещаем российским татарам помогать. Нигде, кроме как в договоре, это не прописано.

Модератор: Но и не запрещено. Пожалуйста, помогайте!

Римзиль Валеев: Как же не запрещено? Миллион русских поднимется.

Дамир Исхаков: Тут есть много сторон, я только про одну скажу. Вот смотрите, конгресс татар созвался, Президент Татарстана там должен выступать. Публика сидит, ему надо что-то сказать и по поводу договора. Если он скажет: «Ребята, ничего не получилось у нас», то как на него посмотрит зал? Это же серьезный момент. Потому что это будет означать, что мы понемножку теряем позиции, и он нам об этом заявляет. Сюда добавится еще и то, что мы оказывается и в языковом плане тоже в плохом положении. Народ может спросить: «А что вы хорошего сделали?»

Римзиль Валеев: Надо прямо сказать: Казань в национальном плане – самое худшее место. Здесь 500 тыс. татар. Давайте тогда я так скажу: в Казани 500 тыс. татар, только 40 делегатов избрали. Вы знаете, что рыба гниет с головы? Именно элита тут живет! В конгрессе должны быть 30–40% из Казани. Все должны быть! Получается, что казанские, столичные, татары и представители мэрии должны получить такое право и обязанности.

*РУСЛАН АЙСИН: «ПОСЛЕ ШАЙМИЕВА НЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНЖИНИРИНГА
В ТАТАРСТАНЕ»*

Модератор: Резюмируя, у кого что осталось, скажите. И давайте подытожим наши ожидания по конгрессу.

Дамир Исхаков: Я начну с простой вещи. Если создать министерство по делам диаспоры, как в Израиле, то наш конгресс остался бы без работы в принципе, потому что Сабантуй проводить и министерство может, муфтиев может собирать муфтият. Главный вопрос: чем конгресс должен заниматься? В чем его миссия? Конгресс ведь занимается всеми этими делами, потому что, может, не знает, в чем главная задача этого конгресса. Из-за этого набирает все в кучу, немного оплачивает это, и мы радостно занимаемся этими делами. Если все это отбросить и сказать, чем он должен заниматься, это, во-первых, должен быть представительный орган. Причем он должен представлять всех, я согласен. Там Казань и молодежь должна быть представлена, это серьезный вопрос. Я по секрету могу сказать, что исполкома по поводу проведения этого очередного съезда конгресса не было. Кто собирает? Мне как члену бюро это не особо известно. Бюро тоже не состоялось – его решения тоже нет. В такой ситуации серьезные вопросы могут возникнуть в дальнейшем. В такой ситуации надо сначала определить круг того, чем конгресс должен заниматься.

Модератор: Через 25 лет, да?

Дамир Исхаков: Это все равно выходит на проблему перспектив, как обрисовывать эти перспективы и вот в эти перспективы вписывать. Я думаю, самые важные вещи – это построить аналитику, выстраивать будущие проекты и с нашими политиками войти в более тесные контакты. Мешающей стороной является то, что у нас на самом деле национально-культурная автономия и конгресс отчасти конкуренты, отчасти друг в друга вписаны, и непонятно, кто чем руководит. Я думаю, нужна общая крыша, причем над ней должен сидеть серьезный человек.

Модератор: А что такое общая крыша? Совет какой-то? Намекаете на то, чтобы поставить там Шаймиева?

Дамир Исхаков: Хорошо бы было. Даже Фарида Мухаметшина можно. Но общая крыша должна быть, которая должна сказать: «Этими делами должно заниматься Министерство культуры – туда отдадим. Этими делами должно заниматься Молодежное министерство, все это отбросить и сосредоточиться на ключевых проблемах.»

Модератор: Это должен быть вице-премьер по идеологии.

Дамир Исхаков: Для того чтобы прописать ключевые проблемы, нужно создать хороший экспертный совет. Вот мы, кстати, неплохой экспертный совет. Можно расширяться, можно институционализироваться.

Модератор: Но не сильно.

Дамир Исхаков: И тогда, если это руководство поручит что-то разработать, мы все это вывалим туда, конгресс приобретет совершенно другой характер, плюс деньги.

Модератор: Кто субъектом должен быть?

Дамир Исхаков: Вот здесь должна быть другая роль татарского бизнеса. Я знаю, как еврейский конгресс работает: богатые евреи вкладывают.

Модератор: Есть люди уважаемые, которые объясняют, что они [олигархи] обязаны вкладывать.

Дамир Исхаков: 10–15 миллионов долларов у них всегда есть в загашнике.

Фарит Уразаев: Без буржуазии все равно не обойдешься.

Дамир Исхаков: Если наши бизнесмены такую сумму способны собрать, то эта штука будет работать. Вот о чем надо думать.

Модератор: Проблем с деньгами нет. Проблема в субъекте.

Дамир Исхаков: Здесь же самый важный вопрос, который до сих пор остается нерешенным: как наше политическое руководство смотрит на все это?

Модератор: А вы как думаете?

Руслан Айсин: В одно время была идея отдать конгрессу татар одну нефтяную вышку.

Модератор: Зачем заниматься бизнесом конгрессу?

Руслан Айсин: Нет, не бизнесом. Важный вопрос Дамир Мавляевевич поднял, потому что, действительно, аппарат там работает за копейки, действительно, что-то приходится занимать, это сложная работа. На конгресс все навалили, на самом деле. А, как известно, спина Боливара двоих не выдерживает, не то, что там Сабантуй и муллы, которых кормить же надо обязательно. Это очень сложно. И конечно, конгресс расплывается, он не занимается аналитической работой, выстраиванием стратегии, он занимается такой организационной работой, которой, кстати, может и должно заниматься министерство.

Касательно конгресса, я бы вот какой вопрос поднял. В институте в одной группе со мной учился парень, который, к сожалению, погиб, Юра Лищин, он прекрасно знал татарский язык. Я говорю: «Как так? Без акцента?» Оказывается, он пришел из армии, устроился в «АК БАРС» Банк охранником, и тогда был проект – русские, которые изучают татарский язык, получают 15% надбавки к заработной плате, плюс бесплатное обучение. Он, естественно, пошел туда, освоил язык, получил 15% надбавки и очень этим гордился.

Эти технологии нужно применять, на мой взгляд, надо взять в союзники другие национальности – финно-угорская масса большая, ее надо зацепить, как рюкзак на спину, где-то евреев и где-то чеченцев, потому что у нас Рустам Нургалиевич с Рамзаном Ахматовичем в хороших отношениях, и выстроить эту линию обороны. Конгресс здесь должен быть на переднем краю. Почему? Потому что Сергей Владиленич, естественно, все смотрит везде. Конгресс как общественная организация должен эти взаимоотношения наладить. Есть конгресс народов Кавказа. Нужно выстроить многоцелевую, многофакторную линию обороны. Мы немножко этим не занимаемся, хотя Фарид Хайруллович и возглавляет Дом дружбы народов. Но как-то это все опять превращается в пляски, пеня и т. д. Нет, на мой взгляд, политического инжиниринга в Татарстане после Шаймиева, после наших уважаемых аксакалов.

Модератор: Почему после Шаймиева, извините? А нынешний конгресс – это и есть продукт Шаймиева.

Руслан Айсин: У него как раз сейчас политического инжиниринга-то нет, конгресса нет. Конгресс почему ушел? Сказали, что политики нет. Минниханов же сказал: «Я не политик, я экономист».

Дамир Исхаков: Если не занимаешься политикой, то политика занимается тобой.

КАМИЛЬ АБЛЯЗОВ: «ЗАКИРОВ ВЫСТРОИЛ НОРМАЛЬНУЮ БЮРОКРАТИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ, КОТОРАЯ СПОСОБНА ПРЕОБРАЗОВАТЬСЯ В МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ ДИАСПОРЫ»

Модератор: Об этом и говорим: у татар нет субъекта, который осознает общенациональные интересы в целом не свои личные, не бюрократические – это все важно, но нет некоего субъекта, который общенациональные и общегосударственные дела вел, как-то сопрягал их и реализовывал.

Камиль Аблязов: По работе конгресса скажу, что вы отнеситесь спокойно. Закиров выстроил нормальную бюрократическую структуру, которая способна преобразоваться в министерство по делам диаспоры. И «закрышевать» все это дело. Все, что хотите. Главное, он создал инфраструктуру на местах, и вертикаль – какая-никакая, информационная база наработана, поэтому здесь оценивать работу можно по-разному, но прообраз для любого министерства по делам общин абсолютно подготовлен, и продолжение работы в той или иной ее мере или в том или ином направлении будет продолжаться независимо от ситуации.

По языку я еще раз скажу – это пессимизм, только жизнь может показать. Договор разрушать или не разрушать? Путин никогда не будет этого делать. Он гарант конституции, гарант соблюдения всех условий, и ему смысла никакого нет, он не будет. Совершенно взвешенный, хладнокровный человек. Это мнение мое личное, поэтому я говорю как есть. По преподаванию, я не знаю, почему так зациклились на том, что русские в Татарстане должны иметь татарский язык в базе, это его личное дело. Вот наше личное дело, я изучаю английский или нет, например, его личное дело – изучать татарский или нет.

Дамир Исхаков: Можно ли проживать в Соединенных Штатах, не зная английского языка?

Камиль Аблязов: Можно. Из 60 млн латинского населения 30% вообще не разговаривают на английском.

Руслан Айсин: Они работают на низких ставках.

Камиль Аблязов: Я тоже изучал все эти опыты: и баски, и старо-романский. Все уже ясно давно: люди нашли из этого спокойные, эволюционные методы выхода. И никаких революций.

Дамир Исхаков: Мы заботимся о русских и хотим, чтобы они были на достойном уровне, чтобы могли с нами общаться на татарском.

Камиль Аблязов: Любовь всегда безответна, поэтому здесь пессимизм я не приемлю.

Римзиль Валеев: Отмена обучения – это тоже изменение Конституции.

Камиль Аблязов: Его не отменяли! Где вы там прочитали про татар? Может быть, там вообще говорится про какую-нибудь другую нацию?

Дамир Исхаков: Это было высказывание Путина.

Римзиль Валеев: Шевченко сказал, что это послание для татар.

Фарит Уразаев: Есть великолепная возможность мобилизоваться неподписанием договора. Нужен хороший анализ деятельности татарской общественности за 25 лет на 25-летие конгресса. В этом же году столетие национально-культурной автономии татар России, и через два года, в 2020-м, – столетие национально-территориальной автономии татар – Республики Татарстан. Есть великолепная возможность для мобилизации.

АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ КОНГРЕСС ПРОШЕЛ ПОД ЗНАКОМ 100-ЛЕТИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ТАТАР»

Айрат Файзрахманов: Фарит Язкарлович [Уразаев] неоднократно говорил о цифровой экономике, об онлайн для татар. Существует огромное количество татарских групп в социальных сетях, «Татары и Татарочки», например, 120 тыс. татарской молодежи. Кто-нибудь с ними работает? Кто-нибудь эти паблики помогает раскручивать? Такой работы целенаправленной нет. Самоорганизация идет, нужно подтолкнуть, мне кажется, и есть возможность для расширения этого контента и чтобы не одна такая группа была, а множество, множество таких групп в социальных сетях. Это одно из маленьких направлений, но важных для конгресса. И татарская молодежь в большей степени этим вопросом должна заняться.

Далее, про краеведение говорили: важно не только делать акцент на изучение татарских сел, но и татарских городов. Например, мы практически ничего не знаем о татарских слободах Казани, о других городах. Более ста городов, но нет пока акцента. Мы, татарская молодежь, делаем проект, но с нами тяжело идут на сотрудничество, у нас проект «Бистэ 2.0», мы изучаем татарские слободы, города, но какого-то желания работать и помогать нам, нет. Мы «на коленках» это делаем. Хотелось бы, чтобы была совместная деятельность в этом плане со старшим поколением, с городом, с Институтом истории, со Всемирным конгрессом татар. Были запросы, но большого желания помочь не было. Мы проводим множество лекториев на исторические темы, но не совсем реагируют на желания выступить перед молодежью. Хотя Дамир Мавляевеич всегда готов.

Тут говорили про 100-летие национальной культурной автономии татар – очень хотелось бы, чтобы конгресс под этим знаком тоже проходил. Мы буквально в субботу делали экскурсию по городу, связанную со 100-летием национальной культурной автономии татар – первой татарской автономии. И 100 лет тому назад это было событие чрезвычайной важности, и хотелось бы, чтобы конгресс напомнил о том, что 100 лет назад мы получили первую национально-культурную автономию, которая быстро переросла в идею национально-территориальной автономии.

Говорили о конкурентности изучения татарского языка: еще нужна и конкурентная татарская школа, чтобы, может быть, и представители еврейского народа, и представители русского народа отдавали своих детей в эти школы. Есть такие примеры, когда русские дети учатся в татарских школах и прекрасно знают татарский язык, получая удовольствие от того, что знают два языка. Я знаю русскую девушку, которая преподавала татарский язык в русской школе, окончила факультет татарской филологии, и таких примеров несколько, кстати. И это нужно пропагандировать, нужна мощная пропаганда билингвальности, полилингвальности в Республике Татарстан, чтобы русское население, нетатарское население, да и сами татары почувствовали преимущество знания этих языков.

Мы, молодежь, делаем проект по изучению татарских национальных школ «100 идей для развития татарской национальной школы». Мы провели серию интервью с различными учеными: с каталонцами, с теми, кто изучает ситуацию в Уэльсе, в Квебеке и так далее. Везде была и есть пропаганда полилингвальности, билингвальности, специальная информационная политика. Нам это важно и нужно делать – изучать их опыт. И последнее – нужна мощная проектная деятельность, нужен грантовый фонд, который бы распределял какие-то небольшие средства на те или иные проекты. У нас более 30 татарских проектов от различных татарских молодежных сообществ. Хотелось бы, чтобы этот фонд позволил масштабировать эти проекты и тиражировать их в других регионах.

Римзиль Валеев: Конгресс работает очень хорошо, он много мероприятий проводит, он действительно как министерство работает. Некоторые министерства гораздо слабее. Все это здорово, потому что за этим есть Татарстан, моральная поддержка, материальная, особенно нынешнего президента. В первые 10 лет мы ничего не получали, на самолетах не катались, автомобили не дарили, ничего не было. Но ситуация изменилась, к сожалению, я вынужден констатировать. Сейчас республику, договор, суверенитет есть кому защищать? Народ, может быть, есть? Активисты, может быть, национальные организации? Нет.

Что же до ВКТ, то, во-первых, я не знаю, когда в последний раз собирался исполком, 70 человек, если только расширенный. Никогда 70 человек не собираются – собираются 200–300 человек. Или бюро из 7–10 человек, и тоже редко. Я бы предложил почитать устав конгресса татар, который написали и зарегистрировали.

Модератор: Грубо говоря, он управляется из аппарата президента, как и все остальное? Там политбюро.

Римзиль Валеев: Общественная энергия. Я уже сказал, что казанская интеллигенция... Совершенно неприемлемо, чтобы из Казани 40 делегатов избрали.

Модератор: А всего сколько делегатов?

Римзиль Валеев: Всего 800 делегатов. Я считаю, что 300–400 человек – вся элита казанская должна сидеть там, потому что их мы пока приглашаем только как гостей. Знаете, почему я расстраиваюсь

из-за такого конгресса, его формы? Выходит оратор и говорит: «Спасибо, что пригласили». Они даже забывают про протокол, они же избранные делегаты. Как пригласили? Выборочно же избирают.

Модератор: Якобы избирают.

Римзиль Валеев: Неважно, или квоту дают из какой-то дальней страны.

Модератор: Сколько квоту дали Саратову?

Камиль Аблязов: Десять.

Римзиль Валеев: Вот десять. А в какой-то стране 15 татар живет, и 7 человек приезжает.

Модератор: Такое бывает?

Римзиль Валеев: Бывает. Они сами приедут издалека – куда денешься. А именно татарстанцы, казанцы...

Модератор: То есть мы выключены?

Римзиль Валеев: Конечно.

Камиль Аблязов: Так это же хорошо, что приезжаем: платим за гостиницы, доход делаем.

Модератор: Речь о другом. Пусть приезжают приглашенные, но и из Казани должно быть минимум 200 человек!

Римзиль Валеев: Эта структура называется республиканской организацией.

Модератор: Большая часть национальной интеллектуальной элиты, тут можно согласиться с Римзилом Салиховичем, здесь ведь живет.

Римзиль Валеев: Общественная энергия огромная, пора все это задействовать, и самое главное в общественной работе – это имитацией и пиаром не увлекаться. КПСС и комсомол кончились на этом. Пока сейчас все партии, все парламенты, к сожалению, и исполнительная федеральная власть этим занимаются по телевизору, но если мы этим не занимаемся, к сожалению, – мы этим занимаемся, мы результат видим. У нас уже сейчас есть иждивенческое потребительское татарское сообщество – мне очень скучно, часто мне не с кем разговаривать, нет экспертов и таких людей, которые хотели бы, как в 1990-е гг., совершать культурную революцию. Сейчас такой откат пошел. Мы и в иной республике, и с иным татарским народом живем. Я надеюсь, что мы должны рано или поздно развернуться.

Модератор: Спасибо за интересный и содержательный разговор! В принципе, наш «круглый стол» обсудил все животрепещущие вопросы, которые волнуют татар. Мне даже интересно, останется ли что-то конгрессу... Это, конечно, шутка. Лично мне хотелось бы, чтобы татары России и всего мира обсудили не только конъюнктурные темы, которые сегодня полыхают и болят, а долгосрочные вопросы развития нации лет на 50, как это принято у китайцев. Чтобы вышли из позиции обижающихся и обороняющихся, и показали перспективы и для татар, и для России – куда нам идти, как построить большую гармоничную страну, где цветут сто цветов.

Гульназ Бадретдин

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/353378>,

3 августа 2017.

* * *

Эльвира Самигуллина

ДАМИР ИСХАКОВ: «У ТАТАР ЕСТЬ СОБСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ»

Бюрократия грозит «Милли Шура», Шайхразиеву поможет мэрский опыт общения с национальными организациями, а выбор одного из его замов ошибочен

«БИЗНЕС Online» и его эксперты продолжают подводить итоги шестого по счету съезда всемирного конгресса татар. Сегодня слово имеет известный историк и делегат съезда Дамир Исхаков. Он указывает на организационные недостатки при проведении курултая, вспоминает, как аппарат ВКТ подмял под себя исполком и бюро, а также призывает власти Татарстана активнее задействовать в татарской теме экспертное сообщество.

*«МЫ ПОЛУЧИЛИ СЪЕЗД, КОТОРЫЙ ЧИСТО ОРГАНИЗАЦИОННО БЫЛ
НЕДОСТАТОЧНО ПОДГОТОВЛЕН»*

– Дамир Мавляевеич, на минувшей неделе случился VI съезд Всемирного конгресса татар (ВКТ). Были ли на нем приняты действительно важные решения?

– Сам съезд Всемирного конгресса татар – достаточно важный акт, потому что он созывается один раз в пять лет и обычно на нем принимаются серьезные решения на перспективу. Такого рода решения, в принципе, и были приняты. Я думаю, что среди наиболее важных – это изменение устава. Народ еще не осознал и даже не понял, что произошло, потому что не вчитался в текст устава, хотя он был роздан. Фаузия Байрамова говорит, что устав был только на татарском языке, но я видел и русскоязычные варианты. Поэтому кто хотел, тот мог вчитаться. Так вот, согласно новому уставу, фактически произошло изменение организационной структуры ВКТ. Байрамова утверждает, что конгресс после этого исчез. Никуда он не исчез, он остается на месте, просто изменилась структура управления.

Другое важное мероприятие было посвящено рассмотрению так называемой платформы по развитию культуры, языка татарского народа. Здесь были проблемы, потому что, несмотря на заявленные ранее утверждения о том, что платформа будет подготовлена и роздана делегатам, этого не случилось. Мы только заслушали устное сообщение, причем это произошло на первой секции съезда ВКТ, где главенствующую роль играла Академия наук Татарстана. Дания Загидуллина (вице-президент АН РТ – прим. ред.) выступала по этому поводу. На самом деле мероприятие было бестолковое и бессодержательное. Все это поняли. И фундаментального рассмотрения проблем, которые действительно существуют, не произошло, поэтому сейчас мы вынуждены констатировать, что платформу придется делать заново уже новому составу руководства Всемирного конгресса татар, в том числе с участием научных учреждений.

В целом можно сказать, что народ основные обсуждаемые идеи понял, включая ситуацию с договором. Минтимер Шаймиев достаточно внятно объяснил, что работа продолжается, несмотря на утверждение московских изданий, что процесс уже остановлен. Это обнадеживает – и народ уехал с ощущением, что статус и роль татар в Российской Федерации не будут принижены, если удастся положительно завершить договорный процесс.

– Что означает появление национального совета «Милли шура»? Какова основная цель создания подобного органа?

– Здесь стоит вспомнить историю. В 1992 г., когда созывался первый съезд ВКТ, было вынесено решение, что между съездами и руководящим органом должен быть исполком ВКТ. Он в таком виде существовал, потом было образовано его бюро, которое работало между исполкомами. Обычно оно созывалось один раз в год. И вот, на мой взгляд, тогда произошло смешение двух вещей, которые этому не подлежат: исполком на самом деле был органом, который организовывал каждодневную деятельность и сам же себя контролировал. В итоге после 1992 г. с течением времени, так как исполком созывается один раз в год, произошло такое отрицательное явление, когда аппарат исполкома (а это всего лишь нанятые люди, которые реализовывают конкретные дела) возомнил, что он является основным органом. Это особенно хорошо стало проглядываться в последний год, потому что наш спикер Ринат Закиров был сильно занят, старался быть на всех мероприятиях, так как для него это фактически была предвыборная кампания. И она закончилась для него не очень удачно.

В итоге аппарат полностью подменил и бюро, и исполком. Как член бюро я видел, что к нашему мнению уже не прислушиваются, решения принимаются на ходу. Это привело к накоплению отрицательных тенденций. И мы получили съезд, который чисто организационно был недостаточно подготовлен, к сожалению.

Здесь надо отметить, что и до этого, и сейчас усиливаются нападки против прежнего председателя исполкома Рината Закирова. Я хочу специально сказать, что тут происходит подмена разных вещей: личностные качества человека и его должностные обязанности перепутались. Я, например, считаю, что Закиров как человек очень хороший. Я сам неоднократно просил его о помощи, и он ее

всегда оказывал. И мне даже не совсем понятно, почему его работе не была дана соответствующая оценка. Например, он явно имел право на хорошую оценку, потому что много работал. Это невозможно отрицать. В том, что были недостатки, прежде всего виноваты мы сами, исполком и бюро. Но особенно, я считаю, руководство республики недостаточно контролировало работу конгресса татар. Потому что реформа, которая уже свершилась, была отчетливо необходима уже несколько лет назад. В современном уставе не зря прописано, что председатель может только два срока сидеть. Слишком долго быть на одном месте нельзя.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ВАСИЛЯ ЭФЭНДИ ШАЙХРАЗИЕВА ЕЩЕ РАНО СПИСЫВАТЬ»

– Почему «Милли шура» возглавил Василь Шайхразиев и почему, соответственно, отказались это сделать первые лица республики?

– Этот вопрос не ко мне, потому что я не могу назвать причины за тех людей, которые отказались. Но, мне кажется, Василя эфэнди Шайхразиева еще рано списывать, он только приступает к своим обязанностям. Его назначение было неожиданным для тех, кто не разбирался в ситуации. В том числе старые члены исполкома фактически не знали, кто предполагается на эту должность. Я как член бюро прежнего исполкома (сейчас я в президиум не вхожу, только в общий совет «Милли шура») узнал за день, что предлагается такая кандидатура. Но мне лично кажется, что, если за Шайхразиевым будет стоять политическое руководство Татарстана, это фигура вполне дееспособная и справится со своими обязанностями.

– Но если за ним будет стоять руководство республики, значит, будет отсутствовать самостоятельность в работе?

– Я бы не сказал, что Ринат Закиров был слишком самостоятельным. Он депутат парламента, работает в государственных организациях, скажем, курировал НКЦ «Казань». Так что в этом плане он был вписан в структуру руководства Татарстана не меньше, чем Василь Шайхразиев.

Из-за того, что конгресс очень важная организация, представляющая всю татарскую нацию, случайных людей там не может быть. Руководство РТ всегда должно быть озабочено тем, кто там будет заниматься татарскими делами. Но весь вопрос в том, как Василь Шайхразиев дальше будет выстраивать свою работу. Ему, конечно, нужны советы, потому что для него эта сфера новая. Но думать, что с национальными организациями он не сталкивался, ошибочно. Он довольно долгое время работал мэром Набережных Челнов, где такие организации представлены весьма густо, в том числе такие, которые играли существенную политическую роль. Шайхразиев вынужден был с ними взаимодействовать как чиновник. В этом опыт у него есть.

Элемент неожиданности, я думаю, возник из-за того, что в прежнем уставе не был прописан срок полномочий председателя исполкома. Если бы был, то глава готовился бы к своему уходу заблаговременно, это не было бы для него неожиданностью, он успел бы подготовить себе будущего преемника. На будущее это урок всем нам.

– При этом вы считаете, что имя главы ВКТ не должно быть определяющим в деятельности структуры?

– В действительности нужно говорить, что дело не в личности раиса-председателя, а в том, как все организуется. Мы на личностный фактор большого внимания обращать не должны. Фактически председатель совета «Милли шура» – это один из нас, выбранный съездом, один из состава руководства организации. У него и положение должно быть таким, и он сам себя должен осознавать в таком качестве, не должен слишком возвышаться над президиумом или над «Милли шура».

Потому с этой точки зрения, я думаю, у нас есть одна большая угроза, которая заново может возникнуть. «Милли шура» – это фактически должен быть контролирующий и распорядительный орган, а исполком, который при нем, – это люди, которые выполняют каждодневную работу по поручению. Нам два жанра путать нельзя. Но лично мне кажется, что состав избранного нового совета «Милли шура» не до конца продуман, был сделан спешно, поэтому есть опасность, что мы опять вернемся к прежней ситуации, когда его функции будет опять осуществлять исполнительный орган. Это очень опасно, потому что мы общественная организация, хотя и связаны с

руководством, с правительством Татарстана. В том числе в уставе прописано, что правительство республики может финансировать определенные виды деятельности.

Контроль нужен, но все-таки общественную демократическую линию упускать нельзя. Это всегда чревато отрицательными последствиями.

*«ЕСТЬ СТАРИННЫЙ СПОСОБ, КОТОРЫЙ ПРИМЕНЯЛИ ЕЩЕ БОЛЬШЕВИКИ В ЦК, –
КООПТАЦИЯ»*

– Какие у вас конкретные претензии к кадровому составу «Милли шура»?

– Я проанализировал состав президиума и считаю, что он выбран по старым лекалам и там не представлены некоторые виды деятельности, которые характерны для исполкома и некоторых регионов. Скажем, из важных регионов, я думаю, Башкортостан представлен явно неправильно – только ассоциацией татарских сел. И то только потому, что ее председатель сейчас находится в Башкортостане, а он может быть переизбран. А другие, играющие существенную роль в татарской организации в Башкортостане, не представлены никак. Хотя там проживают больше миллиона татар.

Еще один крен я заметил, это, думаю, было сделано по инициативе прежнего председателя исполкома: в составе президиума преобладают мишарские регионы...

– А как выглядит представительство Татарстана?

– Татарстан представлен весьма странным образом. Один из замов Шайхразиева, который должен курировать нашу республику, – это вице-президент Академии наук РТ Дания Загидуллина, которая никогда не занималась общественной деятельностью. Теперь она фактически стала ответственной за Татарстан. Там другого такого человека нет. Это весьма странная конструкция, и мы никак не можем понять, как она возникла. К тому же Загидуллина не может представлять и научное сообщество, потому что некоторые играющие серьезную идеологическую роль институты Татарстана, например, Институт истории, не представлены. Он относится не к Академии наук, а к Министерству образования.

Мне кажется, должен быть проведен мозговой штурм для того, чтобы сформировать этот новый орган так, как надо. Конечно, поезд уже отчасти ушел: съезд состоялся, народ выбран. Оттуда уже никого никуда продвигать нельзя. Но есть старинный способ, который применяли еще большевики в ЦК, – кооптация. Некоторых недостающих людей, которые представляют серьезное направление деятельности и серьезные регионы, можно ввести дополнительно. Потом их можно утверждать на совете, если необходимо будет, то на следующем съезде этот момент отметить. Но, к сожалению, данный вопрос требует дополнительных обсуждений.

*«МЫ ИМЕЕМ ЦЕЛЫЙ КЛУБОК СЛОЖНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, КОТОРЫЕ
НЕДОСТАТОЧНО ОБСУЖДЕНЫ»*

– Довольны ли вы текстом резолюции, принятой по итогам съезда? Какие важные темы, касаемые татарской нации, в ней не были отражены?

– Резолюция – она всеобъемлющая, поэтому наиболее важные моменты из татарской жизни там прописаны. Но я думаю, что там отсутствует важный сегмент. К сожалению, и раньше, и сейчас должное внимание не уделяется экспертной деятельности. В уставе немного говорится об этом, в резолюции – нет. Сейчас мы имеем целый клубок сложных национальных проблем, которые недостаточно обсуждены.

Внутри исполкома ВКТ я возглавлял комиссию по развитию татарского этноса. У этой комиссии был рабочий орган, который назывался центром этнологического мониторинга. Это была организация, которая находилась внутри Института истории и была создана через соглашение с Академией наук РТ. Волею директора эта организация была ликвидирована, состав расширен, разбросан по разным отделам. И сейчас непонятно, кто будет заниматься стратегическими вещами, а проблемы очень сложные. Например, перед нами рекламировали платформу по развитию культуры и языка татар. Это должен быть концептуальный документ (такого рода документы у нас и раньше

были). Скажем, мы знаем программу развития сохранения идентичности татарского народа – это прежняя программа, она работает. Есть программа развития языка. Но эти концепции между собой не взаимосвязаны. То есть должна быть более глобальная концепция, которая охватывает в целом развитие татар в современных условиях. Ситуация с начала 2000-х годов коренным образом изменилась.

К примеру, простой вопрос: что делать с ЕГЭ? Оно введено только через приказ Министерства образования РФ. Это не законодательное решение, а ведомственное, за которым мы должны следовать и которое сыграло крайне отрицательную роль в судьбе татарского национального образования. Здесь эксперты должны вырабатывать подходы, каким образом через взаимодействие с нашими депутатами Госдумы, через проталкивание наших интересов, через контакты с другими национальными субъектами Российской Федерации отстаивать наши позиции. Это очень большая серьезная работа.

– *Достаточно ли внимания было отведено на съезде вопросу сохранения татарского языка?*

– Все кивали на съезде, и наше руководство говорит о том, что татарский язык хорошо сохранять через общение внутри семьи. Когда школа фактически исчезает или находится в трудном положении, кивают на это. Я как человек, имеющий отношение к некоторым социологическим разработкам, могу сказать: в условиях Казани, вообще в городской местности на литературном татарском разговаривает только треть семей, две трети – на русском. Как в таких условиях ребенок будет усваивать татарский язык, которого в семье просто нет? Плюс недостаточно решен вопрос о детских садиках, где надо тоже прививать родной язык. Большинство садиков у нас смешанные, но общаются на русском.

Татарские группы только начали создаваться, причем концептуально неясно, как это в образовательную сферу вовлечь, каким образом этот вопрос решить.

– *И, конечно, проблема татарских школ...*

– Это фундаментальный вопрос. Во многих регионах страны татарские школы вообще перестали существовать. Даже родные языки во многих школах (а российский закон образования это позволяет) не преподаются. И сейчас татары начали интересоваться проблемами преподавания татарского языка, например, факультативно при мечетях, при общественных объединениях. А у нас нет ни одного методического пособия, которое было бы предназначено для того вида работы. Это прокол министерства образования. Поэтому наш «Милли шура» и его президиум должны серьезно подумать, каким образом созвать экспертную группу, иначе будет непонятно, что вообще делать.

Сейчас происходят смешные вещи – начали собирать мнение аппарата исполкома о том, как они видят дальнейшую работу. Но разве это уровень? Это просто исполнители, которые занимаются каждодневной деятельностью. Надо опрашивать экспертов, анализировать публикации, которых сейчас масса. Что предлагали люди, в том числе доктора наук, серьезные ученые. Все это еще не проанализировано. Я думаю, что это одна из дальнейших работ. Так что тот факт, что в составе президиума отсутствует группа, которая отвечает за экспертную деятельность, – это большой минус. Повторю, я считаю, что Дания Загидуллина не способна эту работу выполнять. У нее нет и соответствующих знаний.

«ТАТАРЫ ПОПАЛИ ПОД ЭТОТ КАТОК»

– *Обновление методов работы новому руководству также предстоит?*

– Да. Как член бюро прежнего исполкома я еще в начале года предложил провести симпозиум, созвав 30–35 видных татарских интеллектуалов со всей России, преимущественно гуманитариев в ранге докторов наук, и провести обсуждение общих проблем татар. Причем это можно было приурочить к 100-летию национальной культурной автономии татар, которое состоялось в мае. Мы бы могли грамотно обсудить, что произошло с татарами за целый век, и на этой основе выработать какие-то общие предложения, каким образом можно сформулировать те идеи, которые нам необходимо в дальнейшем реализовывать. Я предложил это руководству конгресса Исполкома: сначала они идею восприняли, даже включили в рабочий проект, но потом выключили.

Я думаю, что если мы научное обсуждение проблем будем исключать таким образом, то мы ничего не достигнем. Надо научиться слушать то, что предлагают эксперты, потому что многие наши хорошие идеи в различные концепции, программы бывают вовлечены, но чиновники им не следуют. То, что получилось с Казанским университетом, как раз результат того, что экспертное мнение не было учтено. Я об этом неоднократно говорил, еще в 2008 г. мы сформулировали идеи, концепции по национальному образованию. В том числе на уровне высшего образования они были рассмотрены. Документы даже были подписаны, но наобум был создан этот гигантский федеральный университет, который поглотил вся и всех. В итоге мы получили большие минусы и сейчас не знаем, что делать.

– *А как экспертное мнение доводить до руководства республики?*

– Этим как раз должно заниматься руководство Всемирного конгресса татар как главный орган, отстаивающий татарские интересы.

В завершение я хочу сказать, что этот съезд был поворотным, в том числе и потому, что в России происходят очень важные изменения, которые, может быть, еще не всеми были осознаны. И татары попали под этот каток, потому что вертикаль власти усиливается, шовинизм растет, вне всякого сомнения. Татарский народ должен в новых условиях немного более осознанно начать действовать, имея в виду то, что происходит и как отстаивать наши интересы. А у татар есть собственные интересы. Этот вопрос особенно выделяется в связи с договором. Да, Минтимер Шарипович сказал, что работа над договором ведется. Надо четко понимать, что этот договор не просто символический капитал, как некоторые утверждают, это не декорация, а констатация особого места татар в Российской Федерации. Конечно, я за то, чтобы все народы были равны юридически. Но, во-первых, нас слишком много. Во-вторых, мы имеем очень большие заслуги перед российским государством. Во время Великой Отечественной войны татары пожертвовали около 200 тыс. людей, чтобы в ней победить. Редко какой народ может указать на этот факт.

Наша культура, наша цивилизация внесла существенный вклад в развитие российской культуры, государственности. В этом плане ни башкиры, ни чувашаи, ни чеченцы с нами не могут сравниться. Поэтому, когда мы говорим об особых отношениях между федеральным центром и татарами, надо иметь в виду и этот аспект. Мы не должны ни в коем случае поддаваться чрезмерному давлению. Там есть желающие построить такую вертикаль, что потом и самим русским будет плохо.

Резолюция VI съезда Всемирного конгресса татар

2–3 августа 2017 г. в Казани состоялся VI съезд Всемирного конгресса татар, в работе которого приняли участие 811 делегатов и 207 гостей из Республики Татарстан, 73 регионов Российской Федерации и 41 зарубежных стран.

Мы, делегаты VI съезда Всемирного конгресса татар:

- выражаем свое стремление к единству татарского народа, сохранению и развитию родного языка, культуры и традиций, укреплению согласия и добрососедства с представителями всех народов;
- поддерживаем курс руководства Российской Федерации по отстаиванию интересов страны на международной арене, обеспечению реализации стратегии государственной национальной политики, программных мер, направленных на сохранение и развитие языков, культур и традиций народов, проживающих в России, формирование общероссийской гражданской идентичности;
- осуждаем политику санкций по отношению к России со стороны Соединенных Штатов Америки, цинично использующих политические инструменты в конкурентной борьбе, что негативно сказывается на сотрудничестве с европейскими странами, искусственно создает обстановку нетерпимости и противостояния;
- отмечаем позитивную деятельность органов государственной и муниципальной власти Республики Татарстана по созданию достойных условий для представителей всех населяющих ее народов, а также поддержке этнокультурного развития татар, проживающих за пределами республики;

- приветствуем возрастающую роль татарских общественных организаций в решении актуальных вопросов этнокультурного развития татарского народа с учетом угроз и вызовов современности, позитивную деятельность в течение 25 лет всемирного конгресса татар по консолидации нации;
- отмечаем высокую значимость содействия МИД России и «Россотрудничества» в организации и проведении мероприятий по популяризации татарской культуры и традиций как важной составляющей российской культуры и национального многообразия в зарубежных странах, дальнейшей консолидации татар зарубежья;
- констатируем успешную реализацию государственных программ «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.», «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 гг.)», «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.»;
- отмечаем высокое значение для татар мира издания семитомной Истории татар с древнейших времен, а также ведущихся научных прикладных исследований;
- считаем важным проектом создание и развитие Болгарской исламской академии в качестве научно-образовательного и духовно-просветительского центра, базирующегося на традиционных духовных ценностях наших предков;
- поддерживаем развитие телевизионного канала «ТНВ-Планета», ресурсов «Татар иле» и «Ана теле», татарской редакции агентства «Татар-информ», создание Интернет-портала «Центр татарской литературы» как способствующих приобщению татар, проживающих за пределами Республики Татарстан, к языку и культуре татарского народа;
- признаем успешными практику и имеющийся значительный потенциал реализации современных проектов объединений, созданных при Всемирном конгрессе татар: Всемирной общественной организации татарских женщин «Ак калфак», Всемирного форума татарской молодежи, Всемирной ассоциации содействия татарским предпринимателям, Всероссийской общественной организации «Татарские сёла России», Всероссийской общественной организации «Федерация национальной спортивной борьбы «Татарча көрәш», Всероссийского общественного фонда «Татарская семья», Всетатарского общества краеведов, съездов учителей и других форм консолидации общественных сил народа;
- выражаем убежденность, что на важном историческом этапе Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан сыграл позитивную роль в этнокультурном, социально-экономическом и общественно-политическом развитии Татарстана и Российской Федерации в целом;
- поддерживаем обращение Государственного Совета Республики Татарстан о сохранении должности Президента Республики Татарстан как положительно зарекомендовавшей формы организации высшей государственной власти в республике и выражающей национальные интересы всего татарского народа;
- считаем необходимым сконцентрировать усилия татарских общественных организаций на сохранении и развитии татарского языка, культуры и традиций народа;
- выражаем стремление к активному конструктивному сотрудничеству татарских организаций с общественными объединениями, органами государственной и муниципальной власти стран и регионов компактного проживания татар в интересах сохранения мира и согласия, преумножения социально-экономического благополучия и создания достойных условий этнокультурного развития всех народов.

Заслушав выступление Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, доклад Исполкома ВКТ и выступления участников съезда, проанализировав развитие татарского общественного движения на современном этапе, делегаты VI съезда Всемирного конгресса татар РЕШИЛИ:

1. Признать работу Исполнительного комитета Всемирного конгресса татар между V и VI съездами (2012–2017 гг.).
2. Разработать с участием широкой общественности и принять Платформу сохранения и развития языка и духовного наследия татарского народа.
3. Одобрить проекты создания Музея татарской эмиграции и Портретной галереи татарского народа, общественным объединениям включиться в работу по формированию базы экспонатов.
4. Обратиться в адрес Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с предложением о ратификации Россией Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО, с целью последующего включения в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества национального праздника татарского народа «Сабантуй» и русского народного праздника «Каравон», отражающих культурное и историческое наследие народов России.
5. Обратиться к Министерству образования и науки Российской Федерации с предложениями о необходимости:
 - предоставления права обучающимся национальных школ сдавать Единый государственный экзамен на родном языке;
 - разработки нормативно-правового документа, регулирующего обеспечение, в том числе финансовое, прав граждан в обучении на родном языке и изучении родного языка.
6. Обратиться к руководителям субъектов Российской Федерации с предложением о создании необходимых условий для удовлетворения конституционных образовательных прав в изучении родного языка татар и представителей других народов Российской Федерации, компактно проживающих в регионах, в том числе обеспечения бюджетного финансирования соответствующих затрат.
7. Обратиться к Правительству Республики Татарстан с предложением рассмотреть возможность:
 - включения в программу «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 гг.)» подготовку и издание истории татарских поселений Российской Федерации;
 - создания детского образовательного канала на татарском языке.
8. Вновь избранному руководящему органу конгресса:
 - выработать комплекс мер, направленных на устранение недостатков и реализацию предложений, высказанных участниками съезда;
 - разработать методические рекомендации с отражением лучших практик по вопросам этнокультурного развития и взаимодействия с органами государственной и муниципальной власти в местах компактного проживания татар;
 - способствовать дальнейшему развитию системы содействия приему абитуриентов-соотечественников из регионов России и зарубежья в высшие учебные заведения, расположенные на территории Татарстана;
 - организовать подготовку кратких культурологических справочников о национально-культурных центрах татар, важных исторических событиях, традициях, обычаях татарского народа, в том числе с использованием современных инфокоммуникационных технологий.
9. Региональным организациям татар во взаимодействии с ВКТ проявлять большую активность в выдвижении и реализации инициатив, направленных на сохранение и развитие языка, культуры и традиций татар, проживающих в регионе.
10. Проводить целенаправленную работу, направленную на корректное отражение татар во Всероссийской переписи населения в 2020 г.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/354271>,
12 сентября 2017.*

«НЕ НАДО ИСКАТЬ ЧЕРНУЮ КОШКУ В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ... ВСЯ ПРОБЛЕМА ТОЛЬКО В ТАТАРАХ»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: о состоянии двуязычия в РТ, указах времен Александра II и татарском мировоззрении. Часть I

«Татарский язык и национальное образование в Татарстане: генезис, вызовы и перспективы» – мероприятие под таким названием собрало в нашей редакции известных ученых, литераторов и общественных деятелей. Участники оценили реальное двуязычие и в целом языковую политику, проводимую последние 25 лет в Татарстане. О Казани, так и не ставшей татарским городом, отсутствии элитных национальных школ язык и сакральности языка – в первой части стенограммы «круглого стола» «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Марат Ибляминов – медиаменеджер, создатель популярной татароязычной радиостанции «Тэртип»;

Вахит Имамов – писатель, главный редактор газеты «Мэдэни жомга»;

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член Исполкома Всемирного конгресса татар;

Марат Лотфуллин – старший научный сотрудник Института истории АН РТ, кандидат физико-математических наук;

Табрис Яруллин – председатель Всемирного форума татарской молодежи;

Рустем Бахтияев – один из авторов учебника «Сәлам», учитель татарского языка и литературы полилингвальной гимназии № 180 Казани, кандидат филологических наук.

Модераторы:

Руслан Айсин – политолог,

Рашид Галямов – издатель «БИЗНЕС Online».

МАРАТ ЛОТФУЛЛИН: «*ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ НЕ БУДЕТ ТАТАРСКИХ ШКОЛ, ПОТОМУ ЧТО КАДРОВ НЕТ*»

Модератор: Наша задача сегодня – поставить диагноз и сгенерировать некие идеи по заявленной теме, которая так остро воспринимается внутри республики. Первый вопрос: каково состояние двуязычия в республике? Какой путь мы прошли за 25 лет, что получилось, а что нет? Как в целом можно оценить языковую политику, проводимую все эти годы в Татарстане? Ваша оценка того, есть ли вообще двуязычие, удалось ли нам его добиться.

Марат Лотфуллин: Идеальных состояний никогда не бывает. Двуязычие, по крайней мере, в нормативных законодательных документах существует. База нормативная есть. С реализацией проблемы есть, но они связаны прежде всего с федеральной властью. Потому что после того, как Татарстан начал проводить политику реального двуязычия, появилось дополнительное законодательство РФ насчет государственного русского языка: мероприятия обязательно должны проводиться на русском языке, в том числе в Татарстане. По крайней мере, общественные мероприятия на 50 процентов должны быть на русском языке, даже в татарских школах. Делопроизводство должно вестись на русском языке. Такие ограничения, естественно, наложили свой отпечаток.

Народ наш смотрит на руководство и на вождей, потому что так воспитан. Если бы Минтимер Шарипович сказал главам: открывайте татарские школы, учите на татарском языке, дал бы персональное задание каждому, я думаю, наши вопросы в образовании решались бы быстрее.

Но двуязычие – это не только преподавание татарского языка. Национальное образование и двуязычие хотят свести к татарскому языку. И из этого полностью выпадают научно-техническая интеллигенция и наука. Полностью выпадают. У нас нет высшего образования. Университет так и

не появился, хотя решение есть. Университет не появился не случайно, а потому, что оказывается огромное давление, чтобы его не было. Создали татарский гуманитарный институт, и он, я считаю, пропал только из-за слова «татарский» в названии. Остальные пединституты во всех регионах остались: те, которые называются просто «пединститут». Наш пединститут канул в Лету. Он не просто канул, вместе с ним ушла подготовка учителей, работающих на татарском языке, то есть предметники: математики, физики, химики, биологи, историки... Казанский университет все эти специализации закрыл, набора сейчас нет. Сколько бы мы сейчас ни говорили, что татарские школы, что надо развивать сеть, но на основании чего? Учителей-то мы не готовим. Было единственное место в России, где готовились учителя-предметники. Теперь его нет. Через 15 лет татарских школ не будет, потому что кадров нет.

Как в российских регионах закрылись школы? Это не теоретические высказывания, это уже реализовано в регионах РФ. Потому что после революции сразу было объявлено – впервые в России – обязательное бесплатное начальное образование на родном языке. Оно реализовывалось до 1934 г. Вы можете в главном архиве РФ посмотреть отчеты школ, университетов. Там все учащиеся поделены по национальностям. Известно, сколько татар, русских, чувашей, марийцев учился в школе и сколько из них учился на родном языке, сколько школ с татарским языком обучения... Все известно до 1934 г. В 1934-м объявили свободу выбора языка обучения, эта статистика прекратилась. Это шло до вузов. И в 1958 г. постановлением ЦК КПСС... Кстати, с тем же символическим названием... И в 1937 г. было принято постановление «О повышении качества владения русским языком». В результате перешли на кириллицу, в татарских школах обязательный объем русского языка ввели не меньше определенных часов. Постановление 1958 г. тоже называется «О повышении качества преподавания русского языка». Аргументы не меняются.

Название такое, а внутри они провели исследование и выяснили, что в татарских национальных школах владение русским языком слабое. И как решили повысить? Перейти на русский язык обучения в этих школах. Закрыли все педагогические отделения во всех регионах РФ. Везде! В Ульяновске, Омске, Томске, Оренбурге – во всех городах закрыли. И естественно, после этого через 10 лет автоматически начали закрываться татарские школы. Преподавателей нет, они переходят на русский язык обучения. Это коснулось и педучилищ: не стало и учителей начальных классов, и воспитателей детских дошкольных учреждений.

Я приведу пример: в Пермской области есть Бардымский район, 99% его населения – татары. Детский сад работает на русском языке, потому что нет воспитателей. В городе Ос было педучилище, где готовили воспитателей, татарское отделение закрыли – и все. Теперь, пожалуйста, деревня чисто татарская, а все садики работают на русском. И в Татарстане это будет. Будет, потому что подготовка кадров – это федеральная компетенция. Вузы подчиняются напрямую Москве, республики никак на это не влияют. Контрольные цифры приема (КЦП) определяет Москва. Республика может дать только предложения в КЦП.

Вы хотите оценить состояние двуязычия. Двуязычие – это подготовка кадров. И не только учителей татарского языка. Это учителя-предметники, это прежде всего вузы и узкие специалисты. Пока специалисты не будут владеть языком, мы не будем выпускать таких специалистов, в жизни этого языка не будет.

Модератор: Какие специалисты должны владеть языком?

Марат Лотфуллин: Математики, физики, химики, инженеры, биологи, сталевары...

Модератор: Это все на татарском должно преподаваться?

Марат Лотфуллин: Нет, они должны владеть татарским языком. Учителя-математики могут и на русском языке преподавать, они двуязычные, билингвальные. Подготовка билингвальных специалистов должна быть. И в этом никакого чуда нет, в мире это практикуется.

Табрис Яруллин: Это не то, что должно, это само собой будет. То есть если человек учиться преподавать на татарском, то он параллельно будет знать тот же предмет и на русском языке, сможет его объяснить.

Марат Лотфуллин: Вот Каталонию возьмите: там достигнуты великолепные результаты – 95% молодежи владеет каталанским языком, хотя было где-то 10–15 процентов. Они этого достигли за 30 лет. А как? У них там вузы двуязычные.

Рустем Бахтиев: Там каталонцев – 90%.

Марат Лотфуллин: Я вам уже говорил насчет 90%. В Барде 99% – татары, а все детские садики работают на русском языке.

Марат Ибляминов: А что, в Барду в садик воспитателя присылают из Москвы? Или там все-таки местные кадры?

Марат Лотфуллин: Нет, воспитателей не приглашают из Москвы. И из Казани туда тоже отправить невозможно. Готовят там. Там были специализации с татарским языком, эти специализации закрыли, и закрыла их Москва.

Модератор: Где это?

Марат Лотфуллин: Во всех регионах РФ – в Бирске, в Осе, в Тюмени, в Самаре... Местные дети там учатся, но там такой возможности нет.

ТАБРИС ЯРУЛЛИН: «ДВУЯЗЫЧИЕ ЕСТЬ, НО РАВНОПРАВИЯ ЯЗЫКОВ НЕТ»

Модератор: Табрис Яруллин, председатель Всемирного форума татарской молодежи, каковы будут ваши тезисы по заявленной теме? К чему мы пришли за последнюю четверть века?

Табрис Яруллин: Спрашивать у меня про итоги 25-летия, наверное, нет резона, потому что мне всего 30. Я, скорее всего, результат политики двуязычия. Я учился в татарской гимназии имени Галимжана Ибрагимова, где все предметы полностью преподавались на татарском языке. Моя мама – одна из основателей этой гимназии, математику преподавала на татарском языке до самой пенсии. И всегда на нее была очередь, даже когда ЕГЭ появился. Она прекрасный педагог, и на ее примере я видел, что от языка ничего не зависит. Это по поводу преподавания.

Что касается политики двуязычия... Есть наше поколение 30-летних, которое владеет двумя языками в совершенстве и думает на этих языках одновременно. В нашем поколении уже практически нет татар, которые не знают русского языка. Как оценивать двуязычие? Двуязычие есть, но равноправия языков нет. Сфера применения татарского языка сильно заужена. Везде, где есть двуязычие, есть сферы, в которых применяется один язык, а есть сферы, где применяется второй язык. Или есть сферы, где можно применять и тот и другой язык. В случае с Татарстаном идеальной для нас моделью была бы европейская модель двуязычия. Но в нынешнем состоянии у нас сильный перекосяк в сторону русского языка. Потому что мы видим, что Казань перемальвает практически все начинания на татарском языке, татароязычные начинания. Казань находится впереди всех в Татарстане по русификации татарстанцев.

Модератор: Как любой мегаполис?

Табрис Яруллин: Не как любой мегаполис. Этого нельзя сказать про Барселону, про другие города. Я думаю, вполне могло бы быть так, что Казань, наоборот, была бы первым городом и столицей татарского языка. Этого не сделано. В Казани татарский язык практически отсутствует. Существуют только какие-то островки, сообщества, внутри которых есть татарский язык, которые что-то творят, придумывают: театры, артисты, поэты, еще что-то... Какие-то совсем маленькие сообщества, которые сами генерируют контент. Но в целом выходишь в Казань – татарского языка нет. У детей, которые изучают татарский язык, возникает когнитивный диссонанс: они выходят на улицы Казани и видят, что здесь практически нет татарского языка. Только мелким шрифтом написаны названия улиц – и все. Вывески, обслуживание – в Казани все это по-русски.

Я помню случаи, когда проводились такие большие события, как Универсиада, и нам приходилось требовать, чтобы там присутствовал татарский язык. Представляете абсурдность ситуации, когда есть уникальная возможность представить миру что-то особенное, сказать: вот смотрите, у нас есть отличия, разнообразие, это прекрасно. И мир бы это запомнил: запомнил, что есть Казань, что здесь есть двуязычие, две культуры. Оно изначально так и рекламировалось, но нам приходилось требовать, чтобы татарский язык присутствовал. Сейчас более-менее оформляют. Я смотрел

Кубок конфедераций, там дублируют татарский язык. Но где-то там на третьем месте курсивом пишут. На самом деле татарский язык в Казани точно не первый и не второй язык. Третий язык после русского и английского. Посмотрите, как пишут, в каком порядке: «билеты», «tickets», а в конце курсивом – «билетлар». В дизайне есть закон, когда малозначимый текст пишут курсивом, курсивом обозначают то, что необязательно для прочтения.

Модератор: Это и есть, наверное, плоды этих 25 лет? Оптимистические плоды есть: поколение, школы.

Табрис Яруллин: Да, есть оптимистическое. Есть поколение, которое готово генерировать новые идеи, готово защищать, готово высказывать свою гражданскую позицию. С другой стороны, мы видим, что городская среда, город не стал татароязычным и он очень быстро «съедает» следующее поколение.

Марат Лотфуллин: Все-таки 25 лет – это очень маленький срок. Вот, например, если взять обрусение инородцев. Программа была принята в 1870 г. министром просвещения Толстым. Там есть отдельный раздел об обрусении татар-магометан, который начинается так: «Татары-магометане, зомбированные своими муллами, являются самым трудным народом для обрусения». В этой программе первым пунктом была обозначена «подготовка учителей русского языка из татар и внедрение их в мечети и мектебе». Этим великий Каюм Насыри как раз занимался. Под руководством Ильминского он готовил из татар учителей русского языка. Прошло 150 лет. Через 150 лет все татары говорят на русском. Программа была реализована через 150 лет! 150 лет понадобилось, чтобы научить народ русскому языку. А вы хотите за 25 лет научить татар и русских татарскому языку. Да не будет за 25 лет! Вот 150 лет поработаем, потом такой вопрос можно поставить. Я вам китайскую пословицу приведу: если вы хотите кушать яблоко, надо думать на 10 лет вперед; если вы хотите воспитать человека, надо думать на 100 лет вперед.

Руслан Айсин: Когда китайцы это говорили, не было геной инженерии...

Модератор: Не было Интернета, не было ускорения времени.

Марат Ибляминов: Через 150 лет эти вопросы просто некому будет ставить из числа татар.

Марат Лотфуллин: Я не говорю, что эти вопросы надо решать через 150 лет. Надо решать непременно, неуклонно в течение 150 лет.

ВАХИТ ИМАМОВ: «ОЧЕНЬ ПЛОХО, ЧТО МЫ НЕ ОТКРЫЛИ ЭЛИТНЫЕ ТАТАРСКИЕ ШКОЛЫ. В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ Я ЗАВИДУЮ БАШКИРАМ»

Модератор: Слово писателю, главному редактору газеты «Мәдәни жомга» Вахиту Имамову. Пожалуйста, ваша оценка состояния двуязычия. Чего удалось и чего не удалось добиться за 25 лет?

Вахит Имамов: Как уже сказал Табрис, у нас сильный крен в русскую сторону. Это заметно и в Казани, и в крупных городах. Я долго жил в Челнах, знаю. В 1991 г. я был инициатором разделения двух школ с созданием в одной татарской, а в другой – русской. Создали инициативную группу, ходили по квартирам, собрали 800 заявлений и разделили школы. Нам тогда Алтынбаев (*в то время мэр Набережных Челнов* – прим. ред.) поставил условие – пока 700 подписей не соберем, к нему не являться. И мы собрали. Нам даже пришлось накануне 1 сентября ночевать в школе, потому что наши любезные гости в отместку разбили кирпичами несколько окон. Тем не менее мы ее создали.

Я это к чему... Одна из причин того, что мы не смогли реализовать татарский язык, как полагается в республике и особенно в городах, – это несоздание, отсутствие чисто татарских школ. Этот год – наглядный тому пример. За полгода все кричали, что 180-я школа в Казани откроется как новая татарская школа, но под давлением русских, живущих в соседних домах, администрация и управление образования города подчинились и открыли полилингвальную школу. Причина: почему мы должны возить своих детей за две остановки вдаль в русскую школу? А наши татарские дети вынуждены ездить и за пять, и за десять остановок, чтобы только быть, жить в татарской среде. Этого не сделали. И виновата здесь как наша городская администрация, так и правительство.

Я не понимаю слова президента о том, зачем мы должны открывать чисто татарские и чисто русские школы, что, мол, тогда и экономику разделить на чисто татарскую и русскую... Но духов-

ный мир нельзя путать с экономикой! Деньги – другое дело, а мой язык – это другое дело. Мой язык может жить только в своей, национальной среде. Экономика тут ни при чем, там может 20 национальностей собраться и создать какую-то фабрику, построить завод. Это их дело, дело богачей, но это не дело малышей, которые идут в первый класс.

Поэтому приходится возвращаться в историю, Марат Вазыхович уже вспоминал про указ Александра II от 1870 г., как началась борьба, когда в татарские школы внедрили русский язык. И когда сотни медресе в знак протеста прекратили учебу, тогда поняли, что во главе всех этих телодвижений стоят муллы, и издали указ, лишаящий муллу, не знающего русского языка, права возглавлять мечети или преподавать в медресе. В дальнейшем им не понравилось Иж-Бубинское медресе – самая образцовая школа царской России. Там преподавали 5–6 языков. Сегодня в России нет ни одной такой школы, в которой бы преподавали на уровне школы Иж-Буби. Нет такой школы! Тогда приезжали преподавать и из Турции. В 1911 г. медресе закрыли, а турецких мугаллимов выгнали из России, заставили их уехать. Эти же мугаллимы агитировали наших татарских детей поехать на обучение в Турцию. Наши великие Хади Максуди, Фатих Карими и многие другие поехали в Турцию и обучались там. Затем они стали предводителями татарского народа, знали по 5–6 языков! Сегодня мы удивляемся: как Садри Максуди или Юсуф Акчура так легко смогли поступить в Сорбонну и проучиться там? Потому что они и до этого знали 5–6 языков!

Модератор: А вот с конца 1980 гг. мы добились чего-то? Разница есть?

Вахит Имамов: Нет, мы ничего не добились. Мы в 1990-х гг. открыли турецкие лицеи, вся татарская общественность с восторгом встретила эти школы. К примеру, мой сын окончил татаро-турецкий лицей, владеет четырьмя языками. Опять же увидели опасность в татаро-турецких лицеях, обвинили приехавших учителей в том, что они будто бы разведчики, шпионы. Их всех выгнали отсюда.

Модератор: Это было связано с гюленовским движением. Все-таки, неужели нет разницы между двуязычием конца 1980-х и нынешним состоянием?

Вахит Имамов: Нет. Ситуация не лучше, чем в 1980-х гг. Я закончил школу в 1971 г. в селе совершенно на татарском языке, но я физику и математику знал не хуже русских. Я попробовал поступить в сельхозинститут: русские провалили, я же сдал экзамены, но потом поступил в университет на журналистику. Очень плохо, что мы не открыли элитных татарских школ, я завидую в этом отношении башкирам. Они еще в 1992 г. открыли элитные школы для башкирских детей.

**МАРАТ ИБЛЯМИНОВ: «ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ БЫЛО ГОРАЗДО БОЛЬШЕ
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, НЕЖЕЛИ СЕЙЧАС»**

Модератор: Передаю слово Марату Ибляминову. Вы медиаменеджер, который и в госструктурах поработал, а также создатель самого популярного татарского радио «Тәртип». Человек, который переживает и сделал что-то своими руками. Вам есть с чем сравнить.

Марат Ибляминов: Сначала я дам оценку сложившейся ситуации в Татарстане, когда идет абсолютно никому не нужная, но кому-то выгодная шумиха. Гонят сильнейший информационный шум. Но в ситуации изучения татарского языка я могу однозначно заявить: мое мнение таково, что здесь нет никаких проблем, связанных как с федеральным центром, так и с информационной атакой на республику. Не надо искать черную кошку в темной комнате, там, где ее нет. Вся проблема только в татарах. Эта позиция, конечно, идет вразрез с теми националистическими сообществами, которые призывают к сепаратизму, чуть ли не к отделению от Татарстана, к созданию каких-то своих национальных гетто и кластеров.

Модератор: А есть такие?

Марат Ибляминов: Есть, я могу привести несколько примеров. Я всегда держался в стороне от подобного рода групп, потому что проблему татарского языка сейчас начинают смешивать с национализмом, шовинизмом и так далее. Это отнюдь не работает на пользу татар и татарского языка в целом. Это, во-первых. Во-вторых, в предыдущих интервью я говорил, что татарам никогда ни

один народ не мешал, несмотря на то что здесь ранее привели указы 1870 г. и т. д. Татары душат только сами себя. Не дай бог, один вылезает, десять тянут вниз.

Модератор: А у других не так?

Табрис Яруллин: Разве так? Вы с другими татарами, видимо, работаете.

Марат Ибляминов: Я могу сказать про наше телевидение, где я благодаря некоторым потугам стал *persona non grata*, даже мои снятые интервью о трезвости зарубали и не пропускали. То громкое по своей значимости выступление, те слова, которые были озвучены в Йошкар-Оле на совете при президенте РФ, я считаю, стали отрезвляющим громом для всех татар, они показали нам и вскрыли этот нарыв наших проблем. Это несовершенство обучающей системы, перекосы в национальной политике, принудительное изучение татарского языка другими народами, именно принудительное, причем абсолютно никчемное и бестолковое. Необходимо менять систему образования.

Возможно, впервые за всю свою историю татары получили шансы модернизировать методики обучения, сделать их понятными, доступными, главное, интересными не только для татар, но и для всех жителей республики. Я приводил пример про Испанию, когда они перетаскивают к себе лучшие умы и вместе с ними подтягивают родителей. 60–70-летние бабушки начинают учить испанский язык. Через 5–7 месяцев, занимаясь всего два часа в неделю, они начинают говорить на испанском языке. Они торгуются на рынке, они совершают покупки, они делают заказы в Интернете. Почему это происходит? А мне отвечают: так ведь они находятся в языковой среде. Что же мы, татары, в Татарстане не находимся в языковой среде? Может быть, проблема в нас самих?

Модератор: Удалось ли чего-то добиться за эти 25 лет в Татарстане в плане двуязычия? Удалось ли татарский реанимировать?

Марат Ибляминов: Я считаю, что при советской власти было гораздо больше татарского языка, было больше распространения и было лучше, нежели сейчас. Сейчас чем больше у нас суверенитета и чем больше шумихи, тем менее качественной становится программа. Откройте учебники русского и татарского языка за один и тот же класс. Каким образом русскоязычному мальчику по имени Артем вы даете во втором классе спряжения и склонения на татарском языке, когда он это еще на русском не прошел? Вы заведомо ставите его в неприятную и непонятную ситуацию, и, к сожалению, в некоторых школах татарский язык делают инструментом давления. Если у ребенка по математике, физике и химии пятерки, а по татарскому языку – двойка, то это говорит не о том, что ребенок глупый и не желает учиться, а о том, что есть системная проблема преподавания татарского языка. Я в дальнейшем расскажу о целом комплексе мероприятий, которые необходимо провести.

Модератор: В чем татары виноваты все-таки?

Марат Ибляминов: Татары виноваты в том, что не создали языковой среды, нам ее создавать никто не запрещает. Языком начинают пользоваться тогда, когда он интересен и у него есть зона применения. Давайте вспомним, какой медийный проект был создан за последние 10 лет на татарском языке? Где наш «татарский „Фейсбук», который был профинансирован и в котором заставляли регистрироваться всех чиновников районных администраций? Где он? Я сейчас даже не буду ругать наше телевидение, рейтинги красноречиво говорят сами за себя. Когда поднимался вопрос на национальной ассоциации телерадиовещателей в Москве по поводу вхождения национальных каналов в первый и второй мультиплекс, замминистра информатизации и связи Алексей Волин сказал: «Те региональные каналы, которые будут сидеть на одном месте ровно, сгинут. Те, кто найдет новые сферы вещания, будут развиваться». Если мы возьмем основные ретрансляторы, например, IP-телевидение, такие программы, как «СПБ ТВ», «Картина ТВ», «Русское ТВ», «Глас ТВ», мы найдем там наше национальное телевидение? Его там нет.

Модератор: Это где такое?

Марат Ибляминов: Это в приложениях на iPad, Android и так далее. Это цифровая среда, та самая digital-экономика, про которую все говорят, но никто не знает, как к ней подойти, тем более свести ее каким-нибудь образом с татарами.

Модератор: Т. е., Москва этого делать нам не запрещает?

Марат Ибляминов: Москва нам не запрещает там появляться.

Модератор: А кто запрещает?

Марат Ибляминов: Наше собственное бездействие. Раз уж вы упомянули про «ТАТМЕДИА»... Когда я пришел в «ТАТМЕДИА», первое, что я сделал,— это все татароязычные радиостанции, работающие в этой структуре, вывел в Интернет. Это та самая цифровая, digital-экономика. Все радиостанции можно было слушать через Интернет в приложениях на телефонах и планшетах, на iPad, Android и прочее.

Вахит Имамов: В Швеции наша челнинка – певица Гулюза Зайнетдинова – вышла замуж за Туркер Соукана и изучила шведский язык. Ей платили 1 тысячу долларов в месяц – пособие за то, что она просто изучает шведский язык.

Руслан Айсин: За иврит тоже платят. Если ты еврей и хочешь изучать язык, есть специальные стимулирующие программы.

Вахит Имамов: Может, нам и об этом нужно подумать?

Руслан Айсин: В свое время существовала же 15% надбавка к зарплате тем, кто знает татарский язык...

*ДАМИР ИСХАКОВ: «БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ ЭТОТ ВОПРОС
ОБСУЖДЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ»*

Модератор: Слово передается Дамиру Мавлявеевичу Исхакову, нашему историку, не просто историку, но и идеологу той модели, в которой мы 25 лет уже живем... Это идеолог Татарстана, суверенитета, футуролог. Как никто другой вы можете оценку дать: вообще, за 25 лет чего удалось добиться из того, что замыслили, и чего не удалось?

Дамир Исхаков: Когда меня пригласили сюда, я долго колебался. В принципе, все, что можно было, уже сказано, вообще такое обсуждение большого смысла не имеет. Сейчас мы хотим избежать политической плоскости в этой проблеме. Но на самом деле без политической плоскости данный вопрос обсуждению не подлежит. Если в России не будет демократии, а ее может еще долго не быть, то татары будут идти на дно со своим языком, потому что имперский проект будет вести к исчезновению татарского языка. Может быть, Россия когда-нибудь проснется, тогда есть шансы.

Что касается двух вопросов, о которых я должен сказать свое мнение... За последнее два десятилетия особого сдвига не было. Я согласен с Табрисом в том, что нам удалось воспитать одно поколение, которое сформировало иное отношение к татарскому языку, татарской культуре. Это был результат очень больших усилий общественных сил. Если бы не было этого общественного переворота, мы бы находились в худшем положении, нежели сейчас. По крайней мере, еще одно поколение у нас есть. Оно не очень многочисленное, и не все находятся на уровне Табриса.

Марат Лотфуллин: Спасибо Михаилу Сергеевичу.

Дамир Исхаков: И нам самим – тоже! Это все наши общие усилия. Нам тут рассказали, как татарские школы открывались, каких это стоило усилий. Это результат общественной подвижности. А так, сказать, что мы преуспели в целом в продвижении татарского языка, я не могу. Мы находимся примерно там же, с чего начинали, но ситуация в чем-то еще ухудшилась из-за общего контекста.

Обычно это упускают из виду, но я как демограф об этом всегда помню. В Советском Союзе русских было около половины, было много других многочисленных народов, из-за чего Москва вела осторожную национальную политику, в том числе в сфере образования, хотя в РФ была наиболее жесткая национальная политика. Сейчас мы имеем русскоязычную среду, где русских больше 80%, причем этот народ имеет очень большой имперский комплекс, доставшийся с прежних времен. Мы же видели, как прибалтийцы пытались научить русских разговаривать на местных языках, но им это не удалось, до сих пор не удастся. Русские лучше будут сматываться оттуда на Запад, чем изучать местные языки. Сейчас мы имеем дело с таким большинством, видимо, московские политики ориентируются на него, на его комплексы, соответственно выстраивают политику. Для татар это очень плохое окружение. Но так будет не всегда, есть прогноз ООН, согласно

которому к 2050 г. в России будет 37–38% мусульман, преимущественно среднеазиаты, в основном тюркоязычные.

Марат Лотфуллин: Но это к языку не имеет отношения.

Дамир Исхаков: Это имеет некоторое отношение к тем вопросам, которые мы обсуждаем, потому что это позволит совершать немного больше маневра более малочисленным народам, которые в России имеются. Откровенно говоря, для обсуждения проблем, которые существуют, мы должны иметь четкие социологические данные, мнения. Чтобы показать, в каком положении татарский язык находится: в условиях Казани в семьях по-татарски общаются 35–36% татар, остальные или двуязычные, или русскоязычные. Я думаю, что это характерная черта для всех крупных городов и городского массива. На селе у нас населения татарского мало, треть только, из этой трети половина – пенсионеры, их скоро не будет, мы тоже туда же идем, дорога идет туда. В основном городской массив будет решать, а там у нас ситуация не блестящая.

**РУСТЕМ БАХТИЕВ: «В РЕСПУБЛИКЕ ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЙ ПРОЦЕНТ ЛЮДЕЙ,
КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ: «МЫ НЕ ХОТИМ ЗНАТЬ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»**

Модератор: Бахтиев Рустем Флусович, представляющий 180-ю гимназию. Как практик дайте оценку ситуации: насколько двуязычие есть в республике, в школах, в системе образования. Мы специально пригласили человека из среды образования.

Рустем Бахтиев: Если сравнивать школу в конце 1980-х гг., где татарский язык и татарская литература преподавалась на уровне факультатива, то сейчас эти предметы в числе обязательных, количество тоже достаточное. Если брать начальную школу и среднее звено, там по четыре-пять уроков в неделю, то есть нормальное количество. В этом плане в школе татарский язык живет, нормально существует.

Вопрос качества – это другой вопрос. Здесь есть изменения в хорошую сторону.

Но отдельно хочу сказать по поводу начального образования. Общаюсь с русскоязычными родителями, у которых дети учатся в начальной школе: русские дети с удовольствием изучают татарский язык. В начальной школе вообще нет никаких проблем. Там и стиль преподавания немного отличается, там больше игры, песни – программа интересная. В детском саду тоже интересное изучение. То есть с детьми, которые начинают изучать татарский язык с детского сада, вообще никаких проблем нет, они любят татарский язык.

Буквально сегодня разговаривал с одной родительницей, она говорит: «Моя дочь любит татарский язык, старательно его учит». Но у нее есть сын, который в раннем детстве не изучал татарский, поскольку они переехали в Казань из другого города, а начал изучать в третьем-четвертом классе: там уже начинаются проблемы, так как есть огромное отставание от программы. В среднем звене проблем больше. Почему? Потому что у татарского языка функциональность в городской жизни достаточно ограничена: выходишь ли на улицу, заходишь ли, к примеру, в магазин или банк в Казани, в других крупных городах, татарского языка очень мало. У детей и родителей возникает такой вопрос: зачем учить язык, который мало применим? Можно же спокойно жить без него. Это один момент – так сказать, потребительский.

Второй момент: система образования строится начиная с детского сада, заканчивая высшим образованием. Что происходит в нашем случае? Сами татары говорят: «Вот мы изучаем татарский язык, а зачем нам изучать предметы на татарском языке, когда нет высшего образования, нет вуза?» Плюс к этому прибавляется еще ЕГЭ на русском языке. Многие татары не хотят изучать предметы на татарском языке именно поэтому. Они не против родного татарского, а предметы изучать – с этим тяжело. ЕГЭ серьезно подкашивает вопрос изучения предметов на татарском языке.

В целом же народ вообще не против изучения татарского языка, вообще такого негатива не ощущается, все не против изучать – в этом я проблем не вижу. Есть проблемы именно в изучении предметов на татарском языке, поскольку нет логического завершения.

И еще одна проблема, повторюсь, в том, что зона функциональности языка ограничена. Язык нужен в первую очередь для чего? Это средство общения. Это инструмент получения знаний, коммуникаций.

Марат Ибляминов: Тезис еще раз подтвердился, что отсутствует языковая среда, где мог бы применяться татарский язык.

Руستم Бахтиев: Да.

Модератор: От медийной до бытовой.

Марат Ибляминов: Везде!

Руستم Бахтиев: Что касается политики, которая проводится в современном Татарстане, меня радует, что появилась креативная молодежь, которая мыслит по-современному, предлагает интересные проекты. И в Министерстве образования тоже прогрессивно мыслят. Последний интересный проект – тот же самый «Сэлам!»: новый учебник для русскоязычных учеников на основе методик иностранного языка. В прошлом году учебник прошел апробацию, и родители говорят, что интересно, красочно. Если бы таких проектов было больше, то мы бы добились большего. Если дальше целенаправленно так будет продолжаться, то будет хороший результат. Но еще раз подчеркиваю: в республике очень маленький процент людей, которые говорят: «Мы не хотим знать татарского языка». В системе образования, в школе я редко встречал таких людей, которые говорят: «Нет, я не хочу изучать татарский язык».

Вахит Имамов: Мы говорим «двухязычная школа», а ведь даже Тишков сказал, что татарско-русские школы дают фору российским школам. Это модель для образования. Даже он признал!

*РУСЛАН АЙСИН: «ЭТО НЕ ВОПРОС ПРЕПОДАВАНИЯ, НЕ ВОПРОС ФИЛОЛОГИИ,
НЕ ВОПРОС КАДРОВ, ЭТО ЧИСТАЯ ПОЛИТИКА»*

Модератор: Руслан Айсин – вы тоже дитя того поколения?

Руслан Айсин: Да, я в 1990-м г. поступил во 2-ю татарскую гимназию, ездил, кстати говоря, за 10 остановок, будучи юнцом. У нас в субботу была встреча одноклассников – 20 лет выпуска. Нормально, все говорим на татарском языке.

Но я соглашусь с Дамиром Мавлявеевичем в том, что действительно вопрос сугубо политизирован. Это не вопрос преподавания, это не вопрос филологии, это не вопрос кадров, это чистая политика. В России, так или иначе, абсолютно все политика: начинаете вы производить лапти или машины либо преподавать татарский язык – это все оборачивается в политику. В России по-другому никак, потому что это имперское пространство. Имперское пространство в психоментальном смысле очень сложное. Удивительным образом здесь соседствуют носители имперских комплексов и комплексов проигравших. Среди нас самих немало таких, обиженных, которые говорят: «Да зачем этот татарский язык? Мы же сами виноваты в этом, господа! Что же мы посыпаем голову пеплом?» Это очень сложный комплекс вопросов. Просто с наскака, чисто технологически это не решится никогда. Мы можем идеальную методику преподавания придумать, мы можем заплатить профессорам Оксфорда, чтобы они нам придумали эту методику, но это вопрос не решит. Это вопрос политики.

Гаяз Исхаки в свое время сказал, что первый шаг к свободе – это национальное образование, система национального образования. Естественно, Москва об этом знает, поэтому она старается потихонечку отсекают, выбивать у татар эту треногу Пифии, на которой сидит, как известно, прощатель. И если выбить эту треногу, то мы все падаем в известную расщелину дельфийскую.

Что еще можно отметить: язык – это не вопрос коммуникации, как многие ошибочно считают, это не вопрос того, что я объясняю тебе на татарском языке, это образ мысли, образ восприятия. В этом смысле мы, к сожалению, свой татарский язык сейчас опускаем до уровня просто коммуникации, вывески. Есть санскрит, есть латынь. Это сакральные языки. Санскрит, например, был языком брахманов, как он опустился до уровня хинди? До него не допускали ни женщин, ни кшатриев, ни вайш – представителей низших каст. И после того, как в эти кастовые сущности стал проникать санскрит, он стал деградировать, как они считают, из этой деградации появились бенгали, хинди и другие языки региона. Но при этом санскрит живет. Латынь живет, хоть и говорят, что это мертвый язык. Потому что это язык не коммуникаций, это язык знаний, сакральных знаний.

У татар татарский язык являлся тоже сакральным инструментом, потому что даже наш неформальный гимн звучит как «И туган тел, и матур тел. Эткэм, энкэмнең теле». То есть татарин,

который говорит, что язык – это ключ к вере, внутренне отсылает к санскриту и латыни, к этой парадигме. Если мы вернемся заново к этому, то мы будем относиться к языку по-другому. Мы же, к сожалению, относимся к нему чисто технологически. Понятно, мы все дети глобализации, мы мыслим потребительски: а что дает этот язык, а это он не дает, а вот это он дает.

Марат Лотфуллин: Если с такой позиции подходить, тогда нужно переходить на английский!

Руслан Айсин: Каталонцы сдались? Не сдались. Баски сдались? Не сдались, хотя их тоже душили и при Франко. Франко запрещал: их сажали, убивали. Но они не сдались. За 30–40 лет процент знающих каталонский и баскский языки вырос на порядки. Это вопрос опять-таки не технологический. Европейское пространство совсем другое с психологической, с этнопсихологической точки зрения. В России я много раз сталкивался с тем, что приезжают иностранцы и говорят: «Руслан, почему, когда мы обращаемся на улице к людям по-английски с вопросом, как пройти туда-то, все разводят руками? Почему никто здесь не знает английского языка?»

Табрис Яруллин: Плохая методика, много уроков... Ироничная аналогия с татарским.

Руслан Айсин: Это глубокая психологическая проблема. Они не знают по другой причине – потому, что считают свой язык главным. Поэтому не учат. А у нас не учат почему? У нас глубокая паразитическая лень, которая пронизывает тысячелетнюю историю нашу: лежать на печке, Иван там, «по щучьему велению»... Психологически это возникло.

Как официально возник украинский вопрос? С языком. Здесь то же самое: политизируют. С одной стороны, для демократии, как говорит Дамир Мавляевеич, это хорошо, потому что это создает политическую общественную подвижку. Сейчас, как мы видим, поднимаются сообщества, начинают это обсуждать. В принципе, это экскурс в 1985 г., когда Горбачев разрешил общественный дискурс и началась подвижка. Здесь запретили – началась подвижка. В Коране говорится: «Они интригуют против вас, но они не знают, ибо интригуют против себя». Возможно, это то же самое. Возможно, это спасительный механизм, как говорили мистики-иудеи, «спасение через грех». Может быть, это спасение через грех, но в целом я считаю, что ситуация не такая сложная, она сугубо политизирована.

Действительно, есть поколение молодых 30–35-летних людей, которые воспринимают родной язык не как потребительский, не как коммуникативный, а именно как базисный, потому что он отвечает за мировоззрение. Вне языка трудно говорить о татарском мировоззрении, а если не будет мировоззрения, то татарский язык не нужен, не нужен мне язык коммуникации, татарский действительно не нужен, мало кому нужен. Татарский язык нужен как язык мировоззренческого восприятия мира.

(Окончание следует)

Гульназ Бадретдин

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/358868>,
27 сентября 2017.*

* * *

«ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА – У ТАТАР НЕТ ГОРОДСКОЙ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ...»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: почему отмалчивается Минобразования РТ, зачем русским учить татарский и чем полезен опыт Чечни. Часть II

«Татарский язык и национальное образование в РТ: генезис, вызовы и перспективы» – под таким названием в «БИЗНЕС Online» прошел «круглый стол». Участники проанализировали последствия возможного отказа от обязательного изучения татарского языка в школах РТ. О том, почему в республике так и не появился языковой омбудсмен, как объединить татарский язык и цифровую экономику, – во второй части стенограммы встречи в редакции «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола» проанализировали последствия возможного отказа от обязательного изучения татарского языка в школах РТ.

Участники «круглого стола»:

Марат Ибляминов – медиаменеджер, создатель популярной татароязычной радиостанции «Тэртип»;

Вахит Имамов – писатель, главный редактор газеты «Мэдэни жомга»;

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член Исполкома Всемирного конгресса татар;

Марат Лотфуллин – старший научный сотрудник Института истории АН РТ, кандидат физико-математических наук;

Табрис Яруллин – председатель Всемирного форума татарской молодежи;

Рустем Бахтияев – один из авторов учебника «Сәлам», учитель татарского языка и литературы полилингвальной гимназии № 180 Казани, кандидат филологических наук.

Модераторы:

Руслан Айсин – политолог;

Рашид Галямов – издатель «БИЗНЕС Online».

ДАМИР ИСХАКОВ: «В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ МЫ ПОЧТИ ДОСТИГЛИ ТОГО, ЧТО ИМЕЛИ В НАЧАЛЕ 1920-Х. НО СЕЙЧАС НАС «РАСШИВАЮТ» ОБРАТНО»

Модератор: Что стало причиной появления известного путинского заявления в Йошкар-Оле? Как вы вообще его оцениваете? Каковы его последствия с учетом сроков, которые даны генпрокуратуре на проверку школ в национальных республиках? Можно ли оценить долгосрочные последствия отмены двуязычия в школе?

Дамир Исхаков: Между языком и ментальностью есть очень тонкая связь. Я хочу привести только два примера, которые будут свидетельствовать о том, что знание татарского языка имеет свою собственную ценность. «Нация» по-татарски называется «милләт». Понятие «нация» идет от nation – это территориально-государственнообразованный народ, если так перевести. А «милләт» – это исламское сообщество, «милләтия исламия». Если внимательно подумать, вы увидите, что есть очень большая разница между категориальными аппаратами. Еще одно такое же понятие, я его как-то приводил: есть Бог на русском языке, есть наш Аллах, который называется и Тенгри, и Ходай. Вы знаете, Бог триедин, а Аллах – это абстрактная сущность и только в единственном числе.

И если так смотреть за каждым языком, на самом деле за понятийным аппаратом, содержащимся в языке, раскрывается внутреннее содержание. И разные народы, которые имеют собственные языки, мыслят совершенно по-разному. Может быть, многие этого еще не понимают, но на самом деле это очень важная вещь, поэтому потеря татарского языка приведет к тому, что мы свой мир, который скрывается за нашим языком, потеряем. Это философское видение.

Что касается содержательной стороны... Я думаю, что путинское заявление, которое прозвучало в Йошкар-Оле, было тщательно подготовлено его аппаратом. Я внутренний процесс увидел еще гораздо раньше, потому что вместе с ныне покойным Туфаном Миннуллиным участвовал в обсуждении в Госдуме проблемы перехода татарского языка к латинице. Там я увидел, насколько силен шовинизм, который сидел в депутатах, потому что они хотели отбить татарскую попытку изменения алфавита. И сейчас мы имеем политический результат того, что вызревало в российском сообществе. То есть это заявление Путина совершенно не случайное. И для него важно, чтобы прозвучал такой клич: я поддерживаю русских, русский язык. В преддверии выборов для него лично это очень важно, я думаю. Он выбрал такой вариант, и я считаю, что его определенные политические круги поддерживают. Не все, я думаю, в Москве поддерживают, потому что прозвучали и другие возгласы по этому поводу, но выбранная Путиным политическая линия на самом деле является имперской политикой. И, соответственно, нас отбрасывают далеко назад.

Я хочу привести один такой пример: недавно моя аспирантка закончила диссертацию, еще не защитила, которая называется «Нациестроительство в Татарстане в 1920-х годах». Я могу вам

сказать, что Татарстан, как только был создан, сразу ввел два государственных языка. И сразу начали обучать все народы, не только татар, татарскому языку. Была построена лингвистическая политика. И тогда предполагалось, что в советской России будет реальный федерализм. Одним из признаков было то, что, скажем, наше республиканское Министерство образования было республиканским, оно не подчинялось Российскому министерству образования. То есть мы всю систему образования хотели выстроить сами и могли (!) в начальный период.

Если эту ситуацию опрокинуть на то, что происходит сейчас, то мы в начале 1990-х гг. почти достигли того, что имели в начале 1920-х. Но сейчас нас расширяют обратно. Если посмотреть политические последствия того, что идет вслед за заявлением Путина и прокурорскими делами, то вопрос же очень просто стоит: русские внутри Татарстана откажутся изучать татарский язык. Следовательно, татарский язык не сможет быть вторым государственным языком, он будет только языком татар.

Табрис Яруллин: Второй государственный. Нет такого понятия как «второй». Он такой же государственный, как и русский.

Дамир Исхаков: Это уже будет не государственный язык, а национальный язык татар. Татарстан теряет один из своих государствообразующих элементов. И, кроме этого, там заложена одна очень отрицательная тенденция: в городских условиях большая часть детей-татар обучаются в русских школах. Возникает вопрос, как будет выстраиваться система образования в ситуации, когда половина класса – русская – не изучает татарский язык, а часть татарских детей – не все, многие татарские родители тоже отказываются изучать татарский язык – захотят изучать? Каким образом эта штука будет работать в образовательной системе? Одни будут футбол гонять, другие в это время татарский язык изучать, третьи – еще чем-нибудь заниматься? И плюс ко всему возникнет ситуация сегрегации по национальному признаку в школе, чего раньше не было. Потому что когда ты не очень хорошо видишь национальность своего товарища, ориентируешься на его личные качества, в этом есть свои положительные стороны, хотя отрицательные тоже имеются.

Модератор: То есть политика баланса, которую выстраивали в 1990-х, рухнет?

Дамир Исхаков: Теряется, рухнет. И сейчас я слышал, что наше Министерство образования не знает, что делать. Вот эта волна сейчас накатывает. Мы должны каким-то образом дать ответ. И ответа у наших политиков нет. Не зря здесь сегодня отсутствуют представители нашего парламента, Министерство образования тоже не представлено. Даже если вы их пригласили, они просто не придут, им – нечего сказать.

Модератор: Очевидно, что есть воля царя, и она в нынешних условиях и реалиях реализуется на 100%. Если, конечно, не будет выработана некая неожиданная и продуктивная стратегия.

Дамир Исхаков: Процесс идет.

Модератор: Разве есть какие-то сомнения?

Марат Ибляминов: У меня есть великие сомнения.

Табрис Яруллин: У меня тоже есть сомнения.

Дамир Исхаков: Я думаю, что наши политики ничего не родят. Потому что у них крыть нечем, потому что вот один из татарстанских политиков буквально на днях написал, что в политике важна сила. А разве у татар и Татарстана есть сила противостоять?

Табрис Яруллин: Есть, конечно.

Модератор: Есть такое понятие, как духовная сила.

Дамир Исхаков: Поэтому конкретному событию нам московскому лому противопоставить нечего. По школьному делу мы отстоять позиции не сможем, потому что лом он такой. Вы смотрите, как наши политики завязаны на московских делах. А что они могут сделать? Никаких национально-активных сил на сегодня тоже нет, чтобы они могли выйти на улицу, вывести хотя бы 50 тыс. человек, чтобы все сказали: «Нет, это не пройдет». Нет таких сил. Следовательно, по этому пункту будет отступление.

До какого предела, пока сказать невозможно, но последствия будут не те, которые задумали в Москве. И я думаю, что если эта политика будет последовательно реализована, то у ДАИШ (*араб-*

ское название запрещенной в РФ группировки «ИГИЛ» – прим. ред.) и ей подобных союзников точно прибавится, потому что язык в значительной степени будет загнан в подполье и будут сильные недовольства в обществе. Я хочу предложить пару рецептов.

Модератор: Да, третий вопрос у нас как раз: что делать в этой ситуации?

Дамир Исхаков: Так как против лома нет приема, единственный козырь, которым мы можем обладать и использовать, – это развитие национального самосознания. Оно может протекать не только в языковом лоне, есть другие способы. Конечно, если бы татары были достаточно сплоченной крепкой нацией, мы бы сразу в ответ сказали: «Ребята, все беремся дружно изучать английский язык». Пусть на нас давят, мы обратим особое внимание на английский язык. Можно было бы создать ряд новых англоязычных школ, где татарский сегмент тоже был бы представлен.

Модератор: Это уже какой-то неконструктивный ответ.

Дамир Исхаков: Не вполне. Потому что у нас есть опыт, ведь здесь не зря говорили о турецко-татарских лицах. Там главный язык был английский. Вот туда родители валом отдавали своих детей, и не только татары, но и русские тоже хотели обучаться. То есть, мы могли бы создать школу иного типа. Один мой друг даже сказал, что татары в республике могли поставить вопрос о создании русскоязычных школ только для татарских детей. То есть если Москва хочет детей отделить, а на самом деле так и будет, отделим детей, создадим отдельные русскоязычные школы, где татарский язык и литература будут преподаваться только для тех, кто там хочет учиться.

Модератор: А остальные?

Дамир Исхаков: Это уже их дело. И для тех, кто с татарами может учиться, необязательно ограничиваться только татарами, могут и русские прийти. Правда, оба варианта слишком крутые для наших политиков. Они, наверное, по этому пути не пойдут.

Модератор: А конструктивные предложения есть у вас? Как расширить сферу применения татарского языка? Вообще, как вы оцениваете перспективы языка?

Дамир Исхаков: Сферу расширить не удастся, потому что это зависит от общего контекста функционирования нашего общества. Оно сейчас построено таким образом, что при отсутствии демократии татарский язык особенно не понадобится.

Один из создателей теории национально-культурной автономии в Австро-Венгерской империи привел такой пример. Когда Австро-Венгерская империя была еще многонациональна, он сказал: «Немец, который живет среди чехов, должен обязательно знать чешский язык». И он объяснял почему. Потому что там уже была демократия в избирательной кампании. Он говорит: «Если чех знает тот другой язык, он получает выигрыш, потому что у него расширяется политическое поле». А у нас ничего подобного нет. Русский может спокойно без татарского прожить. Он и в парламенте будет, и работу найдет. У него нет необходимости, но если бы существовала нормальная политическая система, русский бы понимал, что половина его избирателей – татары, к которым лучше обращаться на татарском языке. Он бы знал, что среди его персонала будет много татар, которые между собой тоже по-татарски могут общаться. Вот этого нет, поэтому в этой ситуации может быть только такой результат, который сейчас практически реализуется – медленное загнивание.

Модератор: У вас очень пессимистичный взгляд.

Дамир Исхаков: Но реалистический.

Марат Лотфуллин: Мы из деревень принимаем студентов с желанием отправить их потом обратно, но из Казани обратно никто не уезжает, даже в Челны обратно никто не уезжает.

МАРАТ ЛОТФУЛЛИН: «Я НЕ ХОЧУ ОБСУЖДАТЬ СЛОВА ПУТИНА»

Модератор: Марат Вазыхович, ваша оценка путинских слов. Какие последствия нас ждут?

Марат Лотфуллин: Я не хочу обсуждать слова Путина. Я хочу обсудить его указание прокуратуре проверить добровольность изучения родных язык и государственных языков республик. В российском законодательстве о добровольном изучении родных и государственных языков республики ничего нет! Я доказательства вам читать не буду. Они имеются.

Дамир Исхаков: Закон, что дышло, как говорили в России.

Марат Лотфуллин: У нас есть два образования. Первое – обязательное. И в общем обязательном образовании есть два допущения – родители могут выбрать язык обучения, то есть учиться на русском или на татарском (если взять Татарстан) и факультативы. А татарский язык и как государственный, и как родной включен в федеральные образовательные стандарты, находится в предметной области, все учебники зарегистрированы, программы официально зарегистрированы. И примерные образовательные программы находятся в обязательной части. Никто их не выбирает.

Кроме того, есть второе поручение руководству республики – довести объем преподавания русского языка до рекомендуемого Министерством образования. Минобр РФ рекомендует объемы преподавания русского языка в примерных образовательных программах. Каким образом? Оно приводит примерный учебный план. Они указаны там в различных вариантах и в различных объемах. Но в федеральных образовательных стандартах нет никаких часов, ни по одному предмету учебные часы не представлены. Это определяет сама образовательная организация, то есть школа. Единственное требование – чтобы знания учащихся удовлетворяли требованиям федеральных стандартов. Этот уровень знания проверяются путем проведения ЕГЭ.

Кроме того, в законе об образовании есть отдельная статья. Ни федеральные органы власти области образования, ни муниципальные, ни региональные не могут изменять учебный план школы, законом запрещено. Кроме того, хочу обратить ваше внимание на Гражданский кодекс РФ, там есть пункт 3 «О законодательстве РФ», там сказано: «Указы президента и распоряжения президента, противоречащие законодательству РФ, не исполняются».

Дамир Исхаков: Указа пока нет.

Марат Лотфуллин: О распоряжении там тоже говорится.

Модератор: Т.е. вы считаете, что это распоряжение не будет реализовано?

Марат Лотфуллин: Я думаю, что в Республике Татарстан государственные органы могут жестко стоять на том, что у нас закон РФ не нарушается.

Дамир Исхаков: Есть в этой ситуации одна тонкость, о которой вы не хотите сказать. Там есть воля родителей – родители выбирают.

Марат Лотфуллин: Где в законе воля родителей?

Дамир Исхаков: Путин как раз апеллирует к родительскому мнению.

Марат Лотфуллин: Воля родителей учитывается через законы. Потому что органы управления образования, образовательные учреждения и их директора подчиняются закону, они не имеют права нарушать его.

Дамир Исхаков: Рустем Бахтияев тут сказал, что со стороны родителей вообще нет сопротивления к изучению татарского языка. Нет ни одного нормального социологического исследования, которое показало бы, сколько русских хотят, чтобы их дети изучали татарский язык.

Модератор: Но вот же практик говорит, что протестов в школе совсем нет.

Рустем Бахтияев: Вообще нет.

Марат Лотфуллин: Я встречался с русским обществом, там требуют иного – чтобы татарский язык как государственный стал факультативным, потому что в этом случае его уже можно будет выбирать законно. А сейчас выбирать не могут, потому что он в основной части по закону федеральных образовательных стандартов. Кроме того, каковы перспективы татарского языка, можно ли расширить сферу его применения? Конечно, можно. Главная проблема – у татар нет городской татарской культуры. Что взять телевидение – это чистая «деревня», что взять школы – они туда лапти свои вешают, хотя у татар были ханы, они никогда в лаптях не ходили.

Марат Ибляминов: А концерты?

Марат Лотфуллин: Концерты – это уже последствие.

Табрис Яруллин: У вас (обращается к Марату Ибляминову – прим. ред.) очень силен популизм. Все, что популярно ругать – эстраду и все остальное – вы ругаете.

Марат Лотфуллин: Что значит популярно? Оно популярно у части населения, но для огромных масс городских детей-татар и элиты – это абсолютно не интересно, чуждо. Телевидение совре-

менную татарскую молодежь не пускает, говорят, мол, это не татарское. А кто знает, что татарское, а что не татарское? Да никто. Потому что татарский народ развивается, как и все народы, он идет вперед. И часть городской культуры развивается где-то в среде Интернета, у них там свои сайты, свои песни сочиняют. Тут есть еще и политическая цензура. По телевидению можно говорить только про урожай, а про актуальные вопросы – нельзя.

Модератор: Это самоцензура.

Марат Лотфуллин: Еще какая цензура! Вот человека, работавшего на телевидении, спросите, есть ли она там?

Марат Ибляминов: Никто не в состоянии запретить делать интересные передачи.

Марат Лотфуллин: Конечно. Никто не в состоянии запретить – но кто их будет делать?

Марат Ибляминов: Это вопрос профессионализма.

Марат Лотфуллин: Далее. Что будет с образованием? Премьер-министр Песочин заявил, что русский язык будет доведен до необходимого объема, но он не говорит, за счет чего? У нас есть проблемы в 5–7 классах. Там количество учебных часов до рекомендуемых Минобром не доведены, хотя у нас результаты по русскому языку очень хорошие, мы уступаем здесь только Москве, а Петербург опережаем на один балл. По уму, наш опыт надо распространять по всей России: мы, тратя меньше средств, достигаем лучших целей. Но премьер-министр заявил, что доведет русский язык до рекомендуемого уровня – добавится два часа русского языка в 5–7 классах. Но есть СанПиН – количество предметов нельзя добавлять свободно, значит, у кого-то придется отобрать.

Модератор: Информатику уберут.

Марат Лотфуллин: Нет, скорее всего, уберут татарский язык – у нас есть один «никому не нужный» предмет. Есть еще три часа физкультуры, ОБЖ – там много «ненужных» предметов.

Руслан Айсин: Но их же не могут убрать из учебной программы. Регион может варьировать?

Марат Лотфуллин: Регион не может, может только школа. Кстати, у регионов вообще нет никаких прав в области образования. Регионы не могут утверждать ни учебники, ни программу, ни даже рекомендовать – вообще ничего. После 2007 г. все полномочия Федерация взяла на себя – она и определяет и учебные программы, и учебные планы, и учебники.

Табрис Яруллин: Получается, образование сейчас как прокуратура.

Марат Лотфуллин: Если прокуратура, несмотря ни на что, додавит, так как у них есть право написать предписание... Я посмотрел, что в Башкортостане – там ссылаются на 44-ю статью закона об образовании, где написано, что родители могут выбрать факультативы. Ссылаясь на эту статью, говорят, что насильно изучается родной и государственный язык. Если и нам вынесут такое предписание, худшим вариант будет то, что татарский язык станет факультативом. В татарских школах он будет преподаваться как родной язык, во всех остальных – факультатив. Кто захочет – тот выбирает и учит. Это будет уровень 1980-х гг.

Модератор: Откат?

Марат Лотфуллин: Да, откат. Но при этом только в Казани будут сокращены 800 учителей татарского языка. Если прибавят два часа русского языка за счет татарского, то будут сокращены примерно 450 учителей татарского языка.

Модератор: Отправим их в регионы, где не хватает преподавателей. В Пермь, например.

Марат Лотфуллин: Но у вас нет никаких инструментов отправлять людей куда-то – ни у министров, ни у президентов...

Модератор: Им предложат там работу.

Марат Лотфуллин: А они откажутся. Мы из деревень принимаем студентов с желанием отправить их потом обратно, но из Казани обратно никто не уезжает, даже в Челны обратно никто не уезжает.

Табрис Яруллин: «Нет открытых структур и переводческих центров, колл-центров – таких открытых структур, где каждый может получить эти переводческие услуги, где ему помогут изучить татарский язык, где есть круглогодичный языковой курс»

ТАБРИС ЯРУЛЛИН: «НЕ БУДЕТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА – НЕ БУДЕТ ТАТАРСТАНА. ЭТО ОЧЕВИДНО»

Модератор: Табрис, какие последствия могут быть от того, что прокуратура издаст предписание? Вообще, есть ли во Всемирном конгрессе татар молодежная секция, которая также могла реагировать на эти вопросы?

Табрис Яруллин: Мы стараемся оперативно отвечать, реагировать и давать рецепты. Думаю, что и в этом вопросе мы с молодежью оперативнее всех высказали свое мнение, потому что очень много времени проводим в Интернете, где видно, что после высказывания Владимира Владимировича пошла волна ксенофобских высказываний. Мы постарались высказать свое мнение. Я видел, как формируется ответ, были ксенофобские высказывания, мол, «нам татарский не нужен», «зачем нам этот татарский», «где он вообще нужен» и так далее. Представьте: высказаться о целом пласте культуры, о языке, что это все не нужно! Это все равно, что сказать человеку: «Ты зачем вообще нужен этому миру?».

Модератор: Нет, люди говорят: «Мне не нужен». Татары, изучайте, мы непротив. Но мне, русскому, татарский не нужен.

Табрис Яруллин: Это ксенофобские высказывания.

Модератор: Почему? Человек ведь про себя говорит. Ксенофоб – это если он говорит про других.

Табрис Яруллин: Когда человек говорит, что пойдет пить-гулять, отмечать отмену татарского, потому что он «нафиг не нужен», это явный оттенок бытового шовинизма. Почему я заостряю на этом внимание: важно сразу поставить диагноз, пока это не превратилось в настоящую болезнь, которую уже невозможно предотвратить. Мы это особенно остро ощущали, потому что видели ситуацию в Интернете. Пошла такая волна, и пошла обратная волна. Мы знаем, что есть группа русскоязычных родителей, я посмотрел – там очень остро высказываются 5–6 человек. Среди комментаторов большинство пустых аккаунтов, которые не ведут ее долгие годы.

Модератор: То есть это некая PR-кампания?

Табрис Яруллин: Да, там фейки в основном. Я не говорю, что там нет реальных людей, но это все конкретно сдобрено. Когда в русскоязычных группах было 3–4 тыс. человек, появилась группа и татароязычных родителей, представьте – за три дня туда подписалось три тысячи человек. Я не понимаю, откуда пошла такая огромная волна. Мы фактически призвали родителей к диалогу. Мы сказали, что ситуация, когда один говорит одно, а второй отвечает на это другим, ненормальна, – по крайней мере, для Татарстана. На уровне сообществ, например, наши ребята помогают проводить Духов день, это совершенно нормальный культурный обмен.

Модератор: Вопрос был все-таки в другом: зачем русскому татарский? Не хочет – пусть не учит. Все-таки, какова позиция Всемирного форума татарской молодежи? Зачем навязывать?

Табрис Яруллин: До уровня «хочу – не хочу» лучше вообще не скатываться, потому что это превратится... Надо сравнить: есть регионы, где татарский язык не изучается, где вообще другие региональные языки не изучаются. Что, там с русским языком лучше? Что, там одни Пушкины выпускаются? Это что, генерирует интеллигенцию? Нет, на самом деле, наоборот, другие языки дают мозгу быстрее работать. Татарский язык – это государственный язык. Для меня очевидно: не будет татарского языка – не будет Татарстана. Это очевидно. Если хотим потерять республику, если хотим потерять татарскую идентичность, давайте сдадим татарский язык.

Марат Лотфуллин: Я хочу сказать следующее: добровольное изучение государственных языков республики – это антиконституционное высказывание. Потому что если вы откроете Конституцию, то увидите, что она разрешает всем республикам объявлять свои государственные языки. Кроме того, изучение этих государственных языков происходит согласно законодательству этих республик. Это Конституция РФ.

Модератор: Табрис, есть какие-то идеи, как сделать язык востребованным? Более современные технологии?

Табрис Яруллин: Да, идей полно. Мне кажется, эту ситуацию можно обернуть в пользу татарского языка. Как здесь уже говорилось, есть ребята, которые сделали новый учебник «Салям!». И на самом деле мне было тяжело слушать предыдущих спикеров, потому что я всегда, когда нахожусь в такой компании, слышу очень много пессимистичных высказываний, очень много ностальгических высказываний: как было хорошо тогда, был такой подъем и т. д., а конкретных рецептов мало. Всегда говорят, как надо делать. А кто будет делать? Мало тех, кто говорит, давайте я это сделаю. Как надо делать... Кто будет делать... Давайте я это сделаю! Таких ребят у нас очень мало и с ними нужно работать.

Во-первых, поддерживаю Марата Вазыховича в плане городской культуры, ее надо поддерживать, формировать, она существует как субкультура. Есть очень много сообществ, их надо поддерживать. Кто-то должен поддерживать ногами – идти туда, смотреть, слушать, подписываться. Если они что-то продают – покупать, если это культурный продукт – билеты покупать. Если ты принимаешь в этом участие, принимаешь решения, то, естественно, городским сообществам надо помочь развиваться и развернуться. Потому что пока это субкультура, нужно шагнуть в городскую культуру. Это общие вещи.

Естественно, нужно все, что нас окружает, было на татарском. Чтобы татарский язык не остался только в домах культуры, в учебниках татарского языка, в классах татарского языка. Все, что нас окружает, должно быть и на татарском языке, чтобы человек этим пользовался ежедневно, потому что сейчас эта грань между татарами, русскими и всеми остальными стирается, идентичность стирается. Например, мы смотрим фильмы, значит, он должен быть и на татарском языке – это же очевидно. Есть мультики – значит, и на татарском должны быть.

Модератор: Мы об этом писали: выходит «Игра престолов» – сразу же автоматически перевод в Интернете вывешивается. Также и с любыми популярными сериалами.

Табрис Яруллин: Да, возможно.

Модератор: Но это должна быть госпрограмма.

Табрис Яруллин: Хоть госпрограмма, хоть энтузиасты...

Модератор: Силами энтузиастами этого сделать невозможно.

Марат Ибляминов: Один Сабантуй не провести.

Табрис Яруллин: Это популистский рецепт. Городские сообщества, остальные вещи, связанные с современностью – все должно быть на татарском языке. И третье – нам катастрофически не хватает открытых татарских структур, каких-то обыденных вещей. Вот мы говорим: вывески, все остальное переводить надо. Кто будет переводить? Институт языка и литературы? Ну не знаю. Курсы, говорят, КФУ раз в год проводит – 800 человек собралось. Но нет открытых структур и переводческих центров, колл-центров – таких открытых структур, где каждый может получить эти переводческие услуги, где ему помогут изучить татарский язык, где есть круглогодичный языковой курс.

Марат Лотфуллин: Юридические, медицинские, садоводческие – их полно тут.

Табрис Яруллин: Нет, я имею в виду именно по поводу татарского языка, чтобы обучили. У нас всегда спрашивают: есть курсы? Мы говорим: Российский исламский институт и филологический институт организуют один раз в год, и «Ана теле» в Интернете. Этого недостаточно, неужели нельзя сделать, чтобы три человека сидели где-то, чтобы у них была витрина, как у English First, чтобы человек пришел, сразу оценили его уровень владения и с ним работали, он получил сертификат – кто-то три месяца обучался, кто-то пять. Возможно это в больших городах? Возможно. Изменит ли это ситуацию? Я более чем уверен, что этим ситуацию можно изменить. Открытых структур не хватает. И бизнес всегда говорит: кто мне переведет? Бизнесмен сам переводит, потом его наши же гнобят: ты как написал? Неправильно написал! Грамманацы набегают.

Вахит Имамов: «Я за то, чтобы создавать чисто татарские гимназии, преподавать на нескольких языках, чтобы доказать, что татары могут достичь большего по сравнению с рядовыми школами, которые сегодня действуют»

*ВАХИТ ИМАМОВ: «ПУТИН НЕ ПОДУМАЛ, ЧТО ЕГО СЛОВА МОГУТ ВЗБУДОРАЖИТЬ,
РАСКОЛОТЬ ОБЩЕСТВО»*

Модератор: Вахит Шаехович, оцените высказывание Путина.

Вахит Имамов: Во-первых, я высказывания Путина, естественно, не одобряю. Он не подумал, что его слова могут взбудоражить, расколоть общество, плюс дать питание и подпитку еще большим шовинистам. Наглядный пример: сегодня татарская молодежь, татарская общественность даже представить себе не может, а в Москве уже идут молодежные демонстрации, которые кричат: «Варшава – город русский!», «Берлин – город русский!», «Минск – город русский!», «Киев – город русский!», «Стамбул – город русский!», «Наши «Миги» сядут в Риге, наши танки будут в Праге!»

Модератор: Где эти марши проходят?

Вахит Имамов: В Москве, видео в Интернете есть.

Руслан Айсин: Противники «Матильды».

Модератор: Если поручение Путина все-таки реализуется, какие последствия будут?

Вахит Имамов: Хочу еще немного добавить по первому вопросу: достигли ли мы двуязычия за 25 лет? Нет. Мы ударились в шоу: песни-пляски, Сабантуи, хорошо живем – как будто мы суверенитета достигли, себя этим успокоили, хорошо живем.

Президент каждую субботу на каждом совещании от глав районов требует отчет: почему у него молока меньше стало, сколько корма заготовили, сколько засеяли. Первые лица районов за все дают отчет. Но никто никогда ни при Шаймиеве, ни при Минниханове не спрашивает, почему из 43 районов в 14 райцентрах до сих нет татарских гимназий, татарских школ? Почему никто у Фатиха Саубановича Сибатуллина не спрашивал, когда он сидел в Нурлате и не открывал гимназию? Он-то себя в грудь бьет, что националист.

Понимаете? Мы не добились, мы проспали, мы этими годами не воспользовались, мы себя утешили, обманулись – эйфория. Что лично меня задевает как писателя, я ощутил отсутствие книжных магазинов в районах республики – сегодня они есть только в 14 районных центрах, а были в 27. Их открыли, но они опять работают не по назначению. Например, в Мамадыше в книжном магазине продают прополис, другие продукты из меда. В Челнах в татарских книжных магазинах сделан акцент на мусульманские товары: тубетйки, шамаили, и как бы между делом – книги. Это не второстепенный вопрос, потому что учителя начальных классов и воспитатели детских садов никогда не смогут выехать в город, в Казань, чтобы купить для детей книги для своего урока. Не каждый учитель, например, из Актанышского района, может приехать в Казань и купить на год 50 книг.

Я точно знаю, что директор школы родной деревни Ангама Атнабаева (*Татышлинский район Республики Башкортостан* – прим. ред.) – у него жена из Арского района – приезжает к своему свекру и увозит к себе домой по 250 книг. Но не каждый так делает, это единицы, он, может быть, на весь Башкортостан такой один.

Марат Лотфуллин: Он не должен этого делать.

Вахит Имамов: Он патриот, он привозит книги на татарском языке.

Марат Лотфуллин: Он не патриот, он просто не читал законов РФ: у нас образование бесплатное, и районные отделы образования должны закупать эти учебники.

Вахит Имамов: Я не об учебниках говорю, а о художественной литературе.

Марат Лотфуллин: На художественную литературу в школах тоже деньги выделяются.

Модератор: Вахит Шаехович, какие у вас конкретные предложения?

Вахит Имамов: Мы многого не доделали за эти 25 лет, себя успокаивать не надо, что достигли потолка. До потолка еще далеко. Мы должны не прекращать бороться за открытие национальных школ, мы должны добиться, чтобы в каждом райцентре были такие школы.

Марат Ибляминов: Добиваться у кого?

Вахит Имамов: У власти, у администрации районов, например.

По телевидению – мы так и не добились за 25 лет создания отдельного чисто татарского канала.

Модератор: Есть у нас татарский канал, два даже: «ТНВ» и «ТНВ-Планета».

Вахит Имамов: Я говорю о федеральных каналах.

Табрис Яруллин: Такой рецепт не работает, когда татары хотят отделиться, быть аборигенами, татар в отдельные школы, отдельный канал для татар. Нет такого рецепта, он сейчас не работает. Поймите, пожалуйста.

Марат Ибляминов: Поляризация общества, которое через несколько лет превратится в баррикаду.

Вахит Имамов: Тогда мы потеряем все. Склоним голову и все.

Табрис Яруллин: Я не говорю, что склоним голову, я говорю, что такой рецепт не работает. Такая форма не работает.

Вахит Имамов: Я за то, чтобы создавать чисто татарские гимназии, преподавать на нескольких языках, чтобы доказать, что татары могут достичь большего по сравнению с рядовыми школами, которые сегодня действуют.

Марат Ибляминов: «Нужно отделить проблему татарского языка от той шумихи, которая вокруг нее существует, которую создают политики»

МАРАТ ИБЛЯМИНОВ: «НУЖНО ОТДЕЛИТЬ ПРОБЛЕМУ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ОТ ТОЙ ШУМИХИ, КОТОРАЯ ВОКРУГ НЕГО СУЩЕСТВУЕТ, КОТОРУЮ СОЗДАЮТ ПОЛИТИКАНЫ»

Модератор: Марат, ваша оценка: что случится, если будут реализованы указания Путина?

Марат Ибляминов: Я хочу возразить всем присутствующим здесь, которые высказывали, что федеральный Центр, Президент Путин и правительство якобы ведут агрессивную русскую, шовинистическую политику. Это неправда. И я с этой позицией категорически не согласен. Я могу обосновать ее фактами. Первое, если заявление, которое было сделано в июле 2017 г., всколыхнуло такую массу, что, до этого не существовало проблем с изучением татарского языка? Существовало. В 2015 г. мы имели протестную активность с плакатами и т. д., 200–300 человек вышли на Кремлевскую улицу, имели протестную активность со стороны русскоязычного населения? Имели.

Табрис Яруллин: Один раз.

Марат Ибляминов: Нет, Табрис, вы не знаете ничего. Самое страшное, что среди 200–300 так называемых русскоязычных людей, около 70 человек стояло татар. Татар, которые были против насильственной методики обучения языку. До этого, в 2012 году была протестная активность, и были плакаты. Количественный состав был меньше, там порядка 50 человек собралось, и тоже была протестная активность. В 2010 г. была протестная активность, в 2008 г. я впервые столкнулся с протестной активностью против насильственного изучения татарского языка в общеобразовательных учреждениях.

Табрис Яруллин: Насильственно...

Марат Ибляминов: Насильственно – формулировка была именно такая.

Протестная активность была заложена в 2008 г., вот с этого времени в огромном количестве в администрацию президента РФ из Татарстана и других регионов поступали жалобы. К 2017 г. количество жалоб достигло критической массы, и поэтому это все вышло. До этого были спущены рекомендации из Минобра о приведении в соответствие норм по изучению русского и татарского языка, всех национальных языков, чтобы уравнивать в правах, раз вы о двуязычии говорите. Были и другие директивы, которые были проигнорированы. Если вам эти факты не известны...

Табрис Яруллин: Это не факты. Вы скажите, сколько жалоб было? Знаете, сколько было жалоб в прокуратуру от родителей?

Марат Ибляминов: Я вам сейчас еще скажу...

Табрис Яруллин: Сколько? Цифру назовите?

Марат Ибляминов: Тысячи. В Москву – тысячи.

Табрис Яруллин: У меня есть конкретные данные из прокуратуры, мы у них спросили: за все это время к ним поступило всего два (!) заявления об отказе обучения татарскому языку от родителей.

Марат Ибляминов: Жалоб было очень много, очень много было в соцсетях и всего остального.

Табрис Яруллин: У вас цифра – «тысячи», а я говорю конкретные цифры – два. Два заявления.

Марат Ибляминов: Извините, если у нас только на митинг 300 человек вышло...

Поэтому, первое, что нужно сделать для развития и сохранения татарского языка – отделить языковую проблему от политиканов, популистов, шовинистов, националистов, которые примазались к этой проблеме и делают себе на этом псевдопопулярность. Вот это самое главное, что должны понять все, в том числе и татары, правительство, общество и Интернет-сообщество – нужно отделить проблему татарского языка от той шумихи, которая вокруг нее существует, которую создают политиканы. Это первое.

Второе, для решения проблемы в 2010 г... Я вот вам сейчас одну вещь покажу, почему я принес эту игрушку, вот смотрите. Мы нажимаем на кнопочку «буква А», нажимаем... Что вы слышали? Буква А – элиф: ее произношение, написание, тактильные ощущения и т. д. Я такую игрушку случайно в Эмиратах своей дочери купил в 9 месяцев. Вы знаете, с этой игрушкой...

Табрис Яруллин: Татарский вариант купили?

Марат Ибляминов: В 1,5 года, увидев кузнечика, она сказала: «Этика, жундук!». Я был в шоке. В 1,5 года она на арабском языке сказала «жундук».

Марат Лотфуллин: И на татарском такое есть.

Марат Ибляминов: Татарский, да? Я в 2010 г. записал видеообращение, меня мутузили и пинали, отправляли к Гильмутдинову Альберту Харисовичу, отправляли к Никифорову и т. д. И все говорили «нет, это не реально». Масару Ибука, основатель корпорации Sony, в своей книге «После трех будет поздно» пишет: «В три года языки учить уже поздно». Поэтому вот такая игрушка с татарским алфавитом позволяла бы с 9 месяцев, имея тактильные ощущения, имея образовательные навыки и т. д., освоив просто вот эту игрушку... Здесь еще время, цифры, все остальное. Я что хочу сказать: если бы на самом деле наш IT-парк, мощности наших инвестиционных центров, Иннополиса направили бы свои усилия на развитие вот таких интерактивных игр для детей... Они же идут сразу на высшую ступень – они для айпада создают, но для 90% населения айпад недоступен.

Модератор: А для айпада они что создали?

Марат Ибляминов: А для айпада они пишут какие-то приложения. Например, «Тэмле тел», которая начиная с седьмой версии iOS, не поддерживается. То есть деньги были потрачены, много миллионов, и выброшены в никуда. «Тэмле тел» – детская обучающая программа для айпадов. В восьмой версии «Тэмле тел» уже не поддерживается. Каждый выпуск стоил более 5 миллионов рублей – 40 миллионов в никуда.

Табрис Яруллин: В андроиде тоже есть такое приложение.

Марат Лотфуллин: Какое отношение это имеет к образованию?

Марат Ибляминов: Ребенок, начав изучать подобного рода игрушку, к 3 годам – к поступлению в детский садик уже овладел бы базисом в 300–400 слов, в том числе и его родители овладели бы. Ребенок пришел бы в группу подготовленный. Там он продолжает обучение в игровой непринужденной форме. И тогда русскоязычный мальчик Артем или Сережа приходит в первый класс с базисом в 600–800 татарских слов. Для него татарский язык не становится чуждым.

Необходимо сделать уроки татарского языка интересными, программу поменять. Изучать татарский язык в разрезе изучения сингармонизмов тюркской группы языков, в том числе захватывая узбекский, туркменский, азербайджанский, турецкий и т. д. Для чего это нужно? Чтобы мальчик Матвей, приехав после окончания 3-го класса со своими родителями в Турцию, а дети ведь они по-своему тщеславны, они просто не понимают цену тщеславия, но они тщеславны, они хотят быть на виду. Вдруг мальчик Матвей обменялся бы с турком тремя-четырьмя фразами на турецком языке: попросил бы себе еду, арбуз или еще что-нибудь в этом отеле. Я просто сейчас говорю о популистских таких действиях. И что, вы знаете, случилось бы?

Модератор: Чтобы мотивацию повысить.

Марат Ибляминов: Оксана и Валера – родители этого мальчика, задали бы ему вопрос: «Матвей, ты где это все освоил?». А он бы сказал: «На уроках татарского языка». Они бы сказали: «Так, в 5-м классе тоже учишь татарский». Вот мотивация, вот наличие среды и т. д. Изучение любого языка развивает в головном мозге любого человека нейронные связи между полушариями. Человек, знающий 5–7 языков, редко страдает болезнью Альцгеймера. Это известно многим и знают об этом все. Поэтому если мы изменим методику преподавания татарского языка, с 1 по 4 класс будем давать его без всяких оценок, без двоек, без падежей и склонений, тогда уроки татарского языка с 1 по 4 класс станут самыми любимыми и самыми желанными. Такими, например, как уроки пения, физкультуры, рисования – дети туда бегут. Пусть они делают поделки, нужно изменить смысловую нагрузку уроков татарского языка и добавить туда психологические аспекты, тесты, вырезание ножницами, пение песен, хождение хороводом, елочкой, лесенкой, в том числе изучение национального танца «Эпипэ», когда Флера Хурматова заиграла, чтобы четырехлетний мальчик мог сплясать. Независимо от его национальности, он здесь живет, он умеет это делать. Вот тогда уроки языка станут желанными. Это раз. Мы снимем протестную активность – это два.

Я в 2010 г. взял и перевел несколько навигационных систем на татарский язык, и просто так выложил пакеты. Я не делал пресс-конференций в Иннополисе, об этом громко не трубил. Просто сделал и все. И вот таких энтузиастов, как я, очень много.

Табрис Яруллин: Да, таких много.

Марат Ибляминов: Но на них не обращают внимания. Мне сейчас пишут, вот, «Тэртип» закрыли и т. д. Я говорю, в свете закрытия этого я предлагал что сделать: есть Государственный фонд РТ – записи с 1937 г. На сегодняшний день бесосновательно ими пользуется только одна радиостанция в Татарстане. Даже будучи и работая в системе ТАТМЕДИА, я не смог добиться того, чтобы Госфонд стал открытым. Мы везде на весь мир кричим, что наши мощности IT-парка фантастические, что мы обладаем умопомрачительными вычислительными возможностями и т. д., и тратим их на какие-то блокчейны. Почему не существует в свободном доступе оцифрованный национальный фонд РТ, к которому бы имели доступ татары, живущие в Австралии, в Японии, в Америке, в Турции, в любой точке?

Табрис Яруллин: Да и не только татары. Все имели бы доступ.

Марат Ибляминов: Почему я об этом говорю: сейчас все говорят о цифровой экономике, о digital и т. д. Вот, навигация на татарском языке – это тот же digital в оффлайне, о котором все говорят, но никто не знает как им воспользоваться. Появление Госфонда в свободном доступе привело бы к тому, что у нас есть несколько десятков энтузиастов с опытом работы на радио, которые хотели бы создать новое радио. Один десятиллионный сабантуй пустить на гранты на поддержку. Есть музыкальная база, если ты создаешь джингл, упаковку эфира, и все остальное, ты получаешь небольшой грант, пусть будет 150 тыс. рублей в год. Это нормальная зарплата, которая могла бы послужить для поддержки штанов редактору. Так вот, стоимость одного сабантуя могла бы привести к тому, что у нас в он-лайне появилось бы 50–60 новых радиостанций.

Модератор: Все правильно. А для этого что нужно? Политическая воля?

Марат Ибляминов: Нужна политическая воля и содействие. Мы гордимся нашим Таттелекомом, но почему бы Таттелекому поставить сервера не для блокчейна, а для развития вещательной сети онлайн радиостанций? Их бы штук 30–50 появилось дополнительно. Потеряв одну станцию, мы бы получили в Интернете 50, причем со временем они бы очень четко разделились: молодежная, ретро, для такой, такой и такой аудитории.

Более того, у нас есть огромный потенциал, который называется «культура РТ» – наши театры. Потенциал: вот они – Тинчуринский, Камаловский и т. д. – с мая по октябрь в отпуске, артисты не знают, куда себя применить. Дайте маленький грантик на запись аудиокниг Абдуллы Алиша, Тукая, Хади Такташа, Тинчурина. Если ребенку в 3-м или 5-м классе тяжело читать, но у них у всех есть смартфоны, – вот тот самый digital, о котором много говорят на высоком уровне, но не знают, как к нему применить. Создайте аудиокниги.

Модератор: Все правильно, таких идей можно сто привести. Вопрос, кто должен запустить все эти механизмы? Марата Ибляминова сделать во главе «ТАТМЕДИА»? Или вице-премьером по идеологии? Или в Госсовет избрать? Поможет ли политическая воля, если у народа нет ее?

Марат Ибляминов: Нет. Язык будет сохранен только в том случае, если у него появится среда. Формирование среды – это государственная задача. Соответственно, мы сейчас можем дать только наши рекомендационные пожелания, которые могут быть учтены в той работе.

Модератор: С точки зрения экспертной оценки перспектив вообще, где должна появиться та волевая точка, чтобы запустить, в принципе, очевидные вещи, которые лежат на поверхности? Ведь то, что мы говорим – это все очевидно, можно было и год, и пять лет назад, и семь сделать. Значит, что-то отсутствует, где-то на уровне воли власти, кто это – минкульт или Госсовет – кто не дорабатывает? У нас же приоритет на экономике, а не на идеологии. Может быть здесь проблема?

Марат Ибляминов: Я уже в начале своего выступления сказал, что поручение Путина вскрыло давнюю проблему, которая копилась у нас, и кроме нас эту проблему никто не решит. Здесь нет ни давления Москвы, ни всего остального.

Рустем Бахтиев: «Без господдержки сейчас сложно... Государственные языки есть, мы это заявляем во всеуслышание, а орган, который бы проверил?..»

РУСТЕМ БАХТИЕВ: «ПОЛОЖЕНИЕ У НАС НЕ ТАКОЕ ПЛОХОЕ»

Модератор: Все, спасибо. Рустем Флусович, если можно дайте оценку ситуации, которая сложилась после выступления Путина. Наверняка, вы, как работающий в школе, почувствовали какие-то изменения? И что может случиться, если все-таки будет отменено обязательное изучение татарского языка? Ваша экспертная оценка.

Рустем Бахтиев: В гимназии, где я работаю, такого сильного резонанса, так чтобы родители массово отказывались от татарского языка – этого ничего нет. В сети, конечно, появилась информация, что в Челнах родитель одной ученицы якобы добился отказа от изучения татарского языка и литературы. Однако у нас в гимназии все спокойно. Но могу предположить, что если, например, оставят на добровольный выбор татарский язык и предложат в это же время изучение английского, немецкого или китайского языка, то многие русскоязычные родители точно не будут выбирать татарский язык, и часть татароязычных родителей, наверное, тоже спокойно выберет другой язык, не татарский. То есть все это постепенно приведет к абсолютно несерьезному отношению к языку половины населения Татарстана, и выдворению татарского языка из стен школ.

Пока все постепенно движется в этом направлении. Говорят, что после нового года в среднем звене произойдет сокращение уроков, в 10–11 классе татарский язык и литература, вообще, останется на усмотрение директоров школ, а в начальном звене изменений не будет. Реальность наша такова. Пошаговое выдворение родного для меня языка из системы образования, несомненно отразится на нескольких поколениях татар. Однако, я думаю самосознание народа сохранится, оно будет просто русскоязычным. Но татары татарами останутся. То, что в душе у человека не возможно ведь вот так просто взять и отменить. Вот такое ощущение есть.

А что касается практической стороны, очень радует деятельность татарской молодежи в лице татарской молодежи, очень интересные проекты делают. Через эти проекты происходит популяризация всего татарского. И, вообще, на основе закона двуязычия в Татарстане, можно же все подряд переводить на татарский язык. Также создавать нечто свое, оригинальное. Если вот это хотя бы делать на всю мощь, то уже будет какое-то расширение функциональности языка. Есть ли, вообще, орган, контролирующий двуязычие в Татарстане. Есть такой?

Марат Лотфуллин: Прокуратура.

Рустем Бахтиев: Без господдержки сейчас сложно... Государственные языки есть, мы это заявляем во всеуслышание, а орган, который бы проверил?..

Табрис Яруллин: Прокуратура это, специального органа нет.

Рустем Бахтиев: А омбудсмен? Было такое предложение.

Марат Лотфуллин: Омбудсмена не пропустили, мы попробовали провести его в программе по языкам – в Аппарате Президента выступили категорически против.

Руستم Бахтиев: Возвращаясь к теме методики преподавания татарского языка и литературы, я еще раз повторюсь, что в начальной школе проблем нет, там действительно очень интересно и ученикам. Я надеюсь, то, что Министерство образования продолжит такие проекты как «Сәлам!», и в среднем звене также появятся новые, красочные и интересные для тинейджеров XXI в. учебники. Тогда и в среднем звене проблема с татарским языком, я думаю, определенно, решится. То есть уроки будут на много интереснее, с использованием интерактива. Будет больше общения, меньше грамматики. Хочется, конечно, большего. Было бы идеально, если бы у нас заработали вузы на татарском языке. Тогда бы все школы и гимназии со статусом «татарский» спокойно, без показухи, преподавали бы все предметы на татарском языке. Это, конечно, мечта, которая тянется с 1990-х гг. Это реально или нет? Не знаю.

Модератор: Частный вуз? Частный же никто не запрещает.

Марат Лотфуллин: Частный никто не запрещает. Но вы должны получить аккредитацию, чтобы выдавать дипломы. А чтобы получить аккредитацию, в законе об образовании есть маленькая строчка: высшее образование должно быть на русском языке.

Модератор: А как еврейский университет в Москве существует?

Марат Лотфуллин: Почему бы не существовать. Можно любой открыть: азербайджанский, турецкий. Это же названия. Вы же содержания не знаете.

Модератор: На двух языках.

Марат Лотфуллин: Да, на двух можно.

Руслан Айсин: То, что можно Юпитеру, нельзя быку.

Руستم Бахтиев: Действительно нельзя сказать, что нет опыта таких школ, где готовили бы полилингвальную элиту для Татарстана. Вот, например, система лицеев в Татарстане хорошо работает. У некоторых из них, например, у лицея-интерната № 2, за плечами 25 летний опыт. В Акташе есть лицей, где предметы преподают на татарском, и это пример того, что...

Имам Вахитов: Но ему всего 5 лет!

Руستم Бахтиев: Пусть. Результаты рано или поздно будут.

Вахит Имамов: И там предметы уже перешли на русский язык.

Марат Ибляминов: Все зависит от того, желаешь ты или нет. Радио «Тәртип» получал лицензию как русскоязычная спортивная радиостанция. И три года проработала как татарская.

Руستم Бахтиев: Можно я завершу. Я считаю, положение не такое уж и плохое. Мы можем говорить, обсуждать, что-то на своем уровне решать. Все в наших руках. Надо просто сесть, включить мозги и работать.

Руслан Айсин: «Мы ведь не учитываем, что опираются на то, что сопротивляется. У нас сопротивляющихся-то практически нет, вот это радикализм»

РУСЛАН АЙСИН: «ЭТО БЫЛА СПЛАНИРОВАННАЯ КАМПАНИЯ, НАЧАВШАЯСЯ НЕПОДПИСАНИЕМ ДОГОВОРА, БАНКОВСКИМ КРИЗИСОМ, ЗАКАНЧИВАЮЩАЯСЯ ЗАПРЕТОМ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»

Модератор: Спасибо! Руслан Айсин – завершающее выступление.

Руслан Айсин: Я считаю, что выступление Путина действительно было подготовлено Кириенко. Это была спланированная кампания, начавшаяся не подписанием договора, банковский кризис, заканчивающаяся запретом татарского языка в школе, потому что у татар язык несет сакральный смысл. Никто не придирается к Чечне, никто не придирается к Юнус-беку Евкурову в Ингушетии. Уж поверьте, там такая ингушетизация и чеченизация, что нам и не снилось. Ни один чеченец за «круглым столом» не будет говорить: «Все правильно, нас лишают чеченского языка». Это другое ментальное пространство.

Путин – человек рациональный. Путин никогда не будет реагировать на какие-то заявления в прокуратуру. После выборов сотни тысяч заявлений о нарушениях посыпались. Что, Путин обращает

на них внимание? Да никогда. Путин действует рационально. Есть личные темы между Кириенко и Татарстаном, да, там особая химия. Путин не вникает во все вопросы, это понятно, ему просто подсунули, сказали, что ситуация действительно аховая, приобщили, возможно, 2–3 заявления.

В свое время я много лет назад дискутировал с людьми, настроенными против преподавания татарского, еще до этих событий, и на одном из мероприятий один из них мне говорит: «У меня дочь по русскому языку имеет тройку и виноват в этом татарский язык». Я говорю: «У тебя вообще дочь читает книжки? Причем здесь татарский язык?». Вот у меня была пятерка по русской литературе, я ее любил. Я читал и на татарском, и на русском. Это же не связанные вещи. Язык языку никогда не является врагом.

Я согласен с тем, что действительно не хватает методик, но это все второстепенные аспекты. Первое – это политический. А второе, я, согласен, что надо требовать, потому что известный французский деятель Ги Дебор в свое время сказал: «Будьте реалистами – требуйте невозможного». Это все воспринималось дико, но на самом деле так и есть. Если мы сейчас не будем отстаивать эти позиции, то опять возникнет вопрос: кто виноват? Наша политическая элита не готова, снизу нет поддержки, никто не выйдет, как башкиры вышли. Кроме татар и башкир, никто больше не будет заниматься вопросами национального образования...

В 2010 г. мы – Фарид Мухаметшин, Ринат Закиров, Айрат Файзрахманов, я – участвовали в курултае башкир. Фанзиль Ахметшин, тогда заместитель председателя Исполкома Всемирного курултая башкир, лидер башкирской молодежи, мне сказал, что была установка со стороны главы администрации, со стороны Муртазы Рахимова в течение трех часов согнать на площадь какое-то количество людей. И что вы думаете? Указания были, а кто-нибудь приехал? Нет, вышли активисты. У нас даже сейчас, если дадут такое указание, кто приедет? Все будут сидеть и бояться. Реальность такая. Это у нас сейчас носят Минниханова на руках: «Син безнең хан», и т. д. Но как только дамоклов меч пошатнется, я вас уверяю, и главы администрации побегут на него писать заявление в прокуратуру, у нас такой менталитет. Мы ведь не учитываем, что опираются на то, что сопротивляется. У нас сопротивляющихся-то практически нет, вот это радикализм.

Дамир Мавляевеич сказал важную мысль, которую надо педальировать, о которой нужно говорить. У нас борются с радикализмом, у нас борются с так называемым исламским экстремизмом. Вы же сами говорите, что он стал возможен, потому что отделились от национального древа, потому что традиционализм нарушен, язык потерян. Если вы сами нарушаете эту концепцию, что же вы тогда боретесь с радикализмом, так ведь? Непонятно. Если мы начнем объяснять, я думаю, что нужно поднимать информационную волну, потому что, мы-то говорим только от имени татар, что вот плохо, что татары не учат, но если мы будем говорить, что вы сами будете способствовать радикализации за счет того, что вы нарушаете национальные традиции. Чечня каким путем пошла? Как она сопротивляется вахабизации? Они делают ставку на национальные традиции. Они говорят: у нас есть свой суфийский тарикат, чеченский язык, все, все, все. Менталитет важен, но нужна идеология.

Марат Ибляминов: Для Татарстана идеология – это калькулятор.

Руслан Айсин: Это, бесспорно. Опять-таки об элите...

Модератор: И в России, и в мире сейчас идеология золотого тельца.

Марат Лотфуллин: Она же компрадорская. Она была создана специально этой элитой. Как говорил Ганди, колониальная интеллигенция самая страшная интеллигенция.

Руслан Айсин: Что касается практической реализации, то, что говорил Марат Лотфуллин, то, что говорил Вахит Имамов, это создание национальных школ частных. Я уже как-то говорил о том, как поляки решали этот вопрос в советское время – они создавали летучие университеты. У нас есть представители интеллигенции, у нас есть Всемирный конгресс татар, он может собирать раз в месяц татарских писателей, ученых, выезжать, в Бардымский район, например, собирать эти сходы, и делать национальные университеты на местах, тем более теперь есть возможность интерактива. Мы можем даже никуда не выезжать.

Третье – это библиотеки. Если у нас не создают книжные магазины... Я сам, когда приехал из Москвы, был поражен тому, что у нас на территории университетского городка нет книжных магазинов. Книжный магазин у нас – это просто канцелярский магазин. Есть действительно хороший центр «Смена», но он один, а у нас нет. А это ведь целое пространство, где можно центр выстраивать.

Еще одна важная, на мой взгляд, важная вещь – если Минниханов будет проводить совещание раз в месяц на татарском языке.

Третий момент – на базе районных управлений культуры открыть 2–3 методические единицы и создавать так называемые национальные центры, где будет библиотека, и онлайн-курсы, то, о чем Табрис говорил, так называемые скорая языковая помощь. Это делается тремя ставками. Технологически это очень легко. Ну и конечно, поднимать уровень самосознания – это только через активную идеологическую работу, через телевидение. Здесь есть сложности в том, что могут обвинить в шовинизме и национализме. Но опять же этот вопрос решается через то, что мы укрепляем свою традиционную матрицу против экстремизма. Как сказал один мой знакомый: «Мы пишем программы, нам не дают денег. Мы пишем, что мы укрепляем патриотизм и против экстремизма и нам дают любые деньги», То есть надо выходить из этих ситуаций, используя возможности, которые есть.

Марат Лотфуллин: Наше собрание напоминает сборщиков колосьев: в поле работает комбайн, собирает урожай – это школьная система образования России, и мы думаем: вот тут колосок остался, вот тут колосок остался, давайте подберем. Этот вот калькулятор свой хочет, этот хочет какие-то кружки, университеты выездные или еще что-то. О школьной системе надо говорить, чтобы этот комбайн на нас работал. Этот комбайн уничтожил татарский язык. Татарский язык исчез только из-за школы, из-за системы образования. Теперь мы хотим, чтобы комбайн работал на нашу пользу. Мы имеем на это полное законное право. Насчет добровольного образования, я вам скажу, какой результат. В России реализовано преподавание татарского языка – в регионах России, кроме Татарстана – в режиме факультативов, то есть добровольно. И знаете, сколько изучают язык? Семь процентов детей изучают.

Модератор: От какого числа?

Марат Лотфуллин: Семь процентов от детей татар, которые проживают в регионах России. У нас то-же самое будет.

Табрис Яруллин: То есть это такой маркер. И у нас будет так же.

Модератор: Уточняющий вопрос. Вот вы 25 лет в образовании, де-факто, что мы имеем, люди выходят из школы, татарский никто не знает, ни русские, ни татары.

Марат Лотфуллин: Зачем вы утрируете? Знают язык, еще как!

Марат Ибляминов: Есть группа фанатиков, которые до сих пор изучают язык эсперанто. У них целое сообщество, они его учат. Применяемости нет. Язык будет развиваться только в среде.

Марат Лотфуллин: Вот Табрис, Руслан – выпускники наших школ. Они что, не знают татарского языка?

Модератор: Это редкий случай.

Табрис Яруллин: Это не редкий случай. Из нашей гимназии из каждого выпуска по 2–3 человека занимаются только татарскими делами: журналисты, педагоги, литературные деятели. Кого только нет.

Модератор: Возьмем русских после школы, не знают язык.

Табрис Яруллин: Есть и русские, которые знают татарский язык.

Вахит Имамов: Обратите внимание на одну только цифру. На республику из 43 районов приняли программу развития, сохранения, изучения языков, в том числе и татарского, и на 7 лет выделили 1 млрд. рублей – это 166 млн рублей в год. А зарплата только одного футболиста у нас – 300 млн рублей! Это ярко демонстрирует отношение руководства республики к татарскому языку!

Модератор: Спасибо всем участникам за содержательный разговор. Темы, которые мы подняли, очень важные и тревожные, но одновременно очень сложные, требующие деликатного подхода

с одной стороны, с другой – они не имеют однозначного ответа и решений. Ситуация настолько перезрела, что нет волшебной палочки, которая взмахом все решила.

Честно говоря, мы в «БИЗНЕС Online» хотели собрать экспертов не для очередного «плача Ярославны» и посыпания головы пеплом. Хотелось честной диагностики, самокритики (нельзя все же винить только федеральный Центр в непонимании языковой проблемы в Татарстане и в России в целом) и – самое важное – хотелось услышать о чётких рецептах в плане того, а что же делать для развития татарского языка и сохранения баланса внутри Татарстана. Не знаю, кто и как, но мне показалось на нашем «круглом столе» прозвучало немало конструктивных идей в плане того, что же делать. Понятно, что нужна серия подобных «мозговых штурмов», чтобы выработать оптимальные решения. Но идеи есть, как лично я для себя сделал вывод, оптимизму место тоже есть, было бы желание и воля. Ничего не потеряно и я бы не стал разделять пессимизм, который, например, мы услышали из уст уважаемого Дамира Исхакова. Никто кроме самих татар не будет создавать в Казани татароязычную среду и вкладывать деньги и усилия в это, никто не будет развивать медийные и различные модные проекты, работающие на язык. Это же касается и частного национального вуза. Было бы желание – никто не мешает, условно говоря купить тот же ТИСБИ и на его базе сделать небольшой, но престижный татарский вуз, где будет учиться и воспроизводиться национальная элита и куда будут стремиться учиться и татары, и русские, и евреи. Пригласите преподавать трёх Нобелевских лауреатов, как говорится, это будет стоить не дороже трёх футбольных или хоккейных легионеров.

Если говорить о русскоязычной части общества, и тут, это очевидно, со стороны татар нужен тонкий подход и диалог и терпение. Кстати, в комментариях нас спрашивали, почему мы не пригласили представителей русскоязычной части общества? Почему в «Круглом столе» участвуют только люди с татарской фамилией? Ответ прост: мы вначале хотели разобраться, что происходит среди татар и с татарским языком. Первую диагностику без прикрас получили. Обязательно хотим собрать следующий «Круглый стол» с участием уже и татар, и русских. Чтобы услышать разные позиции, чтобы они поискали совместный выход из кризисной. Ведь самое важное, чтобы и кто и не говорил: нельзя во время языковых дискуссий и поиска политических решений потерять самое ценное, что имели в республике последние 20–25 лет – баланс и гармонию в межнациональных делах, мир и спокойствие в наших домах. Всем буйным головам, с пеной у рта пытающимся доказывать свою правоту с обеих сторон дискуссий, стоит посмотреть на ещё недавно цветущий Донбасс, вот куда могут завести «языковые дискуссии» и непродуманные решения...

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/358986>,
28 сентября 2017.*

* * *

Руслан Айсин

ПРОЕКТ ЛИБЕРАЛОВ: АГЛОМЕРАЦИИ ПРОТИВ «НЕНУЖНЫХ ЛЮДЕЙ»

МИСТЕР-ТВИСТЕР БЫВШИЙ МИНИСТР

Недавно бывший министр финансов Алексей Кудрин на Общероссийском гражданском форуме заявил о том, что необходимо развивать агломерации. По его мнению, во всем мире растет роль крупных городов и агломераций, именно они будут давать наиболее высокий темп прироста мирового ВВП в ближайшие десятилетия.

Его мысль подхватил мэр Москвы Собянин: «В сельской местности проживает сейчас 15 млн «лишних» человек, чье проживание на селе не требуется для обеспечения производства нужного количества сельскохозяйственной продукции. Что мы начинаем делать? Спасать сельскую местность, спасать небольшие города и тем самым идем против мирового тренда, который предполагает изменение структуры населения и ее концентрацию в мегаполисах».

Конечно, удручает, что такие воззрения высказывают люди такого ранга. В целом, все становится ясно, если учесть, что Кудрин является одним из столпов группы системных либералов в России. Собянина можно лишь с натяжкой к таковым причислить, но заметно, что московский градоначальник дрейфует в их сторону. Статус обязывает, что называется. Что отличает либералов? Прежде всего, всякий либерал отталкивается от культа тела, материи, игнорируя сакральный, духовный аспекты. Для них реально лишь то, почему можно постучать как по столу кулаком.

«15 миллионов лишних людей» это даже не оговорка по Фрейду. Либералы действительно считают, что есть люди первого, второго сортов, лишние и нужные граждане. Идея-то не нова. Ещё в XVIII в. один из основоположников экономического материализма Мальтус обосновывал следующую теорию: «В случае экономической надобности необходимо ограничивать рост населения, чтобы обеспечивать нужный уровень жизни для определённого количества людей». Он называл перенаселение основной причиной экономических кризисов. Такая циничная теория стала именоваться «мальтузианством».

ИЗРАИЛЬСКОЕ ЛОББИ И ЗДЕСЬ ПРЕУСПЕЛО

Однако проблема в том, что Россия, напротив, озабочена малочисленностью своего населения. Самая большая по площади страна в мире испытывает дефицит человеческих ресурсов. Убыль населения никак не удается остановить. От катастрофы спасают трудовые мигранты из стран Центральной Азии, но власти их сильно недолюбливают. Мусульмане, как никак. Более того, ежегодно на ПМЖ за границу уезжает более 200 тыс. людей, и это согласно официальной статистике!

И вот с учетом всего этого либералы предлагают оставить заботу о сельской местности и начать конструировать какие-то нежизнеспособные городские суперагломерации. Мы же не первый год живем на свете, хорошо помним слова покойного премьер-министра России Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Как всегда и с агломерациями получится, если, конечно, до реализации этого прожекта дойдут.

Стоит понять одно: без села страна обречена на то, чтобы сжаться как шагреновая кожа до масштабов Московской области. Собянин-то вряд ли против будет. Агломерации убьют село. Уже многие годы говорят о импортозамещении, продовольственной безопасности. Большую часть сельскохозяйственной продукции мы закупаем за рубежом. И многие овощи в государстве «Израиль». Израильские лоббисты делают все, чтобы Россия не была заинтересована в развитии собственных агрокультур. И у них влиятельнейшие покровители на самом верху российской элиты с двойным гражданством. Догадайтесь каким?

Если государство прекратит помощь селам, то они вымрут в скором времени. Не все мерится деньгами, как это любят делать материалисты-либералы. Культура, духовность, образование редко приносят прибыль, выражаемую в денежном эквиваленте. Но вкладываться в них необходимо. «Если вы не строите школы, то будете строить тюрьмы» – старая и рабочая максима.

К примеру, во всем Дальневосточном федеральном округе проживают всего 6 млн человек. Чуть меньше, чем в Санкт-Петербурге. ДФО занимает 36,1% территории страны, но в нем проживает всего 4,4% населения страны. Уже сегодня там, по сути, хозяйничают китайцы, которые считают ислам и тюрков своими экзистенциальными врагами. Именно против тюрков, вернее, против их молниеносных конных набегов была возведена великая китайская стена. Теперь китайцы бескровно, сугубо экономическими методами и демографической экспансией захватывают этот регион России.

ЕСТЬ ТАКОЕ СЕЛО!

Либералы причитают, что села бесполезно спасать, они обречены в экономическом, духовном, демографическом планах. Конечно, если государство и дальше будет игнорировать их нужды, так и будет. Но есть в России села, которые выступают примером для остальных и процветают без помощи государства. К числу таких по праву относится самое крупное татарское село в мире – Средняя Елюзань, что находится в Пензенской области. Население свыше 10000 человек, около 2000 до-

мов. И это даже не районный центр! Мне довелось недавно побывать в этом селе. Я был поражен тем, как его жители смогли сохранить духовные традиции и преуспеть экономически. В Средней Елюзане одиннадцать мечетей, строится двенадцатая. При этом от властей они не просят ничего. Все на свои средства!

Жители строят свою жизнь на принципах махалля – это самодостаточные независимые общины, которые центрируются вокруг мечети. Вопросы решаются советом. Духовные лица и старшее поколение занимаются воспитанием молодежи. Оттого духовная преемственность не прерывается. В селе царит здоровая духовно-нравственная атмосфера. Мечети на джума намазы всегда полные. И стар, и млад знают и чтят татарский язык, с пиететом относятся к исламскому воспитанию. Село не знает, что такое преступность, пьянство, хулиганство и другие пороки современного общества.

Удивительно, но Средняя Елюзань смогла помимо прочего стать и кузницей исламских кадров. Нынешние муфтии Пензенской и Саратовской областей Мукаддас Бибарсов и Ислам Дашкин выходцы этого села, первый заместитель муфтия Башкортостана Аюп Бибарсов также родом из Средней Елюзани. Сами жители говорят, что их успех лишь милость Аллаха и результат старательного и ответственного отношения к своему делу. Село и люди его населяющие уникальны, без преувеличения.

Вот и ответ дремучим либералам: села могут развиваться и процветать в нашей стране, если будут опираться на религиозные ценности, духовность и трудовую старательность. И главное, чтобы не мешали! А уникальный опыт с. Средняя Елюзань надо донести до других селений. Зачем нам чужие модели, если под боком мы имеем лучшие образцы.

*Источник: <http://ansar.ru/analytics/proekt-liberalov-aglomeracii-protiv-nenuzhnyh-lyudej-ili-kak-stranu-spaset-tatarskoe-selo>,
03 декабря 2017.*

* * *

Дамир Исхаков

ВОПРОС ЗНАТОКАМ: КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ ТАТАР

После VI съезда Всемирного конгресса татар: в чем причина пробуксовки национального развития

Известный татарстанский этнолог Дамир Исхаков в колонке, специально написанной для «Реального времени», делится своими размышлениями об итогах VI съезда Всемирного конгресса татар. По мнению ученого, сегодня в работе национальных организаций не хватает плотной работы с экспертным сообществом.

ИДЕИ ИСХОДЯТ ОТ ЗНАТOKOВ

Было время, когда несколько продвинутых представителей татарской интеллигенции – обычно это были ученые – могли сообща подготовить достаточно содержательные общенациональные концептуальные документы. Скажем, такое происходило на рубеже 1980–90-х гг., когда готовились программы ТОЦ, на основе которых затем зачастую правительство Татарстана вырабатывало решения государственных органов. В те перестроечные годы и в первые постсоветские годы демократии было побольше и ученые разных направлений, аналитики и публицисты с практическим опытом формулировали свободно свое видение, их мотивировала гражданская позиция и общественный долг.

Структуры власти и управления содействовали исследованиям или их заказывали в рамках своей текущей деятельности. И результат был значительный: в 90-е и нулевые годы решения по национально-культурным и общественно-политическим вопросам принимались продуманно и идущие процессы широко освещались в масс-медиа, общественность втягивалась в созидательную деятельность и реализацию разных проектов социального характера. Однако с тех пор жизнь слиш-

ком усложнилась, произошло социальное расслоение, в обществе возникли мало пересекающиеся между собой слои, властные отношения как в республике, так и в целом в РФ, претерпели коренные изменения, в мире усилились глобализационные процессы, оказывающие непосредственное воздействие и на наше общество.

КОГДА ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТАЛО БОЛЬШЕ...

Казалось бы, дела должны были пойти еще лучше теперь, когда появились управленческие, аналитические и медийные структуры в регионе и в центре, расширились возможности для участия в федеральных этнокультурных проектах. Существуют Исполком конгресса татар, действуют Ассамблея народов Татарстана и Дом дружбы, Кабинет Министров РТ составляет и реализует государственные программы по национальным и языковым вопросам. Правда, демократия практически отсутствует, решения готовятся и принимаются узким кругом государственной бюрократии. На этом фоне у татарского сообщества проблем на национально-культурном, образовательном и языковом фронте стало больше, а способов их решения – все меньше.

Между тем этническое самосознание всех народов, особенно крупных, растет, как и степень многонациональности российского общества и масштабы миграционных процессов в мире. Теперь большинство социальных проблем, в том числе и этнонационального характера, не имеют простых решений. Часто они выступают как многофакторный клубок взаимосвязанных явлений. В качестве всем нам хорошо известного примера можно привести постепенную утерю, несмотря на все предпринимаемые меры, позиции татарского языка даже среди самих татар: тут и социально-психологические (нежелание родителей обучать своих детей родному языку), и исторические (связанные с закрытием начиная с 1960-х гг. татарских школ городах, из-за чего многие родители татарской национальности остались без родного языка), и политические (воздействие на языковую ориентацию родителей ликвидации регионального компонента в школах, введение ЕГЭ на русском языке), и глобальные (усиление роли Интернета и др. электронных средств доставки информации, функционирующих в подавляющем большинстве не на татарском) причины.

КТО РАЗВЯЖЕТ ТАТАРСКИЕ УЗЛЫ?

Иногда предлагают простые решения весьма сложных языковых и этнических явлений – вроде того, что больше надо разговаривать на родном языке в семье. Хотя и это абсолютно верная рекомендация, но если знать, что в Казани на литературном татарском разговаривает только 1/3 татарских семей, такой подход надо квалифицировать или как результат полного непонимания реалий, или, что хуже, как желание уйти от решения такого рода трудных проблем. К тому же сейчас молодой человек сидит перед компьютером, телевизором, выходит на улицу, идет к друзьям, в школу – и какой «контент», какая среда его там ожидает?

Вопрос: оказался ли готов ВКТ как представительный орган татар к названным фундаментальным изменениям в стране и мире? Ответ, я думаю, очевиден: названная общенациональная организация татар к ним оказалась совершенно не готова. Ярчайшим доказательством данного вывода является систематическое запаздывание татарского общества и Татарстана перед вводимыми федеральным центром социальными и политическими новшествами.

Мы, татары, будучи отнюдь не бедной на интеллектуалов нацией в последние 10–15 лет фактически были заняты реагированием, причем не всегда успешным, на уже принятые Москвой решения вместо того, чтобы работать на опережение. А ведь в нашем недавнем прошлом имелись и положительные примеры дееспособности татар, их умения сработать вовремя и на должном уровне, скажем, как в случае подготовки и принятия в РТ Конституции еще до принятия аналогичного документа РФ. До сих пор нас выручала способность татар к конструктивному взаимодействию с властью и другими народами, она нам помогала держаться на уровне, находить партнеров и пути решения проблем.

ЕСТЬ ЛИ ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ?

Что же с нами с тех пор случилось, что у нас сейчас не так? Ответ вообще-то лежит на поверхности и при легком напряжении ума вполне доступен. Но так как об этом до сих пор никто внятно

не сказал, хочу сообщить татарской общественности: «Уважаемые сородичи, все дело в том, что у нас ни в Татарстане, ни в ВКТ экспертная деятельность должным образом не поставлена. Что касается ВКТ, она там не была выстроена как важнейшее направление его деятельности. Наоборот, когда появились государственные программы и курирующие их чиновники и структуры, не стало идей, проектов, идущих от жизни. Давно испытано: обычно деньги и должности убивают объективное видение проблем и творческую мысль, а личные и групповые интересы берут верх».

Правда, в прошлом были попытки создать в рамках ВКТ экспертного направления: были проведены два Форума татарских ученых, созданных исполкомом ВКТ вместе с АН РТ и не оставивших в итоге никакого результата. Хотя они были организованы с целью объединения научных сил татарского мира. Затем можно назвать учреждение при руководящем органе ВКТ Комиссии по стратегии развития татарского этноса, чьим рабочим органом был Центр этнологического мониторинга (с 2006 по 2010 годы функционировал в структуре Института истории им. Ш. Марджани, в итоге закрывшись волею начальства). Эти структуры, занимавшиеся подготовкой концепции и программы развития татарского народа, также канули в Лету.

К величайшему сожалению, из всего этого негативного прошлого опыта руководство ВКТ соответствующих выводов так и не извлекло, в том числе и потому, что круг проблем, связанных с экспертной деятельностью, ни разу на заседаниях данной организации не обсуждался. А стоило бы этим заняться, ибо такое состояние привело к серьезным последствиям.

ЕДИНАЯ ПЛАТФОРМА, ВИТАЮЩАЯ В ОБЛАКАХ...

Чтобы мое утверждение не показалось голословным, обращу внимание на последний случай, очевидцами которого оказались многие делегаты прошедшего съезда ВКТ. Имею в виду неудачу в подготовке так называемой «Платформы сохранения и развития языка и духовного наследия татарского народа», которую должны были обсудить на одной из секций данного Форума, но обсудить оказалось нечего. Сей концептуальный документ, который вроде бы готовился с начала текущего года, так и не был представлен общественности. В данном случае показательным то, что к его написанию была привлечена АН РТ. Тем не менее, итог оказался отрицательным. Почему же?

Совершенно очевидно, что данный случай еще раз демонстрирует нам результат неправильной организации экспертной деятельности в ВКТ. Я мог бы обосновать этот вывод и более детально, тем более последнее событие происходило у меня на глазах, но вряд ли есть смысл сейчас ворошить это прошлое. К тому же придется заняться затрагиванием личностей, а это бесполезно, так как дело больше не в личностях, а в организационных аспектах. Пока хочу отметить: вся эта история связана в том числе и с тем, что у руководства республики бытует явно ошибочное мнение относительно целесообразности постоянного привлечения к составлению сложных концептуальных документов республиканской Академии наук. Между тем именно по гуманитарному профилю это учреждение, основной костяк научных сотрудников, которого занят изучением далекого прошлого, а отнюдь, не настоящего, по определению не годится для такой работы. К тому же в ее структуре, за исключением небольшого числа социологов и социолингвистов, вообще нет специалистов, необходимых для подготовки сложных концепций и программ социального характера, так необходимых сейчас татарскому обществу.

СЛАДКАЯ ИЛЛЮЗИЯ ОБ АКАДЕМИИ НАУК

В такой ситуации ожидать, что в результате включения в состав президиума «Милли шура» одного из вице-президентов АН РТ, к тому же не обладающего необходимой квалификацией в деле подготовки национально значимых концептуальных документов, вряд ли способно изменить в лучшую сторону экспертные дела в рамках ВКТ.

Как ученый, много занимавшийся экспертной деятельностью, скажу без обиняков: если мы действительно хотим иметь дело с по-настоящему известными учеными, подлинными интеллектуалами, то надо принять к сведению, что они сосредоточены отнюдь не в нашей республиканской Академии наук (что не означает, тем не менее, полностью минусовую оценку кадров этого учреж-

дения – отдельные, заслуживающие внимания эксперты там есть, они хорошо известны в научных кругах).

Между тем, давно замечено, что сметы затрат и государственные программы по языкам и идентичности Академии наук включают фундаментальные исследования из тематического плана Института языка, литературы и искусств, которые разрабатываются десятилетиями без явно видимых результатов. Можно и впредь выпускать сборники о семантических аспектах филологии, реализме и романтизме татарской прозы и поэзии советской эпохи, многотомные словари. Но для всего этого существует целый институт с немалым штатом и красивым зданием на улице Карла Маркса. Почему его текущая работа должна преподноситься как платформа и научное обеспечение государственной национальной политики, когда актуальные и насущные проблемы остаются без внимания, не совсем понятно. Другие академические институты так же прикладываются к выше названным госпрограммам, используя средства, выделяемые в их рамках в собственных интересах. Понять их можно. Сейчас средств, выделяемых академическим институтам, достаточно только для оплаты труда сотрудников, на издательские дела средств, практически нет. Но финансирование госпрограмм вообще-то имеет другие задачи. Отсюда понятно, почему один из выступающих на упомянутой выше секции (названной теперь дискуссионной площадкой) съезда ВКТ назвал обсуждение «платформы» попыткой макияжа умирающего, который нуждается в реанимации..

Поэтому, «реаниматоров» и в целом крутых экспертов надо искать в других интеллектуальных сферах, в том числе и в других регионах РФ и даже за рубежом.

КАК ОБУСТРОИТЬ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО?

Теперь о том, как собрать вокруг руководящего ядра ВКТ в лице его «Милли шура» не малые интеллектуальные силы татар и организовать их взаимодействие в рамках поиска путей решения наших многочисленных этнонациональных проблем. Опыт показывает, в том числе и мой личный (в качестве руководителя Центра этнологического мониторинга и названной выше Комиссии), что для обеспечения нормальной экспертной деятельности при ВКТ нужны особые структуры и продуманные механизмы их финансирования. Причем последний аспект весьма и весьма существен, ибо ученые ныне также живут в рыночных условиях и без достойной оплаты весьма сложного и требующего высокого квалификационного уровня труда их привлечь к экспертным делам будет невозможно.

Теперь, конкретно. Вначале несколько слов скажем об организационных вопросах, имеющих ряд аспектов.

Первый из них заключается в том, что при «Милли Шура» должно существовать некое научное ядро, планирующее и контролирующее экспертную деятельность. Идеальным было бы формирование его на основе соглашения с президиумом АН РТ как обособленной структуры, обслуживающей ВКТ. Условное название ее – Институт или Центр диаспоры. Данное подразделение могло бы насчитывать до 10–12 сотрудников и его можно было бы создать на основе особенно никому не нужного Центра демографии и семьи, находящегося в структуре АН РТ. Так как речь идет о мозговом ядре искомого экспертного сообщества, призванного выполнять задания «Милли Шура», сюда должны быть набраны высококлассные специалисты, а руководителем целесообразно определить относительно молодого и мобильного ученого, хорошо знакомого с делами татарского мира и имеющего опыт в экспертной деятельности.

Второй аспект обсуждаемой проблемы связан с формированием круга экспертов, как уже говорилось, не только из числа татарстанских ученых. Задача эта непростая и она не случайно не была решена отмеченными двумя форумами ученых из татар, о которых уже речь шла. Тут следует обратить внимание на то, что тогда в Казань были приглашены ученые разных профилей, в том числе большинство их было из естественников, а нам-то сейчас нужны больше представители социально-гуманитарных дисциплин. Для того чтобы их собрать, во-первых, можно воспользоваться картотекой приглашенных тогда на названные форумы, во-вторых, при составлении Татарской энциклопедии были собраны данные о докторам наук из татар, их тоже можно задействовать. Кроме

того, можно опираться на мнения региональных татарских организаций, которые хорошо знают местных ученых. Наконец, надо иметь в виду, что интеллектуалы из наших сородичей есть и в других сферах (среди писателей, религиозных деятелей, артистов и др.), их также следует привлечь к обсуждаемой деятельности.

На начальном этапе можно поступить так: собрав необходимые данные, в этом году организовать в Казани или в Уфе симпозиум, посвященный 100-летию национально-культурной автономии татар, где можно будет обсудить с приглашением 30–40 видных ученых современные проблемы татарской нации. При этом можно посмотреть, получается ли нужное экспертное сообщество. Если получается, в дальнейшем этот состав можно будет расширить. Если не получается, усилия придется продолжить.

Третий аспект вопроса имеет отношение к целевой задаче, способной объединить экспертное сообщество. Эта должна быть задача высокого уровня и иметь общенациональное значение, таковой способна стать выработка «Программы развития татарской нации» на длительную перспективу, скажем, до 2050 г. Но данный документ не может быть составлен без ее концептуальной части. Скажу, что указанная тут ранее «Платформа», фактически и есть попытка создания такого рода документа. Попытка безуспешная, ибо без формулировки общих идей, перспективных целей она не получится. Могу сказать, что в прежние времена Центр этнологического мониторинга и Комиссия по стратегии развития татарского этноса определенные заделы в этом направлении уже проделали, их в дальнейшем также можно будет использовать.

ФИЛОСОФИЯ ПЛЮС ОРГАНИЗАЦИЯ

А пока ситуация такова, что в республике тратятся немалые суммы на госпрограммы (сохранения идентичности, языка и пр.), которые взаимно неувязаны и у которых нет главного – целевого направления, куда татарам дальше двигаться, чего мы в принципе, как нация хотим достичь. Тут без идеологии и даже философии, без общих подходов, не обойтись.

Естественно, что при обсуждении интересующих нас оргвопросов относительно организации экспертной деятельности невозможно пройти мимо вписания ее в деятельность исполкома «Милли шура». Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения, но вполне ясно, что в структуре исполнительного органа ВКТ должен быть некий секретариат, занятый обеспечением каждодневной деятельности экспертного сообщества. Технологически его формирование следует увязать с созданием уже отмеченного Института/Центра.

Так как стоящие перед ВКТ и татарской нацией проблемы многообразны, экспертное сообщество после его формирования будет нуждаться в структурировании по наиболее важным направлениям. Их можно обозначить как комиссии или секции (юридическая, культурологическая, лингвистическая, политологическая, экономическая, демографическая и т. д.). Но это дело следующего этапа, когда экспертное сообщество уже в целом будет собрано.

О МЕХАНИЗМАХ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Как уже говорилось, для обеспечения функционирования этого важнейшего звена ВКТ и его руководящего органа в лице «Милли Шура» без серьезного финансирования не обойтись. Однозначно можно исключить завязку в финансовом плане на АН РТ, кроме, быть может, названного Института/Центра. Бюрократические методы, характерные для республиканской Академии наук и крайний консерватизм его верхов могут лишь погубить экспертные дела, связанные с татарским миром. Финансирование может быть только через ВКТ, точнее, через фонд, находящийся при «Милли шура», причем оно должно иметь грантовый характер. Вполне понятно, что гранты могут быть выделены лишь после четкого определения задач экспертных групп, что требует предварительного финансирования самого процесса их подготовки (это тоже экспертная работа, но для небольшого круга из числа очень продвинутых ученых). Так как гранты, о которых идет речь, должны быть значительными, вопрос о том, откуда взять деньги, существует. Как я полагаю, для начала надо провести ревизию уже существующих госпрограмм этнонационального характера с

целью выяснить степень их эффективности. В этом случае, я думаю, экономия средств точно появится, причем большая. Далее следует прибегнуть и к поддержке частных предпринимателей. Но для этого им необходимо четко объяснить, на что могут пойти их деньги. Поэтому они должны участвовать в обсуждении тех задач, на выполнение которых у них просятся средства. По моему мнению, если богатым татарам все хорошенько объяснить, в их среде найдется достаточное число патриотически настроенных лиц, готовых вложиться по-настоящему в обсуждаемое общенациональное дело.

И последнее. Кроме сказанного существует целый ряд конкретных сторон, связанных с формированием экспертного сообщества при ВКТ, но об этом можно будет вести речь в рамках лишь руководства данной организации, да и то если оно примет те общие соображения, которые выше были высказаны.

В дальнейшем я сам и ряд моих единомышленников, находящихся в составе «Милли шура» и в экспертном сообществе, в выработке отношения к новому руководству ВКТ будем ориентироваться, в том числе и на его готовность заняться формированием при этом общенациональном органе экспертного сообщества. Можно сказать, что если оно будет организовано, дела ВКТ пойдут в гору, если нет, то, скорее всего, дела пойдут неважно.

*Источник: <https://realnoevremya.ru/articles/74346-etnolog-damir-ishakov-ob-tatarskom-ekspertnom-soobschestve>,
22 августа 2017.*

ЧАСТЬ 2. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ: 2018

Айрат Файзрахманов

«ШКОЛА С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ, НЕ ОКРЕПНУВ, ПРАКТИЧЕСКИ ИСЧЕЗЛА»

Одним из итогов «языковой проблемы» в республике стало внимание к работе татарских школ в РТ. Как оказалось, к примеру, в Казани на сегодняшний день обучение только на татарском ведется всего лишь в одной школе! Общественный деятель Айрат Файзрахманов на страницах «БИЗНЕС Online» размышляет о том, что развивать национальную школу можно, используя опыт каталанцев, басков, валлийцев и т. д., когда исчезающие языки смогли возродить именно через систему образования.

«ПРЯМОЙ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ СЕПАРАТИЗМОМ И СТРЕМЛЕНИЕМ К ЗНАНИЮ ЯЗЫКА НЕТ»

Очень часто приходится слышать, что татарский язык нужно сохранять прежде всего в семье. В этой нехитрой житейской формуле есть два изъяна. Первый – почему татарский язык нужно именно сохранять, а не развивать? Второй – сегодня уже много татарских семей, где не только родители, но и бабушки с дедушками не знают татарского языка. И как в этих условиях «сохранять татарский язык в семье»? Поколенческий разрыв в передаче языка произошел не сегодня и не вчера, процесс начался еще в 1940-е гг. И этот разрыв продолжает дублироваться в последующих поколениях, он расширяется и углубляется.

Татарами родной язык утрачивается именно в городских условиях. Здесь он оказывается, по сути, на положении миноритарного языка – языка меньшинства, выполняющего гораздо меньше социальных функций, чем язык мажоритарный (доминирующий). Большинство информации в течение дня поступает на доминирующем языке – это и медиа, и учеба или работа, и простое общение, визуальная информация в городе, культурные мероприятия, и т. д. Стоит ли после этого удивляться тому, что дети плохо знают родной язык родителей? Уроки татарского языка, будь то два часа в неделю или шесть, положение не спасают. Даже существенное улучшение преподавания не приведет к тому, чтобы дети в Татарстане массово заговорили на татарском языке. Это лишь минимальный уровень, который осваивают около 20% учеников. Даже отправка детей на каникулы в деревню (моноэтническую среду), как правило, не помогает полноценному освоению татарского языка. В этих условиях не изучается литературный и научный язык – человек может хорошо говорить на бытовом татарском, но не уметь писать на нем.

И вот здесь посыпать голову пеплом, говорить об исчезновении, заниматься самоуничижением не стоит. Есть немало народов, чье положение схоже с татарами, и есть масса положительных примеров, когда ситуацию удавалось исправить. Правильно было бы сравнивать положение татарского языка с рядом региональных языков в Европе. Проблемы были схожие – большинство региональных языков воспринимались как языки сельской местности, каждое последующее поколение знало его хуже, а сфера применения была несравнимо уже, чем у современного татарского. Так, каталанский язык, будучи запрещенным (!) до 1975 г., смог не только восстановить утраченные позиции у самих каталанцев, но и стал полноценным языком автономии. Большинство населения автономии знают этот язык. Нечто похожее произошло в Стране Басков. Знание регионального языка у молодежи выше, чем у старшего поколения, и он больше не воспринимается как язык сельской местности.

Многие скажут, что это плохие примеры, ведь Каталония теперь требует полной независимости, а до этого главной горячей точкой Испании была Страна Басков. Заметим, баскский сепаратизм получил свое развитие тогда, когда не было и речи о школах с баскским языком обучения. И, наоборот, сегодня, когда такие школы есть, и они прекрасно развиваются, мы уже не слышим о баскском сепаратизме. Хотя, конечно, корреляция неочевидная. Во всяком случае, язык не является главным маркером сепаратизма. Шотландия, Северная Ирландия, в которых абсолютно доминирует английский язык, а свой практически утрачен, стремятся к отделению не в меньшей степени. И, наоборот, Уэльс, не имеющий амбиций к самостоятельному государственному существованию, постепенно возвращает молодое поколение к знанию валлийского языка. Схожая ситуация с западнофризским языком в нидерландской провинции Фрисландия. Так что прямой корреляции между сепаратизмом и стремлением к знанию языка здесь нет.

«ОБУЧАЯСЬ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ, ГОРОДСКОЙ РЕБЕНОК В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ БУДЕТ ЗНАТЬ РУССКИЙ НЕ ХУЖЕ СВОИХ СВЕРСТНИКОВ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ РФ»

Как удалось вернуть утраченные позиции? Прежде всего, за счет создания сильной общеобразовательной школы с региональным языком обучения. Регионы, которые вообще не имели учительских кадров, умеющие преподавать на региональном языке, смогли практически с нуля создать такую систему образования. Если в Уэльсе в 1970-е гг. лишь 15% молодежи региона знали валлийский язык, то к началу прошлого десятилетия их число достигло почти 40. Число школ с валлийским языком обучения и их популярность среди родителей растет. Почему? В конечном счете оказалось, что ученики таких школ лучше сдают математику – настоящая билингвальность заставляет интенсивнее работать мозг. Так, например, в Каталонии каталаноязычное образование стало более популярнее, чем школа с испанским языком обучения. Вслед за школой сформировалось и высшее образование на региональных языках.

Рисунки: Данные представлены доктором Эктором Ало-и-Фонтом, Centre de Recerca en Sociolingüística i Comunicació, Universitat de Barcelona, исследование в рамках регионального досье «Меркатор»

Приведу другие примеры. Например, валлонский язык в Бельгии, на котором еще в 1990-е гг. разговаривало абсолютное большинство населения региона Валлония, сейчас активно вытесняется французским языком. Валлонский язык преподается лишь как отдельный предмет в школе. Западнофризский язык в нидерландской провинции Фрисландия, будучи лишь отдельным предметом в школе, испытывал те же трудности, но процесс постепенно удалось приостановить за счет появления своей школы.

Аналогично с татарским языком – преподавание его лишь как отдельного предмета положение кардинально не изменит. Городские татары не будут полноценно знать свой язык лишь за счет двух

или четырех часов преподавания его в школе. К тому же нет прецедентов того, чтобы сокращение учебной программы (которое мы сегодня наблюдаем) вело к лучшему знанию предмета.

В городских условиях лишь конкурентоспособная школа с татарским языком обучения может вернуть молодое поколение татар к своему родному языку. И именно этот фактор должен стать краеугольным камнем всей языковой политики в республике. В 1990-е гг. Татарстан частично смог возродить в своих городах татарскую школу, и сегодня мы видим молодое поколение горожан, отучившихся в национальных гимназиях и хорошо знающих свой родной язык, культуру, историю. При этом перестроиться на русский язык в вузе таким выпускникам не составляло большого труда, к тому же появлялось высшее образование на татарском языке. Обучаясь на татарском языке, городской ребенок будет знать русский язык не хуже других своих сверстников из других регионов России!

Исследователи подчеркивают: на протяжении большей части XX в. в европейских государствах существовало отрицательное мнение о преподавании региональных языков. Считалось, что они мешают изучению в совершенстве языка большинства. Часто их знание считалось аномалией: «нормальными» гражданами страны были монолингвы на языке большинства. Нередко власть боялась, что владение региональным языком поставит под угрозу консолидацию единой нации и территориальную целостность государства. Однако значительная часть передового мирового общества пришла к пониманию, что при обучении на миноритарном языке мажоритарный язык будет освоен в любом случае на хорошем уровне! Мнение о том, что при таком обучении готовят сепаратистов, как минимум ненаучно, максимум – несет угрозу межэтническим отношениям.

*«ШКОЛА С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ, НЕ УСПЕВ ОКРЕПНУТЬ,
ПРАКТИЧЕСКИ ИСЧЕЗЛА»*

К концу нулевых при внедрении системы ЕГЭ большинство «завоеванных» позиций татарского языка было утрачено. Формально только в одной Казани мы имеем два десятка татарских школ и гимназий, почти четыре десятка русско-татарских школ. С высоких трибун отчитываются, что 100% детей татар в школах объята национальным воспитанием и татарский язык они знают, а более половины детей и вовсе обучаются в «татарской школе»! Фактически же в Казани полностью на татарском преподает лишь одна гимназия. В Набережных Челнах и других городах ситуация не лучше. Школа с татарским языком обучения, не успев окрепнуть, практически исчезла. И здесь также срабатывает комплекс причин. О нем отдельная речь.

Социолингвисты подчеркивают: системная, целенаправленная языковая политика (в том числе в школе), может дать результат только через два поколения. В национальной школе Татарстан успел воспитать только одно поколение. При этом надо отметить, сам термин «национальная школа» не совсем удачный. Во-первых, он сразу отсекает русское население, которое, возможно, имело бы желание дать ребенку образование на татарском языке (и такие люди иногда встречаются). Во-вторых, «национальный» порой воспринимается как «националистический». Даже у самих татар может складываться образ традиционалистской школы с элементами фольклора. Европейские школы с региональным языком обучения не позиционируют себя как национальные школы. В учебных заведениях с валлийским языком обучения могут быть англичане, в школах с каталанским языком обучения – испанцы. В этом смысле, наверное, нужна перезагрузка имиджа национальных гимназий, правильнее было бы позиционировать их как школы с татарским языком обучения, исключив превалирование этнокультурного компонента.

*«ТАТАРСКИЙ ПАТРИОТИЗМ, О КОТОРОМ НЕДАВНО УПОМЯНУЛ РУСТАМ
МИННИХАНОВ, ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРЕВРАТИТСЯ В ГОРОДСКУЮ ЭКЗОТИКУ...»*

Почему нужно говорить именно о городе? Более двух третей татар в РТ проживают в городах. Немало и тех татар, кто прописан на селе, но проживает в городе. Число городских татар стремительно растет. Многие из нас ощущают на себе, что в Казани стал чаще слышаться татарский язык. С момента последней переписи Казань увеличилась на 100 тыс. человек во многом за счет татар-

ского населения. Процесс будет продолжаться и дальше, татары будут концентрироваться в городах. Если первое поколение еще поддерживает тесные связи с моноэтнической средой (деревней), то следующее поколение уже чувствует себя полноценными членами космополитичного городского общества. Учась в школе, где татарский язык является лишь отдельным предметом, но не языком обучения, дети знают его гораздо хуже, чем родители.

И вот в этих условиях, априори чувствуя, что татар в городе становится больше, республика долгое время не предпринимала усилий для создания соответствующей общеобразовательной инфраструктуры на татарском языке! Сейчас нет никакой уверенности, что в 1,5-миллионной Казани в 2030 г. эта инфраструктура появится. А значит, татарский язык будет терять свои позиции в республике, а татарский патриотизм, о котором недавно упомянул Президент РТ Рустам Минниханов, окончательно превратится в городскую экзотику, аборигенскую фишку для туристов. Как уже писалось, в силу целого комплекса причин создание феномена русскоязычных татар не может служить механизмом выживания нации.

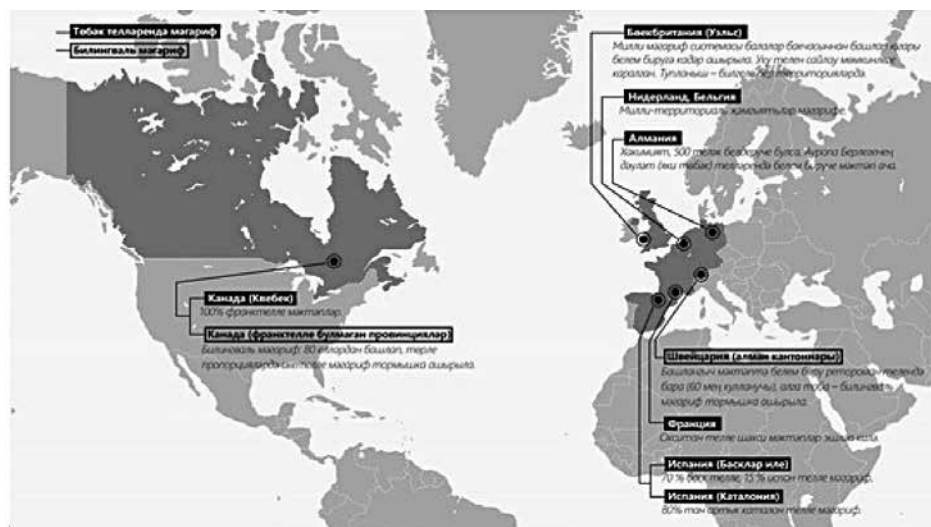
В условиях глобализации, космополитичного городского общества, политики унификации татар спасет только система конкурентоспособного образования на татарском языке – от детского сада до университета. Это базис, это следование мировому опыту. Надстройка – современная городская культура на татарском языке, она формирует интерес, мотивацию, обновленные смыслы и ценности. Но, заметьте, каким бы ни был популярным хит на английском языке, он никогда не станет главным толчком к знанию литературного английского языка.

Надо отдать должное, Министерство образования Татарстана крепко взялось за проблему татарских школ: создали дорожные карты развития национального образования, сформировали дополнительные критерии функционирования для татарских школ и гимназий и в последний год развернули процесс их возвращения к татарскому языку обучения. Старт был тяжелым, более того, попытка создать в Казани одну (!) новую школу с татарским языком обучения натолкнулась на сопротивление комитета русскоязычных родителей и потерпела фиаско. В другом случае в Арске была открыта прекрасная гимназия с татарским языком обучения. Но это снова не Казань, да и нет уверенности, что школа сможет преподавать все предметы на татарском языке. Что сейчас будет с этими планами, непонятно.

«ТАТАРСТАН СОВМЕСТНО С ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ ИМЕЕТ ПОЛНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ СДАЧИ ЕГЭ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ»

В течение 2017 г. в рамках проекта «Акыл фабрикасы» было осуществлено исследование, посвященное развитию татарской школы. Был изучен международный опыт, опрошены 15 экспертов с различным научным бэкграундом, проведены несколько фокус-групп с руководителями, учителями, родительским сообществом татарских гимназий, проведена проектная школа по теме «Татарская школа будущего: 100 идей по развитию». Результатом этой работы станет концепция «Татарской школы будущего» (на татарском языке) – это взгляд общественности, экспертов, ученых. Ряд положений впервые излагается в данной публикации.

Итак, по каким же причинам татарские гимназии и школы не преподают на татарском языке? Во-первых, это так называемый институт прописки, когда по месту жительства к татарской гимназии оказываются приписаны жители местного микрорайона. И школа, вне зависимости от языковой подготовки ребенка, обязана принять его. Конкурсы при приеме в первый класс на настоящий момент запрещены. В свою очередь, финансирование учебных заведений зависит от количества учеников, поэтому школы вынуждены добирать детей. Есть несколько вариантов решения этой проблемы – предоставление возможности выбора учебного заведения по прописке, в зависимости от знания ребенком того или иного языка. Другой вариант – предоставление татарским гимназиям статуса республиканского центра образования, который свободен от института прописки, в этом случае каждый такой центр должен быть уникальным на республиканском уровне. В рамках центра может быть сосредоточено несколько учебных заведений и детский сад.

В каждом районе Казани и Набережных Челнов можно было бы создать республиканский образовательный центр с татарским языком обучения, каждый из них мог бы иметь свой уникальный профиль – гуманитарный, искусствоведческий, полилингвальный (например, акцент на изучение восточных языков), естественнонаучный (как оказывается, татарстанская медицина нуждается в специалистах со знанием татарского языка). Будет ли спрос родителей? В татарскую гимназию № 2 детей возят со всего города, она переполнена. Многие не могут отдать туда детей чисто физически, потому что она находится в другом конце города. На спрос влияют и страхи родителей, некие общественные стереотипы, которые можно вполне перебороть.

Вторая причина – пресловутый ЕГЭ, который можно сдавать только на русском языке. Даже в национальной школе срабатывает страх родителей, что ребенок плохо сдаст ЕГЭ, если он будет учиться на татарском языке. Кроме того, по окончании начальной школы ребенок пишет всероссийскую проверочную работу по трем предметам исключительно на русском языке. Отсюда вполне закономерное и прагматичное желание родителей обучать ребенка на языке главных экзаменов. Татарстан совместно с Федеральным центром имеет полную возможность сдачи ЕГЭ на татарском языке с сохранением всех критериев конфиденциальности – существует необходимая инфраструктура, методисты, квалифицированный переводческий корпус, готов даже соответствующий законопроект. Нужна только политическая воля и искусство дипломатии, притом, что уже сделан огромный шаг вперед – 9-классники могут сдавать основной государственный экзамен на родном языке. Однако при наличии ЕГЭ на татарском языке родители могут опасаться, что ребенку будет трудно учиться в вузе с русским языком обучения.

Еще один ошибочный стереотип – естественные и точные науки невозможно учить на татарском языке. Опыт прошлых десятилетий легко опровергает это мнение. Однако именно из-за этого сложившегося стереотипа многие татарские школы имеют гуманитарную направленность. Во многом из-за этого в настоящее время происходит замыкание татарского языка в рамках татарской филологии и национальной педагогики. Фактическое исчезновение высшего образования и науки на татарском языке приводит к снижению мотивации к обучению на татарском, а полученные выпускниками татарских гимназий языковые навыки оказываются малостребованными на рынке труда. Если журналисты, которые могут писать на двух языках, порой получают в государственных СМИ меньшую заработную плату, то о какой мотивации можно говорить?

«СКАЗЫВАЕТСЯ ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ НЕДОСТАТОК ПРОДВИЖЕНИЯ ПРЕИМУЩЕСТВ ШКОЛ С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ»

Что делать в татарских школах с детьми, которые плохо знают этот язык? Вполне возможны эдакие детские языковые интенсивы, метод языковых гнезд, годичный индивидуальный план развития, в рамках которого ребенок сосредотачивается на изучении языка. Сегодня также можно наблюдать приток преподавателей, не имеющих навыков преподавания на татарском языке. Где брать талантливых учителей, которые бы могли преподавать на татарском? Здесь работает тот же принцип – языковые интенсивы для учителей, плюс специальный стипендиальный фонд.

В целом сказывается элементарный недостаток PR, продвижения преимуществ школ с татарским языком обучения, неправильное позиционирование в публичном пространстве, консерватизм педагогических кадров, замкнутых в пространстве своей школы. С этим можно и нужно работать. В указанных выше странах шла целенаправленная пропаганда школ с региональным языком обучения, им оказывалась дополнительная помощь, однако родители долгое время не считали нужным обучать детей в этих школах. В конечном счете, в общество и центральные власти пришло понимание, что обучение на миноритарных языках имеет свои преимущества. Например, если раньше школы на окситанском языке обучения могли существовать во Франции с ее жестко централизованной системой образования лишь в порядке частной инициативы, то сегодня центральное правительство оказывает им свою помощь.

Пока же среди школ – «национальных чемпионов» в Татарстане нет татарских гимназий. Большинство имеют слабую материально-техническую базу, являются крепкими середнячками рейтингов. Многие из них после перехода на мажоритарный язык обучения опустили в своих результатах. Главным их плюсом является хорошее воспитание и дисциплинированность учеников, сохранение особой национальной среды. Но этого мало. У родителей есть резонный вопрос: «Для чего моему ребенку учиться в татарской гимназии, если там и так все преподается на русском языке?» В конечном счете, даже многие представители национальной интеллигенции, пламенные патриоты, учителя татарского языка, представители татарской эстрады, науки, СМИ, профильных органов власти – все те, кто, так или иначе, зарабатывает на воспроизводстве татарской культуры – не отдают своих детей и внуков в татарские школы. В этом смысле никто из высших должностных лиц не служит примером, ориентируясь на который родители бы отдавали своих детей в школы с татарским языком обучения. Массовый порыв 1990-х гг., когда казалось, что татарские гимназии – это престижные учебные заведения, ушел в небытие.

Нужен сильный директорский корпус, готовый стать агентом изменений, потянуть за собой педагогический коллектив. В Татарстане немало сильных команд педагогов, которые могли бы послужить образцом формирования кадрового резерва для татарских школ. Необходимы инвестиции со стороны республиканского бизнеса, чтобы создать несколько точек роста, несколько образцовых школ с татарским языком обучения. Далеко ходить не надо – в Армении национальный капитал активно участвует в преобразовании системы образования, создает такие точки роста с самым передовым опытом преподавания.

Стоит обратить пристальное внимание на финское образование, считающееся лучшим в мире. Когда-то общество также не верило, что финская школа может стать лучше, чем шведская (шведский – второй государственный язык в Финляндии), однако теперь весь мир ездит к ним перенимать опыт. Финны не гонялись за результатами тестирования и рейтингами, они позволяли себе экспериментировать. Главный фактор позитивных изменений – увлеченный учитель-исследователь, который смог в первую очередь сделать финских детей счастливыми и такими же увлеченными в поиске знаний. Школы с татарским языком обучения могли бы выступить такими «экспериментальными» площадками, которых можно было бы избавить от бешеной погони за муниципальными рейтингами, отчетами и повальными тестами, поставив задачу создать в течение 8–10 лет уникальную модель со счастливыми и увлеченными детьми. Да, в условиях федерального «диктата» особо не поэкспериментируешь, но коридор возможностей у регионов все же есть. Возможно, что правильные изменения в татарской школе послужат образцом для остальных. Казанская школа «СОЛНЦЕ» Павла Шмакова – прекрасный пример того, что и в условиях жесткого администрирования образования можно создать школу, очень напоминающую финскую систему. А если добавить к этому политическую волю, мотивированные кадры и просвещенное родительское сообщество, то «без булдырыбыз!»

Помимо собственно школ с татарским языком обучения, Татарстан мог бы стать образцом билингвального и полилингвального образования. Пока же, по мнению специалистов, мы не имеем современных методик билингвального преподавания. Для этого как минимум нужны стажировки, тщательное изучение зарубежного опыта (Уэльс, Квебек, Страна Басков, Казахстан), его постепенное внедрение, а не бойкие отчеты о билингвальном характере обучения в республике.

«Первый мир» за последние 70 лет прошел путь от частичного запрета и игнорирования местных языков до создания полноценной системы образования (от детского садика до университетов) на региональных языках. Кстати, Российская Федерация в 1998 г. ратифицировала Европейскую рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, которая является наравне с Европейской хартией региональных языков (Россией подписана, но не ратифицирована) важной правовой базой для формирования такой образовательной системы. При всем при этом модернизация системы национального образования, создание конкурентоспособной школы с татарским языком обучения вполне укладывается в существующие ФГОСы и государственные программы. Татарстан же даже в нынешней ситуации имеет хороший задел, инфраструктуру для того, чтобы приблизиться к лучшим европейским примерам.

P.S. Что касается претензий относительно якобы неправильной идентичности учеников татарских школ, хотелось бы обратить внимание на одно весьма любопытное исследование социолога Ирины Арутюновой, опубликованное в сборнике Института социологии РАН (Россия реформирующаяся. Ежегодник. № 15, 2017). Статья называется «Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи». Так вот, лишь 8% молодежи, проживающей в Москве и Санкт-Петербурге, «в значительной степени идентифицируют себя с гражданами России, 9% ощущают близость с жителями своего города, 18% – с земляками, 16% – с людьми своей национальности». Результаты по Москве и Санкт-Петербургу значительно отличаются от остальных российских регионов. Молодежь национальных республик (Республика Саха) показывает гораздо более высокий уровень превалирующей общероссийской идентичности по сравнению со средними показателями. Это при том, что уровень развития национального образования в этой республике выше, чем в Татарстане.

Поэтому, господа, прежде чем учить учеников татарских школ тому, как любить родину, наведите порядок с идентичностью молодежи хотя бы в Москве! Но это вряд ли получится, потому, как видимо куда сподручней пенять на мифический сепаратизм республик.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/369357>,
13 января 2018.*

«У ВСЕХ ОДИН ВОПРОС: КАК БЫТЬ ДАЛЬШЕ, КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ?»

Ситуация с преподаванием татарского языка поставила перед национальной общественностью вопрос: как быть дальше? Пока национальные мечтатели, интеллигенция, журналисты, меценаты, убеленные сединами эксперты, ищут свой ответ, кто-то умело выбивает под это государственные деньги и выдумывает велосипед, сокрушается автор «БИЗНЕС Online», кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов.

«Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Конституция РФ, ст. 68, п. 3

«НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРИОРИТЕТОМ НОМЕР ОДИН ДОЛЖНА БЫТЬ ИМЕННО ШКОЛА С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ»

Ситуация с преподаванием татарского языка в школах Татарстана, конечно, по-разному повлияла на национальную общественность. Кто-то еще больше уверился, что татар ждет скорый «инкыйраз» – мол, язык исчезает, национальное самосознание у народа не то, нет лидеров, нет новых писателей, молодежь не знает классиков, национальную прессу читает все меньше людей, а за 10 лет количество знающих татарский язык сократилось на 1 миллион. Получается какое-то самопрограммирование на скорую смерть. Но на национальное вырождение сетуют не только татары, даже титульный народ в России называет схожие проблемы. Некоторых татар языковая ситуация, наоборот, встряхнула. Только в одной Казани один за другим стали проводиться разговорные клубы, национальные вечера.

Но у всех один вопрос: как быть дальше, какой должна быть национальная стратегия? Пока национальные мечтатели, интеллигенция, журналисты, меценаты, убеленные сединами эксперты, ученые из недр Академии наук, ответственные чиновники и простые люди каждый в отдельности ищет свой ответ. Кто-то умело выбивает под это государственные деньги, кто-то ищет свои источники, кто-то придумывает свой велосипед, кто-то так и останется со своими нереализованными мечтами на уровне общих рассуждений.

В целом движение стало более активным, и это уже радует. Главное – не потерять темпа и по возможности сообща определить если не стратегию, то хотя бы приоритеты и конкретные действия. Что-то уже можно и нужно делать прямо сейчас.

Убежден (и не только я): национальным приоритетом номер один должна быть именно школа с татарским языком обучения, и под этим утверждением есть научная база и международный опыт. Любая теория наций вам укажет, что школа – это один из главных механизмов институализации и развития этничности. 20 лет назад такое понимание было и у общественности, и у татарстанских властей, но создается впечатление, что сейчас мы отделились от такого понимания. Иначе чем можно объяснить, что в публичном поле такого приоритета нет и в помине?! В этом вопросе национальная интеллигенция пеняет на чиновников, чиновники переводят стрелки на родительское сообщество, которым якобы школа с татарским языком обучения не нужна. Хотя на этот счет нет социологических данных. Нет изучения спроса, нет желания повлиять на этот спрос, показав обновленный образ татарской школы.

У татарской творческой интеллигенции есть острое ощущение того, что вскоре производимый ими культурный продукт будет не востребован у большей части народа. Приходилось слышать, что даже популярным татарским певцам не удастся собрать нужное количество зрителей в некото-

рых регионах, где живет много татар. Через 20 лет у нас будет то же самое. Чувствуют опасность и ищут какие угодно причины, но в их списке нет татарской школы.

*«ВОЗМОЖНО, РУКОВОДСТВУ ВСПОМНИЛОСЬ, ЧТО ДАЖЕ ПРИ ПОЛЮБИВШЕМСЯ
СНОВА СТАЛИНЕ ПОЧТИ КАЖДЫЙ НАРОД В СССР ИМЕЛ СВОЮ МАССОВУЮ
НАЦИОНАЛЬНУЮ ШКОЛУ»*

Итак, что можно делать уже сейчас, сегодня? С 1 февраля традиционно началась запись будущих первоклашек в школы. Хотелось бы призвать родителей-татар отдавать детей в школы с татарским языком обучения. Нужно за это взяться всем миром – благо узнаваемых авторитетов, популярных деятелей культуры у нас еще много. Просить, требовать возвращения татарских гимназий, школ к татарскому языку обучения. Это наше конституционное право, и никто это право реализовывать не мешает. Все зависит от нас: от родителей, от общественности.

Что нужно делать, если в татарской школе, которую выбрали родители или там уже учится ребенок, нет обучения на татарском языке? Оказывается, по закону достаточно лишь написать заявление на имя директора школы с просьбой организовать это обучение.

Даже в обычной школе можно попросить организовать татарский класс! Копию заявления можно отправить в Министерство образования и науки и РОНО. И, по словам специалистов министерства, директор будет обязан это сделать. Конечно, стоит это делать сообща. Вместе, как известно, чего-то добиваться легче.

Пока же среди открываемых в 2018 г. новых школ Казани и Набережных Челнов не предполагается ни одной с татарским языком обучения. Не было таковых и все последние 10 лет, а одна действенная попытка в конечном счете не удалась. Что и говорить, если школы в сельской местности массово уходят с татарского языка обучения даже в начальных классах! В итоге и в районах мы получаем массового выпускника, который может прекрасно общаться на бытовом татарском языке, но не владеть литературным языком, не уметь писать тексты и понимать научную информацию на татарском языке. С таким подходом нас ждет «мордовский» сценарий.

Интересно, что даже «непримиримый» оппонент Татарстана и противник национальных школ (мол, готовят сепаратистов) Ольга Артеменко недавно высказалась за развитие «школ с родным языком обучения». Символично, что это было сделано в Йошкар-Оле. Видимо, что-то поменялось в стратегиях федерального министерства. Возможно, руководству вспомнилось, что даже при полюбившемся снова Сталине почти каждый народ в СССР имел свою массовую национальную школу, и что это не мешало в Великую Отечественную войну воевать бок о бок разным народам. Это к слову о том, что в представлении Артеменко хорошее знание русского языка нужно для понимания военных команд. И это уже не говоря об опыте образовательной политики имперской России (еще один идеал современности), где татарский язык был основным языком обучения не только для татарского народа.

*«ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК ПОКА ЕЩЕ ОСТАЕТСЯ ЯЗЫКОМ БИЗНЕСА, ЯЗЫКОМ ОСОБЫХ
ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТАТАРСТАНЕ»*

Во всяком случае, у татар может быть карт-бланш на развитие татарской школы. Помнится, высказывание Владимира Путина на конгрессе татар «Полная дурь и бред, если кто-то где-то запрещает в многонациональной стране изучать родной язык или препятствует этому» звучало в контексте сохранения татарской школы в Башкортостане, не говоря уже о законе и конституционных правах.

При этом Артеменко не преминула еще раз обратить внимание на ущербный статус родных языков. В ее понимании русский и английский языки способствуют развитию экономики, а родной язык – нет. Надо сказать, это очень упрощенное видение, особенно для эксперта по национальному образованию. Например, реклама на родном языке, несмотря на то, что русский язык мы можем знать лучше, вызывает больший интерес к товару. Гораздо приятнее находиться в том магазине, где все названия есть на твоём родном языке. Тема родного языка сама по себе формирует уникальный

культурный кластер, есть немало товаров, связанных именно с использованием татарского языка. Ролик на YouTube с татарской песней с сотней тысяч просмотров уже приносит прибыль. Татарские музыкальные каналы и радио тоже, оказывается, могут приносить прибыль. Можно считать множество косвенных эффектов, говорить о культурном многообразии как важном двигателе развития территорий. Больше культурных кодов, реализованных через язык, – больше смыслов в дизайне, архитектуре, туризме, сфере услуг и т. д. Можно даже посчитать экономическую стоимость родного языка. Но главное – в нашем случае татарский язык пока еще остается языком бизнеса, языком особых доверительных отношений в Татарстане. Именно национальные особенности и язык могут привлекать сюда иностранных инвесторов. Надеюсь, что в скором времени бизнес на территории РТ поймет преимущества двуязычия.

Уже в 2018 г. для учеников 9-х классов, которые решатся на добровольную сдачу ГИА по государственному татарскому языку, можно было бы придумать другие мотиваторы, кроме оценки в аттестате. Это мог бы быть отдельный красивый сертификат, который являлся бы частью портфолио ученика. Такой языковой сертификат мог бы быть востребован при приеме на работу в бюджетные учреждения республики, где необходимо общение с населением. Возможно, вслед за бюджетными учреждениями потянулась бы часть бизнеса. Во всяком случае, сертификат стал бы приятным бонусом и стимулом для выпускников и их родителей.

«ЕСЛИ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ, ТО ГДЕ НАШИ ДЕПУТАТЫ?»

В контексте национальной стратегии развитие татарского телевидения, кино, видеоконтента – это явный и неоспоримый приоритет для татарской общественности. Отсюда такое горячее обсуждение и критика проекта детского телевидения на татарском языке. С одной стороны, в обществе преобладают настроения, что «ТНВ» не под силу создать качественный телевизионный продукт, которым можно было бы хвалиться. С другой – возникает резонный вопрос: ну а кому еще? Монополист есть монополист. Единственный было возникший конкурент – команда КФУ – тоже тяготеет к модели интеллектуальной монополии. Получился бы обмен шила на мыло.

Возникает очередная ловушка монополистического рынка – создать качественный продукт может только тот, у кого есть «мощности» и большой штат (две-три организации на весь Татарстан), а это в дальнейшем становится причиной отсутствия конкуренции идей, форм, мнений. Потом общество в Татарстане сетует, что ни татарская эстрада, ни татарское кино, ни татарское телевидение не может выдать качественный продукт.

Какой возможный выход? Не нужно выдумывать велосипед: раздробить продукт, разнести его по небольшим лотам на госзакупках, отдать отдельные передачи, мультфильмы, подростковые сериалы, скетчи на откуп малым студиям. «ТНВ» стал бы оператором заказа, который собрал бы под своим крылом креативный татарский кластер. Общественность сформировала бы свой запрос, свое техзадание, и оно уже, по сути дела, есть. Экспертный совет при «ТНВ», в который вошли бы журналисты, общественные организации, родительские сообщества, творческие организации, на основе четких критериев и технического задания отобрало бы конкурентный продукт под брендом «ТНВ». И никакой ловушки монополии, не нужно дополнительных зданий, мощностей, штата. Получился бы действительно новый инкубатор, который стимулировал бы развитие творческих студий и малого креативного бизнеса. Пока это сделать не поздно. Но, судя по тому, какое место уделяется продвижению контента «ТНВ» на Интернет-площадках (почти никакое), нас ждет залежалый продукт.

В то же время мы теряем уже имеющийся продукт: потерянный в 2005 г. татароязычный ГТРК «Татарстан», «Тәртип FM», который не удалось отстоять как отдельную FM-станцию и контентом которого пришлось заменить часть самостоятельного контента на «Болгар Радиосы»; «Шаян ТВ» будет вместо «ТНВ-Планета» (действительно ли?); или государственный телеканал «Татарстан-24», на котором не оказалось места татарскому языку. Тенденция пугает, но она не смертельна. И если федеральный законодатель не позволяет что-то делать, то где наши депутаты?

FM-станциям, телеканалам, вещающим на национальных языках, нужен особый режим благоприятствования, как, впрочем, и школам «с родным языком обучения». Татарский язык должен быть не только достоянием Татарстана, а бурятский – Бурятии, это достояние Российской Федерации. Только когда с подачи наших парламентариев, профессиональных лоббистов появятся специальные федеральные программы в этом направлении и 68-я статья Конституции РФ наполнится реальным содержанием.

*ПРОСЬБА ЭНТУЗИАСТОВ ПОМОЧЬ С РАЗВИТИЕМ GOOGLE-ПЕРЕВОДЧИКА,
ТАТАРСКОЙ ЧАСТИ «ВИКИПЕДИИ» НАТКНУЛАСЬ НА ПОЛНОЕ НЕПОНИМАНИЕ
СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ*

Если продолжать разговор о стратегии развития татарского языка и культуры, то неплохо было бы осуществить аудит действующей государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы». Кстати, экватор программы уже давно пройден. К сожалению, большинство из комплекса мер мало известно публике. Уже сейчас понятно, что не хватает информационного продвижения большого объема проделанной работы, не хватает элементарной визуализации. Отсюда невысокий КПД и ошибочное мнение, что мы зашли в тупик и ничего не делается.

Нам, татарской молодежи, с этими решениями, которые принимались и принимаются без нас, жить и воспитывать детей. В тех ли направлениях шло развитие, удалось ли создать то, что было запланировано, правильно ли были установлены КРІ (ключевые критерии эффективности), что оказалось наиболее действенным, какова была широта охвата аудитории, насколько эффективно были потрачены многомиллионные суммы и т. д.? Вопросов много, и без ответа на них определить грамотную и действенную стратегию не получится.

Боюсь, что и в дальнейшем, академическое и бюрократическое возьмет верх над креативом и благими желаниями. Небольшой пример: весьма весомые суммы были затрачены на формирование автоматических систем перевода, однако не все могут найти их в сети. В то же время просьба групп энтузиастов помочь с развитием соответствующего Google-переводчика, татарской части «Википедии», татарских пабликов в соцсетях наткнулась на полное непонимание старшего поколения. Запрашиваемые суммы были несопоставимы с академическими решениями (разница в сотни). Благо добровольческий сегмент развития татарского языка продолжает свою жизнь и без государственной программы. Качественный и количественный рост такого контента налицо.

Конечно, пробиться сквозь толщу незыблемых авторитетов и получить целевое государственное финансирование таким проектам очень сложно. Да и нужно ли? Такие проекты неминуемо окажутся под опекой авторитетных организаций, обрастут бюрократией и отчетной документацией. Для подобного рода национальных проектов необходим специальный грантовый фонд, именные стипендии в приоритетных отраслях – от школьного образования, науки на татарском языке до экспериментального кино и театра, Интернет-проектов, small media и т. д. Большинству предложений достаточно небольших сумм. Наиболее действенной формой могло бы быть государственно-частное партнерство с отдельным экспертным советом. К тому же это не чуждо татарам: все национальное возрождение конца XIX – начала XX века строилось на поддержке энтузиастов, национального образования, талантливой молодежи, новых форм культуры, первых СМИ. Сейчас мы сильно отстали в этом деле, например, от армян, от финнов, венгров и т. д. Поддержка бизнесом национальных проектов у татар есть и сейчас, но она весьма фрагментирована, из поля зрения выпадает слишком многое, если не основное. Можно начать с малого, опробовать формат, почувствовать эффект. Была бы политическая и общественная воля, остальное приложится.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/372301>,
10 февраля 2018.*

«РАЗГОВОРЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ, ВЗЯТИИ КАЗАНИ... НА ПЕРВОМ КУРСЕ ДАЖЕ ДРАЛСЯ ИЗ-ЗА ЭТОГО»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: стратегия – дело аксакалов, или что скажет молодое поколение татар о будущем нации? Часть I

«Включили пункты о необходимости развивать городскую идентичность татар. Но как ее развивать? Механизмы не прописаны», – сокрушались участники «круглого стола» – молодое поколение татарских ученых, общественников и деятелей культуры. Что необходимо прописать в Стратегии развития татар и есть ли удовлетворенность от ее представленного эскиза – об этом размышляли эксперты «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Ильдар Аюпов – основатель и руководитель дизайн-студии «Теория».

Римма Бикмухаметова – общественный деятель, журналист.

Туфан Имамудинов – главный режиссер Казанского ТЮЗа.

Зуфар Махматов – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани, кандидат исторических наук, этносоциолог.

Ильшат Рахимбай – режиссер.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя ВФТМ, кандидат исторических наук.

Модератор: Руслан Айсин – политолог, руководитель концептуальной площадки «ТатПолит».

**АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «ХОТЕЛОСЬ БЫ ВИДЕТЬ В ЭТОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН, ФЕДЕРАЛИЗМ»**

Модератор: Обсуждение Стратегии развития татарского народа набирает обороты. Оно вышло за рамки узкоэкспертного пространства. Стратегия пишется на грядущее, для будущих поколений, поэтому мнение молодого поколения татар не менее важно, чем рассуждения статусных аксакалов. Мы в редакции «БИЗНЕС Online» провели несколько «круглых столов» по этой теме, но в них участвовали в основном люди взрослые, с серьезными научными степенями, с кустистыми, как у Брежнева, бровями. И, соответственно, тон и темп разговора были несколько иными. Но, так как стратегия пишется для будущих поколений – родившихся или еще нет, важно услышать мнение тех, кто принадлежит к этому поколению.

Итак, первый вопрос: что необходимо прописать в Стратегии развития татарского народа, есть ли удовлетворенность от эскиза проекта, явленного общественности группой разработчиков при Всемирном конгрессе татар и Академии наук? Надеюсь, вы все ознакомились с эскизом стратегии. Тут у нас присутствуют люди, в том числе и я, которые включены в эту группу, но, по крайней мере, я не участвовал в разработке эскиза и, насколько знаю, Айрат – тоже?

Айрат Файзрахманов: Я тоже не участвовал. Об этом и говорилось, что пока нет должного взаимодействия между группами разработчиков... Все-таки должен быть некий координационный центр, который обязан координировать работу групп или хотя бы поставить нас в известность о том, что мы должны взаимодействовать самостоятельно внутри этих групп и что есть какие-то дедлайны. Об этом пока речи, к сожалению, не было. Стандарты элементарных взаимодействий, хотя бы в дистанционном порядке, не определены. Я думаю, они еще будут.

Удовлетворенность от эскиза стратегии? Как уже говорилось, структура ее выглядит достаточно логично. Да, нужно развивать культуру, образование, язык, медиа, СМИ. Единственный структурный элемент, который хотелось бы видеть и который отсутствует в этой стратегии, а хотелось бы, чтобы на нем был акцент, – это развитие государственности Республики Татарстан, федерализм и то, какую миссию татары несут всему миру, России, чем они полезны данному евразийскому пространству. И, исходя из этой миссии, определить свое место в исламском мире, то есть

«татары и тюркский мир» и «татары и исламский мир». Данные структурные элементы должны быть в рамках большого блока политики, которого пока в стратегии очень и очень мало. Но в целом структурно, еще раз повторюсь, все очень логично и, на мой взгляд, правильно.

Что там внутри этой структуры – большой вопрос. Она еще наполняется, и, когда нас собрали, чтобы представить обновленный эскиз проекта стратегии, и когда вносились дополнения, слышалась определенная критика. Естественно, говорилось, что в дальнейшем все, о чем мы говорим, вполне возможно включить в документ.

О чем на этих «круглых столах» говорилось нашим, молодым, поколением? Во-первых, внешняя оболочка: не совсем нравится дизайн, я об этом уже много говорил. Молодежь не воспринимает те образы, тот дизайн, который представлен. Казалось бы, всего лишь формальность, но через внешние образы тоже работает этничность, этнические маркеры, поэтому на это надо было бы обратить внимание.

Что касается того, что внутри данных структурных элементов: про образование включились пункты, про развитие татарской школы, татарского университета, это очень радует. Включились пункты про городскую идентичность татар, что нужно ее развивать. Но как ее развивать? Опять-таки механизмов пока еще не показано. Я думаю, люди, которые сегодня здесь собрались, как нельзя, кстати, лучше подскажут, как развивать данную городскую идентичность. Потому что все мы уже во втором, третьем, четвертом поколении городские люди, при этом сохранили свою татарскую идентичность. И мы видим данные пути.

Что необходимо прописать? Собственно, про политические моменты я сказал. Что касается конкретно того, как реализовываться в школах, нужно работать с татароязычными родителями. Есть ли эта работа, поставлена ли она на поток? Ее пока нет. Как должна строиться такая работа – тоже пока нет видения. Это ключевой момент в образовании, а национальное образование заявлено в стратегии как основа фундамента татарской идентичности. Через родителей мы в развитии национального образования можем сделать многое. Но с данным сообществом нужно работать не административными методами, не сверху вниз, а, наоборот, надо строить комьюнити снизу-вверх. Вот этот момент важно прописать.

Национальный университет. Мы здесь говорили не об университете с колоннами, а о развитии того, что раньше было – татароязычных групп в высших учебных заведениях. В каждом вузе такая возможность есть, был бы интерес. У нас в совете ректоров вузов хотя бы был поставлен этот вопрос? Пока еще нет.

По медиа, по татарским СМИ, когда говорится об их развитии, нет слов о развитии соцсетей, татарских пабликов. Там есть о новых медиа, но нет представления о том, как развивать социальные сети. А за ними тоже будущее – медиа, контента, блогинга.

Модератор: Скажите, вас не резанул тот факт, что в эскизе не уделено никакого внимания, не отмечена роль и влияние ислама в становлении идентичности татар и вообще его институтов? То есть там сказано о некоей духовности, видимо, это дань общей истерии о духовных скрепах. Но, что такое духовные скрепы, как они раскрываются, там не обозначено.

Айрат Файзрахманов: Естественно, есть опасения относительно того, что обидятся кряшены как составная часть татарского народа, и они основательны. Поэтому, я считаю, выход должен быть таким: очень коротко обозначить ислам и другие религиозные компоненты и попросить написать муфтият свою стратегию – как они видят, допустим, развитие института махалля, общин в среде татарского народа. Муфтий мог бы обозначить свою стратегию, пожалуйста! Кряшенская православная церковь тоже могла бы сформировать свое видение – как она должна развиваться. То есть это такие боковые ветви, которые важно иметь рядом со стратегией. Она все в себя вобрать не может. И как некий манифест, как некая декларация необозначение ислама здесь разработчиками, наверное, оправдано. Я, если бы имел возможность вставить, естественно, добавил бы туда и ислам, и духовность, и махалля как важный структурный элемент развития татар.

*ТУФАН ИМАМУТДИНОВ: «НУЖНО БЫТЬ ОРИЕНТИРОВАННЫМ НА МИР И НЕ
ЗАКРЫВАТЬСЯ»*

Модератор: Спасибо, Айрат. Туфан Имамутдинов – режиссер, я думаю, не нуждается в представлении. Взгляд человека из искусства, который непосредственно соприкасается с арт-телом татарского культурного поля. Что бы вы могли сказать по эскизу стратегии?

Туфан Имамутдинов: Мне кажется, любая стратегия должна иметь какую-то конкретную цель и конкретные цифры. То есть, если мы говорим, что татарский народ через год должен быть в количестве 1 млрд, это одна стратегия. Если через 100 лет их должен быть миллион, то другая стратегия, точнее, ее отсутствие. Но это тоже стратегия. Если не имеется конкретных цифр, то нет никакого спроса – получилось или не получилось. «А мы так и хотели», – таким может быть ответ на ту стратегию, которую сейчас принимаем. И через 10 лет мы можем на нее взглянуть и сказать: «Ну не получилось».

И, мне кажется, то же самое в искусстве. Если мы хотим получить действительно качественный продукт, то мы должны ориентироваться уже не на наш личный опыт, потому что он у нас, в принципе, в искусстве не очень большой по сравнению с другим миром, а именно на какой-то мировой опыт. Стратегия – это очень сложный процесс в искусстве, потому что требует большого времени. Допустим, то же обучение специалистов, для этого нужно направлять людей на 5 лет и здесь создавать инфраструктуру для того, чтобы снимать кино, создавать студии, купить хорошую аппаратуру, обучать специалистов по графике и т. д. Для того чтобы это все было действительно качественно. И стремиться попасть в шорт-листы каких-то очень знаменитых фестивалей, ставить дедлайны, например, что через 10 лет мы туда попадаем. И тогда это уже будет какой-то предметный разговор. То же самое с искусством.

Но в нем, к сожалению, мы находимся в рамках очень сжатого сознания, такого унифицированного. Вот только недавно мы были на одной такой встрече, говоря о стратегии, подняли вопрос: как снять клип, который посмотрели бы 600 млн человек? Татарский клип. В ответ прозвучало: «Ну, зачем 600? 600 миллионов мы никогда не наберем, давайте хотя бы 600 тыс.» Если мы ограничиваемся в таких рамках (600 тыс.), это значит, что мы не выходим и никогда не выйдем на международный уровень. Если при количестве татар в 5,5 млн клип посмотрят 600 тыс. человек, можно сказать, что его увидели только татары. С таким сознанием мы не выйдем на мировой уровень. Но это не самое ужасное. Самое страшное, что это говорят ребята моложе меня. У них сознание в рамках только данного пространства.

Я привел в пример один клип на украинском языке, который собрал уже 140 или 160 миллионов просмотров. И ничего сложного в этом нет: в одной студии за один день они его сняли, и он набрал такое количество просмотров. Ничего сложного в самом построении нет. Нужно только быть ориентированными на мир и не закрываться. Если мы хотим говорить о своей идентичности, тогда давайте наши духовные скрепы раскроем: откроем наши татарские национальные библиотеки, чтобы на этом материале выдвигать какие-то гранты – например, если вы поставите Саифа Сараи, то вам дают такой-то бюджет. Или снимаете фильм про это, какой-то музыкальный материал. Поэтому стратегия сама должна отталкиваться от того, чего мы хотим. Тогда будет какой-то реальный план действия. Если нет дат, количества, цифр, тогда эта стратегия – ну так, время провели.

Модератор: Я, если позволите, поясню. Дело в том, что в данном эскизе отсутствует доктринальная, верхняя часть – шапка, про которую вы говорите, к чему мы идем, про то, что сказал Айрат: миссия, цели, задачи, роль татар в цивилизационном пространстве. А есть тактика, сначала сделают ее, а потом по-марксистски попытаются перескочить через царство необходимости. Это крайне тяжело, и я не очень представляю, как все в действительности возможно. Поэтому ваши вопрошания действительно оправданы в данном смысле, то есть, на сколько рассчитана стратегия – на 50 лет, на 100...

Айрат Файзрахманов: Однажды Туфан выдвинул такой спич, он меня вдохновил: что мы, татары, на самом деле можем прожить еще и 100 лет, и 200, что татары через театр могут пробиться на мировой уровень.

– *Древние греки ставят и Софокла, однако же, их не осталось.*

Айрат Файзрахманов: Мы говорим о том, с помощью чего можем популяризировать татар – с помощью театра, кино или еще чего?

Туфан Имамутдинов: Потому что духовности именно в театре очень мало в мире. А у нас все искусство татар на протяжении тысячи лет было связано с духовностью. Если живопись, это шамаиль. Если литература, то «Кыйсса-и Йусуф». Это произведение тоже было написано на духовной основе. Если песни, то это мунаджаты. То есть, куда ни помотришь, везде присутствует духовность.

Модератор: Под духовностью вы подразумеваете религиозную основу?

Туфан Имамутдинов: Если брать, например, дастан «Идегей», это не духовный материал, но сам воин ассоциируется с понятием «воля», оно, в свою очередь, с «духом». То есть, если у тебя сильный дух, значит, у тебя сильная воля. И поэтому даже такие произведения основаны если не на религии, то на духе.

Модератор: А как вы относитесь к скандалу, который произошел в Дагестане, когда Хабиб Нурмагомедов раскритиковал «моральный облик» одного из спектаклей. Может ли у нас случиться нечто подобное?

Туфан Имамутдинов: Да это вообще может произойти где угодно: и в Лондоне, и в демократической Америке. Поэтому, мне кажется, мы не должны мерить на себя эту ситуацию, которой у нас нет. Мы и так имеем большое количество проблем, что сейчас решать проблемы Дагестана...

Мне кажется, у каждого театра, у любой постановки есть свой зритель. Я не за то, чтобы вырывать из цветника какие-то цветы: слушай, ты тут как-то плохо пахнешь. Пусть они растут, если это суждено, если Всевышний сказал расти, значит, должно так быть. Я за то, чтобы было разнообразие. Потому что нас же тоже и сейчас до сих пор обвиняют в том, что мы разрушаем татарскую культуру. То есть мы также в этом цветнике, возможно, не самый лучший цветок. Но мы как-то держимся.

Ильдар Аюпов: Если авторитетный человек, как Алина Загитова, или кто у нас в Татарстане известен, как Хабиб?..

Ильшат Рахимбай: Элвин Грей...

Модератор: Данис Зарипов.

Ильдар Аюпов: ...выйдет и скажет: «Вы, художники, неправильно делаете! Вас надо запретить!» Прямой текст говорит. Как ты к этому отнесешься?

Туфан Имамутдинов: А зачем приводить абстрактный пример? Имеется реальный пример в жизни, когда есть люди, которые про нас так говорят и пишут: «Это надо запретить! Срочно!» Нужно оставить бабушек в вязаных носках, а все остальное – это все... Мне, наоборот, кажется, если мы делаем что-то новое для татарской культуры и молодежи нравится, она узнает в том татарскую идентичность, это, наверное, правильный путь.

РИММА БИКМУХАМЕТОВА: «ГДЕ СОХРАНЯТЬ – БАШКОРТОСТАН, ТАТАРСТАН, МОСКВА ИЛИ КАМЧАТКА И КАЛИНИНГРАД?»

Модератор: Спасибо, Туфан. Передаю слово Римме Бикмухаметовой – известному татарскому журналисту, активному общественному деятелю. Многие здесь сидящие прошли с ней большой общественный путь, в том числе и путь становления. Я думаю, у вас есть что сказать, потому что вы находитесь в эпицентре многих культурных и интеллектуальных завихрений в татарском мире, много пишете на эту тему. Более того, вы сами происходите из Башкортостана, знаете, что там творится, как обстоят дела у уфимских татар, которые составляют значительную часть татарского мира.

Римма Бикмухаметова: Во-первых, хорошо, что говорят о стратегии татар и начали ее писать. Но, к сожалению, пока петух не клюнул, у нас этим никто не занимался. Мы подошли к такой черте, что уже нужно срочно спасать татар и татарский язык в частности, хотя можно было и раньше попробовать заглянуть в будущее, тревожные звонки о ситуации с языком звучали давно.

Это плюс, что хотя бы что-то начали делать. То, что стали открыто говорить о необходимости Татарского национального университета, тоже радует. Несколько лет назад об этом молчали и даже боялись говорить, мол, данный вопрос лежит в политической плоскости. Сейчас это обсуждают. Говорят открыто, ездят по регионам, собирают предложения, проекты... Публичность – замечательно! Но у меня большие сомнения в плане того, не будет ли это делаться административным нажимом, по указке из Кремля, с площади Свободы: что прописывать и как?

У нас нет объективных, честных социологических исследований. Те, которые были, сейчас уже неактуальны, потому что в них не учтены события 2017–18 гг. Кто сейчас татары? Сколько из них знают татарский язык? Сколько среди них русскоязычных? Сколько татар? Хотят ли они изучать татарский? Хотят ли русские изучать татарский и сколько таких? Нужна реальная картина, и от нее, от этой ситуации мы уже можем двигаться дальше. К сожалению, сейчас таких исследований нет. По крайней мере, в открытом доступе мы их не видим. Может быть, есть какие-то исследования, о результатах которых знают в Кремле, но нам они неизвестны.

Действительно, из эскиза стратегии непонятно, кто такой татарин, каким он должен быть, какое место должен занимать Татарстан. Нужно отметить, что у каждого, не скажу за всех, но у большинства татар есть историческая память о государственности. Татарстан для всех татар является не только исторической родиной, но и республикой, которая может непосредственно помочь копеечкой, дать какое-то направление. Поэтому для меня действительно важно, чтобы в эскизе были прописаны проблемы государственности, федеративных отношений. Если у нас не будет Татарстана, Конституции и ее 14-й статьи, сможет ли республика помогать тем регионам, где живут татары? Что сохранять? Где сохранять? Башкортостан, Татарстан, Москва или Камчатка и Калининград? Это тоже нужно обозначить, потому что важно для нас. Будем ли мы продолжать за них держаться и проводить там сабантуи или нет?

Да, я в своих статьях пишу о том, какая должна быть стратегия, и многие эксперты говорят о том, что нет команды, которая занимается этим документом. Я несколько раз слышала от экспертов о том, что стратегию «Татарстан-2030» писала отдельная команда и для этого были выделены финансы, а стратегию татар почему-то пишут по принципу «есть институты, вы получаете зарплату – пишите». Я считаю, что должна быть определенная команда, которая будет заниматься непосредственно только стратегией.

Еще мне нравится, что отдельно выделили развитие городской татарской культуры, потому что об этом мы тоже уже давно говорим. Многие переезжают в города. Татарская деревня останется или нет – это тоже нужно иметь в виду.

Для меня важно выделить приоритетные регионы, где мы в дальнейшем будем работать. Как мы станем действовать?

Еще, на мой взгляд, в стратегии должна быть прописана и программа переселения – возвращения татар в республику. Даже половина здесь сидящих – это молодые талантливые люди, которые приехали из других регионов и стран и обосновались в Казани с целью сделать что-то полезное для Татарстана. У них много проектов и идей, а, приехав сюда, они встречаются с равнодушием, бюрократическим отношением к делу. Хотя их надо использовать, многие из них лидеры, пассионарные личности.

Нужно решить проблему применения закона о государственных языках Республики Татарстан на деле. Это наше больное место. Мы все повторяем о необходимости популяризации государственного татарского языка, а элементарное исполнение закона о государственных языках на деле хромает. Человеку, который не видит табличек на татарском языке, не слышит информацию на государственном языке, сложно объяснить о важности применения языка в транспорте или магазине, парках или больнице. Не так уж и сложно, наверное, организовать центр татарского языка в Казани, который раз и навсегда решил бы вопрос качественного перевода информации на татарский. Частники, коммерсанты не против подписания фасадов на татарском, я много общалась с ними. Они, во-первых, не в курсе, что важно прописывать все на двух языках, им никто этого не

объясняет, во-вторых, они даже не знают, к кому и куда обратиться за помощью с переводом. Государству ничего не стоит построить схему, когда без качественного перевода на татарский язык не будет завизирована визуальная информация. Кстати, и перевод должен осуществляться для всех бесплатно.

Модератор: Спасибо. Я хотел бы сделать небольшую вставку. Действительно, хотя при конгрессе создано несколько групп направлений разработчиков, но какой-то концентрированной формы работы пока я не видел. Более того, действительно, многие эксперты сетуют на то, что-то ли эти специалисты есть, то ли их нет. Но в любом случае они не имеют никакого статуса. Например, у евреев, которые долгое время жили в России, – галуте (так евреи называли диаспоральный принцип проживания после потери государства в начале нашей эры – прим. ред.) – был такой институт-совет, он назывался Кахен. Откуда возникло слово «кагал», ставшее потом криминально-ругательским, но оно означало, что есть некая группа, некий совет старейшин, которые принимают стратегические решения. Да, это общественный институт, институт авторитетов по сути своей. У нас была попытка создания института аксакалов, но, к сожалению, мы не видим, что он из себя излучает некий мыслительный аспект, авторитетный или то, что мы сейчас обсуждаем. Могут ли, например, «кахены» – наши аксакалы – прийти и сказать: вот эта постанова не соответствует духу и назначению татарского народа? Это, конечно, утрировано, но факт в том, что у нас нет авторитетной опоры.

Ильдар Аюпов: Может быть, это и хорошо?!

Модератор: Может быть, и хорошо, но стратегия показала, что есть эксперты как представители отраслевых видов науки – социологи, историки и т. д. А вот таких людей, которые могут, как бы объять все и сказать что-то, к сожалению, не очень много.

ЗУФАР МАХМУТОВ: «БЫЛО БЫ ЗДОРОВО, ЕСЛИ БЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ВОЗГЛАВИЛ МИНТИМЕР ШАРИПОВИЧ»

Модератор: Мы немножко отвлеклись. Я бы хотел передать слово Зуфару Махмудову – он этнолог, кандидат исторических наук. Чего, на ваш взгляд как этнолога, историка, не хватает в эскизе стратегии? Что бы вы конкретно предложили?

Зуфар Махмудов: Я посмотрел эскизы, которые были выложены на сайте Всемирного конгресса татар. В целом есть определенное удовлетворение от того, что там высказано. Понятно, почему немножко опущен политический момент, про который Айрат упоминал. Здесь, видимо, есть определенные опасения, как на него будут смотреть из Москвы, как это воспримут. Хотя данный вопрос, безусловно, является очень важным.

Второй момент – это, конечно же, язык. Нужно констатировать, что сейчас перед татарским народом существует достаточно конкретная угроза потери национального языка. Его утрата влияет как на отдельно взятый народ, так и на человека. Например, история знает народы, которые потеряли свой национальный язык, но не утратили свою этническую идентичность. Так же, как и люди: какой-то человек потерял свой национальный язык и перестал ощущать себя татарин, а кто-то, наоборот, потерял национальный язык и из-за чувства неполноценности еще больше демонстрирует, что он татарин, – начинает вешать на машину татарский флаг, надевает тюбетейку, тем самым пытается изжить этот комплекс.

Немного парируя слова Риммы, хотел сказать, что наш Институт истории им. Шигабутдина Марджани проводит различные исследования татар, притом не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами. Я долгое время занимаюсь исследованием татар Казахстана. Там еще большими темпами происходит языковая ассимиляция. В Казахской ССР последняя школа, где велось обучение на татарском языке, закрылась в 1950-е гг. С этого момента развернулись интенсивные процессы языковой ассимиляции.

Этносоциологи изучают этнические маркеры, компоненты этнической идентичности: на основе чего люди объединяются, ощущают себя частью татарского народа? Язык как компонент этнической идентичности для татар всегда был традиционно очень важен. Если мы посмотрим, что

объединяет сейчас татар в Интернете, то увидим, что это музыка, например, существует виртуальная группа «Иң шәп татар жырлары» («Самые клевые татарские песни»), там больше 200 тыс. подписчиков, и татарский юмор – «Кызык-мызык», язык: больше 100 тыс. подписчиков. Данные группы консолидируют больше татар, чем само представление о татарской идентичности. Например, «Татары и татарочки» – малочисленная группа по сравнению с теми, которые я назвал выше.

Что происходит с потерей национального языка? У тех татар Казахстана, которые не знают национальный язык, начинают превалировать другие компоненты, например, происхождение. Они говорят: «У нас общее происхождение, поэтому мы чувствуем родство, единство». Кроме того, этническое самосознание, многие называют черты характера, находят такие вещи, которые как бы объединяют. Но в социологии есть такое понятие, как интенсивность этнической идентичности, его измеряют различными способами, в том числе через этноаффилиативные установки, то есть насколько для человека важно ощущать себя в этнической группе. Так вот, у тех татар, которые роднятся и ощущают родство по своему происхождению, чертам характера и т. д., этноаффилиативные установки значительно ниже, нежели у тех, кого объединяет язык. Это свидетельствует о том, что мы можем говорить много о каких-то частных случаях, но в целом динамика такая, что существует определенная корреляция: чем хуже татарин знает татарский язык, тем менее выражена у него этническая идентичность, тем меньше он в ней нуждается. Поэтому, на мой взгляд, очень верно, что в эскизе есть вызовы, там обозначена эта проблема и что, конечно же, нужно приложить все усилия, возможности, которые есть: без поддержки государства, республики здесь никак не обойтись. Надо делать все возможное, чтобы расширить сферу функционирования татарского языка.

И первым самым, на мой взгляд, главным результатом, целью должно стать создание Татарского университета, где бы все преподавание велось на татарском языке, пока есть еще такие кадры, пока возможно сделать. Через некоторое время это реализовать будет нереально. Возможно, совмещать с английским, поскольку данный язык сейчас – это язык науки, многие научные статьи, особенно европейские, пишутся на английском. Было бы здорово, если бы национальный университет стал таким республиканским проектом, возможно, кто-нибудь из таких авторитетных фигур, как Минтимер Шарипович, возглавил бы его попечительский совет. Может быть, он был бы назван его именем. И тогда университет еще до его создания стал бы уже достаточно авторитетным. Это было бы очень важно в контексте того, что в 2000-е гг. происходит сильное сужение сферы применения татарского языка: он практически был вытеснен из высшего образования, сейчас мы видим, как убирается из среднего. И это очень опасные тенденции.

Модератор: Скажите, а у вас нет ощущения, что концентрация внимания в эскизе больше на Татарстане, на проблемах республики? Вы сказали, что занимаетесь проблематикой татар Казахстана, но есть же большой пласт, к примеру, мишарский архипелаг, Башкортостан, Сибирь. И воссоздать или создать там национальную систему образования очень сложно. Но при этом у нас есть большое количество договоров с разными субъектами РФ, которые, по-моему, называются «О социально-экономическом и культурно-образовательном сотрудничестве». Однако почему-то Татарстан не использует этот механизм, по которому мы в образовательной среде можем попытаться там открыть татарские школы или, по крайней мере, не загасить существующие очаги.

Зуфар Махмутов: Я, конечно, не могу согласиться с тем, что Татарстан никак не использует имеющиеся возможности. Существуют определенные каналы, в том числе и конгресс татар, который координирует действия татарских активистов, в частности в Казахстане. Сейчас появляется позитивная практика, когда студенты едут на практику в Казахстан и ведут преподавание на татарском языке. Потому что одна из проблем – это кадровая: нет специалистов, кто бы обучал татарскому. Поставляется учебная литература. Другой вопрос (и это отдельная тема) – какова система обучения и как ее надо усовершенствовать?

Когда мы изучали татар Новосибирской области, там была такая проблема, что люди обращались к нам с призывом как-то помочь организовать доставку татарских журналов и газет. Потому

что раньше в новосибирские библиотеки татарские газеты и журналы поставлялись, сейчас их нет. То есть те татары, которые владеют татарским языком, оказались практически оторванными от татароязычной среды. Мы говорим о людях в деревнях, о пожилых, которые, к сожалению, не имеют доступа в Интернет. Поэтому, конечно, нужно усовершенствовать, налаживать связи, но нельзя сказать, что такого нет.

ИЛЬДАР АЮПОВ: «СКЛАДЫВАЕТСЯ ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ: ДАВАЙТЕ СДЕЛАЕМ СПИСОК ИЗ ВСЕГО, О ЧЕМ МЫ МЕЧТАЕМ»

Модератор: Спасибо, было очень интересно. Ильдар Аюпов – заслуженный деятель эпохи Пелевина в области разработок различных веб-программ для татарского мира, человек в этой среде очень известный, много сделавший. По эскизу, с которым вы познакомились, есть ли какие-то вопросы, претензии, одобрение?

Ильдар Аюпов: С эскизом я познакомился, с презентацией... Это была большая презентация, которая названа эскизом. Но я там вижу несколько проблем. Из хорошего, что мне понравилось, – это слоган. Мне кажется, придумали замечательный слоган «Кем мин – татар булмагач».

Модератор: Его уже заменили. Теперь он звучит как «Мин – татар».

Ильдар Аюпов: Да ладно! Хороший же был! Нормально же придумали! Тот мне понравился больше.

И это хороший повод поговорить о данных проблемах, потому что везде они возникают: все более-менее как будто бы участвуют в обсуждении, по крайней мере. Почему нет – хороший повод поговорить об этих проблемах. Иногда нужен повод.

Из таких странных черт для меня... Это, во-первых, то, что эскиз слишком глобальный, что он действительно, как Айрат сказал, не манифест, а как будто за все хорошее, против всего плохого. То есть все эти вещи мы проговаривали уже много раз, слышали за последние 20 лет часто, что все нужно, кирэк. Слово «кирэк» можно поставить после каждого слайда, как и раньше. Еще раз их перечислить? Замечательно. Может быть, это будет сформулировано в виде такой стратегии, которая станет по пунктам выполняться. Но в целом складывается такое ощущение: давайте сделаем список из всего, о чем мы мечтаем.

Потом, есть большая разница, сложилась пропасть между двумя поколениями – нашим, более молодым, и старшим, которому сейчас за 50–60 и дальше. И мы друг друга совершенно не понимаем и по-разному видим, кто такой татарин, татарский народ. Для них это какие-то образы из литературы – советской, литературы начала XX в., такая деревенская культура, люди, которые всю жизнь живут в одном городе, селе. А современных татар же от не татар на улице не отличишь даже по внешним признакам, хорошо, если по-татарски заговоришь. В другой стране, когда ты идешь... У меня была ситуация, когда я в США встретил человека и только потом узнал, что он татарин. Совершенно случайно, на соседних улицах жили. Друг друга мы даже не отличим.

А у взрослого поколения, которое больше всего участвует в разработке этой стратегии, есть конкретные установки и парадигмы, на которых они все отработывают. Но стратегия вроде бы как для следующего поколения. Поэтому есть такой дисбаланс в ее написании. Снова возникает та же проблема – а это по-татарски? А такое подходит татарам? Данные проблемы возникают каждый раз. В любом пункте. Татары должны быть скромными, что ли?! Это наша национальная черта? Не знаю. Надо включать в стратегию духовную часть? Мы духовные? Мы более духовные, чем башкиры? И так по каждому слайду – насколько это все татарское?

Любая проблема, которая в каждом слайде есть, когда разворачиваешь данный клубок, имеет своим окончанием ограниченность полномочий Татарстана в политической и экономической сферах – везде мы упираемся в то, что в итоге нам не разрешат это сделать.

Модератор: Пока, по крайней мере.

Ильдар Аюпов: Но мы же сейчас пишем стратегию! Мы не создаем ее с тем, что через 30 лет Татарстану будет позволено все. Поэтому об этих проблемах можно рассуждать, они имеются, их решение включает конкретные ограничения. Практически любая проблема упирается в полити-

ко-экономическую сферу, в которой мы не имеем свободы действий. И, соответственно, из-за этого мы все время лечим симптомы. У нас татарский язык пропадает – по-моему, это симптом, а не причина болезни. У нас исчезают школы – все симптомы, а не причины. Меньше людей начинают интересоваться татарской культурой – это проблема того, что в такой ситуации находится народ, а не потому, что татары решили: «Сегодня я буду меньше внимания уделять татарской культуре. С сегодняшнего дня. И детям так же буду говорить!» Никто специально не сказал: «Давай ты будь поменьше татаринком, ладно, сынок? Ты нормальный, современный человек. Это все устаревшее». Такого детям не говорят. Таких людей я не знаю, и представить трудно, что человек сказал бы так своему сыну или дочери. У меня три сына, поэтому мне трудно говорить фразу «своей дочери» (смеется).

Что еще из общего? Там есть конкретные цифры. Зря вы говорите, что здесь нет цифр – есть даты. Например, до 2020 г. планируется создать единое социокультурное пространство. И никак не расшифровывается, что это! Мы создадим какое-то пространство, социокультурное... До 2030 г. обеспечить приспособление жизни татар к меняющемуся миру. Гаджеты всем раздадут?

Модератор: Татарские.

Туфан Имамудинов: 7G всем подключат (смеются).

Ильдар Аюпов: Вот что это значит? То есть, прописаны какие-то вещи, которые просто перечислены и никак не расшифрованы, и они очень общие. В принципе, то же самое можно было написать про башкир, казахов, тайцев.

Ильшат Рахимбай: Может быть, они скачали?

Зуфар Махматов: Я так понял, что на базе этих эскизов под каждый пункт должна быть создана «дорожная карта». И уже в ней конкретно все опишут.

Ильдар Аюпов: Еще подробнее документ будет? Ну, замечательно. На частных вещах не буду останавливаться. Вы говорите про университет, что он нужен. Кто будет учиться в нем? Эти люди должны сначала в татарском детском саду воспитываться, потом – в татарской школе... В университет кто поступит, кто пойдет?

Римма Бикмухаметова: Сложно, наверное, организовать чисто татароязычный университет. Пусть он будет татаро-английским.

Модератор: Чему там станут учить? Каким он должен быть?

Зуфар Махматов: Это в первую очередь гуманитарные предметы. Надо с этого начинать.

Айрат Файзрахманов: Поэтому мы и говорим об альтернативной концепции открытого татарского университета, которая была представлена на страницах «БИЗНЕС Online», – нужно восстанавливать татарские группы, которые были в вузах. В КХТИ существовала нормальная татарская группа, в КГАСУ – тоже.

Ильдар Аюпов: Это опять-таки все симптомы. Они исчезли не потому, что «а давайте мы уберем татарские группы», а потому, что кончилась востребованность.

Айрат Файзрахманов: В архитектурно-строительном есть татарская группа, сильная, она держится на чистом энтузиазме.

Ильдар Аюпов: Скоро точно так же кончится.

Айрат Файзрахманов: Пока держится, пока эти энтузиасты работают, они полны сил.

Римма Бикмухаметова: Они не чувствуют государственной поддержки!

Айрат Файзрахманов: Да. Но никакой поддержки! Они делают это на чистом энтузиазме – в свободное время переводят на татарский язык методички, дидактические материалы. Как таковое это работодателем никак не поощряется. Поэтому татаро-язычные группы можно восстановить. Их можно назвать не татаро-язычные, а полилингвальные. Мы сейчас говорим о полилингвальной гимназии как раз. Полилингвальное высшее образование может стать продолжением такой гимназии.

Ильдар Аюпов: И последний пункт, который я в данных дискуссиях все время слышу: «Нужно, чтобы о татарах узнали во всем мире, надо стать известными во всем мире». Это рефреном я

слышу во всех дискуссиях. Я не знаю, зачем татарам так важно быть известными во всем мире. Что нам от этого будет? Почему мы станем лучше, интереснее? Честно говоря, не очень понимаю, потому что в той ситуации, в которой мы находимся, нам важнее немного замкнуться на себе и стать самым более цельным народом, любящим самого себя, а не все время пытаться прославиться на весь мир. Вот эти постоянные тенденции меня смущают.

*ИЛЬШАТ РАХИМБАЙ: «Я БЫ, НАВЕРНОЕ, ПОСЛЕ ДИЗАЙНА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЫ
ДАЛЬШЕ ЧИТАТЬ НЕ СТАЛ»*

Модератор: Хорошо, Ильдар, спасибо! Очень цельно получилось.

Переходим к последнему, замыкающему наш первый круг эксперту Ильшату Рахимбаю. Несмотря на то, что он человек молодой, уже прославился, носитель нескольких кинематографических наград, считается одним из корифеев татарского зарождающегося кинематографа или уже загибающегося, я не знаю, поправьте меня. Такой каламбур происходит из-за того, что мы действительно не понимаем, что происходит в этом пространстве. Что бы вы хотели увидеть в стратегии или что увидели? Что вам понравилось, а что – нет?

Ильшат Рахимбай: Во-первых, там последний слайд в цветах российского флага нарисован, где написано «Мин татар», – это меня немножко позабавило. Я бы, наверное, после дизайна первой страницы дальше не стал читать. Я не знаю, кто это делал. Не вы, надеюсь (*смеется*). Стратегия стратегии тоже, наверное, должна была продумываться, чтобы как минимум привлечь к ней какое-то внимание.

Айрат Файзрахманов: Свой вариант дизайна мы давали, кстати...

Ильшат Рахимбай: Как и Туфан, мы полгода назад были в Азербайджане. Вроде бы страна гордится тем, что они сейчас автономны, независимы. Азербайджан. Они живут там, все хорошо. Но ты живешь в Баку, там все цветет и пахнет, весь город в высотках и огнях, все хорошо – правда, с огромными бордюрами и без пешеходных переходов. Потом ты выезжаешь на 10 километров из города и попадаешь в какой-то абсолютно другой мир, где люди бедствуют, пытаются выжить, попрошайничают, продают всей деревней какие-то орешки. Спрашивая, разговаривая, ты понимаешь, что на самом деле никакой там ни стабильности, ни жизни, о которой они, скорее всего, мечтали, когда выходили из состава России, как будто бы нет. Все это превратилось в один сплошной китч, где весь Азербайджан скидывается на эти высотки, чтобы в Баку были такие дома, чтобы там было все красиво. Но все остальные живут очень-очень плохо. Данный китч свойственен не только Азербайджану, но и Кыргызстану и Казахстану – мы разговариваем с коллегами, они свое недовольство высказывают по поводу сложившейся ситуации.

Я начал задумываться, то есть представил, как мы будем жить или что мы станем делать, если мы, например, начнем жить отдельно. Сможем ли мы с нашим настоящим менталитетом, с нашим пониманием жизни вообще, с нашим руководством жить сейчас отдельно и при этом гармонично? Дадут нам суверенитет, скажут: что хотите, то и делайте. Я боюсь, не ударимся ли мы в сплошную показуху? Ужасный китч, чтобы всему миру еще больше начать доказывать, еще больше эту рану вскрывать и свой комплекс показывать. Я с Ильдаром согласен, еще кто-то говорил, что данный комплекс неполноценности (я в каждом интервью почему-то, получается, об этом говорю, сам, видимо, пытаюсь излечиться), который сидит у нашего народа, душит нас изнутри, не дает смотреть на мир более открытыми и чистыми глазами, глазами некоего гражданина мира. И не начинать творить и делать просто какие-то хорошие произведения, или качественные вещи, или просто жить и радоваться, как индусы, а постоянно пытаться что-то доказать. Есть такой прикол: если татарин становится писателем, он не начинает создавать нормальные произведения, а сразу ударяется в какие-то татаро-космические дебри.

Я не знаю, что сейчас с молодежью на самом деле происходит, потому что если сравнивать старое поколение, видимо, которое и делало данную презентацию, с нашим, молодым, задумывающимся об этом, то, мне кажется, совершенно два разных мира, между которыми, даже не знаю, может ли установиться какой-то контакт. Если у старшего поколения больше ран, обид еще на

генном уровне, то у нас уже это... Я, например, уже не чувствую такой острой боли. В детстве мы любили разговоры об Иване Грозном, о взятии Казани, тогда была ненависть. На первом курсе института культуры я даже дрался по поводу этого с кем-то. А потом все начинает уходить, понимаешь, что мир по-другому устроен – здесь свои правила, он меняется, и нужно идти в ногу со временем, что-то надо забыть, что-то пересмотреть. Ответить на какие-то общие вопросы сначала: кем мы являемся на самом деле, что мы можем дать миру или что мы вообще хотим? Учителей обучать, возвращать – это должна быть стратегия на 10–20 лет, например.

Модератор: Если я правильно понимаю, вы считаете, что не прописано, чего мы хотим вообще? Что татары должны делать?

Ильшат Рахимбай: Да, какой-то базовый философский аспект. Не эти все слова, которые пишут. Стратегия в более глубоком смысле слова, учитывая, где мы сейчас находимся, в каком мы году вообще, что происходит в мире на данный момент, учитывая, что мы на 10–20 лет отстаем вообще в России, не в Татарстане. А мы как отстаем? Может быть, нам нужно уже перешагивать, то есть не идти по пятам, например, каких-то народов, которые в аналогичную ситуацию попали, а может, даже перешагивать некоторые этапы, как бы это сложно ни казалось, но, возможно, силы надо туда копить и отдавать. Потому что мы станем постоянно по пятам идти и будет ощущение, что мы за кем-то движемся. Если мы хотим что-то свое делать...

Модератор: Догоняющее развитие так называемое.

Ильшат Рахимбай: Да. А здесь нужно какое-то более резкое развитие. Если мы сейчас что-то будем делать, создавать, чем-то руководствоваться, то, наверное, будет правильным не ориентироваться на Татарстан и даже Россию, – это я, конечно, со своей профессией связываю. Если я, например, снимаю фильм, если ориентируюсь на татарстанского зрителя, то это значит конец. Это значит полный конец. Ориентироваться на татарского и татарстанского зрителя – это значит делать фильм на уровне концертов Фирдуса Тямаева. Получается, ты уже одной ногой в аду.

Модератор: Концертном аду...

Ильшат Рахимбай: Не только – вообще в аду.

Ильдар Аюпов: В творческом таком аду.

Ильшат Рахимбай: Да, в творческом аду. Поэтому, если ты делаешь что-то, нужно ориентироваться на какие-то мировые ценности, изучать течения, актуальные проблемы, которые в мире происходят, постоянно совершенствоваться. Не стараться быть похожими на них, но понимать, куда все плывет, и не идти на поводу у зрителя – надо, чтобы он шел у тебя на поводу. Чем бы ты ни занимался – я не только про культурный аспект сейчас говорю, а вообще. Даже если нет зрителя, то каждый человек должен стремиться максимально раскрыть себя на мировой арене, будь то художник или инженер. При этом имея желание и возможности уважать свой народ и культуру. Это самая важная стратегия, которая может быть.

(Продолжение следует)

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/418043>,

24 марта 2019.

* * *

«ГЕНИАЛЬНЫХ БИЗНЕСМЕНОВ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ СДЕЛАТЬ ТАТАРСКУЮ ТЕМАТИКУ ОКУПАЕМОЙ, Я НЕ ВИЖУ»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: как при работе над национальной стратегией лозунг «Без булдырабыз» превращается в «Без тырышырбыз». Часть II

«Миссию стратегии я начинаю видеть в том, что она хотя бы наводит мосты между молодым и старшим поколениями. До этого такой возможности не было», – рассуждали участники «круглого стола» «Стратегия – дело аксакалов, или Что скажет молодое поколение татар о бу-

дущем нации?». Что необходимо сделать, чтобы усовершенствовать и сохранить ее на общее благо татарской нации? На эти вопросы пытались найти ответы эксперты «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Ильдар Аюпов – основатель и руководитель дизайн-студии «Теория».

Римма Бикмухаметова – общественный деятель, журналист.

Туфан Имамутдинов – главный режиссер Казанского ТЮЗа.

Зуфар Махматов – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани, кандидат исторических наук, этносоциолог.

Эльмир Низамов – композитор.

Ильшат Рахимбай – режиссер.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя ВФТМ, кандидат исторических наук.

Модератор: Руслан Айсин – политолог, руководитель концептуальной площадки «ТатПолит».

ТУФАН ИМАМУТДИНОВ: «И В ЭТОМ ЕСТЬ УНИКАЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОГО НАРОДА – ОН НЕ ХОЧЕТ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НАЗАД»

Модератор: Второй вопрос у нас на повестке, начнем с Туфана Имамутдинова. В сфере конкретной деятельности, в вашем случае в театральной, что необходимо сделать, чтобы усовершенствовать и сохранить ее на общее благо татарской нации?

Туфан Имамутдинов: Здесь уже была небольшая дискуссия, были высказаны какие-то взгляды. Хотелось бы тоже акцентировать внимание на то, что молодых, я так понимаю, особо не привлекали к разработке этой стратегии. Но если молодежи нет, то, я согласен, для кого тогда пишется эта стратегия? Это, во-первых. Во-вторых, если это пишется не для молодежи, тогда у того, кто пишет, вместо «Без булдырабыз» получается «Без тырышырбыз» язарга (*вместо «мы можем» – «мы пытаемся писать»* – прим. ред.), а что там будет и как получится – неизвестно. А чтобы было «Без булдырабыз», надо привлекать более открытую молодежь.

По поводу того, чтобы быть более открытыми миру, я думаю, это действительно правильная стратегия, по одной простой причине: если мы замкнемся, то никакая молодежь на наши постановки нового поколения ходить не будет. Если мы будем действовать также, как действует множество татарских театров, т. е. приемами 1970-х гг., если это не какая-то суперкомедия, молодежи на этих постановках нет.

Модератор: Какого рода приемы имеются в виду?

Туфан Имамутдинов: Театральные приемы. А таких театров еще достаточно и там молодежи нет. Поэтому, мне кажется, если уж ориентироваться на мир, то нужно использовать новые приемы, и эти приемы интересны молодежи. Мы сами создаем эти новые формы на основе татарской культуры. Этот прием мы использовали в «Әлиф»е, в «Әллүки». Пусть в «Әллүки» мы взяли пять стихов Тукая и перевели на мертвые и вымирающие языки тюркских народов Сибири, они также очень похожи на татарский язык. Т. е. это такой своеобразный рефрен – к чему мы приходим. И это становится уделом музея – мы его играем в пространстве музея. В пространстве театра это не может быть сыграно, потому что это элемент музейности, он уже в этом существует. И в этом – в выборе пространства – тоже, наверное, новый шаг, наш новый шаг, именно в возможности существования татарской культуры в рамках музея.

Мне кажется, нужно ориентироваться именно на тюркский мир. По поводу того, нужен ли татарский язык. Мы где-то полгода назад съездили в Азербайджан, и, чтобы адаптироваться внутри тюркского народа, нам нужно буквально две-три недели. Тюркский народ в количестве 160–180 млн человек в мире...

Айрат Файзрахманов: Больше.

Туфан Имамутдинов: Может быть, больше. Если мы будем ориентированы именно на нашу корневую систему... Конечно, если твой ребенок хочет существовать лишь в этом пространстве, то татарский язык ему не нужен. А если ты хочешь, чтобы твой ребенок был более широк в своих

взглядах и мог работать и делать бизнес с Узбекистаном, Казахстаном, с Турцией и т. д., то, конечно же, татарский язык знать нужно. Это мое мнение.

А по поводу искусства, конечно, оно должно развиваться именно на наших каких-то забытых авторах, забытых произведениях. Потому что этого забытого очень много. Мы считаем, что татарская культура – это лишь та культура, которая начинается от Тукая и выше. Вряд ли рядовой татарин назовет что-то, что было раньше Тукая. Может быть, «Кыйсса-и Юсуф» максимум. Может быть, «Идегей» из школьной программы вспомнит. И все. Т. е. как будто татарская культура в течение тысячи лет ничего не писала, ничего не производила, и в литературном мире тоже. Хотя этого очень много, просто мы об этом забыли и даже, мне кажется, особо-то и вспоминать не хотим. И в этом есть уникальность татарского народа, что он не хочет оглядываться назад. Но на этом материале можно сделать много всего интересного не только для татар, но и для мира.

У нас, к сожалению, есть такая вещь: если там не признали, здесь у тебя никогда ничего особо не будет.

Модератор: Скажите, пожалуйста, Туфан, есть ли у вас удовлетворенность от количества театральных площадок в Казани? Их нужно расширять или нет? Недавно Медведев сказал, что у нас слишком много театров, нужно сделать ревизию, мол, непонятно, чем все эти люди занимаются. По вашему мнению, в татарском мире достаточно татарских театров?

Туфан Имамутдинов: В татарском мире не хватает экспериментальной площадки в первую очередь. Потому что если у «Угла» есть свое пространство, то у татарской креативной молодежи такого пространства нет. Это какая-то, мне кажется, несправедливость. Нам постоянно приходится где-то репетировать, где-то спрашивать помещения, некоторые нам дают, некоторые не дают, т. е. мы в Татарстане находимся на птичьих правах, на положении иммигранта. Для нас это как-то странно, но мы двигаемся в эту сторону. И Всемирный форум татарской молодежи помогает в решении этих проблем, но, мне кажется, если не будет каких-то экспериментальных пространств, конечно же, театр потихоньку будет угасать.

Модератор: Хорошо, спасибо. Вспоминая про дизайн, о котором говорил Ильшат Рахимбай, у «великого татарского философа» Хайдеггера есть такое понятие, как Dasein, – одно из ключевых в его философии, означает «здесь бытие». Получается, в дизайне нашего эскиза нет бытия, нет сущностного наличия. Это очень интересная аналогия, но она, в принципе, о многом говорит. Наверное, ваши замечания не случайны в этом ключе.

**АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «У НАС НЕТ НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛА, КОТОРЫЙ
СКАЗАЛ БЫ «ВОТ ВАМ ГРАНТ НА 2–3 МИЛЛИОНА»**

Модератор: Повторю второй вопрос нашего «круглого стола»: в сфере конкретной деятельности – культура, музыка, бизнес, госуправление, образование, политика – что необходимо сделать, дабы усовершенствовать и сохранить на общее благо татарской нации? Айрат, тебя трудно конкретно к чему-то прикрепить, потому что ты универсальный, как немногие наши деятели. Сам выбери.

Айрат Файзрахманов: Всего понемногу. Я просто позволю себе несколько комментариев к тому, что здесь обсуждалось. Ильшат говорил не идти на поводу у зрителя. Это проблема в целом татарстанская, например, «ТНВ» идет на поводу у зрителей: подстраивает свою картинку под ценности зрителя, под его культурный уровень, то есть не воспитывает зрителя в целом. Многие театры, как уже говорилось, используют приемы 1970-х гг., потому что они идут на поводу у зрителя, думают, что зрители это не освоят и т. д. И у книги такая проблема, и у школ – тоже. Начнешь перечислять – это практически везде. Есть только такие небольшие росточки, и театр в этом плане выглядит, наверное, лучше всех: Камаловский, Кариевский в последнее время начал ставить новые театральные эксперименты. Они сейчас воспитывают зрителя – в этом, наверное, самый большой росток и самое лучшее, что у нас сейчас есть в городской татароязычной культуре.

Модератор: То есть ты считаешь, что слой так называемой татарской культурной интеллигенции должен воспитывать, он имеет на это право?

Айрат Файзрахманов: Он имеет на это право.

Ильшат Рахимбай: Он должен воспитывать.

Айрат Файзрахманов: Он должен не только воспитывать, но и поднимать культурную планку, показывать новые горизонты. Этим и занимаются, кстати, здесь присутствующие. Говорилось о показателях – Туфан затрагивал. Разработчики стратегии согласны с тем, что показатели должны быть. Они сейчас формулируются. Изначально дискуссия была задана о показателях, о них говорил Римзиль Салихович Валеев. Мы должны эту дискуссию развивать – какие должны быть показатели? Условно, как воспитать десять таких главных режиссеров, как в театре имени Камала, допустим. Как воспитать пять писателей, книги которых прочтут миллионы людей? Как должны появиться режиссеры, которые снимут ролики на 600 млн просмотров? Эти показатели нужно задать. Конечно же, подумать о механизмах.

Здесь говорилось о том, что действительно есть культурная пропасть между старшим поколением и молодым. В этом-то как раз я и начинаю видеть смысл стратегии, что она хотя бы наводит мосты между молодым и старшим поколениями. Мы имеем возможность донести до старшего поколения свое видение, какие-то свои показатели и сделать так, чтобы наше видение вошло в программы развития. До этого такой возможности не было – у нас была абсолютная превалируемость старшего поколения во всех сферах культуры. И предыдущие программы развития идентичности (кстати, им еще предстоит сделать аудит), языка – все это было направлено на старые формы. Сейчас есть прекрасная возможность для молодежи донести свое видение и интегрировать свои наработки в эти программы – в этом я вижу смысл стратегии для нас. Иначе получится такая картина, что опять будут старые формы, в них вновь будут вложены деньги, и эти старые формы просто будут затмевать собой новые, молодые ростки, потому что в них вложены ресурсы, и они занимают собой татарстанскую инфраструктуру.

Поэтому я, пользуясь площадкой «БИЗНЕС Online», призываю к тому, чтобы попробовать унять свой скепсис по отношению к старшему поколению и донести до них свое мнение.

Здесь говорилось о том, что на разработку стратегии нет денег. А кто должен их дать? Эта ситуацию очень хорошо характеризует то, что у татар нет национального капитала, который бы мог стать заказчиком этой Стратегии. Если государство не дает на это денег (оно не обязано давать, по сути дела), то у нас нет и национального капитала, который сказал бы: «Вот вам грант на 2–3 млн, эксперты. Докажите мне, что вы лучшая экспертная группа, и напишите хотя бы проект этой стратегии». Такого движения пока нет, и нет, видимо, такого заказчика.

Модератор: Вообще, татарская буржуазия есть?

Айрат Файзрахманов: Сейчас ее уже практически нет.

Модератор: В эскизе, например, этого не обозначено.

Айрат Файзрахманов: Да. Кстати, важнейший момент. Это отображение не сколько процесса внутри татарской нации, сколько российских процессов, – сегодня весь крупный бизнес, так или иначе, интегрирован с государством.

Модератор: Я с тобой подискутирую. Есть еврейский капитал, внутрироссийский, есть чеченский...

Айрат Файзрахманов: Международный еврейский капитал.

Модератор: Пусть. Чеченский не международный, ингушский – тоже. Как известно, еще Столыпин говорил про татарскую промышленную буржуазию, про татарский капитал, что это, наряду с еврейским спекулятивным капиталом, очень значительный фактор. Сейчас оказывается, несмотря на все потуги татарстанского руководства на проведение ежегодного Форума татарских предпринимателей... Получается, что мы находимся даже не в том положении, что немцы 1920-х гг., у нас нет даже этих немецких лавочников, которые могут выйти и ударить кулаком по столу.

Айрат Файзрахманов: Я немножко скорректирую тезис: нет независимой национальной буржуазии, которая могла бы формировать свой социальный заказ. Она полностью интегрирована с государственным капитализмом. Это отображение российских процессов, ничего здесь не подела-

ешь. Может быть, есть ростки среднего бизнеса, на него есть надежда – на независимый средний бизнес.

Модератор: Скажи, пожалуйста, в общественно-политической деятельности, раз все это увязано с общегосударственной сущностью, в политической сфере что нужно делать?

Айрат Файзрахманов: В политике, конечно же, главный вызов – сохранить себя, сохранить федерализм, республику, национальные республики. Так вышло, что Татарстан оказался вынужденным лидером в движении федерализма на российском пространстве, хотя никогда такого не было, чтобы татары были главными инициаторами процесса децентрализации на евразийском пространстве. Сохранятся ли республики и что нам нужно для этого делать? Здесь я вижу недоработки в том плане, что мы не работаем с общественным мнением в России. У нас вообще на федеральном уровне нет статей, которые бы доказывали необходимость республик. Хотя есть огромное количество высказываний лидеров общественного мнения на российском уровне, на федеральном о том, что республики не нужны и что республики – это пережиток прошлого, что это историческая ошибка, которую нужно бы уже давно...

Про образование: я возлагаю большие надежды на проект полилингвальной гимназии, что она действительно немножко примирит разные стороны, что проект полилингвальной гимназии направлен не только на татар, но и на просто рост татароязычности в республике, как части полилингвальной среды. То есть не «Татарский язык – государственный. Учите его!» – это одна концепция, а «Татарский язык – это часть полилингвальности, через нее вы приходите к познанию, в том числе мировых языков».

Про бизнес мы сказали. Остальное здесь, наверное, уже больше раскроют. Я скажу только про национальный педагогический университет: совместно с заказом на Стратегию развития татарского народа в послании президента звучали и слова о национальном педагогическом университете. Второй раз! Второе послание подряд! Говорилось: ну давайте, ребята, примерно в том же смысле, что нет времени на раскачку. Где какие-то движения по национально-педагогическому университету? Мы что-то об этом слышим, нет?

*ЭЛЬМИР НИЗАМОВ: «МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ МОЙ НАРОД СТАЛ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МУЗЕЕМ»*

Модератор: Хорошо, спасибо, Айрат! К нам присоединился уважаемый Эльмир Низамов, благодарим вас, что нашли время. Здесь мы уже пошли по второму кругу. Дело в том, что у нас два вопроса. Первый: что необходимо прописать в стратегии развития татарского народа, есть ли удовлетворенность от эскиза проекта стратегии, ну и конкретно по вашей сфере деятельности...

Эльмир Низамов: Что вообще такое стратегия? Она выбирается тогда, когда у нас есть какая-то цель. И мы ищем пути, как ее достигнуть. Для меня пока вообще непонятна цель. Какая она? Что под этим стоит? Потому что, в зависимости от цели, выбирается и стратегия – она корректируется, что-то убирается, что-то добавляется. «Стратегия – дело аксакалов, или что скажет молодое поколение о будущем нации?»... Будущее нации? Здесь тоже надо договориться: а что мы понимаем под будущим нации? Что мы живем на территории Республики Татарстан и живем так, как мы хотим, по своим правилам, говорим на своем родном языке, – это будущее нации? Это мы ставим во главу угла? Или ставим то, что мы великий татарский народ, о котором достоин знать весь мир, чтобы пели наши песни, смотрели наше кино, читали нашу литературу, чтобы мы сказали новое слово? Конечно, я с точки зрения культуры рассуждаю. Об этом говорим? Или будущее нации – это и то, и то? Мне кажется, надо быть реалистами. Если мы говорим про второе, о том, чтобы интегрировать собственную культуру, нацию, чтобы, приезжая в Париж...

Мы недавно были в Париже, и когда ты говоришь, что ты из России, то все, глядя на меня, например, удивляются: «Вы из России? Как вы можете быть из России?» То ли испанец, то ли турок, то ли болгарин... Я начинаю объяснять, что я татарин, что я из Татарстана, что есть такой регион, народ, со своими особенностями, языком, вероисповеданием, культурой и т. д. Если мы выбираем путь, чтобы нас знали в мире, то, наверное, надо искать способы интеграции, находить деньги

(это не секрет) для того, чтобы продвигать собственный продукт – что бы это ни было – по всем фронтам. Где-то путем соединения, межкультурных акций, проектов. Сделать, допустим, мюзикл на английском языке по бродвейским лекалам, но про историю татар: кто это, откуда взялись, что из себя представляют сегодня. Это один из путей. Можно долго это раскручивать.

Если выбираем первый пункт о будущем, о том, чтобы мы жили на своей земле... Здесь тоже трудно об этом говорить, потому что татары ведь народ... Какой процент татар живет в Татарстане?

Модератор: 25%.

Эльмир Низамов: 25. Всего. Это даже не половина, четверть. Мы народ, который рассеян по миру, это наше и достоинство, и недостаток. С одной стороны, есть какие-то преимущества в этом, но также и свои проблемы. Наверное, нужно данные преимущества использовать. Как – мне пока трудно сказать.

Модератор: Этот аспект должен быть прописан в стратегии, на ваш взгляд? Например, ориентация на татар Татарстана, а также правила работы с диаспоральной частью татар – у них свои особенности, проблемы, менталитет, в конце концов.

Эльмир Низамов: Конечно. Я сам не из Татарстана, хотя корнями отсюда, но мое детство и юность прошли вне Татарстана. Мне кажется, нам нельзя забывать про эти 75%. Что такое народ? Понятное дело, что язык – это один из мощнейших столпов любого народа. Но есть такие народы, которые забывают свой язык, уходят от религиозности, полностью растворяются в другом государстве, но самосознание сохраняют, они в переписи пишут, что татары или, например, евреи. За счет каких рычагов это достигается, конечно, большой вопрос. Самое главное, чтобы люди не теряли свое национальное самосознание, а для этого нужно держать контакт.

Модератор: На ваш взгляд, культура может выступить таким костылем, который будет поддерживать национальное самосознание?

Эльмир Низамов: Абсолютно.

Модератор: Нет у вас ощущения, что культура сама по себе космополитична, и нет ли космополитичности в том, о чем вы говорили: давайте поставим мюзикл на английском языке? Нет опасности, что космополитизация рано или поздно размочит национальное татарское самосознание?

Эльмир Низамов: Здесь опять-таки вопрос стоит о том, какая наша конечная цель. Я посмотрел интервью Дудя с Михаилом Идовым. Там он кинул такую фразу, которая мне показалась очень любопытной. Они обсуждали, что американское образование уступает европейскому, нашему, что американцы, как у Задорнова, тупые. Дудь его спрашивает: почему же тогда эта нация дала массовую культуру и всему миру диктует правила? Это мощнейшая, богатейшая нация мира. Как так получилось? Идов говорит: «Я сейчас скажу, как космополит, но американская культура, а само общество там космополитично, внациональна». Они начали создавать продукт, который интересен не американцам, не европейцам, не азиатам, а просто человеку как таковому. То есть они ориентируются на базовый уровень о человеке – неважно, кто он: белый, черный. У них общество такое. Они, с одной стороны, были вынуждены это сделать, с другой – это стало их козырем. Теперь во всем мире знают американское кино, оно служит примером, музыка и т. д.

Я в этот момент сижу и думаю: а у нас во главе угла культура национальная. На то есть объективные, субъективные – разные причины. К чему это может привести? С одной стороны, максимально сохраняя то, что у нас есть, мы неизбежно можем прийти к состоянию такого этнографического музея. Я не говорю, что так оно и будет, но есть такой момент. Если мы готовы к этому... Я, например, не готов. Мне не хочется, чтобы мой народ стал этнографическим музеем. Что-то так и будет, но что-то, мне хочется, чтобы влилось и стало частью мировой культуры.

К глобализации. Это не хорошо и не плохо – это то, в чем мы живем. Я не могу сказать, что это плохо и не могу сказать, что это хорошо. Это то, в чем мы живем. Борись ты с этим или нет, если ты не будешь иметь это в виду, то есть опасность этого этнографического музея, к сожалению. Мюзикл по американским лекалам на английском языке, но на историю татар – может, это что-то радикальное, но это одно из, одна из форм.

Римма Бикмухаметова: Есть же пример фильма «Бибинур» – он весь идет на русском языке, но абсолютно на татарскую тему. Мне кажется, это пример, когда мы можем другим показать, какие мы.

Модератор: Что мы несем, какой месседж, нам неважно как донести – на татарском, русском или английском.

Эльмир Низамов: Или, наоборот, поднимать какие-то общечеловеческие темы, которые актуальны на сегодняшний день: эмиграции, меньшинств, вопрос ипотеки и т. д. – все то, что волнует людей сегодня... Допустим, это будет сделано на татарском языке. Был феномен румынского кино. Это же не о румынах фильмы? Это просто сделали румыны, но они создали так, что это стало интересно всему миру. Я беру кино, потому что это самая массовая культура. Там же не про румынские обычаи – хотя под этим соусом и так можно. Все в наших руках, как мы это сделаем – это уже большая ответственность.

Ильшат Рахимбай: Здесь уже татарскую хитрость, наверное, нужно врубать.

Айрат Файзрахманов: Можно один момент? К вопросу о таком принципе, как «татарское актуализируем, актуальное татаризируем» – мы об этом много раз говорили. Интересный миру татарский (локальный) контент мы доносим до глобального мира, до англоязычного читателя. И наоборот, глобальные вещи (например, Гарри Поттера или детский спектакль «Чарли и шоколадная фабрика») даем и на татарском языке, создаем оригинальный татароязычный контент, интегрированный в глобальную культуру.

Модератор: Да, Европа сейчас тоже пересматривает свои вещи. Есть глобальный, например, политический концепт ЕС, они все объединяются. Но в то же самое время, например, как каталанцы: они за выход из состава Испании, но при этом за ЕС. Для российского сознания это выглядит очень шизофренично, но для Европы это нормально: мы за сохранение собственной идентичности, но за политическую общую крышу. Ничего сложного для них в этом нет. Для нас это ох и ах, как это, сепаратизм и т. д.

РИММА БИКМУХАМЕТОВА: «В СТРАТЕГИИ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРОПИСАНО РАЗВИТИЕ СОЦСЕТЕЙ И ТАТАРСКОГО ИНТЕРНЕТА»

Модератор: Переходим к Римме. Так как ты маститый журналист, не буду говорить, сколько лет ты в журналистике, но достаточное количество лет, чтобы ее оценивать с высоты определенного понимания. На твой взгляд, в сфере татарской журналистики, татарских медиа есть ли проблемы, что необходимо сделать, на каком этапе мы сейчас находимся?

Римма Бикмухаметова: Кажется, Айрат и Ильшат уже говорили о том, что мы идем на поводу публики. Да, это свойственно и печати, и телевидению, и радио. Основная аудитория сейчас – это деревенские жители, не секрет. Все печатные издания делают тиражи за счет кармана деревенского жителя. Это люди, которые действительно читают, ценят как литературу на татарском языке, так и периодику. Какие плюсы? По сравнению с другими нерусскими народами татары имеют и государственные газеты, и частные. Это удачные бизнес-проекты на самом деле: «Ирек майданы», «Акчарлак», «Безнең гәжит» зарабатывают хорошие деньги. Я не могу сказать, что они просто зашибают бабки, у них есть какая-то социальная цель. В частности, «Ирек майданы», я точно знаю, двигает вперед идею государственности, сохранения татарского языка, идею республики. На страницах этой газеты постоянно поднимается данный вопрос. Они понимают, что татары разные, что они и кино смотрят, и спортом интересуются, дети в компьютер играют. Плюс какой? У нас, в отличие от тех же башкир, есть три независимых телеканала, радио есть. Да, по наполнению, контенту они все направлены на развлечение, но таким образом они зарабатывают на свою жизнь: ТМТV, «Майдан», «Хузур ТВ». У последнего тематика религиозная.

Говорят, что тиражи сейчас маленькие, вспоминают, что у журнала «Идель» под миллион был тираж. Но в то время не было столько разных газет, а сейчас очень большое разнообразие. Поэтому люди могут выбирать, но аудитория осталась та же... Я думаю, что все понимают: тиражи газет, журналов через несколько лет будут падать, даже и у «Ирек майданы», и у «Акчарлак», у всех остальных. У них есть понимание, что нужно переходить на электронный формат, скорее даже это

переход на телевидение, какие-то мультимедийные формы. Уже есть какие-то попытки, потому что я вижу, что татароязычные газеты делают какие-то видео в «Инстаграме», на YouTube выкладывают. Конечно, по оперативности мы отстаем от русскоязычных, англоязычных СМИ, потому что каждый татарин может прочесть новость на русском и английском языках. Поэтому нужен уникальный контент. Я как человек, который работал и в государственной газете, и в частной, считаю, что должна быть честная конкуренция между государственными и частными изданиями, грантовая система должна быть справедливой, должны участвовать и «ТМТВ», и «ТНВ», и «Ватаным Татарстан», и «Акчарлак». Иногда гранты прописывают под определенную газету – так не должно быть, так нечестно.

Я думаю, что в стратегии должно быть прописано развитие соцсетей, татарского Интернета. Я не знаю, как это сделать, но, может быть, честная грантовая система поможет в этом. Почему бы тому же «ТМТВ» или «Хузур ТВ» не помочь выйти в спутник, чтобы какую-то часть оплачивало государство? Мы испытываем дефицит национальных кадров. Я себя, конечно, считаю молодежью, но среди тех, кто младше на десять лет, уже нет тех, кто будет грамотно писать на татарском, или они пишут сугубо на развлекательные темы, но они хорошо знают и активно используют соцсети – мы это должны учитывать.

Модератор: Это будет американский татарский, есть американский английский.

Айрат Файзрахманов: Язык меняется.

Римма Бикмухаметова: Язык меняется, да. Но, я считаю, что нужно развивать направление блогинга. Я слушаю на «Медузе» подкасты, часто слушаю аудиоинтервью каких-то изданий. На татарском их практически нет. Хотя аудиоформат так легко воспринимается – это было бы плюсом для тех, кто изучает татарский язык. Мы должны использовать данные формы. Обязать, наверное, никто не должен и не может, но это очень легко: ты же все равно берешь у кого-то интервью, записываешь аудио. Я сама давно мечтаю это делать, но катастрофически не хватает времени.

У нас главное ТВ – это «ТНВ», и все будто бы там должно сниматься, решаться. Мне кажется, нужно сделать какой-то базовый центр, где все будет напичкано хорошей техникой, и отдельные люди, разные команды будут приходить и говорить, например, «Мы делаем тревел-передачу на татарском, но у нас нет оператора, камеры или у нас нет монтажного оборудования, можно мы у вас будем работать?» То есть команда будет просто приходить, пользоваться этой техникой и выдавать хороший продукт. Или кто-то снимает передачи про историю – тоже приходит и работает с этой техникой. Мне кажется, для Татарстана, в частности для Казани, это сделать не сложно.

Что еще? Конечно, это развитие YouTube. Я сама захожу на YouTube целенаправленно, посмотреть кого-то конкретно, но молодежь, оказывается, там смотрит просто все! И почему там нет передач «Шаян ТВ» и «ТНВ» – для меня вопрос. Нужно все выводить в YouTube.

Ильдар Аюпов: Они, наверное, не набрали тысячи подписчиков для прямой трансляции. YouTube только тысящикам позволяет вести прямой эфир.

**ЗУФАР МАХМУТОВ: «Я ХОТЕЛ БЫ ПРИЗВАТЬ ТАТАРСКУЮ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ
КОНСОЛИДИРОВАТЬСЯ И ПРОДАВЛИВАТЬ СОЗДАНИЕ ТАТАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

Модератор: Спасибо, Римма! Переходим к нашему следующему спикеру, вопрос тот же. В сфере конкретной деятельности, Зуфар, вы частично уже коснулись этого во время своего первого спича, может, в целом скажете о состоянии татарской исторической науки? Почему, например, в стратегии у нас нет анализа исторической ситуации?

Зуфар Махмутов: Есть очень хорошая новость: историческая наука на татарском языке еще жива. Некоторые работы, в том числе в нашем институте, пишутся на татарском языке, хотя сейчас все больше и больше работ на русском, в том числе в области социологии.

– *А понятийный аппарат в татарской социологии выработан?*

Зуфар Махмутов: Нет, конечно. И он должен развиваться. Но для того, чтобы развивался понятийный аппарат в какой-либо науке, должна быть определенная языковая сфера, поэтому очень

важно создание именно университета как институциональной площадки. Не каких-то групп в рамках университета, которые потом так же быстро и незаметно будут оптимизированы. Прекрасно помню, как у нас, когда я учился на истфаке, была в потоке татарская группа, на 11-м этаже находился целый татарский факультет – сейчас такого уже нет, все оптимизировано. Если же будет единая площадка, то все ресурсы будут сосредоточены там.

Айрат Файзрахманов: Речь о единой площадке.

Зуфар Махмутов: Да. Это будет университет...

Айрат Файзрахманов: Не университет с колоннами, а единая площадка...

Зуфар Махмутов: Самое главное, чтобы функционировала языковая среда. Русский язык сейчас является доминирующим. Если языковые среды будут соприкасаться, то есть что-то будет на русском, что-то – на татарском, в результате все закончится тем, что перейдет на русский. Социолингвисты, изучая языковое поведение, отмечают, что важен не просто татарский язык как урок, а чтобы все предметы (определенное время, это может быть средняя, начальная школа) велись на одном – татарском – языке. Потому что здесь создается языковая среда, в которой люди усваивают какие-то тонкости языка.

Важно использовать Интернет, конечно же, – здесь об этом уже говорили. К сожалению, наша историческая наука немножко оторвана от этого. Меня всегда удивляло, что 6-томник татарской энциклопедии вообще в Интернете не выложен, хотя это такая важная информация, кладезь, которая помогала бы не только историкам, но и вообще всем интересующимся. Чтобы что-то найти, нужно листать бумажную книгу. Такой пласт – и лежит где-то в закромах. И так с многими-многими трудами. Благо наш институт выложил 7-томный труд по истории татар – я считаю, это большой шаг вперед. Наш институт старается многие труды выкладывать в открытый доступ – за этим будущее.

Как еще можно использовать Интернет? Конечно же, нужно создать какую-то эффективную площадку обучения татарскому языку. Посмотрите, сколько всего есть и какие программы есть в английском: и аудио-, и видеоматериалы, письменные задания – полноценный комплекс, когда человек, находясь в своей квартире, может изучить язык. Для татар это очень необходимо, потому что они проживают дисперсно, многие татары находятся за территорией Республики Татарстан и не имеют доступа ни к языковой среде, ни к образовательным институциям. Если бы был татарский университет, то тогда для многих, в том числе и диаспор, которые живут в Казахстане, Узбекистане или просто в отдаленных регионах России, изучение татарского языка было бы хорошим стимулом для того, чтобы в него поступить. В обучении очень важна мотивация – для чего ты изучаешь татарский язык? Какой от него толк? Сейчас мир становится очень прагматичным: если я это делаю, вкладываю время и труд, какой будет результат?

Один известный римский государственный руководитель и военачальник Катон в конце своей речи всегда говорил: «Карфаген должен быть разрушен». И в завершение, как Катон, хочу еще раз подчеркнуть, что татарский университет должен быть создан. Это жизненно необходимо для сохранения татарского языка и татарской идентичности. Я хотел бы призвать татарскую общественность консолидироваться и настаивать на создании татарского университета, пока есть такая возможность. И в послании Президента РТ говорилось о необходимости его создания. На мой взгляд, он должен быть максимально автономным и не входить в Казанский университет, он должен быть связан с татарстанскими структурами и служить интересам республики.

ИЛЬДАР АЮПОВ: «МЫ ЗАНИМАЕМСЯ ЗАРАБАТЫВАНИЕМ ДЕНЕГ НА РУССКОЙ АУДИТОРИИ И ПОТОМ ТРАТИМ ИХ НА ТАТАРСКИЕ ПРОЕКТЫ»

Модератор: Спасибо! Ильдар, переходим к вам, вторая часть конкретно по сфере твоей деятельности – то, что связано с вебом, образованием. В чем ты себя видишь, прилагаешь усилия? По этому направлению какие бы ты внес предложения по стратегии как узкий специалист по данным вопросам? Какие есть проблемы?

Ильдар Аюпов: Проблемы уже озвучены много раз. Честно говоря, то же самое можно повторить и про сферу онлайн-образования. Аудитория очень маленькая, неинтересующаяся. Я не вижу

разделения на город и деревню в принципе. У нас сейчас складывается немного неправильный образ деревенских жителей – они не особо отличаются от городских, по крайней мере, по образу жизни их трудно будет отличить. Главная проблема всех IT-проектов, которыми мы занимаемся, – это отсутствие аудитории. И самая главная проблема, которая вытекает из предыдущей, – это отсутствие прибыльности. Я постоянно говорю, что у нас прибыльны только две вещи – это бар-смедиевская эстрада и тамады, то есть свадьбы. Люди, которые получают прибыль из татарской тематики, – это татарская эстрада и татарские тамады. Все остальное?

Я не вижу людей, которые могли бы это как-то монетизировать. Главная проблема – это, конечно, отсутствие монетизации, отсутствие получения прибыли из этого. Для меня эта проблема нерешаема, то есть мы занимаемся зарабатыванием денег на русской аудитории и потом тратим их на татарские проекты, что совершенно бестолково с точки зрения бизнеса. Честно говоря, это постоянно приводит к чувству разочарованности в этом всем и желанию уйти. Как это в стратегии сформулировать? Не знаю. Возьмем принцип, про который у нас любят говорить: государство должно больше денег тратить на это все. Нет, я так не считаю, мы должны сами найти пути, чтобы это стало прибыльным. Наверное, есть какие-то пути. Но пока гениальных бизнесменов, которые могли бы сделать татарскую тематику окупаемой, я не вижу. Хотя бы окупаемость – какая прибыль там.

Модератор: Но мировой опыт в этой сфере о чем говорит?

Ильдар Аюпов: Какой мировой опыт?

Модератор: Онлайн-образование.

Ильдар Аюпов: Оно никак не работает. У нас есть «Ана теле», в которое вложили огромные деньги, они, конечно, не ставили целью – окупаемость, но...

Зуфар Махмудов: Она вообще не работает. Я попытался зарегистрироваться...

Ильдар Аюпов: Попробуйте еще раз. Зарегистрироваться можно, если поставить целью. Можно написать в Министерство образования, они тебя там регистрируют. Но да, очень тяжело.

Модератор: Квест татарский: зарегистрируйся на «Ана теле».

Ильдар Аюпов: Посмотрите посещаемость «Элбэттэ». Когда мы запустили второй сезон, все СМИ написали об этом, то есть ознакомленность была. «Аксубай тацнары» написал про «Элбэттэ» – там должны были знать про него. Если смотреть просмотры лекций, даже самых популярных, это сотни просмотров – копейки, не в смысле денег, а даже для просмотров это очень мало.

Модератор: Ты имеешь в виду контент на татарском языке или вообще про татарскую культуру?

Ильдар Аюпов: Даже по татарской тематике, необязательно на татарском языке, контент. Интересно на самом деле, если в другую сторону пойти, что русские стали очень интересоваться татарской тематикой, историей, культурой и вообще нашими телодвижениями. Им это интересно, они смотрят, спрашивают – удивительно, я не ожидал такого.

Модератор: Может, у нас просто нет качественного продукта? Я вчера грешным делом включил телевизор, канал «Культура», там шел просто великолепный документальный фильм про тувинцев – о том, как они сберегают родную культуру на примере простых людей. Они плачут, вопрошают, почему их отсюда переместили. Там были очень драматические вещи. Я понял, что такого рода продукта у нас, татар, нет.

Ильдар Аюпов: Это же не значит, что... В прагматичную сторону опять верну: он окупился у них? Количество просмотров много у них?

Проблема качества – это, прежде всего, проблема количества аудитории, которая рождает деньги, а деньги рождают конкуренцию. Например, чтобы снять качественный фильм, давайте у Ильшата спросим, сколько надо денег. Надо много, чтобы именно картинка качественная была. Нужна большая съемочная группа и т. д. Во-вторых, нужна конкуренция, чтобы ты за бюджет боролся с другими людьми и писал качественный сценарий, собирал качественную команду и т. д. Это все друг за другом идет и все равно упирается в итоге в аудиторию, которой у нас нет.

Модератор: У нас просто нет среднего класса, потребителя, который может за это платить.

Ильдар Аюпов: Аудитория исчезла, то есть это такая большая проблема, которая будет очень медленно восстанавливаться, если вообще будет. Или она окончится просто.

Модератор: А гранты какие-нибудь, поддержка государства?

Ильдар Аюпов: Мы любим все время говорить о поддержке государства. Зачем нам поддержка государства? Они потратят деньги в черную дыру. Зачем, если вы, допустим, сняли фильм и на него сходили 2 тыс. человек в сумме. Зачем эти деньги тратить?

Римма Бикмухаметова: В итоге лучше вообще ничего не делать?

Модератор: Лучше пускай потратят, чем, скажем, покупают дорогостоящий Mercedes себе чиновники.

Ильдар Аюпов: Гранты нужны. Мы любим это: давайте отнимем деньги у «Татнефти» и раздадим нашим креативным людям (*смеются*). Вы уверены, что это с пользой будет потрачено?

Зуфар Махмутов: Но есть же хороший опыт сотрудничества: как наш институт, например, снял хороший фильм, который очень интересно повествует об истории татар. Как раз в союзе с вами сняли хороший фильм по истории возникновения татар.

Ильдар Аюпов: Он был на русском языке, во-первых. Во-вторых, он говорил о такой общей проблеме, которая всем интересна. Я думаю, большинство аудитории там не татары, а Россия в целом. Я думаю, что, если бы мы сняли его на татарском языке... Вот интересно было бы посмотреть.

Модератор: Есть же еще вопрос продакшена – Ильшат не даст соврать. Можно же хороший фильм сделать, но если не заниматься продакшеном, продвижением...

Ильдар Аюпов: Нет, продакшен – это другое. Продвижение, маркетинг – да. Продакшен стоит больших денег, маркетинг – еще полбюджета или целый. Мы можем попросить министерство культуры: «Давайте покажем за ваш счет во всех кинотеатрах России этот фильм, чтобы все татары пришли». И что? Опять нагонят каких-то людей, которые насильно пришли. А если своего желания нет, если они не готовы потратить какую-то сумму, чтобы посмотреть это, зачем тебе такая аудитория, которую нагнали?

Модератор: Все-таки, я думаю, есть общероссийская проблема – это же не только у татар.

Ильдар Аюпов: Не сравнивайте. В России с кино все более-менее хорошо, с сериалами – прямо на подъеме.

Ильшат Рахимбай: Сейчас Netflix стал их закупать.

Ильдар Аюпов: Ну не сравнивайте. А мы пока доходим до одного процента каких-то результатов. А они уже очень высоко.

Модератор: Татарские сериалы – это особый анекдот, конечно. Спасибо! Есть что добавить?

Ильдар Аюпов: Как в стратегии все это формулировать? Есть проблема – она решается какими-то очень глобальными вещами, а не грантами государства.

Модератор: Стратегия и есть глобальное...

Ильдар Аюпов: Да, полезно, замечательно, если бы больше внимания уделяли.

Модератор: То есть такая идея у северокорейцев «чучхе» – опора на собственные силы.

Ильдар Аюпов: Не надо все абсолютизировать. Давайте просить у государства, но у государства просят все вокруг, не только в Татарстане, но и во всей стране. Бесконечно просить... Государство уже содержит очень много всего, например, «ТАТМЕДИА». Какой выхлоп у «ТАТМЕДИА»? Полностью на государственные деньги созданный проект. Давайте перечислим, что уже содержит государство? Это тратят наши с вами деньги, налоги, они уходят на это все.

Айрат Файзрахманов: Получается, государство создает такой продукт. Оно засоряет собой эфир, и люди смотрят именно «ТАТМЕДИА», потому что он встроен в инфраструктуру, которой люди пользуются. Тем самым получается такая нечестная конкуренция, когда через инфраструктуру, которыми пользуются все, прогоняется некачественный продукт, а качественный остается в стороне. Вот чем опасно то, что нет поддержки крутым проектам. Не тем, что «дайте нам денег – мы сделаем», а тем, что есть ваш конкурент, который выдает некачественный продукт, но он пользуется вот этой инфраструктурой и ресурсами.

С другой стороны, у Ильдара тоже мысль хорошая в том смысле, что всякий андеграунд, условно говоря, нонконформистский, то, что не встроено в мейнстрим, наиболее интересно. То, что пишет официоз, – это всегда очень грустно...

Ильдар Аюпов: Мечта, конечно, чтобы все это было окупаемо и конкурентно, чтобы все конкурировали друг с другом за эти бюджеты. Фактически ты же все время конкурируешь за внимание зрителя, который является твоим бюджетом, чтобы ты что-то сделал и потом купил себе на эти деньги еду.

В общем, я не согласен, что все надо просить. Есть же пример татарской эстрады. Здесь как раз стоит вопрос: должны ли мы вестись на аудиторию? Они повелись на аудиторию, они соответствуют своей аудитории и за счет этого зарабатывают деньги. Решайте для себя: или вы хотите делать современное искусство и не попадать в аудиторию, или найти какую-то золотую середину...

Эльмир Низамов: Мне кажется, вы сейчас все в одну кучу свалили. Культура и зарабатывание денег – это разные вещи.

Ильдар Аюпов: Я про культуру не говорю, я говорю про зарабатывание денег.

Эльмир Низамов: Вы о ней не говорите, но культура здесь тоже подразумевается. Ни один музей не зарабатывает деньги, опера, симфонический оркестр не зарабатывает – они и не могут зарабатывать деньги. Они всегда, испокон веков, были придворными институциями, которые содержал король, император или еще кто-то. Содержал по ряду многих причин: статус, аристократическое искусство и т. д. И ждать сегодня, что вдруг внезапно все будут платить за такое сложное элитарное искусство? В высоком искусстве этого не было и никогда не будет. Это всегда было на иждивении тех, кто может это все действительно содержать.

Ильшат Рахимбай: Мы же сейчас не про высокое искусство говорим.

Эльмир Низамов: Кино тоже бывает разным.

Ильдар Аюпов: Мы говорим про массовый продукт. Понятно, что есть опера, которая должна на что-то содержаться. Хотя можно найти примеры и музеев, правда, не в нашей стране.

Римма Бикмухаметова: В Америке и Европе тоже есть частные музеи.

Айрат Файзрахманов: Просто в стратегии нет деления культуры на высокую и массовую.

Эльмир Низамов: По поводу татарской эстрады – у нас принято их ругать, это считается признаком хорошего тона.

Ильдар Аюпов: А ее слушает большая часть людей. Что делать с этим?

Эльмир Низамов: Да, и при этом, есть такой момент – не хочется применять слово «лицемерие», но слушает-то ее много людей. То есть люди же это слушают, и татарская эстрада – это объективное отражение вкуса большинства наших слушателей. Это может нравиться, может не нравиться, мы можем с вами ее слушать, не слушать, но вот оно так и есть.

Ильшат Рахимбай: С этим надо что-то делать.

Ильдар Аюпов: Под «с этим надо что-то делать» подразумевается «воспитывать». Но что значит, воспитывать?! Кто ты такой, чтобы воспитывать этих людей? Может, это они тебя воспитать хотят.

Эльмир Низамов: Вот именно! Просто если мы говорим о том, что необходимо сделать, чтобы усовершенствовать, сохранить ее на общее благо татарской нации. Если опять же говорим, чтобы татарскую культуру читали, смотрели, чтобы она была интересна не только самим татарам, а еще и другим, тогда мы неизбежно должны делать что-то на порядок выше и лучше. С татарской эстрадой, какая она есть сегодня, мы далеко не уйдем. Поэтому здесь и начинаются все эти разговоры о том, что нужно искать помощь, нужно искать какую-то поддержку. А без этого и не получится, народ никогда не будет платить бешеные деньги за что-то такое сложное, элитарное. У него и нет этих денег. Даже если бы были – это единицы.

Ильдар Аюпов: Нужно найти золотую середину и в той стилистике, и не совсем уходить в современное искусство, и немного попробовать делать в этой парадигме татарской эстрады что-то новое. Медленно переходить, не резко.

Римма Бикмухаметова: Пробовали же – фестиваль «Үзгәреш жиле». Не «выстрелило».

Ильдар Аюпов: Давайте еще пробовать – одно не «выстрелило», другое «выстрелит». Надо же дальше идти.

– Я понял в ваших мыслях следующее, что в принципе искусство для масс самокупаемое, его надо оставить в покое. А вот есть высокое искусство и его надо поддерживать, как поддерживали Медичи...

Эльмир Низамов: Ну конечно! Третьяковская галерея тоже ведь просто инициатива одного человека.

Ильдар Аюпов: Есть много очень богатых татарских людей, о которых никто ничего не знает. Они очень национально настроены, они готовы помогать, и кто-то этим пользуется. Надо составить списки и явки (смеются).

Римма Бикмухаметова: В регионах же есть сабантуи, различные культурные мероприятия, которые проводятся за счет частных вложений.

Зуфар Махматов: Часто, разъезжая по России и Казахстану, я вижу, что очень многое делается именно за счет благотворителей, татарских предпринимателей.

Ильшат Рахимбай: Причем они в того же Фирдуса Тямаева и вкладываются...

Римма Бикмухаметова: Мне кажется, им сейчас просто нужно направление поменять, указать, что есть образовательные проекты, вот есть культурные.

Модератор: Конечно. Но для этого стратегия и должна быть. Вот Роман Аркадьевич Абрамович сказал, что за всю свою предпринимательскую деятельность, пожертвовал на еврейские организации 500 миллионов долларов. Но он жертвует не так, как у нас на сабантуи, а на тот же «Гараж» – центр современного искусства бывшей жены. То есть он вкладывает и в высокое искусство и, если надо, поможет синагоге, поможет в проведении факельного шествия еврейского и еще что-то.

Римма Бикмухаметова: Еврейский университет он содержит.

Эльмир Низамов: Он просто понимает, что это нужно делать.

Римма Бикмухаметова: И наши тоже понимают!

Модератор: Я думаю, что он и понимает, и с другой стороны есть люди, которые ему говорят. Я говорил о том, что у евреев есть кохены – это система жрецов-авторитетов. А у нас нет этих людей, кто бы мог сказать: «У нас есть стратегия, давайте по стратегии». У нас бизнесмены действительно рассуждают в формате: вот есть Сабантуй, на Сабантуй дадим, дадим мечети – это обязательно, ну и тарелку купить для «ТНВ».

Ильдар Аюпов: Надо с ними разговаривать. Это адекватные и очень образованные люди, заработавшие себе большие деньги и в то же время многие уже не молодые, им хочется сделать что-то полезное и важное. Они уже обеспечили себя и своих внуков до конца своей жизни. Надо разговаривать.

Зуфар Махматов: Может быть, как раз Всемирный конгресс татар как площадка мог бы организовать Форум татарских меценатов...

Римма Бикмухаметова: Так они и так собираются!

Айрат Файзрахманов: Вот большой вопрос, насколько репрезентативен, релевантен конгресс для крупного бизнеса как площадка, насколько мы – аудитория, которая собралась в «БИЗНЕС Online», – релевантны для них. А вообще один из механизмов – это какой-то фестиваль татарских проектов. Мы к этому идем.

ИЛЬШАТ РАХИМБАЙ: «В УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ СЕЙЧАС СТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ, ВОЗМОЖНО, УЙДУТ РАБОТАТЬ В СЕТЕВОЙ МАРКЕТИНГ»

Модератор: Да, это хорошая идея. Слово Ильшату по второму вопросу.

Ильшат Рахимбай: У меня тоже несколько несвязанных мыслей. Почему-то про Турцию вспомнил. Все, наверное, были в Турции? Они варятся внутри себя, разговаривают на своем языке. У них более 100 телеканалов – нереальное количество. Понятно, что качество некоторых из них оставляет желать лучшего, некоторые более на уровне, но суть в том, они снимают по несколько сотен фильмов в год, показывают у себя же на телевидении, в кинотеатрах. Спрашиваешь у них про Америку: они

частенько плохо знают английский язык. Я спрашиваю: почему? Они говорят: нам не надо. Зачем им язык? Они и уезжать не хотят. Они создали внутри себя такой казан, в котором варятся, в котором все и всё получают. Но, как я понимаю, это из-за количества людей, разговаривающих и думающих на одном языке: именно эти люди создают рынок, пользуются и продвигают его.

Если говорить про экспериментальные вещи – спектакли и кино, получается, у нас это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Сейчас объясню почему. Если брать в процентном соотношении, в Казани, возможно, 10% людей ходят на экспериментальные вещи, хотя их не так много. 10% людей – это, грубо говоря, 100 тыс. человек. А в Москве те же 10% – это миллион. И эти 10% людей, по сути, вкладываются в развитие новых форм, жанров, течений, а это необходимая составляющая стратегии развития культуры. Поэтому в этом вопросе можно упереться в некий тупик, что нет у нас такого количества людей, которые могут поддержать эксперименты, не дать угаснуть авторам, так и не успев раскрыться.

С этой точки зрения был разговор на счет так называемого «тюркского проката», я говорю про сферу кино. Т.е. фильмы, которые снимаются у нас и ориентированы на какие-то наши темы, теоретически могут быть интересны для стран тюркского соглашения: Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Турция, Македония и т.д. Миляуша Айтуганова активно работает над этим вопросом. Если говорить про прокат фильма, то татарскому ежу же понятно, что никакой фильм не окупится в Татарстане, если только он ни какой-нибудь первый татарский мюзикл с Элвином Греем и Фирдусом Тямаевым. Алла бирса, наверное, окупится (*подразумевается мюзикл «Анипа», который снимает Рахимбай* – прим. ред.).

Получается, что ты уже изначально начинаешь себе ставить рамки: или ты делаешь жесткие комедии, ориентированные на зрителей, или ты снимаешь качественное кино, но с пониманием того, что эти деньги не вернешь. И эта система как будто уже изначально в тупике, когда ты разговариваешь с инвесторами и говоришь: «Надо. Я тебе денег обратно, конечно не верну, но надо, давай». Хотя так мы в России очень много лет снимаем фильмы.

Модератор: Ильшат, скажите, пожалуйста, они вот вам дают, все рассчитывают на выхлоп или просто от души?

Ильшат Рахимбай: Есть, которые от души, а есть, которые более умело вкладываются. Самое главное, чтобы команда, которая снимает фильмы, должна была нацелена на то, чтобы был выхлоп. Кино – это творчество плюс бизнес. В идеале и режиссер, и продюсер должны быть нацелены на то, чтобы фильм и окупился, и чтоб за него еще и стыдно не было. Опять в этом вопросе на Америку кланяемся, потому что в Европе во главе фильма стоит автор, искусство. Им ничего не стоит снять авторский фильм с открытым безнадежным финалом. Кассово успешных режиссеров в Европе по пальцам пересчитать. А Америка работает над вопросами успешных фильмов с тех пор, как существует кинематограф. Поэтому нехватка продюсеров – большой вопрос в нашем деле. Какую-то школу продюсеров, возможно, нужно уже создать: даже если они уехали учиться в Москву или Америку, чтобы они приехали сюда, обещать им какой-то интересный процесс, чтобы они хотя бы на жизнь зарабатывать нормальные деньги могли (я пока не знаю, кто на это согласится). Пока такой системы не существует. Это очень сильно тормозит развитие самой киноиндустрии в Татарстане, потому что очень многое держится на продюсере.

Я вот как режиссер вынужден сейчас продюсировать свои картины, искать инвестора, договариваться с этими или с теми. У меня начинает работать сценарист в Москве, он пишет: «Я написал синопсис, для дальнейшей работы прошу 30 процентов аванса, далее мы работаем по контракту». И это обычная система работы, которая в Татарстане еще не прижилась, и непонятно, когда еще появится. А если будут продюсеры, которые занимаются своим делом, то есть ищут инвестиции, кооперируют людей, то процесс пойдет намного быстрее.

Или хотя бы адекватная и честная грантовая система, открытые конкурсы, в которых могли бы участвовать большее количество талантливых людей, проходя честный отбор. К сожалению, гранты в Татарстане как Балтасинские законопроекты – никогда не угадаешь, когда, на какое время и на какую тему они появятся. Они обходят стороной бесшумно порой даже меня. Свои там правила

игры. С этими правилами говорить о новых авторах, об экспериментах, новых жанрах и количестве, которое так сейчас необходимо, пока не приходится.

Модератор: Ильшат, извини, пожалуйста, я так понял, что у нас в этой сфере большой хаос.

Ильшат Рахимбай: Абсолютно.

Модератор: А, например, феномен якутского кино, чем ты объяснишь?

Римма Бикмухаметова: Он, кажется, уже сдувается...

Ильшат Рахимбай: Он уже сдулся! Его феномен в том, что о нем до сих пор еще говорят, хотя он уже сдулся на самом деле года два назад.

Эльмир Низамов: Но хотя бы был!

Ильшат Рахимбай: Его феномен в менталитете. Я смотрел эти фильмы: там достаточно странные картины, были, конечно...

Эльмир Низамов: Ну, может быть, просто колорит: с бубном шаманским?

Ильшат Рахимбай: Нет, даже не бубен. Ты смотришь фильм, это будто бы что-то наподобие «якутской Нурании Жамали» (*Нурания Жамали – сценарист, режиссер, автор татарских сериалов, которые транслирует «ТНВ»* – прим. ред.). И я немножко подофигел над якутами, которые ходили на эти фильмы. И один из них мне сказал, что там больше ничего и не показывают. Они смогли как-то так сделать, что в большинстве случаев в кинотеатрах показывали вот эти фильмы. На весь город там два кинотеатра – и люди просто прутся и рвутся!

Модератор: В Якутске?

Ильшат Рахимбай: Да. Сейчас, возможно, больше. Просто люди шли смотреть это, потому что, во-первых, не было выбора, и, во-вторых, в силу своего менталитета, который им позволял ходить на эти фильмы. Потом качество начало расти.

В кино, музыке и театре нужно внедрять принцип «количество переходит в качество». Гранты – пусть будет 50 тыс., пусть 60... В университете культуры сейчас столько людей, которые, через пять лет, возможно, уйдут работать в сетевой маркетинг. Если сейчас начать их поддерживать хотя бы какими-то маленькими конфетками, они готовы стрелять уже, создавать новые волны. Мы еще не говорим про маркетинг. Люди здесь не понимают, почему на маркетинг может уйти половина бюджета или такой же бюджет, как на съемки фильма.

Хотел еще отметить иммерсивную «Анну Каренину» – появился же продукт, который поднял, как мне кажется, уровень не только продукта на определенно новый уровень, но и уровень бюджета и зрителей. Мне кажется, люди не пожалели тех денег, которые потратили на просмотр этого спектакля. И я считаю, что успех здесь далеко не в господдержке.

Эльмир Низамов: Я сейчас вспомнил книгу «Зулейха открывает глаза», которую, с одной стороны, одна часть людей в Татарстане разнесла, другая часть очень воодушевленно приняла. Я в прошлом году ездил на фестиваль современной музыки в Сербию, в Белград, меня там встретили организаторы. И одна пожилая сербка, которая работает в их Союзе композиторов (этот фестиваль именно эта структура организовывала), когда я сказал, что из Казани и Татарстана, мне сразу: «Зулейха открывает глаза». Я отвечаю: «А вы – то откуда знаете?» Мы с ней немножко общались: я по-русски, она по-сербски. Она знает эту книгу! Я пошел в книжный магазин, хотел купить «Зулейху» на сербском языке. Продавец говорит: «Все раскуплено, у нас уже давно закончилась, бестселлер». И это в Сербии! Кто бы мог подумать.

Римма Бикмухаметова: Это говорит о том, что татары интересны. Нерусские народы с их менталитетом, с их жизнью интересны, поэтому, где-то там и в Каталонии, и в Америке интересно, что могут...

Айрат Файзрахманов: Это вообще тренд на коренные народы, коренные языки...

Римма Бикмухаметова: Поэтому и Голливуд теперь снимает фильмы именно об индейцах, о коренных малых народах.

Айрат Файзрахманов: Это такой положительный тренд, в который мы встраиваемся. И малые народы, и поддержка эта – международная юридическая...

Модератор: Вопрос только в том, что мы не малые народы все-таки.

Айрат Файзрахманов: Коренные народы.

«НАЙТИ УНИВЕРСАЛЬНУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕЮ НЕ ПОЛУЧИТСЯ»

Айрат Файзрахманов: Во-первых, про «Зулейху» – это как раз пример не того, что продукт взялся неоткуда, его продюсировали, были вложены большие средства в маркетинг. И это «выстрелило». У нас есть достаточно большое количество продуктов, которые могли бы так «выстрелить». Даже вот Институт истории издает огромное количество книг, интереснейших простым людям, а не только мне как историку. Как только люди берут их в руки, садятся и читают, а смотришь, там тираж 1000 экземпляров! Как такой хороший интеллектуальный продукт можно выпускать таким небольшим тиражом? И Институту истории, например, на самом деле не хватает простого продюсирования. И этим должны заниматься не ученые и даже не Академия наук, это должна быть какая-то структура, построенная, может быть, на государственно-частном партнерстве. А когда ты уже сможешь, подтолкнешь этого пока слабого человека, не к пропасти, а, наоборот, к вершине, дальше этот продукт сам по себе будет генерироваться, создавать все больше разнообразного и интересного интеллектуального продукта.

Кстати, чего не хватает в стратегии... Коллективной памяти, инфраструктуры коллективной памяти, ее поддержки и продюсирования вот этих исторических трудов. Прекрасный пример – 2 млн просмотров видеоролика об истории татар. И это еще с учетом того, что не было целенаправленного маркетинга, особого продвижения в соцсетях. «Выстрелило».

Ильдар Аюпов: Да, это чисто органический продукт. Просто попали в хорошую тему, нормально и интересно сделали. Это не каждый раз так будет.

Айрат Файзрахманов: На радио научно-популярного проекта «Арзамас» есть подкасты по истории татар, которые читает Чулпан Хаматова. Там большое количество прослушиваний. Поэтому нужно говорить еще и об инфраструктуре креативных индустрий. В стратегии ссылаются на «Стратегию-2030», а там у нас один из ключевых элементов – агломерация в современном мире, во-первых. А ключевой элемент агломерации – это культурное разнообразие, которое генерирует креативная индустрия. У нас есть политика, есть курс на создание креативных индустрий в Казани. Пока хотя бы в Казани. Но есть ли в этом курсе создания креативных индустрий этнокультурный элемент? Пока его особо не видно. Пока мы видим, что у нас НКЦ ликвидировали.

Говоря о грантовом механизме, здесь не только о грантах речь должна идти. Это гранты, стипендии для исследований и премии. Мы уже сказали, что нужен фестиваль татарских проектов. И это тоже один из механизмов. Нам все-таки нужно делать акцент даже не на программный подход. Я в результате этой дискуссии пришел к собственному пониманию того, что татарам в развитии культуры нужно делать акцент не на программном подходе, а на грантовом. То есть выделить большую часть средств на гранты, а не на конкретные мероприятия или фестивали. Нет, само творческое сообщество внутри себя решит, какой продукт лучше. Главное, чтобы в жюри были независимые люди, нормальный экспертный совет.

Здесь говорилось о поиске универсальной национальной идеи, о том, к чему мы должны прийти. Я думаю, что на самом деле не получится найти универсальную национальную идею. Для всех она разная. В этом-то и суть татарского мира, что он разнообразный. И для определенного количества групп татар релевантен какой-то свой продукт, свои этнические маркеры, для каких-то групп релеванты другие маркеры: условно говоря, деление на город и деревню. Нужен ли общий знаменатель? Я думаю, что нет.

Модератор: Я думаю, что все-таки нужен. Во-первых, сама стратегия – это общий знаменатель. Во-вторых, сам этноним «татары» означает, что есть общий знаменатель. На мой взгляд, и я на этом настаиваю, обязательно должна быть прописана тема ислама как основного института, который сохранил татарский народ, и вся культура вышла из шинели ислама. Это первое. Второе – в Татарстане одна ситуация, но за пределами Татарстана мечети являются основными институтами

сохранения татарскости. Там тебе и татарский язык преподают, там тебе и абыстайлар. В Уфе мы были, например, в мечети и постановки театральные ставят...

Эльмир Низамов: Диски с татарской музыкой там же продаются.

Модератор: Все там есть. Это очаги татарской культуры. Собственно говоря, мечеть во времена Пророка нашего, ислама это же была не молельная, а место политического действия, место сбора, место общественно-политической дискуссии.

Ильдар Аюпов: Ну и баня, знаешь ли... Давай бани везде строить теперь! Баня тоже была местом общественных дискуссий.

Ильшат Рахимбай: В Финляндии до сих пор...

Модератор: Дело не в этом, я не призываю строить, я призываю к тому, чтобы уделить этому серьезное внимание.

Ильдар Аюпов: А в стратегии-то как обозначить этот момент?

– А в стратегии очень просто: например, встает вопрос... Вот там прописывают, что такое духовные ценности. А вот что это такое? На что мы должны опираться? Это же очень размыто там.

Ильдар Аюпов: Ты говоришь, например, о том, что татарам свойственен, допустим, ислам. Что ты скажешь 50% детей, которые максимум будут агностиками, а в основном – атеистами? Что они не татары стали вдруг?

Модератор: Нет, они стали татарами. Я же говорю, что здесь надо выстраивать систему ценностей. Так как у нас нет доктринальной части, мы и спорим о том, кто такой татарин. Кто он такой? А это нужно прописать, во-первых. Во-вторых, что такое агностик? У нас большая часть даже мусульман – агностики.

Айрат Файзрахманов: Это как раз о том, что у нас абсолютно разные наборы этнических маркеров.

Модератор: Этнический маркер – это понятие, которое варьируется. Но есть четкий механизм. Вот нам Коран говорит: мы создали вас народами, чтобы вы познавали друг друга. Есть устойчивые вещи, как концепт. Но мы же должны объяснить, что такое концепт нации.

Ильшат Рахимбай: А как это внедрять? Никак сейчас в наше время. У нас молодежь не собирается, а сидит по домам.

Римма Бикмухаметова: Через Интернет.

Ильдар Аюпов: Скачать татарина (смеются).

Эльмир Низамов: 98% – и зависло.

Модератор: Не надо же русскому объяснять, что он русский. Он говорит: «У меня есть великая русская культура, у меня есть Пушкин, у меня есть Мусоргский».

Эльмир Низамов: Русские вообще об этом не думают.

Айрат Файзрахманов: Но этих вещей никто не будет отрицать – про Тукая и «Туган тел»...

Гульназ Бадретдин

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/418983>,

31 марта 2019.

* * *

Руслан Айсин

«С ИСТОРИЕЙ ТАТАР ПРОИСХОДИТ ПРЕСТУПНЫЙ ПОДЛОГ НА ПРОТЯЖЕНИИ СТОЛЕТИЙ»

Широкое движение краеведов, которые могли бы втягивать в орбиту своей деятельности общественные силы, может стать ведущей силой обновления национальной жизни и мысли, считает политолог Руслан Айсин. Особенно в условиях понижения политических акций Всемирного

конгресса татар и безмолвия Института истории АН РТ. Автор «БИЗНЕС Online», вспоминая съезд татарских краеведов, случившийся на этой неделе, призывает ученых забыть личные обиды и работать ради будущего нации.

*«ВЛАСТЬ ИМУЩИЕ С БОЛЬШОЙ НАСТОРОЖЕННОСТЬЮ ОТНОСЯТСЯ К
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЕВЕДОВ»*

Татарский этнос раскинут по всей широте большого Евразийского континента. Это, с одной стороны, формирует у татар принцип необходимой мобильности, подвижности, с другой же – затрудняет консолидацию и выработку неких общих подходов в решении стоящих перед нацией задач. Ведь у каждой локальной группы татар свои особенности, проблемы.

Центр, которым выступает Казань, не всегда способен добраться до их нужд, необходимым образом вникнуть во все тонкости их бытия. Этим должен заниматься кто-то на местах, тот, кто держит руку на пульсе национальной жизни. Такими посредниками обычно являются подвижники, историки, общественники, которые берут на себя задачу по архивации, изучению, популяризации культуры и обычаев народа. На их плечи ложится основная обязанность по сохранению очага национальной жизни.

Своеобразие каждой территории придает местная культура и история. Раскрытием этого аспекта и занимаются работники краеведческих музеев и краеведы. Стоит сказать, что краеведение – уникальное явление. Не наука в полноценном значении, но, безусловно, входящая в состав исторической дисциплины; не профессия, но состояние души. Работа краеведа непроста. Она реанимирует из забвения, вводит снова в культурный обиход сотни давно забытых имен, событий, преданий, топонимику, восстанавливает порванную ткань времени и традиции, воспитывает чувства патриотизма к малой родине.

К сожалению, власть имущие с большой настороженностью относятся к деятельности краеведов и редко проявляют инициативу в повсеместной поддержке. Часто свои труды они издают на собственные средства или на деньги спонсоров, выходцев из этих мест. Скорее всего, идеологи интуитивно руководствуются тем, что краеведение в определенном смысле грозит историческими разоблачениями, невыгодными сопоставлениями с предшественниками, тем, что оно пишет историю сегодняшних времен. Не официально-приукрашенную, подведенную под политические и идеологические нужды текущих интересов, а настоящую, живую, дышащую народной памятью. Только краевед, непосредственно вовлеченный в изучение локальной истории, расставит акценты для будущих поколений о событиях сегодняшнего дня и многие, кто считает себя главным и важным, на поверку окажется в истории второстепенным и посредственным участником. Историю пишут сильные и победители.

История – это мощный инструмент идеологической мобилизации, манипуляции и обоснования тех или иных решений. «Историческая справедливость», «историческое право», «историческая необходимость» и т. д. В этих формулировках лежит громадная по силе и значению сущность: они могут менять ход вещей, влиять на глобальные события, быть причинами войн, ссор, конфликтов и предрассудков, влияющих на поколения людей.

«ВО МНОГОМ ЗНАТЬ ТОГО ВРЕМЕНИ БЫЛА ГЕНЕТИЧЕСКИ ТЮРКСКОЙ»

С историей татар вообще происходит преступный подлог на протяжении столетий. Самый живучий миф – о том, что «татарское иго» изолировало Россию от Европы. Известная байка, сочиненная казенными историками времен Романовых, которые сами олицетворяли «романо-германское иго» (по Н. Трубецкому). Именно со времени, когда к власти пришел Петр I и привел в свой двор большое количество западноевропейских специалистов и сановников, и начинается бурное выстраивание новой идеологической конструкции.

Оно и понятно. Им надо было обосновать собственное положение в государственной иерархии и прозападный вектор внешней политики монарха. Главная мысль, которую проводили варяги с запада, заключена в следующем: прошлое страны было темным и мрачным по причине того, что

«проклятые татары-басурмане захватили власть в стране». Все беды от них. Романовская историография из кожи вон лезла, чтобы представить этих подданных «спасителями» и «учителями, которые несут свет просвещения в противовес восточному мракобесию».

Хотя во многом знать того времени была генетически тюркской. Даже мать Ивана Грозного Елена Глинская была крещеной татаркой. Так же, как и спасший страну от интервенции поляков в 1612 г. дворянин Минин.

Именно Золотая Орда спасла Русь от покорения католической Европой, чего очень боялась православная церковь. Дело в том, что турки-мусульмане не ставили задачу рекрутировать славян в свою веру, а Ватикан такую цель ставил. И война с крестоносцами в XIII–XIV вв. – яркое тому свидетельство. Александр Невский приветствовал власть Орды, ибо считал, что только она в состоянии сдерживать натиск «католических вероотступников». Падение Золотой Орды привело к интервенции со стороны Польши, Швеции в период великой смуты.

Стоит раскрыть еще одну «страшную тайну»: основе государственной системы России, имперского мышления лежала Золотая Орда, по историческим следам которой следовала и строилась империя. Да и двуглавый орел, герб России, перекочевал не из Византии, а от Чингизидов. Древний источник под названием «Дафтаре Чынгыз наме» повествует о том, что двуглавый орел (Икебаш Каракеш) принадлежал роду Чингисхана, был его тамгой. Да и все известные евразийцы (Гумилев, Трубецкой и др.), которых сейчас пытаются вмонтировать в официальную идеологию, всегда заявляли о восточном генезисе российской цивилизации. В общем, «поскреби русскоо – найдешь татарина».

«ИЗ-ЗА ЭТОЙ ЛИЧНОСТНОЙ ОБИДЫ СТРАДАЕТ ДЕЛО. ДЕЛО НАЦИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА»

Что касается самого съезда татарских краеведов, случившегося на этой неделе, то тут не меньше пищи для интеллектуальных размышлений и оргвыводов. По сути, после понижения политических акций Всемирного конгресса татар, безмолвия Института истории АН РТ не осталось видимых организованных структур татарского общественного представительства на большом уровне. Горизонтальные связи есть, это факт. Идеологический центр не может полноценно выполнять задачи по оживлению национального движения, он сам сейчас в кризисе. И, в принципе, широкое движение краеведов, которые могли бы втягивать в орбиту своей деятельности общественные силы, может стать ведущей силой обновления национальной жизни и мысли.

Краеведы работают непосредственно на местах, знают все тонкости сообщества, погружены во все нюансы и выступают своеобразными лидерами общественного мнения. Вот вам готовые организаторы и предводители!

То, что Казань не уделила должного внимания этому оформленному в живую структуру движению, подтверждает следующий факт. Из всего начальственного аппарата на съезд прибыла только заместитель председателя Госсовета РТ Римма Ратникова. Это же фиксация отношения руководства. А к примеру, на съезд татарских фермеров приезжает Президент Татарстана. Ни в коем случае не хочу сказать, что фермеры не важны. Нужны и важны все. Краеведы – это идеологическая база, в то время как фермеры (тоже работающие, кстати, на земле) – это хозяйственно-экономическая база татарской жизни. Не участвовал в съезде и глава общества краеведов РФ, член «Милли шура», бизнесмен Камиль Аблязов из Саратова. В свое время его стараниями проекту дали ход. Теперь же Аблязов как-то ушел в тень. На этот счет ходит много слухов. Плодить их здесь не будем – может, он вскоре сам прояснит ситуацию.

Странное отношение к этому движению и у директора Института истории АН РТ Рафаэля Хакимова, который, как выяснилось, запретил сотрудникам своего учреждения посещать съезд. Хотя они по роду своей профессиональной деятельности должны были быть там, где собрался актив людей, изучающих историю татар на местах. Получается, что Хакимов просто решил таким вот образом ответить своему оппоненту Дамиру Исхакову, который считается идеологом этого движения и одним из его организаторов. Но ведь из-за этой личностной обиды страдает дело. Дело на-

ционального масштаба. Академику Хакимову стоит все же быть выше всего этого, откинуть прочь распри, забыть обиды и ради будущего нации работать. История иначе не простит этого.

До сих пор нет понимания, что происходит с проектом написания пятитомника истории татарских сел России, которое курирует хакимовское учреждение. Прошло пять лет. Но за это время нет даже концептуальной проработки этой темы, какие методологические механизмы должны быть заложены при написании этого масштабного исследования. Все-таки это большой научный труд, а не публицистическое описание. При этом Институт энциклопедии Академии наук Татарстана пишет свою историю татарских сел Поволжья. Однако никакой научной координации между ними нет, как нет и общей концептуально связующей методологии. По большому счету, вопросом координации могла бы заняться сама Академия наук. Но нет.

У нас всегда так: в одном месте – безальтернативная вертикаль, в другом – рассыпавшаяся в хаосе горизонталь. Главное, чтобы краеведы не остались с краю...

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/378140>,
7 апреля 2018.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«КАКАЯ СУДЬБА ОЖИДАЕТ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В НОВЫХ ФГОСАХ?»

Известие о том, что не более 5% от всего количества выпускников 9-х классов в РТ выбрали татарский язык в качестве выпускного экзамена, снова всколыхнуло татарстанский Интернет. Автор «БИЗНЕС Online», руководитель центра независимой оценки качества образования Айрат Файзрахманов в своем материале предлагает выдавать в республике языковой сертификат тем, кто сдает в школе экзамен по татарскому языку, чтобы мотивировать учеников.

«УЧИТЕЛЬ ТАТАРСКОГО – ЭТО ПРОФЕССИЯ, КОТОРАЯ НЕ СКОРО ОКАЖЕТСЯ ВОСТРЕБОВАННОЙ»

Известие о том, что ничтожно малое количество выпускников 9-х классов (несколько десятков), которые выбрали татарский язык в качестве выпускного экзамена, снова всколыхнуло татарстанский Интернет. Правда цифры исправились, но и 1285 учеников – это не более 5% от всего количества выпускников. Да и в этом случае число продолжает казаться очень маленьким. Отсюда делается вывод, что якобы без министерского нажима татарский язык детям особо не нужен.

Согласиться с этим тезисом невозможно. Да, сам предмет во всей языковой эпопее потерял многое. Особенно пострадало преподавание татарской литературы. Кто-то отказался от предмета. По учительским кадрам был нанесен страшный удар. Но это не значит, что татарский язык оказался ненужным предметом.

Предмет по выбору – это то направление, в котором, как правило, хочет специализироваться в будущем ученик. Получается, что татарский язык сдают те, кто связывает свою профессию с применением татарского языка? Новая волна будущих татарских журналистов и филологов? Но набор на татарскую журналистику крайне мал, конкурс небольшой, а учитель татарского – это профессия, которая не скоро окажется востребованной. Это первая аудитория учеников, и она крайне ограничена по количеству. В этом отношении позиции татарского языка надо сравнить, например, с русской литературой. Там число желающих вдвое меньше! Вероятно, вторая аудитория желающих сдать татарский – это те, кто посчитал, что это легкий предмет и его помогут сдать на удовлетворительную оценку. Третья аудитория, как выразился один из директоров школ, – это «национально-ориентированные дети». Тем, кому принципиально показать интерес к родному языку.

Конечно, прошлогоднее решение Минобразования, когда все 9-классники сдавали татарский язык, было сложным с технической и мотивационной точки зрения, но правильным с точки зрения

обеспечения равноправия языков. Опять же это международная практика по поднятию статуса языка. Без четкой государственной политики, если хотите, без «административного нажима», сделать это не представляется возможным. Пока школа остается единственным массовым социальным институтом, который может и обязан обеспечить гражданам знание государственных языков в республике.

Сейчас Татарстан грубо одернули. И теперь в обучении детей татарскому языку остается искать только пряники. Экзамен, стрессовая проверка знаний – это мотиватор, который разрешено включать только на добровольном основании. И цифра в 1285 желающих сдать татарский язык, плюс иные родные языки, используемые в Татарстане – с этой точки зрения это вполне приличный показатель. Надеемся, что в следующие годы будет найдена правильная мотивация и эта цифра возрастет.

«В ЭТОМ СЛУЧАЕ МОЖНО БЫЛО ИСПОЛЬЗОВАТЬ СЕРТИФИКАЦИЮ ЗНАНИЯ ЯЗЫКА»

Аттестация – всегда сильный мотиватор для того, чтобы подтянуть знания. И для татарского языка ни в коем случае нельзя этот мотиватор исключать. В этом случае можно было использовать сертификацию знания языка. То есть если ученик сдает в 9-м классе татарский язык, он может получить языковой сертификат, верифицированный Республикой Татарстан. Это «вкусный пряник». Для тех, кто в 9-м классе выбрал другие предметы, надо предоставить возможность получить такой сертификат, пройдя экзамен в 10-м классе. Языковой сертификат, с четкой градацией уровня владения (базовый, продвинутый, профессиональный), мог бы стать дополнительным элементом портфолио для работодателей в Татарстане. В сертификацию можно было бы внедрить языковой стандарт для тех или иных профессий.

Подобные центры сертификации, запущенные на основе государственно-частного партнерства, часть – на базе школ, могли бы в дальнейшем сертифицировать и граждан любых возрастов. Центры сертификации могли бы обучать татарскому языку представителей сферы обслуживания в Татарстане. Например, короткие языковые курсы, тренинги, направленные на знание 100 расхожих фраз и 100 базовых слов на татарском. Сейчас же грустно видеть татарские кафе, магазинчики с национальными названиями в Казани, в которых персонал не может даже поздороваться на татарском языке. Получается эдакая бездушная эксплуатация татарского фактора. Татарский язык зачастую интересен туристу, не говоря уже о том, что для половины жителей Казани это родной язык, язык души. В Татарстане проживают более 200 тыс. трудовых мигрантов, большинство – выходцы из республик Средней Азии, для получения патента они сдают тест на знание русского языка. Но требования к знанию ими татарского языка в Татарстане отсутствуют, хотя этот язык им близок и им бы не составило особого труда показать знание родственного языка. Возможно, через татарский язык адаптация мигрантов в Татарстане происходила бы комфортнее.

Конечно, сертификаты не панацея, но мне они представляется тем способом, который бы восполнил некоторые пробелы в языковой ситуации.

«Наши профильные депутаты эту «детскую» проблему решить не могут. При всем том лобби, которое имеет республика, – целый Комитет Госдумы по делам национальностей под руководством Ильдара Гильмутдинова»

«ПРОВАЛ ДЛЯ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТАТАРСТАНЕ»

Все же наиболее обидное в отчетах Министерства образования – это крайне низкое количество учеников, выбравших сдачу экзаменов ОГЭ на татарском языке. Всего 73 ученика на всю республику! Это еще раз доказывает, что обучение в татарских школах идет на русском языке. И вот это – провал для системы национального образования в Татарстане, который требует большего осмысления. В прошлом году это число составляло 393 человека, что считалось абсолютно неприемлемым результатом. Хотя образование (по отчетам) эти дети получали именно на татарском языке. Ученики, сдающие экзамены по математике на татарском, становятся экзотикой. Не за горами тот

день, когда скажут, что из-за 10 человек мы не готовы переводить такое количество контрольно-измерительных материалов.

Это число гораздо ниже, чем в советское время, когда в столице Татарстана оставалась всего одна школа на татарском языке. Но при этом существовали школы в районах, и дети сдавали выпускные экзамены на татарском языке! В этом отношении татарское национальное образование чувствует себя хуже, чем в Советском Союзе. По отчетам все прекрасно, а по факту ситуация ухудшается. Мы теряем еще одно поколение. В последнее десятилетие произошел очевидный перелом – сегодня детям даже в сельских районах Татарстана кажется более простым экзамен ОГЭ сдавать на русском языке.

И вот здесь точно одних административных методов недостаточно. Важно убеждать родителей, разговаривать с ними, ведь причина такого бедственного положения – боязнь, что ребенок чего-то недополучит, если будет обучаться и сдавать экзамены на татарском языке в татарской (!) школе.

Хотелось бы указать еще одну кричащую проблему для национального образования в Татарстане. Выпускники начальной школы, получившие образование на татарском языке, сдают все-российскую проверочную работу (итоговый экзамен) не на том языке, на котором они обучались. Проблема характерна для всех национальных республик. Что делает учитель начальных классов в этом случае? Для успешной сдачи ВПР переходит с татарского на русский язык обучения.

И вот, к сожалению, наши профильные депутаты, чиновники эту «детскую» проблему решить не могут! При всем том лобби, которое имеет республика, а это ни много ни мало – целый Комитет Госдумы по делам национальностей, который возглавляет Ильдар Гильмутдинов.

«В рамках же дисциплины «татарский язык» вместе преподается два предмета: сам язык и литература, которая оказалась сильно урезанной в часах»

«СКОРО УЧЕНИКИ, КРОМЕ ДВУХ СКАЗОК ТУКАЯ, НЕ БУДУТ ЗНАТЬ НИ ОДНОГО ДРУГОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Еще одна, возможно, даже более важная новость для образования, которая оказалась незамеченной в Татарстане: готовится новая редакция федерального государственного образовательного стандарта начального и основного общего образования. Непонятно, какая судьба ожидает татарский язык в новых ФГОСах. Как в этом участвовали субъекты Федерации – и особенно национальные республики? Как решаются накопленные проблемы?

Есть множество нерешенных вопросов. Во-первых, как уже говорилось, это сдача ВПР на государственных языках республик. Во-вторых, Татарстан множество раз ставил вопрос о преподавании татарского языка в качестве такой дисциплины, как «Государственный язык национальных республик». И это требование должно быть закреплено в федеральных стандартах. В-третьих, во ФГОСах необходим отдельный предмет «Родная литература». Как известно, предметы «Русский язык» и «Родной язык» – не эквивалентные категории. Русский язык преподается сугубо как предмет языкознания, при этом русская литература – это отдельная дисциплина. В рамках же дисциплины «Татарский язык» вместе преподаются два предмета: сам язык и литература, которая оказалась сильно урезанной в часах. Скоро ученики, кроме двух сказок Тукая, не будут знать ни одного другого произведения татарской литературы. В-четвертых, нынешние ФГОСы приводят к тому, что преподавание истории родного края сведено на нет. Ученики лишены полноценной возможности получить систематические знания по истории и географии Татарстана, Казани. Сходные проблемы у предмета «Окружающий мир» для учеников начальной школы. Взгляните на учебник и вы будете обескуражены явным этнокультурным дисбалансом в соответствующих разделах.

И это неполный список проблем. Уверен, профессиональное сообщество скажет об этом больше. Не стоит забывать, что, по Конституции Российской Федерации, образование – это сфера совместного ведения федерального центра и субъектов Федерации.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/377936>,
8 апреля 2018.*

«ЗАБВЕНИЕ ЯЗЫКА – ЭТО РЕКВИЕМ ПО СВОЕМУ БУДУЩЕМУ»

В будущий вторник Госдума рассмотрит в первом чтении проект закона о добровольном изучении родных языков в школах, вновь всколыхнув и без того бурные дискуссии на эту тему. Между тем, по мнению политолога Руслана Айсина, нынешняя ситуация привела к пониманию того, что сохранение воли в отстаивании своих интересов – это залог будущего республики, а субъектами процесса становятся не просто местные элиты, а те, кто формирует идеологическую повестку, обнаруживающую себя через языковую проблематику.

«ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМИРОВАЛА ЗАСНУВШИЙ НАРОД В ГОРДО РАСПРЯМИВШЕГОСЯ ХОЗЯИНА СУДЬБЫ»

Баталии вокруг федерального законопроекта о добровольности изучения родных языков в школе по большому счету стали катализатором серьезных общественно-политических подвижек. Хотя Госдума, вернее, стоящая за ней Администрация Президента РФ напринимала кучу всяких, как говорят товарищи с коммунистическим партбилетом, антинародных законов, но они не вызвали в регионах столь мощного гражданского негодования. Значит, тема не до конца понята и осмыслена кремлевскими администраторами во главе с последователем гуру-методолога Щедровицкого – Сергеем Кириенко. Методологи имеют свойство разлиновывать все процессы в клеточки, их наивное представление о многомерной реальности укладывается в эти самые квадраты. Кириенко, видимо, искренне и, чего греха таить, не без основания считал, что и «языковой вопрос» общественность проглотит. И даже странно, что он не понял субъектности «языкового вопроса». Из объекта, то есть из фактора, на который воздействуют, языковая проблематика породила субъект, то есть того, кто сам оказывает влияние. Мы тут недаром пытаемся расширить концептуальное понимание этой проблемы, потому что очевидно она перехлестывает за границы политического или филологического аспектов. Язык – это сфера особой экзистенции, которая сама выступает очагом смыслового горения. Скорее всего, это вещь иррациональная, потому как она напрямую связана с принципом мышления и мысли, а над этими сущностями, точнее, над разгадкой их феномена бьются мыслители самого высокого калибра не одно столетие. Поэтому Кириенко и его многочисленный экспертный двор и не смогли спрогнозировать последствий языкового кризиса.

Как известно, неформальным гимном татар является, пожалуй, самое известное стихотворение «нашего всего» Габдуллы Тукая «И туган тел» («О, родной язык»). Ведь и стихотворения тоже отнесены к сфере нерационального, у них особая биохимия слова, никто не может нам однозначно сказать, почему в одном случае сочетания слов воздействуют на умы и сердца миллионов, а в другом остаются ничего не значащими крючочками на листе бумаги. Метафизику этой трансформации понять сложно, но можно увидеть, что именно языковая проблема трансформировала заснувший народ в гордо распрямившегося хозяина судьбы. Каким-то особым чувством улавливает коллективная душа народа, что забвение языка – это реквием по своему будущему, это предательство по отношению к наследию предков, по отношению к истории, к Тукаю, наконец!

«НЕКОТОРЫЕ ПИШУТ, ЧТО МОСКВА ЧЕРЕЗ КАЗАНЬ «ЗАБАЛТЫВАЕТ» ИЛИ СЛИВАЕТ ПРОТЕСТ»

В свое время было модным понятие «дефетизм», или «пораженчество», подразумевающее публичное сомнение в военной победе. Но это понятие шире – оно в целом описывает психологическое настроение безвольно-конформистских людей, которые свое нежелание бороться и сопротивляться демагогически камуфлируют под всякого рода конспирологические конструкции, что,

дескать, борьба бесполезна, все решено, вас разводят, вас используют как пушечное мясо. Обычно это элементарная манипуляция, прикрывающая безволие и интеллектуальную слабость такого «критика».

С типичным примером подобного рода мы сталкиваемся сейчас, когда Татарстан находится на острие борьбы за родной язык. Помимо пресса со стороны федералов, снизу доносятся истеричные пораженческие крики этих самых безвольных конспирологов. В чем заключена их критика? Она всего лишь повторяет в несколько иной словесной конфигурации те конспирологические вопли, которыми полнится сегодня российское медиаполе. Включишь телевизор (бывает, находит и такое безумие) – там участники ток-шоу все происходящее в стране и в мире объясняют примитивной конспирологией в духе «все проблемы инспирированы врагами». Вот и наши доморожденные пораженцы вторят им: борьба за язык бесполезна, это разводка. В качестве доводов приводятся наивные объяснения: власть монолитна, внутри нее не может быть никаких рассогласований, если Минниханов и «рыпается», значит, так приказал Путин, а если Чечня якобы выступает вразрез позиции Москвы, то это значит, что тоже приказал Путин.

Некоторые пишут, что Москва через Казань «забалтывает» или сливает протест. Утверждающие так люди упорно не понимают главного посыла, которым руководствуется власть: не создавать протестных завихрений, потому что стихийная масса и «народная любовь» – вещи не всегда политтехнологически регулируемые. Для чего же, по их мнению, они тогда создают потенциальную возможность для поднятия энергии общественного недовольства? Чтобы потом ее же и сливать?! Нет здесь логики. А власть действует всегда рационально, потому что механизм как система всегда подотчетен строгим правилам, законам – не юридическим, конечно.

Сознание людей, претендующих на то, чтобы выступать в роли выразителя общественного мнения, сильно деформировано примитивной концепцией конспирологии. В действительности это очень удобная методология, которую, как вещицу в кармане, можно выволакивать наружу при любом удобном случае. Не надо проявлять силу воли – объясняешь все конспирологией, не надо производить умственные операции – вытащил «из широких штанин» конспирологию и заткнул ею рот оппоненту. Критики утверждают, что власть монолитна, как бетон, что нет в ней разрывов, переходов, внутренних противоречий. В обывательском смысле все так и есть, но любой понимающий механику взаимодействия внутриэлитных, межгрупповых и просто общественных отношений ответит: всякий механизм состоит из деталей, шестеренок, приводных ремней, рычагов и т. д. Система – это механизм. Но даже внутри системы всегда существуют трения, противоречия, конфликт интересов. Никто же не сомневается в том, что российская система власти – это многокомпонентный, сложный механизм и он тоже подвержен коррозии, старению, выпаданию отдельных деталей, сбою и нарушению субординации деталей.

*«НИКТО НЕ МОЖЕТ ОТРИЦАТЬ ТОГО, ЧТО ТАТАРСТАН ВСЕГДА ВЫДЕЛЯЛСЯ ИЗ
ОБЩЕГО ХОРА И ИМЕЛ СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»*

По логике пораженцев, РТ не имеет собственной политической субъектности и не может выражать самостоятельную позицию. Да, она не такова, какой была в 90-е и 2000-е, но никто не может отрицать того, что Татарстан всегда выделялся из общего хора и имел собственное мнение. Политика – это искусство возможного. Элита Татарстана, может, и не действует так, как мы хотим, но обвинять ее в полном бездействии с учетом нынешней позиции Госсовета тоже неверно. Делают то, что в узком коридоре возможностей реализуемо.

Мы видим здесь, что в определенный момент интересы политической элиты республики вошли в резонанс с интересами граждан, ратующих за сохранение родного языка. Эта проблема шире. Язык – это лишь та красная черта, которую Татарстан переступить не может. Все эти годы он только и делал, что отступал. Главное, появилось понимание, что сохранение воли к отстаиванию собственных интересов, формирующих сакральный центр идеологического бытия, – это залог будущего республики, так как за атакой на родные языки стоит желание определенных номенклатурных групп ликвидировать успешные и богатые республики (санкции заставили олигархические

группы искать источник наживы внутри страны), перекроить административно-территориальное устройство федерации.

Собственно говоря, хотя бы того республиканские элитные группы или нет, но история тащит всех, и их в том числе, по своему пути. Не они становятся субъектом, а те, кто формирует идеологическую повестку, которая сегодня обнаруживает себя через языковую проблематику. И уже элиты вынуждены подстраиваться под эти обстоятельства. На самом деле это очень важный и, наверное, на данном временном отрезке еще не осознаваемый рубеж, который будет иметь в ближайшие годы определяющее значение.

Федеральный центр в момент политической перестройки в целях трансфера «путинской власти» в новую конфигурацию будет искать точки опоры. А опираются на то, что сопротивляется. Точки опоры «пост Путину» нужны будут для того, чтобы новая политическая реальность не рассыпалась вследствие демонтажа старого каркаса, который держался на факторе «старого Путина». Избежать этого можно только путем поиска новой модели, потому как старая с уходом «вертикали Путина» не сможет выступить в качестве плавного переходника. Скорее всего, на место вертикали придет горизонталь федеративных отношений. Другого пути нет. Нынешний путь уже загнал локомотив «Россия» в тупик.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/385713>,
17 июля 2018.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ЗАКОНОПРОЕКТ ПРОТИВ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ – ТОЛЬКО МАЛЕНЬКАЯ КАПЛЯ В МОРЕ ПРОБЛЕМ...»

Недавний «круглый стол» в Москве противников законопроекта о добровольности родных языков получился резонансным. Автор «БИЗНЕС Online» Айрат Файзрахманов отмечает, что их услышали на федеральном уровне – была развернута массированная информационная кампания за законопроект «о второсортных» языках: в ход пошли бьюти-блогеры, рекламные тексты в социальных сетях, сюжеты на центральных каналах, направленные в основном против нашей республики.

«СТОИЛО В КОНЦЕ 1970-Х СОЮЗНОМУ ЦЕНТРУ ПОДНАЖАТЬ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ И ЯЗЫКИ, КАК ЭТО СТАЛО ОДНИМ ИЗ ФАКТОРОВ РАСПАДА СССР»

Круглый стол по защите родных языков, ставший одновременно и учредительным форумом демократического конгресса народов России, вполне закономерно выявил широкий спектр этнополитической проблематики в стране. Это и ликвидация системы общего образования на родных языках, исчезновение языков коренных малочисленных народов, противопоставление русского языка и языков республик, отсутствие какой-либо самостоятельности регионов в вопросах образования и в целом – ассимиляционная модель языковой и национальной политики, выхолащивание федерализма. Законопроект Госдумы против родных языков – лишь одна из цепочек в череде событий, связанных с кризисом языковой политики в стране.

Сегодня путь к формированию единой российской нации в многонациональной стране почему-то стал возможным только через давление на родные языки. Очень топорно и просто. Видимо, понятие «диалектика» – не для современных российских идеологов. На этом фоне советская национальная политика кажется многим более выверенной и благосклонной к национальным культурам, чем в современной России. Повторю расхожий тезис: стоило в конце 1970-х союзному центру поднажать на национальные школы и языки, как это отозвалось на межнациональных отношениях, а потом стало одним из факторов распада СССР.

С течением времени национальных проблем не стало меньше, как бы ни хотелось многим. Поэтому участникам «круглого стола» постоянно приходилось выходить за рамки «законопроекта о второсортных языках». Не примут закон, так придумают еще какую-нибудь «хитрость». Да и с имеющимся законодательством, по признанию участников, языковая унификация неизбежна.

В этом смысле Татарстан здесь далеко не самый бурлящий регион. Судя по выступлениям участников, республики Северного Кавказа переживают языковую ситуацию более эмоционально. Здесь все острее, родные языки в последнее время стремительно теряют свои позиции. Образование на родных языках отсутствует, даже в Чечне. При этом надо помнить, что свято место пусто не бывает, молодежи всегда нужно пространство для самовыражения, а с утратой языка и четких этнических ориентиров приходят или философия безудержного потребительства, ради которой ее приверженец готов покинуть родину, «продать» страну, или радикальная идеология, замешанная на чувстве социальной несправедливости. Особенно это актуально для более молодежного Кавказа. В то же время, как отметили участники «круглого стола», «они еле сдерживают молодежь», часть которой очень остро переживает нынешнюю языковую ситуацию. Кавказ – дело тонкое, и с ним шутить нельзя. Кстати говоря, в национальных республиках Сибири дела не лучше – место коренных российских народов, которые мало заботят федеральный Центр, занимают китайцы.

«ПОЧЕМУ-ТО БЫТУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО ЕСЛИ ОБЪЕДИНЯТСЯ ТАТАРЫ, БАШКИРЫ, ЯКУТЫ, ОСЕТИНЫ, ЧУВАШИ, ТО ОНИ НЕПРЕМЕННО РАЗВАЛЯТ СТРАНУ»

Появление осетинской школы во Владикавказе, открытой по инициативе главы республики, стало единственным событием, которое как-то скрашивает невеселый языковой ландшафт Северного Кавказа. При этом в Северной Осетии сокрушаются, что закрываются отделы осетинской литературы в книжных магазинах. Но и в Татарстане, в сердце Казани, убирают единственный магазин татарской литературы! Поэтому политике языковой унификации федерального центра способствует и политика, а вернее, ее отсутствие на местах. С трибун говорят, как они хотят сделать лучше, а на деле происходит «как всегда».

Круглый стол по защите родных языков выявил еще одну проблему: мы плохо знаем ситуацию у других народов, нам малоизвестны общественники других народов, мы не обмениваемся полезным опытом. Каждый варится в своем соку, каждый по отдельности пишет челобитные в Москву и каждый в итоге оказывается не услышанным. Более того, мы не знаем позитивных практик друг друга. Для нас стало откровением, что в соседнем Башкортостане организовалось массовое родительское движение за сохранение родных языков, члены которого теперь активно требуют с администраций учебных заведений соблюдения своих прав, входят в родительские комитеты, делятся между собой полезным опытом. В то же время Татарстану есть, что рассказать другим республикам о своих языковых практиках, но опять же есть опасения, что республику обвинят в мифическом сепаратизме.

Чего таить: было немало и тех, кто говорил: проведения «круглого стола» не допустят федералы, тесное сотрудничество республик и особенно горизонтальные связи для «них» якобы неприемлемы. Получается настоящий сговор национальной интеллигенции против национальных интересов России. Почему-то бытует мнение, что если объединятся татары, башкиры, якуты, осетины, чуваша, то они непременно развалят страну, даже если при этом они будут говорить о Российской Конституции, федерализме и языковой политике. А если они заговорят о законодательстве своих республик, то это уже будет полный сепаратизм. Страх и тотальное недоверие теперь дошло и до такого почти параноидального уровня. Еще один момент: представители федеральной власти вслух вот уже 10 лет говорят о том, что национальные школы – это угроза национальной безопасности страны. Хотя даже в годы сталинских репрессий не было такой национальной школьной политики, а теперь даже родные языки оказались в ряду врагов.

«ПОЛУЧАЮТСЯ ЭДАКИЕ РОССИЯНЕ, КОТОРЫЕ НА ВЫХОДНЫЕ РЯДЯТСЯ В АБОРИГЕНОВ С БУБНАМИ И ПОЮТ ДИФИРАМБЫ ДРУЖБЕ НАРОДОВ»

Коллективная Москва также варится в своем соку и строит свою национальную политику, плохо понимая специфику на местах. Для российских политических партий национальный вопрос и вовсе находится за гранью приоритетов, для них эта сфера – дремучие дебри. С точки зрения языковой ситуации, преподавания родных языков в школах в республиках очень разная ситуация, а законопроект Госдумы один на всех. Под одну гребенку причесывают и народы Крайнего Севера, и полилингвальный Дагестан, и моноэтничную Чечню, и Башкортостан с тремя практически равночисленными народами, и Якутию с ее развитой инфраструктурой национальных школ. Участниками «круглого стола» подмечено, что в случае принятия законопроекта Татарстан еще как-то попробует оставить повсеместно в школах родной язык в количестве одного часа (!), но многие республики не смогут у себя сделать и этого.

При этом существующие общенациональные площадки в виде ассамблеи народов России, федерального агентства по делам национальностей не вызывают доверия. Пока освоение бюджетов сведено к фольклорным фестивалям и культивации «единства российской нации». Получаются эдакие россияне, которые на выходные рядятся в аборигенов с бубнами и поют дифирамбы дружбе народов.

Именно по этим причинам народам России нужна общая политическая площадка. Именно поэтому необходим Демократический конгресс народов. Он нужен не только адыгам, удмуртам или бурятам, он нужен и русскому народу, потому как нынешняя языковая политика больно ударит и по русскому человеку. Кому-то понадобилось в нынешнее непростое время нарушить межнациональное спокойствие в республиках, а депутаты Госдумы взяли это дело под козырек. Обращает на себя внимание то, что провокации в сфере языковой политики идут одновременно с нарастанием внутренних противоречий и внешнего давления.

Надо признаться, нет никакого желания превращать язык и развитие культуры своего народа в политический фактор, но за нас уже давно это сделали. Поэтому представителям народов России, национальным романтикам приходится играть на политическом поле. Хочется спокойно заниматься развитием общественных национальных проектов, но когда у них отнимают будущих «потребителей», то приходится бороться за справедливые правила игры.

«КТО НАЧАЛ ВОЙНУ ПРОТИВ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ НЕ В КУРСЕ, ЧТО ПРОТИВ ЗАКОНОПРОЕКТА АКТИВНО ВЫСТУПАЮТ ДРУГИЕ РЕГИОНЫ. ДЛЯ НИХ ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК – ТАТАРСТАН»

Круглый стол получился резонансным, потому что в его основе лежали реальные языковые и национальные проблемы. Нас услышали на федеральном уровне и... через несколько дней развернули масштабную информационную кампанию за законопроект «о второсортных» языках. В ход пошли бьюти-блогеры, которых неожиданно стал волновать вопрос преподавания родных языков, а в социальной сети «ВКонтакте» стали продвигать рекламу для формирования «нужного» общественного мнения о языках.

Потом появилась совершенно безосновательная и насквозь лживая статья Романа Романова о Татарстане. Видимо, те, кто начал войну против родных языков, даже не в курсе, что против законопроекта активно выступают другие регионы. Для них главный противник – Татарстан. Буквально на следующий день появилась статья Ильи Ремесло «Разжигатели из Татарстана: кто и зачем пытается расшатать республику», в которой член Общественной палаты не удосужился даже проверить свой список разжигателей, часть которого в республике вызвал только гомерический смех. А вот на массы за пределами Татарстана такая манипулятивная статья произвела впечатление. И снова РТ для них – империя зла, единственный в мире регион, где якобы процветают националисты. Вслед за бьюти-блогерами на ресурсе «Регнум» (!) выходит интервью с муфтием от Чувашии и Москвы Альбира Крганова, который ратует за добровольность преподавания родных языков. Одновременно в Чувашии вышла длинная статья с интервью от инициаторов проекта о

том, как плоха «обязаловка» и как будет хорошо родным языкам от их законопроекта. Депутаты в свое оправдание рассуждают о фонде родных языков, который, заметим, никак не прописан в их законопроекте. Но зато это уже их аргумент. Обещать не значит жениться. И после недельной арт-подготовки, в четверг, практически одновременно выходят сюжеты на центральных телеканалах в поддержку законопроекта Госдумы.

«РУССКИХ В ТАТАРСТАНЕ ТЕПЕРЬ «ЗАСТАВЛЯЮТ» УЧИТЬ В КАЧЕСТВЕ РОДНОГО ЯЗЫКА ИМЕННО РУССКИЙ!»

Вот только аргументация у сюжетов оказалась из прошлого года и во многом неподходящая под нынешнюю ситуацию. Главный аргумент сюжетов – в республиках заставляют учить языки. При этом журналисты центральных телеканалов не удосужились узнать, что русских в Татарстане теперь «заставляют» учить в качестве родного языка именно русский язык! И «заставляют» учить в соответствии с поручением Президента РФ, постановлениями прокуратуры и федеральным законодательством, где «Родной язык и литература» являются обязательными для обучения (ответ ФАДН). И добровольность трактуется федеральными органами власти не как отказ от изучения родного языка, а как возможность его выбора! На этот счет имеется официальный ответ Федерального агентства по делам национальностей и Министерства образования и науки РФ.

Что касается излюбленного аргумента русскоязычных родителей о том, что русский язык как родной не имеет соответствующих образовательных программ, то, как оказывается, на сегодняшний день в реестре примерных образовательных программ размещена рабочая программа по учебному предмету «Русский родной язык». Оппоненты же не готовы ждать и года, пока будет апробирована такая программа, – им нужно торопиться избавить Татарстан и татар от татарского языка.

Еще один устаревший «аргумент», используемый в информационной атаке, о якобы худшем знании русского языка в республиках, хотя результаты ЕГЭ говорят об обратном! Нет ни одного исследования, которое бы подтверждало, что именно башкирский язык в Башкортостане приводил к худшему знанию русского языка. Кстати, если уж продолжать эту логику языкового противопоставления, почему по отношению к английскому языку в школе не используется формулировка «Преподавание и изучение иностранных языков не должны осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации»? Пока же законопроект говорит только о мифическом ущербе родных языков русскому языку.

Еще один момент – в качестве аргумента используются слова Владимира Путина о добровольности выбора языков. Тем временем речь в законопроекте идет именно о возможности не изучать предмет «Родной язык», и нам в качестве аргумента приводят совершенно иную ситуацию, ловко жонглируя словами Президента РФ (о выборе языка) в свою угоду.

Кроме того, в пику «круглому столу» по вопросам сохранения родных языков в Общественной палате Российской Федерации 4 июня (*вчера вечером стало известно, что его дата перенесена* – прим. ред.) пройдет закрытый «круглый стол», «посвященный соблюдению прав граждан на добровольное изучение родного языка». Обращают на себя внимание некоторые из заявленных тем и тезисов для обсуждения, которые говорят сами за себя: «соответствие практик преподавания русского языка и национальных языков требованиям законодательства, задачам стратегии государственной национальной политики, интересам этнических и социальных общностей» и «использование различных форм принуждения к получению образования на национальных языках – негодное средство для расширения использования национальных языков». Как ожидается, «круглый стол» подготовит свои рекомендации, и уже понятно, что за рекомендации будут от Общественной палаты – от органа, который, по идее, должен слушать и слышать аргументы субъектов Российской Федерации и разных групп общественности. Получится ли у этого органа слушать разные стороны, если пока ни один из участников «круглого стола» от 21 мая не приглашен на «круглый стол»? На него не приглашена даже руководитель Комиссии по образованию президентского совета по правам человека Анита Соболева, которая весьма аргументированно

выступила против данного законопроекта. Заметим, мы, в свою очередь, приглашали и инициаторов законопроекта, и представителей ассамблеи народов, и всех депутатов, и членов Общественной палаты.

Тем временем законопроект против родных языков – только маленькая капля в море проблем. И без него назрела необходимость выражения консолидированного мнения республик, народов России, как и 100 лет назад национальный вопрос становится в ряд первоочередных проблем страны. Что же мы видим сегодня? Новая стратегия национальной политики формируется практически без участия самих наций и широкой научной дискуссии. Вместо этого – одобрение имеющегося проекта единой российской нации имитационными структурами. В московских кабинетах решается, как и в каких пропорциях «сохранять» языки и культуры народов. Однако ассимиляционным курсом мы только увеличиваем фигу в кармане миллионов сограждан. Богатейшая история, национальная культура, литературное наследие народов России закрывается от взора россиян. В результате Кавказ предстает перед обывателем в образе бородатого боевика с автоматом, в то время как он имеет удивительную и многочисленную интеллектуальную элиту. А Татарстан рассматривается как логово сепаратистов, несмотря на все его акты лояльности. Сея такое недоверие и хаос в общем доме, они только расшатывают стеновой хребет государства.

Итак, пока профильные федеральные органы говорят об обязательности родного языка, депутаты Государственной Думы и пропагандистская машина считают иначе, путаясь и используя аргументы прошлого года. Посмотрим, смогут ли на этот раз лоббисты межнациональных противоречий в России «занести» свой доклад президенту. От этого зависит многое не только в республике, но и во всей стране.

«РЕЗОЛЮЦИЯ «КРУГЛОГО СТОЛА» СТАНОВИТСЯ ВАЖНЫМ ПРОГРАММНЫМ ДОКУМЕНТОМ В ЧАСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ»

Сейчас конгрессу народов важно сформулировать общую идеологическую платформу. Принципы уже заявлены – соблюдение Конституции Российской Федерации, языковое равноправие, реальный федерализм, национальная политика, основанная на учете интересов народов России. В этом смысле резолюция «круглого стола» становится важным программным документом в части языковой и образовательной политики. В завершение приведу те пункты резолюции, которые могут определить и дальнейшую стратегию Конгресса народов:

«...Мы решительно осуждаем политику деления народов и их языков на сорта и призываем соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные законы ради сохранения ее народов и России в целом как единой страны.

От Государственной Думы Российской Федерации мы требуем:

- Внести изменения и дополнения в федеральный закон «Об образовании» в части обеспечения конституционного права граждан на получение среднего (полного) общего образования на родном языке, с соответствующим кадровым и учебно-методическим обеспечением, разработать федеральную концепцию развития школ с обучением на родных языках (из числа языков народов РФ и государственных языков республик).
- Утвердить перечень языков народов России, являющихся национальным достоянием страны (языки в основном или преимущественно находящиеся на территории РФ или не имеющие статуса официального языка вне России).
- Внести изменения в закон «О языках народов РФ» в части обеспечения статуса официальных языков в РФ государственных языков республик РФ с обязательной публикацией федеральных нормативно-правовых документов на этих языках.

От правительства Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации мы требуем:

- Внести во ФГОС в качестве ключевых образовательных компетенций компетенции в области родного языка с государственной итоговой аттестацией выпускников 9-х и 11-х классов.

- Создать общероссийскую систему разработки, рецензирования и издания учебно-методических пособий на языках народов РФ.
- Организовать постоянный федеральный мониторинг и службу по созданию условий для изучения родного языка и обучения на родном языке детей народов РФ, включая подготовку билингвальных педагогических кадров, учебно-методических комплектов.
- Отменить положение о проведении итоговой аттестации учащихся средних общеобразовательных учреждений исключительно на русском языке.
- Закрепить преподавание учебной дисциплины «Государственный язык республик Российской Федерации» в инвариативной части учебных планов.
- Обеспечить особыми мерами поддержки языки коренных малочисленных народов, многие из которых нуждаются в срочной фиксации и ревитализации.
- Внести в федеральные государственные образовательные стандарты вузов и ссузов подготовку специалистов для преподавания родных языков, региональных предметов.

В рамках деятельности демократического конгресса народов Российской Федерации призываем:

- Организовать создание Родительских комиссий по работе с семьями и защите родных языков. Активизировать работу с широкой общественностью по пропаганде и сохранению родного языка, воспитанию подрастающего поколения на основе этнопедагогики.
- ...
- Подготовить и рассмотреть альтернативный вариант проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» с учетом специфики и действующих законов субъектов Российской Федерации».

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/384327>,
2 июня 2018.

* * *

Руслан Айсин

«ВАЖНЕЙШИЕ ИНСТИТУТЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА НАХОДЯТСЯ В СИСТЕМНОМ КРИЗИСЕ»

В конце прошлой недели в Казани прошел внеочередной съезд ВКТ и Форум татарских религиозных деятелей. По мнению политолога Руслана Айсина, эти мероприятия вновь зафиксировали отсутствие стратегического видения и четких целей в работе структур, объединяющих татар России и всего мира. Автор «БИЗНЕС Online» напоминает, что еще год назад шла речь о выработке стратегии развития татарского народа, и предлагает ряд мер, которые должен взять на вооружение ВКТ.

«Тихо, без особой помпы прошел внеочередной съезд Всемирного конгресса татар. Это характеризует состояние нынешнего конгресса, который политически и идеологически обессилен».

«У МЕНЯ НЕТ НИКАКОГО ПОНИМАНИЯ, КАК СООБРАЗУЮТСЯ И КАК ДЕЛЯТ ПОЛНОМОЧИЯ ФНКАТ И ВКТ»

Тихо, без особой помпы прошел внеочередной съезд Всемирного конгресса татар (ВКТ). Оптимисты ждали каких-то прорывных решений и заявлений, тем более что собрание проходило в самый разгар языковых баталий, в Госдуме принимали этот злополучный законопроект. Пессимисты и реалисты реально оценивали ситуацию. Формальным предлогом для внеочередного (или, как я писал ранее на страницах «БИЗНЕС Online», «усеченного») съезда стала необходимость внести изменения в устав организации, так как год назад были допущены какие-то процессуально-юридические ошибки.

Как бы печально это ни звучало, но такое рядовое, протокольное мероприятие по гамбургскому счету реально характеризует состояние нынешнего конгресса, который политически и идеологически обессил, обескровлен. И дело далеко не только в языковой проблеме, хотя ВКТ высказался лишь осенью прошлого года по этой теме и дальше как-то притих, а в том, что все важнейшие институты татарского народа находятся в системном кризисе, и мы сейчас проживаем пиковое его значение.

С другой стороны, встает резонный вопрос: а как быть конгрессу как главному представительному органу татарского народа в этих условиях? Ясно, что в лобовую атаку он идти уже не может, да и нецелесообразно это. Но он ведь может и должен выработать стратегию работы в этих непростых с политической точки зрения обстоятельствах. Год назад на суд курултая татар так и не был вынесен важнейший документ – стратегия развития татарского народа, но анонс об этом был. И непонятно в целом, каким идеологическим документом руководствуется ВКТ? Мы не берем здесь в расчет многочисленные мероприятия, которые идут по накатанной. Конгресс же не орготдел Кабинета Министров, чтобы носиться из одного конца страны в другой для организации сабантуев – сельских, федеральных, региональных, местных. У него иные цели и задачи: он, по сути, протопарламент татарского народа, его основной смыслоуказующий орган, политический субъект.

Роль такой рабочей лошадки, занимающейся организацией культмассовых мероприятий, должна быть отдана Федеральной национально-культурной автономии татар (ФНКАТ) во главе с депутатом Ильдаром Гильмутдиновым, который на волне языковой темы стал едва ли не главной официальной говорящей головой, озвучивающей консолидированную позицию Кремля, Госдумы и, надо полагать, ФНКАТ. Пока лично у меня нет никакого понимания, как сообразуются и как делят полномочия ФНКАТ и ВКТ. Их, конечно, формально собрали под один массивный зонт нацсовета «Милли шура», но в практической плоскости каких-то сдвигов не произошло. Есть дублиаж работы, нет разграничения функций. Кстати, сам Гильмутдинов на «усеченном съезде» не был.

«ЗАЧЕМ МУФТИЙ САМИГУЛЛИН ТАК ПОСТУПАЕТ?»

Прошел ровно год с памятного поручения Президента РФ Владимира Путина по поводу родных языков в школе и год с прошлого съезда ВКТ. Сделаны ли какие-либо выводы, проанализировано ли то, что нами утеряно, и есть ли видение того, как дальше двигаться? Не было этого на съезде, хотя год выдался архисложным и насыщенным. Он фактически развернул нас на 180 градусов от прежней позиции. Не хочу никого в этом упрекать. Пишутся эти строки не для того, чтобы в очередной раз упрекнуть Рината Закирова, Василя Шайхразиева или кого-либо еще. Дело не всегда в персоналиях. Повторюсь в который, как римский сенатор Катон, раз, что мы двигаемся по наитию в ночи с потухшей свечкой, вытянув от бессилия вперед руки.

Элита могла предположить (это ее обязанность – просчитывать), что ситуация в стране будет и дальше двигаться в сторону сворачивания демократии, федерализма и, напротив, разворачивания, словно старого одеяла из пыльного угла, великодержавности, гиперцентрализации, экономического удушья, клерикализации образования, культурной и семейной жизни. Но все были опьянены настоящим, погружены в сладостный мир внешнего благополучия. И вот грянул кризис, причем грянул он не среди ясного неба, тяжелые свинцовые тучи сгущались и собирались в грозный кулак над нами давно. Но все делали вид, что «вечно голубое небо будет вечно плыть над нами».

Говоря о кризисе, нельзя не упомянуть прошедший в дни «усеченного съезда» ВКТ форум татарских религиозных деятелей, который собрал свыше тысячи делегатов со всей Российской Федерации. Проходит он ежегодно. Мне удалось пообщаться с одним видным хазратом федерального масштаба, который посетовал на отсутствие содержательности мероприятия, стратегического видения, понимания целей и задач Форума. Это тоже тревожный симптом. Массовость не заменяет качества. Я сам приложил руку к организации первых форумов, готовил, в том числе итоговые документы и вижу, что за это время ничего не осмыслено, не сделано коррекций с учетом устрашающих кризисных явлений в религиозной и национальной среде. Идей свежих практически нет, многое делается ради красного словца, для галочки.

К моему большому удивлению, на Форум не был приглашен первый муфтий Татарстана, заложивший основы нынешнего ДУМ, один из лидеров национального движения 90-х Габдулла Галиуллин – статусный, уважаемый, опытный имам, которому есть что сказать, я уверен, в эти непростые времена. Сами же на каждом углу кричим о том, что надо опираться на мнение старших и брать у них совет, а в итоге делаем все наоборот. Муфтият ответил мне через одного человека, что для Галиуллина места нет, так как все занято. В то же время я беседовал с представителями нескольких делегаций, где были люди из регионов, не имеющие никакого отношения к религиозной сфере. Как они сами признались, были свободные места на выделенные квоты. Ну, вот зачем муфтий Камиль Самигуллин так поступает? Это позиция духовного лидера такая? Трудно поверить, что для уважаемого человека, много сделавшего для республики и татарского народа, не нашлось одного стула в зале вместимостью более тысячи человек.

Эти неприятные штрихи нужны для того, чтобы понимать, в каком кризисном состоянии мы пребываем. Внешне все блестит, а изнутри бушуют разъедающие ткань процессы.

*«ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НЕ РЕШАЮТСЯ ЭКОНОМИКОЙ, А
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ – КУЛЬТМАССОВКОЙ»*

Итак, по причине отсутствия широкой общественной дискуссии о путях и маршрутах дальнейшего следования Всемирного конгресса татар предлагаю ряд положений (частью ранее уже озвученных), реализация которых, на мой взгляд, жизненно необходима уже сегодня.

1. Как можно скорее надо сформировать при ВКТ центр мониторинга и юридической деятельности. Его основное назначение – отслеживание и выявление фактов нарушения национальных прав татарского населения в регионах РФ и своевременное юридическое вмешательство. А такие сигналы поступают постоянно. То в одном регионе, то в другом неправомерно закрывают татарские школы или вовсе не дают открывать их. То же самое с татарскими мечетями, есть проблемы у национального бизнеса, татарских общественных организаций. Да и прокол с уставом показал, что в мире, где торжествует печать и крючкотворство, без сильной юрслужбы никуда. В конце концов, можно «отломить» от бюджета Сабантуя считанные проценты и направить их на деятельность подобного центра. ВКТ вполне мог бы взять на себя организационную задачу по проведению постоянно действующих семинаров для таких юристов из регионов.
2. Создать совет экспертов при «Милли шура» с привлечением видных интеллектуалов татарского народа для выработки стратегии, обсуждения тех или иных волнующих нацию и республику актуальных вопросов. Короче говоря, значимость подобного органа объяснять излишне не стоит.
3. Развивать систему национальной территориальной и экстерриториальной жизни посредством института махалля, который позволил дореволюционным татарам достичь ренессанса в культурной, экономической и общественно-политической сферах. Обратите внимание, сейчас большая часть поселков в Казани и ее окрестностях – с преобладающим татарским населением. Буквально 20 лет назад было не так. Такие поселки, как Салмачи, Вознесение, Константиновка, Борисково и другие, в этнодемографическом плане изменились. Это настоящий татарский пояс, татары не могут жить без почвы, они генетически несут на себе печать хозяев земли. Данный факт органичен. Значит, там необходимо воссоздавать национальную инфраструктуру, открывать татарские школы, детсады, многофункциональные центры (библиотека, театральная зала). Существует закон о местном самоуправлении, где для таких территориальных сообществ открываются огромные возможности. Но нужна правильная и обдуманная программа. У величайшего современного просветителя Ильдуса Амирханова, 40 дней со смерти которого исполнилось сегодня, есть детально проработанная концепция татарской махалли. Я считаю, что это наиглавнейший документ, который надо брать за основу.
4. Отдельно стоит проработать концепцию национальной системы образования с учетом последних изменений в этой области. Нужно приложить максимум усилий для сохранения существующих детских школ в регионах. Это непросто, но жизненно необходимо. Нужны опять-таки грамотные юристы, которые помогали бы директорам таких школ с уставом, сейчас общеоб-

разовательные школы в статусе автономных учреждений. Для этого требуются подготовленные лоббисты-переговорщики для работы с органами власти на местах.

5. Острым видится вопрос относительно подготовки общественно-политических кадров, которые бы выполняли функцию авангарда татарского национального движения в Татарстане и местах компактного проживания татар. Именно они являются урановым стержнем идеологической работы по пропаганде татарской культуры и организации ее духовной и общественной жизни.
6. Необходимо найти механизм привлечения национальной буржуазии к финансированию татарских организацией, помощи в открытии школ и культурных центров, медиа, содействия немощным и талантливым соплеменникам на местах. Так, как это было до революции у татар, когда государство не выделяло средств на содержание газет, журналов, медресе, театров, писателей, интеллектуалов и т. д. Всю финансовую тяжесть брали на себя меценаты. Татарский буржуа, не жертвующий на благотворительность, – такого быть не могло тогда. Это считалось аморальным, не соответствующим исламской этике. Возьмите того же хрестоматийного олигарха Романа Абрамовича, который за время своего материального благополучия в общей сложности пожертвовал на нужды российского еврейского конгресса 500 млн долларов! И ведь у нас есть свои долларовые миллионеры и даже миллиардеры. Есть прекрасная инициатива общественников об открытии фонда татарского языка для стипендиальной поддержки тех, кто желает изучать татарский язык. Кстати, Израиль в свое время через финансовое стимулирование молодежи смог воссоздать иврит, практически утерянный как язык общения полстолетия назад (в качестве разговорного языка превалировал идиш).
7. ВКТ должен взять на себя идеологическое бремя пропаганды идей федерализма, раз официальный Татарстан не может уже сейчас политически об этом прямо говорить. РТ и другие национальные республики сейчас заинтересованы в сохранении федеративных основ государства и неприкосновенности Конституции, ведь голоса провокаторов, требующих пересмотреть территориально-административный характер страны, звучат все громче. Им надо дать достойный ответ и отпор.

Вообще, давно пора выстроить правильные механизмы общественного и политического позиционирования. Мы стали академиками в деле организации сабантуев и песенных фестивалей, пора бы уже научиться политическому лоббизму и стратегии общественно-политической борьбы. Без этого никак. Политические вопросы не решаются экономикой, а идеологические – культмассовкой. Время безжалостно, растопчет и пройдет мимо. Мимо нас...

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/390204>,
28 июля 2018.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«НАМ НУЖНА ОБЩЕСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ТАТАР ДО 2050 ГОДА»

Айрат Файзрахманов объясняет, почему Всемирный форум татарской молодежи не является новым комсомолом

Одним из заметных событий в общественной жизни Татарстана этого лета стал завершившийся недавно уже 8-й по счету ВФТМ, который собрал 1 тыс. делегатов со всего мира. Заместитель председателя Форума Айрат Файзрахманов в материале для «БИЗНЕС Online» объясняет, почему никому не стоит бояться роста татарского самосознания, что такое #татарлар2050 и как новый общественный фонд будет стимулировать ребят, выбравших в школе татарский в качестве родного языка.

«ТАТАРСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕ ИМЕЮТ КАКИХ-ТО КАРЬЕРНЫХ ПРИВИЛЕГИЙ»

Прошел 8-й Всемирный форум татарской молодежи. Хочу подвести некоторые итоги как организатор и как человек, который в этом движении уже более 10 лет.

На Форум съезжаются 1 тыс. человек из разных регионов РФ и разных стран... Кто они? Большинство делегатов в течение предыдущих двух лет у себя на местах участвуют в организации татарских мероприятий и некоторым образом представляют собой Татарстан. В основном это уже работающая молодежь, закончившая вузы. 99,9% таких людей или делают это бесплатно, или тратят на это свои деньги. У кого-то в организации 100 человек, у кого-то – 5. Кто-то делает крупные проекты, кто-то еще только начинает свою деятельность. Условия и люди разные. Поездка на Форум в Казань – это возможность обменяться опытом с такими же татарами, повод подвести итоги своей общественной деятельности, очередной раз реально одухотвориться Татарстаном.

Оговорюсь, Форум организует команда, большая часть которой никогда не получала зарплаты или каких-то грантов, потому что это дело сугубо общественное. Хотя активности в получении грантов нам бы не помешало. Мы не являемся подобием комсомола, в чем нас пытаются обвинить. Нам претит иерархия, президиумы и громкие названия, скорее все строится на горизонтальных связях. Иначе и невозможно в общественной работе. Хотя некоторой «бюрократии», системности в работе более чем с сотней организаций, возможно, нам как раз и не хватает. Татарские молодежные организации не имеют каких-то карьерных привилегий, скорее мы, таким образом, собираем социальный капитал, сетку полезных знакомств, что, конечно, помогает в жизни. С одной стороны, у молодежи всегда есть здоровая доля скепсиса по отношению к старшему поколению, с другой – есть понимание, что без их поддержки нельзя. Мы здесь ищем баланс. Не будем забывать, что создание Форума 14 лет назад было инициировано конгрессом татар.

У Форума во многом самостоятельная повестка. Главная тема – татарские проекты, развитие татар на будущие десятилетия, главные обсуждаемые вопросы – язык, история, самосознание, культура, бизнес. Ни один Форум не обходится без обсуждения общественно-политических вопросов. Подчеркну: Форум татарской молодежи не молчал про законопроект о родных языках, не молчал он в прошлом году про договор и наименование президента. В этот раз было принято обращение к Министерству образования со следующими положениями: ввести государственный язык республики в обязательную часть учебных планов ФГОС, дать, наконец, возможность сдавать начальной школе ВПР на родном языке, принять федеральную концепцию развития школ с родным языком обучения, не ограничивать получение образования на родных языках только общим образованием и многое другое. Интеллектуального потенциала у молодежи, поверьте, хватает, чтобы делать это самостоятельно, конструктивно и без указки. Так что это никакой не сабантуй для халявщиков за бюджетные деньги, а серьезная школа и хороший импульс татарскому миру, а тусовщиков всегда хватает даже на серьезных научных форумах. Татарская молодежь в других регионах нужна Татарстану, а Татарстан нужен им.

Подчеркну: Форум лишь подводит итоги работы за предыдущие два года, иногда даже кажется, что он отнимает лишние силы, в то время как можно было бы провести несколько других мероприятий.

Стоит отметить один момент для тех, кто боится роста татарского самосознания. Да, благодаря таким мероприятиям оно растет, но это происходит не за счет противопоставления себя русскому народу. К тому же среди участников большинство тех, кто живет в преобладающем русском окружении, немало и тех, у кого есть русские корни. Никто из них не живет, огульно обвиняя русский народ в своих бедах.

#ТАТАРЛАР2050

Итак, что дал новый Форум?

Мы получили во время мероприятий хорошие идеи для общественной стратегии развития татар до 2050 г. Кто, как не мы, молодежь, должен определить для себя, что необходимо сделать для

развития нации в будущие 30 лет. В 2007 году молодой ученый Ильшат Саетов, тогда еще председатель Форума, писал: мы имеем Институт истории, а почему у нас нет института будущего? Конечно, сформулировать некую идеальную и всеохватывающую стратегию – это давняя и почти недостижимая мечта. Тем более что на многое в стране мы не можем повлиять, а федеральный Центр то и дело подкидывает сюрпризы.

В создании такой стратегии не должно быть монополии. Я считаю, что здесь нужна конкуренция мнений, сценариев, проектов. Естественно, с учетом разных трендов и политических факторов. И такая стратегия должна делаться не одиночными гениями, она должна основываться на общественных обсуждениях, мнении широкого круга экспертов и практиков. Пока идет только первый этап – сбор мнений, об этом можно писать под хештегом #татарлар2050. В скором времени мы соберем эти мнения в единую концепцию.

Какой контур у этой стратегии? Конечно, крепкая государственность Татарстана, развитие российского федерализма и демократии – это то, без чего татары не смогут развиваться полноценно как нация. Это очевидные вещи, но на что мы можем повлиять напрямую? У Форума уже есть концепции развития системы школ с татарским языком обучения, преподавания татарского языка, открытого татарского университета, детского телеканала и медиа. Главное, что полилингвальность и билингвальность – эта та реальность, в которой проживает более половины населения Земли, региональные языки здесь – важная составляющая, и татары должны оставаться в этом тренде. К тому же система национального образования – фундамент, укрепление которого в силах татарской общественности.

Некоторое отступление. Радуется, что развитие татарского образования становится заботой духовного управления мусульман. Ислам и татарскость – естественные союзники и помощники друг друга, второе социализирует мусульман в глазах российского общества. Система «мусульманские садики – школы – медресе – Болгарская академия» должна генерировать мусульманскую интеллигенцию, которая могла бы владеть на высоком уровне татарским языком, прекрасно знать культуру и традиции своего народа. Более сотни приходов развивают дополнительное образование для детей, важно, чтобы оно имело и татарское содержание. Делегатами Форума было высказано пожелание, чтобы при муфтии возник общественный совет по развитию татарского языка, который мог бы заниматься и вопросами развития национального образования, методикой курсов татарского языка при мечетях, сконцентрировать ученых, педагогов и рассматривать совместно с конгрессом вопросы развития двуязычия в республике.

«СЛЕДУЮЩИЙ УРОВЕНЬ СТРАТЕГИИ – ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ТАТАРОЯЗЫЧНАЯ КУЛЬТУРА»

Следующий уровень стратегии – привлекательная городская татароязычная культура, и для этого нужны соответствующие свободные пространства, современные культурные центры как минимум в Казани, Челнах, Альметьевске, Нижнекамске и Уфе. Можно это делать и без государственной помощи, как, например, это смогли организовать в Москве – там существует пространство под названием «Штаб татар», которое генерирует новые татарские мероприятия одно за другим. Благо есть меценаты. Но лучше, когда планы Татарстана и татарской молодежи совпадают. Государство не может создавать живые татарские сообщества, а общественность не может развиваться на новом уровне без инфраструктуры и институтов. Инфраструктуры пока нет, но есть сетка растущих год от года городских мероприятий (надо больше!), есть набирающая обороты татарская альтернативная музыка, добрая сотня татарских дизайнеров и разного рода мастерских, большое количество медийных проектов.

Кстати, эти формы дают большой мультипликативный эффект, вовлекая в татарскую «движку» широкий круг родных, друзей, знакомых инициаторов татарских проектов. Фестиваль «Печен базары», который проходил в последний день Форума, – отличное тому доказательство. Это колесо уже не остановить, можно только замедлить ход и наделать кучу препятствий. С другой стороны, это все происходит пока только в Казани, частично в Москве, задача на следующие годы – инте-

грировать указанные формы в ткань татарских городов. В этом направлении татарской молодежью сформирована концепция развития современных городских татароязычных культурных центров.

Есть и другие проекты, концепции, которые анонсировались на Форуме и которые могли бы лечь в основу развития татар на ближайшие 30 лет. Большая часть из этих проектов анонсировалась в рамках аллеи проектов перед пленарной частью Форума. Другая часть – более 60 проектов – озвучивалась и обкатывалась на проектных сессиях Форума. Есть те проекты, которые, как социальная франшиза, можно брать «пакетом» и делать. Это и сеть татарских бизнес-клубов, это проект «Молодежные послы Татарстана», фестивали, фатирники, организация языковых клубов, квесты, акции «Татарча диктант», «Тоталь уку» и многое другое. У каждого свои цели, смыслы, аудитории, возможности масштабирования. Важно, что делегаты все это презентовали сами, а приглашенные эксперты «прокачивали» проекты и давали дельные советы.

Как итоговое решение съезда – инициировать конкурс татарских молодежных проектов с целевой грантовой поддержкой. Кстати, Москва уже пятый год проводит такой конкурс у себя, в этом помогают и меценаты, и представительство Татарстана. Вот только в РТ такого конкурса пока еще нет. Несколько в ином контексте прозвучала идея создания общественного фонда, который бы выплачивал в выборочном порядке стипендии ребятам, выбравшим в качестве родного языка – татарский. Идея масштабная, здесь надо взяться всем миром, но уже этой осенью сообщество татароязычных родителей планирует запустить данный фонд. Надо сказать, что одним из лейтмотивом Форума была и тема семьи (не секрет, что некоторые приезжают сюда найти себе пару), воспитания детей, создания сети родительских сообществ. С одной стороны, радует, что Форум татарской молодежи вбирает в себя и эти вопросы, с другой – замечаешь, как наши темы взрослеют и уже начинают не вмещаться в идею мероприятия. Видимо, скоро у нас появится и Форум средневозрастных татар, переросших молодежные темы и недоросших до конгресса.

*Источник ://www.business-gazeta.ru/article/391731,
11 августа 2018.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«МАЛО ЧАСОВ ТАТАРСКОГО? ДАВАЙТЕ В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ВЫБИРАТЬ ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК»

О механизмах национального самовыживания, инициативах федерального центра и новых возможностях

Одиннадцатиклассники смогут выбрать ЕГЭ по китайскому языку. Об этом накануне сообщил руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Сергей Кравцов. «Хочется спросить: есть ли ЕГЭ по удмуртскому, осетинскому, алтайскому языкам? Или китайский язык ближе, чем родные языки граждан России?» – задается вопросом в своем материале автор «БИЗНЕС Online», руководитель центра независимой оценки качества образования Айрат Файзрахманов.

«ПОСОЛ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА», «ПОСОЛ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА» ВКУПЕ С ЦЕНТРАМИ ПО ОБУЧЕНИЮ РОДНЫМ ЯЗЫКАМ – МОГЛО БЫ ЗВУЧАТЬ КРАСИВО»

В России постепенно вводится обязательное изучение второго иностранного языка – уже появилась возможность сдачи ЕГЭ по китайскому языку. Что ж, веяние времени! Судя по вывескам в крупных российских городах, китайский язык уже прочно занимает позиции третьего языка. Хочется спросить: есть ли ЕГЭ по удмуртскому, осетинскому, алтайскому языкам? Или китайский язык ближе, чем родные языки граждан России? Озаботились ли этим в федеральном центре? Ответ будет простой: сегодня знание китайского нужнее знания родного языка. С другой стороны,

что дает изучение родного нерусского языка гражданину РФ, кроме удовлетворения своих национальных потребностей? Какими способами можно стимулировать изучение родного языка?

Сегодня много говорят о необходимости повышения популярности языка – и это, безусловно, важно. Над задачей с деньгами и без денег, с энтузиазмом и без него трудится большое количество людей в республике. Новый хит на татарском или языковая передача на «Эхе Москвы» способна вызвать интерес к языку и культуре. Но спросите себя: насколько новый хит на английском помог вам узнать лучше английский язык?

Кстати, несколько лет на канале «Культура» шла прекрасная передача «Полиглот», посвященная изучению иностранных языков. Может, повторить эту практику для языков народов России? Четыре года назад всемирный Форум татарской молодежи обращался к руководству телеканала «Культура» и министру культуры Владимиру Мединскому с просьбой организовать в эфире программы «Полиглот» обучение татарскому языку, но вопрос этот остался без ответа, понимания не нашел. Хотя идеолог и ведущий программы Дмитрий Петров, например, хорошо знает казахский и финский языки (кстати, языки коренных народов России), а значит, как минимум мог бы легко запустить серию по тюркским и финно-угорским языкам России.

Сегодня Россия вводит общественную должность «посол русского языка» для 42 стран. Проект масштабный, с большим десантом в разные страны, с отбором талантливых команд, обучением. Впору принимать аналогичное решение по родным языкам в России. Согласитесь, «посол якутского языка», «посол бурятского языка» вкупе с центрами по обучению родным языкам – могло бы звучать красиво. Как оказалось, удмуртские активисты предпринимали такие попытки несколько лет назад, но на голом энтузиазме проект не запустился...

«ПОЧЕМУ ЭТО ИНТЕРЕСНО «ЭХУ МОСКВЫ», НО НЕИНТЕРЕСНО ГОСУДАРСТВЕННЫМ СМИ?»

Почему же, когда дело доходит до реальной популяризации и развития родного языка, федеральный Центр перестает быть активным? Почему это интересно «Эху Москвы», но неинтересно государственным СМИ, которые трубили о новых возможностях закона о родных языков в образовании?

И вот это уже сфера государственной языковой политики! Это фундамент, когда популяризация идет системно, годами и по разным каналам, а на «малых» языках говорят министры, депутаты, чиновники, президенты, СМИ, духовенство, крупные меценаты, деятели культуры.

Еще один чрезвычайно важный пример языковой политики: сегодня без сдачи ЕГЭ по русскому языку невозможно поступить в вуз, даже если ты великий математик. И это конкретная преференция для тех, кто изучает русский. Выпускники школ мотивированы хорошо знать языковой предмет, ведь по нему надо сдавать экзамен, от которого зависит твое будущее. Введите обязательный английский для поступления во все вузы страны – и уровень знания этого предмета вырастет в разы.

Кстати, ЕГЭ по русскому языку одноуровневое, порой с невероятно сложными заданиями. Возникает вопрос: насколько востребован в современном мире навык правильной расстановки пунктуации при написании сложноподчиненных предложений (если ты не филолог или журналист), а ноутбук сам подчеркивает ошибки? Не за это ли общество ругало предмет «Татарский язык» в школах? Может, стоит ввести на примере математики базовый и профильный уровень русского языка по ЕГЭ? Базовый ЕГЭ по русскому языку мог бы стать экзаменом для естественнонаучных, технических специальностей, для выпускников национальных школ или национальных классов. Также базовый ЕГЭ по русскому языку мог бы сдавать тот ученик, который выбрал еще и ЕГЭ по родному (нерусскому) языку. В этом случае для поступления в вуз можно было бы выводить арифметическое среднее экзамена по базовому русскому и экзамена по родному языку.

«СДЕЛАЙТЕ ЕГЭ ПО РОДНОМУ ЯЗЫКУ ПРЕДМЕТОМ ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВУЗ – И ВЫ УВИДИТЕ ТЯГУ К ЗНАНИЮ ТАТАРСКОГО, ЧУВАШСКОГО, БУРЯТСКОГО...»

Сделайте ЕГЭ по родному языку предметом для поступления – и вы увидите тягу к знанию татарского, чувашского, бурятского и т. д. В таком случае у родителей будет понимание, что хо-

рошее знание двух языков лучше углубленного знания одного языка. Особенно ЕГЭ по родному языку был бы востребован, если бы мы сохранили на уровне высшего образования обучение на государственном языке республик. Например, такой ЕГЭ понадобился бы, если бы продолжали существовать группы с татарским языком обучения в КФУ, КГАВМ, КНИТУ, КГАУ и т. д. – то, о чем недавно писал профессор Исмагил Хуснутдинов в своей статье о национальном университете.

Только в таком случае можно говорить, что есть хоть какая-то толика равных условий. При этом мы не берем во внимание, что информационная среда современного российского горожанина более чем на 90% русскоязычная. Многомиллионный русский народ всегда имел и имеет потенциал для создания контента, интересного всему миру. Русский язык пока остается глобальным языком, в отличие от всех других родных языков РФ. Без специальных условий, правовых гарантий, финансовой поддержки государства родные (нерусские) языки будут терять свою аудиторию. Если же языковая политика российского государства создаст такие условия, то это будет отличным примером для всего цивилизованного мира. Только такая политика может быть притягательной для российских народов и наших соседей.

Поэтому наряду с федеральной концепцией преподавания родных языков, которую предлагает нам федеральный Центр, важно разработать концепцию развития общеобразовательных учреждений с родным языком обучения (ввиду их кризисного состояния) и концепцию полилингвального и поликультурного образования. Именно эти направления могли бы стать приоритетными направлениями фонда развития родных языков, если, конечно, федеральный Центр ставит перед собой задачу развития родных языков. Пока же федеральный Центр не имеет даже системы разработки, рецензирования и издания учебно-методических пособий на языках народов РФ, на федеральном уровне нет мониторинга по изучению состояния школ на родном языке и условий по изучению родного языка, нет педагогических кадров, применяющих в учебном процессе реальные билингвальные методики, нет соответствующих учебно-методических комплектов. Нет никаких движений по созданию образовательной онлайн-платформы для изучения родных языков учащимися, для которых не сформирована соответствующая языковая группа в образовательной организации – там, где не набирается 7–8 человек.

«ПРИЗЫВЫ ЗНАТЬ РОДНОЙ ЯЗЫК ОСТАЮТСЯ НА УРОВНЕ НОТАЦИЙ»

Пока же призывы знать родной язык остаются на уровне нотаций, увещаний и иногда на уровне увеселительных шоу, когда кто-то из высших лиц между делом перекидывается парами фраз на родном языке, а студент из Африки поет что-то непонятное на татарском.

Но даже для национально ориентированной общественности возможны только обходные пути. Второй иностранный язык и мало часов татарского языка? Тогда давайте в качестве второго иностранного массово выбирать турецкий язык! Тем более что в свое время в Татарстане было подготовлено много специалистов по турецкому языку. А где-то можно было бы даже ввести казахский язык, предварительно наладив связи со школами Казахстана. В качестве бонуса – программы обмена, стажировок в братскую для России республику.

В последний – тяжелый для языка – год приходится слышать от педагогов, интеллигенции и даже ответственных чиновников, что татарам «осталось 10–15 лет», мол, мы последнее поколение, татарский язык никому не нужен, прочие клише. Это, конечно, ничем не обоснованный, но весьма заразный пессимизм и самопрограммирование, за ним нет никакой научной базы и даже реального житейского взгляда вперед. Включились механизмы национального самовывживания – от общения на татарском в соцсетях и мессенджерах, татаризации религиозных институтов до молодых родителей, которые в большом городе самостоятельно воспитывают детей в татарском духе. Продолжает генерироваться огромное количество этнических маркеров на разный вкус – от эстрады, обновленного Болгара до городской татарской субкультуры, нового театра, феномена Гцзель Яхиной и Шамиля Идиятуллина. Другое дело, что отстает инфраструктура: по всей Казани всего пара детских садиков, где ребенка воспитывают на родном татарском языке. Столица Татарстана живет какими-то старыми представлениями, в которых татары в Казани – национальное меньшинство.

Конечно, без внятной государственной языковой политики татарскому языку будет сложно. Двумя-тремя часами родного языка в школе нисходящую языковую динамику не остановить. Хороших рецептов написано много, главное – в республике есть люди, которые имеют опыт и возможности реализовывать системную языковую политику. Завтра этих людей уже может не быть. Но я верю в свой народ: он выживет при любых обстоятельствах, даже только с опорой на собственные ресурсы. Наша история доказывала это неоднократно.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/395447>,
16 сентября 2018.*

* * *

Руслан Айсин

«У РУССКИХ – НЕСКОЛЬКО СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ, У ТАТАР – ПОЛНАЯ САБАНТУЙНОСТЬ»

«Стратегия развития татарского народа, о которой сказал в послании Госсовету РТ Рустам Минниханов, должна включать в себя глубокий анализ социологов, историков, педагогов и других экспертов», – считает политолог Руслан Айсин. По его мнению, которое он высказывает в статье, написанной для «БИЗНЕС Online», в этом документе нужно заложить несколько прогнозов развития, а также предусмотреть такие важные моменты, как создание национального университета и интеграция русскоязычных татар.

ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ, С МОМЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ РОССИИ, МЫ ДВИГАЛИСЬ НАОБУМ

Послание Президента Татарстана Госсовету оказалось примечательным одним тезисом, который всколыхнул татарскую общественность: Рустам Минниханов поручил Всемирному конгрессу татар разработать стратегию развития татарского народа. «Она должна представлять собой документ, консолидирующий нацию на основе самоидентификации и общности взглядов на прошлое, настоящее и будущее татар», – подчеркнул он. То, о чем мы так упорно говорили последний год, переосмыслено Президентом: без стратегии невозможно планировать жизнь вперед, нельзя идти без цели и понимания. Нация – это огромный организм, которому требуются и постоянная диагностика, и культурно-духовная подпитка, и, при необходимости, коррекция курса.

В конце июля по итогам «усеченного» съезда ВКТ я писал: «Год назад на суд курултая татар так и не был вынесен важнейший документ – стратегия развития татарского народа, но анонс об этом был. И непонятно в целом, каким идеологическим документом руководствуется ВКТ? Мы не берем здесь в расчет многочисленные мероприятия, которые идут по накатанной. Конгресс же не орготдел Кабинета Министров, чтобы носиться из одного конца страны в другой для организации сабантуев – сельских, федеральных, региональных, местных. У него иные цели и задачи: он, по сути, протопарламент татарского народа, его основной смыслоуказующий орган, политический субъект».

Конечно, нонсенс, что татары – второй по численности народ в стране с богатейшей историей, крепким цивилизационным стержнем, высоким уровнем влияния на общественно-политические, интеллектуальные процессы в России и сопредельных странах – не имеет собственной стратегии развития. Получается, что все это время, с момента образования новой России, со времени восстановления национальной государственности в виде республики мы двигались наобум, на ощупь, делали шаг и лишь потом осознавали: твердыня под ногами или вязкий ил.

Минниханов правильно подметил, что документ должен базироваться на органическом соединении трех векторов, рождающих необходимый объем, – прошлого, настоящего и будущего. В свое

время организатор российской науки Михаил Ломоносов сказал, что «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Вот и здесь мы не сможем избежать главного вопроса об ответственности перед историей, ответив на который нам удастся перекинуть мостик к пониманию настоящего и планированию будущего.

ЕСТЬ ОКОЛОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ, СЧИТАЮЩИЕ ЧТО ТАТАРЫ НЕ ЕДИНАЯ НАЦИЯ

Итак, первое, что нужно определить в содержательном плане, – цель. Татары должны поставить перед собой сверхзадачу, пусть она будет выглядеть с позиции сегодняшнего дня утопичной, нереализуемой, но всякое большое начинание начинается с формулирования «небесного», недостижимого сегодня нарратива. 160 лет назад Россия еще жила в состоянии крепостного права, а в США боролись за отмену рабства. А сегодня всеобщая (почти) декларация прав человека, свобода выбора, перемещения и вероисповедания. Все, что сегодня составляет технологический и идейно-содержательный корпус современной цивилизации, некоторое время назад казалось фантастическим миром воображаемых иллюзий. Важно определить эту цель. Конечно, она не должна замыкаться в нише сохранения нации, любое сохранение без развития – это консервация, стагнация, которая в жестоковейных условиях глобализирующегося мира означает неизбежную потерю внутреннего драйва и скорого выпадения с корабля современности. Молох мира без границ перемальвает целые народы, расщепляет их и разносит по ветру.

Документ должен расставить четкие маркеры «татарскости», дать ясный ответ, кто такой татарин, по принципу системы «хиндутва» – понятийных знаков, определения индусскости. Это вопросы о месте и назначении татарской цивилизации в мире, и это скорее вопросы философские или социофилософские. Их не удастся обойти стороной. Как говорил Иммануил Кант: «Дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен образоваться мир». Надо уметь говорить о высоких материях, именно они конструируют мир, ткнут из тумана неопределенности цельное восприятие, формирующее наше отношение к действительности.

В 1882 г. известный французский историк Эрнест Ренан определил нацию через общий опыт страдания и жертвоприношения. «Нация – это великая солидарность, основанная на чувстве жертвы», – писал он. Татары прошли не простой исторический путь, полный побед, свершений, но и поражений и лишений. Историческая память – это живая материя, формирующая национальное самосознание сегодня. Однако есть окологосударственные деятели, считающие, что татары не единая нация, она сотканный лоскут, который можно разрывать на части. Так татары были разделены во время переписи 2002 и 2010 гг. Политической репрезентацией единого тела нации является Татарстан, на который ориентированы татары, живущие за пределами республики. И таких – 2/3 от общего числа, и их сознательно концептуально отрезают от матричной пуповины. Каждый субэтнос, по мнению ряда московских политизированных этнологов, должен представлять собой отдельную единицу, естественно, ориентированную не на Казань, а на Москву или на локальные идеолого-административные центры. Не отработав концептуального вопроса о единстве татарской нации, мы можем получить проблему потери численности татар. А это грозит постановкой вопроса об административно-территориальном представительстве татар. Под разговоры о создании 15 макрорегионов – еще один довод.

«ТАТАРЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И КАДРОВОЙ БАЗОЙ ОТСТАИВАНИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ»

Никуда не уйти от необходимости демографического прогнозирования. Уже сейчас очевидно, что татары останутся компактно жить в основном в Волго-Уральском регионе. По кайме этого большого пространства татарский массив будет сокращаться, мигрировать, ассимилироваться и т. д. Значит, надо думать о наращивании национальной инфраструктуры в регионе Поволжья и Урала и искать какие-то механизмы для воспроизводства национальной культуры для других татарских лакун, систем рассеивания. Для каждой территории требуется отдельный подход.

Здесь же встает вопрос об урбанизации татар, антропоток устремлен в города. Села, бывшие до недавнего времени поставщиками кадров для национальной культуры, теряют этот важный статус. Татары будут компактно расселены в нескольких крупных городских агломерациях, массивах. Там формируется своя субкультура, национальная среда, ее тоже необходимо концептуально и системно осмыслить, понять, куда и как она будет развиваться, как ей содействовать. Стоит обратить внимание на идею экстерриториальной общины (махалли), это тоже новая реальность. Территориальные кооперации уступают место экстерриториальным, виртуальным. Это вовсе не говорит о том, что они рыхлые и нежизненные, напротив, они эффективные, просто построены на основе других антропо- и нацисвязующих элементов с использованием новейших социальных и информационных технологий.

Отсюда вытекает необходимость создания гомогенного татарского информационного пространства, которое выступает виртуальной связкой для раскинутых по миру татар. На пути к реализации этой идеи был сломан не один тарантас, между прочим. Достаточно вспомнить проект татарской соцсети «Татар иле».

Все узловые проблемы, требующие проработки в документе, в одной статье невозможно обозначить, поэтому о некоторых тезисно:

- Национальный университет. Не воссоздание слитого в ПФУ педагогического института, а полноценного университета, выполняющего еще и роль think tanks. Там должна вариться будущая интеллектуальная элита нации.
- Определение сакральных татарских мест, то есть карта национальной топонимики, места славы и памяти. Сильный механизм укрепления национального самосознания
- Отношение к теме федерализма. Татары должны стать интеллектуальной и кадровой базой отстаивания федерализма в нашей стране. ВКТ должен взять на себя идеологическое бремя пропаганды идей многокомпонентного национального уклада, раз официальная Казань не может уже сейчас политически об этом прямо говорить. Татарстан и другие национальные республики сейчас заинтересованы в сохранении федеративных основ государства и неприкосновенности Конституции, ведь голоса провокаторов, требующих пересмотреть территориально-административный характер страны, звучат все громче.
- Отдельно стоит проработать концепцию национальной системы образования с учетом последних изменений в этой области. Нужно приложить максимум усилий для сохранения существующих детских школ в регионах. Это непросто, но жизненно необходимо.
- Острым видится вопрос относительно подготовки общественных кадров, которые бы выполняли функцию авангарда татарского национального движения в Татарстане и местах компактного проживания татар. Именно они являются урановым стержнем идеологической работы по пропаганде татарской культуры и организации ее духовной и общественной жизни.
- Необходимо найти механизм привлечения национальной буржуазии к финансированию татарских организацией, помощи в открытии школ и культурных центров, медиа, содействия немощным и талантливым соплеменникам на местах. Так, как это было до революции у татар, когда государство не выделяло средств на содержание газет, журналов, медресе, театров, писателей, интеллектуалов и т. д.
- Подготовка татароязычных образованных имамов.
- Концептуальное понимание того, как совместить, склеить, спаять без существенного нарушения структуры этнокультурного тела два компонента: а) исламский, шире – восточный духовный пласт, который сыграл решающую роль в формировании национальной матрицы; б) западноевропейский вектор светской (секулярной), политической, а сейчас и культурной жизни. Значит надо заново переосмыслить идеи джадидизма.
- Как кооптировать в культурную жизнь русскоязычных татар (численность которых из года в год растет)?

И так далее.

*«В ИДЕАЛЕ ЭТО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДВЕ ГРУППЫ: ОДНА – АКАДЕМИЯ НАУК РТ И ВКТ,
ДРУГАЯ – «ВОЛЬНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ»*

Стратегия, как мы выше упомянули, должна включать в себя не только анализ текущей ситуации, она должна давать четкие ориентиры на будущее. В ее основу важно заложить несколько прогнозов развития. Она должна предлагать варианты решения этих проблем. Стратегия, помимо того, что это диагноз текущего состояния, это еще и прогнозирование дальнейшего положения, т. е. как избежать дальнейшего ухудшения, как выправить ситуацию. Потому что все подвержено энтропии, остыванию, в том числе и жизнь народа. Но современные условия быстро видоизменяющиеся, поэтому стратегия должна быть гибкой и фиксировать трехуровневую перспективу: краткосрочную, среднесрочную и дальнесрочную. Краткосрочная – это фактически то, что может случиться в ближайшие два, три, пять лет. Среднесрочная – это одно поколение и дальнесрочная – это уже два-три поколения, столетие.

Футурологический взгляд – то, чего не хватает татарской интеллектуальной прорывной мысли. Свой Жак Аттали с его «Краткой историей будущего» нам бы точно не помешал.

Аналоги стратегии развития народа есть у русского народа. Их несколько, что создает напряжение конкурентности, духа соревновательности. Есть проекты всемирного русского народного собора под эгидой РПЦ, есть труд, подготовленный группой интеллектуалов под патронажем бывшего президента ОАО «РЖД» и главы фонда Андрея Первозванного Владимира Якунина. Существуют постоянно действующие экспертные площадки типа Изборского клуба и другие центры генерации русской общественной мысли. У татар, к сожалению, подобного и близко нет. Полная сабантуйность.

Стратегия должна включать в себя анализ социологов, политологов, историков, этнопсихологов, демографов, педагогов, с участием деятелей творческого пула. Это огромный комплекс различных тем и проблематик, которые соединяются в одной общей концепции – стратегии. Кто-то должен их систематизировать и привести к одному основанию, знаменателю, потому что каждая экспертная рабочая группа может расписать свою отрасль очень широко и объемно. И большой талант требуется для того, чтобы выжать из этого самое необходимое и донести суть. Это первый вариант. Второй вариант – стратегия должна иметь усеченный вариант для руководителей, для широкой общественности и более объемный, нюансированный, для специалистов.

В рабочую группу по созданию концепции должны войти представители татарской интеллигенции, которые концентрированы вокруг ВКТ, и думающая общественность из регионов. Но для того чтобы всех их организовать, должен быть организующий центр, причем он должен быть очень живым, подвижным и мобильным. Потому что организовать большую массу умных людей непросто. Поэтому, чтобы их организовать, нужно обладать недюжинным терпением, тактичностью, умом и дипломатичностью.

Конгресс здесь может выступить просто инфраструктурной базой, который сможет помочь в организации. Он имеет потенциал и ресурсы для того, чтобы быть важным звеном, но все-таки не определяющим, потому что это должна быть структура, не аффилированная напрямую с неким иерархическим государственным аппаратом. Это должны быть люди свободные, не зажатые какими-то бюрократическими рамками и всевозможными нормативными делами. В идеале это должны быть две группы: одна собранная вокруг Академии наук РТ и ВКТ, другая – альтернативная группа, условно, «вольных интеллектуалов». Сочетание строго расчерченного академизма и творческого, не сцепленного догмами подхода на выходе может дать прекрасный результат.

При революции Мэйдзи в Японии в середине XIX в., способствующей выведению ее на авансцену большой истории, молодые самурай-патриоты создали комитет спасения страны, прозванный «Люди высокой цели». Они буквально закидали власть проектами по модернизации страны и японского народа. Теперь перед нами тоже стоит острый вопрос – найти для стратегии «людей высокой цели», которые смогут достойно исполнить эту миссию.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/397117>,
30 сентября 2018.*

«УДИВЛЯЕТ, ЧТО ВКТ НЕ ЗАДЕЙСТВУЕТ В РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ ТАТАРСКУЮ МОЛОДЕЖЬ»

Айрат Файзрахманов уверен, что невозможно существование единственного субъекта развития татар

ВКТ анонсировал создание рабочей группы по выработке стратегии развития татарского народа. Зампредседателя Всемирного форума татарской молодежи Айрат Файзрахманов считает, что невозможно принимать такой важный документ без учета мнения молодежи, к тому же ВФТМ имеет выверенные концепции развития по основным татарским институтам. «Старшее поколение не может думать за нас, иначе молодежь станет жить в своей реальности, старшее поколение – в своей, а ресурсы будут потрачены впустую», – уверен автор «БИЗНЕС Online».

«ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ТАТАР ПО-БЮРОКРАТИЧЕСКИ ОПЕРАТИВНО ОТВЕТИЛ МИННИХАНОВУ СОЗДАНИЕМ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ»

«Генералы всегда готовятся к прошедшей войне.»

Уинстон Черчилль

О необходимости написания стратегии развития татарского народа в РТ вели речь многие годы, а в последнее время об этом говорили все чаще и чаще. Отрадно, что это стало предметом государственной заботы. Адресат заботы – Всемирный конгресс татар (ВКТ) – по-бюрократически оперативно ответил Президенту РТ Рустаму Минниханову созданием соответствующей рабочей группы.

Однако есть опасения, что, написав сей документ на скорую руку, мы получим очередную бюрократическую программу с бездушными индикаторами, по которым через пять лет будут написаны бодрые отчеты. Это издержки программного подхода в стратегическом планировании, характерные не только для Татарстана, но и для всей Российской Федерации, даже для крупного бизнеса. Мероприятия оказываются несбалансированными, каждый субъект силы тянет одеяло на себя. Коллектив не понимает, чего хотят топ-менеджеры. Не имея единой задачи, главного объекта приложения усилий (об этом чуть позже), каждый лоббирует свои интересы, исходя из ведомственных или корыстных целей. Стратегии превращаются в набор красивых мероприятий и КРП. Вроде движение происходит, а удовлетворения от общего результата нет.

Иная крайность – оторванный от реальности пространственный документ с рассуждениями о том, каким должен быть в идеале татарский народ и комплекс заранее неосуществимых действий. Понятно желание занять документ, план, действуя по которому мы раз и навсегда решим свои национальные проблемы. С другой стороны, нет примеров, на которые можно равняться целиком и полностью. Нет как таковых этнических стратегий. В мире мало народов, сходных по условиям с татарами.

Ну и, конечно же, главный вопрос – ресурсы, без которых любая стратегия окажется мертворожденный. Речь идет не только о финансовых ресурсах, но и о кадровых. Если основными операторами реализации стратегии по всем направлениям выступают те же институты – конгресс, КФУ, Академия наук, «ТАТМЕДИА» и пара других ведомств с теми же людьми, что 10 лет назад отвечали за татар, то вряд ли можно будет ожидать существенных преобразований. Без них много других субъектов изменений. Стратегия должна вовлечь абсолютное большинство татарских сообществ, сгенерировать новые команды и помочь вырастить сотни новых татарских проектов.

Но и чисто государственное финансирование программ развития татарского народа имеет свой минус: оно рождает патернализм, сплошную вертикаль подчинения и безынициативность

других субъектов развития. В такой системе даже национально ориентированный бизнес может махнуть рукой на татар, а татарская общественность, в конечном счете, возложит всю ответственность на государство. И в итоге на вопрос «Кто виноват, что татарский язык в Татарстане оказался в таком состоянии?» мы получаем следующий ответ: «Государство, конгресс, Госсовет, президент, министерство». Виноват кто угодно, но только не сама общественность. Создавая множество источников финансирования, конкурсную конкуренцию за эти источники, можно разделить ответственность, создать множество новых субъектов развития, а значит, и множество разных татарских проектов.

*«ИДЕАЛЬНО, ЕСЛИ ФИНАНСИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТРАТЕГИИ БУДЕТ
ВЕСТИСЬ НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА»*

Идеально, если финансирование положений стратегии будут вести на основе государственно-частного партнерства, а бизнес простимулируют к вложению в татарские проекты. Чисто государственные источники ведут к формализации процесса исполнения стратегии, к скрашиванию действительности.

Участие бизнеса, меценатов означает более жесткий и реальный спрос за результаты, не смотря на чины. Как привлечь частный капитал, как сформировать доверие? Это уже забота стратегии, в которой должны быть прописаны принципы вовлечения капитала в национальные дела. Бизнес, когда у него есть стабильные деньги, начинает думать не только о кошелке, но и о том, как увековечить свое имя. Есть механизм частных грантовых фондов, конкурсов, целевых стипендий. Насколько этот механизм работает у татар? Какие должны быть направления у данных конкурсов, чтобы они закрыли некоторые проблемные точки национальной жизни? Было бы хорошо, если бы стратегия искала ответы и на эти вопросы. Одними воспоминаниями о татарских меценатах, которые подняли нацию полтора века назад, проблему не решить. В прошлом надо черпать смыслы, находить истоки, но не стоит искать там механизмы для развития в будущем.

Краудфандинговые платформы тоже могут стать одним из важных источников финансирования татарских проектов, тем более есть позитивный опыт сбора средств для национальных кинофильмов, выпуска альбомов, но этот опыт единичный, его надо развивать, ему надо учиться. Мы можем много говорить о том, что федеральный Центр почти не дает гранты на татарские проекты, но количество заявок на них со стороны татарских сообществ очень скромное, а число написанных правильным языком ничтожно мало. И вот это тоже забота стратегии: какие нужны институты развития, чтобы татарские сообщества научились получать гранты и стали настоящими социальными проектантами? Как сделать так, чтобы успешные и современные проекты татарских организаций были масштабированы и тиражированы в регионы? Пока у нас тиражируются только сабантуи, деятельность женских организаций и несколько молодежных проектов и совсем никак не масштабируется национальное образование.

Таким институтом развития мог бы стать центр социального проектирования, который бы находил успешные кейсы, продюсировал их, учил татарские сообщества созданию современных проектов, поиску финансовых источников (гранты, краудфандинг, встраивание в госпрограммы через грамотный пиар) и который бы шел в единой связке с работой грантовых фондов и конкурсов. Все это целая наука развития, и мы, татары, пока ее плохо знаем.

Как видится процесс написания стратегии? В первую очередь стратегия не может быть чисто кабинетным документом. Она не может быть коллективной работой нескольких ученых или консультантов, которым свои пожелания и видение надиктует пара ответственных руководителей. В бизнесе такие самонадеянные корпоративные стратегии зачастую терпят фиаско или просто остаются показательным документом, которым можно хвалиться перед инвесторами. В сфере государственного управления случается так, что население ни о каких программах развития ничего не знает и оценивает ситуацию сугубо негативно. Так и здесь: конгресс может проводить сколько угодно красивых и полезных мероприятий, а большинство татар не будут знать их.

*«КОНГРЕССУ КРИТИЧЕСКИ ВАЖНО ОТДАВАТЬ СЕБЕ ОТЧЕТ В ТОМ, ЧТО ОН НЕ
МОЖЕТ И НЕ ДОЛЖЕН ЯВЛЯТЬСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ СУБЪЕКТОМ РАЗВИТИЯ
ТАТАР»*

Конгрессу критически важно отдавать себе отчет в том, что он не может и не должен являться единственным субъектом развития татар, хотя бы потому, что есть муфтият, есть огромная сеть мечетей, своя жизнь течет в деревнях и малых городах, администрации которых создают свои этнические смыслы, локальные этнические маркеры для населения. Есть культурные и образовательные учреждения, которые создают свою татарскую среду. Эдакое множество татарских миров с разным набором этнических смыслов и маркеров. В этом плане конгресс в стратегии татар не может позиционировать себя как главный субъект развития данной нации. Вместо вертикали развития важнее создание институтов, условий, проектов для развития татар. Незарегулированность, отсутствие государственного монополизма, стихийность формируют кипящую творческую среду, которая может дать нации гораздо больше, чем властная вертикаль.

Отсюда необходимость вовлечения всех «живых сил», всех центров силы, а также вовлечения тех, для кого эта стратегия будет реализовываться. Это и сам конгресс со своим пулом организаций, это и КФУ, и АН РТ, и «Сэлэт», и Форум татарской молодежи, коллективы СМИ, профессиональные союзы – писателей, композиторов, архитекторов, и творческие объединения, и т. д., и, самое главное, реальные сообщества. Важно, чтобы они кооперировались, работали над стратегией на общих площадках, на коллективных мозговых штурмах. В прошлые годы КФУ начинал серию интересных коллективных обсуждений о будущем татарского народа. Однако решения, которые звучали на мероприятиях, не были зафиксированы на бумаге. Важно, чтобы у большинства татарских организаций, вовлеченных в процесс, появились свои стратегии. В то же время стоит привлекать не только людей с высоким национальным сознанием, но и тех татар, кто достиг успехов не в этнокультурной сфере, кто вовлечен в глобальные проекты и открыт миру.

Такого рода массовость нужна не только для получения потока идей, но и для того, чтобы широкая татарская общественность почувствовала свою сопричастность и далее участвовала в реализации стратегии. Вовлеченность – главный фактор успешной стратегии, эффективной реализации ее мероприятий.

Стратегия не может быть написана для «всех» татар. Важно дифференцировать аудитории, предлагая свой набор мер для русскоязычных татар, для тех, кто утратил татарскую этничность, для тех, кто крепко держится за традиции и язык. Необходима и возрастная дифференциация.

Вообще, удивляет, что конгресс татар никак не задействует в этом смысле татарскую молодежь. Старшее поколение не может думать за нас, иначе молодежь станет жить в своей реальности, старшее поколение – в своей, а ресурсы будут потрачены впустую на неактуальные мероприятия. Тем более видение молодежи важно, если мы говорим о стратегии как долгосрочном плане развития, ориентированном как минимум до 2030 г. К тому же Всемирный форум татарской молодежи имеет свои выверенные и прописанные концепции развития по основным «татарским институтам»: по школам, национальному университету, центрам городской культуры и культурным событиям, детскому телевидению. Последний Форум в августе этого года и вовсе проходил под девизом «Татары в 2050 году». Сегодня также есть комплекс взаимосвязанных и устоявшихся проектов, который можно масштабировать и тиражировать.

*«СТРАТЕГИИ НУЖНА ЗАКРЫТАЯ ЧАСТЬ, КОТОРАЯ ЧЕСТНО И ОБЪЕКТИВНО
ОЦЕНИТ ТО, К ЧЕМУ ДВИГАЕТСЯ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО»*

Для стратегии крайне необходима мощная аналитика. Безусловно, нужны социологические замеры настроений татарской общественности, разных сообществ, разных возрастных групп, необходимы фокус-группы, серии глубинных интервью с авторитетными деятелями татарского народа. Кстати, в этом смысле до сих пор аналитический интерес представляет сборник интервью «Татарский век глазами национальной элиты. 100 выдающихся татар». Есть множество других

публикаций, которые также стоит подвергнуть анализу и вычленению того, что может оказаться в стратегическом плане действий.

Возможно, стратегии нужна закрытая часть, которая честно и объективно оценит то, к чему двигается российское общество, и ответит на вопросы, как в таких условиях татарам выстроить линию защиты своих прав, какой для этого нужен центр ответственности.

Параллельно важно осуществить аудит действующих и завершенных государственных программ, которые касались развития татарского народа, языка, образования, культуры, исторического наследия, а также проанализировать схожие зарубежные кейсы (бенчмаркинг). Причем важен анализ как положительного, так и отрицательного опыта. Нам есть чему поучиться у валлийцев, басков, галисийцев, фламандцев, франкофонов в Канаде, особенно в части развития системы образования на региональных языках (национальные школы) и сохранения исторической памяти. Здесь условия сходны. Например, если взять валлийский язык (Уэльс), там ситуация была гораздо более катастрофична, чем в Татарстане. Но они пришли к тому, что сейчас большая часть молодого поколения прекрасно знает свой язык, несмотря на то, что они часть английского культурного ядра. Но они встроились, смогли восстановить позиции языка, смогли интегрировать свои значимые исторические события, легендарные имена в общebritанскую историю. Хотя британское законодательство не настолько снисходительно к родным языкам. Как они смогли это сделать? Это тоже нужно изучать.

Важен анализ технологических трендов, изучение опыта социального проектирования. Понимание того, как будут развиваться социальные сети, видеоконтент, медиа, система образования, технологии перевода (текстовые, речевые переводчики), социальная инженерия, городское пространство, малые города, мобильные приложения, шеринговые онлайн-сервисы (отдельная тема) позволит избежать многих ошибок. Без такого понимания мы получим проекты по типу «Татар иле» – вместо развития татарских групп в существующих социальных сетях татары упорно вкладывались в свою соцсеть. Вместо создания живого татарского видеоконтента получится повторение форматов 20-летней давности, интересного только для старшего поколения.

«ОБЪЕКТОМ СТРАТЕГИИ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Важно ответить на вопросы о том, какой главный объект приложения усилий, кто наша главная аудитория. На взгляд Форума татарской молодежи, этим объектом является система национального образования. Не пресловутые уроки татарского языка, а триада «садик – школа – вуз», где татарский язык должен быть главным языком обучения в рамках полилингвальной среды. Сегодня Россия сама нам показывает отличный пример, создавая современные центры образования типа «Сириуса», где в духе патриотизма воспитывается будущая интеллектуальная и творческая элита страны. Татарам крайне необходимы лучшие школы, лучшие садики, лучшее высшее образование – не с точки зрения инфраструктуры, а с точки зрения качества образования, учительских кадров, новых возможностей для ребенка. Основная география приложения усилий – Татарстан, Башкортостан и Москва, акцент – на больших городах.

Национальное образование и наука, стимулирование развития татарского некоммерческого сектора (социальное проектирование в связке с грантовыми фондами) и сообществ, защита национальных прав, татарский Интернет и социальные сети, развитие средств массовой информации, small-медиа и литературы, создание современной татароязычной городской культуры и генерирование культурных событий, развитие коллективной памяти и исторического самосознания, развитие этничности в исламском (шире – религиозном) контексте, региональные стратегии – таким видится минимум разделов стратегии.

Сквозная идея – развитие татар в урбанизированной среде, в мире больших и малых городов, в глобализированной культуре. Сегодня на наших глазах даже сельские районные центры превращаются в малые города, а молодежь теснится в мегаполисы. Почти 80% ее живут или связаны с городом, и в таких условиях мы не можем ориентироваться на воспроизводство только сельской, общинной модели этничности у татар.

Но пока большой город не особо готов принять татарскую этничность, он растворяет ее в глобальной русской культуре. Сегодня, например, развитие Казани почти не учитывает того фактора, что столица РТ – город, в котором живет наибольшее количество татар. На его окраинах уже сложились «татарские слободы». Татары сконцентрированы в Казани, в Набережных Челнах, в пригородах – это весьма благодатный фактор для локализации стратегии на местах. К сожалению, пока не учитывается и такой деликатный момент, связанный с тем, что к 2030 г. количество татар в республике может подтянуться к планке около 57–60%, притом, что города Татарстана не имеют полноценной инфраструктуры воспроизводства этничности: нет татарских школ, нет языковой среды, мало современного контента и татароязычных культурных событий. Даже городские мечети, количество прихожан которых постоянно растет, почти не способствуют поддержке языковой среды и мало воспроизводят татарскую этничность, за исключением редких случаев. Последнее «но» заключается в названии. Почему мы говорим о народе, но не о татарской нации? Потому, что теперь есть российская нация, а татары уже вроде не могут оказываться в статусе нации? Но от статуса, данного историей, не убежишь. Эти 10–12 лет будут ключевыми для татар, смогут ли они сохранить статус нации, выдержат ли натиск двухсторонней глобализации – многое зависит от грамотно выстроенной стратегии. В свою очередь, для стратегии критически важно наличие грамотного технического задания.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/398022>,
7 октября 2018.*

* * *

«НАЕЛИСЬ МЫ САБАНТУЯМИ!»: КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ «СТРАТЕГИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА»?

Круглый стол в «БИЗНЕС Online»: эксперты размышляют, как выжить нации «при любых политических разворотах»

«Мы можем применить опыт евреев и понять, что в случае потери Татарстана у нас есть экстерриториальный Татарстан», – рассуждали участники «круглого стола», прошедшего в редакции «БИЗНЕС Online». Обсуждение было приурочено к началу разработки в республике документа под названием «Стратегия татарского народа». О том, что он должен в себя включать и почему его не было до сих пор, читайте в репортаже с обсуждения.

«У НАС НЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ БАЗЫ ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В БЕЗРЕСПУБЛИКАНСКОЙ СРЕДЕ»

В сентябре президент Татарстана Рустам Минниханов во время ежегодного послания Госсовету призвал Всемирный конгресс татар подготовить «Стратегию развития татарского народа». «Она должна представлять собой документ, консолидирующий нацию на основе самоидентификации и общности взглядов на прошлое, настоящее и будущее татарского народа», – заявил он. Задание поручено вице-премьеру РТ и главе нацсовета «Милли шура» Василию Шайхразиеву. Сейчас уже образовалось несколько неформальных групп, которые работают над стратегией. Очевидно, что документ важный и, возможно, самый необходимый для татар. Но для большинства эта сфера так и остается terra incognita, нет понимания того, что в нем должно быть прописано и кто непосредственно будет автором этого труда.

В чем причина того, что за более чем 25 лет так и не была подготовлена «Стратегия развития татарского народа»? Есть ли аналогичные документы у других народов? Должна ли стратегия ограничиваться только татарами, проживающими на территории РФ? Ответы на эти вопросы искали эксперты на «круглом столе» в редакции «БИЗНЕС Online».

По словам доктора исторических наук Дамира Исхакова, одна из причин того, что у татар не родился такого рода документ, заключается в том, что «в целом татарская нация оказалась недостаточно успешной». «В тюркском мире татары, которые занимали важные позиции к началу XX в., являются единственным народом, который в советских условиях получил очень плохую, урезанную автономию, и, вместо того, чтобы развиваться, пошел назад. Это весьма интересное явление, историками не изученное. Для чуваш, башкир, марийцев автономия была шагом вперед, для татар она оказалась мертвой петлей, которая в значительной степени татар удушила. Народ как таковой не исчез, а вот институционально татары не смогли выстроиться», – говорит он. Один из ярчайших критериев или пример – отсутствие национального университета.

По словам историка, при подготовке стратегии важным будет даже не столько сам документ, сколько процесс его подготовки, а также осознание татарским сообществом, есть ли у него самого силы, способные подготовить такой документ. «Мы должны увидеть, каковы наши реальные возможности. Но если учитывать, что уже возникла непосредственная угроза существованию самих республик, то может сложиться такое положение: пока мы тут будем бороться в попытках создать что-то, уже и республики могут быть ликвидированы. А у нас нет институциональной базы для существования в безреспубликанской среде. Ярчайший пример того, в каком положении мы находимся, является состав «Милли шура», избранный ВКТ. Он носит совершенно случайный характер и ни в коей мере не может служить национальным парламентом», – считает эксперт.

По мнению ученого, для написания стратегии татарского народа необходимо наличие большого круга экспертов, причем представляющих разные отрасли знаний, но, что еще важнее, – умеющих работать в команде.

«КАК МЫ ДОНЕСЕМ ЕЕ ДО БАБУШКИ ИЗ ПЕСТРЕЧИНСКОГО РАЙОНА И СТУДЕНТА АГРАРНОГО ТЕХНИКУМА В БУИНСКЕ?»

О нежелании татар работать сплоченной командой говорил и известный театральный критик Нияз Игламов. Одной из причин отсутствия стратегии он назвал банальную ревность. Отвечая на вопрос, в чем причина того, что за 25 лет так и не было принято такого документа, Игламов отметил: «Да и не только 25 лет, может быть, последние 250 лет. Татары – удивительный народ, очень разобщенный, очень ревнующий к успехам другого. Это такая национальная черта характера – ревность. У какого-то народа национальная черта характера – лень, у кого-то – уживчивость, а татары не могут радоваться успехам своих соплеменников... Все эти лидеры национального движения, разругавшись между собой, утратили доверие народа. Вся национальная идея не воплощена в конкретных фигурах. Народу все равно, он выживает сам, он видит, что его интересов никто не представляет ни в Госсовете, ни в каких-то других структурах. Поэтому мы можем сто стратегий написать, но кто будет следовать? Мы сами?.. И какие инструменты? Как мы донесем ее до бабушки из Пестречинского района и студента аграрного техникума в Буинске?» По словам Игламова, сфера применения татарского языка ограничена гуманитарной сферой, есть пять-шесть гиперязыков, на которых развивается наука, а татар в мире не знают. «Нам есть кого продвигать! Вот для чего нужна стратегия! Сколько можно переводить Тукая? Издателям интересно работать с живыми авторами», – отмечает он.

Историк, профессор Висконсинского университета (США) Юлай Шамильоглу, прежде чем дать свою оценку текущим событиям, подчеркнул, что он не гражданин РФ: «Я здесь в гостях, но я член татарской диаспоры из Америки». В данный момент ученый работает в Казахстане, поэтому, говоря о стратегии татарского народа, он поделился опытом Казахстана. «Я не в состоянии ответить на вопрос, почему нет такой стратегии. Но я могу сказать, что в Казахстане есть новая, очень важная стратегия – это «Третья модернизация Казахстана», которая была принята в апреле прошлого года. Первая и вторая была экономическая и политическая, принятая в 1990-х гг., но новая третья называется «Рухани джангырау» – духовное обновление». Она включает в себя национальную идентичность и самосознание в XXI столетии, культ знания; эволюционное развитие Казахстана, патриотизм – программу «Туган жир» и т. д.

«Стратегия – это то, где мы хотим находиться через десять лет, через столетие, куда идти. Это не рабочий план, это образ будущего. Если искать такую программу в тюркоязычном мире, то надо посмотреть на Ататюрка, какие главные пункты были у него. Это тоже была стратегия. И у Эрдогана, скорее всего, есть ревизия стратегии Ататюрка», – отметил Шамильоглу.

*«ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА В ЭТОМ: НЕ БЫЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ РУКОВОДСТВА
ТАТАРСТАНА»*

Политолог Руслан Айсин отметил, что какие-то подходы к этому документу в Татарстане были, но не было политической воли. «За построением экономической модели, за этой материальной составляющей упустили самое главное: мы не подготовили базиса для тех проблем, которые сейчас имеем. Основная причина в этом: не было понимания. Было ощущение, что Татарстан, который мы схватили когтями, уже никогда из наших стальных когтей не выйдет, но оказалось, что хватка разжимается достаточно быстро. И те вещи, которые для нас являются сакральными, – язык, конституция, республика, – так же легко отдаются, как и приобрелись. Это говорит о том, что за целое поколение мы не создали практически ничего. Раз мы в ситуации тяжелейшего кризиса, мы не можем ни на что опереться. У нас нет ни системы образования, ни национальной инфраструктуры за пределами Татарстана, мы в самом Татарстане боремся за татарский язык, за каждую табличку на татарском языке, за каждую постановку театра», – отметил он.

Отвечая на замечание Игламова о национальной черте татар, Айсин отметил, что татары разобщены по естественным причинам: «Мы до периода начала новой России фактически не общались с татарами, которые живут в Сибири, в мишарском архипелаге, уже не говоря о Казахстане, Узбекистане и так далее. Все это мы «сшивали» в 1990-х, 2000-х гг. Но и здесь не родилось понимания, может ли татарский мир существовать без государственности, образно говоря, «экстерриториальный Татарстан». Сейчас мы приходим к пониманию того, что экстерриториальный Татарстан действительно может быть». «Как в этих условиях жить?» – задался вопросом он. «Мы можем применить опыт евреев и понять, что в случае потери Татарстана у нас есть экстерриториальный Татарстан. Но для этого нужно в регионах компактного проживания татар создать инфраструктуру: живут в Томске татары, президент должен сказать – купить им здание. У татар должны быть свои предприятия, свои лоббистские возможности», – привел доводы спикер. «Не дадут», – возразил на это Игламов. «К сожалению», – легко согласился Айсин.

Политолог также привел пример Японии: когда перед ними встал вопрос, куда дальше двигаться – открыться Западу, миру или идти собственным путем, – был создан Комитет национального спасения, и за несколько лет было собрано 300 тыс. предложений от населения. «И на этой волне подъема к началу следующего века стали ведущей мировой державой», – говорит он.

Отсутствие стратегии – это вопрос властной и духовной элиты, считает экономист, публицист Рустам Курчаков: «Стратегии до сих пор не было, потому что не о том думали. 25 лет назад все ринулись в экономику, зарабатывать деньги. И это касается не только верховной власти. Но кому-то повезло больше, кому-то – меньше. Модель Татарстана состоит из двух частей: парадной части и истории возникновения и развития ТАИФа», – образно высказался Курчаков, но при этом добавил, что в глобальном понимании стратегия татарского народа есть – она изложена в Коране.

*«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР РАССТАВИЛ ПРИОРИТЕТЫ, И РЕГИОНЫ ПОНИМАЮТ
ПРАВИЛА ИГРЫ»*

Заведующая отделом этнологии института истории АН РТ, доктор социологических наук Гульнара Габрахманова уверена, что татары до сих пор не написали свою стратегию, потому что было не до того: «В тяжелые 1990-е гг., когда страна разваливалась, федеральный Центр был сосредоточен на сохранении целостности страны, регионы стремились каким-то образом накормить людей, сохранить социальную стабильность. 2000-е гг. – это этап формирования новой политики Федерального центра, это этап, когда регионы и в том числе Татарстан, стремились сохранить свои по-

зиции в этнокультурной сфере, в этнокультурной политике, отвоевать некоторые позиции. Сейчас уже можно говорить о том, что и федеральный Центр расставил приоритеты, и регионы тоже понимают правила игры, в которых им можно сейчас выстраивать свою этнокультурную политику».

Вторая причина нынешней актуализации темы заключается, по словам социолога, в том, что в течение 25 лет наблюдался активный рост этнического самосознания у татар: «Если в 1990-х гг. около 40% татар говорили, что они никогда не забывают о том, что они татары, сегодня эта цифра достигает 85–95%. Наступила некая точка кипения, когда верхи имеют определенные возможности, а низы стали готовы к созданию такого документа. Она вызревала естественным путем. Мы получили новое поколение молодежи, которое ждет, которое может и которое хочет что-то делать. Оно этнически ориентированно, оно образованно». По словам Габдрахмановой, среди российских народов таких важных серьезных документов нет, но многие народы ждут его от Татарстана.

Один из представителей того самого молодого поколения, готового созидать, – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи, кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов – также констатировал, что у молодого поколения растет национальное самосознание, но при этом исчезает язык. «Появляется множество этнических маркеров, не только тубетейки и чак-чак, и разность этих этнических маркеров работает на татар». Что касается стратегии, то к необходимости ее написания, по мнению активиста, подтолкнул кризис татарстанской идентичности. «Языковой конфликт привел к большим трещинам в ней», – отметил молодой ученый. «Оказалось, что нет никакой татарстанской идентичности», – добавил Айсин. «Она есть, но она в кризисе», – возразил Файзрахманов.

Зампредседателя ВФТМ также отметил, что создание стратегии народа – это феномен, даже нонсенс. «Ни у кого практически такого нет. У казахов это не стратегия развития казахского народа, это стратегия развития Казахстана. Необходимость написания этой стратегии – естественный виток развития татар. Итог вызван некоторыми кризисными явлениями, в особенности в самом Татарстане и требованиями, которые до сих пор не реализованы. Например, нет татарской школы: ни в самом Татарстане, ни тем более за его пределами. Это и татарский университет, о котором говорится на протяжении 30 лет. Это отсутствие внятной политики исторической памяти, это очень тонкий пласт культуры, который сформировался сам по себе, и только-только начинает получать некую поддержку, ее долгое время не замечали», – отмечает он. Но, по словам Файзрахманова, даже не написав стратегии, татары будут развиваться, будут жить: сам по себе татарский театр будет жить и развиваться, социальные сети на татарском будут жить, исламская инфраструктура будет развиваться, есть шоу-бизнес на татарском. «Все это есть без стратегии – и будет развиваться», – уверен он. По его словам, стратегия, возможно, нужна, чтобы вложить это все в определенное русло, стимулировать формы.

Но в случае, если такой документ все-таки появится, то, исходя из стратегии, необходимо разработать дорожные карты, которые должны быть интегрированы в госпрограмму. «И мы должны задуматься о негосударственных институтах развития татарского народа», – добавил Файзрахманов.

«Необходимость создания такого документа назрела, потому что прежняя стратегия, которая была у нас с 1990-х гг., выполнена. И сейчас мы уже так жить не можем, потому что и элита, и простой народ, и молодежь не имеют единой цели, потому что старые цели непонятны. Поэтому нужно сформулировать новые. Эта работа нациестроительства», – отметил общественный деятель, журналист Римзиль Валеев.

«ТАТАРЫ ДОЛЖНЫ И ИМЕЮТ ПРАВО СТРЕМИТЬСЯ К ЕВРОПЕЙСКИМ И ОБЩЕМИРОВЫМ ЦЕННОСТЯМ»

Ответили участники «круглого стола» и на вопрос о том, каким должен быть этот документ: из каких направлений, частей состоять, кто должен входить в группу разработчиков. «Президент поручил написание стратегии конгрессу татар. Вообще-то это общественная организация, у которой не так много ресурсов и возможностей», – подчеркнул Исааков и добавил, что тем самым мы заставляем себя расписаться в том, что Республика Татарстан в этом принимает мало участия.

«Если вы возьмете стратегию социально-экономического развития Татарстана до 2030 г., там вы про татар практически ничего не найдете», – констатирует известный историк. «Там общественно-политического раздела вообще нет», – объясняет Файзрахманов.

По словам Исахакова, такими вещами должны заниматься эксперты. «У нас экспертное сообщество сосредоточено в АН РТ – должно быть сосредоточено, во всяком случае. Первая попытка поручить это академии наук увенчалась крахом. Оказывается, у нас нет институциональных механизмов создания такого рода документов – все возлагается на некие общественные силы, которые должны создать документ о спасении татар и об их продвижении до 2050 г.», – отмечает он. По словам Исахакова, на сегодняшний день вроде бы создано несколько рабочих групп, но для того, чтобы создать концептуальный документ, их, должно быть, как минимум двадцать. «У татар недостаточно экспертов, нужно привлекать со стороны», – отметил при этом он.

«Надо четко разделиться по группам и секциям – кто за что отвечает, – поддержал его Игламов. – На последнее заседание в ВКТ по стратегии я уже не пошел, потому что мы говорим об одном и том же, а дело не движется. Когда мне уже скажут: «Нияз Рауфович, напишите про татарский театр на двух-трех страницах?» – я напишу! Или про продвижение татарской культуры на общемировой или российский рынок. Этим никто не занимался никогда! При следующем раскладе мы окажемся не у дел. Надо быть готовым к любым политическим разворотам. Мы не должны на кого-то рассчитывать, кроме себя. Я готов свою лепту внести. Очень хочу конкретики, я не хочу тратить свое время зря».

«Татары должны иметь право на образование на своем родном языке. Татары имеют право изучать свою литературу, историю и тому подобное. Референдум 1992 г. о том, что Татарстан – субъект международного права, все еще действует. В США каждый штат автономный. И в РФ это вполне возможно, – напомнил профессор Шамильоглу. – Татары должны и имеют право стремиться к европейским и общемировым ценностям. Есть общетюркские ценности, мусульманские. В Казахстане говорят о создании культурного кода казахов, татарам тоже можно говорить об этом».

По мнению Айсина, стратегия должна состоять из двух компонентов: доктрины и непосредственно самой стратегии. «Здесь уже поднимали вопрос: кто такой татарин? Должны быть четкие критерии самоидентификации. Некоторые говорят: я не знаю татарского языка, значит, я не татарин. Татарский язык знать надо, но надо и учитывать, что татарского языка не знают уже три четверти татарского населения. Это большая проблема, но нужно понимать, что делать с русскоязычными татарами. Они не перестают быть татарами. Вторая часть – это стратегия, более конкретная вещь. Она должна быть трехчастная – краткосрочная, среднесрочная и долгосрочная – до 2100 г.», – считает политолог. «Движущим механизмом должна быть не Академия наук», – согласился при этом с Исахаковым Айсин.

А Курчаков напомнил обещание Шайхразиева – принять документ уже к следующему Дню республики, 30 августа: «Не появится эта стратегия к августу 2019 г. В лучшем случае года через два-три стратегия появится. Если не через два-три года, то лет через пять она появится подпольно и будет передаваться закрыто в условиях уже китайской оккупации. Нужна встряска. Нет этой встряски. Нет единого видения истории».

«ОЧЕНЬ ВАЖНО УЙТИ ОТ СОВЕТСКИХ ШАБЛОНОВ ПОДДЕРЖАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ»

По словам доктора социологических наук Габдрахмановой, очень важно вложить в стратегию региональный подход. «В регионах компактного проживания татар ситуация очень разная, и задачи, которые стоят по сохранению татар в этих регионах, тоже разные. Где-то стоит задача демографической безопасности, где-то – возрождения и сохранения татарской идентичности. Очень важно заложить принцип, что татары разные не только по уровню владения языком, но и в каждом регионе свои собственные задачи по сохранению татар. Вторая вещь – очень важно заложить в стратегию понимание того, кто такой татарин, на чем держится сегодня татарскость». По мнению ученого, очень важно уйти от советских шаблонов поддержания этничности: «Тот советский под-

ход, что национальность и этнические чувства людей можно поддерживать песнями, плясками и праздниками, уже не так интересен, не так востребован, особенно у молодежи. Наелись мы уже сабантуями. Надо искать какие-то другие новые формы поддержания татарскости, искать эти особенности, которые кроются в татарских ценностях. Там масса интересного».

По словам Файзрахманова, одним из главных принципов этой стратегии должна быть какая-то новая маркетинговая стратегия продвижения татарскости, продвижение татарского языка, продвижение татарской культуры: «Я смотрю на стратегию так, что она будет развиваться инерционно, что попросят у ученых доктрину. По отдельным отраслям запросят аналитику у отдела этносоциологии института истории, по театрам и другим отраслям – у министерств, у ведомств и сформируют какую-то красивую презентацию к лету 2019 г. Проведут конференции на десять ученых по этому вопросу. Эти все материалы попадут. Вопрос, кто будет их собирать. Если процесс будет развиваться так инерционно, то документ будет хаотичным. Я надеюсь, что даже в рамках этого хаотичного документа будут какие-то прорывные моменты, которые попадут или в госпрограммы, или в гранты, – получают ресурсную подпитку».

Как выяснилось, на вопрос, какие направления должны входить в стратегию, молодежь для себя уже ответила: «Есть прорывные отрасли, которые могут вытянуть татар. Это образование: садик, школа, университет. И, естественно, культура». «Мы насчитали 23 направления и уже даже начали проводить свои исследования. Это были беседы в рамках локальных фокус-групп. Мы хотим для себя определиться. Будут ли нас слушать, будут ли наши записи брать и будут ли нас просить обработать всю эту информацию, это тоже вопрос. У нас уже есть сформированная стратегия по татарской школе, концепция открытого татарского университета, у нас есть представление по тому, как должна развиваться современная татарская культура. В какую-то часть стратегии эти наработки, наверное, попадут, в какую-то – нет», – говорит Файзрахманов.

«Стратегия – это план долгосрочный, на несколько десятилетий, и разработка средств достижений этих целей. Если мы не создадим национальной культурной среды, без этого ничего не будет», – добавил Валеев.

Гульназ Бадретдин

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/406510>,

17 декабря 2018.

ЧАСТЬ 3. ДИСКУССИИ ВОКРУГ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: 2019

* * *

«ЕСЛИ ТАТАРИН ТАТАРИНА НЕ ЗАТОПАЛ В ГРЯЗЬ, ТО ДЕНЬ НЕ ДЕНЬ, ЖИЗНЬ НЕ ЖИЗНЬ...»

Круглый стол «БИЗНЕС Online»: нужна ли стратегия татарского народа и почему татар решили «немного придушить». Часть I

«Мы можем 100 стратегий написать, но кто им будет следовать – мы сами?» – задавались вопросом участники «круглого стола» «Стратегия развития татарского народа: ждать ли прорывного документа?». Стратегия – это образ будущего, но кем станут татары через 50 и 100 лет? Куда идет нация и какие у нее цели? На эти вопросы пытались найти ответы эксперты «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Руслан Айсин – политолог.

Римзиль Валеев – общественный деятель, журналист.

Гульнара Габдрахманова – заведующая отделом этнологии Института истории им. Ш. Марджани, доктор социологических наук.

Нияз Игламов – заведующий литературно-драматической части Камаловского театра, театральный критик.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член «Милли шура» Всемирного конгресса татар.

Рустам Курчаков – экономист, публицист.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи, кандидат исторических наук.

Юлай Шамильоглу – историк, профессор Висконсинского университета (США).

Модератор: Рашид Галямов – издатель «БИЗНЕС Online».

ДАМИР ИСХАКОВ: «АВТОНОМИЯ – КАК МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ ДЛЯ ТАТАР»

Модератор: Тема нашего «круглого стола» – «Стратегия развития татарского народа: ждать ли прорывного документа?». Хотелось бы услышать от вас, в чем причина того, что за более чем 25 лет постсоветского времени стратегия так и не была подготовлена теми же структурами ВКТ или другими татарскими организациями, группами интеллектуалов. Кстати, хотелось бы понять, есть ли аналогичные документы у других народов? Должна ли стратегия ограничиваться только татарами, проживающими на территории России? Предлагаю начать с Рустама Султановича Курчакова, который попросил несколько слов вначале произнести, так сказать, для некоего камертона.

Рустам Курчаков: Так получилось, что, когда мне позвонили и пригласили на этот «круглый стол», я посмотрел – а это время пятничного намаза («круглый стол» прошел в пятницу в 11:00 – прим. ред.). Это знак, на самом деле, ведь мы собрались обсуждать такой вопрос... Я скептически отношусь к этой теме и к возможности сейчас выстроить стратегию. Но об этом чуть позже. А здесь, мне показалось, это очень важный знак, который нам нужно учесть. Алла боерса, если нам удастся во время этого обсуждения максимально пребывать в состоянии «ас-саят», то есть связи со Всевышним и следовании Его воле, не сбиваясь с этой путеводной нити – «сират-ат-дин». Это было бы очень хорошо, потому что судьба тюрко-татарского народа – я думаю, так правильнее

будет сказать, потому что татары – это просто отдельная, особенная, со своими плюсами и минусами, где-то продвинутая, а где-то подотставшая часть тюркского мира...

Если уж серьезно постановку сегодняшней темы воспринять, это «язмыш» (судьба), а не просто стратегия. Стратегия – это лишь форма, можно так оформить, а можно по-другому, в виде стратегического документа или рабочей записки, а можно вообще не озвучивать, потому что настоящие стратегии не декларируются и не озвучиваются. Их внутри носят те, кто их реализуют. Это получается «язмыш язу» – некий эскиз судьбы, прикидка. А это суперответственное дело, и без обращения к Создателю или Творцу я бы просто не брался за это дело, потому что это как высокое напряжение: электрические провода голыми руками возьмешь без подготовки – все оторвет. В истории тюрков и татар линия единобожия, как дуга, протянулась от Тенгри к Алла. Не зря в нашем языке это сохранилось – Тенгри, Ходай, Алла. Эта линия на татарский народ накладывает особую ответственность, это очень важно.

Модератор: После того, как в сентябре 2018 г. Рустам Минниханов на ежегодном послании сказал о необходимости стратегии: покритиковал ВКТ, сказал, что необходимо искать некие факторы консолидации нации – после этого забурлил процесс, оживился ВКТ, интервью пошли и так далее. Как говорил Михаил Сергеевич Горбачев, процесс пошел. Мы тоже решили внести свою лепту, тем более, что, процесс-то только в самом начале. Слово предлагаю дать Дамиру Мавляевичу Исхакову. Почему ему? Потому что первый вопрос – в чем причина, почему за 25–30 лет постсоветского времени так и не была подготовлена стратегия развития татарского народа, хотя, насколько мы знаем, попытки предпринимались. Никто лучше Дамира Мавляевича, идеолога национального движения, на этот вопрос не ответит.

Читатели наверняка будут интересоваться, есть ли аналогичные документы у других народов. Предваряя эти вопросы, я принес сюда книгу «Русская доктрина». Один из главных ее авторов и редакторов – Андрей Борисович Кобяков, известнейший экономист, политолог, друг нашей редакции. Она, конечно, официально не принята, тем не менее, широкий круг интеллектуалов написал, по-моему, великолепнейший труд. Можно критиковать или не критиковать, но такая доктрина есть. Возможно, как специалист, вы, Дамир Мавляевич, подскажете, имеется ли нечто подобное у других народов. Надеюсь, мы, татары, не изобретаем заново велосипед.

Хотел также показать вторую книгу, наверное, все ее знают – «Татарский век». Мы ее начали делать в начале нулевых, делали пять лет нашей командой – тогда это был «Восточный экспресс», сейчас ядро той команды работает в «БИЗНЕС Online». Мы сделали порядка 80 интервью с крупнейшими реальными лидерами мнений. Сразу скажу, что чиновников там нет, кроме Минтимера Шаймиева и Зили Валеевой, которая тогда была вице-премьером по культуре, идеологии. Брали интервью у тех, кто жил не только в Татарстане, но и в Москве, Турции, США... Это, например, Ахмет Тимер, выдающийся историк из Турции, который уже умер. Я считаю, эта книга – лайт-версия татарской доктрины, потому что выдающиеся люди нации, лидеры размышляли, где она сейчас, наша нация, что получилось, что нет, кто ее символы и т. д., и т. п. Так что некий кирпичик для фундамента стратегии есть.

Дамир Исхаков: Когда речь идет о создании доктринальных документов (как бы их ни называли: концепция, стратегия, неважно), там есть ряд ограничений, которые далеко не всем позволяют создать такие стратегическо-концептуальные документы. Потому что они носят характер весьма абстрактных обобщений. Для того чтобы достичь такого уровня обобщений, необходимо наличие большого круга экспертов, причем представляющих разные отрасли знаний, экспертов, которые привыкли в коллективе работать. Стратегический документ – документ именно коллективного характера, один человек не может такой документ создать.

Одна из причин того, что у нас, татар, такой документ не родился, заключается в том, что фактически в целом татарская нация оказалась недостаточно успешной. Не все понимают, что имеется в виду под этой формулировкой. Я просто скажу, что в тюркском мире татары, которые занимали важные позиции к началу XX в., являются единственным народом, который в советских условиях

получил очень плохую урезанную автономию и, вместо того чтобы развиваться, пошел, наоборот, назад. Это весьма интересное явление, историками не изученное. Для чувашей, башкир, марийцев автономия была шагом вперед. Для татар она оказалась мертвой петлей, которая в значительной степени татар удушила. Народ как таковой не исчез, потому что татары умеют очень хорошо приспособляться и большинство из них находилось за пределами автономии, они как-то выживали, и общество в целом не потерялось. Но институционально татары не смогли выстроиться. Яркий критерий, пример – это отсутствие национального университета. Всем было ясно уже в начале XX в., что надо его создавать, но он так и не был создан. Это одна из проблем глобального характера, причина, почему татары ничего не смогли сделать против такой политики и в итоге мы оказались в таком положении.

Вторая проблема, которая связана с первой, – результаты «четвертой татарской революции», то есть постсоветская революция. Сейчас уже можно абсолютно четко сказать, что во время этого последнего подъема задачи революционными татарскими отрядами были поставлены, но в принципе ни одну решить не удалось. Сейчас мы имеем даже еще более урезанную автономию, чем в советском периоде, я считаю. В этнокультурном отношении мы практически ничего не достигли. Наоборот, сейчас отчетливо видно, в том числе из-за политики федерального Центра, что мы шаг за шагом отступаем и уже подошли к серьезной грани, когда татарскому языку просто грозит исчезновение. Мое общение со множеством групп татар, разных экспертных сообществ показывает, что татарским интеллектуалам не удалось нащупать пути выхода из этого кризисного состояния. То есть, нет на сегодняшний день конкретных механизмов, что нам делать в ближайшем будущем. Когда речь заходит о том, что надо создать стратегический документ, я думаю, что наиболее важным звеном того, что будет происходить, является даже не этот документ, а само осознание татарским сообществом, есть ли у нас силы, которые способны создать такой документ.

Модератор: То есть сам процесс работы над ним?

Дамир Исхаков: Да, сам процесс важен. И мы должны посмотреть друг на друга и увидеть, каковы наши реальные возможности. Но если учитывать, что уже возникла непосредственно угроза существования самих республик, то может случиться так, что пока мы тут будем барахтаться в попытке создать что-то, уже и республики могут быть ликвидированы. А у нас нет институциональной базы для существования в безреспубликанской среде. Ярчайшим примером того, в каком положении мы находимся, является состав «Милли шура», избранный всемирным конгрессом татар. Он носит совершенно случайный характер и ни в коей мере не может служить национальным парламентом, если республика будет ликвидирована. То есть, у нас нет самой базы, нет объединенных интеллектуальных групп. Мой опыт за последнее время в татарском мире по поводу нащупывания различных групп показывает, что чрезвычайно трудно объединить наличные интеллектуальные ресурсы. Все очень разношерстные, не заточены под коллективную работу. Какие-то отдельные группы пишут отдельные записки, Рафаэль Хакимов – отдельно, из Москвы отдельно поступают идеи, из Петербурга – тоже, потом все это куда-то уходит. И ядра, которое все это обобщало бы, нет. И самих подходов нет. В принципе, я настроен весьма скептически по поводу того, что у нас в итоге может родиться. Главная проблема, как я уже сказал, – это само состояние татарской нации, к сожалению, весьма прискорбное.

Модератор: У других национальностей вообще есть подобные документы?

Дамир Исхаков: Кроме как у русских в России такого опыта нет, за исключением немцев. Русских немцев. Этот документ был создан довольно давно, но при поддержке Германии. Когда немцы стали уезжать в Германию в большом числе, тогдашние немцы из ФРГ решили поддержать тех, кто остается, чтобы хоть какая-то рука здесь оставалась. Они сделали такой общий концептуальный документ. Он был принят российским правительством и имеется в доступном виде, можно почитать. Похожий документ еще есть у башкир – называется «Программа развития башкирского народа» 1996 г. Этот документ интересен тем, что до его подготовки крупные ученые (два человека на самом деле – Равиль Гумерович Кузеев и Гилязетдинов, известный социолог) разработали

концептуальный каркас этого документа – он опубликован, тоже доступен. Там были разработаны многие проблемные вещи, которые формируются перед тем, как писать конкретную программу. Можно сказать, что башкиры нас тогда превзошли. Но этот документ имеет один недостаток: он был нацелен на поддержку башкир как государствообразующего единственного народа. Опыт показал, что этот документ не сработал. По этой причине.

В Казахстане есть подобный документ...

Рустам Курчаков: У евреев еще есть подобный документ, но он закрытый.

Модератор: Может быть, стратегия – это вообще алогичный документ?

Дамир Исхаков: Не вполне. Она имеет право на существование.

Модератор: Как оцениваете русскую доктрину?

Дамир Исхаков: Она наиболее проработанная из существующих документов, потому что работали специалисты высокого класса. Это важный, фундаментальный документ, который необходим для идеологической проработки будущего.

Модератор: Я ее пролистал перед нашим «круглым столом». В принципе, вообще можно брать по главам...

Руслан Айсин: И вместо русских татар вставлять?

Модератор: Нет. Работать по этой кальке. Допустим, что делать со школами: татарская школа, вопросы религии, культуры, хозяйства, социальный капитал...

Дамир Исхаков: Нам необязательно следовать этому, но иметь в виду надо. У нас, татар, положение другое, так что мы не можем всё использовать.

Рустам Курчаков: «Русская доктрина» 2008 г. – я ее тоже полистал. По каким-то частным вопросам, как вы сказали, про школу – это вообще интересный культурный опыт. Но после 2008 г. начался глобальный кризис, финансово-экономический.

Модератор: Там он описан.

Рустам Курчаков: А в 2013-м – гибридная мировая война.

Модератор: И про нее есть в доктрине, и про Запад, и про давление. Очень актуально.

Римзиль Валеев: У меня реплика. Здесь не надо смешивать понятия «стратегия», «госпрограмма» или «программа» и «доктрина» – это разные вещи. Действительно, в 2000-е гг. немецкая программа была государственная, как раз тогда я был председателем Федеральной автономии татар. И в московском Белом доме мне говорили, что я лучше сделаю. То, что Дамир Мавлявеевич сказал, больше похоже на госпрограмму. Это понятно, поскольку стратегия должна быть обоснованной и реализуемой...

Дамир Исхаков: Римзиль Салихович, без концепции никакой программы не бывает.

Римзиль Валеев: Сама стратегия не то чтобы документ, она так же, как идея строительства коммунизма и моральный кодекс строителя коммунизма, должна уместиться на полстраницы – четыре фразы, на несколько альтернативных алгоритмов. Это, конечно, мое субъективное мнение. Не только у русских – у евреев, турок, казахов точно давно уже есть своя стратегия. В соответствии с этой стратегией они и существуют. Нет ни одного государства и крупного народа, которые не имели бы стратегии. У нас она в подстреленном виде тоже есть, в сердцах и головах...

НИЯЗ ИГЛАМОВ: «МЫ ПОМНИМ МИТИНГИ НАЧАЛА 1990-Х! А СЕЙЧАС ПОЗОВИ НА МИТИНГ – ДА НИКТО НЕ ВЫЙДЕТ...»

Модератор: Спасибо. Слово Ниязу Игламову.

Нияз Игламов: На самом деле татары – такой удивительный народ, очень разобщенный и ревнующий к успехам другого. Это такая черта характера национальная, как у кого-то лень, у кого-то – уживчивость со всеми. Если татарин татарина не затоптал в грязь, то день не день, жизнь не жизнь, карьера не удалась. Мы не можем радоваться успехам своих соплеменников. Поэтому и не была написана стратегия. Вспомните, как все эти лидеры национальных движений к концу 1990-х начали друг с другом сражаться. Развалили движение – и утратили доверие народа. Мы помним митинги начала 1990-х! А сейчас позови на митинг – да никто не выйдет. Потому что национальная идея, к сожалению, не воплощена в фигурах, которые пользуются кредитом доверия у

народа. Народу, по большому счету, все равно, он выживает сам, он видит, что его интересы никто не представляет ни в Госсовете, ни в каких-то других структурах. Он видит, что его чаяния и надежды никак не реализуются, вот каждый и идет своим путем. Мы можем сто стратегий написать, но кто им будет следовать – мы сами? Хорошо, если мы сами начнем им следовать, и за нами кто-то потянется. Для меня, конечно же, в первую очередь большая проблема в этом, а не в написании стратегии. Тут очень много умных людей, а я практический человек. Я считаю, что параллельно с разработкой стратегии нужно думать о тех инструментах, которые позволят эту стратегию воплощать. Просто написать красивые слова...

Практически готовую стратегию Римзиль Валеев нам представил на одном из заседаний ВКТ. Очень внятная стратегия – вот ее бери за основу и доделывай, вопрос двух недель. Но кто ей будет следовать и какие инструменты есть для ее воплощения? Как мы ее до бабушки в Пестречинском районе, до студента аграрного техникума в Буинске донесем? Вот они прочли в «БИЗНЕС Online» или на другом ресурсе, что будет опубликована эта стратегия. И сразу запишут: «Я буду неукоснительно следовать этой стратегии!» Да не будет такого. А надо подумать о том, каковы механизмы влияния.

Римзиль Валеев: А почему ты думаешь, что будет недостаточно того, если 20 представителей элиты, начиная с президента, будут выполнять? Почему думаешь, что другие не последуют?

Нияз Игламов: Хорошо, если президент туда подключится.

Римзиль Валеев: Да, президент и его 25 соратников.

Нияз Игламов: Может быть... Но, понимаете, это будет некая инициатива «сверху», и отношение к ней будет такое же, как к инициативе «сверху». Это как с партией «Единая Россия».

Римзиль Валеев: Почему? Если «снизу» пришла идея, а они выполняют?

Нияз Игламов: Не рассказывайте сказки. Это как уйдет Путин – и все верные путинцы станут антипутинцами... Есть определенная логика. То, что спускается «сверху», – это то, что спускается «сверху». И отношение «внизу» к ней такое: «Пока у него сила и власть, а уйдет...»

Правда, я пришел сюда, на «круглый стол», и на заседания ВКТ хожу, желая помочь, внести свою лепту и, в первую очередь, говорить о профессиональном искусстве, национальной культуре. Потому что сфера применения, например, татарского языка ограничена только гуманитарной сферой. Если человек – ученый, ему татарский язык не нужен, потому что не бывает татарской физики или татарской астронавтики.

Дамир Исхаков: Не совсем. Есть кое-где.

Нияз Игламов: Причем тут наука на татарском? Это можно сделать, совершая некое насилие над природой. Даже русский язык не нужен в научном сообществе, потому что индексы цитируемости все английские, китайские или испаноязычные, арабоязычные. Есть пять-шесть гиперязыков, на которых основные направления в науке существуют. Мы тут татарский все равно не вставим. Поэтому нам лучше развивать гуманитарную сферу по-настоящему: татарское языкознание, философия, религиозная мысль и прочее, культура, искусствоведение... Вот что нужно. У нас настолько слабое литературоведение, что литературный процесс фактически никак не осознан татарскими литературоведами.

Дамир Исхаков: Потому что сама литература слабая.

Нияз Игламов: Я бы не сказал. У нас есть пять-шесть прозаиков мирового уровня, просто мы их не переводим. Мы же переводим наших поэтов-депутатов, председателей Союзов писателей на русский и другие языки.

Дамир Исхаков: Гузель Яхину переводим.

Нияз Игламов: Яхина – это коммерческий проект. Я двумя руками за нее, потому что она ни у кого денег не просила. Это как бы коммерческий проект. Слабая литература, на мой взгляд, не более того, не то, чтобы в нее бросаться. У нас есть, кого продвигать, но мы этим не занимаемся. Вот на что должна быть направлена стратегия. Нас, татар, в мире не знают. Скажу без тени смущения – а я человек не скромный, меня называют в театральном мире посланцем татарской культуры. Потому что столько, сколько я рассказываю, ездя как эксперт «Золотой маски» от Владивостока до

Бреста в год по два раза, не рассказывает о татарской культуре никто. Все узнают про наш театр имени Камала в основном после моих о нем рассказов, потом с нами начинают делать какие-то проекты. Это тоже очень важно. Если бы еще несколько человек такого уровня были...

А то мы же варимся в своем котле. Мы ничего не делаем, чтобы себя как-то позиционировать. Сколько можно переводить Тукая? Надо понять психологию зарубежного издателя, ему интереснее работать с живыми авторами. Тукай в свое время не прозвучал, что сейчас с этим делать? Наоборот, через современных авторов можно вернуть Тукая, а не называть все, что попало, его именем. У нас скоро будет площадь Тукая, памятник Тукая, орден Тукая – наградить орденом Тукая в ознаменование 150-летия Тукая... Абсурд. Потому что наши руководители никого кроме Тукая не знают.

Руслан Айсин: Ты много ездил. Может, у других народов есть...

Нияз Игламов: Я знаю, к сожалению, только народы Российской Федерации и Казахстана, где я постоянно бываю. В принципе, везде все то же самое, что у нас, только хуже. Все те проблемы, которые есть у татар, у башкир сильнее – и дальше – по нарастающей. Чем меньше народ, тем больше у него проблем – языковых, культурных, скрепоносных. С ними меньше считаются.

Айрат Файзрахманов: А Саха (Якутия)?

Нияз Игламов: Саха и Тува – это два удивительных случая. Они живут практически сегрегационно. Как у нас была сегрегация до революции: не смешивались татарское и русское население. Там они живут слишком на особицу. Они сохраняют язык просто потому, что в принципе у них нет такого понятия, как смешанные браки. У них смешанных браков – 0,5%, у нас – 30. О чем-то это говорит?

Рустам Курчаков: Нияз Рауфович, вы сказали, что не столь важна стратегия, сколько – что?

Нияз Игламов: Сколько инструменты и механизмы по следованию этой стратегии, по ее реализации, использованию. За последние 10 лет я принимал участие в написании кучи всяких документов: это и закон о театре, и долгосрочная концепция культурного развития... Все эти документы лежат где-то в архивах, и никто им не следует.

Рустам Курчаков: А какие механизмы? Из того, что вы сказали, я уловил, что, если, допустим, в области экономики, социально-экономической сферы Татарстан сделал прорыв и миру стал известен, чего не было 25 лет назад, то в области же культуры и искусства нужно сделать то же самое. Так? Я правильно вас понял?

Нияз Игламов: Да, абсолютно.

Римзиль Валеев: После стратегии обязательно тактика идет, потом – инструменты.

Рустам Курчаков: Их не надо смешивать.

Нияз Игламов: Я их не смешиваю, они должны параллельно идти. Я же не против стратегии, я говорю о том, что нужно параллельно продумывать инструменты.

Модератор: Зачем вообще нужна стратегия? Вот беру русскую стратегию – там есть блок, посвященный искусству. И авторы стратегии считают, что должна быть иерархия искусств: на первом месте – архитектура, театр на седьмом месте у них! Отдельный блок – шоу-бизнес. Они говорят, что русские должны вкладываться в шоу-бизнес, потому что это инструмент влияния на сознание.

Римзиль Валеев: Есть ли там блок про то, что русский народ надо развивать за счет ассимиляции внутрироссийских народов?

Модератор: Нет такого.

Римзиль Валеев: Но ведь реализуется. И было это десятилетиями. Тем не менее, демография пополняется за счет других народов.

Нияз Игламов: Сегодня – и в мире это абсолютно признано – самым главным искусством в России и вообще является театр, а никакая ни архитектура.

Модератор: Кино, архитектура.

Нияз Игламов: Это ошибочно. Российское кино просто в глубоком дне.

Рустам Курчаков: Это ранжирование с точки зрения внешнего взгляда.

Модератор: Нет, с точки зрения идеологов.

Римзиль Валеев: Политтехнологии являются сегодня самым главным искусством.

ЮЛАЙ ШАМИЛЬОГЛУ: «СТРАТЕГИЯ – ЭТО НЕ РАБОЧИЙ ПЛАН, А ПУТЬ К ЦЕЛИ, ТО, ГДЕ МЫ ХОТИМ НАХОДИТЬСЯ ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ ИЛИ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ»

Модератор: В театр сегодня ходят 3%, а кино – это 100%-ый охват, те же телесериалы. Сейчас не об этом дискуссия. Зачем нужна стратегия? Опять же, вопрос иерархии целей, задач. Инструменты тоже важны. Слово нашему известному выдающемуся историку из Америки Юлаю Шамильоглу, который имеет спектральный взгляд на эти проблемы.

Дамир Исхаков: Он сейчас представляет Университет имени Назарбаева, где является руководителем одного из подразделений, поэтому очень хорошо знает казахскую практику.

Юлай Шамильоглу: Спасибо большое за приглашение. Я в гостях здесь, я не гражданин РФ, но член татарской диаспоры из Америки. Сейчас я работаю в Казахстане, значит, знаком с положением там. Я не в состоянии ответить на вопрос, почему у татар нет такой стратегии. Однако могу сказать, что в Казахстане есть очень важная новая стратегия. Это третья модернизация Казахстана, первая и вторая была экономическая и политическая, принятая в 1990-х гг.. Новая, третья, была заявлена в апреле прошлого года, называется «Рухани жангыру» – духовное обновление. Она о национальной идентичности или самосознании в XXI в. – эти определения из статьи Президента Казахстана. Конкурентность, прагматизм, сохранение национальной идентичности, культ знания, эволюционное развитие Казахстана. Открытый взгляд на мир. Для будущего – шаг за шагом переход на латиницу, новые гуманитарные знания, перевод 100 международных учебников на казахский язык в области гуманитарных и социальных наук. Третье – патриотизм, который начинается с любви к своей малой родине, к земле, со своего аула, города, региона. Есть программа «Туған жер» – она должна стать основой для настоящего патриотизма. Четвертое – это сакральная география Казахстана, это может быть дерево или еще что-то, в общем, те места, которые имеют духовное значение для казахов. И новая казахская культура в глобальном мире. Последнее – это 100 новых лиц Казахстана, потому что есть разные иконы: Чокан Валиханов или Мухтар Ауэзов. Но есть и лица императорского периода, которые служили и Российской империи, и иконы советского периода, которые служили Советскому Союзу. Поэтому нужны новые лица. Здесь речь о новых композиторах, врачах, драматургах, писателях...

Это главные пункты стратегии или программы для развития. Если мы хотим обустроить дом, надо знать, сколько комнат, где будет дверь, окна. Стратегия – это не рабочий план, а путь к цели, то, где мы хотим находиться через 10 лет или через столетия.

Модератор: Это образ будущего.

Юлай Шамильоглу: Да. Кем вы хотите быть? Где вы хотите работать? Что вы хотите в жизни? Надо это знать. Куда нужно идти.

Модератор: Кроме казахов, у других народов есть стратегия? Вы же по всему миру работали, много ездили. У американского народа есть стратегия?

Юлай Шамильоглу: Что такое американский народ?

Модератор: У белых англосаксов-протестантов есть своя стратегия?

Юлай Шамильоглу: Об этом, к сожалению, ничего не знаю. Если искать другую программу в тюркоязычном мире, надо посмотреть на Ататюрка, какие главные пункты были у него, потому что это тоже была стратегия. И у Эрдогана, может быть, есть ревизия этой стратегии.

Модератор: После Ататюрка какие-то документы рождались у турков?

Юлай Шамильоглу: Это конец халифата в Османской империи, переход на латиницу, желание иметь свою, нерелигиозную историю, иметь национальную историю и т. д.

РУСЛАН АЙСИН: «МОЖЕТ ЛИ ТАТАРСКИЙ МИР СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ОБРАЗНО ГОВОРЯ – ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ТАТАРСТАН?»

Модератор: Руслан Айсин работал в ВКТ, варился в этом соку, поэтому, наверное, может ответить на вопрос, почему за 25 лет у татар не появилась стратегия?

Руслан Айсин: Этот вопрос действительно сложный. Все-таки какие-то подходы к этому документу были, и Дамир Мавлявеевич разрабатывал в рамках центра этномониторинга. Но, я так

понимаю, не было некой воли политической у руководства Татарстана. Потому что в тот период, достаточно благонадежный, в 1990-е гг., все были упоены некоей суверенизацией, построением экономической модели. Надо сказать прямо – за прямым обогащением элиты, за этой ширмой, за материальной составляющей упустили самое главное: мы не подготовили базис для решения тех проблем, которые мы сейчас имеем. Я думаю, что основная причина, конечно, в этом – не было политической воли, не было понимания. Было ощущение, что Татарстан, который мы схватили когтями, никогда уже из наших стальных когтей не выйдет. Но оказалось, что хватка разжимается достаточно быстро и то, что для нас является сакральным – язык, Конституция, республика – отдаются так же легко, как приобрелись.

Это говорит о том, что за целое поколение мы не создали фактически ничего, раз сегодня мы находимся в ситуации тяжелого кризиса и не можем ни на что опереться. У нас нет ни системы образования, ни национальной инфраструктуры за пределами Татарстана. Мы в самой республике боремся за татарский язык, за каждую табличку, за каждую постановку театра. Это на самом деле смешно, потому что вместо того, чтобы энергию свою пускать на другие цели, мы здесь, внутри ядра, сплавиваем это ядро. Когда говорят о том, что нужны механизмы – естественно, нужны, но без целей эти механизмы, конечно, смешны. Был такой известный французский философ Гастон Башляр, который очень близок татарам, я так считаю, потому что он называл себя сельским философом.

Модератор: И фамилия «баш».

Руслан Айсин: Да, тем более. Он был выходец из села, как и большинство татар. У него есть такие прекрасные книги о метафизике огня. Он говорил: «Вы посмотрите, как люди добывали огонь: никто к ним не пришел и не дал эти палочки, которые терли. Была идея огня». Потому что не могут два неандертальца сесть и тереть эти палочки, должна быть идея.

Нияз Игламов: Он глубоко заблуждался, на мой взгляд.

Руслан Айсин: Я считаю, что идея должна быть. Когда ты даешь идею, то инструментарий автоматически к ней подверстывается. Что касается вопроса о том, что нам даст эта стратегия, почему она не стала возможной? Я этот пример приводил, но еще раз приведу: Япония, революция Мэйдзи. Когда перед японцами встал вопрос, куда двигаться...

Модератор: Быть или не быть по большому счету...

Руслан Айсин: Или открыться миру, Западу, или идти собственным путем. Так как японское общество было сильно милитаризованным, офицеры создали комитет национального спасения, назвали его словом, которое не очень благозвучное в русском, – «сиси», оно переводится как «люди высокой цели». Обратились к императору и японскому народу, мол, кидайте свои программы, предложения по тому, как нам быть.

Дамир Исхаков: По-русски это будет «люди длинной воли» на самом деле.

Руслан Айсин: Да, люди длинной воли, если выразиться по-гумилевски. И что получилось? В первый год пришло семь предложений, семь! Через несколько лет их было 300 тыс. И на этой волне подъема японцы к началу следующего века получили и Мукден, и стали одной из ведущих мировых держав. Получили этот зонтик из восьми секций, который как бы курировал всю Азию. То есть японцы смогли в принципе. Это ответ на вопрос о том, нужна стратегия или нет.

Возвращаясь к вопросу, почему не смогли сделать стратегию мы. Потому что не было общего видения. Я согласен с Ниязом относительно того, что мы разобщены, но разобщены мы по естественным причинам. Мы до периода начала новой России фактически не общались с татарами, которые живут в Сибири, на мишарском архипелаге, я уж не говорю про Казахстан, Узбекистан и так далее. Все это мы сшивали в 1990-х и нулевых годах. И здесь не родилось понимания, может ли татарский мир существовать без государственности, образно говоря – экстерриториальный Татарстан. Этого понимания нет. Сейчас мы приходим к тому, что экстерриториальный Татарстан действительно может случиться. Как в этом случае жить? Мы можем взять опыт еврейского рассеивания – «галута» на иврите звучит. Применить этот опыт и понять, что в случае потери Татарстана у нас есть экстерриториальный Татарстан, но для этого нужно в регионах компактного проживания

татар создать инфраструктуру. То есть живут в Томске татары – президент что должен сделать? Купить здание – у татар должно быть свое какое-то здание, свое предприятие, свои лоббистские возможности, структуры и т. д.

Нияз Игламов: Не дадут.

Руслан Айсин: К сожалению. И касательно того, есть ли эти стратегии у других народов. Здесь говорили про русский народ, казахов, есть у евреев. На самом деле у них существует система, которая основана и на Талмуде, и на Торе, и на Галохе – фактически еврейская доктрина.

Модератор: Они все изданы.

Руслан Айсин: У других народов я не знаю. Но, по крайней мере, есть у китайцев – это уж точно. У них несколько концепций: до 2025 г., до 2050-го, до 2100-го. Они сейчас это активно реализуют – по той экспансионистской политике, которую они ведут, это видно достаточно четко. Я думаю, что татары, будучи большим и – не побоюсь этого слова – величайшим народом, должны иметь свою стратегию. Если ее не будет, это будет позор и посыпание пеплом к 2020 г.

Нияз Игламов: Я про японцев хотел сказать одну вещь – им не нужно придумывать механизмы, инструменты, император для них – священная особа. Вообще, чинопочитание в Японии, особенно в эпоху Мэйдзи...

Руслан Айсин: У нас тоже чинопочитание!

РУСТАМ КУРЧАКОВ: «КОГДА ПРОЗВУЧАЛ ЛОЗУНГ «ОБОГАЩАЙТЕСЬ!» СО СТОРОНЫ ТАКИХ «ШАЙТАНОВ», КАК ЧУБАЙС И ПРОЧИХ, ВСЕ РИНУЛИСЬ ТУДА»

Модератор: Рустам Султанович, наконец-то вам слово. Вы начинали, теперь те мысли, которые я оборвал, просьба высказать.

Дамир Исхаков: Он сначала выступил как религиозное лицо.

Модератор: Да, как камертон духовный.

Рустам Курчаков: Я человек не религиозный, как раз об этом хочу сказать. Почему за четверть века не создана стратегия? Потому что не о том думали.

Модератор: Кто? Тот, кто писал, или тот, кто заказывал?

Рустам Курчаков: Нет, все. Кто писал, я знаю по Дамиру – он думал о концепции. Но в целом и руководство, и широкая общественность думали не о том. Строго говоря, концепция судьбы – слово «стратегия» мне не нравится – татарского народа есть, она изложена в Коране. Не только в Коране – когда я о нем говорю, я имею в виду Книги писаний: Таурат – Тора, Инджиль – Евангелие, а Коран – просто завершающая редакция, последняя и окончательная. Там все изложено. «Сират-ат-дин» – это критерий для всего.

Модератор: Вы как Гейдар Джемаль, который говорил, что есть «партия Аллаха» и есть «партия Шайтана». Соответственно, у каждой партии – своя стратегия.

Рустам Курчаков: Ну, в принципе, да. В спокойной, мирной обстановке это размыто. Тут надо учесть, что сейчас мы вступили в полосу цивилизационного кризиса. Я не буду говорить про весь мир западный, но Россия – в кризисе, что документально зафиксировано.

«Сират-ат-дин» – не что-то религиозное. Почему? Потому что ислам – это не религия, это «дин». А «дин» – это вообще многозначное понятие: внутренний закон, образ мировосприятия, способ мировосприятия, то есть как я вообще мир воспринимаю. Отсюда – образ жизни. Но этого же у нас нет. У нас ислам – это отдельная религия, есть ряд религий, а вот у нас особое место занимает ислам. Религия – это же не живая вера, а только внешняя оболочка. Да, это мостик, чтобы изучить, вступить, при этом есть определенная система обрядов, есть просветители, наставники, посредники. Не умеешь напрямую общаться с Богом – вот тебе мулла, посредник, имам... И ушли в эту формальную сторону. Я почему говорю о священной истории татарского народа? Вот к Дамиру Мавляевевичу обращался недавно с вопросом (поскольку историческая тема была затронута, тут и «круглые столы», и выступления историков) – можете показать священную историю? Он вроде отрицательно ответил, сказал, что это требует дополнительной работы.

Нияз Игламов: Что такое священная история? Давайте определимся.

Рустам Курчаков: Духовная история. Оттенки.

Дамир Исхаков: Восхождение татарского духа не изучено.

Рустам Курчаков: Татары вроде от Сима, то есть это дух, прежде всего. В семье народов отличие – это дух. Он приводил в прежние времена к перекосу в сторону воли, отсюда – рубка безбашенная, письменность сохранили мало. Слава богу, китайцы за тюрками все записывали, их потом ассимилировали... Первое – это стратегия «сират-ат-дин», этого нет, пока у нас ислам останется отдельной религией, мы будем плестись в хвосте у самых лицемерных арабов. Этот конфликт: на арабском или на татарском – мы с ним не определились. Там куча вопросов на самом деле. Второе – это вопрос властной элиты и духовной. Здесь уже говорили об этом. То есть, кто создает? Духовная элита. Руслан сказал, как там самураи собрались. Где эти самураи?

Модератор: Самураев нет в нашем обществе, но по типологии – это кшатрии, воины по духу. Которые в современном мире отождествляются с управленцами, кстати.

Рустам Курчаков: Ну, может, брахманы – я не знаю, как там у них. Третье – если коротко, у нас что получилось? Почему за 25 лет ничего не выдали? 25 лет назад все же ринулись в экономику, зарабатывать деньги, и это касается не только верхней части.

Дамир Исхаков: Чумара!

Рустам Курчаков: Да, чумара (*смеются*). «Эй, приезжай скорей, открываем бакалей, вход со двора, будет чумара», – эта дореволюционная формула наша опять сыграла. Когда прозвучал лозунг «Обогащайтесь!» со стороны таких «шайтанов», как Чубайс и прочих, все ринулись туда. Но кому-то повезло больше, кому-то – меньше.

ГУЛЬНАРА ГАБДРАХМАНОВА: «МНОГИЕ НАРОДЫ ХОТЕЛИ БЫ СОЗДАТЬ ПОДОБНЫЙ ДОКУМЕНТ И С БОЛЬШИМИ НАДЕЖДАМИ СМОТРЯТ НА ТАТАРСТАН»

Модератор: Спасибо. Гульнара Габдрахманова, заведующая отделом этнологии института истории Академии наук РТ, доктор социологических наук. Вы один из соавторов последнего труда «Татары», отчасти посвященного постсоветской эпохе. То есть это тоже часть некоей доктрины татарской в определенном смысле, раз у книги название «Татары».

Гульнара Габдрахманова: Рустам Султанович с языка у меня снял мысль о причинах, почему не писалась стратегия развития татарского народа. На самом деле было не до того. Вспомним тяжелые 1990-е гг., когда страна разваливалась, федеральный Центр был сосредоточен на сохранении целостности России, регионы стремились каким-то образом накормить людей, сохранить социальную стабильность. 2000-е гг. – это этап формирования новой политики федерального Центра, это этап, когда регионы, в том числе и Татарстан, стремились сохранить свои позиции в этнокультурной сфере, в этнокультурной политике, отвоевать некоторые позиции. Сейчас уже можно говорить о том, что и федеральный Центр расставил некие приоритеты, и регионы тоже понимают правила игры, в которых им можно выстраивать свою этнокультурную политику в отношении поддержки тех или иных народов.

Я хочу напомнить, что 7 декабря Президент России Владимир Путин подписал указ о внесении изменений в стратегию реализации национальной политики РФ, где прописано, что Россия – это многонациональная страна и государство берет на себя обязанность поддерживать народы, проживающие в Российской Федерации. Конечно, федеральная политика имеет свои плюсы и минусы, которые мы прекрасно понимаем и знаем. Тем не менее, повторюсь, сегодня регионы уже получили определенные возможности – правовые, политические – для того, чтобы формировать собственную политику в отношении своих народов. Это первая причина.

Вторая причина, мне кажется, в том, что в течение 25 лет (наши социологические исследования это очень убедительно показывают) наблюдался активный рост этнического самосознания и у татар, и у других народов нашей страны. Если в 1990-х гг., по нашим исследованиям, около 40% татар говорили, что они никогда не забывают о том, что они татары, сегодня эта цифра достигает 85–95% в некоторых регионах, например, в Западной Сибири. Наступила некая точка кипения, когда «верхи» имеют определенные возможности, а «низы» стали готовы, чтобы каким-то образом

требовать и надеяться на создание подобного документа, я имею в виду стратегию развития татарского народа.

Модератор: То есть она вызревает органически? Не потому, что Минниханов импульс дал?

Гульнара Габдрахманова: Она вызревала, мне кажется, естественным путем. Обратим внимание на молодежь, которая выросла за 25 лет. Мы получили новое поколение, которое ждет, которое может и которое хочет что-то делать. Оно этнически ориентировано, оно образованное, владеет современными технологиями. Это поколение, которое сегодня тоже пытается что-то делать в плане поддержки татарского народа. Вот объективные причины, которые зрели как со стороны, так и внутри самого татарского народа для того, чтобы появился этот документ.

Модератор: Как ученый, можете подсказать, у других народов есть подобные документы? Вы читали их?

Гульнара Габдрахманова: Я это немножечко, по верхам знаю. Действительно, у казахов есть очень серьезный документ, государственная политика ведется в этом направлении. Но у российских народов, мне кажется, таких важных, серьезных документов нет.

Модератор: Кроме русского.

Гульнара Габдрахманова: Да. Но когда едешь в регионы, брожение, конечно, очень сильное. Многие народы говорят о том, что они нуждаются, хотели бы создать подобный документ, и с большими надеждами смотрят на Татарстан и татарский народ, который может дать некий импульс этому движению для того, чтобы в регионах тоже начали формироваться подобные документы. Желание есть. Например, Алтай очень активен. Там очень надеются на то, что получают какой-то опыт от нас и смогут потом что-то сделать сами.

Рустам Курчаков: Насколько накопело у русских?

Гульнара Габдрахманова: Накопело. По социологии это очень хорошо видно. Опять-таки в 1990-е гг. мы видели, что русские находились в некоторой растерянности от того, что распался Советский Союз, от того, что народы заявили о своих этнокультурных правах и потребностях. Тогда, конечно, идентичность, по нашим опросам, была очень низкая у них. Мало кто из русских говорил, что помнят, что они русские. В 2000-х гг. – как раз наши исследования показывают – очень сильная этническая идентичность у русского населения. Сегодня в Татарстане количество русских, которые говорят о том, что они никогда не забывают о своей национальности, примерно такое же, как у татар. То есть они подтянулись по уровню своего самосознания – русские до татар.

Рустам Курчаков: А великорусский шовинизм тоже подтянулся?

Гульнара Габдрахманова: По регионам ситуация очень разная.

АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «ЛЮБОЙ ЯЗЫК, ЕСЛИ ОН ХОЧЕТ РАЗВИВАТЬСЯ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ЯЗЫКОМ НАУКИ, ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Модератор: Слово Айрату Файзрахманову.

Айрат Файзрахманов: Хочу обратить внимание, что подобные книги у русских начали возникать в 2000-е гг., когда как раз заканчивался кризис русской идентичности. А помимо русской доктрины еще есть «Проект “Россия”». Таких книг на самом деле много. Я купил книгу, где целый сборник указателей на разные русские доктрины особого русского пути. Их становится все больше и больше. Такие труды в какой-то мере, конечно же, подняли русское самосознание.

Модератор: Или стали выразителями поднятого самосознания?

Айрат Файзрахманов: Все-таки подняли русское самосознание и привели к сегодняшнему всплеску, к «русской весне» в том числе.

Модератор: К «русскому миру», к доктрине.

Айрат Файзрахманов: Да, к доктрине «русского мира». В этом смысле татары в какой-то мере повторяют этот путь. Сегодня очень много статей, книг относительно того, кто мы, татары, куда мы движемся. Разные мысли, естественно. С какими-то можно согласиться, с какими-то – нет. Можно сказать, что начинается именно с того сборника, который был в 2008 г. Я соглашусь с Гульнаррой Фаатовной, что не все так плохо на самом деле, что самосознание в какой-то мере поднимается.

У молодого поколения пропадает язык, но есть самосознание. Много разных этнических маркеров появляется – не только тубетейка и чак-чак. Разность этнических маркеров на самом деле, мне кажется, работает на татар. Пусть в каком-то регионе не знают языка, но там есть свое понимание, кто такие татары, как мы должны жить. К ответу на вопрос возвращусь – почему появилась такая необходимость написать стратегию? Прежде всего – это феномен, даже нонсенс – создание стратегии народа. Как мы здесь услышали, ее ни у кого практически нет.

Модератор: По крайней мере, в открытой форме нет. Может, в скрытой есть у некоторых.

Айрат Файзрахманов: Я замечу, у Казахстана – это не стратегия развития казахского народа, а Казахстана.

Это действительно естественный виток развития татар – необходимость написания стратегии. Она вызвана в том числе и некоторыми кризисными явлениями, в особенности в самом Татарстане. Какие кризисные явления и какие требования, которые до сих пор не реализованы? Это развитие татарской школы – ее как таковой нет ни в самом Татарстане, ни тем более за его пределами. Это татарский университет – в течение 30 лет об этом говорится. Это отсутствие внятной политики исторической памяти. Это очень тонкий пласт современной татарской культуры – он сформировался сам по себе, пока только-только начинает получать некую поддержку, стимулирование. Его не замечали долгое время, а сейчас он становится более заметным. Кризисные явления тоже привели к необходимости написания стратегии.

Но даже не написав стратегии, мне кажется, татары все равно будут развиваться и жить. То есть сам по себе татарский театр будет жить и развиваться, соцсети на татарском языке – тоже. Исламская инфраструктура будет жить и развиваться – мечетей, мы видим, становится больше. Но если Татарстана не будет, станет гораздо сложнее открывать новые мечети. Есть интересные татарские истории, шоу-бизнес, наконец, на татарском языке. Все это развивается без всякой стратегии и будет развиваться. Стратегия, возможно, нужна для того, чтобы вложить их в какое-то русло, стимулировать какие-то формы. Например, если мы говорим о современной татарской музыке, какие формы стимулировать? Если мы говорим о татарских театрах, какие из них нужно поддерживать – может, музыкальный театр или мюзиклы на татарском?

Модератор: Нужно ли кино развивать? Что делать со СМИ?

Айрат Файзрахманов: Да. Стратегия – это придание определенного русла тем явлениям, которые есть, будут существовать и без стратегии. Я хотел бы различить доктрину: самосознание татар в этом мире – в глобализирующемся, в российском, в тюркском. Такая доктрина действительно нужна как некий идеологический документ. Исходя из этого идеологического документа, строится уже стратегия, если мы говорим о стратегии как о некоем таком менеджерском документе, где есть разделы, отрасли, региональное представление, как в этом макрорегионе должны развиваться татары. Исходя из стратегии должны сформироваться дорожные карты, которые должны быть интегрированы в государственную программу, естественно. И мы должны задуматься о негосударственных институтах развития татарского народа. Это тоже вопросы стимулирования создания таких институтов. Здесь говорилось о науке на татарском...

Модератор: Что не нужна физика на татарском, потому что она международная.

Айрат Файзрахманов: Если мы говорим, что не нужна физика на татарском, мы тем самым перечеркиваем существование татарских школ – и уже их существование практически перечеркнуто. Когда большие чиновники из Министерства образования говорят: «Зачем нам физика на татарском?» – это приводит к тому, что нет татарских школ. Нет татарских школ – нет потребителя татарского контента, мало таких потребителей. Любой язык, если он хочет развиваться, должен быть языком науки и языком высокой культуры. Только языком высокой культуры – ничего не получится. У нас были татарские группы в вузах, они сейчас исчезли именно из-за такого представления.

Дамир Исхаков: Еще не совсем, но на стадии исчезновения окончательного.

Айрат Файзрахманов: КИСИ, КНИТУ-КХТИ, КГАСУ, ветеринарный, сельскохозяйственный – все это было. Училища, техникумы были. Все в итоге сводится к тому, что у нас нет обра-

зования на татарском языке и нет массового потребителя высокой культуры. Есть лишь интеллектуалы и небольшая прослойка татар, которой нужен будет шоу-бизнес, театр, музыка, соцсети на татарском. Но это будет тонкая прослойка.

Нияз Игламов: И ее вполне достаточно.

Айрат Файзрахманов: Тогда риторический вопрос: татары – кто это? Это тонкая прослойка интеллектуалов или все-таки мы говорим о татарах как о широких массах?

Модератор: Стратегия – это образ будущего, важнейшая вещь. Кто такие татары через 50 и 100 лет? Если этого образа в голове не сформировать и доктринально, то тогда вообще, куда мы идем? Это ключевая вещь: кто ты такой, татарин?

Айрат Файзрахманов: Как мы должны реагировать на технологии будущего...

Модератор: Андрей Девятков говорил, что стратегия – это захват будущего в собственных интересах. Ты рисуешь образ будущего, потом захватываешь это будущее. Эта дорога и есть доктрина, стратегия к этому будущему.

Айрат Файзрахманов: Откуда необходимость написания стратегии? Причина – кризис, в том числе татарстанской идентичности.

Модератор: Татарской?

Айрат Файзрахманов: Татарстанской. Последние 25 лет обращалось внимание именно на развитие татарстанской идентичности. К сожалению, языковой конфликт привел к большим трещинам в татарстанской идентичности.

Руслан Айсин: Оказалось, что и нет никакой татарстанской идентичности...

Айрат Файзрахманов: Она есть, но произошел ее кризис.

Модератор: По сути, нужна концептуальная пересборка республики...

Рустам Курчаков: Но это и хорошо. Когда кризис, это всегда возможность обновления.

Нияз Игламов: Я не имел в виду школьное образование и даже послешкольное – я имел в виду науку как науку, как открытие чего-то нового, не законы Ома – я сам так учился.

Айрат Файзрахманов: Европейские университеты посмотрите: там присутствуют региональные языки в науке. Нет, например, статей про открытия на каталанском языке, но все равно есть научные журналы на каталанском языке, на валлийском языке есть статьи научные, есть на фламандском.

РИМЗИЛЬ ВАЛЕЕВ: «СТРАТЕГИЯ ЗАЛОЖЕНА В ОБЫЧАЯХ, ТРАДИЦИЯХ, ДАТАХ, В КОНЦЕПЦИИ ПРИНИМАЕМЫХ ЗАКОНОВ...»

Модератор: Римзиль-эфенди, вам слово. Вы участник всех этих событий за последние 25–30 лет и соавтор, думаю, массы неопубликованных протодоктрин.

Римзиль Валеев: Причина создания такой стратегии назрела, потому что прежняя стратегия, которая была у нас с 1990-х гг., выполнена. Или она в какой-то степени невозможна к выполнению, но то, что можно проглотить и реализовать, сделано. Например, повышение уровня республики до статуса союзной в новых условиях реализовано.

Дамир Исхаков: А где она сейчас?

Римзиль Валеев: Теперь это как лидирующая республика – Татарстан – в России. Усиление роли татарской культуры, просвещение, создание инфраструктуры, СМИ, Академии наук – все это есть. Выросло другое поколение, совершенно новое.

Модератор: Здесь отдельные представители сидят, кстати.

Римзиль Валеев: Но сейчас мы дальше так жить не можем, ибо элита и простой народ, молодежь не имеют единой цели. По старым целям будет никому непонятно. Поэтому надо сформулировать новые цели. Я не согласен с тем, что надо писать эту стратегию, потом утверждать. Ее надо придерживаться, сделать выбор – есть там несколько альтернативных вариантов. Каким способом действовать – правовым или неправовым? Восстание или мирный способ? Поднимать народ в Татарстане или в регионах, в Поволжье и Урале, или на Дальнем Востоке, или во Франции? Варианты почти взаимоисключающие, поскольку в каждом должен быть свой приоритет. У нас это решено? Нет.

Главную причину я хотел бы сформулировать так: дилетантство или недостаточная готовность чиновничества и всех участников этого процесса говорить именно о приоритетах и задачах. Эта работа нациестроительства, это немного этнокультурные дела, это этнология. У нас в масштабах России проблемами строительства нации занимается известный академик Валерий Тишков. Все остальные – исполнительная власть, спецслужбы и информационные ресурсы – подчиняются высказанной им идее. А мы изредка, рефлексировав, возражаем Тишкову, немножко ропщем, но эта машина нациестроительства идет вперед, сейчас она повернулась против дальнейшего развития татар.

Я недавно был на юбилее Федеральной автономии татар и два высочайших чиновника федерального уровня там сказали: «Вы так здорово, татары, работаете! Вы так единомысленны. Вы так эффективно работаете, язык государственный отстаиваете – вы насторожили, напугали народы России и даже тот же федеральный Центр. Ассимиляторов точно напугали». И возникла необходимость – или это была чья-то подсказка – что надо татар немножко придушить. Так было при Столыпине – в 1910 г. состоялось особое совещание. Так было во времена царского самодержавия, это делалось и в 1920-е гг. Мы все равно сами виноваты, потому что были к такому не готовы. Посмотрите: в Йошкар-Оле, на заседании Совета по межнациональным отношениям Президент РФ сказал, что заставлять человека изучать язык, который для него родным не является, недопустимо. Мы могли решить проблему у себя в республике. Зачем надо было менять федеральное законодательство? Можно было инструкцию выпустить: не хочешь учить татарский язык – пиши заявление. Скажем: «Я сын офицера, мы постоянно переезжаем из региона в регион». Или: «Не хочу учить по религиозным убеждениям». И все! И решили бы вопрос на уровне директора школы или гимназии. Мы этого не сделали.

Модератор: Не сделали почему? Не было инструментов реагирования?

Римзиль Валеев: Мы вообще не сформулировали для себя позицию в новых реалиях нашего времени. В 2007-м был взят курс на уничтожение национального образования под видом единого национального образования. Мы на это за последние 10–15 лет никак не среагировали. Что это, некомпетентность? Может, умышленная? Получается, что строительством нации или антинациональным строительством занимается кто? Политтехнологи, отдельные федеральные исполнительные органы власти, правоохранительные органы. Они в тесной связи. Даже в 1990-е гг. против нас такого не было. Теперь против нас административный ресурс и негласный информационный ресурс.

Модератор: Ой ли! Вы прямо настаиваете, что против так уж и работают? Не перегибаете ли палку?

Римзиль Валеев: А у нас нет специалистов, у нас есть Дамир Исхаков, этнолог. Он говорил раньше – этносоциолог.

Дамир Исхаков: Бывший.

Римзиль Валеев: Он академический этнолог. Он почти Тишков. Но даже он любитель, ибо Тишков – академик, профессор. Жалко, что Дамир не академик. Гульнара Фаатовна у нас здесь, она социолог. Кто еще у нас есть? Кто у нас занимается строительством татарской нации? Два этнолога – и то на полпрофессии.

Модератор: У нас вообще-то есть Академия наук Татарстана, институт имени Марджани, Аппарат Президента...

Римзиль Валеев: Первый секретарь Горьковского обкома ВЛКСМ Сергей Кириенко, секретарь Актанышского райкома комсомола и секретарь обкома комсомола по сельскому хозяйству Ильдар Гильмутдинов, офицер-силовик Баринов, работник бывшей комсомольской школы, работник Госкоммолодежи Александр Терентьев, завотдела пропаганды Комсомола и завотдела обкома партии Ринат Закиров – мои товарищи. Я – выпускник высшей комсомольской школы и работник «Комсомольской правды», да мы все комсомольские работники. Мы разные. Что делают комсомольские работники сейчас? Они политтехнологией занимаются – те, которые в банки не ушли. В комсомоле какие были приоритеты? Во-первых, пиар. Во-вторых, выполнять задачи, поставленные сверху, и докладывать то, что требуется. Это вообще-то имитация дела...

Нациестроительством в национальных делах татар занимаются бывшие комсомольские работники и пиарщики. Главное, хочу подчеркнуть: в документах и программах, стратегиях гово-

рится о безопасности, согласии, диалоге, но почти никогда не говорят о сохранении татар и других коренных народов, кроме русского и русского языка. То есть это ассимиляторский подход. Мы сами должны стать нациестроителями. Даже Дамир Исхаков – классический этнограф, а не нациестроитель, он не располагает инструментами, ресурсами. Гульнара Габдрахманова – чистый социолог, выполняющий замеры общественного мнения по заказу с заранее известными параметром. Протатарских этнологов, нациестроителей с правами в системе образования, СМИ, культуре, местной власти нет. Нет в системе власти и кадров с гуманитарным и татарским образованием.

А в Татарстане мы должны были объединить и элиту, договориться с федеральным Центром, профессионально решать задачи строительства нации при сохранении и развитии федерализма. И, конечно, закрепление – национальное развитие вопреки всем нашим возражениям – это часть демократии. Федерализм – это тоже часть демократии. Но об этом российское общество еще не договорилось, еще не убеждено в этом. Поэтому пока что процветают и взаимодействуют с нами монархисты. А мы держимся только за формулировку Путина, что Россия – многонациональная страна. Но в этот период процветают и растут, увеличивают свой сектор в том числе и монархисты, и расисты, и фашисты. В этих условиях мы должны, обязаны сформулировать свои цели.

Рустам Курчаков: Только речь не о развитии, а реанимации федерализма, потому что его же убили, закопали...

Гульназ Бадретдин

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/410106>,
19 января 2019.*

* * *

«КАЗАНЬ И МОСКВА, ОСОБЕННО ПОСЛЕ ИВАНА ГРОЗНОГО, – ЭТО ДВА ПОЛЮСА. ОНИ МЕНЯЮТСЯ МЕСТАМИ»

На «круглом столе» в «БИЗНЕС Online» обсуждали, кто должен создавать стратегию татар и почему «наелись мы сабантуями». Часть II

Татары имеют самый развитый национальный Интернет среди народов России. Только в соцсети «ВКонтакте» – 6 тыс. татарских групп, в «Одноклассниках» – 4 тыс. То есть у татар сохраняются активные горизонтальные связи. Их надо использовать, помимо традиционных способов, на которые тратятся огромные деньги, вроде различных конкурсов и фестивалей. Нужно искать новые механизмы, новые способы презентации и поддержания этнической идентичности. Об этом размышляли эксперты в редакции «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола» «Стратегия развития татарского народа: ждать ли прорывного документа?»:

Руслан Айсин – политолог.

Римзиль Валеев – общественный деятель, журналист.

Гульнара Габдрахманова – заведующая отделом этнологии Института истории им. Ш. Марджани, доктор социологических наук.

Нияз Игламов – заведующий литературно-драматической части Камаловского театра, театральный критик.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член «Милли шура» Всемирного конгресса татар.

Рустам Курчаков – экономист, публицист.

Айрат Файзрахманов – заместитель председателя Всемирного форума татарской молодежи, кандидат исторических наук.

Юлай Шамильоглу – историк, профессор Висконсинского университета (США).

Модератор: Рашид Галямов – издатель «БИЗНЕС Online»,

*ДАМИР ИСХАКОВ: «В СТРАТЕГИИ ТАТАРСТАНА – 2030 ПРО ТАТАР ВЫ
ПРАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО НЕ НАЙДЕТЕ»*

Модератор: Переходим ко второму блоку вопросов – наверное, даже более важному, чем первый. Мы описали общий контекст, где сегодня находимся. А теперь конкретно – каким должен быть документ? Из каких направлений, частей должен состоять? Кто должен входить в группу разработчиков? Вообще, есть ли такая группа? Как вписать татарские диаспоры в эту стратегию? Дамир Мавляевеич, вам слово.

Дамир Исхаков: Для начала я хотел бы сделать две констатации. Первая – кому поручил Рустам Нургалиевич, любимый мною наш Президент, создание документа? Он поручил Всемирному конгрессу татар. Вообще-то это общественная организация, у которой не так много ресурсов и возможностей. Тем самым Рустам Нургалиевич показал, что Республика Татарстан в создании стратегии принимает мало участия. И это не первый случай, потому что, если вы возьмете стратегию социально-экономического развития Татарстана до 2030 г. (такой документ утвержден, сейчас пересматривается), там вы про татар практически ничего не найдете.

Следовательно, республика к татарам как-то мало привязана, кроме названия. Это очень интересная ситуация. Во-вторых, другая констатация. В принципе, нельзя сказать, что татары не занимались программными стратегическими документами. Я являюсь публикатором стенограммы первого съезда ТОЦ и всех документов национальных организаций, включая 1991 г. Трехтомник вышел в Москве, правда, тираж – 150 экземпляров. Американцы помогли – мы издали. Там концептуальные вещи есть, и оттуда можно увидеть, каков был татарский дух того времени. Другое дело, что потом никто этим не занимался. Это тоже интересный вопрос. А вот сейчас возникла необходимость на каком-то витке, в создании такого общего документа. Вопрос действительно возникает: кто должен этим заниматься? В принципе, такими вещами занимаются эксперты. У нас экспертное сообщество сосредоточено в Академии наук Татарстана – должно быть сосредоточено, во всяком случае.

Первая попытка поручить это Академии наук увенчалась крахом, я считаю, потому что в прошлом году на съезд конгресса татар должен был быть вынесен документ сводный. Документ не был вынесен. Хотя в скомпонованном виде он существует, но, видимо, содержание было таково, что руководство конгресса не осмелилось вынести его в публичное пространство. Отсюда возникает главная проблема – в принципе у нас, оказывается, нет институциональных механизмов создания такого рода документов. Все возлагается на некие общественные силы (конгресс – тоже общественная организация), которые должны создать документ по спасению татар и по их продвижению, как говорит председатель «Милли шура» Всемирного конгресса татар Василь Шайхразиев, до 2050 г.

Модератор: Почему до 2050-го, а не на 100 лет?

Дамир Исхаков: Это его формулировка. Длительность перспективы не обсуждалась, но такая формула была услышана. Я к чему все это говорю: в принципе, вроде бы создано несколько рабочих групп... Сделаны некоторые заявки от разных групп, в том числе и наша группа заявку делала. Мы даже структуру документа подавали, некоторые общие соображения. Но после этого ничего не произошло, свидетельствовавшего о том, что мы легализовались. Я, например, сейчас занимаюсь тем, что совершаю вместе с Русланом Айсиным ряд брожений в разные места, где есть татарские мозги, чтобы их как-то сплотить. И продолжим этим заниматься. Но первое, что бросается в глаза, – пока нет ядра. У меня вообще-то была такая внутренняя отметка, что, если к первой декаде декабря такое ядро не будет создано, скорее всего, вопрос о создании стратегии приобретет сложный характер (*в середине января появился проект состава рабочей комиссии, в ней есть имя Дамира Исхакова – прим. ред.*).

Модератор: Как вы видели бы это ядро?

Дамир Исхаков: Этот вопрос, в принципе, обсужден. Для того чтобы создать концептуальный документ, даже если назвать его стратегией, сначала должна идти часть общепhilosophического характера, то есть определения нашего образа, видения будущего. Это философский вопрос на самом

деле. Если такая группа не сложится и не сформулирует татарское видение будущего, в целом документ не получится. Пока этого нет. Следующая стадия – формирование конкретных направлений, разделов, где мы заложим наш путь в будущее. Их очень много. Приведу один конкретный пример: даже национальная история как наука играет очень важную роль в этих делах.

Модератор: История ключевую роль играет, я бы сказал. Если ты не понимаешь прошлого, ты будущего не можешь нарисовать – вообще кто ты и откуда.

Дамир Исхаков: В этом как-то должны участвовать ученые, академические исследователи, которые формируют... Должно быть много участников – и разделов должно быть много. И надо иметь в виду, я уже неоднократно об этом высказывался, что те люди, которые пишут разные доктрины, самую важную часть нигде не прописывают.

Рустам Курчаков: Доктринерами становятся...

Дамир Исхаков: Да. Они в себе сохраняют это, потому что некоторые серьезные вещи вообще не пристало выбалтывать заранее. Если мы знаем положение дел в современной Российской Федерации и понимаем, что у татар есть в этом государстве враги, явно выраженные или скрытые, мы ни в коем случае не должны раскрывать некоторые важные аспекты нашего будущего пути.

Модератор: Враги – это громко сказано...

Римзиль Валеев: Оппоненты.

Дамир Исхаков: Тут же надо правильно понимать то, что я сказал. Например, я считаю, что враги татар являются одновременно врагами и русских. Это очень непростой вопрос, потому что мы два этноса, которые это государство фактически создавали, и у нас есть историческая база. Мы имеем право претендовать на это наследие. Если что, то мы будем исчезать совместно с русскими.

Римзиль Валеев: Согласен! Не прощают татарам союз с русскими. Такой фактор есть в мире. Нам достается с двух сторон.

Модератор: То есть минимум 20 рабочих групп должно быть, кроме ядра?

Дамир Исхаков: Много рабочих групп. Это зависит от того, как мы будем выстраиваться, насколько у нас хватит сил все охватить. Опасаюсь, что не все удастся охватить, из-за того, что экспертов недостаточно, к сожалению.

Рустам Курчаков: Ну, купим, пригласим.

Модератор: Можно пригласить, кстати говоря, и русских, и еврейских, и англосакских экспертов по каким-то отдельным темам.

Рустам Курчаков: Со всего мира пригласим!

Дамир Исхаков: Последнее, что хочу специально обозначить, – это проблема татарской диаспоры. Тех татар, которые живут в России, я не считаю диаспорой. Но ведь есть татары среднеазиатские – довольно многочисленная группа. Есть европейские, американские татары. Я думаю, что эти группы тоже должны быть охвачены, потому что некоторые из них будут иметь существенное значение для нашего продвижения в будущее, потому что они уже там находятся. Это фактически наше окно в разные среды.

В чем, скажем, значимость среднеазиатских татар? Там в будущем будет мощная группа тюрок – в двух государствах точно: число узбеков достигнет 45 млн к 2050 г., казахов будет больше 25 млн, а это кыпчакскоязычные народы, близкие к нам. Это фактически особая цивилизация, на самом деле, отличная немножко от турок. Мы должны с ними поддерживать очень хорошие отношения, потому что это наши очень близкие братья. И мы можем в этом деле использовать тех татар, которые там живут. Мы должны это четко прописать. Что касается европейских татар, американских и прочих, это выход на западный мир, который никуда не исчезнет – в ближайшее десятилетие, во всяком случае. Они имеют определенный опыт конкретного проживания, который для нас важен. Поэтому они должны быть отдельно прописаны. Есть там и некоторые организации, скажем, ассоциация европейских татар, хотя она находится немножко под контролем российского МИДа. Но, в принципе, на Западе есть объединенные группы – не очень многочисленные, но растущие численно. Мы должны и их тоже использовать, специальный раздел об этом должен быть.

Модератор: В какие сроки можно было бы, если правильно все собрать, написать стратегию?

Дамир Исхаков: Сейчас уже сроки обозначены – к августу документ должен быть в готовом виде выставлен. Руководство конгресса так считает. Так как мы уже запаздываем, и даже довольно сильно, то, скорее всего, это еще будет недостаточно завершённый документ. Но сделать его к сроку, в принципе, еще можно, если сосредоточить все силы и если мы сможем выстроиться институционально. Но там есть ряд этапов, без которых невозможно сосредоточить мозги.

НИЯЗ ИГЛАМОВ: «О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КАКОЙ ТЮРКСКИЙ МИР?!»

Модератор: Следующее слово Ниязу Рауфовичу. Кого можете назвать в качестве разработчика стратегии? Своего шефа, главного режиссера Камаловского театра Фариды Бикчантаева?

Нияз Игламов: Все зависит от того, каким блоком будет писаться стратегия. Если там будет, например, три слова про театр, то лучше меня во всем мире никто не напишет эти три слова, как часть стратегии развития татар.

Модератор: Поэтому вы такую рабочую группу и возглавите, если она будет. Но искусство в целом я бы вам не доверил, вы же театр номером один ставите...

Нияз Игламов: На самом деле все просто. Если говорить про искусство, у татар нет архитектуры, у татар нет киноискусства, и не может быть по ряду причин. Нет серьезной литературы сегодня, кроме поэзии.

Рустам Курчаков: Но есть музыка – мелодия.

Дамир Исхаков: Есть неплохая живопись...

Нияз Игламов: О чем вы говорите, какая живопись?! Я сейчас не про Тукая и Баки Урманче, я говорю о современности. Поэтому татарский театр как синтез искусств является чем-то большим, чем, например, театр в русской жизни, в русской культуре сегодня. Уже поэтому татарский театр имеет большое значение элементарно. Вот у меня в «Фейсбуке» фолловеров больше, чем тираж большинства татарских газет, – больше 3,5 тыс. И я, чтобы меня СМИ не посчитали, как до 5 тыс. добираться, сразу чищу. Дело еще в том, кого слушают, чьи имена вызывают наименьшее давление в обществе? Вот, например, Рафаэля Хакимова я бы точно не стал включать в штаб стратегии, потому что важно не только то, как татары, но и как русское общество их воспринимает. Об этом почему-то никто не говорит, а это важно. Надо понимать риски.

Римзиль Валеев: Тут никого не возвышать и не топить не надо. А Хакимов уже дал свое предложение из 20 слайдов.

Нияз Игламов: Если никого не возвышать и никого не топить, тогда будет отписано очередное неработающее издание. Надо четко распределиться по группам, кто что пишет. Внутри этой большой группы должны быть секции, которые отвечают за определенный сегмент, чтобы я знал, зачем я нужен. Я на последнее заседание по стратегии не пошел, потому что мы говорим одно и то же, а дело не двигается. Вот когда мне уже скажут: «Нияз Рауфович, напишите нам три абзаца про татарский театр и валите кулем куда хотите с горы». Отвечу: «Окей, я готов». Или скажут: «Возьмите на себя высказать свои мысли по поводу литературы или по продвижению татарской культуры на международный и общероссийский рынок».

Вот сейчас, например, я достиг соглашения с одним из крупнейших региональных российских театров. Они будут ставить у нас Карима Тинчурина на русском языке, потому что им интересно. «Ханума» же есть грузинская, ее практически все русские театры поставили. У нас в регионах много татар, почему бы там что-то не поставить на русском языке?! То есть это тоже часть продвижения нашей культуры. Этим никто не занимался никогда!

Рустам Курчаков: Это вы про текучку говорите. А стратегия?

Нияз Игламов: Да, текучка. Я всегда про текучку.

Руслан Айсин: Крик души татарской интеллигенции.

Нияз Игламов: Нет, никакой не крик души, я вообще очень тихий человек, что мне кричать? Я кричу на других платформах. Я структурирую свое выступление. Понимаете, если я не делаю шоу, то кто же меня будет слушать? На самом деле меня интересуют эти маленькие вещи. Вы говорите

о каких-то крупных вещах, о векторах развития, о том, что будет в 2050 г. Меня интересует, что будет в 2019, в 2020 г. Для меня стратегия начинается с этого. Мы действительно живем в очень кризисное время. По крайней мере, международная политика государства, в котором мы живем, очень скоро приведет к такому мощнейшему тектоническому разлому, что, ребята, нужно учитывать и это. Как в 1990-е гг. в погоне за золотым яйцом проворонили все, что можно было, так же при следующем раскладе можем оказаться у разбитого корыта, а потом удивляться: ну как так?

Если все учебники для татар на русском языке написаны, если у нас вот такие программы, вот такие методики, то мы спохватились и стали что-то адекватное создавать только после того, как жареный петух клюнул. Вот в чем проблема. Надо заранее быть готовым к любым политическим разворотам. Вы говорите про Казахстан, что там будет через 50 лет. Знаете, я в Казахстане бываю 5–6 раз в год, они очень боятся Китая. С другой стороны, у них Алма-Ата русифицирована полностью. Там в кукольном театре всего лишь два представления на казахском языке. Это русский город. Они посмотрели на Донбасс и на юг России – на Новороссию, так называемую – и сейчас насыщают север Казахстана казахами максимально. Они очень боятся, с одной стороны, России, с другой – Китая. Китая даже больше, потому что он мощнее. И Китай уже проникает туда – все эти транснациональные корпорации. Поэтому будет их там 50 млн или 25 млн, и они будут как бы китайцами? Может быть. Мы должны эти угрозы учитывать и не рассчитывать ни на кого, кроме себя. Нам, как во времена Казанского ханства, ни крымчаки, ни турки не помогли. Москву сожгли, а Казань не освободили, то есть, о чем мы говорим, какой тюркский мир?!

Модератор: Мы можем России помочь?

Нияз Исламов: Нет, более того, мы максимально должны устраниваться от участия в каких-либо делах.

Руслан Айсин: У татар есть свои Мейерхольды?

Нияз Исламов: Не нужно этого, это бессмысленно. Мейерхольд был один, его на весь мир достаточно. В сегодняшнем современном российском театральном искусстве татары занимают примерно то место, какое в 1970-е гг. занимали евреи. Это я прямо пофамильно могу сказать. Сегодня есть Айрат Заббаров, зачем тебе Мейерхольд? Это восходящая звезда российской режиссуры. Я просто хочу конкретики в написании стратегии, жизнь одна, и тратить время просто на посиделки не хочется. Я готов свою часть, свою лепту внести, но мне действительно нужно, чтобы было четкое руководство. Не как сейчас, когда Василь Гаязович собирает, и мы обмениваемся какими-то мнениями. Такой, знаете, «взгляд и нечто».

ЮЛАЙ ШАМИЛЬОГЛУ: «В СТРАТЕГИИ ДОЛЖНА БЫТЬ ДОКТРИНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ, КОТОРАЯ ОТВЕЧАЕТ НА БАЗОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ»

Модератор: Спасибо. Юлай-эфенди, вам слово. Хотелось бы услышать от вас более практический взгляд: из каких направлений должна состоять стратегия татарского народа?

Юлай Шамильоглу: Сначала хочу отметить, что Айрат-эфенди правильно сказал, что «Рухани жангыру» – это программа для всего Казахстана.

В стратегию, концепцию, декларацию, не знаю, как правильно назвать, должны быть включены разные пункты. Например, татары, как и все живущие в РФ или даже в мире, должны иметь право получать образование на своем родном языке. Это может быть одноязычное, двуязычное или может быть трехязычное образование. Татары должны иметь право на изучение своей истории, литературы и культуры. Это ясно. Можно добавить, что это относится не только к татарам, живущим в Татарстане и вообще в России, но ко всем татарским диаспорам в мире. Например, есть воспоминания моего дяди, их опубликовала его семья, о том, как они в Харбине в Китае открыли татарскую школу. В Хельсинки, Сан-Франциско есть татарские школы. Почему это запрещено татарам и кому-то еще?!

Римзиль Валеев: Не запрещено.

Юлай Шамильоглу: Пока нет. В 1992 г. в Татарстане прошел референдум, за которым татары из-за рубежа очень внимательно наблюдали. Согласно этому референдуму, Татарстан является

субъектом международного права. Это и сегодня так, результаты этого референдума действуют и поныне. Почему же у республики нет реальной автономии? В США каждый штат автономный, и у них есть такой союз – называется United States of America. Через федерализм это вполне возможно и в Российской Федерации, пока существуют республики. И даже если нет республики, через национальную автономию любой народ может иметь свою школу. Я не понимаю, почему это стало проблемой, почему ведутся споры.

А если нет компактного места проживания, то есть же виртуальный мир. В Казахстане стараются преподавать именно через видеоконференции. Все. Это возможно. Можно соединить татар мира через Интернет, через виртуальные школы. Я думаю, что татары должны и имеют права стремиться к европейским и международным ценностям. Есть и общетюркские ценности, есть мусульманские. В Казахстане речь идет о культурном коде казахов, можно говорить об этом и в Татарстане тоже. В конце концов, был вопрос о национальном университете. Почему нет национального университета, как это может быть?! Я написал проект такого университета, он был опубликован в «Звезде Поволжья» 30 августа 2001 г., к 10-летию Республики Татарстан. Предлагалось создать трехязычный университет, который бы имел трехязычное образование по международным стандартам, с принципами балловой системы. С изучением татарского языка и литературы, культуры и истории, как часть образования. Я послал этот проект Президенту Шаймиеву. Меня журналисты постоянно спрашивают, получил ли я ответ. Еще раз повторяю: нет! Недавно я прочитал публикацию о национальном образовании, где было написано, что впервые Шаймиев предложил открыть в Казани полилингвальную школу, где будут преподавать на трех языках – русском, татарском и английском языках. Это через 17 лет...

Сейчас я профессор и заведующий кафедрой казахского языка и тюркологии в Назарбаевском университете. Принимал участие в строительстве и формировании этого университета как профессор Висконсинского университета США. В Назарбаевском университете ведется преподавание на английском языке, есть разные курсы на казахском языке, есть иностранные языки. И русский язык тоже присутствует, в вузе преподают русскую литературу на русском языке. То есть нет политики против русского языка, но есть политика за английский язык, за казахский язык, за международное образование. На юбилее Академии наук Татарстана, где присутствовал Минтимер Шаймиев, я говорил, что сейчас работаю в Назарбаевском университете, что там преподают и на английском, и на казахском языках, и что этот опыт может быть использован и в Татарстане.

Айрат Файзрахманов: А в этом университете русские учатся?

Юлай Шамильоглу: Да, русские тоже есть, где-то 10%, но они должны сдать экзамен по казахскому языку.

Айрат Файзрахманов: При этом они не перестают быть русскими.

Нияз Игламов: В Эстонии, в Нарве, а это абсолютно русский город, 96% русских, но все говорят по-эстонски. Вообще не проблема! И русскими не перестают быть. И эстонцы сейчас русский театр открыли.

РУСЛАН АЙСИН: «НАДО УЧИТЫВАТЬ, ЧТО РОДНОГО ЯЗЫКА НЕ ЗНАЕТ УЖЕ ТРИ ЧЕТВЕРТИ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ»

Руслан Айсин: Какие-то наработки мы с Дамиром Мавляевевицем отправляли руководству нацсовета «Милли шура». Думаю, что стратегия должна состоять из двух компонентов. В первую очередь, как здесь уже отмечалось, это доктрина: кто такой татарин? Я люблю приводить в пример индусов – у них есть понятие «хиндатуа», т. е. индустскости: кто такой индус. По-нашему – татарлык. Обязательно должны быть ясные критерии самоидентификации, потому что многие говорят: «Я не знаю татарского языка, значит, я не татарин». Мне так несколько мишар сказали. Это вообще удивительно, потому что татарский язык, конечно же, знать нужно, но надо учитывать, что родного языка не знает уже три четверти татарского населения. Это большая проблема, и нужно понять, что в этих условиях делать, что делать с русскоязычными татарами. Русскоязычные татары не перестают быть татарами, но это особая категория. В стратегии также должна быть, действительно,

доктринальная часть, которая отвечает на определенные важные базовые цивилизационные вопросы о месте истории татарского народа...

Дамир Исхаков: В том числе и на вызовы.

Руслан Айсин: И на вызовы – обязательно. То есть это должна быть некая общая картина, портрет татарина в этом мире. Вторая часть – это собственно стратегия. Стратегия – вещь более конкретная, как говорит Нияз Рауфович, но она тоже должна вдохновлять. Мне приходится просто полемизировать, извините. Когда говорят: «Ну что вы все разговариваете?» – я люблю приводить следующий пример. Герцен пишет в «Былое и думы»: «Нас упрекают в том, что мы ничего не делаем, а только болтаем, но ведь они не понимают, что объяснять людям, формулировать идеи – это огромный труд». И я напому, что сказал Ленин про «Колокол» Герцена: он разбудил Россию. Идеи вдохновляют, идеи будоражат, а не конкретные механизмы, хотя они тоже важны. И стратегия должна быть трехчастной – краткосрочная, среднесрочная и дальнесрочная.

Дальнесрочную я вижу до 2100 г., уж извините за такой футуристический взгляд. Я люблю приводить пример, связанный с Жаком Аттали, который написал прекраснейшую книжку «Краткая история будущего». Я напому, что первая резонансная книга, которая у него была, «Горизонты двухтысячного», предопределила многие вещи...

Модератор: Даже не предопределила, а спроектировала.

Руслан Айсин: Да, так будет вернее. Например, понятие «мобильный телефон» он ввел как концепт. Понятие мобильного кочевника. Для нас это актуально, потому что татары, по сути своей, как и тюрки, являются кочевниками, мы расселены по всему евразийскому пласту.

Модератор: Это он говорил о новой элите...

Руслан Айсин: Татары – это ведь тоже элита тюркского мира, и в доктринальной части стратегии это должно быть прописано. Что касается конкретики, я согласен, что должны быть некие группы по отраслевому принципу: искусствоведы, историки, социологи, психологи, политологи, философы, хозяйственники...

Модератор: Что такое национальный капитал – важнейший раздел стратегии.

Руслан Айсин: Понятие национального капитала никто не может сформулировать, поэтому такая проблема. Я думаю, что должен быть так называемый организующий центр, создающий это силовое магнетическое поле, вокруг которого, собственно говоря, все и крутится, который организует все это дело. Да, есть Академия наук Татарстана. Но давайте учитывать тот факт, что Академия наук – структура... Вот есть человек рассеянный с улицы Бассейной. Во-первых, там профессура, а это люди с мало организованным началом, это надо признать. Во-вторых, академический взгляд, по моему мнению, не совсем ложится на общую стратегию, потому что ученые – это люди, у которых уже расчерчено определенное видение. Они говорят: вот есть такая теория, а ты куда лезешь?

Модератор: А тут мечтать надо. Стратегия – это еще и мечта.

Дамир Исхаков: Вы имейте в виду, что там нет ни одной структуры, которая занимается современностью. У них всех взгляд обращен в прошлое.

Рустам Курчаков: Они выполняют представительские функции для республики.

Руслан Айсин: Это важно, да! Главным действующим организующим и движущим механизмом должна быть не Академия наук – по той простой причине, что она, уж извините, – сталинское наследие людей, чувствующих себя действительно элитой, законсервированной. Это вообще вещь в себе. Вещь в себе не может говорить о внешнем, она говорит о внутреннем. А это очень большая проблема, потому что часто у наших академиков (да простят меня присутствующие здесь люди, наделенные научным статусом) определенным образом восприятие научно-клишированное, так скажем. Здесь ничего не поделаешь, декартовое наследие, но здесь нужно его преодолевать...

И последнее, здесь уже было сказано, что мы не должны впасть в доктринерство, мы не должны впасть в неотроцкизм. Когда я смотрю эти неотроцкистские организации, они между собой дерутся из-за того, что Троцкий в свое время сказал вот так, а сегодня его интерпретировали вот так. И вместо того, чтобы решать вопросы, которые ставил Троцкий по завоеванию мира и перма-

нентной революции, они между собой выясняют, как написал Троцкий – так или сяк. То есть мы не должны впасть в доктринерство, а должны более широко мыслить, действовать, мечтать и любить, как подчеркнул бы Нияз Игламов.

РУСТАМ КУРЧАКОВ: «НЕТ ЕДИНОГО ВИДЕНИЯ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ ТАТАРСКОГО ДУХА, ТЮРКСКОГО ДУХА»

Модератор: Спасибо! Рустам Султанович, вам слово.

Рустам Курчаков: Я уже сказал, что скептически отношусь к стратегии. Сейчас объясню, почему. Об этой стратегии в разных форматах говорили давно. Не будет ее, как Дамир Исхаков говорил, ни в конце августа 2019 г.

Дамир Исхаков: Не я говорил, а руководство конгресса.

Рустам Курчаков: Чисто аппаратный подход: вот это надо было сделать вчера, вот тебе задание, давай в понедельник...

Дамир Исхаков: Есть распоряжение, проект стратегии подготовить к маю.

Рустам Курчаков: Это несерьезно! Стратегия в лучшем случае делается по ситуации, а ситуация сейчас все больше будет сжиматься. Татары же, как Илья Муромец. Это сказка про татарского богатыря: пока не прижмет, как следует, он с печки даже не слезет. Года через два-три стратегия появится. Если не через два-три года, то лет через пять-шесть она появится подпольно, будет передаваться закрыто, в условиях китайской оккупации...

То есть для стратегии нужна встряска. Я просто вспоминаю «Ике йөз елдан соң инкыйраз» («Вымирание татар через 200 лет») Гаяза Исхаки. Да, молодой он был, написал эту повесть, когда ему было 25 лет. Когда читаешь, понимаешь, что несколько сыровато, может быть, но это была встряска. Я, конечно, не историк, и мне трудно судить по духу того времени, тот, кто знаком с этим временем, видимо, может сказать, что эта книга Гаяза Исхаки как-то вот психологически столкнула. Но он написал же очень жестко. Представьте, какой энергией, направленной на то, чтобы трезво взглянуть на жизнь и состояние нации, и вынести диагноз, нужно было обладать. Какой силой нужно обладать, чтобы написать такую книгу! При всех ее недостатках.

Руслан Айсин: Диагноз у него был наоборот: он сказал, что мы исчезнем, если не будем знать русского языка.

Рустам Курчаков: Неважно. Что касается русского языка, смотрите, как меняется шильдик.

Когда я изучал джадидизм, изучал, что означает традиционный ислам казанских татар, с чем я столкнулся? Русский чиновник где-то в начале XX в. пишет наверх, что надо бы умерить потуги казанских татар, создавать для них школы, потому что изучение ими русского языка даст им плюс, и это не в интересах империи. А когда в прошлом году русскими чиновниками принимается решение о том, что татарский язык будет изучаться только по заявлению, пусть изучают русский... Это в принципе тот же самый чиновник, и логика та же самая – «не пущать».

Модератор: Тогда так понимали империю и ее интересы, а теперь по-другому.

Рустам Курчаков: Да просто шильдик изменился, а суть-то та же самая! Абсолютно! То есть, нет этой встряски. И если уж более предметно, я настаиваю, что нет единого видения духовной истории, истории болезни татарского духа, тюркского духа. Есть разные термины, вполне рационалистические, но я не хочу здесь наводить никакой мистической мути. Получается, что вы, ребята, развивались, создавали каганаты, империи, с одними дружили, с другими воевали, вы отклонились от Сират-ат-дин. С Чингисханом что произошло? Почему после Чингиза все быстро развалилось? Потому что тенгрианство, тенгри превратили в идола.

У нас был шанс пойти по пути национального капитала после 1991 г. Модель Татарстана... И действительно, корпорация «Татарстан» была создана. Да, она буржуазная, капиталистическая, это клановый капитализм, но пока – корпорация «Татарстан». Она, конечно, развалится. Почему? Потому что, в конце концов, мы свалились на ту же линию, как и во всей России, – криминально-олигархического накопления. А энергия национального самосознания позволила некоторое время просуществовать в роли корпорации «Татарстан». Что теперь произошло? Кор-

поративной стала вся Россия, потому что Татарстан модели задает. И Россия – это не федерация, это корпорация.

А наша проблема в том, что-то, что мы на время создали, мы потеряли. Почему стратегия-то и нужна! Это я говорю уже с экономической точки зрения. При этом надо понимать (эта мысль сегодня уже звучала, Нияз Рауфович, по-моему, об этом говорил), в какой мы ситуации? Мы в ситуации огромного цивилизационного кризиса. То есть идет переоценка ценностей.

Модератор: Не татарского, а глобального кризиса?

Рустам Курчаков: Глобального. По поводу глобального я не большой специалист, но то, что российского, – это совершенно точно.

Модератор: От Америки до России.

Рустам Курчаков: Об этом уже написано. Вот есть позитивные доктрины, а есть книги более трезвые и критические. Да, образ будущего у них совпадает, но когда смотришь фактуру... Я не пессимист, не хочу нагонять мрака, пугалок. Я исхожу из того, что рассчитывай на худшее: бери планку, исходя из того, что, в крайнем случае, может случиться это, чтобы подстраховаться, а надейся на лучшее. «Надейся на лучшее» – это мой образ будущего. «Рассчитывай на худшее» – это значит, что все риски учти.

Есть разные прогнозы, тут я оптимист в том плане, что Аллах Тагаля дает испытание. А зачем Он дает испытания? Как говорила моя тетушка: «Опять заболела – Аллах Тагаля не забыл меня». Если нам посылают испытания, значит, мы еще под милостью Аллаха находимся. Он дает нам испытание – готовит нас, чтобы мы стали лучше, чтобы мы были мощнее, изобретательнее, лучше во всех отношениях. Ситуация в этом смысле сейчас хуже, чем в перестройку. Вот я взял три признака – это мой взгляд. Кто в сознательном возрасте пережил конец 1980-х – начало 1990-х, он может сравнить, хотя критерии могут быть у каждого разные. «Неуправляемость» – тогда это слово было чуть ли не через каждую строчку. Что имеется в виду? Управленческий ступор. Ситуация какая возникла? Что ни делает дурак, все он делает не так. То есть, какое бы решение ни предложили, даже самое замечательное, не работает – не потому, что дураки, нет, я так не считаю. В управлении идет отбор, там, в принципе, достаточно грамотные и опытные люди. Но какое бы замечательное решение они сейчас ни принимали, им нужно сказать: «Ребята, все, поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились. Если бы вы три года назад это предложили, тогда, может быть, это прошло бы». Взгляните, что с пенсионной реформой? Это вообще шок за шоком. Вчера услышал: народ ждет, что на тысячу будет повышение, а оказывается тысячи не будет уже... В два раза меньше! Оказывается, они там посчитали и сказали: а мы же вам говорили, вы не учли того, что 400 индексации мы вам в этом году уже выплатили, а теперь вам будет только 600...

То есть ситуация хуже, чем в перестройку. Неуправляемость, неосознанность происходящего. Потому что, когда люди не знают истории своей болезни, и у них нет духовного стержня, компаса, они вместо духовного стержня, который может удержать в случае чего, пользуются духовными скрепами... Что сейчас с духовными скрепами? Заскрипело все. Россия вся заскрипела. Эти скрепы стали вылетать. Посмотрите, в начале ноября, когда были праздники – День единства, русский мир собрался, Путин несколько раз повторил слово «патриотизм». Национальная идея. А что такое патриотизм? Это слово из индустриальной эпохи, когда нужно было сплачивать территорию, вот была армия, которая воодушевлялась патриотизмом. Сейчас патриотизм совсем другой, он – в другом. А поскольку слово произнесено неверное, оно воодушевляет казаков. Они недавно, оказывается, организовали свое общество в 200 тыс. человек. То есть Росгвардия – 300 тыс., а еще казаки – 200 тыс. Им там особых прав не дали, но они всегда готовы на подмогу, они, как говорят, в Москве или Питере ходили с нагайками и уже «воспитывали» протестующих.

Поэтому никакой концепции быть не может, а из оставшихся года-двух, каждый год пойдет за три и за пять лет. То есть в эпоху перемен один год идет, как во время войны, за три и за пять. Получается, по крайней мере, 5–10 «сгущенных» лет в этом смысле у нас есть. Если мы перестанем заниматься ерундой, а сосредоточимся на главном, то мы можем создать историю болезни

тюркского духа. Вот это мы можем. А когда это будет создано, необязательно в виде текста, а в виде знаний, причем, если говорить об инструментах, инструментом создания такой группы татарских самураев может быть, например, газета. Я пока лучше ничего не придумал. То есть вокруг газеты. Как говорил Владимир Ильич, газета – это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. Если это есть, то там как бы само собой все получится – и секторы возникнут... А у нас таких специалистов нет, так выписываем из Канады, потому что там есть один такой во всем мире ученый, который эту проблему знает. Поскольку многие здесь говорили о том, как делать, отмечу опыт 1990-х гг.: я тогда почти 10 лет непрерывно занимался разработкой всяких стратегий...

Модератор: Сколько стратегий вы написали за жизнь?

Рустам Курчаков: Много. И потом по инерции я все еще рвался писать стратегии, пока не остыл.

И делают такие вещи обычно максимум за месяц: сели, сделали. Больше месяца не нужно, потому что, если тянуть больше месяца, силы уже уходят на другое: а сколько нам заплатят? Чтобы было понятно: эти вещи делаются бесплатно. Расписать, цифры посчитать – да, там финансирование нужно, но это неинтересно, потому что когда ты сделал ядро, то оно уже летит. Что касается начальства, принцип «лишь бы не мешали». И еще очень важный момент: нельзя эти вещи готовить татарам.

В том числе и Нияз Рауфович сказал, по какой причине: стратегия татарского народа должна быть в русле тюркского мира и миссии тюрков. Об этом и Юлай-эфенди говорил. Грубо говоря, стратегия татарского народа должна быть вписана в российскую стратегию, то есть наше видение, видение российской стратегии и будущего из Казани. Из Москвы мы получили, а очень важно из Казани. А что такое Казань и Москва? Казань и Москва, особенно после Ивана Грозного, – это два полюса всегда. Они меняются местами.

Обязательно присутствие московской группы татар, я знаю, что там сложные отношения, мне никогда не было понятно почему. Потому что я татарин дальневосточный, я с Дальнего Востока сюда приехал. Многие вещи мне поэтому непонятны. Должны быть московские татары, может быть, питерские, это уже второстепенно. И на каком-то этапе, может быть, даже на этапе духовной истории, там должны быть тюрк, славянин и еврей обязательно, потому что от этих трех элементов зависит судьба России.

ГУЛЬНАРА ГАБДРАХМАНОВА: «И НИКАКОЙ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, НИКАКИЕ УЧЕБНИКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ, НИКАКИЕ САБАНТУИ НЕ ПОМОГУТ ЭТОЙ СИТУАЦИИ»

Модератор: Спасибо! Гульнара Фаатовна, с вашей точки зрения, как методологически выстроить эту работу?

Гульнара Габдрахманова: Мне кажется, очень важно в стратегию заложить региональный подход. Дело не только в том, чтобы обсудить этот документ в регионах, но и в том, что очень важно понимать, что в регионах компактного проживания татар ситуации очень разные, и задачи, которые стоят по сохранению татар в этих регионах, тоже очень разные. Я вам приведу два примера из наших экспедиций 2018 г., экспедиции были связаны с изучением татарских сел. Мы поехали в Сибирь, я не буду называть область. Когда мы приезжаем в татарское село, мы в обязательном порядке идем разговаривать с учителями и директорами сельских школ. И в этом районе Сибири нам называли одну и ту же цифру: примерно 40% татарских детей имеют отклонения в умственном развитии. Потому что татары проживают компактно, анклавно, потому что их очень мало и нет возможности выбора брачных партнеров. К сожалению, происходит кровосмешение, и мы получаем такие цифры, имеем такое поколение. И понятно, что никакой татарский язык, никакие учебники нового поколения, никакие сабантуи не помогут этой ситуации. Сейчас перед ними стоит задача демографической безопасности.

Это одна ситуация в Сибири, другая ситуация в Поволжье. Это тоже наблюдение из нашей экспедиции. Достаточно успешное, хорошее татарское село, я тоже не буду говорить какое. Все бла-

гополучно, с демографическим здоровьем все в порядке, экономически успешное село. Мы, как ученые, взяли книгу, которая находится в музее, книга местного краеведа. Стали листать эту книгу и смотрели фотографии женщин. Девочки, школьницы, женщины – все в светской одежде. А когда вышли на улицу: все женщины села в закрытой одежде, в платках. Поймите меня правильно, я с большим уважением отношусь к верующим людям. Но там, когда мы начали спрашивать, кто они по национальности, они отвечали: «Мы мусульмане». То есть татарская идентичность, этническая идентичность уже в этом селе, к сожалению, полностью потерялась, и сегодня там все себя считают мусульманами, но не татарами. То есть там задача сохранения татар совершенно другая: в Сибири – демографическая безопасность, в этом поволжском селе – возрождение и сохранение татарской этнической идентичности. Мне кажется, очень важно заложить этот принцип, что татары разные не только по владению языком, о чем сегодня говорили, но еще и в каждом регионе стоят свои собственные задачи по сохранению татар.

Второе, что мне кажется очень важным, и о чем тоже уже говорили сегодня, – кто-то называл это татарским кодом, кто-то татарскостью. Но на самом деле очень важно заложить в стратегию понимание того, кто такой татарин, на чем сегодня держится эта татарскость. И мне кажется, очень важным уйти от советских шаблонов поддержания этничности. Ведь речь идет не только о том, что цивилизационный сейчас происходит перелом, но сейчас и этничность очень сильно меняется. Тот советский подход, который предполагал, что национальность и этнические чувства людей можно было поддерживать песнями, плясками, праздниками, он хорош, он важен, у него есть определенная аудитория, потребитель, но сегодня это уже не так интересно, не так востребовано, особенно у молодежи. Наелись мы уже сабантуями, надо искать какие-то другие, новые формы поддержания этой татарскости. И как раз нужно искать эти особенности, которые кроются в татарских ценностях. Там на самом деле масса интересного, и это может быть даже предметом отдельного разговора.

Я просто в качестве примера приведу вам некоторые цифры, которые мы получили в ходе изучения татарского Интернета – татары имеют самый развитый национальный Интернет среди народов России. Только в соцсети «ВКонтакте» – 6 тыс. татарских групп, в «Одноклассниках» – 4 тыс. групп. Ни один народ в России не имеет такой представленности виртуальных сообществ. То есть у татар сохраняются такие горизонтальные связи, которые мы должны, конечно, очень активно использовать, помимо традиционных способов, на которые тратятся огромные деньги, огромные усилия – это сабантуи, всякие конкурсы, фестивали. Нужно искать новые механизмы, новые способы презентации и поддержания этнической идентичности.

Римзиль Валеев: Виртуальный Сабантуй интернетчиков, например.

Рустам Курчаков: Опять Сабантуй...

Гульнара Габдрахманова: Наелись! Наелись уже сабантуями!

Нияз Игламов: 80% татар живут в городах. Какие сабантуи вообще? Запретить!

Гульнара Габдрахманова: Сабантуй не Сабантуй он уже! Это уже страусы, вертолеты – это уже не Сабантуй, к сожалению. К тому же нужно трезво оценивать ситуацию: мы не сможем в каждом татарском селе поставить школу, заставить всех читать татарские печатные издания. Давайте экономить наши силы и тратить их на те механизмы, которые будут очень эффективно влиять на поддержание татарской идентичности. Сегодня нужно искать и найти такие вот интересные новые средства. Мне кажется, это очень важный поиск.

АЙРАТ ФАЙЗРАХМАНОВ: «НУЖНО ПОНИМАТЬ, КАКИЕ СУЩЕСТВУЮТ СЦЕНАРИИ: ЕСТЬ ИНЕРЦИОННЫЙ, ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ, ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ»

Дамир Исхаков: К тому, что было сказано, только одно дополнение. Реальная ситуация видна, когда в Интернет заходишь. Ясно, что виртуального пространства у нас много. Недавно я провел эксперимент. Сейчас уже татарская история в школах не преподается, но мы успели выпустить всю линейку школьных учебников. Я являюсь одним из авторов учебника для 10-х классов. Так вот, ни одного школьного учебника по истории татар в Интернете нет.

Айрат Файзрахманов: А кто их должен выкладывать? Авторы? Мы недавно собирались с архивным управлением в честь 100-летия архивной службы, и говорили о коллективной памяти, о ее воспроизводстве. И главный вопрос стоял – кто должен заниматься продюсированием татарской истории? Мы на него так и не ответили. Институт истории, где сидят ученые и действительно создают ученые труды? Они должны распространять их в Интернете или нет? Какой-то отдел? Конечно, нет.

Руслан Айсин: «ТАТМЕДИА» есть, Министерство просвещения, КФУ...

Айрат Файзрахманов: И одним из главных принципов стратегии, я считаю, должна быть какая-то новая маркетинговая стратегия продвижения татарскости, татарского языка, культуры. Пример – Камаловский театр, у них сформировалась своя маркетинговая стратегия, есть специалист, который это делает. Театр имени Камала, на мой взгляд, на взгляд потребителя этого контента, воспринял. И во многих сферах, начиная с телевидения, театра, музыки, самого ВКТ, нужно новое позиционирование, новые бренды.

Модератор: Извините, но все-таки маркетинг всегда вторичен. Если нет татарской истории единой, что можно продвигать?

Айрат Файзрахманов: Да уже все есть.

Модератор: Надо сначала определиться, кто такие татары, а потом уже продвигать.

Айрат Файзрахманов: Отвечать на это вопрос, я так понимаю, будет Дамир Мавлявеевич, Руслан Айсин в рамках доктрины.

Модератор: Так надо сначала родить эту доктрину. Это самое сложное.

Айрат Файзрахманов: Я думаю, она родится, и тут все будет хорошо. Думаю, стратегия все-таки будет развиваться инерционно, и действительно попросят у группы, которую Дамир Мавлявеевич представляет...

Дамир Исхаков: Нет пока такой группы.

Айрат Файзрахманов: ...какую-то доктрину, какой-то доктринальный момент. По отдельным отраслям запрашивают аналитику у отдела этносоциологии института истории, по театрам и другим отраслям запрашивают программные элементы у министерств, ведомств и сформируют какую-то красивую презентацию к лету 2019 г. Мне кажется, все это будет вот так инерционно развиваться. Проведут конференции ученых по этому вопросу, эти все материалы, так или иначе, попадут. Вопрос в том, кто будет их собирать. И, если так инерционно будет развиваться, документы все равно будут достаточно хаотичными. Я надеюсь, что хотя бы в рамках таких хаотичных документов будут прорывные мысли, которые попадут или в госпрограммы, или в гранты и получают ресурсную подпитку.

А каким должен быть документ, из каких направлений и частей должен состоять? Мы, молодежь, для себя уже ответили на этот вопрос, мы насчитали 23 направления. В рамках культуры, естественно, будут свои поднаправления: музыка, театр. Это все на поверхности лежит. И мы уже начали проводить беседы: по музыке провели – о том, как должна развиваться альтернативная музыка, хотим по театру провести. По коллективной памяти проводили, по национальному дизайну.

У нас были такие локальные фокус-группы, мы для себя в принципе хотим определиться, будут ли нас слушать, будут ли наши записи брать, будут ли нас просить обработать все это – это тоже вопрос, не сильно влияющий на развитие татар. Про маркетинг я сказал. Про аудиторию здесь задавали вопрос – действительно, аудитория у татар разная. Мы тоже для себя эти аудитории определили, их порядка 8: есть татарство на уровне мастерства – это те, кто прекрасно знают и литературный язык, и религию, и культуру, и прочитали всю татарскую литературу. Такие татары есть. И есть татары, у которых кроме русифицированного слова «абика» в обиходе ничего нет. И для каждой аудитории должно быть понимание, как их развивать. Может быть, как Руслан говорит, для некоторых из групп нужна какая-то программа этнореабилитации, в том числе для того села в Поволжье, которое свою татарскость практически не помнит.

То есть нужно понимать, как работать с разными аудиториями. Нужно понимать, какие существуют сценарии: есть инерционный сценарий, оптимистический, пессимистический. И в рамках

этого тоже надо все продумывать. Про пессимистический сценарий уже много раз сказали, про инкыйраз, про то, что республики может и не быть, какие в этом случае должны быть сформированы институты. Хотелось бы, чтобы все эти три направления были отражены в стратегии, но я думаю, что в официальном большом документе этого не будет. Вообще, весь итог работы над стратегией я обозначаю в выражении «Движение – все, цель – ничто».

Модератор: Процесс обсуждения меняет людей, меняет носителей.

Айрат Файзрахманов: Для воспроизводства этничности это тоже все важно. И я еще обращаю внимание, что у нас уже сформирована концепция по татарской школе. Слава Богу, сейчас речь зашла о полилингвальной гимназии. И остался вопрос только в том, будет ли присутствовать преподавание предметов на татарском языке. У нас есть концепция открытого татарского университета, который будет воспроизводить татарские группы в разных вузах. Это не здание с колоннами – профессор Исмагил Хуснутдинов опубликовал в «БИЗНЕС Online» концепцию Открытого национального университета, мы тоже участвовали в подготовке этой концепции. У нас есть представление о том, как должна развиваться современная татарская культура. Надеюсь, в Казани появится и центр современной татарской культуры. По этим направлениям у нас есть свое видение, в какой-то части оно, наверное, попадет в процессы развития татар, в какой-то части, наверное, нет. Но здесь надо говорить все-таки о некоторых прорывных отраслях. Мы таких насчитали 23 отрасли, которые могут вытянуть татар. Это образование (детский сад – школа – университет) и это, естественно, культура, а в рамках культуры уже специалисты лучше скажут, какие прорывные отрасли есть. Я думаю, что это театр, а не кино. Театр может вывести татар на мировую арену, это то, чего сегодня нашему мировому театру не хватает.

И это надо стимулировать разными способами, не только государственными. Жаль, что у нас западает образование. Я считаю, что это вообще самое первое.

Модератор: Есть еще такое понятие, по моему мнению, в современном мире одно из самых важных – это национальный капитал. Здесь просто представителей бизнеса нет, но без национального капитала движение будет очень непростое.

Дамир Исхаков: Мы предварительно совещались, кого можно пригласить, представителей национального капитала мы найти не смогли.

Модератор: Они есть, просто они на открытые «круглые столы» не придут.

Рустам Курчаков: Значит, образование, искусство. Еще какие направления?

Айрат Файзрахманов: Из культуры – это театр (на мировой уровень). Музыка – для общероссийского уровня. На российском уровне наша татарская альтернативная музыка может выстрелить. Также на общероссийском уровне может выстрелить наше татарское образование как полилингвальное образование.

Модератор: И еще бы я добавил – это религия, это ислам. Татары в XIX–XX вв. в лице своих выдающихся представителей Мусы Бигиева, Ризаэддина Фахреддина и т. д. продемонстрировали мировой уровень ислама. Это может быть и стержнем доктрины. Тот не заскоружный, не ваххабитский ислам, который уничтожает идентичность.

Айрат Файзрахманов: Это тоже входит в сферу образования. У нас уже есть медресе – институт – академия. Если мы добавим детский сад – школа, то создадим целостную систему мусульманско-татарского образования.

Рустам Курчаков: Вы проработали это с точки зрения институтов, это очень хорошо, это конкретная практическая работа, а начинки нет нигде.

Айрат Файзрахманов: Без нее, без выстроенной системы, не будет ученых, которые будут создавать...

Чтобы эстафету передать Римзилю Салиховичу, расскажу про споры поколения. На нашем последнем «круглом столе» мы говорили о воспроизводстве молодежной газеты, что-то на подобии «Молодежь Татарстана» с большим тиражом. Мы говорим и о воспроизводстве татарских пабликов. Уже в группе «Татары и Татарочка» 120 тыс. подписчиков! Это группа в

«Вконтакте», которую ведут энтузиасты. Вот это можно развивать, а не «Молодежь Татарстана» создавать.

Модератор: Это все-таки другое, в СМИ другие законы, жанры.

Айрат Файзрахманов: Три-четыре хороших СМИ нужны, и все, остальное не будут читать. Тут уж или поддерживать «Молодежь Татарстана» за огромные деньги, или стимулировать появление новых интересных пабликов.

РИМЗИЛЬ ВАЛЕЕВ: «БУДЕМ ГОВОРИТЬ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ, ЭТО И БУДЕТ СТРАТЕГИЯ»

Модератор: Римзиль Салихович, вам слово.

Римзиль Валеев: Что такое стратегия? В моем понимании это долгосрочный план на несколько десятилетий, и разработка средств достижений целей на этот срок. Поэтому, когда мы говорим о концепциях, доктринах, стратегиях, тактиках, их надо различать. Так что мы сейчас должны определиться – или туда, или сюда. Да, полилингвизм – пока российское общество ориентируют на моноязычие плюс английский. Мы уже владельцы и даже носители русской культуры, мы уже по культуре наполовину русские, но в то же время мы, татары, и должны быть такими. Это наша фора, это наше преимущество, и будет очень жалко, если наше подрастающее поколение откажется от этой форы. Этот вопрос не решен в массовом сознании, не разъяснен в системе образования и применения.

Второй пункт: Минниханов Рустам Нургалиевич часто на встречах с татарами говорит, что надо применять язык, надо говорить на языке, если мы сами не будем говорить, тогда... Это абсолютная правда. Получается, что формула: хочешь не хочешь, а татарин, который знает родной язык, увидев другого татарина, тоже знающего язык, даже не очень совершенно, должны говорить на родном языке, громко и внятно. А это не делается, даже внутри семьи. И особенно среди блестяще владеющих языком, а таких сотни тысяч, окончивших высшее учебное заведение, среднее. Будем говорить на родном языке – это и будет стратегия. Татар татарны күрдеме, татарча сөйләшә һәм укый. Если вы «Шәһри Казан» или хотя бы «Казан утлары» и «Идел» начнете на татарском читать, если будете слушать «ТНВ», желая или не желая, радио «Болгар» или «Татар радиосы» – все, ситуация поменяется. Потому что ваши дети и внуки будут тоже это читать и слушать.

Айрат Файзрахманов: Нет интересного контента. Есть, но мало.

Римзиль Валеев: Лет 15 назад я под руководством Дамира Мавлявеевича выпустил сборник статей «Роль СМИ в нациестроительстве». Сегодня мы находимся накануне выработки формулировок, но необходимо проработать отдельные направления, например, миграцию. По сути, не решено, в Татарстане и в Поволжье сейчас решается судьба татар или в далеких регионах и странах? Я убежден, судьба татарского народа решается в Республике Татарстан и в Идель-Урале.

Что касается остальных «островов», то все просто. Во-первых, они все равно ассимилируются. Во-вторых, они уже приучились жить «островами», мы им помогаем, и сейчас бешено ездить и встречаться со всеми, где 100 татар, где 5 тыс. татар, – все это бесполезно. Катастрофа происходит в Казани, а также в других городах и районах Республики Татарстан. Если мы проанализируем миграционные процессы, то в 1990-е каждый год 70 тыс. татар приезжало в Татарстан. В последние годы – только 13–16 тыс., и это не только татары. Очень интересно, сколько татар и куда уехали, где закрепились, какова тенденция и почему в регионах компактного проживания татар все равно идет бурная ассимиляция, даже в татарской деревне. Поэтому надо стратегически решить: обслуживание «островов» – это очень легко, был бы ресурс. А если не ресурс, легко можно было бы приглашать или по Skype обучать. У нас «ТНВ» есть, в конце концов, Интернет есть. Но выбор этот не сделан, и пока делается в ошибочном режиме. Надо просто заниматься в своих семьях, своем городе, своей республике.

Есть и другие пункты. Требуется поднять применимость татарского языка, о чем говорит Минниханов, на уровень элит. Если применять, использовать язык, и готовить кадры к применению, начиная с самого верха, обеспечить полилингвизм, многоязычие в самых элитных кругах, все бу-

дет реализовано. И это будет благо для России, если задуматься. А сейчас пока, к сожалению, стратегия российской политики идет по ошибочному пути, который нас и заставляет выработать свою стратегию по тому или иному варианту – не всегда, может быть, желательному. Поэтому выбор стратегических алгоритмов зависит от того, как все будет продолжаться в стране, в Татарстане в частности, и насколько будет безопасным существование самой республики.

«МЫ ДОЛЖНЫ СОЗДАТЬ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ THINK TANK, МОЗГОВОЙ ТРЕСТ»

Дамир Исхаков: Хочу сделать одно замечание касаясь опасности. Первое. В принципе, как вы поняли, у этого проекта [создание стратегии татарского народа] нет конкретного заказчика. Президент дал поручение «Милли шура», но является ли данный национальный совет представителем всего татарского народа – это большой вопрос. Хотя легитимная форма есть, люди его избрали, но сам «Милли шура» по своему содержанию и качеству в моих глазах выглядит весьма подозрительно. Если нет заказчика, то не совсем понятно, кто закладывает параметры того, что нужно. Кроме того, со стороны заказчика будет еще приемка продукта...

Римзиль Валеев: Заказчиком был сам докладчик – это Рустам Минниханов.

Дамир Исхаков: Вторая опасность – было сделано много концептуальных документов. Я тоже участвовал в ряде, включая очень старых разработках РИАТа, и до сих пор всегда случалось так, что были созданы хорошие документы, но по ним ничего не было сделано. И сейчас такая же опасность существует.

Рустам Курчаков: А вы осмыслили, почему так произошло? Надо же осмыслить и тогда все станет просто и ясно.

Дамир Исхаков: Думаю, на нашем «круглом столе» совершенно не случайно отсутствуют представители национального капитала. Видимо, его нет на самом деле...

Модератор: Смотри, что под ним подразумевать...

Дамир Исхаков: Раз он не участвует в этом процессе, то, видимо, его и нет. Для того чтобы документ потом как-то заработал, нужно взаимодействие ряда сил, где национальный капитал имеет важное значение. И последнее. В отличие от Рустама Султановича, я считаю, что эксперты должны быть хорошо оплаченными. Лично сам я готов работать только при хорошей оплате, потому что я свои мозги ценю высоко. Думаю, если не будут платить хороших денег, это значит, что на самом деле серьезного намерения в создании этого документа нет.

Нияз Игламов: Хочу поддержать предыдущего оратора в части оплаты труда. И даже удвоить ее (*смеется*)! При подготовке этой стратегии необходимо действительно понять, для кого мы ее пишем. Важно даже не то, кто заказчик. В идеале заказчик – татарский народ.

Дамир Исхаков: Это же абстракция.

Нияз Игламов: Да, я знаю, понимаю, но фантазия без абстракции невозможна. Когда мы говорим про деньги, мы говорим и о конкретном заказчике. Сам посыл – знаем ли мы свой народ? Например, Римзиль Валеев, очевидно, хорошо знает какую-то часть своего народа, не очень многочисленную, к сожалению, которая смотрит «ТНВ», слушает «Болгар радиосы», читает «Молодежь Татарстана» ... Для меня этого пласта татарской культуры просто не существует. И тут надо четко понимать, прямо в цифрах, наверняка, какие-то социологические выборки есть, сколько процентов русскоговорящих, кто в какой степени язык знает... Ну, кто сейчас может читать Гаяза Исхаки, например, не заглядывая в словарь?

Дамир Исхаков: Примерно треть татар.

Айрат Файзрахманов: Выпускники татарских гимназий.

Руслан Айсин: Я считаю, что проблема, которая высветилась при подготовке к формированию стратегии, – это, к сожалению, отсутствие слоя думающего татарского народа. То ли мы сами всех не смогли собрать, тогда это вопрос к организаторам всего этого процесса. То ли мы хлопаем себя по груди, говорим, что мы высококультурный и высокообразованный народ, но собрать людей, которые могут написать эту стратегию, мы не можем. Из этого вытекает следующее – мы должны

создать постоянно действующий think tank, мозговой трест, как угодно его назовите. Он нужен, он необходим. Возможно, если власть не поддержит, то он должен, я так понимаю, уже образоваться стихийно. Потому что без головы будет тяжело двигаться. Можно, конечно, как зомби походить по улицам Казани, например, по улице Тукая... Если нет головы, то все остальные телодвижения – это телодвижения кукольного театра.

Рустам Курчаков: Я исторический оптимист. И я для себя сделал вывод, как сказал Айрат: движение – все, конечная цель – ничто. Да, то, что говорит Римзиль Салихович, может, вызывает у кого-то скепсис. Но, если собираетесь писать стратегию, нужно быть предельно объективным. Уберите все эмоции, личные пристрастия и ту «татарскую болезнь», о которой здесь говорил Нияз Рауфович.

Я все думал: стратегия развития татарского народа или татарской нации? Нет, народа. Это уже хорошо, потому что слово «нация», я думаю, не для будущего. Вот Дамир сокрушался, когда мы с ним говорили, что у татар процесс нациестроительства не был завершен... Есть турецкая, тюркская то есть, поговорка: ты сказал – я поверил, ты повторил – я усомнился, ты сказал в третий раз – я понял, что ты или врешь, или ошибаешься. Потому что Аллах Тагаля не было угодно, чтобы татарский народ приобрел все черты нации, потому что нация – это понятие буржуазное. И вот до тех пор, пока основная масса татарскими идеологами ориентирована на нациестроительство и государствовоительство, это ложный ориентир. Потому что очень скоро, я думаю, государства умирают – точно так же, как и нации. Они не до конца умирают, а преобразовываются, то есть вместо нации сейчас формируется совсем другая форма общности. Думаю, если на эту тему отдельно поговорить с Айратом Файзрахмановым, выяснится, что проблески этой общности уже есть. Да, название, может, и останется – я не против, оно неплохое. «Нациестроительство нам не дали до конца довести...» – да Аллах Тагаля это не было угодно. Он татар приготовил для лучшей роли в этом мире.

*«ЧТОБЫ МЫ НЕ ЗАХЛЕБНУЛИСЬ В «ТАТАРСКОЙ БОЛЕЗНИ», КОГДА БУДЕМ
СТРАТЕГИЮ ПРИНИМАТЬ И РЕАЛИЗОВЫВАТЬ»*

Гульнара Габдрахманова: Всем участникам сегодняшнего очень интересного и конструктивного разговора я хотела бы пожелать, чтобы, когда мы будем готовить эту стратегию, принимать и реализовывать, все мы не захлебнулись в этой «татарской болезни». Чтобы подготовка и реализация этого документа не сопровождались скандалами и конфликтами. Чтобы мы все-таки слышали, умели и хотели слышать друг друга, и двигались к одной общей цели. Может быть, у меня такое чисто женское пожелание, но я за мир во всем мире.

Рустам Курчаков: Нет, это очень сердечное пожелание! Вы как женщина выразили главное, чтобы сердечность сохранилось. А татарам этого как раз и не хватает, и сердечность идет от татарских женщин!

Айрат Файзрахманов: Я присоединяюсь к этому пожеланию. Это очень важно, на самом деле. Я думаю, фигуры, которые могут модерировать эти противоречия, есть и их можно поставить во главе процесса подготовки стратегии. Это могут быть люди разные – от ученых старшего поколения до среднего поколения, например, 50-летних. Еще раз повторюсь: должна быть доктринальная часть, стратегическая часть, «дорожная карта», все должно быть переложено на чиновничий язык госпрограмм. И госпрограммы должны, в том числе стимулировать возникновение негосударственных институтов таким образом, чтобы развитие татарской нации было делом не только институтов государственных, но и некоммерческих.

Модератор: Спасибо! В заключение, во-первых, хотел бы сказать большое спасибо за то, что собрались на наш «круглый стол». Во-вторых, мне кажется, здесь прозвучали очень важные вещи, которые могут стать опорными точками, если стратегия все-таки будет создаваться. Но я не удивился тому, что сказал Дамир Мавляевеич. это наша традиция сказать, что денег нет, и непонятно, за что люди работают. Татарстан – продвинутый регион, он нанимал в свое время группу «Монитор» из Гарварда. Несколько лет назад республика подключила Леонтьевский центр Кудрина. Ра-

ботали серьезные ребята, в принципе, создан какой-то фундаментальный труд. Там есть расчеты, «круглые столы», экспертные сессии...

Я тоже удивляюсь: почему бы не сделать некий заказ, условно говоря, из того же СИНХа конгрессу татар, на самом деле, профессионально сделать заказ и серьезно построить работу, нанять специалистов, если мы хотим создать нечто действительно серьезное. Поэтому я разделяю ваш посыл – люди должны день и ночь трудиться, это должны быть специалисты из разных областей. Кстати, кто создавал «Русскую доктрину» – многих людей и вы знаете, и я: это десятки специалистов очень серьезного уровня, работали они по разным разделам. Были и консультанты – они тоже отвечали за определенные разделы, их также было несколько десятков.

И все же есть еще один взгляд на деньги и заказы. В КФУ работает известный экономист – я смотрю, его команда пишет стратегию Сахалинской области, Краснодарского края. Спрашиваю: «А почему не пишете социально-экономическую стратегию Татарстана?» Он отвечает: «Нет заказа».

Все-таки лучшие вещи пишутся, уверен, когда есть самозаказ. На самом деле можно долго критиковать конгресс, представителей властей и т. д., а можно объединиться и за месяц написать программный документ, и это будет прорыв... Помните: не спрашивай, что сделала Америка для тебя, спрашивай, что ты сделал для Америки. Почему же за 25 лет интеллектуалы не создали стратегию (или некий программный документ) и не вбросили ее в общество?.. Вот вопрос, на который нет ответа.

Гульназ Бадретдин

*Источник: //www.business-gazeta.ru/article/410991,
26 января 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«3 КОПЕЙКИ НА ИНОРОДЦА»: МОЖНО ЛИ ЗА 80 МИЛЛИОНОВ В ГОД СОХРАНИТЬ ДВЕ СОТНИ ЯЗЫКОВ?

Айрат Файзрахманов о том, почему надежды на федеральный Фонд родных языков развеялись и что теперь поможет развитию татарского языка

«Где же сейчас победные реляции депутатов Никонова, Аршиновой?» – констатирует автор «БИЗНЕС Online» Айрат Файзрахманов, комментируя новость о создании фонда родных языков народов РФ, создание которого отдельные думцы называли едва ли не решением проблем, спровоцированным языковым кризисом. И в новой «языковой реальности» государственные языки республик из «языка территории» вновь и окончательно превращаются в языки национальной общины.

***«ПРИ ТАКОМ КУРАТОРСТВЕ И ДОЛЖНОМ ФИНАНСИРОВАНИИ ФОНД МОГ БЫ
БЫСТРО УЛУЧШИТЬ СИТУАЦИЮ С РОДНЫМИ ЯЗЫКАМИ»***

Народы России получили Фонд родных языков со смешным бюджетом в 80 млн рублей в год. Кто-то уже успел посчитать, что это почти «3 копейки на инородца». Между тем на целевую государственную поддержку русского языка в России (который, как известно, и так доминирует) выделены миллиардные суммы, но не об этом речь, а о том, сколько было слов вокруг этого пресловутого фонда родных языков! Его создание подавалась как главная новация, достижение российских парламентариев и забота старшего брата о малых народах. Где же сейчас победные реляции депутатов Никонова, аршиновой и Ко? Пусть попробуют объяснить, как можно сохранить две сотни родных языков за 80 млн рублей...

Это при том, что руководителем попечительского совета назначен первый вице-спикер Совета Федерации Николай Федоров, а национальную политику в стране курирует вице-премьер Виталий Мутко, который обычно работает с большими бюджетами. При таком кураторстве и должном

финансировании Фонд мог бы быстро улучшить ситуацию с родными языками, сделав приоритетным развитие сети дошкольных учреждений и школ с родным языком обучения, поддержав систему подготовки билингвальных педагогических кадров и учебников, стимулируя создание современного медиаконтента на родных языках, перевод популярных детских книг, мультфильмов, отечественных кинофильмов на родные языки народов РФ. Но пока единственный заметный приоритет – это языки коренных народов Севера. Государственные языки республик, видимо, остаются приоритетом самих республик. Вот только в условиях, когда значительная часть налогов уходит в центр, а денег остается только на самые жизненно необходимые статьи, создание языковой «инфраструктуры» становится практически нереальным.

Состав правления Фонда вызвал еще большее изумление: в нем отсутствуют авторитетные представители академического сообщества национальных республик. Тем самым очередной раз подтвердился очевидный факт, что федеральные власти не заинтересованы в реальном сохранении и развитии родных языков. Конечно, никаких иллюзий на этот счет у общественности республик не было. Федеральный центр пока выдает лишь институциональные ограничения в виде новых законов, стратегии госнацполитики, усложнения бюрократических процедур, недоверия к своим же народам и регионам.

Но даже в этих условиях у Татарстана есть возможность немного поправить ситуацию. Вроде простой принцип – любое публичное мероприятие, благоустройство территории, происходящее за бюджетный счет республики, должно хотя бы иметь название, стенды и короткую приветственную речь на двух языках. Можно было бы ввести показатель по количеству докладов и речей на татарском языке в государственных и муниципальных органах власти. Для начала хотя бы 5%! Однако и этот простой принцип кажется нереальным, а значит, татарский язык практически не несет в себе функции «языка территории», несмотря на существующую конституционную норму.

*«К СОЖАЛЕНИЮ, УШЕЛ В ПЕСОК ПРОЕКТ ОЧЕРЕДНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА»*

Прошло 14 месяцев с момента вынужденной «языковой контрреформы» в Татарстане, но ответ на вопрос, что делать дальше, до конца не дан. Какую компенсацию получили взамен татары? Получили решение написать стратегию развития татарского народа и чуть большее внимание руководителей к татарской культуре и языку, чем прежде. Получили «Шаян-ТВ» для детей, чье качество продукта, однако, вызывает у родительской общественности все больше вопросов. Очевидно, что здесь главный и самый строгий судья – сам ребенок, и пора бы уже узнать мнение детей на сей счет. Поддержано новое поколение татарской культуры, появился масштабный фестиваль Tat Cult Fest с продолжением в виде творческих театральных и музыкальных лабораторий.

Вышли в свет учебники нового поколения «Салям!» для начальной школы, имеющие прекрасное содержание, получившие хорошие экспертные оценки и восторженные отклики самих учеников. Однако они так и не стали массовым явлением для школ Татарстана. Вместо того чтобы форсировать создание учебников для средних и старших классов, процесс застопорился. К сожалению, ушел в песок проект очередного национального (педагогического) университета. Его реформатирование в структурное подразделение КФУ – это явно не тот результат, которого заслуживает 7-миллионный народ, имеющий свою республику и многовековую высокую культуру. Между тем этот супервуз с супербюджетом не удосуживается обновлять информацию на татарском языке на своем сайте уже больше полугода.

Очевидно, что для поддержания жизнеспособности татарского языка этого мало. Тем более никаким изощренным способом невозможно обосновать, что при сокращении объемов преподавания языка его знание у современных детей должно остаться (хотя бы) на прежнем уровне. Закон закрепил новую языковую реальность, в которой государственные языки республик из «языка территории» стали вновь языками национальной общины. Судебный казус Павла Шмакова, его проигрыш в Верховном суде РФ лишь подтвердил это положение. Возможность преподавания татарского языка как государственного в рамках лишь школьного компонента означает

статус, фактически помноженный на ноль. Большинство школ преподают татарский лишь как родной язык.

В условиях, когда есть ограничение на часы татарского, Татарстан мог бы взяться за организацию кружков по татарскому языку с оплатой часов из специального фонда. Республика умеет изыскивать средства на различные фонды и нужды, умеет в этом отношении работать с крупными предприятиями. Цена вопроса для тысячи кружков, при двух часах в неделю, около 40–45 млн рублей. В кружках можно было бы экспериментировать – слушай и разбирай популярные татарские песни, смотри клипы и фильмы, приглашай известных татар к детям, играй в настольные игры и читай Гарри Поттера на татарском, делай с детьми озвучку популярных роликов, научи знакомиться с девушкой на татарском языке или выбить скидку и т. д. Это может быть театр стэм, КВН или стендап на татарском. Есть множество «пряников», которыми можно было бы позвать детей на такие кружки. В качестве педагогов в такие кружки можно было бы привлечь студентов младших курсов, у которых еще горят глаза. Это был бы их проект вместо списанных курсовых. Лучшие экспериментальные кружки татарского можно было поощрить именными стипендиями и грантами. Лучшие ученики кружков могли бы летом подрабатывать на переводах сайтов, наглядной инфы для организаций из госсектора. Школьник всегда ценит и гордится своими первыми заработанными деньгами. Такой запрос официальный Татарстан тоже мог бы сформировать.

«ТАТАРЫ БУДУТ ОБРЕЧЕНЫ ТЕРЯТЬ ПРИ КАЖДОЙ ПЕРЕПИСИ ПО 1 МИЛЛИОНУ СОПЛЕМЕННОКОВ»

Вместе с тем в новой реальности справедливой компенсацией для татар может быть только восстановление обучения на родном языке. Пока для этого есть необходимые кадры, но через 10 лет их может не быть. Кстати, естественный кризис татарской школы, невнимание к ее проблемам (а не только институциональные ограничения в виде ЕГЭ), привели к тому, что татары в середине 2000-х стали массово переходить на русскоязычное образование. Пробелы в познании татарского языка было решено восполнить через увеличение объемов его изучения для всех учеников, для всех школ. Системный сбой пошел именно тогда, он не был виден с высоты, но на местах ситуация была иная, что впоследствии и стало формальной причиной для недовольства и раздувания языкового конфликта.

Будем надеяться, что инициатива государственного советника Татарстана Минтимера Шаймиева по созданию полилингвальной гимназии позволит в дальнейшем разрешить имеющиеся противоречия, создаст конкурентное образование с большой долей преподавания на татарском языке и поможет переформатировать систему национального образования. Иначе татары будут обречены терять при каждой переписи по одному миллиону соплеменников, говорящих на татарском языке. Такие гимназии могли бы стать кузницей кадров для экономики будущего Татарстана, создать новый слой интеллектуальной элиты республики. Отборный педагогический состав, современная школьная инфраструктура, свежие методики обучения и новые форматы, правильное продвижение полилингвального образования – и родители с охотой отдадут в такое учебное учреждение своего ребенка.

Конечно, на деле есть множество вопросов, которые не так просто будет решить. Не затеряется ли татарский язык в обучении между двумя гигантами – русским и английским языком – и не станет ли он третьим из трех? Ведь даже знаменитые татаро-турецкие лицеи, по факту, так и не ввели обучение предметов на татарском языке. Как в столь короткие сроки написать и залицензировать в Москве полилингвальные учебники? Как объяснить родителям необходимость получения знаний по основным учебным дисциплинам на трех языках, ведь ЕГЭ надо сдавать на русском! Однако реальная полилингвальная среда (тат. – мохит, англ. – environment) в школе действительно способна снять многие вопросы от родителей, противоречия в языковой сфере. Когда ты видишь, что ребенок, независимо от национальности, легко переходит в общении с учителем или сверстниками с русского на татарский, с татарского на английский (а такие примеры в школах Татарстана есть!), начинаешь верить в силу культурного многообразия.

Сегодня более половины населения земного шара живет в условиях полилингвальности. Региональные языки являются также частью этой многоязычной реальности. Международная общественность разворачивается к проблеме сохранения малых языков (2019 г. объявлен в ООН Годом коренных народов), и сегодня этот вопрос уже почти становится на один уровень с экологическим благополучием планеты. Мир постепенно учится развивать региональные и малые языки, создает необходимые институты, правовые механизмы. И Российская Федерация вольно или невольно в далекой перспективе пойдет за этими трендами. Вот только дождется ли этих перемен большая часть современных татар?

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/413666>,
16 февраля 2019.*

* * *

«НА ЧАК-ЧАКАХ ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ»: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ИСЛАМУ В СТРАТЕГИИ ТАТАР?

Почему в Стратегии татар не представлены религиозные институты как важные элементы бытия нации?

«Без видения исламского начала мы не сможем понять татарскую культуру и продолжать ее. Ислам – определяющая в становлении хребта и идеологии татарской нации», – рассуждали участники «круглого стола» «БИЗНЕС Online» под названием «Дух или материя? Исламский компонент в Стратегии татар». О том, как решала этот вопрос национальная интеллигенция 100 лет назад и почему мечети могут стать настоящими клубами по интересам для татар, – в нашем репортаже.

ИСЛАМСКОЕ НАЧАЛО У ТАТАР ИЗНАЧАЛЬНО ПРИСУТСТВОВАЛО И ФОРМИРОВАЛО ИДЕОЛОГИЮ

Начало священного месяца Рамадан стало отличным поводом продолжить серию «круглых столов» в редакции «БИЗНЕС Online», посвященных разработке Стратегии развития татарского народа. Поскольку важнейший ее аспект – это роль ислама в жизни татар и то, как он должен быть отражен в данном важнейшем документе, в представленном эскизе которого практически отсутствует религиозная составляющая.

По словам известного историка Дамира Исхакова, проблема эта чрезвычайно сложная и имеет политическое значение. «У татар термин «нация» традиционно передавался понятием «миллэт», но на самом деле слово «миллэт» имеет исламские корни и совершенно иное содержание. Кем были лидеры нации, которые формировали миллэт? На этот вопрос должен быть дан ответ. Мы должны будем вернуться к данным истокам: понять, кто мы, откуда возникли и как становились. И тут исламская составная, хочешь или не хочешь, возникает. В тех эскизах стратегии, которые нам представлены, этот момент очень сильно спрятан. Там есть духовное начало, но непонятно, что за духовное начало имеется в виду, может быть, христианское, а возможно, вообще безрелигиозное», – отмечает он.

Исхаков уверен, что от ислама нам не уйти, поскольку исламское начало у татар изначально присутствовало и формировало идеологию: «Мы никак не можем исключить ислам из нашей жизни и в стратегических вещах должны об этом помнить. Любое нациестроительство имеет культурную базу – татарскую культуру без ислама вообще представить невозможно. У нас вся досоветская культура стоит на исламской базе. Так как мы хотим продолжать данную культуру дальше, даже те люди, которые не хотят этого видеть, будут вынуждены подобное сделать, потому что без видения исламского начала ты не сможешь понять татарскую культуру и продолжать ее», – уверен ученый. Кроме того, согласно социологическим исследованиям, более 80% татар считают себя мусульманами.

«Роль ислама в развитии татарской нации – вопрос суперсложный. Очень трудно вписать ислам в политическую систему», – уверен ректор Российского исламского института профессор Рафик Мухаметшин. При этом он сделал экскурс в историю: татарская интеллигенция также формировала национальную идеологию и столкнулась с исламским фактором. «Ислам, с одной стороны, можно рассматривать как фундаментальное учение, с другой, если смотреть период становления татарской нации, стояла дилемма: роль ислама и то, как его использовать. Здесь есть блестящий опыт татар конца XIX – начала XX вв. Это новый формат развития буржуазного общества, которое нуждалось уже не только в религии, но и в идеологии. И татарская интеллигенция формировала национальную идеологию. Вопрос заключался в том, как в ткани мобильно развивающегося общества национальной идеологии использовать исламский фактор. Может быть, разработчики стратегии сегодня тоже с этим столкнулись. Для них ислам – некая догматическая система, и они не знают, как ее вписать в стратегию. Какого-то эффективного опыта вкрапливания исламского фактора и в национальную идеологию, и в политическую систему не было», – говорит он.

«Разработчики говорят: татары же не только мусульмане, есть крышены. Но в стратегии можно упомянуть и тех и других. Кому мешает? Татар без ислама нет», – резюмирует Мухаметшин.

ЕСЛИ УБРАТЬ ИСЛАМ, В РЕГИОНАХ У ТАТАР НИЧЕГО НЕТ

Исламовед Айдар Хайрутдинов также отметил, что ислам для татар играл консервирующую роль – консервировал их в культурную и языковую единицу. Хайрутдинов, являющийся одним из знатоков творчества богослова Мусы Бигиева, напомнил, что выдающийся ученый был уверен, что только татары могут что-то дать мировой умме и человечеству и способны стать маяком для них. «Но я не склонен идеализировать прошлое», – отметил при этом участник «круглого стола».

«Татары и ислам – понятия неразрывные. У нас даже в языке это сохранилось, языковая память хранит неразрывную связь нашего национального и религиозного самосознания», – продолжил экс-первый замуфтия РТ Рустам Батыр. По его словам, к созданию стратегии в том или ином виде татары подступали уже не раз – в 2013 г. на Форуме татарских религиозных деятелей при участии тысячи имамов со всей России была принята концепция «Ислам и татарский мир». «Там черным по белому написано, что данный документ – это шаг к консолидации татарского народа на основе исламских ценностей. Это цитата. Сейчас поднимать тот же вопрос, не апеллируя уже к тем работкам, которые были, странно. И инициировал этот документ ВКТ!» – напомнил Батыр.

Как рассказал блогер «БИЗНЕС Online» Батыр, 100 лет назад татарская интеллигенция также встала перед вопросом, который волнует современных татар, – сохранение народа в новых реалиях. «В июле 1917 г. в Казани проходил всероссийский мусульманский съезд, было создано «Милли идарэ», то есть национальное правительство тюрко-татар внутренней России и Сибири. Там было три министерства – Диния нэзарэте, Малия нэзарэте и Мэгариф нэзарэте (Министерство образования (просвещения), Министерство финансов и экономики и Министерство религии). Сейчас мы переводим подобное как «духовное управление», но на самом деле это министерство. С приходом советской власти все данные министерства распустили, единственное – смогли сохранить Управление мусульман», – напомнил он.

Так что наши предки обозначили три столпа, на которых должно стоять развитие нации, – финансы, образование и религия. «Ислам – это основа всего нашего менталитета. Ислам из татарской культуры, из татарского языка вычленишь невозможно. В условиях отсутствия государственности именно исламские институты сыграли роль скелета татарской нации, выступили каркасом, на котором был сформирован современный тип татарской нации. Куда бы татары ни приезжали, первым делом они строили мечети. Мечеть становилась тем центром, вокруг которого формировалась национальная и религиозная жизнь. Ислам и по сей день играет ту же функцию, игнорировать это неправильно», – уверен Батыр.

«Роль ислама очевидна. Она определяющая в становлении хребта и идеологии татарской нации. Ислам является механизмом, который скрепляет», – согласился с ним политолог Руслан Айсин. Он уверен, что включение или невключение исламского фактора в стратегию развития татар – вопрос

скорее политический. «К сожалению, если мы сейчас не пропишем в стратегии фактор ислама, институтов, мечетей и так далее, то на поверку окажется, что если убрать ислам, убрать эти институты, то в регионах у татар ничего нет. Есть вяло действующие автономии татар, но завтра власть там поставит своего человека, и все – татарская жизнь там остановится: на чак-чаках далеко не уедешь... это мы за 25 лет поняли. А другой альтернативы нет. Будет странно, если вынесут на «Болгар жыены» и на Форум имамов эскиз стратегии без ислама. Это фактически будет революция», – отметил он Айсин.

ИЗ 8 ТЫСЯЧ МЕЧЕТЕЙ В РОССИИ 4 ТЫСЯЧИ – ТАТАРСКИЕ

Самый главный недостаток в стратегии – то, что там даже слово «ислам» не употребляется, а ислам – это базовая парадигма татарской цивилизации, уверен еще один участник нашего «круглого стола», имам казанской мечети «Миргазиян» Абдуллауф Забиров. По его словам, татарский язык на 20% состоит из коранического текста, а из 8 тыс. мечетей в России 4 тыс. – татарские. «Ислам пронизывает всю жизнь татарской нации: искусство, книгоиздание, учебные заведения. Не замечать этого – значит не видеть дальше своего носа. Ислам – еще и государственность! Позицию ислама, его роль в сохранении и формировании татарской нации и государственности нужно обязательно отразить. Отсутствие ислама делает данный документ бессмысленным», – уверен он.

Исламовед, ученый Альфريد Бустанов отметил, что в представленном эскизе стратегии много чего нет – не только ислама. «Однако отсутствие ислама показательно – оно демонстрирует состояние нашей интеллектуальной силы и нашего интеллектуального состояния, нашу интеллектуальную потенцию», – добавил при этом ученый. По его словам, сейчас мы вступаем в мир постнациональный, который меняется, и стратегия должна быть написана и принята с учетом этих реалий.

ПРИ МЕЧЕТЯХ ПРЕПОДАВАТЬ ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК НИКТО НЕ ЗАПРЕЩАЕТ, НЕ ОГРАНИЧИВАЕТ!

Участники дискуссии однозначно заметили, что все 4 тыс. татарских мечетей нужно использовать как социальные институты – площадку для политических дискуссий, консолидации татар и преподавания татарского языка. «Мечети – это не только место, куда можно прийти помолиться, – отметил Исхаков. – Это клуб, да, почему нет? У татар в городских условиях не так много мест, особенно у пожилых людей, где они могли бы пообщаться. Это тоже нужно использовать. Было бы глупо таких вещей не учитывать и не применять в своей практике». В стратегии нужно осмыслить роль религиозных институтов в рамках доктрины социального служения, также необходимо обозначить роль ислама в сохранении русскоязычных татар в татарской орбите, считает Батыр.

«В Татарстане татарские школы открывать можно, выделив какие-то средства, но за пределами республики административный ресурс не работает. Где формирование национальной буржуазии, которая будет поддерживать татарские институты в регионах? И вообще можно ли ее сформировать? Где механизмы? Если даже найдется татарский Сорос и выделит миллиард долларов: «Давайте сохранять татарскую нацию»... если нет институтов, это невозможно. В стратегии по данным пунктам нужно обозначить исламский фактор тоже, например, правовые моменты. Необходимо смотреть, каким образом ислам и его институты можно использовать для развития татарской нации. Мы сейчас боремся за то, чтобы в Татарстане хотя бы три часа татарского языка в школах оставили. А вот при мечетях преподавать татарский язык никто не запрещает, не ограничивает! Это есть реальный институт, где совершенно законно можно преподавать не только основы религии, но и татарский язык. В регионах других институтов нет, школ татарских нет», – считает Мухаметшин.

«У нас нет национальной буржуазии, но больше всего жертвуют именно на мусульманские дела. Если мы сможем и это объяснить, и это абсорбировать – вернуть их (*меценатов* – прим. ред.) через ислам в лоно татарской нации, то у нас появится национальная буржуазия», – поддержал его Айсин. По словам политолога, стратегия должна точно ответить на вопрос, кто такой татарин. «Он мусульманин в первую очередь, он верующий или же он атеист и верит в какие-то общечеловеческие ценности? Что

это за ценности, тоже нужно объяснить. Кто такой татарин, куда он вписан – в восточную модель или в западную? Нам нужно создать интеллектуальные клубы, чтобы мы эти темы обсуждали».

Гульназ Бадретдин

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/423462>,

7 мая 2019.

* * *

«ПРЕДКИ ТАТАР – ОДНИ ИЗ НЕМНОГИХ НАРОДОВ МИРА, КТО СОЗДАВАЛ ИСЛАМСКИЕ ГОСУДАРСТВА»

Круглый стол «БИЗНЕС Online» «Дух или материя? Исламский компонент в Стратегии татар». Часть I

«Без ислама от стратегии татар нет смысла, поскольку татар без ислама нет», – рассуждали участники очередного «круглого стола» в редакции нашей газеты. Какова роль ислама и его институтов в становлении татарской нации? Могла ли единая этническая ткань сформироваться без религиозного элемента? Почему в эскизе Стратегии развития татарского народа не представлены религиозные институты как важные элементы духовного бытия нации? На эти вопросы пытались найти ответы эксперты «БИЗНЕС Online».

С ИСЛАМОМ В СТРАТЕГИИ ИЛИ БЕЗ?

Руководством Всемирного конгресса татар презентован эскиз стратегии развития татарского народа. От определения «проект» решено отойти, т. е. эскиз – это понятие размытое и неопределенное. С того момента, как Президент Татарстана Рустам Минниханов в августе 2018 г. объявил о необходимости создания такого документа, утекло немало воды. По теме стратегии сломано немало копий, но до сих пор нет четкого концептуального понимания, какой она должна быть, что выступает концептуальным ядром этого основополагающего документа. К примеру, экспертов удивил тот факт, что в эскизе не упоминается ислам, его роль и значение в настоящем и будущем татарской нации. Об этом аспекте жизни татар и размышляют эксперты «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Рафик Мухаметшин – ректор Российского исламского института, профессор политологических наук.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук.

Рустам Батыр – бывший первый заместитель муфтия РТ.

Альфريد Бустанов – Ph.D., ассистент-профессор Амстердамского университета.

Айдар Хайрутдинов – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани.

Абдуллауф Забиров – имам казанской мечети «Миргазиян».

Модераторы: –

Рашид Галямов – издатель «БИЗНЕС Online» ;

Руслан Айсин – политолог, руководитель концептуальной площадки «ТатПолит» .

**ДАМИР ИСХАКОВ: «БОЛЬШОЕ ЧИСЛО МУСУЛЬМАНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ БУДУТ
ВЫСКАЗЫВАТЬСЯ ЗА УСИЛЕНИЕ ИСЛАМСКОГО НАЧАЛА В СТРАТЕГИИ ТАТАР»**

Модератор: У нас продолжается серия «круглых столов», посвященных стратегии развития татарского народа. Мы подошли к важнейшему аспекту – роли ислама в стратегии и в жизни татар вообще. Как ислам и духовная жизнь должны быть отражены – на этот счет существуют разные точки зрения. Вы, наверное, читали и знаете: часть современного секулярного общества говорит, что ислам не нужен. Как мы понимаем, данная группа пока доминирует. Другие говорят, что это наша традиция, наши корни, наш стержень. Потому мы позвали такое экспертное сообщество,

здесь нет случайных людей, все эксперты, специалисты в этой области, кроме того, что еще и мусульмане. Это не формальности, люди должны изнутри понимать такие вещи, чтобы рассуждать. Другой вопрос – примут наши предложения или нет, но мы должны показать, какую роль ислам может играть и в стратегии, и в судьбе нации.

Слово Дамиру Мавлявиевичу Исхакову, инициатору этого «круглого стола», равнодушному в целом к судьбе нации человеку, он является одним из разработчиков стратегии развития татарского народа. Первый вопрос общий: какова роль ислама и его институтов в становлении татарской нации? В качестве преамбулы: как вы считаете, то, что в эскизе стратегии практически нет ислама, – это ошибка, случайность? Что происходит вокруг данного вопроса?

Дамир Исхаков: Проблема чрезвычайно сложная. Я хочу начать с того, что у татар термин «нация» традиционно передавался понятием «миллэт». В советский период его все время переводили как «нация». На самом деле термин «миллэт» имеет мусульманские корни и совершенно иное содержание. Так как татарская нация формировалась еще без своего государственного образования, на самом деле сейчас мы можем думать о том, какую нацию татары в виде «миллэт» пытались сформировать. Ответа на данный вопрос до сих пор нет. Весьма серьезным аспектом проблемы является и такой вопрос: кем были те лидеры нации, которые формировали этот «миллэт»? Обычно мы говорим, что это были джадиды. Принята такая терминология, что джадидские лидеры проявляли себя в разных аспектах: среди них были богословы, историки и другие. Они участвовали в нациестроительстве на начальной стадии. Кем они были, как к ним относиться? Вопрос имеет политическое значение сегодня. На него уже должен быть дан ответ. Наш друг Батыр тоже пытался на этот вопрос ответить, потому что сейчас очень часто стали писать о том, что джадидисты были сторонниками ваххабитской идеологии, что у них общие корни.

Модератор: Протестантский ислам? В смысле ваххабиты? Спрашиваю, чтобы не пугать публику.

Дамир Исхаков: Можно и, так сказать. Но такое типологическое сходство навеивает на некоторые размышления, это серьезный вопрос на самом деле, потому мы, когда делаем работы по формированию стратегии развития татарского народа, все равно должны будем к этим истокам вернуться, понять, кто мы, откуда возникли. Тут исламское составное, хочешь ты или нет, возникает. Конечно, в тех эскизах стратегии, которые нам представлены, данный момент очень сильно спрятан.

Духовное начало там есть, но непонятно, какое конкретное имеется в виду: может, христианское, там не написано четко, а может, вообще безрелигиозное. Потому что мы переживали длительный период советского становления, где роль религии была минимальна, но там есть свое наследие, в том числе и духовное. Скажем, многие до сих пор не отказались от идеологии марксизма-ленинизма – по их работе видно, что они остались на тех же позициях, может быть, применяют другие термины. В этом плане от ислама не уйти, потому что исламское начало у татар изначально присутствовало, оно участвовало в формировании самой идеологии начала XX в. Там никак без ислама невозможно понять, что происходило в умах татар.

В нациестроительстве этот момент тоже участвовал. Если мы придем даже к большевикам, которые стояли на исходных позициях, еще в начале 1920-х такой видный деятель коммунистического движения, как Мирсаид Султан-Галеев, указывал, что к татарам и вообще к народам Востока надо относиться не так, как к жителям Центральной России, что у них есть особое отношение к религии. Султан-Галеев как татарин понимал, что ислам имеет такую специфическую особенность, как неразрывность всего контекста жизни, – он проникает всюду в мусульманском сообществе, это такая религия. Султан-Галеев так утверждал, правда, долго проговаривать ему не удалось, но такое было. С этой точки зрения мы никак не можем ислам исключить из нашей жизни, в том числе и в стратегических делах.

Необходимо иметь в виду, что любое строительство нации имеет культурную базу. Татарскую культуру без ислама вообще представить невозможно – у нас же вся средневековая культура, вся досоветская культура стоит на исламской базе, кроме крышен разве что – у них немножко другая

составная. Мы должны эту культуру фактически продолжать дальше... И даже те, кто не хочет подобного видеть, будут вынуждены это сделать, потому что без исламского начала ты не сможешь понять такую культуру. Что касается современной ситуации, то социологические данные показывают, что более 80% татар сегодня считают себя мусульманами. Это может кому-то нравиться или не нравиться, но это реальная цифра. Не все из этих мусульман ходят в мечеть, тем не менее считают себя урожденными мусульманами. Я думаю, что у православных христиан то же самое: там тоже не все активно верующие.

Модератор: Но, когда человек умирает, его хоронят либо по мусульманскому обычаю, либо по христианскому. Это и есть критерий, наверное?

Дамир Исхаков: Да. Приходит сейчас истина, так сказать, окончательная. В этом плане в современной жизни мы уйти от исламской составляющей тоже не можем. Конечно, исламские институты, которые в Татарстане имеются, весьма многочисленные, разветвленные, должны участвовать в жизнедеятельности татар. И если те люди, которые готовят стратегию развития татар, оставят данный сегмент без внимания, то, считаю, это будет очень большой ошибкой. Я и исходил изначально из того, что данный момент должен быть включен в ткань подготовки стратегии и мы – интеллектуальное сообщество – должны это обсудить. Когда руководство конгресса вначале не видело данную ситуацию, мы проработали ее и с мусульманами. В итоге президиум Духовного управления мусульман принял соответствующее решение, там об этом прямо сказано. Последнее, что я хочу сказать, – во время Болгарского форума, по моим сведениям, большое число мусульманских деятелей будут высказываться за усиление исламского начала в стратегии развития татарского народа.

*АЙДАР ХАЙРУТДИНОВ: «ИСЛАМ СОЗДАВАЛ МОЩНОЕ СИЛОВОЕ ПОЛЕ, КОТОРОЕ
УДЕРЖИВАЛО ТАТАР»*

Модератор: Слово известному исламоведу Айдару Хайрутдинову. Он не просто исламовед, а крупнейший в мире знаток творчества и идеологии Мусы Бигиева, нашего, так сказать, мусульманского Лютера. Как Муса Бигиев соотносил понятия «татары» и «религия»? Об этом можете чуть-чуть сказать и в целом дать ответ на первый вопрос: какова роль ислама в становлении татарской нации?

Айдар Хайрутдинов: Дамир Мавлявиевич сказал, что ислам – это наша основа, но я бы копнул глубже, коснулся того периода, когда наши народы были тенгрианцами.

Модератор: Даже так?

Айдар Хайрутдинов: Да. Это же генетически обусловлено. И я не спорю, что ислам был основой, которая формировала народ. Но в этом же исламе было много элементов из доисламской эпохи. Тот, кто из деревни, знает такие вещи.

Теперь об исламе. Я не склонен идеализировать прошлое: то, что был ислам, все было замечательно... Не было замечательно, я считаю. Более того, массово приняли ислам во времена Золотой Орды, я не говорю про болгарский период, когда это было еще не так массово. Какой был ислам в тот момент? Это был ислам, с которым в середине XIX в. начали бороться такие выдающиеся деятели, как Курсави, Марджани. То есть была принята искаженная форма ислама, которая свой прогрессивный запал потеряла. Поэтому Бигиев...

Модератор:– Вы хотите сказать, что кризис ислама начался раньше кризиса нации?

Айдар Хайрутдинов: Вообще, он начался со смерти пророка Мухаммеда, видимо. Это потом развивалось все дальше и дальше. Когда у нас был принят такой ислам в тюркской, степной среде, после этого Орда и развалилась... Я не скажу, что только ислам виноват в этом...

Модератор: Не ислам, а та форма ислама?

Айдар Хайрутдинов: Да. Я всегда подчеркиваю: «ислам» в кавычках, не имею в виду ислам, который идеально представляет себя, тот, каким он должен быть. Нет, конечно. Та форма ислама, которая тогда бытовала. Везде во всем мире это произошло, между прочим. Нигде исламский какой-либо народ не поднялся на такие высоты, чтобы западные люди ездили туда изучать науки и так далее. Все наоборот. Роль ислама тем не менее была... Сначала, скажем так, государство развалили, или ислам поспособствовал развалу, потере государственности и всех институтов, а потом он стал

играть все-таки консервирующую роль. Поскольку основная масса татар, за исключением кряшен, были охвачены исламом, то он создавал такое мощное силовое поле, которое удерживало татар.

Модератор: То есть в хорошем смысле консервировал?

Айдар Хайрутдинов: В хорошем смысле он сохранял, консервировал нас как культурную единицу, языковую, само собой, религиозную – все это сохранял, но развития в этом не было опять-таки. Тоже свои плюсы и минусы. Бигиев был вершиной данного процесса переосмысления ислама и предложения новых форм бытования ислама в том числе. Говоря о нации, он рассматривал татар самостоятельно, но никогда не отрывал их от мировой мусульманской уммы, в этом смысле для него существовало понятие мировой мусульманской уммы. Бигиев участвовал в конгрессах по восстановлению или решению проблем халифата, когда тот был упразднен.

Модератор: То есть для него умма была важнее, чем нация?

Айдар Хайрутдинов: Я бы сказал, равнозначны. То есть он не умалял ни татар перед уммой, ни умму перед татарами. Для него это были равнозначные вещи. Причем он, наверное, все-таки понимал, будучи человеком, который объездил и знал весь мусульманский мир от и до, что только татары могут что-то исламского дать миру, в том числе человечеству.

Модератор: То есть маленькие татары могли что-то дать многомиллионному мусульманскому миру?

Айдар Хайрутдинов: Да. Ведь он в то время, в ту эпоху, когда от ислама вроде бы даже начали отворачиваться, эрозия тогда глубокая началась внутри, законы стали приниматься западные, республиканская Турция возникла, правда, еще чуть-чуть до этого... Но процесс разрушения уже шел. И вот в начале XX в., примерно в 1909–1910 гг., Бигиев говорит, что ислам может стать маяком для всего человечества, он таким и создавался, просто проблема в том, что люди его неправильно трактуют, практикуют и реализуют. В результате мы получаем то, что получаем. Хотя ислам для данного богослова был идеальной структурой, и он абсолютно верил в то, что люди придут к исламу, все человечество придет, потому что у него больше нет вариантов. Такой подход был у Бигиева.

РУСТАМ БАТРОВ: «ИСЛАМ – ЭТО ОСНОВА ВСЕГО НАШЕГО МЕНТАЛИТЕТА, ЕГО ИЗ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЫЧЛЕНИТЬ НЕВОЗМОЖНО»

Модератор: Один реформатор ислама высказался, теперь выступит другой реформатор в хорошем смысле слова – Рустам Батыр продолжит эту тему. Какова роль ислама в становлении татарской нации, есть ли татары без ислама, могут ли они вообще существовать в принципе? Пока, судя по эскизу стратегии, мы видим, что на бумаге могут.

Рустам Батыр: Я думаю, что татары и ислам – понятия неразрывные. Даже в языке у нас это сохранилось «мөселманча сөйләшәргә», то есть говорить по-мусульмански, имеется в виду по-татарски. Или, когда спрашиваешь, за кого замуж вышла, тебе отвечают: «За мусульманина». То есть имеется в виду за татарина, даже не за кавказца, не за кого-то другого. Языковая память хранит эту неразрывную связь нашего национального и религиозного самосознания. Наш народ к стратегии в том или ином виде подступал уже не раз, то есть это не первая попытка ответить на вопрос, как нам сохраниться для будущего. Я вам хочу напомнить, что на все такие вопросы уже был дан в том числе формальный ответ, когда в 2013 г. на Всероссийском форуме татарских религиозных деятелей был принят документ «Ислам и татарский мир». Там муфтии, имамы со всех уголков России, ближнего и дальнего зарубежья проголосовали за этот текст, где черным по белому написано, что данная концепция «Ислам и татарский мир» – шаг к консолидации татарского народа на основе исламских ценностей. Это буквальная цитата.

Модератор: Подписали и благополучно к сегодняшнему дню забыли?

Рустам Батыр: Да. И странно сейчас поднимать тот же вопрос, не апеллируя к тем наработкам, которые были. Документ принят в 2013 г. – еще при муфтии РТ Илдусе Файзове.

Абдуллах Забиров: Всемирный конгресс татар инициировал это и подготовил, муфтият не принимал особого участия.

Руслан Айсин: Ее написал Рафик Мухаметшин, мы (конгресс татар – прим. ред.) готовили.

Рустам Батыр: Рафик Мухаметшин как раз возглавлял самую содержательную часть. Сейчас, насколько мы понимаем, Василь Шайхразиев хочет до окончательного принятия стратегии в День республики благословиться на Форуме татарских религиозных деятелей. Будет странно выходить туда с концепцией, где ислам не упомянут вообще.

Модератор: Документ же еще пока дорабатывается. Он сказал, что к Форуму выйдет другой, окончательный, вариант. Сейчас то, что на сайте, – это промежуточная версия.

Рустам Батыр: Тогда имамы сказали, что надо на основе ислама консолидировать татарский народ, это четко обозначенная позиция. Она не только в документе, но и в жизни присутствует. Они не просто формально проголосовали, не читая. И в жизни все имамы придерживаются подобных взглядов: если ты не мусульманин, то ты не татарин, в сторону кряшенов религиозные деятели особо не смотрят, то есть считают: татары – это мусульмане.

У нас был еще один такой важный момент в 1917 г., когда в июле в Казани проходил Всероссийский мусульманский съезд и было создано Милли идарэ, то есть Национально-культурная автономия тюрко-татар внутренней России и Сибири. И там было три министерства: Диния нэзарэте, Маля нэзарэте и Мэгариф нэзарэте. То есть Министерство образования и просвещения, Министерство финансов и экономики и Министерство религии. Сейчас «диния нэзарэте» мы переводим как «духовное управление», но, по сути, это правильно переводить как «министерство». Тогда уже наши предки обозначали три столпа, на которых должно стоять развитие нации: финансы, образование, религия. Это настолько очевидный ответ... Точно так же они тогда задумывались над тем, как сохраниться в новых условиях, вызовах, которые тогда сотрясали нашу страну и наш народ соответственно. Игнорировать это, не смотреть на подобное очень странно. Причем из трех министерств Маля нэзарэте было распущено с приходом советской власти. Единственное ведомство все-таки смогли сохранить: тогда Мулланур Вахитов и Иосиф Сталин подписали документ о роспуске Милли идарэ и как раз Диния нэзарэте сохранили.

Модератор: Это понятно. Какова роль ислама в становлении нации?

Рустам Батыр: Ислам – это основа всего нашего менталитета, его из татарской культуры вычленишь невозможно, из языка – тоже.

Есть точка зрения, что именно исламские институты в условиях отсутствия государственности выступили тем каркасом, на котором был сформирован современный тип татарской нации. Этим институтом как раз было магометанское духовное собрание, то есть единственная структура, которая пронизывала все регионы, волости, уезды, где проживали татары, скрепляла, цементировала всех в некий единый монолит. Можно по-разному относиться к данному институту, но в условиях отсутствия государственности это была единственная оргструктура, которая выступила в роли скелета нации, что говорит само за себя. Татарская нация в своем современном состоянии сформировалась на каркасе религиозных институтов, поэтому не случайно татары, куда бы ни приезжали, первым делом начинали строить мечеть, когда появилась такая возможность. Поэтому сейчас во многих русских регионах – в Твери, Ярославле, Москве и так далее – стоят мечети. В Японии везде, куда бы ни приезжали татары, первым делом строили мечеть, которая становилась тем якорем, центром, вокруг которого формировалась национальная и религиозная жизнь. Я считаю, что ислам и по сей день в значительной степени, хотя эта роль уже выветривается, все равно исторически ядро нашего менталитета, нашей нации. Игнорировать это, не понимать этого просто глупо и неправильно.

РУСЛАН АЙСИН: «ЕСЛИ УБРАТЬ ИСЛАМ И ЕГО ИНСТИТУТЫ, ТО В РЕГИОНАХ У ТАТАР НИЧЕГО НЕ БУДЕТ»

Модератор: Спасибо. Слово Руслану Айсину – организатору и сомодератору «круглого стола». Изложите свой взгляд.

Руслан Айсин: Здесь сложно что-то возразить. Татары без ислама трудно представимы. Роль ислама очевидна, она определяющая в становлении хребта, идеологии татарской нации. Я не совсем согласен, что ислам развалил Золотую Орду. Есть историческая диалектика. С таким же успе-

хом можно сказать, что христианство развалило великую Германскую империю, Византию, империю Фридриха Барбароссы, Российскую империю и так далее. Это все исторически неправильно оценивать, потому что ислам является доктриной конца, эсхатологией конца времен, поэтому говорит о последних вещах, о смысловых. Говоря об историческом развитии, стоит отметить, что, конечно, бывают разные периоды – взлеты и падения, но это связано не с исламом, а с человеческим материалом и воздействием духа на историю. В данном смысле можно согласиться с Гегелем: мировой дух действует в истории через народы. Недаром в Коране говорится: «Мы создали вас народами, чтобы вы познавали друг друга». Это ответ тем людям, которые говорят, что в исламе нет нации.

Но с точки зрения «миллэт» верно Дамир Мавлявиевич сказал, потому что «миллэт» – понятие религиозное, то есть «Ибраһим миллэте», «Муса миллэте» – это умма. Она раньше не распределялась и не разграничивалась Кораном по этническому фактору – там было 12 колен израилевых, но они все спаяны общей идеей, сейчас говорят, иудаизма, что неправильно, посланием Мусы, то есть Моисея. Но при этом у них между собой и стычки были. Когда они сделали золотого тельца, он вручил левитам мечи, чтобы они убили 3 тысячи сбившихся с пути монотеизма сородичей. Это был внутренний этнический геноцид. Если смотреть с такой точки зрения, то можно сказать, что иудаизм часть иудеев положил. Однако это, я считаю, неправильно, надо рассматривать в общем контексте. Что касается ислама, то официально в Золотой Орде первым ислам лично принял хан Берке, после чего при хане Узбеке, как нас в университете учили, наступает период расцвета Золотой Орды. С принятием ислама в Золотой Орде наступает эпоха расцвета. При Джанибеке, его сыне, наступает эпоха развала, но там были уже другие причины – у всякой империи есть свой период.

Я, конечно, считаю, что ислам является тем механизмом, который скрепляет (согласен с Рустамом), это институт, который до сих пор выступает в определенном смысле сеткой. К сожалению, если мы сейчас не пропишем в Стратегии развития татарского народа фактор ислама, мечети и так далее, то на поверку окажется, что если убрать ислам и эти институты, то в регионах у татар ничего не будет. Есть вяло действующие общественные институты – автономии татар. Но, например, поставят завтра во власть «своего» человека – и все, татарская жизнь там останавливается. На чак-чаках далеко не уедешь – это мы поняли за 25 лет, а альтернативы нет. Я сегодня встречался с одним уважаемым религиозным деятелем, он сказал, что на самом деле мы пришли к тому, что надо выйти из мечетей. Нам нужна концепция выхода из мечетей, то есть необходимо собрать татар вместе. К сожалению, данной концепции нет – дальше стоят флажки: говорят, туда не лезьте, потому что дальше уже работает татарская национально-культурная автономия. И оказывается, что мы находимся по разные стороны баррикад. У нас обязательно есть светский лидер, а рядом – духовный. У нас эти два океана или моря не сошлись.

Модератор: В отличие от тех же иудеев: есть раввины, есть бизнесмены, есть общественность – и все это гармонично существует.

Руслан Айсин: Вообще вне контекста иудейства не может быть евреев. Да, они в модерне придумали такую вещь, как гиюр, то есть попытка «оевредить» человека, ввести его в галахическую тему, но на самом деле это же мощная связующая вещь. У нас спокойного можно «входить» и «выходить» из ислама. У евреев такого нет, поэтому они так сильно держатся за данные институты, поэтому у них при синагоге обязательно бывают и курсы изучения языка...

Модератор: И совет бизнесменов...

Руслан Айсин: И совет кохенов (мудрецов). И все-все-все. У нас, к сожалению, и такого нет, хотя исламская дореволюционная парадигма имела это в виду: мутаввалият – попечительский совет и так далее. Всего этого нет. Есть симулякры, но и они, как показало время, не работают. Потому что я считаю, что роль ислама велика и тогда, и сейчас. Она является фактором выживания татарской нации по одной простой причине: он составляет духовный корень татарского народа.

Модератор: Наверное, не только корень, но и стержень...

Руслан Айсин: И стержень, и корень, и древо, и листья.

Модератор: То есть вытащи этот стержень – и все?

Руслан Айсин: И ничего не останется.

Модератор: Удивительно, но, оказывается, не все подобное понимают.

Руслан Айсин: Я думаю, это была попытка деликатно обойти этот очень сложный вопрос.

Модератор: Чисто политически?

Руслан Айсин: Да. Но, как сказал Ленин, если не решим главных проблем, мы будем спотыкаться о мелкие. Сейчас мы и станем спотыкаться: действительно будет очень странно, если на Болгарский жыен вынесут эскиз стратегии без ислама... это фактически будет революция. Представляете, религиозные деятели соберутся, а им скажут: «Ну, егетлэр...» Разразится скандал.

АБДУРРАУФ ЗАБИРОВ: «ЭТО БУДЕТ СКАНДАЛ: КАКОЙ ДОКУМЕНТ ВЫ ДАЕТЕ ВНЕ ИСЛАМА?»

Модератор: Абдуллауф хазрат Забиров – единственный действующий хазрат среди присутствующих. Особенно важна ваша точка зрения в контексте этого момента.

Абдуллауф Забиров: В стратегии не определено место ислама – это первое. Как уже ранее говорили наши коллеги, там упомянуты духовность, вера. Мы знаем, что ислам – базовая парадигма татарской цивилизации. Самый главный недостаток в данном документе – отсутствие слова «ислам». Дальше об этом говорилось: в Болгаре в начале текущего года было принято нигезләмә, там были все имамы-мухтасибы Татарстана, все члены совета улемов, все казьи, все руководство учебных заведений. Как раз имамы четко обозначили свою позицию: они недовольны тем, что ислам в проекте стратегии не представлен – даже слово «ислам» не упоминается.

Кроме того, на заседании президиума ДУМ РТ в этом году состоялось собрание, где они тоже обозначили свою позицию. Я лично присутствовал два раза на заседании совета аксакалов Республики Татарстан: там были не только аксакалы, но и представители религиозных организаций республики, общественные и политические деятели, они тоже высказали свою позицию в отношении данного документа. Тем более он готовится сейчас для того, чтобы на собрании всех мусульманских религиозных деятелей татар обсудить, – и это будет скандал, потому что неуважение: какой документ вы даете – вне ислама? Роль ислама не упоминается, а потому не избежать большого вала критики.

Кроме того, хочется сказать, что ислам – это не только истинная религия, но и образ жизни, система жизни, культура, цивилизация. Посмотрим на золотоордынскую цивилизацию: в 1312 г. султан Мухаммед объявляет ислам государственной религией Золотой Орды, произошла исламизация мощного государства, которое является одним из семи государств, повлиявших на ход развития человеческой цивилизации. Хан Узбек принимает ислам – идет «золотой» период Золотой Орды. Обратим внимание и на другие наши государственные образования. Волжско-Камская Булгария в 922 г. приняла ислам. Казанское ханство, Астраханское ханство, Крымское, Сибирское (то есть постзолотоордынский период) – там везде ислам не просто элемент культуры, а государственная религия. Посмотрим на наш язык. 20% – это коранические термины, из языка Корана. Взглянем на нашу литературу, поэзию, искусство... Даже в колыбельных наших матерей: «Аллаху-Аллаху», – уже в колыбельных наши дети слышат слово «Аллах». Слова Аллаха проникают в человеческую духовную среду с материнским молоком.

В этом году приняли документ «Нигезләмә». Система исламского образования: все наши татарские деятели, в том числе и политические, получали базовое образование еще до революции, в медресе. Ислам проник и в жизнь современных татар: обратим внимание на имянаречение, никах, джаназа, Рамазан, Курбан-байрам, жомга. В Татарстане сейчас более 1,5 тыс. мечетей. Из 8 тыс. мечетей в Российской Федерации 4 тыс. – татарские.

Ислам, таким образом, пронизывает всю жизнь нашей нации: посмотрите на сайты, книгоиздание, исламские учебные заведения, на то, сколько у нас начальных исламских учебных заведений – мактабы при мечетях, медресе, Болгарская исламская академия, Российский исламский

институт. Не замечать всего этого – значит не видеть дальше собственного носа. В таком случае, о какой стратегии вообще можно говорить? Необходимо четкое понимание своей истории, человек должен четко извлекать из нее уроки, чтобы избежать ошибок. К тому же ислам – это еще и государственность. Если посмотреть на жизнеописание Пророка, когда он переселился из благословенной Мекки в Медину, он построил новое общество, новое государство. Посмотрите роль ислама в образовании государственности!

То есть секуляристский подход, который чужд татарам, вообще неприемлем. Без ислама от подобного документа смысла нет. Есть, конечно, атеисты, язычники – это их право. Но мы же должны исходить из интересов нации. Статистические данные упомянули – более 80% татар считают себя мусульманами. Это же неуважение! И как же так? В данной бумаге нет бараката – Всевышний лишит этот документ божественной благодати. Хотят они учитывать ислам или нет, он развивается: 25 млн мусульман в России, а в мире – 1 млрд 800 млн! Та же Турция сейчас избавляется от «кемализма» – это тоже вид идеологии. Весь мир сейчас знает, почему ополчились на Новом и Старом Западе против Эрдогана: потому что человек получил базовое исламское образование – он имам-хатыб. Мы знаем об экономических преобразованиях Турции, она процветает: за один год на 1 млн 800 тыс. человек повысилась численность населения. Турция сейчас считается флагманом исламского корабля.

РАФИК МУХАМЕТШИН: «МОЖЕТ, РАЗРАБОТЧИКИ СТРАТЕГИИ ТОЖЕ С ЭТИМ СТОЛКНУЛИСЬ: А КАК ИСЛАМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ?»

Модератор: Слово Рафику Мухаметшину. Он руководил Болгарской исламской академией и много лет возглавляет РИИ (ведущий исламский вуз республики), автор книги о советском периоде ислама. И вы знаете, наверное, изнутри: неслучайна такая ситуация со стратегией, почему ислам в документе затушеван (пока там его практически не существует, он лишь пунктирно обозначен), чего бояться, чего стыдиться? Ислам закончился, мы прожили 70–80 лет в эпоху «победы разума и рациональности»? Или, может быть, на самом деле татары могут жить только в культурной составляющей без ислама, как вы считаете?

Рафик Мухаметшин: Немного современной статистики. Мы в 2001 г. проводили довольно масштабные социологические исследования по Татарстану, в которых принимали участие не только татары, но и русские, а также другие народы: действительно, 85% татар считают себя мусульманами, у русских чуть поменьше – около 80% считают себя верующими. Правда, практикующих из этих 85% было 4. В 2008 г. мы также принимали участие в исследовании Института Гэллапа – там тоже было 85. Эта цифра с 2001 г. так и сохраняется. Конечно, здесь можно спорить, что это может быть отношение к исламу как к части национальной идентичности, тем не менее, исламский фактор у татар присутствует, пусть и в такой форме, что очень важно.

Что касается роли ислама в формировании татарской нации, Дамир уже об этом начал говорить, на самом деле все не так просто. Ислам можно, с одной стороны, рассматривать как фундаментальное, консервативное, догматическое учение, как и есть на самом деле: оно ниспослано Всевышним как законченная система, а потому найти какие-то внутренние механизмы развития довольно сложно. Однако если посмотреть на период становления и развития татарской нации, здесь стояла такая дилемма: ясно, что роль ислама в истории татарской нации однозначна – обсуждать здесь нечего. Вопрос в другом (может, разработчики стратегии тоже с этим столкнулись): а как ислам использовать? Здесь у татар есть блестящий опыт конца XIX – особенно начала XX вв., когда фактически был новый формат развития общества, мобильного общества, буржуазного (хотя не знаю, можно ли сейчас данное понятие использовать). По крайней мере, это общество уже нуждалось в идеологии, а не только в религии.

Действительно, татарская интеллигенция и формировала национальную идеологию. И вопрос здесь заключен в том, как в ткани мобильного развивающегося общества и национальной идеологии использовать исламский фактор. Если почитать труды Юсуфа Акчуры до его отъезда в Турцию, Закира Кадыри, Газиза – это блестящие мыслители, которые, в общем-то, представляют иную фор-

мацию татарских интеллектуалов и которые обсуждали, как развивать татарскую нацию... Блестящие работы начала XX в. Было понимание, что это уже другое время, поэтому говорить о том, что ислам – образ жизни, правильно, но что касается идеологии... Может быть, разработчики стратегии сейчас столкнулись с данным фактором и для них ислам – это однозначно некая догматическая система, поэтому они не знают, как вписывать его в сей документ.

Поэтому роль ислама в развитии татарского народа, татарской нации на самом деле, вопрос суперсложный. Мы читаем Батыра каждую неделю – во многом с ним не согласны, тем не менее, он поднимает очень злободневные вещи, например, вопросы исламского реформаторства, реформирование ислама изнутри, то, какой сегмент ислама мы можем использовать в качестве некоего инструмента, чтобы он служил развитию общества и народа. Это очень сложно. К сожалению, на подобного рода вопросы никто на сегодняшний день не дал ответов, поскольку очень сложно вписать ислам в политическую систему. Например, я читал лекции по политологии, там есть понятие «политическая система». Но политология – наука совершенно европоцентричная, естественно, в политической системе есть понятия «демократия», «авторитаризм», «тоталитаризм».

Поэтому ислам с точки зрения западноевропейских ценностей рассматривается как тоталитаризм, но на самом деле это не так. Я и себе, и студентам задавал вопрос: где работающая политическая модель мусульманского сообщества? Где она? К сожалению, найти ответ на данный вопрос очень сложно. Современная политическая система исламских государств – калька с западноевропейских стран. Это говорит о том, что, к сожалению, какого-либо эффективного опыта встраивания исламского фактора и в национальную идеологию, и в политическую систему мусульманских стран не было найдено. Может быть, создатели стратегии сегодня тоже столкнулись с этим вопросом и, по всей видимости, решили просто «убрать» ислам.

Я беседовал с некоторыми разработчиками стратегии, они говорят, дескать, не совсем корректно включать ислам, татары ведь не только мусульмане, среди них встречаются и христиане. Но ведь в таком случае можно упомянуть и тех и других – кто мешает? Есть и крышены, мы же не должны скрывать, это же не секрет, наоборот: в стратегии должны быть показаны пути развития и крышен в том числе. Естественно, и у меня есть много вопросов. Конечно, роль ислама очень важна, но самый большой вопрос: как его использовать сегодня?

Модератор: То есть, татар без ислама нет?

Рафик Мухаметшин: Могут однозначно сказать: конечно, нет. Предки татар – одни из немногих народов мира, кто создавал исламские государства. Ислам сидит не только на уровне духовных ценностей, но и очень глубоко на уровне государственностроительства. Он уже очень глубоко сидит у татар.

АЛЬФРИД БУСТАНОВ: «МОЖНО СОБИРАТЬ СЕРИИ «КРУГЛЫХ СТОЛОВ» О ТОМ, ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ В СТРАТЕГИИ»

Модератор: Слово Альфриду Бустанову – ассистент-профессору Амстердамского университета.

Руслан Айсин: Первыми системно изучать ислам стали как раз голландцы.

Дамир Исхаков: Надо сказать, что он большой знаток рукописного наследия и может многие вехи поднять, исходя из нашего наследия.

Альфريد Бустанов: Вообще, конечно, то, о чем мы сейчас говорим, каждый понимает по-своему: что такое «татары», что такое «мусульмане», что такое «ислам». Каждый из присутствующих здесь спикеров вкладывает в это свое значение. Для кого-то ислам – образ жизни, для кого-то в первую очередь – истинная религия, для кого-то – исламская политика. Для некоторых – бюрократия, документооборот, то, что связано с отношениями с властью, или сеть организаций по всему миру.

Надо сказать, что, когда мы говорим об исламе в более широком ключе, например, в контексте исламской культуры как некоего набора концептов и понятий, интересно, что она присуща не только собственно верующим мусульманам, но даже атеистам и христианам. Смотришь, например, на традиционную культуру крышен – много чего можно найти из того, что ментально, семантически

связано с исламской культурой. То же самое касается атеизма. Один из первых татарских атеистов – Галиаскар Чагатай – был имамом, а потом написал сочинение, которое отрицало основы ислама. Это первое: когда мы говорим о понятийном аппарате и о больших категориях, что мы имеем в виду?

Второе – относительно роли ислама в этой стратегии и того, почему его нет. Вообще, в данном документе много чего нет – можно собирать серии «круглых столов» о том, чего не хватает в стратегии.

Модератор: Но это, наверное, наиболее вопиющий, ключевой момент...

Альфريد Бустанов: Наверное, это вопиющий в том плане, что ислам сегодня – хайповая тема: всем это интересно, хочется узнать, что будут делать татары через 200 лет с исламом. С другой стороны, отсутствие ислама в стратегии очень показательное в том плане, что оно демонстрирует состояние нашей интеллектуальной силы как нации, как народа: где наши мыслители, предлагающие новую повестку дня, новый продукт, который всерьез можно обсуждать? Те, что не перепевают старое, а поднимают вопросы, реально затрагивающие молодежь или тех, у кого был атеистическо-коммунистический опыт. Ничего нового пока не рождается, а мы суем голову в песок: у нас традиционный ислам, у нас некий набор бессмысленных категорий – не буду их повторять, они догматичны в своей политизированности и интеллектуальной бессильности. Потому что камушек в них бросишь – и... Да даже камушек не надо бросать, потому что там нечего обсуждать.

Модератор: Но есть же наследие Бигиева, Ризы Фахреддина, Марджани...

Альфريد Бустанов: Их тексты во многом мертвы и интересны только специалистам. Их учения и книги станут живыми тогда, когда станут частью реального процесса в обществе. Есть такой инструмент в исламской интеллектуальной жизни – комментарий, когда каждое поколение выдает свои комментарии к классическим текстам. Сейчас же особо не видно таких мыслителей, которые были бы готовы взглянуть на наследие через призму современности и тех вопросов современной России: «асфальтного намаза» в больших городах, формальности пятничной проповеди... И тему образования надо затрагивать – такие проблемы, сякие проблемы, политизация ислама. Слышно об этом? Нет.

Если говорить про религию, безусловно, отсутствие ислама в стратегии – показатель интеллектуальной импотенции, которая обуславливается архаичностью институтов, архаичностью взглядов, неготовностью к общественному диалогу, стремлением зажаться в каком-то узком кругу: накрыть это все платочком и сказать, что у нас все хорошо. Нет, не хорошо! Пока не грохнет. И грохнет потом – то в одном месте, то в другом, и каждый раз подобное удивляет нас: «А ты слышал, там вот это случилось?!» А где у вас был план Б? Плана А не было!

Модератор: Но есть же татары и без ислама, как у нас прозвучало, с точки зрения, так сказать, идейной...

Альфريد Бустанов: Это софизм такой – «нет татар без ислама». Что такое татары и что такое ислам? Конечно, ответ на этот вопрос будет заключаться в том, какое мы определение даем. И стратегия в этом и должна заключаться. Стратегия – прямая речь: «Мы как сообщество говорим, что татары – это вот это, мы считаем, что ислам – это такое-то и такое-то, что место и роль ислама таковы».

Модератор: Это все понятно. Но все же, по сути, есть нация без ислама или нет? Каждый здесь ответил, интересна и ваша точка зрения.

Альфريد Бустанов: Мне кажется, ваш вопрос не имеет ответа.

Модератор: Но все ответили.

Альфريد Бустанов: Это право коллег. Мы вступаем в мир постнациональный. Мир будущего будет иным, и нации, как мы их знаем сейчас, уйдут в прошлое. Мне кажется, задавая вопросы из прошлого, мы не готовы к разговору о будущем. Нам нужно совершенно по-новому взглянуть на то, что такое татары и каково их будущее, и ставить новые вопросы. А пока мы смотрим на татарский народ через советские очки.

Модератор: Спасибо. Я думал, у нас один Батыр такой смелый... Да, мы имеем то, что имеем. И это печальное зрелище. Тот ислам, который у нас есть, – такая ситуация критичная... И это одна

из причин, почему в стратегии нет ислама. Тем не менее, большинство здесь присутствующих дали однозначный ответ: стратегия невозможна без исламской компоненты. Фундамент нации зиждется на данном факторе.

(Продолжение следует)

Должен ли ислам присутствовать в стратегии развития татарского народа?

25% Да, это краеугольный камень нации.

45% Нет, религия – это одно, а нация – другое.

28% Вообще не вижу смысла в данном документе, зачем ломать копыя?

2% Свой вариант (в комментариях).

*Источник: //www.business-gazeta.ru/article/424733,
18 мая 2019.*

* * *

«В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ПОДЛИННЫЙ ИСЛАМ СОХРАНИЛСЯ ТОЛЬКО У ТАТАР»

На «круглом столе» «БИЗНЕС Online» говорили о важности мечетей-клубов, навязывании московского масхаба, возрождении института абыстай. Часть II

«Каким образом можно использовать исламские институты для поддержки татарской идентичности в городских условиях?» – задавались вопросом участники «круглого стола» «Дух или материя? Исламский компонент в стратегии татар». Почему наши чиновники боятся религиозного момента? Как вернуть в лоно татарской нации жертвователей, предпочитающих давать средства на мусульманские дела? Как нам использовать джадидское наследие? На эти вопросы искали ответы эксперты «БИЗНЕС Online».

Участники «круглого стола»:

Рафик Мухаметшин – ректор Российского исламского института, профессор политологических наук.

Дамир Исхаков – доктор исторических наук.

Рустам Батыр – бывший первый заместитель муфтия РТ.

Альфريد Бустанов – Ph.D., ассистент-профессор Амстердамского университета.

Айдар Хайрутдинов – старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани.

Абдуллауф Забиров – имам казанской мечети «Миргазиян».

Модераторы:

Рашид Галямов – издатель «БИЗНЕС Online»,

Руслан Айсин – политолог, руководитель концептуальной площадки «ТатПолит».

ДАМИР ИСХАКОВ: «ЧИНОВНИКИ РАССУЖДАЛИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СВОЕГО АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ»

Модератор: Переходим ко второму блоку вопросов. Как ислам мог бы быть отражен в Стратегии развития татарского народа и как он может помочь в сохранении и развитии идентичности, через какие институты? Ваша точка зрения, Дамир Мавлявиевич. Как бы вы прописали ислам в стратегии?

Дамир Исхаков: Я начну с одного конкретного примера: мы с Рафиком Мухаметшиным несколько лет тому назад пытались открыть в Тюменской области филиал нашего Российского исламского института. Там и конгресс работал, и исламский институт. В итоге нам сказали: «Мы не хотим открывать, потому что здесь вы будете развивать казанско-татарский национализм». На что я возразил одному чиновнику: «Если у вас не будет национализма, то у вас появятся те, которые станут действовать без этого». Недавно взяли там группу... Альтернативы не очень много на самом деле. Поэтому тот, кто не хочет работать, получает вот такой результат.

Когда мы ведем речь об исламских институтах, надо иметь в виду, что это часть нашей культуры. Если мы развиваем общее поле культуры, то без исламской составляющей просто невозможно. Когда речь идет о том, что нужно каким-то образом всех запереть в мечети, то это не получится, потому что ислам не такая религия, чтобы сидеть только в мечетях. К счастью, некоторые религиозные деятели уже поняли это. Мы же прошли очень трудный период, советский период был атеистическим. Я иногда зарубежным приезжим ученым объясняю, почему у нас ислам сберегся. Они не могут понять: «Почему у вас ислам сохранился? У вас никаких институтов не было!» Я отвечаю: «Бабушки у нас были, дома молились, мы проводили различные аш (в переводе с татарского – «обед»), провожали покойников, там всегда читались молитвы. . .» Институты были, но другого характера. Ислам полностью никогда не исчезал, он способен возродиться. И сейчас мы увидели уже реальный процесс возрождения. И мы должны использовать эти институты в пользу нашего общества. Почему-то никто не думает, что 1,5 тыс. мечетей – это не только место, куда можно прийти помолиться. . .

Модератор: Это клубы с точки зрения нации.

Дамир Исхаков: У меня тесть, уже старый человек, рабочий с авиационного завода, последний период своей жизни обучился основам ислама, жил в поселке Северном, ходил в мечеть молиться. И для него там было очень приятное сообщество: они там молились, а потом общались. Да, это клуб. Почему нет? У татар, особенно у пожилых, в городских условиях не так много мест, где бы они могли таким образом пообщаться. Это тоже надо использовать. И потом, если старый человек с собой приводит внука и там учат молитве, заодно последний познает основы и своей культуры, и языка тоже. Было бы глупо такие вещи не учитывать и не применять на практике.

Есть тонкая связь между ментальностью и религией. Тут, конечно, есть сторонники алтайских вер, я тоже занимался алтайскими верами, но на самом деле ислам является более развитым уровнем сознания, поэтому через ислам можно прийти к общим большим философским размышлениям. Если мы будем выключать этот аспект своего самосознания, мы просто не поднимемся на более высокий уровень. Здесь уже заходила речь относительно того, почему у нас нет философов. Покойный Мирза Махмутов, министр просвещения, знаток арабского языка, объяснял это очень просто: после революции татарский язык вычистили, исключили 10 тыс. арабско-персидских заимствований – весь богословский философский паллиативный аппарат. С тех пор у нас философии, кроме марксизма, не стало. Для татар специально марксистские труды перевели на татарский язык. На татарском есть марксистско-философские понятия, а вот нашего национального менталитета не стало. Есть же такая присказка известная: если у нации нет своей философии, то ее вообще в этом мире нет. Я думаю, что в этом есть здоровое основание.

Я всегда повторяю своим аспирантам: ислам – это часть ближневосточной цивилизации, древнейшей цивилизации: там он корнями связан с христианством, иудаизмом. . . Это общее. Если начать даже с шумерских времен, можно видеть, как постепенно шла трансформация определенных представлений. Это детство человечества, оттуда все мы вышли. . . Все самые известные цивилизации оттуда вышли, да и греки, римляне оттуда же – ниоткуда они не взялись, это ближневосточная цивилизация. С данной точки зрения отказываться от такого наследия предков совершенно недопустимо.

Модератор: Вы не упомянули: а как это должно отразиться в стратегии, какими блоками?

Дамир Исхаков: Это может отражаться в разных аспектах. Скажем, у стратегии есть доктринально-концептуальный аспект, там должен быть прописан ислам, потому что он является частью нашего менталитета, мы сами должны заложить основы ментальности. Когда мы пишем доктринальную часть, то должны указать эти аспекты. Я понимаю, почему наши чиновники боятся религиозного момента. Опасаются, что их будут упрекать в том, что они кряшен отодвигают. Но мы кряшен не отодвигаем. . .

Модератор: Их тоже можно прописать.

Дамир Исхаков: Естественно. Их можно отдельным блоком написать. Но основное сообщество – 99 с лишним процентов – это мусульмане. Мы не можем принести себя в жертву крещеным татарам.

Модератор: Сколько у нас кряшен примерно?

Дамир Исхаков: В лучшем случае 250 тыс. человек, но неизвестно, сколько из них активных. Менее процента – численность не очень большая. Я думаю, что чиновники все-таки рассуждали с точки зрения своего атеистического воспитания. Среди государственных руководителей очень много людей, которые до сих пор остаются атеистами и не могут себя осознать мусульманами. Может быть, они в обрядовой стороне участвуют, но ментально не пришли к этому.

Кроме доктринальной части нам надо написать раздел о жизнедеятельности татар. Мы должны детально прописать, каким образом в городских условиях можем использовать мусульманские институты для поддержки татарской идентичности. Без этого невозможно. Книгоиздание и прочее – там очень много всего.

Руслан Айсин: У нас нет других институтов за пределами Татарстана.

АЙДАР ХАЙРУТДИНОВ: «ТАТАРСКИЙ ИСЛАМ ИМЕЕТ ДВА НАПРАВЛЕНИЯ. ОДНО ИЗ НИХ – РУССКОЯЗЫЧНОЕ...»

Модератор: Айдар-эфенди, пожалуйста, вам слово.

Айдар Хайрутдинов: Если прописать ислам в стратегии, то я предложил бы следующее. Мы говорим: ислам, ислам. Но татарский ислам имеет два направления. Одно из них – русскоязычное. Нам ислам важен сам по себе или мы все когда-нибудь будем русскоязычными мусульманами, как копты в Египте? Египет наоборот получится? Идентичность для меня – это язык прежде всего.

Руслан Айсин: У коптов есть свой язык.

Айдар Хайрутдинов: Скажем, у нас будет арабский язык, но мы станем говорить по-русски. Такая картина получится. Или мы хотим все-таки сохранить языковую идентичность? А это для меня главное. На Алтае, когда алтаец говорит, что его тоже зовут Айдаром... Вот он мне брат, хоть и не мусульманин. А мусульманин, который живет где-то там, да еще и в грязи, говорит: «Я лучше всех, потому что я верю в Аллаха». Ему плевать, что он не убирает за собой. Он мне не брат, например. Не чувствую никакого единства с ним. Извините, вот у меня обстоит как-то так. Само разделение: какой нам ислам нужен – все-таки татарский или когда-нибудь он обрусее и все будут говорить непонятно о чем?

Мы говорим о национальной философии. Это все правильно. Мы потеряли и наш философский язык, не можем читать эти книги, пока сами не закончим на их уровне институт или университет. Один наш выдающийся имам-современник, очень видный персонаж, мне однажды после презентации двухтомника Каюма Насыри сказал: «Не надо думать. Ты не думай, а то будешь заблуждаться». Господа, весь Коран пронизан фразами «люди размышляющие», «люди думающие», «люди, которые анализируют»: все это нужно наблюдать, видеть, смотреть вокруг себя, делать выводы, приходиться к осознанию, пониманию величия Аллаха, к тому, что Он есть. И вдруг, придя в ислам, человек должен перестать думать? И вот такие имамы будут строить образование? Хорошо, мы впишем в стратегию: у нас в медресе будет замечательная золотая система прописана от и до. Но как воспитывать детей? Одни будут воспитывать в них ксенофобов, вместо того чтобы делать мусульманами. Как Бигиев говорил: «Мы видели их мусульманами, наши медресе сделали из них кафиrow». Его слова, между прочим. Это золотая, как мы считаем, эпоха ислама. А другой будет говорить, что не надо думать. И куда мы придем? Мы уже пришли туда, куда пришли, потому что весь исламский мир не думал. И вот они сейчас сидят и не знают, что с этим делать.

Модератор: Вопрос тогда: что делать? Как это отразить в стратегии? То есть мы в этот документ затащим архаично костный ислам полуграмотных имамов или какие-то современные формы? Это очень важно.

Айдар Хайрутдинов: Я вернусь в двух словах к образованию. Религии нельзя научить. Можно научить читать намаз, Коран, все идет великолепно, тютелька в тютельку. Имам должен сказать: «А религии ты должен учиться сам, это уже зависит от тебя – как ты с Аллахом установишь связь». А у нас не идет речь о том, что человеку нужно установить духовную связь с Аллахом. Термин «саят» в Коране, который переводят как «намаз», означает связь с Аллахом и обретение этой связи вновь. Когда у нас в религиозной образовательной системе будут учить вот этим вещам, то,

возможно, тогда придет понимание того, что такое ислам. Ислам – это не пять намазов и не ураза. Это только пять столпов ислама. На столпах стоит нечто выше. Сам ислам стоит на столпах. А у нас путают столпы с самим исламом. Ислам, как сказал пророк Мухаммед, – это чистота речей и радушие. Вот когда из религиозных заведений будут выходить такие люди, которые не научились религии, а поняли, что к ней еще идти...

Модератор: Как минимум надо прописать в стратегии, что хотя бы татарское богословие, которое у нас есть, золотой фонд вернуть в актуальное интеллектуальное пространство. Перевести на русский и на современный татарский...

Айдар Хайрутдинов: Чем я и занимаюсь.

Модератор: Это, наверное, сотни или тысячи книг?

Айдар Хайрутдинов: Тысячи...

**РУСТАМ БАТЫР: «В СТРАТЕГИИ НУЖНО ПРОПИСАТЬ РОЛЬ ИСЛАМА ДЛЯ
СОХРАНЕНИЯ В ОРБИТЕ НАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТАТАР»**

Модератор: Рустам, вам слово. Как бы вы ввели ислам в стратегию? Через какие компоненты все это должно быть прописано? Какие институты мы должны развивать? Какую роль ислам должен играть в развитии идентичности и сохранения татар? И какой ислам? Архаичный ислам, ради формы, нам, наверное, не нужен?

Рустам Батыр: Я извиняюсь, что значит «архаичный ислам»? Детям надо преподавать средневековую татарскую литературу. У нас есть много средневековых книг, так они суфийские.

Модератор: Наши современные религиозные деятели, не буду называть фамилий, поскольку это уважаемые люди, говорят: «В шахматы не играй – это плохо». Разве шахматы – плохо? Я удивился, когда мне такое рассказали. Подобное говорит один из мусульманских лидеров! А потом и театр, балет, как в Туркмении, запретим. Это и есть архаика ислама.

Дамир Исхаков: Это больные люди.

Рустам Батыр: Если содержательно говорить, то я, конечно, за какой-то компромиссный вариант. Консерватизм в умеренных дозах тоже нужен, потому что...

Рафик Мухаметшин: Это мое влияние. (Смеются.)

Рустам Батыр: Я же говорю: моя книга называется «Вместо реформ». Вместо того чтобы реформировать, нужно возрождать то, что есть.

То есть консерватизм – это ядро культуры. Он помогает двигать наше наследие сквозь время, а реформаторское наслоение помогает адаптировать его к меняющимся реалиям. И если уж говорить о содержательной стороне, то должно быть и то, и другое. Ислам помог татарской нации, в том числе благодаря своему консерватизму. И сбрасывать это, как, например, говорит Рафаэль Хакимов, нужно быть конкурентоспособными, поэтому мы должны только модернизироваться и быть исключительно реформаторами, тоже неправильно. И то и другое должно быть, но чтобы одно не душило другое.

В стратегии нужно осмыслить роль религиозных институтов в целом, и мечетей в частности, в жизни татарского народа на современном этапе. До революции имам в мечети, помимо прочего, был преподавателем. То есть у нас на базе мечетей, на плечах религиозных деятелей была выстроена система образования как такового: в мечети математику изучали и прочее. Сегодня в этом уже нет необходимости, потому что все татары вовлечены в систему государственного образования. Соответственно, возникает вопрос: а зачем тогда нужна мечеть вообще? Мы сегодня гордимся тем, что у нас 1,5 тыс. мечетей в Татарстане, но давайте не забывать, что большая часть из них пустует, если мы говорим о деревенских мечетях.

Модератор: В основное время дня?

Рустам Батыр: Сейчас не знаю, Рафик Мухаметшин, может быть, нам подскажет. Раньше более 100 мечетей даже на джума не открывалась.

Рафик Мухаметшин: Нет, 50...

Руслан Айсин: 30 было.

Рустам Батыр: Это говорит о не востребованности. Значит, то, что дает мечеть, не нужно людям. Одна из новых функций исламских институтов – это социальное служение в рамках доктрины социального ислама, то, что делает Илдар Баязитов (*имам мечети «Ярдэм», которая выступает центром реабилитации для незрячих* – прим. ред.). Несмотря на то, что мечеть находится где-то на окраине... Раньше, до появления нового здания, она даже среди гаражей была, но все равно являлась центром притяжения: туда люди со всей России, со всего СНГ съезжаются. Это говорит о том, что людям такой ислам нужен. И как раз такой ислам, такая мечеть объединяет и светских, и религиозных татар.

Это к вопросу о том, что ислам может стать площадкой единения всей нации, потому что здесь общечеловеческие ценности: служение людям, помощь ближнему, профилактика экстремизма-терроризма, это и вопрос сотрудничества религиозных институтов и государства в контексте светскости, потому что государство будет выделять деньги не на религиозный институт, а на социальное служение, которое нужно самому государству, чтобы снять социальную напряженность в обществе. И так далее. Нужно брать разные направления. То есть это та модель ислама, которая, как показывает практика, востребована. Это один из моментов переосмысления, потому что если мечеть сводится только к похоронным обрядам, проповедям, то мы видим, что не всегда это находит отклик.

В стратегии, мне кажется, нужно прописать роль ислама для сохранения в орбите нации русскоязычных татар. Их 20% – это огромная цифра. Она будет только расти. Язык важен, нужен – никто этого не оспаривает. Но делать ставку только на язык, притом, что понимаем, что если мы даже у себя в Татарстане не смогли его сберечь и сохранить в школе... У регионов еще меньше возможностей, поэтому нужно придумать альтернативные стратегии. И ислам – это один из способов, как людей притягивать к национальной жизни. Ярославль вспоминаю: у меня в мечеть приходили два брата. Когда я начал там организовывать Сабантуй, они первые помощники, все время на джума ходят, намаз – все соблюдают. Они по-татарски слова не знали, но, живя в Ярославле, умудрились найти себе даже жен-татарочек, что достаточно сложно. То есть ислам помогает людям оставаться в национальной орбите. И для русскоязычных татар это очень актуально: они через подобное будут притягиваться к своим национальным корням в том числе. Не умаляю роль языка, но все яйца складывать в одну корзину опасно и даже преступно.

Далее, как мне представляется, нужно прописать, что мы должны возродить единое духовное управление мусульман. Это смешно, что у нас 80 духовных управлений. В одном регионе, по-моему, до 6 доходит. Это просто карикатурно.

Руслан Айсин: Это низовая демократия.

Рустам Батыр: Если мы говорим, что исторически институт духовного управления или магометанского духовного собрания сыграл роль каркаса нации в условиях отсутствия государственности, то сегодня этот скелет нации сломан. Понятно, что это немного идеалистичное представление, что тут есть много амбиций, внутренних противоречий между самими религиозными деятелями, но стратегия для того и создается, чтобы не плыть по течению, а поменять вектор в ту сторону, который нам необходим. То есть нам нужно консолидировать свою мощь и на этом уровне.

И последний тезис: надо осмыслять ислам в рамках сверхзадач татарского народа. Я считаю, что в значительной степени подлинный ислам сохранился только у татар или в большей степени, чем у многих так называемых мусульманских народов. И татары могли бы сегодня способствовать возрождению ислама в мировом контексте. То есть мы говорим об экспорте ислама. Советский Союз мог быть идейным лидером для половины мусульманского мира, а почему татары не могут экспортировать российскую модель ислама в мусульманский мир? Потому что исламский мир задыхается...

Модератор: Какой ислам? Что вы имеете в виду?

Рустам Батыр: Условно говоря, джадидизм – такой современный ислам, то есть ислам, который вписывается в современные реалии. Исламский мир сам по себе задыхается. Единственный интеллектуальный продукт, который они могли создать, – это ДАИШ (*арабское название запрещенной в РФ группировки «ИГИЛ»* – прим. ред.). Вот все, что они создали для современного мира. Они сами не зна-

ют, что с этим делать. Ищут эти пути. У европейских мусульман, которые посвободнее, рождаются многие интеллектуальные движения, которые могут найти выход. У нас есть это наследие, на которое мы можем опираться, и мы могли бы заниматься экспортом ислама в рамках сверхзадачи татарского народа по спасению исламского мира, быть одним из (может быть, даже единственным) локомотивов...

Руслан Айсин: Исламский троцкизм такой – экспорт мировой революции.

РУСЛАН АЙСИН: «ЖЕНСКИЙ ФАКТОР У НАС ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ, НО ОН ФАКТИЧЕСКИ НЕ УЧИТЫВАЕТСЯ»

Модератор: А я думаю, что это маяк света и добра. Рустам об этом пишет, в том числе в своих блогах на «БИЗНЕС Online». Руслан Айсин, теперь вам слово.

Руслан Айсин: Если уж мы заходим так далеко и погружаемся в исламский мир, то, на мой взгляд, и он, и мы в особенности очень сильно поражены так называемым светским гуманизмом, я имею в виду гуманизм постхристианского мира, который как бы заменяет собой, как суррогат, религиозный дискурс. И когда мы начинаем рассуждать, то говорим: «Pro bono publico» («Ради общественного блага»). Что такое общество? Общество на самом деле выступает антагонистом религиозного дискурса. Почему? Потому что в Коране во многих случаях, во всех случаях «большинство» выступает антагонистом. Так и написано: «Большинство не уверует», «Большинство уведет тебя» (имеется в виду Пророка), «Большинство заблуждается» и так далее. Более 60 тезисов относительно категории большинства связано с негативом – нет ни одного позитива. Я к чему? Надо готовить некую прослойку интеллектуалов, я уже об этом говорил, типа института «кохенов», но не такого жреческого формата, которые у нас есть.

К тезису: «А давайте создадим единый муфтият и будем на него молиться, как на фараона». И что? Большое количество муфтиятов – плюс нам, потому что это низовая демократия. У меня в свое время был очень хороший диспут с человеком, который пришел и говорит (а он материалист, у него хороший философский багаж): «Почему большинство мусульманских стран авторитарно?» Интересный вопрос? Интересный. Ровным счетом потому, что нам нужен один халиф, один муфтий. И неважно, какого он качества. Мы считаем, что если у нас будет муфтият или халифат, то все само выстроится, так сказать, светотенью, но так не бывает. Действительно, я согласен, что, если мы не будем работать над собой, выстраивать свой исламский логос, к сожалению, все, что мы сейчас говорим, все, что вы сейчас говорите, – это постхристианская вещь. Мы апеллируем ей, опыляем ее и пытаемся выстроить исламский протестантизм. Да ничего подобного! Это все задние ряды прошедшего европейского модернизма. Ничего здесь нового нет.

Что нам нужно прописать в стратегии? Во-первых, стратегия должна точно сказать татарам, что есть татарин на самом деле. Он мусульманин в первую очередь, он верующий или же он атеист и верит в какие-то общечеловеческие ценности? Что значит общечеловеческие ценности? Тоже надо объяснить. Вот папуас – он традиционалист? Традиционалист: «Я ем представителей соседнего племени. А куда ты со своим рылом лезешь, реформатор такой-сякой?! У меня предки ели врагов». Это их традиционный формат бытования. Нам надо цивилизационно конкретно объяснить, что такое татарин, в чью модель он вписан – восточную или западную? Если люди ориентированы на Запад, ради бога! Но если у него будет духовный исламский стержень, ему ничего не помешает. Я согласен: в Европе очень много мусульман. Вот есть хороший автор Франко Кардини, написавший замечательный труд «Ислам и Европа». Он пишет, что, собственно говоря, да, при всей агрессивности, при всей brutality ислама его принимают утонченные рафинированные европейцы. Значит, они что-то в нем находят, а мы от этого отказываемся.

На мой взгляд, во-первых, нам нужно создать интеллектуальные клубы, чтобы мы данные темы обсуждали. К сожалению, таких площадок у нас нет. Есть площадки, которые формируют Дамир Исхаков, Рашид Галямов, – все. На весь 8-миллионный татарский народ нет их. Более того, мы действительно рассматриваем мечети сугубо как институты или места поклонения. Даже во времена Пророка это были места сборов, места политических дискуссий и все остальное. Мечеть должны быть синагогой в таком классическом понимании.

Альфريد Бустанов: В некоторых местах запрещено все, что не связано с намазом.

Руслан Айсин: Кстати, да.

Альфريد Бустанов: Просьба не собираться, не обсуждать.

Модератор: По России?

Руслан Айсин: Да, в больших российских городах. Закон Яровой. Поэтому мы должны, на мой взгляд, возродить институт абыстай (*абыстай – жена или дочь имама, муллы, которая обучала детей основам ислама; в послевоенное время, за отсутствием мужчин в деревнях, абыстай исполняли роль имамов – прим. ред.*). На него очень серьезную ставку делать.

К женщинам пожилого возраста особое доверие, мутавалият, вот эти бабайлар. Как бы к ним ни относились, как бы ни кричали о том, что это «татарский бабайский ислам», но это реально люди, которые носят в себе авторитет. Ислам и есть как раз авторитет. Слово «авторитаризм» ведется оттуда, но на самом деле, на мой взгляд, нам нужно сделать ставку на абыстай, бабаев в положительном ключе, мечети как многофункциональные вещи и формирование татарского философского логоса на основе изучения татарских богословов и привнесения чего-то нового.

Модератор: Это все можно прописывать?

Руслан Айсин: Это нужно в доктринальной части прописать, для чего необходимо все собрать и обсудить, а времени в обрез.

Модератор: А может быть, не только в доктринальной части? У эскиза стратегии четыре раздела. Может быть, пятый раздел вообще про ислам сделать? Ислам и татары? Кроме доктринальной части там же масса нюансов, которые требуют отдельного внимания.

Руслан Айсин: Я бы вообще поменял эскизную структуру.

Модератор: Раз четыре блока, то давайте пятым сделаем.

Руслан Айсин: Можно посмотреть, как написана русская доктрина: христианство, православие...

Дамир Исхаков: Я хотел добавить. У нас сложилась довольно любопытная ситуация, и в стратегии это надо обозначить: старики (аксакаллар шурасы) при мечетях создались, а вот женщины обособлены от мечетей. «Ак калфак» (*общественная организация татарских женщин – прим. ред.*) к мечетям не имеет никакого отношения. Поэтому институт абыстай с «Ак калфак» должен быть привязан к этим вещам. Видимо, из-за того, что женщины не очень активно ходят в мечети, и нет такой исламской традиции... А у татар есть такая традиция. Этот вопрос требует специального прописывания.

Руслан Айсин: Кстати, есть интересная мысль. Один человек попросил меня написать труд относительно влияния в советское время абыстаев на сохранение ислама. Потом я начал размышлять и думаю, что у нас татарское национальное движение тоже очень представлено женщинами. Женский фактор у нас сильный.

Дамир Исхаков: Это очень важный фактор.

Руслан Айсин: Очень важный! Но он фактически не учитывается. Мухлиса Буби – это же единственная фактически женщина-казый (*мусульманский судья – прим. ред.*).

АБДУРРАУФ ЗАБИРОВ: «ЭТО ПЛЕВОК В АДРЕС МИННИХАНОВА, ЭТО СВОДИТ НА
НЕТ ВСЮ СТРАТЕГИЮ»

Модератор: Абдуррауф хазрат, ваше мнение по обсуждаемому кругу вопросов.

Абдуррауф Забиров: Я бы присоединился: здесь говорили о том, что у нас, к сожалению, нет именно философской мысли, исламских мыслителей. А почему? Мы знаем, что НКВД, наследником которого является КГБ, а сейчас ФСБ, 40 тыс. наших религиозных деятелей – интеллектуальных мыслителей – просто расстрелял. Кого не расстрелял – на лесоповалы. А часть элиты была вынуждена эмигрировать со своей родной земли, потому что житья не дали... 15 тыс. мечетей разрушили, в 1970-е гг. осталось 80, из них только в 40 мечетях были люди, способные проводить намазы. Система религиозного образования – начальная, средняя – все было уничтожено! А книгоиздательство? У нас 30 тыс. книг! Посмотрите периодическую печать, журналы – кто их писал, выпускал, кто издал эти статьи... Там были и несогласные, разные течения, разные понимания, но это была интеллектуальная элита.

Модератор: Это же при попустительстве Всевышнего было сделано...

Абдуррауф Забиров: В Коране говорится: «Каждый из вас пастух, и каждый будет отвечать за свое стадо». Это московские чиновники – Кремль отвечает за эту ситуацию. Не надо на Всевышнего пенять, необходимо быть смелыми. Сейчас эти же московские чиновники пытаются нам навязать вместо нашего богословского наследия московский масхаб, то есть свое понимание ислама. Пусть они в Москве лучше учат жен щи варить – это наш посыл московским чиновникам. У нас есть своя богословская школа, книги. Мы должны опираться на эти книги и выстраивать свое понимание ислама и роли татарского народа в исламе. У нас есть богословы сведущие. И нужно все имеющееся богословие переводить и правильно осмысливать. А сколько процентов у нас из богословского наследия переведено и где эти качественные переводы? Не просто ломаным языком...

Модератор: Мы об этом же и говорили.

Абдуррауф Забиров: Следующий вопрос – роль ислама именно в концептуальной доктринальной части стратегии, а не в хвостике где-то на обочине. Не просто роль, а особая роль ислама в жизни татар и государственности татар. Кто встал на защиту государственности того же Казанского ханства? Кол Шариф хазретлери, его шакирды – они жизнью пожертвовали! Это же жертвенность.

Следующее – роль ислама в национально-освободительном движении татар. Какая христианизация была! Это же инквизиция православная, уничтожали! И геноцид татарский народ пережил. Нас 8 млн на планете сохранилось! А кто воодушевлял, объединял народ в эти тяжелые минуты испытаний? Ты да я, да мы с тобой? Нет. Вот эта духовная мощная основа – ислам. Если мы это отвергнем, то будет просто пустой документ, всего лишь наброски и зарисовки.

Есть же группа стратегического видения «Россия – исламский мир», которую по поручению Владимира Владимировича Путина возглавляет Рустам Минниханов. Так это плевок в его адрес, если ислам не указывать. Он руководит данной группой, это мостик между Российской Федерацией, где 25 млн мусульман живут, в том числе и татары, и миром. Разработчики стратегии либо профаны и не учитывают исламский фактор, либо специально подставляют под удар представителя мусульманской общины страны перед исламским миром.

Модератор: Что нужно вписать в стратегию?

Абдуррауф Забиров: Роль ислама нужно указать. И роль мечетей необходимо указать. Сейчас у нас, в отличие от 1990-х гг., система религиозного образования не трехступенчатая даже, а четырехступенчатая. Да, за раз возродить ничего не получится, но пусть курс правильный выберут. Как говорится, Москва не сразу строилась. Система религиозного образования рано или поздно будет выстроена, появятся результаты. Сейчас мечети, Аллага шөкер, многофункциональны. Пусть это не выглядит как хвастовство, но если нашу мечеть взять: у нас, помимо того, что любая мечеть исполняет пятикратный намаз, джума-намаз и так далее, действует начальная школа мусульманского религиозного образования из 13 групп. Мы 50 детей кормим. У нас ифтары проводятся. И так каждая из мечетей вносит свою лепту.

Модератор: А где ваша мечеть находится?

Абдуррауф Забиров: На Декабристов, 111. У нас лекции проходят. Мы Дамира-эфенди приглашали, других лекторов. Потом делали проект «Кардэшлек ноктасы»: из регионов Российской Федерации, где живут татары (а мы знаем, что 33 процента татар живут здесь, а две трети нации – за пределами РТ), приглашали, лекторов звали, институт государственности Татарстана, Всемирный конгресс татар и так далее. Программа была насыщенная.

И поставлю точку словами Пророка: «Ислам превыше. И выше этого ничего не будет». Собака лает – исламский караван во главе татарского народа идет вперед и дойдет до своей цели. И самое последнее: слова Мухаммада Мурада Рамзи, который говорил: «Татары были суннитами, в мышлении – матуридитами, в действии – ханафитами». Вот наше понимание ислама. Что сказать? Это историк, ученый. Нужно читать его книги. Посмотрите, что Марджани говорит. Они не с исламом воевали. Посмотрите, что говорит Муса Бигиев, наш земляк. Ризаэддин Фахреддин, Кашафутдин Тарджемани – они все вопросы, о которых сейчас у исламского мира голова болит, давно решили, причем на высшем уровне, и дали ответы многим вызовам.

*РАФИК МУХАМЕТШИН: «ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТАТАРСТАНА АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
РЕСУРС В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИИ НЕ РАБОТАЕТ»*

Модератор: Рафик Мухаметшович, вам слово.

Рафик Мухаметшин: Да, надо роль ислама в доктринальной части прописать. Я один раз участвовал в обсуждении, но потом меня особо не приглашали. Я там задался вопросом: действительно, в стратегии цели, задачи уже расписали. Но цели и задачи и так ясны – сохранение татарского народа, языка, культуры, идентичности. Самое главное – там же должны быть заложены правовые основы того, каким образом реализовать эту стратегию. Еще сложнее – финансовая составляющая. Настолько я понял, вместо финансов у них выступает административный ресурс. Как-то очень странно рассчитывать на административный ресурс. Я понимаю, в Татарстане возможно национальные, татарские школы открывать, еще выделять какие-то средства, но за пределами республики на сохранение нации административный ресурс не работает. Естественно, я говорил: где формирование национальной буржуазии, которая будет все это поддерживать? И вообще, можно ли подобное формировать, где механизмы, чтобы выращивать возможные формы? Институционализация? Если даже будут деньги, станут выделять миллиарды, найдется «татарский Сорос», который скажет: «Вот вам миллиард долларов, давайте сохранять татарскую нацию», – если нет институтов реализации, тоже ведь вопрос, каким образом мы будем ее реализовывать. Мне кажется, в стратегии по правовым моментам исламский фактор тоже нужно внести.

Образование. В стратегии нет раздела о религиозном образовании! А религиозное образование у нас есть: 80 мусульманских учебных заведений, из них 30 – татарских, в Центральной России. Мы работаем на законных основаниях, у нас есть образовательная лицензия, мы даем диплом государственного образца. Но в разделе стратегии, касающемся системы образования, вообще ни слова о религиозном образовании! Ладно, они религии боятся, но вопрос же в другом. Я вообще считаю, что в данном случае, может быть, действительно ислам в доктринальной части расписать: он у татар играет такую-то роль. Дальше надо смотреть, каким образом ислам и его институты можно использовать для развития татарской нации, системы образования: медресе имени Тысячелетия ислама стопроцентно татарское. Где еще в Татарстане среднее профессиональное образование на 100 процентов ведется на татарском языке? Таких учебных заведений практически нет. Например, у нас есть кафедра татарского языка, мы издаем адаптированные религиозные учебники. То есть реально работаем не только для распространения ислама, но и над тем, чтобы каким-то образом татарский национальный фактор присутствовал.

Правовые аспекты тоже надо прописать. Это очень важно, например, в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» четко сказано о примечетских курсах. Мы столько воевали за это! Министерство образования говорило, что примечетские курсы – это учебное профессиональное образование, поэтому у них обязательно должна быть лицензия. Сейчас такого требования нет. То есть сегодня мечети через примечетские курсы можно использовать не только для распространения ислама, но и для преподавания и сохранения татарского языка.

Запят, вакф – практически во всем мире данная система работает. Это можно использовать не только для воспроизводства самой религии. Запят и вакф можно использовать, в том числе и для того, чтобы развивать и сохранить язык и так далее.

Насчет институционализации я тоже задавался вопросом. Мне вообще непонятно. Развитие, сохранение татар... Но за пределами Татарстана как это сделать? Сейчас мы воюем, чтобы в школах РТ оставили хотя бы три часа татарского языка в неделю. Например, у нас есть курс «Без татарлар», где мы преподаем, в том числе и татарский язык, там нас никто не ограничивает! Это примечетские курсы – ты там хоть ежедневно можешь преподавать татарский язык, историю татарского народа. Курсы «Без татарлар» состоят из трех компонентов: основы ислама, основы татарской истории и татарский язык.

Сейчас по России 8 тыс. мечетей, из них более 3 тыс. – исконно татарские. Это есть реальный институт, где можно совершенно законно преподавать не просто основы религии, но и татарский язык. Других институтов нет, школ татарских нет. Я удивляюсь, как они пытаются сохранить на-

цию за пределами Татарстана, не используя эти институты? Мы же не говорим: «Давайте будем распространять ислам». Речь идет о том, как эффективно использовать существующие институты.

И еще самое главное, о чем здесь говорили: ислам такой мракобес, он будет работать и в другом направлении. То есть путем использования этих религиозных институтов ислам можно менять, чтобы он приобрел свой социальный облик и стал более интеллектуальным. Может быть, он будет более ближе к народу. Сегодня мы видим, что исламская молодежь действительно говорит: «Я мусульманин». То есть у него татарскость пусть не на последнем, но на каком-то месте.

К сожалению, в стратегии эти, а также правовые, финансовые и институциональная части совершенно не рассматриваются. Это не то что удивительно, это совершенно непонятно. В данном случае речь не идет о том, атеисты или не атеисты. Надо быть реалистами – какие есть институты за пределами Татарстана, кроме мечетей? Ничего нет.

Руслан Айсин: Еще важный момент есть. У нас нет национальной буржуазии, но при этом те из числа татар, кто жертвует, делает это именно на мусульманские дела. Если мы сможем и подобное объяснить и абсорбировать, через ислам возвратить их в лоно татарской нации, то, я думаю, у нас будет появляться татарская буржуазия, потому что как таковой секулярной она просто не может быть. Никто не жертвует на книги, а в мечети дают.

АЛЬФРИД БУСТАНОВ: «НУЖНО ВИДЕТЬ СТРАТЕГИЮ НЕ КАК СУХОЙ ТЕКСТ ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ, А КАК РАЗГОВОР О БУДУЩЕМ»

Модератор: Как стратегия с учетом этого могла бы поменяться, Альфрид?

Альфрид Бустанов: Я с вашего позволения опять вопрос немного переформулирую. Все-таки если говорить про стратегию как документ, то тут уже все сказали: экономика должны быть, то, другое... Со всем этим я согласен, все правильно. Если беседовать о стратегии в контексте разговора о будущем, а это тот формат, который мне более интересен, и то измерение, в котором я вижу пользу этой инициативы, нужно понимать, какова будет роль ислама в будущем татар. И здесь уже не обойтись без арсенала терминологического, философского и понятийного как, собственно, западных известных мыслителей, так и нашего наследия и в целом широкого мусульманского круга. Опять же здесь вопрос о том, как это все будет соотноситься с, похоже, неизбежной русификацией ислама. Данный процесс мы по большому счету прошляпили, он самотеком прошел в 1990-е и 2000-е гг. И сейчас мы имеем дело с ним как с фактом, который дальше будет идти больше и больше.

Единственное, что меня беспокоит как человека, который внутри всего этого, – то, что мусульмане не являются субъектами обсуждения и осмысления данных процессов. Либо они идут сами по себе, либо всегда находится со стороны кто-то, кто говорит: «А давайте замутим какой-то проект, а давайте русский и русскоязычный ислам будет выглядеть так-то». Вообще, вы правильно сказали, что образованных мусульман много. Есть люди с блестящим образованием зарубежным, таким и сяким. Если говорить о том, что должно быть в разговоре о будущем, – это именно наши усилия не ради сухого текста, а чтобы появился новый интеллектуальный продукт. Не просто возрождение каких-то идей, которые нам кажутся актуальными сейчас, а именно продуктивная новая мысль, которая может пересекаться с чем-то, что нам известно из прошлого, из спектра опять же. Ради бога, сколько можно говорить про традиционалистов, джадидов и прочее? Это настолько бессмысленный и в пользу бедных разговор как в научной среде, так и в религиозной.

Модератор: То есть проехали уже? С 1990-х нужно было об этом говорить?

Альфрид Бустанов: У нас перед уммой стоят совершенно другие вопросы. И среди людей на улице, и в толще мусульманского населения стоят совершенно другие вопросы: как воспитать детей в исламе? Сейчас же второе-третье поколение идет. Если люди, которые «горели» в 1990-е гг., чтобы открыть для себя ислам. А сейчас их детям 14–16 лет, они уже родились в исламе, в этой культуре. И как им объяснить, что тот мир, в котором мы живем, – это вообще-то достижение, что подобным нужно дорожить, что целое поколение заплатило своими жизнями, а судьба тех, кто был после них, сложилась так, что ориентиры оказались смешанными? Те, кому сейчас 50–60 лет: «Неужели я всю свою сознательную жизнь прожил не так? Играл в шахматы, а, оказывается, это

харам». На подобные реальные вопросы ни «джадиды», ни «кадимиты-термиты» ответов не дают, потому что все-таки ислам – это спектр: авторитета, мнений, это система, в которой нельзя говорить «по моему мнению», «мне кажется». Есть серьезная традиция, есть Коран, есть аура национальной татарской культуры, которая вокруг.

Мне кажется, что иногда мы хотим в воздухе эту ауру как-то схватить, она нам с детства кажется приятной и знакомой. А то, что, собственно, родило данную ауру, серьезные запреты бабаев с «ваххабитскими» бородами, которые говорили, что это харам, это бидгат, – это же тоже часть татарской богословской традиции. Куда от подобного денешься? Открываешь книги советских имамов, например, Хабира Яруллина и других: они пишут, что поминки на третий, сороковой день и годовщина – это нововведение. Интересно, это есть часть традиции? Они говорили, что нет. Что нам тогда выбрасывать? Очень сложные вопросы. Я согласен с аксиомой Рафика-абыя в том, что сложно с исламской тематикой. И ее всегда хочется, включая политизацию, упростить и сказать: «А давайте мы напишем три-четыре постулата, в которые будем верить, как в татарскую акыду». Это не работает.

Модератор: И какой выход?

Альфред Бустанов: Выход в том, что должна быть широкая общественная дискуссия, необходимо использовать те интеллектуальные силы, которые у нас есть, и видеть стратегию не как сухой текст для чиновников, а как разговор о будущем.

«НАДО МЕНТАЛЬНО СОХРАНИТЬ ТАТАРСКИЙ ИСЛАМ»

Модератор: Спасибо! Кто-то хочет что-то добавить?

Дамир Исхаков: Я бы не стал пинать джадидов...

Модератор: Каких? Которые были 100 лет назад или в 1990-х?

Рафик Мухаметшин: В 1990-х джадидов не было.

Модератор: Зачем? Вот неоджадиды: Рафаэль Хакимов, Дамир Исхаков, вы – целая плеяда.

Дамир Исхаков: Я не евроисламист.

Модератор: Это не евроислам, это неоджадиды.

Дамир Исхаков: Я про другое. У нас болтовня про джадидов идет в ситуации, когда их наследие не изучено. Мы промаркировали их и болтаем о чем-то, не зная о чем. Во-вторых, джадидов надо изучать не одних. Существовали же еще и кадимисты, которых, наверное, было 95 процентов. Что они думали в общем контексте? Мы находимся в ситуации полного незнания нашего прошлого, что очень опасно. Но это уже тема следующего разговора.

Модератор: Хорошо, принимается.

Дамир Исхаков: А вот что касается ауры, есть очень интересное наблюдение известного психиатра Антонио Менегетти. У него есть рассказ о том, что из других миров приходят красть ауру молодых девушек. Когда они находятся одни, рассказывает Менегетти, если девушки чувствуют, что есть чужое присутствие, то должны сказать: «Нет», – или, как это делают мусульмане, молитву прочитать. Должен быть запрет, иначе ауру могут украсть. После этого девушка заболевает и чахнет, поэтому с аурой надо быть очень осторожными.

Руслан Айсин: Здесь, если продолжать литературную аналогию, есть хороший итальянский автор Дино Буццати, который написал книгу «Татарская пустыня»: человек всю жизнь ждал-ждал, когда же, наконец, татары нападут на их крепость, он ждал, ждал и, не дождавшись нападения, понял, что, жизнь-то прошла бессмысленно. В томительных ожиданиях. Мы, может, так и будем ждать, когда переведут этих джадидов, в конце концов, состаримся и умрем. Я согласен: с тем, что есть, нужно работать, но при этом их идеализировать тоже нельзя. Они писали в том контексте, в котором существовали. Это был модерн. Я все-таки настаиваю еще раз: мы живем в эпоху постмодерна – это немножко другой менталитет. И даже когда говорили, что нам нужно сохранить татарский ислам, ментально необходимо его сохранить. Татароязычный ислам вряд ли получится, к сожалению.

Айдар Хайрутдинов: Сдаемся, значит?

Руслан Айсин: Мы не сдаемся, но давайте анализировать объективные причины. Надо ментально сохранить татарский ислам. Мы, например, хутбу ведем на татарском языке. Кто не понимает, уходит к

другим проповедникам, в основном салафитского типа. Те им простые вещи объясняют: все очень просто, так и так. Говорят, что философия – это харам. Про ауру, которую украли, и говорить нечего. В их системе координат такого нет и в помине. Мы можем получить обратный эффект, поэтому я думаю, что с ним нужно немножко по-другому взаимодействовать, не так резко реагировать, что если ты русский мусульманин, русскоязычный, то иди отсюда. Мы можем получить обратную ситуацию, к сожалению.

Я считаю, что все-таки турецкий опыт нам тоже нужно изучать.

Абдуллах Забиров: Я бы добавил: опыт Османского государства даже на современном этапе в решении межнациональных, межконфессиональных проблем до сих пор востребован. Некоторые элементы, не весь.

Руслан Айсин: Турецкий опыт очень важен, потому что турки смогли в очень тяжелых условиях сохранить то, что мы называем исламской политикой, хотя у нас сейчас это слово практически запретное, но на уровне такого софт-варианта: как мусульманскому сообществу заниматься своим лоббизмом, как лоббировать свои интересы. Это нормальные вещи. А у нас сейчас нет, у нас большое количество людей в чалмах, но они элементарно не могут никого ни пролоббировать, ни что-то выбить и так далее. Все, что входит в их компетенцию, – это вокруг мечети. Человек выходит из мечети – он перестает быть мусульманином или татарин, что ли? У нас данного понимания, к сожалению, нет. У нас нет ни мусульманского, ни татарского бизнеса опять-таки. Формально он есть, конечно, так называемый халяльный бизнес, хотя это тоже все очень странно. Проблем много.

Модератор: Большое спасибо! Разговор был очень содержательный. И если люди, ответственные за стратегию и в конгрессе татар, и в Академии наук, читают наше издание, я думаю, они смогут извлечь пользу от наших подходов. Думается, что у татар есть интеллектуальный, духовный потенциал. Если он будет задействован, можно будет сообща, поскольку стратегию один человек не может писать, вписать туда и ислам.

Гульназ Бадретдин

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/424813>,
19 мая 2019.

* * *

Руслан Айсин

«ТАТАРСКИЕ CIVITAS СТАВЯТ БОЛЕЗНЕННЫЕ ВОПРОСЫ»

Отстранение Табриса Яруллина – удар по «гражданскому панцирю» республики?

Самой обсуждаемой темой в татарстанской повестке на этой неделе стала скандальная отставка 32-летнего Табриса Яруллина, который покинул пост замруководителя исполкома ВКТ и сложил полномочия председателя Всемирного форума татарской молодежи. Политолог Руслан Айсин рассматривает данное событие в контексте бурлящего в стране ожидания трансферта власти и новой перестройки. Главный вопрос – кто возьмет ее вожжи?

**«Ведь если я гореть не буду,
и если ты гореть не будешь,
и если мы гореть не будем,
так кто же здесь рассеет тьму?»**

Назим Хикмет

ЕСТЬ ЛИ СИЛЫ, ГОТОВЫЕ УДЕРЖАТЬ СТРАНУ ОТ ПОТЕНЦИАЛЬНО СМЕРТЕЛЬНОГО КУВЫРКА В ПРОПАСТЬ?

Последние события в стране и республике дают обильную, как наши нефтяные скважины, пищу для размышления. Рост протестной активности, расслоение элит, борьба кланов, дело Голунова, экологическая политическая повестка и т. д. заставляют управленцев предпринимать какие-то действия. Ситуация

остро отдает предперестройкой. Вопрос только в том, кто возьмет вожжи перестройки в руки, иные называют это надоевшим уже за короткое время термином «трансферт власти». Очевидно тут одно: масштабной пересменки элит, перекройки политического полотна не избежать. Ну, вот никак. Сама система готова к такому, и многие решения последнего времени следует оценивать в этих самых стратегемах.

Подъем возраста выхода на политическую пенсию ситуацию не изменит, администраторы слишком устали, им тяжело управлять страной, когда она находится в масштабном кризисе. Политический «Чернобыль» (о мини-сериале только и разговоров в эти недели) окончательно поставит страну перед экзистенциальным выбором. Но есть ли силы, готовые принять данный исторический вызов и удержать страну от потенциально смертельного кувырка в пропасть?

Все акторы политики находятся в каком-то уязвимом положении. Табу на оптимизацию системы управления, которая лишь изредка немного корректировалась в угоду сиюминутным выгодам политического характера, привела к ситуации внутренней эскалации между существующей моделью властвования и вызовами среды. Мы застыли в промежуточном состоянии позднесоветского периода и неопределенного настоящего. Горький опыт травматического прошлого и паралич воли к проектированию образа будущего не позволяют перешагнуть за горизонт обреченности.

СИТУАЦИЯ С ОТСТРАНЕНИЕМ ЛИДЕРА ФОРУМА ТАТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЯРУЛЛИНА СТАЛА, УВЫ, КЛАССИЧЕСКОЙ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ

Татарстан тоже не находится в стороне от этих процессов, будучи одним из ключевых звеньев государственной системы, он встроен в общий механизм и также испытывает те же самые фантомные боли. Но в нем есть определенная особенность: РТ выступала стрелем российского республиканизма. Однако как гомогенный политико-номенклатурный субъект Татарстан сейчас вряд ли можно рассматривать. Здесь есть немало сложностей, стоящих за фасадом красивых лепнин. Но как о факте мы можем говорить о наличии окрепшего за последние годы гражданского панциря республики, его биологической ткани. Речь о молодой и пассионарной генерации интеллектуалов (во французском его значении людей с антимейнстримовой собственной позицией, примером чего служит смелый жест французского писателя Эмиля Золя, публично выступившего по нашумевшему делу офицера Дрейфуса в середине XIX в., обвиненного в шпионаже в пользу Великобритании). Татарские *civitas*, или в экзистенциально-исконном, древнеримском значении «политические (полисные) граждане», сформировавшиеся в последние годы, смогли сделать то, что оказалось не под силу многоэтажной кафкианско-бюрократической машине: они предлагают образ будущего!

Ситуация с отстранением лидера Форума татарской молодежи Табриса Яруллина стала, увы, классической для республики. С такими же трудностями уходил и я с этой должности в 2011–2012 гг., а до меня Ильшат Саетов в 2008-м, яркий и креативный человек, нашедший себя в творческом поле Москвы, который мог бы приносить, с его умением и талантом, немалую пользу Татарстану. Система «встроенных в механизм людей», как я их называю, не понимает принципа *civitas*, она не всегда готова допускать иной взгляд. Тотальность и монополия на «правильное мнение», потому что начальник так сказал, рождают отсутствие полемичности, и как следствие – застой, расслоение, общее недоверие. Элиты интеллектуальной нет, или она растворена в коридорах власти, которая не хочет открыть форточку новых веяний, мнений, предпочтя застегнуться на все пуговицы по северокорейскому образцу. Система не видит себя снаружи, нет того, кто бы указал ей на некоторые ошибки и предложил вместе решать трудности. Но любой кокон, саркофаг со временем трескаются. Замкнутая система неконкурентоспособна. Главный актив – люди, но не вялые обыватели, а полноценные ответственные граждане. Их комплексная энергия и может запустить двигатель истории в космос. Большие проекты возможны только при наличии энтузиазма политических масс.

ЧТО МЫ ИЩЕМ? ВЕЧНЫЙ ПРОЦЕСС ПОИСКА ПРЕВРАТИЛСЯ В ФЕТИШ, СТАВШИЙ ТОТЕМНЫМ БИЧОМ

Civitas – это клей *res public*, что означает «общее дело», откуда пошло понятие «республика». Выразители и складыватели новой республики как общего дела – это то самое поколение «граждански

рожденных». Они смогли сформулировать новую модель для Татарстана, «общее дело»: сильная гражданственность, примат интересов региона над частно-корпоративными, федерализм как реальное спасение для России, которая до сих пор ищет для себя «Немецкую идеологию» Карла Маркса. Мы, наконец, должны подумать о человеке. Ведь как отвечал Фукидид: «Полис – это люди, а не стены». Россия же до сих пор не может определиться со своим эталоном: империя, западная модель властвования, периферийная империя, автаркия, третий путь, политически непонятное евразийство. Что мы ищем? Вечный процесс поиска превратился в фетиш, ставший тотемным бичом.

Новые *civitas* ставят болезненные, но так необходимые вопросы об отстаивании своих прав для родного языка, культуры, идентичности, национального и гражданского достоинства. Все это является основополагающими принципами равноправного общества, на котором зиждется могущество нашего цивилизационного начала. Из этой многосоставности создается цемент, схватывающий воедино разрозненные части гражданского общества, отторгающий внутренние распри. Как говорил Гераклит: «Народ должен сражаться за попираемый закон как за стены (*охраняемого* – прим. авт.) города». В нашей стране отстаивать право и призывать к законности означает вызов политический, подтачивающий волонтаризм эгоистических элит. Надо думать о стране другими категориями, не в дихотомической вилке – либералы vs консерваторы. Проблемы более масштабны и заковыристы. Мнимые ценности внешнего или напыщенная идеологизированная словесность уводят нас от центра проблемы. Мы обязаны выработать методологию такого понимания.

В ПРЕДДВЕРИИ ТРАНСФЕРТА ВЛАСТИ СИСТЕМА НАЧИНАЕТ ТЕРЯТЬ УВЕРЕННОСТЬ, КОНТРОЛЬ И ОЩУЩЕНИЕ КОМФОРТНОГО БУДУЩЕГО

Управленцы пребывают в состоянии растерянности и, я бы даже сказал, гроги. В преддверии трансферта власти система начинает плыть, терять уверенность, контроль и ощущение комфортного будущего. Российское сознание уходит от масштабности, неизменной персонификации власти, которая должна отвечать на ее запросы о величии. Такими конвульсиями уходит модерн и постимперская судорога. Отчетливо вырисовывается линия, тренд на самоуправление, где важна не гигантофилия и имперскость, а элементарные основы качества жизни и уважения к обычному человеку. Они рождают запрос и волю к политической репрезентации своих интересов и в целом соответствуют параметрам общей линии на антиэлитаризм, который захлестнул весь мир. Справедливость и общее дело должны лежать в основе наших цивилизационных построений. Они основа «нового величия», не мнимого, построенного на исторических мифологемах, но подлинного, где каждый *civitas* – равная часть общего. Равноправие и достоинство.

Публично-правовое пространство России меняется на наших глазах. Это серьезный шаг вперед, в даль общественного оптимизма, на котором строится общая проектная психея. Все, кто входит в поле алхимического *opus magnum*, – это новые *civitas*, которым небезразлична судьба страны.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/428156>,
16 июня 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ПРИЗЫВАЮ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ «НЕ СЛЕЗАТЬ» С ИЛЬДАРА ИРЕКОВИЧА!»

«Национальная общественность, наконец, дождалась от председателя Комитета по делам национальностей Госдумы РФ Ильдара Гильмутдинова программных тезисов по развитию родных языков народов РФ», – считает Айрат Файзрахманов. Автор «БИЗНЕС Online» призывает депутатов из национальных регионов поддержать и развернуть эти тезисы, иначе мы рискуем оказаться жертвами неисполненных предвыборных обещаний.

«ВРЕМЯ САБАНТУЯ КАК ГЛАВНОГО ЭЛЕМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УЖЕ ПРОШЛО»

Наконец, национальная общественность дождалась от председателя Комитета по делам национальностей Госдумы Ильдара Гильмутдинова программных тезисов по развитию родных языков народов Российской Федерации. Эти утверждения особенно важны именно сейчас, в условиях новой и очень непростой этнолингвистической реальности, которая формировалась не без участия татарстанских парламентариев. Остается надеяться, что данные тезисы прозвучат и на заседаниях Госдумы, и в стенах Министерства просвещения России, а далее получат свое нормативно-правовое оформление и «дорожную карту», подкрепленную ресурсами. Федеральным депутатам и сенаторам от Татарстана, уходящему и будущему созыву Госсовета республики, парламентариям других национальных регионов жизненно важно поддержать и развернуть эти программные утверждения. Уроки родного языка и образование на родных языках – это и есть настоящий патриотизм, наполненный реальным содержанием.

Во многом от грамотной реализации подобной программы зависит будущее родных языков, сохранение наших народов, ощущение равноправия и межнациональной справедливости, социальное самочувствие на местах и доверие народов федеральному Центру. Как бы наши граждане ни относились к деятельности Госдумы и конкретных депутатов, призываю общественность и профильных экспертов также ухватиться за эту программу и «не слезать» с Ильдара Ирековича и со своих депутатов, иначе мы рискуем оказаться жертвами неисполненных предвыборных обещаний представителя «Единой России», которые лишь усилят ощущение обмана и несправедливости.

Конечно, эти программные тезисы требуют более детальной проработки и вовлечения национальных организаций, экспертов, формирования социальных механизмов для их реализации. Например, без сетки организаций всемирного конгресса татар, региональных национально-культурных автономий, без включения механизма межрегиональных соглашений между Татарстаном и другими регионами сделать обучение татарскому языку массовым для татар в других регионах будет практически невозможно. Для нынешнего состава ВКТ и Федеральной национально-культурной автономии татар – это реальный шанс решить фундаментальную проблему татарского народа. Время Сабантуя как главного элемента национальной политики уже прошло. Татар любят и уважают, но без национального образования они исчезнут через два-три поколения, исчезнет Татарстан – исчезнет федерация. Сможет ли выжить Россия, если вытащить из нее часть фундамента?

«ЭТО МОГУТ БЫТЬ ТЕСТЫ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СЕРТИФИКАТОВ»

Итак, тезис № 1 от Гильмутдинова: **родной язык должен быть во всех вариантах новых учебных планов**. Предлагаю дополнить: предметы «Родной язык» и «Родная литература» должны быть в инвариативной части всех учебных планов. Общее количество учебных часов в неделю на эти предметы должно составить не менее трех, а в четвертом и пятом планах – не менее четырех. Выбор языка должен быть глубоко осознанным, для этого необходимо исключить ситуации давления и отказов в преподавании того или иного языка. Нужно пересмотреть в сторону снижения внутриведомственную норму Министерства просвещения о необходимости набора языковой группы не менее 8 человек. Здесь же стоит ввести возможность онлайн-преподавания родного языка в случае, если в классе один или два ученика будут изучать, например, эрзянский язык в Нижнем Новгороде или башкирский язык в Свердловской области. Кстати, в ходе принятия скандальных поправок в закон «Об образовании» их главный идеолог – депутат Вячеслав Никонов – говорил об этой возможности, а потом благополучно забыл о ней.

Важно донести до родителей, что, даже если они не знают родного языка своих дедушек и бабушек, у ребенка имеется отличный шанс восстановить в их семье утраченное языковое наследие («генетический родной язык»), усвоить «полилингвальную компетенцию» и кросскультурность. Такую разъяснительную работу невозможно провести без тесного взаимодействия с родительскими комитетами, отделами образования и администрациями школ.

Тезис №2: *предмет «Государственный язык» должен появиться в школьных программах.* К сожалению, в нынешних условиях государственный язык Республики Татарстан изучается за счет школьного компонента учебных планов, в итоге редкое учебное заведение пользуется этой возможностью, т. е., по сути, этого предмета почти не существует в Татарстане и многих других республиках. Поэтому важно, чтобы данный предмет оказался в обязательной части учебных планов, как минимум в обязательной части четвертого и пятого учебного плана. Только таким образом эта норма будет действенной.

Изучение государственного языка республики, как и изучение родного языка, должны стимулировать – это могут быть дополнительные баллы к общим баллам по ЕГЭ при поступлении в вузы республики. Проверка знания государственного языка может происходить не на основе сдачи отдельного экзамена в 9-м или 11-м классе, когда ученик оказывается под большим стрессом, а в виде тестов на получение языковых сертификатов, которые школьник получит до того, как наступит экзаменационная пора. Можно сформировать в республике пул работодателей, которые поощряют наличие в портфолио соискателя подобные языковые сертификаты. На страницах «БИЗНЕС Online» в прошлом году эта инициатива рассматривалась в отдельной статье.

«НИ В ОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ АКТЕ НЕТ ПРЯМОГО ЗАПРЕТА НА ИТОГОВУЮ АТТЕСТАЦИЮ НА РОДНЫХ ЯЗЫКАХ»

Тезис №3 – краеугольный камень национального образования: *учащийся должен иметь возможность сдавать экзамены на родном языке.* И в то же время Ильдар Ирекович добавляет: «Наша система образования не готова к приему экзаменов на родных языках». Нужно отметить, что в разных республиках готовность разная. Сейчас у Татарстана, Башкортостана и Республики Саха (Якутия) есть почти все кадровые возможности для того, чтобы в составе Федерального института педагогических измерений, формирующего задания ЕГЭ, а также в составе проверяющих комиссий оказались компетентные эксперты, владеющие госязыками республик на высоком профессиональном уровне (математики, физики, химики, информатики и т. д.). Нужно понять, каких дополнительных финансовых ресурсов подобное потребует. Но это не миллиардные и даже не многомиллионные суммы. Т. е. внедрение возможности сдачи ЕГЭ на родных языках нужно сделать не одномоментным для всех республик, а по мере готовности их кадров и ресурсной базы. Для этого необходимо установить критерии подготовленности систем образования республик и порядок контроля, чтобы ни у кого не возникало сомнений в объективности оценок учеников, желающих сдать математику на родном языке.

Поэтому крайне необходимо сесть за стол переговоров представителям Федерального министерства просвещения, республиканских министерств, ФИПИ, ФАДН, а также парламентариев от республик.

Экзамены на родном языке – это то, чего требуют во многих национальных республиках с момента введения ЕГЭ. Причем ни в одном законодательном акте нет прямого запрета на итоговую аттестацию на родных языках! Именно невозможность сдачи ЕГЭ на родном языке стала причиной массового перехода национальных школ на русский язык обучения, хотя ученики школ, в которых, несмотря ни на что, обучение до выпуска ведется на родном языке, вполне успешно сдают экзамены. Нет никаких данных, что такое обучение снижало их конкурентоспособность. Наоборот, мы видим такие феномены, как стобалльники по русскому языку среди выпускников национальных школ или, например, 399 баллов за четыре экзамена у выпускника татарской гимназии №2 Казани. Еще один важный момент: принятые в июле прошлого года поправки к закону «Об образовании», по сути, ограничили обучение на родных языках девятью классами, т. к. в формулировке закона забыли упомянуть о среднем (полном) общем образовании (Ч. 5 ст. 11). Важно дать соответствующие пояснения или дополнить формулировку закона.

В то же время для того, чтобы татарские школы вновь вернулись к экзаменам на родном языке, необходима постепенность, большой период реабилитации, планомерная работа с родительским сообществом, объяснение ему преимуществ полноценной билингвальности, которая возможна в

городских условиях лишь при обучении на родном языке. И без специальной республиканской программы здесь не обойтись. Также крайне важно вернуть в наши вузы обучение на родных языках, пока мы имеем кадры и методические материалы. В этом отношении республики оказались в гораздо худшем положении, чем в советское время.

Но самое главное требование в этой части – нужно немедленно разрешить сдачу всероссийской проверочной работы для выпускников начальной школы на родных языках. Тем более экзамен в начальной школе не влияет на поступление в вузы и определение дальнейшей профессиональной судьбы. Нельзя допускать, чтобы маленькие дети становились заложниками неповоротливой бюрократической машины в образовании и многолетних согласований! Представляете, какой стресс для 10-летнего ребенка – учиться на татарском языке четыре года, а проверочные работы получить на русском?! Поэтому беспокойные родители вполне прагматично требуют, чтобы с 1-го класса обучение велось не на родном языке. И такое положение вещей ведет к окончательной самоликвидации национальных школ в республиках Российской Федерации.

*«ФЕДЕРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ, НАПРАВЛЯЕМЫЕ НА РАЗВИТИЕ РОДНЫХ
ЯЗЫКОВ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЭКВИВАЛЕНТНЫ ХОТЯ БЫ САМОЙ МИНИМАЛЬНОЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЕ»*

Тезис №4: *дополнительные баллы ЕГЭ за знание родного языка*. Единственная ремарка: такие дополнительные баллы нужны и для ОГЭ – выпускных экзаменов в 9-х классах. Немало выпускников 9-х классов после сдачи ОГЭ идут уже в средние специальные учебные заведения – в некоторых из них есть серьезная конкуренция при поступлении. Не менее важно, чтобы предмет «Государственный язык республик» также имел схожие привилегии.

В рамках тезиса №5 *об итоговой аттестации по предмету «Родной язык»* можно установить более мягкие форматы и сроки, чтобы аттестация не воспринималась дополнительным стрессовым фактором в период сдачи ЕГЭ или ОГЭ. Тезис становится особенно актуальным в свете заявлений о том, что, например, участники патриотического движения «Юнармия» получают преимущество при поступлении более чем в 20 вузов России, им начислят дополнительные баллы к ЕГЭ «за личные достижения». В последующих пунктах своей программы Гильмутдинов говорит о направлении ресурсов фонда родных языков на лицензирование учебников. Задача немаловажная, чрезвычайно трудоемкая, и у субъектов Федерации попросту не хватает денег на эту процедуру. Подчеркнем, речь идет не о написании современных учебников, а лишь о такой бюрократической процедуре, как лицензирование! Нонсенс: государство создает такие стандарты, при которых иные государственные учреждения, свои же регионы должны затрачивать огромные финансовые и человеческие ресурсы на их преодоление! Ильдар Ирекович предполагает, что появится новая система лицензирования, Министерство просвещения само будет финансировать издание учебников. Только вот если сейчас «будет финансировать, издавать и отвечать за эти учебники Министерство просвещения» (*учебники по родным языкам и учебник по разным предметам для национальных школ* – прим. авт.), то где здесь механизм учета интересов республиканских министерства образования и профессионального сообщества педагогов? Если учесть интересы педагогов, процедура лицензирования могла бы стать отличной площадкой для развития профессиональных ассоциаций, горизонтальной ответственности педагогов друг перед другом (как это происходит в финской системе образования), их компетенций, иначе мы постоянно будем утыкаться в жесткую вертикаль, с высоты которой незаметны проблемы «на земле».

Значительное облегчение процедур лицензирования учебников – перезревшая необходимость, тем более она укладывается в государственную стратегию по снижению административных барьеров. Если государственный организм хочет этого, то в некоторых процедурах он может снизить сроки по получению лицензий и допусков в несколько раз. Остается найти государственному организму хороший раздражитель в лице депутатов, экспертной общественности от республик.

Что касается ресурсов фонда родных языков, они должны быть направлены на развитие культурных, образовательных, медийных проектов, а не на преодоление бюрократических барьеров.

К тому же федеральные ресурсы, направляемые на развитие родных языков, должны быть эквивалентны хотя бы самой минимальной федеральной целевой программе. Пока финансирование фонда на 2019 г. составляет около 88 млн рублей, на 2020-й и 2021-й – 96 млн и 98 млн рублей соответственно. Что можно сделать при таком объеме обеспечения, кроме содержания штата, остается загадкой. Между тем объем финансирования мероприятий программы «Русский язык на 2016–2020 гг.» составляет 7,6 млрд рублей. Это притом, что доминирующее положение русского языка поддерживается законодательно и институционально – через образование, науку, культуру, государственные и муниципальные органы власти, медиа, книгоиздание и т. д., косвенно – через большое количество соответствующих данным сферам государственных программ. Кроме того, русский язык сохраняют и развивают русская православная церковь, общество русской словесности и широкая сеть некоммерческих организаций. Русский сегмент Интернета занимает третье место в мире, поэтому можно говорить о феномене русской глобализации, позициям которой если что-то угрожает, то явно не языки народов Российской Федерации.

**«ПРОБЛЕМЫ С ПРЕПОДАВАНИЕМ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ – ЭТО ПРОИЗВОДНАЯ ОТ
МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»**

Тезис №9 Гильмутдинова: **«Русский язык как родной» – немножко натянутый школьный предмет.** Такой предмет не будет натянутым, если можно в рамках ЕГЭ установить возможность сдачи русского языка, так же как и по математике, на профильном и на базовом уровне. Или «русский язык как родной язык», «русский язык как государственный язык». Схожее деление существовало в советское время и вплоть до введения системы ЕГЭ. Например, выпускники национальных школ вместо сочинения писали изложение, при этом сегодня стоило бы предоставить выпускнику право выбора уровня итоговой аттестации по русскому языку. Например, большинству технарей не нужно владения языком на уровне выпускника филологического факультета.

При этом и для самого предмета «Русский язык» не помешало бы пересмотреть методику преподавания. Предмет также зачастую превращается в сухую обязательку, в неживую учебную дисциплину, по которой нужно просто получить хорошие баллы на экзамене. Во многом проблемы с преподаванием родных языков – производная от методики преподавания русского языка. По сути, это одна единая научная парадигма, доставшаяся нам от советской филологии. И сегодня выпускник зачастую не может четко выразить свою мысль в устной речи, не может подобрать нужные слова для того, чтобы выразить свои эмоции и чувства, но он может хорошо разбираться в том, как расставить знаки препинания в сложноподчиненном предложении.

Головная боль о методиках и кадрах должна касаться и педагогов, преподающих предметы на татарском языке (*тезис №14*). Финансы на целевой набор должны исходить не только от республик, но и от федерального Центра на паритетных началах.

Тезис №10: **родной язык должен изучаться в детских садах.** Многие учреждения остановились на том, что татарский язык преподается в «режимных моментах», хотя наличие и такого «обучения» вызывает большие сомнения. Можно ли изучить язык только с помощью «режимных моментов»? Можно ли говорить о каком-либо успехе, если ребенок учится только некоторым «командам» педагога? К обновленной методике должна прибавиться масса современной детской литературы, «развивашек», анимационной продукции, игр на родных языках. И именно это должно стать предметом совместной заботы федерального Центра и регионов (*тезис №11*). Причем речь идет не только финансах, но и о кадровой помощи – в разработке методик преподавания, учебных материалов, их дизайна и т. д.

Еще один момент, касаемый садиков, – это затрудненность открытия национальных групп в них. Родители могут собрать сотни подписей, но не получить желаемого, а то время как мнения нескольких недовольных русскоязычных родителей было достаточно, чтобы запланируемую татарскую гимназию в Азино перепрофилировать в школу, где татарский язык не является основным языком обучения. Каковы здесь критерии перехода, как должно строиться взаимодействие с родительским сообществом, что делать с особым мнением и недовольством меньшинства? Нужны

методические указания, рекомендации экспертов: юристов, этнологов, психологов, опытных педагогов, менеджеров образования.

Причем в конфигурации, которую обрисовал Гильмутдинов как уже достигнутый успех («институт развития и сохранения родных языков при Министерстве просвещения, создание фонда, концепции изучения родных языков, новое положение об учебниках, финансирование»), на федеральном уровне не хватает важнейшего элемента, а именно концепции развития полилингвального и национального образования. Опыт Северной Осетии, Татарстана в этом направлении мог бы стать основой для такой концепции.

Если говорить о совместной ответственности регионов и федерального Центра за сохранение родных языков, то для татар, большая часть которых проживают вне пределов Татарстана, этот тезис становится еще более важным. Идеальная модель сотрудничества: родительские сообщества – национально-культурная автономия или отделение конгресса татар – управление межрегионального сотрудничества Министерства образования Татарстана – профильные муниципальные и региональные органы власти (например, Самарской области) – представители Федерального министерства просвещения. Если хотя бы в одном регионе компактного проживания татар (за пределами РТ) получится воссоздать успешную модель массового преподавания татарского, сформировать школу с татарским языком обучения, можно будет тиражировать успешный опыт, в том числе другим народам, а далее говорить о едином образовательном пространстве в стране.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/430674>,
7 июля 2019.*

* * *

ТАТАРСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА *(внутренняя дискуссия)**

Дамир Исхаков: Были из нашей среды люди, которые выражали сомнения по поводу того, возможна ли татарская геополитика. Вопрос не простой, ибо обычно на эту тему говорят на уровне государств, крупных наций. Потому что речь идет о взаимоотношениях на больших территориях, об интересах, которые реализуются, в том числе через национальные дела. Но у татар есть свой аспект геополитики, по поводу которого нам есть о чем побеседовать. Приведу только два примера: в рамках Конгресса этнологов недавно было обсуждение тома «Казахи». Тома еще нет, заседание проводил Тишков. Я пошел туда, поскольку это был открытый «круглый стол», и увидел, что казахи не могут договориться с московскими исследователями по некоторым ключевым позициям. Например, казахи утверждали, что, попав в руки России, они оказались в состоянии колонии. Московские специалисты не согласны и считают, что им тогда российские власти принесли цивилизацию. Казахи это не принимают. Потом возникла дискуссия о том, что случилось с казахами в 1920–1930-х гг. Тогда тоже был голодомор, и казахи утверждают, что у них погибло 3 млн человек. А московская сторона в лице Тишкова утверждает, что цифры недостоверные и нужно сделать пересчет. После этого речь зашла о том, что в томе должен быть раздел по казахской государственности. Он, конечно, там есть, но очень сжатый. Тем не менее, вопрос возник и ясно, что ни один крупный ученый-казак в этом проекте участвовать не будет. Московская позиция направлена на то, чтобы показать казахам, что Россия принесла им цивилизацию. У нас проблема не совсем такая, но похожая проблема тоже есть. Потому что татары себя не обозначили как народ на мировом уровне. Мы пока остаемся по-прежнему автономной нацией, крайне зажатой сейчас. Хотя у нас есть два преимущества, которые позволяют нам встать немного на другой уровень. Во-первых, это наша история. Если сказать грубо, то некоторое время мы Русью правили. Это, конечно, не очень кое-кому нравится, но на самом деле это же так. Это серьезная тема и об этом тоже можно поду-

* Публикуется впервые. Дискуссия проведена до образования клуба «Татарский квадрат».

мать. Второй важный аспект: у нас есть некое культурное достояние. Как угодно можно называть то, что было в дореволюционной ситуации. Но татары вырвались тогда в мусульманском мире на самые передовые позиции. Многое от этого сейчас утеряно, но не бывает так, что все исчезло бесследно. Культурное прошлое приподнимает нас над этим сообществом в том числе. Если мы обозначим эти два вектора – а мы должны это сделать в стратегии – то сможем выбрать правильное направление движения. Кроме того, есть и другие вопросы, связанные с взаимодействием с тюркским миром. Хочу привести пример того, что свято место пусто не бывает. Несколько лет назад Тюркская академия Казахстана пыталась написать историю тюрков как учебное пособие для школ. Я присутствовал на первом заседании. После этого меня больше не приглашали, потому что тюркские народы, работающие по этому проекту, взяли на себя обязательства преподавать это в школе. РФ на себя таких обязательств не взяла и поэтому больше меня не приглашали. Но в учебнике тема Золотой Орды есть. Но не как татарское государство, а общетюркское. И этот очерк казахи написали. То есть, если мы не будем шевелиться в этом общетюркском пространстве, наше место обязательно займут другие. Потому что есть и другие претенденты на наследие, в том числе и на историческое. Это для нас печальная картина, но мы должны об этом помнить.

Так же у нас есть внутривосточные дела. Не ясен вектор нашего взаимодействия с русским миром. Здесь нет ни одного человека, настроенного антирусски. Во время конгресса 800 этнологов приехало в Казань и с разных сторон обсуждали русскую проблематику. И я почувствовал, что есть такой напор, не явный, не открытый, потому что интеллигенция там общается. Но как будто нас всех хотят свести на низкий уровень. Нас упоминают как объекты, которыми управляют: как на нас воздействуют, могут упомянуть нас в связи с мигрантами, экстремистами. А ни одна наша реальная проблема там не обсуждалась. Я поразились, что языковой вопрос вообще не поднимался. Это произошло в том числе и потому, что казанские ученые заняли позицию, что якобы мы сами виноваты: язык изучать не хотим и поэтому такая картина получается. То есть татары себя ведут как реально колонизированный народ. Нет самостоятельного мышления. А масса, которая проводит эту линию, это даже не русские, а имперские верхи. Они этим хорошо пользуются за счет грантов и т. д. Думаю, в этом виноват не русский народ, а правящая верхушка страны. И это серьезный симптом. Я сказал тогда, что вспомнил старых евреев, когда они на конгрессах, жизнь была более веселой. Сейчас их не стало. Или умерли, или выехали. Остальные стали служить новой вертикальной системе. Проблема же наших взаимоотношений с другими народами не решена. В том числе есть проблемы внутренние. У нас есть соседи чуваша, марийцы, мордва. Их вообще не видно. То ли есть они, то ли их нет, они что, вообще уже исчезли? Мы думаем, что есть союзные народы, с которыми мы хотим взаимодействовать. А реально есть они или нет? Я, например, их не вижу.

Есть у нас один застарелый вопрос – татаро-башкирский. С одной стороны, это наши братья. Руслан давно носится с организацией «Башкорт». А с другой стороны Бердяев сказал, что два очень близких народа должны друг от друга оттолкнуться, чтобы выжить самостоятельно. А вопрос в том, как выстраивать взаимоотношения с башкирами, потому что в Башкортостане проживает 1,5 млн татароязычного населения – татары и татароязычные башкиры. У нас по этой линии никакой политики нет и в стратегии это вообще не обозначено. Никаких подходов нет. Эти вещи связаны как раз с геополитическими построениями, потому что я прекрасно помню, как Дугин сказал: «Во что бы то ни стало, помешать сближению татар и башкир». Вообще-то это стратегия определенная.

После этого вводного слова, я бы хотел, чтобы в результате обсуждения некоторых проблем мы смогли предложить определенные принципы и подходы, на основе которых можно было бы написать некое вводное слово к нашей стратегии.

Руслан Айсин: Есть несколько подходов к пониманию термина «геополитики».

Впервые этот термин ввел человек с очень татарской фамилией, но со шведской душой – Челлен. После этого работали Маккендер, Хаусхоффер, которого ошибочно обвиняют в содружестве с Гитлером. На этом основании на науку наложили «черное пятно». Сталин ненавидел геополитику и известна его политика 1930-х гг. За политику отвечали так называемые евразийцы – Савицкий,

впоследствии Гумилев, Данилевский. Возвращаясь к Хаусхофферу, в попытках его реабилитации, хочу сказать, что его сын участвовал в заговоре против Гитлера. Поэтому говорить, что семья принадлежала к прогитлеровскому курсу, смешно. В российских реалиях на серьезном уровне геополитикой не занимались, назвали ее буржуазной наукой, как когда-то генетику и выпустили клоуна Лысенко, который рубил мышам хвосты в попытках доказать, что генетики не существует. И сейчас происходит нечто подобное, правда геополитика ворвалась в нашу жизнь через ушастых публицистов и «ура-патриотов», которые направо-налево кричат про Америку и геополитику. К сожалению, геополитика – очень серьезная вещь, это целая отрасль науки. Она изучает не только взаимоотношения государств, но и взаимоотношения народов, содружеств, общностей между собой. Переходя к татарскому вопросу, должен сказать, что слово «геополитика» не столь страшное и геополитикой должны заниматься не только штатные представители экспертного сообщества. Так как татары – великая кочевая цивилизация, татары всегда мыслили категориями больших нарративов повествований, движений. Это всегда был переход «за горизонт», который означал, что было планирование. Есть ложная дихотомия, связанная с талассократией и теллурократией – борьбой суши и моря. Но так как мы находимся внутри большого «хардленда» – внутри сердцевины Земли, коей является Евразия, как говорил Маккендер, мы должны мыслить в этих категориях. Татары мыслят такими категориями. Где-то несознательно, где-то не выстроена модель и методологическая составляющая этих моделей, но все-таки, подсознательно у нас это присутствует. Значит, мы должны методологически это обосновать. Раз 75% татар проживает за пределами Татарстана, значит геополитическое мышление встроено в генетический код татарской нации. Мы вынуждены выживать в этих условиях и ставить определенные вопросы. Еще раз подчеркну, что геополитика – это не обязательно вопрос взаимоотношения государств. Просто у нас наука еще рыхлая, поэтому так криводанная тема воспринимается. Многие боятся слова геополитика, подпрыгивают на месте.

Как татары должны выстраивать внутреннюю динамику собственных взаимоотношений? Дамир Мавляевеич точно сказал, что важны отношения с народами-соседями, с целыми цивилизациями – тюркской, православно-русской, финно-угорской, с евреями. Их взаимоотношения и влияние. Приведу хрестоматийный пример: в XVII–XVIII вв. число немцев, которые занимали высшие сановные места в России, составляло 18%. Это что, геополитика? Это внутренняя геополитика. Такой же процент был среди правящего слоя обрусевших тюрок и т. д. То есть Россия соткана из этих лоскутов. Но так как элита, власть являлась единственным смыслообразующим элементом, она держала этот аспект так же, как я сейчас держу микрофон. Она не давала никому к этим смысловым вещам притрагиваться. Вопрос Золотой Орды до сих пор в школах преподается как что-то отдельное – Россия отдельно, Золотая Орда отдельно. Это разорванная история. До сих пор нет видения, что по лекалам Золотой Орды сформирована, собственно говоря, сама Российская империя. Но этот прыжок из царства необходимости в царство возможностей российская историография сделать не может по естественным причинам, потому что идеологизирована. Геополитика тоже идеологизирована, хотя на самом деле это еще и вопрос антропотоков – движений внутри самого этноса. Куда он движется? В города. Казань является геополитической столицей татарского мира? Мы можем этот термин употреблять? Конечно, можем. Уфа является геополитическим стыком для татар? Является. Однако мы почему-то стесняемся этих выражений. Я думаю, что стоит просто легализовать некоторые терминологические элементы, вшить их в общую структуру методологии и понять. Есть архипелаг Мишарстан, есть башкирское большое содружество, есть около татарстанское. Все они не сшиты между собой, как лоскуты. Попытки их сшить предпринимает Всемирный конгресс татар, но «сабантуйная дипломатия» этих вопросов не решает. Мы стоим перед вызовом серьезных концептуальных вопросов. Но на них ответов пока нет. Например, вопрос с русским миром, который вы подняли. Действительно он же актуализировался. Взаимоотношения с Украиной актуализировались. Значит, мы должны поднять вопрос татарского мира. Как факт, татарский мир существует, потому что есть его культурное поле, смысловое назначение. Но опять-таки все это встроено в некий «сабантуйный формат». Никто не говорит о серьезности проблемы склеивания татарского мира. Сразу начинают

кричать о некоей сепаратности, о чрезмерном прощении своих прав и т. д. По выражению Гумилева, Россия является тюркско-славянской цивилизацией, и я считаю, что мы тоже вправе говорить о некоем симбиозе, своем месте в этом, участии. А какое место? Предлагаю здесь обсудить.

Марат Лотфуллин: Геополитика и контроль над землёй для татар сейчас очень актуальны. Контроль над землёй был даже во время царской России. Сейчас его нет, потому что Россия объявила, что земля народная. Это означает, что сейчас ей командуют полностью федеральные власти. Даже если вы имеете землю формально, то все что на ней находится, не принадлежит вам. Даже если вы найдёте нефть, она вам не принадлежит. Если в этой земле найдёте золотую монету, она вам тоже не принадлежит. Она принадлежит государству. Вас оштрафуют и посадят, если её государству не предъявите. Сейчас земля татар свелась вообще только к Татарстану. И в головах российских людей есть идея, что земля татар – это Татарстан. А вот остальные татары – диаспоры. Даже сами татары так их называют. И даже Конгресс называет их диаспорой, но это же страшно! Ведь они живут на своих исторических землях. Я был в Перми на совещании и там замминистра, который отвечает за национальную политику, говорит: «Мы очень заботимся о татарской диаспоре». Я спрашиваю: «Как татары, которые здесь жили 1000 лет, оказались диаспорой? А кто же тогда русские, которые здесь появились 300 лет тому назад? Кто они? Тогда будьте добры их тоже назовите своим словом». Да, проблемы у нас есть, и мы в этом направлении, в общем, ничего не делаем организованно. Проблемы частной собственности на землю вместе с недрами – это актуальная проблема для России. Тут грабят народы. Например, на одном из совещаний, посвящённых языкам, минрегионов выступал с сообщением, что мы не можем издать книгу для каждого народа. Численность северных народов настолько мала, что книга станет золотой. На что я ответил, что на полученные от добычи там нефти и газа средства, можно не только книги, но и школы золотые построить.

Самое страшное, что головах людей уже существуют эти идеи, они туда вбиты. Против этого надо бороться. Например, на ученической конференции про Чечню один ученик написал под руководством русской учительницы, что чеченцы воруют нефть. У нас. Я говорю: «Как же? Чечня добывает высококачественную нефть. Как она может её воровать и зачем она им нужна?» Она заявила, что это нефть наша, просто чеченцы её воруют. Поэтому проблема такая есть.

Есть ещё и проблемы территории, например, в вопросе устройства Российской Федерации Оренбургская область – абсолютно искусственное образование. Вы проедете Оренбургскую область и увидите, что от Татарстана и Башкортостана она совершенно ничем не отличается. Они абсолютно идентичны, а создана она для того, чтобы отделить Республику Татарстан и Республику Башкортостан от всего тюркского мира. Об этом нужно говорить и против этого нужно бороться. Просто так сидеть и молчать об очевидном нельзя.

Как взять контроль над землёй? Обычно контроль над землёй берут общины. Но российская политика категорически против общин. Научным словом это называется компактным проживанием людей или анклавом. Тишков и другие жёстко заявляют, что нельзя допускать образования анклавов. В советское время даже квартиры распределяли так, чтобы в подъезде на этаже жил хотя бы один русский. Татарам даже нельзя было занимать один этаж. Это и есть геополитика. Сейчас, когда элементы капитализма вошли в нашу жизнь, обратите внимание на посёлки вокруг Казани. Они все чисто татарские с небольшими вкраплениями. Например, там, где я живу, вся улица татарская, посёлок весь татарский. Сейчас законодательством Российской Федерации позволены такие поселения, с образцами самоуправления. В регионах России тоже можно объявить самоуправление, кроме поселкового совета.

Башкортостан и Татарстан – это отдельная проблема. Ею нужно отдельно заниматься, потому что федеральные геополитики этим занимаются. Если обратить внимание, между Татарстаном и Башкортостаном никаких экономических связей нет. Даже транспортных связей хороших нет. Например, я работал в Управлении образования города Казани. Мы сотрудничали с Нижним Новгородом, Челябинском, Москвой, но с Уфой нет таких связей. Хотя наши города один в один. Даже количество районов, состав населения и численность такие же, проблемы одни те же, но они не

сотрудничают. Я ездил четыре раза в Уфу, склонял тамошнее Управление образования к сотрудничеству. Не по проблеме образования, а просто для того, чтобы была система образования. Они категорически боятся. Не идут на контакт, и нам не удалось эти контакты создать.

В Набережных Челнах должны были открыть башкирскую школу. Была такая проблема, и спрашивали: «Почему у вас в Казани нет башкирских школ?». Я сказал, что у нас официально 70 детей башкир на миллионный город. Как вы представляете себе такую школу? У нас есть воскресная школа для такой концентрации. У вас в Уфе 37% татар. Ситуация совершенно другая. Эту проблему нужно же решать.

Абдулрауф Забиров: (начинает с молитвы). У Ризаэдина Фахреддина есть такое выражение в книгах: «Опирайтесь на свои силы, на свой потенциал». Пора и татарам опираться на свои силы и потенциал. И пусть пока они не очень большие, но свои. Чтобы потом его не давать использовать против нас, против наших татарских проектов. Если позволим использовать против себя, то нашими же руками нас задушат. Мы знаем, что нарастает политическое и культурное давление на Татарстан для того, чтобы татары отказались от возможности иметь собственную цивилизационную самобытность. Миссия и цели – формирование типа личности, ориентированной на достижения других цивилизаций. Наблюдается информационная агрессия Московского Кремля. Важнейшим средством политики некоторых московских чиновников становится информационная война или пропаганда, целью которой является навязывание татарскому народу собственных интерпретаций событий, происходящих в мире, России, исламском и тюркском мире, борьба за переосмысление татарской истории, деформация исторической памяти татарского народа. В частности, памяти борьбы против колонизации исконно татарских земель, попытки пересмотра взглядов на историю Золотой Орды и пост-золотоордынских государств, их роли и места в мировой истории.

Согласен с предыдущим выступающим, мы должны сейчас определиться. Геополитика – это политика и география. Нужно определить свою миссию, свою роль. Кто мы в мире? Какое место мы занимаем среди сыновей Адама и Евы.

Второе: есть исламский мир – 1 млрд 700 млн. В исламском мире какое место мы занимаем? Какая наша роль, миссия, история, наш вклад? Какие свои предложения, месседжи?

Есть многомиллионный тюркский мир. По разным данным до 300 миллионов. Мы знаем, что есть 60 тюркских языков, диалектов. Адам Рахимович Тенишев был специалистом, тюркологом, моим наставником. Вот в этом тюркском мире какое место мы занимаем? Кто нам ближе из многообразного тюркского мира? С кем на данном этапе мы можем сотрудничать, взаимодействовать и реализовывать взаимовыгодные проекты, от которых зависят наше настоящее и будущее? Наше государство именуется Российская Федерация, а мы татары среди всех народов какую роль имеем, с кем нам по пути? Вы приводили пример искусственно образованного региона Оренбургской области, которую вбили как клин между РТ, РБ и тюркским миром. Об этом мы должны говорить честно. А если мы сделаем неправильный анализ? У нас нет ни одного центра стратегического развития, ни одного аналитического центра. В Москве есть 7 центров еврейских, а у нас в Татарстане ни одного. Мы должны правильно проанализировать ситуацию и сами, своими силами, без участия извне, потому что участники привносят свое видение. Этот потенциал, неважно большой или маленький, будет использован в геополитических, антитатарских целях. Мы должны взвесить и оценить по всем параметрам тот потенциал, который Аллах даровал нашей нации. Не надо строить наполеоновских планов, смотреть на мир через розовые очки. А нужно избрать свой путь – путь сохранения и развития нации. Чтобы мы были бы достойными на своей земле. А сейчас колониальная система «иронической империи» дает свои плоды. Глеб Павловский был советником руководителя государства Российского и говорил, что это не государственная система, а система, направленная на укрепление власти. Она очень мощная.

И вот, сегодня мы знаем очень сильные позиции шовинистов, очень сильна, как никогда, позиция РПЦ. И есть их монолог. Они не приемлют диалога. Или с ними, или против них. Понятия «сосуществование» отсутствует. А есть такое понятие – «искусство сосуществования». Или ты

принимая их сторону и взгляды, становишься на их тропу, или тебя сметут, снесут, асфальтным катком раскатают и отправят в архивы истории. Но, несмотря ни на что, мы должны сделать свой выбор. Пока среди татарского народа есть люди, способные мыслить – но мыслящих мало. А среди них есть тот, кто возьмет «калям» и вычертит дорожную карту в этом мире.

Но, конечно, этого не хотят. За нас уже все решили, предлагают готовый вариант – бесплатный сыр в мышеловке. Хотят нас лишить надежды, лишить видения, позиции, своей татарской геополитики. Для татар, от татар, которая в свою очередь будет компасом в нашей жизни. Надежды мы не теряем, альхамдулиллах! У нас все-таки есть союзники.

Если посмотреть, геополитика была, просто такого термина не было. Например, Золотая Орда. Взаимоотношения с Османским государством – разве это не геополитика? А сейчас татар (нашу культуру, наш менталитет) хотят свести к уровню кишлака. И на счет диаспоры: диаспора – это народ, который живет за пределами своей исторической Родины. Татарский народ – автохтонный, живет на своей исторической земле, и, к сожалению, лишен своей настоящей государственности, многих свобод с точки зрения международного права, конституции РФ и РТ. Идет наезд на наш язык, происходит языковой геноцид. Сколько татар во власти в РФ? Сколько средств из бюджета РФ используется на татар? И какое наше слово в решениях международных или внутренних проблем? К сожалению, не слышно. И хотят нас в рамки РТ загнать, поставив колониальную администрацию, сделать свободный народ своими рабами. Цель нашей религии – вывести рабов из рабства, оставив только в рабстве у Господа, вывести из неразвитых религий к справедливому Исламу.

Самым близким союзником и братом для нас является Башкортостан. С точки зрения шариатских наук, у нас «акыда» одна. Мы представители мазхаба Абу-Ханифы, у нас одна судьба. И почему клин вбили? Самая страшная опасность – если мы объединимся, аккумулируем усилия, потому что проблемы все общие. Еще их можно назвать «манкуртизацией» тюркских народов. Язык, культуру, религию теряют как татары, так и башкиры. Объединиться нужно от сердца к сердцу. Для этого есть возможности. Конечно, будут делать все, чтобы этого не было. Но мы должны объединиться! Так мы будем сильнее, иншаллах.

Айрат Файзрахманов: Хотел обратить ваше внимание на то, о чем много говорится в эти дни и годы. Это агломерационное развитие – сосредоточение населения в больших городах. С этой точки зрения активность, в т.ч. политическая, сосредотачивается именно в больших городах. У татар в Татарстане всего лишь два таких города – это Казань и Набережные Челны. И активно маячит, как третий такой город, Москва. Московским татарам нужно помочь стать самостоятельным политическим субъектом. Нужно формировать городскую татарскую культуру, в том числе политическое миропонимание, осознание роли и места татар в этом большом мире и понимание принципов политического развития татар. Что касается других городов, их нужно подтягивать. Но большой надежды, к сожалению, я на них не возлагаю. Активные татары Казани вынуждены нести на своих плечах весь большой татарский мир. Важных инициатив от татар из других регионов ожидать не стоит. У меня пессимистический взгляд на татарскую геополитику. Все взаимодействия, о которых мы говорим (татары и исламский мир, и тюркский мир), должны идти через призму татар Казани, Челнов и Москвы. У Челнов есть хороший потенциал, он был и в 1990-е гг. Мы мало его используем, но там есть активная молодежь, хорошая самоорганизация и в части бизнеса город самостоятельный, мало ориентируется на Казань. Молодежь сама выстраивает там сотрудничество с бизнесом, с другими регионами.

Таким образом, хотел обратить внимание на то, что «жизнь» стекается в большие города и, прежде всего, стоит говорить о городской политической культуре. Точки политической активности находятся в городах, и это не только в России, но и во всем мире. Москва для нас является примером. Там есть независимые депутаты, поднимаются общегородские проблемы, проблемы городского хозяйства. Остальные города и сельские поселения нам необходимо нести на своих плечах. Активности и политической субъектности от них ожидать трудно.

Можно говорить об образовании, об образовании элит и их геополитическом сознании. Должна воспитываться интеллектуальная элита, которая понимает геополитические реалии.

Рустам Курчаков: Во-первых, вернусь к самому понятию геополитики. Нужно исходить из того, что мы вступили в полосу перемен. Перемены по внешнему контуру для нашей страны начались в 2013 г. с кипрского погрома банков. А перемены этого и следующего годы будут затрагивать внутренний контур. Если мы ощущаем и осознаем усиливающийся поток перемен, это заставляет нас пересмотреть понятия. Мы до сих пор говорим на языке прошлой индустриальной эпохи. А понятия постиндустриальной эпохи подвижные, расплывчатые. Господствует постмодерн и дает вместо сути муть. Если мы говорим «татарская геополитика», то стучимся в дверь закрытой камеры, может быть, даже тюремной. Потому что татары – это не субъект политический как минимум лет 500 или даже больше. Будем исходить из действительности. Почему возникает «мескенлану»? Да потому, что татары – это не субъект. Политический субъект не говорит на языке жалоб, не ждет, что кто-то придет и даст. А реализует свои права. Где надо, там проявляет себя жестко. Где возможно, действует мягко. Но реализует свои права. Татарский народ или татарская нация, или РТ с сетью диаспор – что, политический субъект РФ и мира? Поправьте меня, если я не прав. Мы ведем разговор на уровне шестерок. Поэтому отправной точкой давайте возьмем гео-небополитику. Из чего я исхожу: в одной из древнетюркских надписей сказано, что вначале было Вечное Синее небо. Потом – желтая земля. И между ними появились сыны человеческие. Это как раз сказано про тюрков. В этом пространстве у нас есть шанс стать субъектом, потому что наши предки были субъектами и главными героями этого пространства. А когда мы говорим «геополитика», там все уже закрыто и здание уже рушится. Потому что геополитика – это отношения великих держав и государств, непризнанных народов там нет. Нам надо переходить в будущее, в завтра. Будущее – это небополитика. В промежуточном состоянии мы можем реализоваться как гео-небополитики. То есть от Земли не отрываться, но руководствоваться волей Неба. Или волей Всевышнего. В данном контексте это, можно сказать, одно и то же.

То есть в этой системе мы не субъект и нечего там стучаться. Нужно экономить силы и использовать их в другом направлении. И, посмотрев с этой точки зрения на систему, воспринимаемое нами как несчастье, вечные болезни и недостатки, оборачивается достоинствами. Но откуда возникает иллюзия, что можно достучаться и заявить свои права? Система слабеет и разрушается, и возникает иллюзия: а как же там национальная политика? Неграмотные люди, дураки управляют. Неужели мы глупее их? Давайте попробуем им доказать, что мы умные. Но дело не в уме. Человек может быть умнее, но система безжалостная, тупая, опирается на тысячелетнюю инерцию. Она настолько крепка, что даже если дураки и не очень порядочные люди управляют, все равно только откатится, потому что есть инерция.

Второе. Кто может быть жизнеспособным субъектом в потоке перемен? Для китайца перемены – это беда, это проклятие: чтоб твой сын жил в эпоху перемен. Потому что китайская душа – она женская. Достоинство китайской цивилизации в том, что они по-женски, терпеливо и бережно сохраняли и накапливали традиции слой за слоем. И свои, и чужие. Тюрки должны быть китайцам благодарны за то, что пока они скакали на конях, ничего не сохраняли и рассеивали по всей Евразии свои победы и поражения, китайцы все бережно сохранили, по-своему, по-китайски оформили и сделали своим.

Русские, судя по всему, сейчас выдохлись. Никаких идей нет, пережевывают и переживают свое имперское прошлое, которое уже фактически умерло. А из идей, опять-таки, пережевывание советского и антисоветского. Это прошлогодний снег.

Евреи – наши братья по разуму – себе на уме. Потому что у них есть тысячелетний план Соломона. Возможно, они не догадываются, что этот план уже стал легендой. Как есть легенды: «Москва – третий Рим», «Святая Русь». Есть много людей, кто живет и руководствуется этими идеями. Так же и евреи, но я могу только догадываться и предполагать. А в данный момент они не прочь заработать на переменных, на разнице потенциалов, потому что выполняют важную интегративную функцию, чего татарам не хватает. Это как раз предпосылка для тюрко-еврейского союза. Мне кажется, он успешно реализован во многих странах: Турции, Иране в разные исторические эпохи.

То есть, евреи неплохо потрудились в истории Евразии. Это интегративное качество, отделившись от других, негативных качеств, можно дружить и сотрудничать. А тюрко-татары в буквальном переводе «живые», «подвижные». То есть Всевышний создал народ для потока перемен. Здесь они чувствуют себя как рыба в воде, в отличие от китайцев. Они те самые, кто между небом и землей, подвижные и мобильные, в образе «ир-ат» – в мужском восприятии. Они через разрушение конструируют новое. В этом смысле казанские татары – это слабая часть тюркского мира. Казань – самое слабое место. Любая другая региональная группа потенциально сильнее. Потому что тут мужского начала нет, тут татары «обабились». Все потому, что финансовый поток уничтожает мужское начало.

Третье. Теперь о конкретике. Этапы становления субъекта – процесс не простой. Требует времени и усилий. Этот этап партизанский. Речь о том, что не надо стучаться в ту систему. Двери закрыты, никто вас там не признает. Будете в роли шестерки. Уходите во внесистемное пространство, а это партизанское поле. Партизан – это вообще-то участник вооруженного сопротивления на оккупированной территории, пользующийся поддержкой местного населения. В более широком смысле, о котором я говорю, – это активный элемент разложения системы. Если мы посмотрим на процесс разложения нынешней системы, какие элементы увидим? Прежде всего, паразитирующие элементы. Когда организм умер, разлагается и гниет, размножаются черви и различные бактерии. Это как раз чиновничество, силовики. Далее мародёры. Это часть бизнеса. Они и сами себя едят, и доедают остатки бюджетных средств, откаты и т. д. Третий элемент – бюджетники. С одной стороны, они жертвы, а с другой – они все-таки присосались к бюджетным ресурсам. Четвертый элемент – это вольные обыватели. Потребители, которые держатся за возможность, что есть еще потребительская ниша и можно потреблять. А выхода они не видят и не хотят. И вот, казалось бы, партизаны – это небольшая горстка. Но здесь в последние годы обнаружилась еще одна ширма. Думаешь, что это партизаны, а на самом деле – это идейные провокаторы-оппозиционеры. Есть системная, есть внесистемная оппозиция, а еще провокационная оппозиция. Они пишут проекты спасения, воюют с Путиным. Они как местные полицаи, которые используются оккупационной армией для борьбы с партизанами самыми подлыми способами. Эту тему можно долго развивать. Но я говорю про тех, кто между Небом и Землей, но в лесах. В «зеленке». Зеленый – цвет Ислама. А даже инструменты – сетевые. Интернет – это партизанские технологии.

Четвертое – это задачи партизанского этапа: восстановление своей родовой памяти и на этой основе реконструкция исторической памяти. Родовая память – она твоя личная. То, что ты сознательно знаешь о роде, семье, традициях. И то, что бессознательно заложено в твоих генах. Когда говорят, что нужно знать род до 7 колена – нам кажется это легендой. Но я заметил, что народ стал об этом задумываться. Когда восстанавливаешь позвоночник своей родовой памяти, ты можешь уже без ссор и драк с другими народами реконструировать историческую память. В отличие от родовой – это история народа в последнюю очередь государства. А у нас сейчас под историей понимают историю государств. Тему нужно поставить с головы на ноги.

Нужна огромная работа по освобождению сознания от многочисленных пластов социальной лжи. В семьях тоже накапливается ложь и то, что называется кармой. Завалы социальной лжи за последние 30 лет очень возросли.

Далее, осознание себя как народа, а не нации. Нация – это группа, привязанная через армию, классовые отношения, привязанные к определенному куску территории, границам. Осознание себя как народа – это образ тюрко-татар в истории прошлой цивилизации. Там они были самым активным элементом. Всю Евразию оплодотворили тюрки. Китай, Иран, Индию. Они везде побывали. Приходили, устанавливали свой образ жизни, потом исчезали. А потом приходила вторая волна таких же братьев-тюрков и все сметали. Было бы интересно этот механизм этнической самоочистки изучить и заложить в будущее.

Через осмысление этих механизмов открывается просвет и образ будущего. Как устроить власть, связь поколений, чтобы этих ошибок не повторять.

Третье: осознание своего ресурса как народа рассеивания. Здесь нужно учиться у евреев. Надо изучить этот вопрос. В России получится, что одна треть – русские, православные. Мусульман – 20%. А верная логика такая: примерно треть населения России – это славяне, треть – турки и треть – обрусевшие евреи. Это очень грубое деление. На самом деле там 5–6 групп. Здесь звучала тема в смысле они несчастные, на самом деле это рабочий ресурс. Надо брать пример с евреев.

Четвертое: освобождение от оседлого крепостничества. То, что Айрат говорил, мне напоминает Медведева, когда он был президентом. Поскольку ничего не получалось ни с модернизацией, ни с реновациями, кто-то ему подсунул идею, что всю страну не поднимать, а надо взять 20 городов-миллионников. Приподнимем над бездной России. Казань туда войдет, а вот Челны вряд ли.

Недавно я читал книгу. Монголы брали города, а, в крайнем случае, строили свой. Вот они пришли и есть какая-то столица. Они не прельщались этим, просто собирали дань. Города – это необходимый элемент жизни, но жизнь должна быть кочевая. Возвращение к кочевому образу жизни не в смысле хозяйства, а как способ мировосприятия. «Ир-ат» если хотя бы раз в год скачет на коне, то понимает, что есть другой взгляд на мир. Дети и старики не должны жить в городе. Город – это офис, место активной суеты. То есть приезжаешь в город, делаешь свои дела, зарабатываешь деньги, а потом спокойно уезжаешь. Только через природу возможно правильное отношение к жизни. Глубоко верующий человек в городе просто невозможен. Есть, конечно, исключения. Вещи, имеющие отношение к родовой сущности, в городе чахнут. Да, можно сделать сад, цветник, оранжерею в городе. Но зачем, если это можно сделать на природе. Так же и обучение. Хотя бы до 5 класса оно должно быть на лоне природы. А оседлость – это крепостничество – закрепощение геополитикой, налогами. От этого надо уходить, но это не самоцель. Нужно уйти от иллюзий, что можно что-то им доказать. Нужно самим, используя старые традиции и знания, создавать новые уклады и формы социума. Не только хозяйственные, но и культурные. Как Айрат рассказывал, творческая молодежь в городе создает новые уклады жизни. Худо-бедно, но они сами это сделали. Что-то заимствовали, но наполнили своим содержанием.

В будущем будут государства. Какие-то будут умирать, как Венесуэла или, возможно, Украина, какие-то будут накапливать понты, как Китай, какие-то их терять, как США. Татарам не нужно к этому стремиться. А нужно двигаться в сторону общинно-анклавной структуры социума.

Я прочитал, кстати, в одной книге, автора не помню, там между строк я даже увидел этот механизм. Он говорит, что вождем был не Чингиз-хан, а род Чингиз-хана. И если в роду Чингиз-хана какой-то царевич отступал от законов рода, то его можно было подвергнуть самой жестокой казни. Это не значит, что этот способ надо переносить. Я лишь хочу сказать, что в той средневековой среде был найден этот механизм, чтобы современные люди его адаптировали.

Айрат Файзрахманов: Почему я начал говорить про города. У нас есть возможность встроиться в мир городов. И в завтрашнем дне большую роль, возможно, будет играть не государство, а крупные агломерации и транснациональные корпорации. Все больше и больше становится их роль. В этом смысле у татар есть шанс. Выбрав одну мощную агломерацию, мы можем себя проявить, встроиться в структуру. Если осмысливать Европу как пространство от Лиссабона до Владивостока, то здесь роль регионов, агломераций и городов может быть большой. Например, сегодня Шотландия многие свои проблемы решает без оглядки на Лондон, а допустим, напрямую с Брюсселем. И у Татарстана будет возможность выстраивать с миром отношения через большие города.

Не совсем согласен, что татары как политический субъект 500 лет назад умерли. Скорее всего, это произошло в XVIII в. при исчезновении Крымского ханства. Хотя можно еще говорить о Бухаре как о точке татарской истории. Потому что там все-таки татарская династия была.

Рустам Курчаков: Я за, чтобы молодежь участвовала в городских агломерациях и т. д. Просто хочу сказать, что без своей не городской, а природной ландшафтной базы, там будете только в роли шестерок. Энергию для того, чтобы быть рулевым, турки могут черпать только из природы. Это правильно понятая воля Неба.

Абдуррауф Забиров: Мне вспомнились слова Ибн-Халдуна – отца социологии. Он пишет про урбанизацию и асабию. Человек из племени приезжает в какой-то город. Через три поколения он теряет. То есть татарин приехал в Москву. Женится на русской, ребенок полукровка. Ни языка, ни традиций, ни сопричастности к татарской цивилизации. Факт. Мы знаем, что в Москве 90% татар не понимают родного языка.

И вот он приводит такой термин «асабия» – родоплеменная консолидация, особая агломерация. То есть, было племя, был руководитель племени. Например, 400 шатров племени кайа осели в Анатолии. Пришли к тому, что построили мощную империю на территории 25 млн кв. км. Это 400 шатров. Они были татарами. Родоплеменная консолидация. А сейчас у татар нет инструмента сохранения даже одной семьи. Почему арабы в Йемене сильны? Потому что у них племенные отношения. Попробуй ткни кого-то пальцем – мало не покажется.

Евреев 15 миллионов на планете. Но чтобы править планетой этого недостаточно. Есть сионисты, которые создали масонскую организацию. Но они себя изжили. Вы думаете они и дальше будут двигаться? Нет, они дальше не пойдут. Будущее за нами, если мы реально проанализируем свое состояние и отойдем от тех грузов, которые на нас повесили.

Рустам Курчаков: Еще раз хотел подчеркнуть, что стать субъектом могут тюрко-татары, то есть живые татары.

Руслан Айсин: Хотел бы вернуть разговор в политическую плоскость. В свое время Аристотель сказал, что политика является высшим из искусств. И тот, кто ею занимается, является царственным человеком. Так же он сказал, что политика – это высшая сфера человеческого бытия. Тот, кто сознательно из нее выходит, тот либо нравственный деградант, либо сверхчеловек, потому что он может жить вне полиса, вне общности. Из истории древней Греции мы знаем, что «идиотом» называли человека, которого изгоняли из общины. Это был изгой без права голоса, без доли в историческом наследии. Что касается татарской геополитики, мне кажется, что мы забыли важный момент. Федерализм – это наша геополитика. Это внутренняя геополитика, потому что федерация – это объединение. С другой стороны, мы движемся в рамках российского федерализма. И это тоже есть наша геополитика. Мы должны употреблять эти термины вместе. Чтобы они законсервировались в головах людей. На мой взгляд, очень важна тема противостояния мирового кочевья и мирового города. Об этом писал ещё Жак Аттали, который был экономическим советником президента Франции, наполовину мишарина, Франсуа Миттерана. В 1991 г. он написал хорошую книгу, которая называется «Горизонт второго тысячелетия». И он говорит, что будущее – в столкновении мирового кочевья и мирового города. Я думаю, что он уловил чётко некоторые аспекты исторического опыта.

И мы можем стать неким связующим звеном между кочевьем и городом. Но так как у татар есть принципы, политический и исторический опыт сожития и в рамках равнинного устройства, мы, в принципе, можем всё это аккумулировать и возглавить процессы. Но их нужно сформулировать.

Был такой философ – Эвола, который выдвинул концепцию обособленного человека, который живет в ситуации, когда все против него. За счет внутренних резервов он сопротивляется этому. По сути, это сверхчеловек. В то время как Герберт Маркузе выдвинул концепцию одномерного человека. Это манипулируемый, податливый, современный человек, обыватель. Нам нужно создать людей обособленных – это элита, которые смогут людей одномерных образумить. По сути, мы это можем, но встает вопрос об элите. Кто это? Я думаю, что это тоже очень важный вопрос, потому что в масштабе геополитических реалий, в масштабах этнического бытия говорить смогут только те, кто в нравственном и духовном смысле являются обособленными людьми, не соприкасающимися с мерзостью мира.

Я тоже думаю, что можно ввести понятие «геополитика рассеивания» по принципу «галут» – это «рассеивание» на иврите. Нам обязательно нужно изучить этот опыт и применять. У евреев есть одно преимущество, которое мы не можем использовать. Они приспособляются к условиям. Если надо, еврей отречется от отца, от религии. Мы не можем этого. У нас другая система ценностей, мы не умеем так гибко приспособливаться. Был такой Якоб Франк, Денме, крещеные евреи

и т. д. Мы по этому пути пойти не можем, не можем создать крымские анклав. Поэтому вопрос серьезный, но требующий отдельного обсуждения.

Дамир Исхаков: Подведем итоги. Мы обсудили круг вопросов и есть некое зерно. Первый возникший вопрос – это статус татар. Нам нужно обязательно заявить, что мы – коренной народ. В РФ этот термин не очень любят и применяют в основном по отношению к малочисленным народам. А вот мы себя еще так не обозначили. Обозначение приведет к определенным последствиям. Если обозначим хорошо – это будет важная линия в наших стратегических делах.

Второй момент связан с нашей цивилизационной принадлежностью. Мы обсудили со всех сторон, но есть вопрос: находимся ли мы внутри русско-российской цивилизации? Насколько я осведомлен, в основу русско-российской цивилизации закладывается обычно православие. Так как мы не принадлежим в большинстве к православию, мы не можем принадлежать к этой цивилизации напрямую. Мы являемся тюркской ветвью исламской цивилизации. Значит, мы никак не можем быть ниже кого-то, у нас самостоятельное место и это важно. Это должно быть специально обозначено в стратегии. Мы ответственны только перед Аллахом, других богов над нами нет и не может быть.

Возникли еще два интересных вопроса по поводу того, как мы будем предлагать выстраивать дальнейшую татарскую жизнь. Есть сторонники урбанистического подхода. И отказаться от этого мы не можем. Кстати, традиционно татары все время жили в крупных городах. Этот вопрос я специально изучал. А другой момент – больше опираться на природную среду, на проживание вне крупных городов, в общении с природой. Думаю, что данные моменты нужно обдумать, чтобы это потом вошло в стратегию. Возможно, в виде неких наметок по поводу усиления нашего татарского пояса рядом с крупными городами. Фактически, это уже сложилось, поскольку Казань и другие города, где есть посады татарские, они уже формируются. На самом деле это путь к «махалля», потому что в центре города «махалля» можно образовать только виртуально или, экстерриториально только. А вот в другие способы возможны.

И последний возникший вопрос обсуждения не получился пока, но связан с нашей элитой. Каким образом формировать всю систему, опираясь на взгляды элиты? Этот вопрос, видимо, требует отдельного обсуждения. Он пока был только обозначен. Вопрос в том, кого мы можем считать элитой. Например, я не считаю элитой нашу правящую прослойку. Буквально вчера мне задавали вопрос о том, как я отношусь к нашему татарстанскому парламенту. Настолько ничтожного органа я не видел давно. Они же себя считают кем-то, но ими не являются. Поэтому нам надо отделить настоящую элиту от тех, кто пытается ею казаться.

Мы на этом закончим, и я считаю, что некоторый набор идей мы наработали. Отсюда возникает вывод. То, что мы собираемся формировать в качестве стратегического документа, будет сильно отличаться от того, что уже предложено. Это неизбежно.

Заседание прошло 11 июля 2019. Печатается его стенограмма.

* * *

«ЭЧПОЧМАК» ПИШУТ КАК «ТРЕУГОЛЬНИК», НО «ШАУРМУ» ЖЕ НЕ ПЕРЕВОДЯТ! ЭТО И ЕСТЬ БОЯЗНЬ УЧЕНЫХ»

На «круглом столе» «БИЗНЕС Online» эксперты отвечали на вопрос о том, существует ли «татарская наука» и в каком она находится состоянии

«Наука и Стратегия татарского народа: можно ли без научных данных моделировать будущее нации до 2050 года?» – так назывался «круглый стол», который прошел в «БИЗНЕС Online». Готовы ли гуманитарии татарского мира к подготовке стратегии и могут ли быть национальными естественно-научные дисциплины? Гости нашей редакции предлагают пиарить по всему миру научные достижения Татарстана, создать национальный университет и активно разрабатывать необходимую терминологию.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ТАТАРСКАЯ НАУКА»?

Участники «круглого стола»:

Дамир Исхаков – доктор исторических наук, член национального совета «Милли шура».

Искандер Измайлов – доктор исторических наук, профессор, заведомо средневекковой археологии Института археологии АН РТ, заслуженный деятель науки РТ.

Наил Туктамышов – зав. кафедрой высшей математики КГАСУ, доктор педагогических наук, профессор, председатель ассоциации работников татарского национального просвещения и культуры РТ «Магариф».

Рамиль Гарифуллин – доцент Института психологии и образования, кандидат психологических наук, заслуженный работник культуры РТ.

Ильнар Гарифуллин – кандидат исторических наук.

Модератор: Руслан Айсин – политолог, руководитель концептуальной площадки «ТатПолит».

ИСКАНДЕР ИЗМАЙЛОВ: «Я ДУМАЮ, ЧТО ТАКОГО ТЕРМИНА, КАК «ТАТАРСКАЯ НАУКА», НЕТ, КАК НЕТ НИ РУССКОЙ НАУКИ, НИ АНГЛИЙСКОЙ»

Модератор: Буквально вчера я, читая одну книгу, наткнулся на следующее: «В Талмуде написано, что четыре языка хороши, чтобы использовать их: греческий для песни, римский для битвы, сирийский для плача и иврит для разговора». В XVIII в. Фрэнсис Бэкон писал, что на материале самих языков можно делать выводы, достойные самого внимательного наблюдения, суждения о психическом складе и нравах народов, говорящих на этих языках. Значит, язык формирует не только матрицу мировоззрения, но и его коллективную психологию. А в XIX в. француз Этьен Бонно де Кондильяк вторил ему, что все это подтверждает, что каждый язык выражает характер народа, который на нем говорит. То есть, учитывая, что у нас есть и свой психотип, и своя мировоззренческая установка, соответственно, у нас должно быть и свое образование, которое имелось, и своя наука. Исходя из этого, я предлагаю обсудить данные вопросы.

Предлагаю начать с Искандера Леруновича. Первый вопрос: возможна ли в принципе татарская наука, каковы ее отличительные стороны, не будет ли она оторвана от общемировой научной среды? Если она была, то почему стремительно потеряла свои позиции?

Искандер Измайлов: Я думаю, что такого термина, как «татарская наука», нет, как нет ни русской науки, ни английской. Наука – это высокая степень абстракции, она не может быть национальной, как другие виды. Допустим, я могу понять выражение «татарский народный танец», но «татарская история» – это или неправильная терминология, или здесь кроется какая-то филологическая ловушка. То есть татарская наука – это история развития татарского народа? Или под «татарской наукой» имеется в виду тот момент, когда татарин пишет историю? Допустим, если на татарском языке написана история Римской империи, это татарская наука или не татарская? Поэтому я думаю, что это определенная логическая ловушка, вброс для того, чтобы будировать общественное сознание и настроить нас на такой критический лад.

Что касается вопроса, есть ли у татар свой взгляд на мировоззрение, мироустройство, на прошлое, настоящее, будущее? Конечно, есть, как и у всякого другого народа, который осознает свою самостоятельность, свою самодостаточность. Если нет, то должен быть, татарин должен выработать свой взгляд на эти проблемы. Но подобное не ведет к появлению татарской науки, наоборот, нация раскрывается миру, мировой науке, при этом еще и улучшает, укрепляет свою идентичность, свое самосознание – оно становится более глубоким, более фундированным и более концептуальным.

ДАМИР ИСХАКОВ: «ТАТАРЫ ПОСЛЕ 1920-Х ГОДОВ НЕ ИМЕЛИ ВОЗМОЖНОСТИ В ПОЛНУЮ СИЛУ РАБОТАТЬ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ»

Модератор: Я хотел пояснить: когда мы планировали «круглый стол», то имели в виду науку на конкретном языке. На татарском языке говорили в гуманитарной, естественно-научной среде. И вообще, возможен ли в целом татарский взгляд на вещи... Речь идет, прежде всего, о гуманитарном аспекте. Дамир Мавлявиевич, пожалуйста.

Дамир Исхаков: Сегодняшний «круглый стол» возник отчасти в связи с созданием стратегии развития татарского народа, потому что в процессе ее подготовки, хотя я в этом принимаю не такое активное участие, возникла проблема: у нас целый ряд направлений, которые важны при составлении такого стратегического документа, не имеет исследователя, который занимается данной проблемой. Политологии татарской нет, экономической науки нет, философии нет, этнологии тоже кот наплакал, плюс еще ряд других не имеется... Соответственно, возник вопрос: что с нами случилось и как из этой ситуации выйти?

Я частично согласен с тем, что сказал Искандер Лерунович. Наука не может быть ни татарской, ни русской, но гуманитарная наука все равно во многом является национальной, хочешь ты этого или нет. Прежде всего, скажем, язык науки. Сейчас мы находимся в особой ситуации – диссертации по татарской филологии пишутся только на русском языке, поскольку это требование ВАКа. Вариативный аппарат при таком подходе не развивается. Я специально посмотрел историю: до XX в. татары по терминологии, выработанной для научных исследований, обгоняли турок. Мы находились на первом месте среди тюркских народов по научным понятиям и выработанным терминам. Это означает, что у нас наука, прежде всего гуманитарная, была на высоком уровне, сейчас мы эти позиции потеряли. Конечно, возникает вопрос, в связи с чем мы ее потеряли. На него тоже придется дать ответ. А так, думаю, если нет науки языка, то эта наука не может быть подлинно национальной.

Конечно, можно на разных языках разрабатывать понятия, даже татарскую историю написать на русском языке, чем и занимаются в принципе, но некоторые важные вещи при этом будут выпадать, особенно если не упускать из виду, что за научными построениями, концепциями, конкретными исследованиями лежит философская база, она влияет на весь процесс научного осмысления. Если сама философская база не написана на твоём родном языке, значит, она содержит в зародыше некие послы, которые заложены в другом языке. Я очень часто повторяю этот фундаментальный вопрос: невозможно термин «Аллах» перевести термином «Бог», потому что за этими двумя понятиями скрываются разные сущности. Есть историческая практика трактовки данных терминов, и то же самое относится ко многим другим понятиям.

Я как этнолог знаю, что народная культура бытует на родном языке и там имеется много вещей, которые невозможно перевести на другой язык и в которых есть содержание, передаваемое этими паллиативными навыками. Поэтому я думаю, что есть тонкая связь между гуманитарной наукой и родным языком. Если эта связь ослабевает, то национальная наука теряет свои позиции. У нас трагедия случилась отчасти из-за этого: татары, откровенно говоря, после 1920-х гг. никогда не имели возможности в полную силу работать на родном языке. Очень быстро начался процесс русификации, с 1932 г. русский язык начал доминировать, потихоньку он вытеснил татарский язык. И поэтому я как старый ученый могу сказать, что во времена ИЯЛИ, скажем, образца 1980-х гг. некоторые труды еще печатали по-татарски: литературоведы, языковеды печатали целые книги на татарском языке, но уже этнографы предпочитали писать по-русски.

Тогда процесс раздвоился, но сейчас уже, я думаю, процентов 95 научной продукции, связанной с татарским миром, печатается на русском языке. Наша база сужается, и из-за этого мы оказываемся в плохой позиции. На самом деле эта ситуация имеет очень далекие последствия, просто мы не способны ее оценить или не привыкли до конца додумывать, потому что, если мы прекратим работать на родном языке, национальные школы тоже не будут развиваться. Что станут изучать дети, если мы пишем только по-русски? Для школ специально должны переводить то, что мы написали, чтобы дети смогли прочитать на татарском? Здесь есть тонкая связь. Поэтому я считаю, что гуманитарная наука отчасти является национальной, наукой на родном языке. Хотя я не отрицаю, что в целом наука – это мировое явление, там есть свои общие закономерности и связь между разными народами.

ИЛЬНАР ГАРИФУЛЛИН: «ТАТАРСКАЯ НАУКА – ЭТО НАУКА, КОТОРУЮ ДЕЛАЮТ ТАТАРСКИЕ УЧЕНЫЕ»

Модератор: Спасибо! Исследователь Гай Дойчер проводил сравнительные анализы французского, английского языков, где он пришел к выводу, что французы не могут писать философию,

потому что они слишком прочувственны, и привел простые примеры, когда «одухотворенный» не переводится. Есть одно слово «спирит», а во французском языке этих слов много. Он говорит: почему немцы склонны к философии? Исследователь видит это через язык – сложный, четкий, конкретный немецкий язык с четкой, усложненной грамматикой. Он не то что специально разработан, но подточен под философствование.

И Дойчер говорит, что, к примеру, французы больше склонны к творческому, потому что весь их язык насыщенный аспектами, связанными с ощущением природы и так далее. Английский, отмечает он, наиболее рационален, поэтому здесь возникли рациональная философия, либерализм и прочее. То есть этот человек прямо указывает на то, что язык является не просто средством коммуникации, не только средством объяснения, но и конкретно связан с исторической парадигмой. Об этом говорил Гейне, который был учеником Гегеля: немцы способны делать политическую философию, в то время как французы – политическое действие.

Передаем слово Ильнару Гарифуллину, кандидату исторических наук. Что такое, на ваш взгляд, татарская наука?

Ильнар Гарифуллин: Татарская наука – это, по моему мнению, в первую очередь наука, которую делают татарские ученые. Действительно, если естественное направление как-то трудно делить на национальные аспекты, то гуманитарная наука, как правило, национально направленная. В то же время в мире существует французская наука, американская, хотя эти аспекты больше касаются естественных вопросов.

Что касается конкретно татарской науки, то я вижу, что здесь очень много проблем. Когда в начале 1990-х создавалась Академия наук Татарстана, то там были заложены некоторые проблемные вещи, которые именно сейчас дают о себе знать. Те научные силы, которые существовали в Татарстане, – они все из РАНовской системы, то есть входили в Российскую академию наук и перешли под крыло АН РТ из РАН, за исключением небольшой части химиков.

Искандер Измайлов: Нет. Это крупнейшие институты. По количеству людей невозможно сравнить их с ИЯЛИ, где было 500 и 100 человек соответственно.

Ильнар Гарифуллин: По крайней мере, гуманитарные науки, институты все туда перешли.

Искандер Измайлов: Всего один был. Один и перешел.

Ильнар Гарифуллин: В любом случае. Плюс различные нефтяники, ветеринары и так далее. Позднее как минимум один этот гуманитарный институт разделился на несколько частей, поэтому можно сказать, что вся гуманитарная наука – бывшая РАНовская – вошла в систему Академии наук Республики Татарстан. В подобном были свои плюсы и минусы, но на сегодняшний день я вижу, что минусов больше. Если сравнивать ситуацию с соседними республиками, например, с Башкортостаном, откуда я родом, то там, благодаря тому, что сохранилась и РАНовская система и была отдельно создана система Академии наук Республики Башкортостан, это позволило увеличить в физическом объеме количество ученых-гуманитариев, которые занимаются каждым из отдельных направлений. Это первый момент.

Второй момент – подобное усилило конкуренцию между данными структурами и учеными. Если у нас есть какое-то направление в исторической науке, которым занимаются татарские ученые, то по каждому направлению – один-два ученых. В условиях же, когда таких структур много, можно организовать уже несколько исследователей, которые будут между собой конкурировать. У нас, к сожалению, такой конкуренции нет. Здесь еще проблема в том, что многие направления в той же исторической науке, экономике, философии, политологии у нас в действительности отсутствуют, то есть ими никто не занимается. В Татарстане не то, что нет научного центра, который занимался бы политическими вопросами, у нас даже отсутствуют политологи, рассматривающие соответствующие вопросы на научном уровне. Отдельных частных политологов, которые давали бы свои оценки происходящим в Татарстане и России событиям, у нас нет. В то же время в РТ очень большая проблема в том, что здесь не имеется учреждения, которое занималось бы финансово-экономическими вопросами. Допустим, в Уфе существует Институт социально-экономиче-

ских исследований, работающий в РАНовской системе, – там трудятся около 100 человек. Плюс, помимо этого, существует Институт стратегических исследований АН РБ... Построение той же программы «Татарстан-2030» напрямую показало, что в РТ нет экономистов, которые могли бы обрисовать экономическую ситуацию на сегодняшний день и сделать прогноз на социально-экономическое развитие республики в будущем.

Искандер Измайлов: В России есть?

Ильнар Гарифуллин: В РФ есть, в той же РБ программу «Башкортостан-2030» разрабатывали именно местные ученые, грубо говоря никто не привлекал гастрологов.

Искандер Измайлов: Экономическое положение в Башкортостане лучше, чем в Татарстане?

Ильнар Гарифуллин: Дело не в положении, а в анализе и прогнозах. Подобное должны делать местные люди, которые лучше всего представляют местную ситуацию, это очень важно.

И третий момент, к сожалению, негативный. Я тоже вижу: из-за того, что вся гуманитарная наука сконцентрирована внутри АН РТ, в университете ее фактически не осталось, здесь негативно сказываются какие-то внутрикорпоративные интересы и внутрикорпоративные трения... Могу привести пример. Есть у нас Институт татарской энциклопедии, регионоведения, есть Институт истории, и многие направления исследований, которые вели данные гуманитарные учреждения, сейчас открыты, они никем не разрабатываются. Институт истории, допустим, был не только научным, но и идеологическим учреждением, но сейчас идеологией там никто не занимается. Плюс есть этнологическое направление, где остался один этнолог, и так далее и тому подобное.

Я вам обрисовал три ключевые проблемы, которые стоят перед татарской наукой в РТ.

*НАИЛ ТУКТАМЫШОВ: «ДО ЭТОГО АРАБЫ ТАКУЮ ФИЛОСОФИЮ НАВОРОТИЛИ,
ЧТО НЕМЦЫ ДАЖЕ РЯДОМ НЕ СТОЯЛИ»*

Модератор: Спасибо. Как раз вторым вопросом обсудим, как быть и что делать. Хотел бы передать слово Наилю Кадыровичу Туктамышову – заведующему кафедрой высшей математики КГАСУ, председателю ассоциации «Магариф». Это человек, известный тем, что внедрил татарский язык в систему преподавания в строительном университете и на практике показал, что даже вопросы естественно-научного характера вполне себе укладываются в рамки описания татарского языка.

Дамир Исхаков: Извиняюсь, можно я дополню к этой теме?! Однажды мы пытались открыть татарскую школу в Свердловске, министр образования, когда мы уже доказали, что такое учебное заведение нужно, сказал: «А что, математику можно по-татарски преподавать?» У нас была начертательная геометрия, перевод, сделанный Туктамышовым, мы чиновнику на стол бросили, а он сам оказался естественником. Полистал – и его рот как открылся, так и не закрылся. Есть люди, которые даже не понимают, что естественные науки были характерны для мусульман.

Искандер Измайлов: Рашид Яхин по физике и химии написал вузовские учебники на татарском языке...

Модератор: Я сам изучал естественные науки на татарском языке.

Наил Туктамышов: Сначала одну реплику к склонности народов к философии. Конечно, Гегель, Фейербах и прочие философы написали... Но до этого арабы такую философию наворотили, что немцы даже рядом не стояли. Поэтому вопрос о том, что одни народы склонны к философии, другие – к точным наукам, очень скользкий, туманный и очень непроясненный. Это зависит от ситуации, личности, мышления человека, научной школы, психологических возможностей этих людей, ментальности и так далее.

Дамир Исхаков: Тем не менее я считаю, что евреи умнее татар. Можете соглашаться или нет...

Наил Туктамышов: Что касается вопроса о татарской науке, я согласен с той точкой зрения, что наука все-таки интернациональна. Если мы возьмем математику, или физику, или даже историю, конечно, они имеют общую методологию изучения, принципы построения и так далее. Теорема Пифагора хоть на татарском, хоть на русском, хоть на французском... это одно и то же. Но возникает другой вопрос: если наука развивается на каком-то языке, как она может прогрессировать? Вот здесь я с вами согласен: если человек на каком-то языке мыслит, у него есть система образов,

которая сообразна этому языку, этому народу, в соответствии с данной ментальностью, образами появляется предмет исследований, то есть взгляд (в той же математике, физике, истории), отличный, может быть, от точки зрения человека, который владеет другим языком. С этой позиции можно сказать, что язык, народ и нация влияют на развитие науки.

Когда речь идет о естественно-научной, гуманитарной науке, о математике, можно сказать, что все они входят в культуру. В последней есть естественно-научные дисциплины, есть гуманитарные, есть искусство и так далее. Потому это все целостность. Если мы хотим, чтобы народ, язык развивался, то должно развиваться все. Мы не можем, например, преподавать историю только на татарском, а химию или математику – лишь на русском. Так не может быть. Если как пример взять человеческий организм, который в целом не развивается, то получается, что у него рука отсохла, или он хромотает, или вообще ноги нет. Культура включает все эти элементы, поэтому она и должна развиваться в целом.

Если посмотреть мировые тенденции, нужно сказать, что в общем развитие национальных языков, изучение предметов и наук на своем родном языке имеет очень колоссальную тенденцию. Я как математик могу сказать, что на математических конгрессах возникают секции, посвященные этому вопросу. В Утрехте недавно была конференция по математическому образованию, там целый отдел, секция с огромным количеством людей рассматривают вопросы обучения на родных языках: как это связано с основными языками, как способствует развитию личности, профессиональных качеств и так далее. Подобное вызывает огромный интерес!

Модератор: Значит, европейцы этим серьезно обеспокоены?

Наил Туктамышов: Не только европейцы. В Австралии существует целая научная школа, которая изучает языки маори в Новой Зеландии. В Папуа – Новой Гвинее изучают их языки, создают математическую терминологию на их языках, хотя там полно языков.

Модератор: 108 языков.

Наил Туктамышов: Тем не менее, среди них выбрали какой-то один язык и создают математическую терминологию. Это очень важно и актуально, потому что эту часть культуры развивают. Потому на данный вопрос, мне кажется, мы должны целостно смотреть и не различать гуманитарные науки, естественные и так далее.

Если посмотреть на развитие гуманитарных наук, то наблюдается парадоксальная вещь: за все время преподавания в вузах Казани на татарском языке (а в данных учебных заведениях существовали группы с билингвальным обучением или группы по гуманитарным наукам с изучением на татарском языке) только одна гуманитарная работа по философии была написана на татарском, а по математике, физике, химии, сопротивлению материалов, начертательной геометрии и так далее делалось полно работ. Гуманитарии где были? Я даже не припоминаю, чтобы по гуманитарным наукам было что-то написано на татарском языке. Таких работ чрезвычайно мало. Что от чего развивать, неясно. То ли от точных наук к гуманитарным, то ли от гуманитарных к точным. Это очень сложный вопрос.

Сейчас в КГАСУ идут защиты кандидатских диссертаций – сплошь идут выпускники, которые обучались в билингвальных группах.

Модератор: Это показывает эффективность таких групп.

Наил Туктамышов: И защищаются они по строительным темам. Исследования ученых показали, что люди, которые владеют несколькими языками, более способны решать сложные задачи. Обыкновенные стандартные задания они делают одинаково, а вот когда требуется проявить креатив, решать сложные задачи, знание языков помогает.

РАМИЛЬ ГАРИФУЛЛИН: «ГИПНОЗ, ВНУШЕНИЕ ЛУЧШЕ ИДЕТ НА ТАТАРСКОМ:
ЯЗЫК МЯГКИЙ, ХОРОШИЙ»

Модератор: Спасибо за обстоятельный анализ. Я бы передал слово Рамилю Гарифуллину, он доцент КФУ, кандидат психологических наук, многие знакомы с ним по его выступлениям, работам. Ваш анализ был бы интересен, вы глубоко погружаетесь с точки зрения этнопсихологии.

Рамиль Гарифуллин: Мне в целом симпатизирует та канва, которую задал Руслан, что язык является некой основой. Вот мы сейчас сидим, вдумайтесь, как тащит нас язык. Часто у нас нет ничего в голове, а язык тащит. Иногда и душа тащит, но первичность языка бесспорна.

Понятно, что надо начинать с философии, с концептуальных вещей. Как только переходишь к изучению философии, тебе сразу говорят: ты ее не понимаешь, потому что не читал подлинника, потому что не читал Хайдеггера в оригинале, который утверждал, что именно в языке находятся истоки бытия. Он был прав. Чтобы понять глубину философии Хайдеггера, действительно, нужно знать немецкий, тогда до конца поймешь и социалистов. В этом все философы признаются.

Теперь конкретно о татарах. Я всегда по жизни ощущал преимущества татарского языка, например, во время сеанса гипноза. У меня гипноз, внушение лучше идет на татарском: язык мягкий, хороший, буквально говоришь: «Бер, ике, өч, дүрт, биш», – и усыпляет. Иногда во время семейной психотерапии переключаешься на татарский – проблема быстрее решается. Временами, наоборот, переключаешься на русский. Есть такие территории, где лучше использовать татарский язык, но здесь мы говорим о науке.

Для того чтобы ответить на ваш вопрос, нужно взглянуть на истоки, мотивы, подумать о том, почему мы с вами здесь сидим и поднимаем эту тему. Татары вдруг начали формулировать свои проблемы? Мы сами собой внутри недовольны? Или нам дают оценки и мы страдаем комплексом неполноценности?

При этом надо признать, что мы живем в эпоху постмодернизма и потребительства, что сейчас наших прикормленных соотечественников уже трудно завлекать этноподходами. То есть главное – имидж, симулякр, и наука не нужна, за ней не угонишься, тем более она стала транснациональной. Понятно, что часто возникает трудность, связанная с тем, как решать проблему самооценки. Либо формировать симулякры, поднимать имидж: «Мы успокоимся, мы возродимся, мы будем уверены в себе, не надо каким-то образом потрошить наши заслуги». Я был в Греции. Несмотря на то, что у данной страны своя великая история, там занимаются симулякрами, достраивают какие-то вещи: знают, что есть потребность в Платоне... раз – и стоит Платонополис, есть интерес к Аристотелю – пожалуйста, лицо Аристотеля стоит, знают, что есть ценность в Сократе, – и пожалуйста, есть тюрьма Сократа. Еще неизвестно, та ли это тюрьма, уже неважно.

Если говорить о татарской науке, то надо разделять: наука в Татарстане – это одно, а татарская наука – это другое. Вот мы с вами сейчас здесь сидим, ученые мужи, у меня ко всем вопрос: вы татарстанский ученый, татарский ученый или российский ученый? Разберитесь сами в себе. Мне, например, приятно, когда где-то в других регионах мне говорят: «Татарский психолог». Иногда говорят: «Татарстанский психолог». Но мне в том числе нравится, когда меня называют российским психологом. Все мои работы на русском языке, но мечтаю написать фундаментальную работу по психологии на татарском языке для своих соотечественников – и этим я занимаюсь. Хотя у меня есть книга на татарском.

Я горжусь, что вы сидите справа от меня, Наил Кадырович, давно хотел увидеть вас.

Мы развиваемся в контексте российской науки, которая так же на коленях, и еще мы предъявляем претензии к татарской науке. Какой тут! Здесь целая проблема. Российская-то наука не поднимается, потому что у нас нет производства науки. Настоящая наука возможна тогда, когда есть заказы от производства. У нас своего производства нет, мы все время паразитируем на импорте.

Последний тезис про математику. Можно, конечно, защищать диссертацию по математике из сферы дифференциальных уравнений на татарском языке, но язык математики вне языков. Поэтому мне интересно было бы услышать ответ на вопрос, с помощью татарского языка легче говорить в математическом пространстве, и обоснование. Наверняка это так и есть! И подобное здорово! Таким образом, если вы хотите постичь философию Платона, то имейте в виду, что сам греческий язык, который поет, лучше объясняет эти вещи. Я смотрел в подлиннике фильм «Сократ». Это идеология! Она совершенно по-другому воспринимается. Потому необходимо знать современные инструменты, для начала это татнет, Интернет.

ИСКАНДЕР ИЗМАЙЛОВ: «НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО АРХЕОЛОГИИ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ ВОЗМОЖЕН, КОГДА У НАС БУДЕТ 100 МИЛЛИОНОВ ТАТАР»

Искандер Измайлов: Думаю, когда говорим о развитии науки, мы должны понимать, что в рамках России по гуманитарным наукам у нас, на мой взгляд, не аховое положение. Есть, конечно, проблемы современных политологии, социологии, экономики, возможно. Но не сказать, что эти науки развиваются вообще в России. Что, есть какая-то прорывная политология? Единственное, что пишет Институт социологии и политологии, – это то, федерализм не наш путь, что этноэлиты эксплуатируют этнофактор и подобное нужно всячески пресекать... Вот и все ноу-хау российской политологии. Поэтому я считаю, что наука у нас вполне развивается. Не скажу за все науки, но, что касается науки о прошлом, в частности археологии, наш журнал «Поволжская археология» второй по рейтингу.

Рамиль Гарифуллин: Он на татарском языке?

Искандер Измайлов: Нет, на русском.

Рамиль Гарифуллин: Ну это не татарская наука, а наука в Татарстане.

Искандер Измайлов: Дело в том, на кого направлено потребление. Научный журнал по археологии на татарском языке возможен, когда у нас будет 100 млн татар. Тогда это будет иметь смысл. А сейчас какой смысл? В Венгрии, например, научные журналы раньше издавали на немецком языке, а сейчас все сплошь на английском. У них до 1980-х гг. половина статей была на венгерском, сейчас практически все издаются на английском, внутри страны нет потребителя высокотехнологичной гуманитарной продукции.

По археологии можно было бы раскрыть людям просветительские труды, возможности, азы этого знания, пробудить интерес к прошлому, показать, как оно может служить настоящему, будущему. Поэтому наши гуманитарные науки в Казани еще в лучшем положении. Я не считаю, что конкуренция сама по себе дает какой-то кумулятивный эффект, рост. Например, и в Институте истории, и в Институте энциклопедии есть группы, которые занимаются историями сел, но это не дает какого-то кумулятивного эффекта, каждый занимает свою нишу и разрабатывает что-то свое. Хотя у них прямая конкуренция, но это не дает такого результата, какой бы хотелось. Поэтому то, что где-то там в Башкортостане лучше... Но я не вижу, что там что-то лучше. Например, они потеряли все диссертационные советы, а у нас практически по всем советам есть докторские диссертационные советы, у них нет ваковских журналов, а у нас в одном институте два ваковских журнала и так далее. Я думаю, это сравнение очень некорректное. Вы просто не помните, а мы с Дамиром Мавлявиевичем работали в РАНовском институте. И тогда все научные планы утверждались в отделении литературы и языка – там сидел дядька и говорил: «А зачем вам это изучать, а зачем вам то, а зачем вам на татарском языке, допустим, учебник или книга?» Выделялись квоты на публикации и так далее. То есть, когда создалась Академия наук Татарстана, это было счастье отделиться и организовать свое, за подобное поколения ученых боролись!

Дамир Исхаков: Мы думали, что это счастье, а потом оказалось, что не совсем...

Искандер Измайлов: Ну не совсем. В силу того что некоторые руководители думали, что они получили себе в вотчину данную гуманитарную специальность и дальше могут развивать не науку, а свое место в этой самой науке... Но это другое.

Модератор: Все-таки предлагаю перейти ко второму вопросу: готовность гуманитариев татарского мира к подготовке стратегии. Преобладание взгляда в прошлое (мирасизм) и неразвитость исследования современности. Институциональная слабость академической науки Татарстана (нет политологии, развитой социологии, экономической науки, психологии и так далее), ее вторичность и зависимость во многом от федеральных исследовательских центров и школ. Смогут ли в такой ситуации ученые из АН РТ и других научных учреждений республики подготовить стратегию развития татарского народа, нацеленную на «захват» будущего?

Искандер Измайлов: Здесь вообще змея хватает свой хвост. С одной стороны, если нет потребителя на специальную науку, допустим археологию, можем ли мы издавать ее на татарском

языке? Расходятся и покупаются популярные книги. Например, книга Равиля Фахрутдинова на татарском языке «Ташлар моңы» («Мелодия камней») разошлась на ура, ее везде читали. Или книга Усманова «Таинственный балбал»... Хотя она тоже научно-популярная, но про эпиграфические экспедиции, про тюрок, про письменность...

Рамиль Гарифуллин: Традиции просветительства у нас всегда были...

Искандер Измайлов: Вот это нужно в первую очередь развивать, благодаря такому люди идут в науку, к высшему образованию на основе базы своего родного языка.

Рамиль Гарифуллин: Научпоп даже важнее в развитии науки.

Искандер Измайлов: А здесь... Если мы хотим быть сразу открыты миру – это уже вторая задача. Мы можем заниматься наукой внутри небольшого сегмента, а чего же мы тогда говорим, что нам нужны нобелевские лауреаты, свои кремниевые долины? Это невозможно без открытости миру, без взаимодействия. Надо выработать механизмы того, как, сохраняя подпитку татарским языком, работать и за рубежом. Пример того же Рашида Сюняева. Он говорит и даже пишет на татарском языке, но в своем Институте Макса Планка даже на русском не будет писать, потому что там у него совсем другие цели и задачи – ученый ориентирован на международное сообщество. У нас сейчас даже, возможно, не на русском нужно отрабатывать, а на билингвальном, трилингвальном принципе, чтобы у нас одновременно был и сегмент, который перешагивал бы через российскую науку и напрямую апеллировал к зарубежной. Возможно, это способ сохранения татарского языка, в том числе как научного.

Модератор: Татарский национальный университет как-то может способствовать этому?

Искандер Измайлов: Обязательно! Без него законченного образования на татарском не будет и не появится стимула развивать данный язык. Не будет стимула развивать высшее образование на татарском языке.

Я считаю, что для того, чтобы двинуть эту машину, не просто даже вуз сам по себе, необходимо создать очень сложные информационные системы – порталы. Мы должны заполнить национальным контентом как на русском, так и на татарском языке весь Интернет. На татарском – внутрь, а на русском отвечать на вызовы. Мы должны отбрыкиваться от всяких наветов, от антинаучных теорий, мифологем, которые нам навязывают, мы и там тоже должны вести дискуссию и бороться с навязанными теориями, иначе будем как рак-отшельник, который потерял свою раковину. Мы должны сопротивляться давлению, наука в том числе и из этого состоит, она выполняет и охранительную функцию, должна создавать эту идентичность и защищать ее.

ДАМИР ИСХАКОВ: «ТАТАРЫ ВЫСТАВИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТРЕБОВАНИЕ»

Модератор: Дамир Мавлявиевич, слово вам. Что необходимо сделать, чтобы вернуть татарскому языку статус научного?

Дамир Исхаков: Для начала я хотел бы сделать одно наблюдение. Я все время думал, зачем Фаизханов, Марджани и другие (целая когорта) старались – историю писали. Сейчас думаю, что ученые делали это для того, чтобы потом татары понимали, что они исторический народ, чтобы через размышление пришли к выводу, что неплохо было бы восстановить некое целостное государственное образование, которое когда-то было, то есть переваривали бы такое сознание через эти труды. В конце концов, татары созрели, они выставили политическое требование создать федеральную структуру, республику и так далее. Если бы этих трудов не существовало, у них и мыслей бы таких не было. Гуманитарная наука вообще-то нацелена на определенный результат, и его можно достичь по-разному, но наилучший способ – на родном языке. Когда об этом речь заходит, современному татарскому ученому очень трудно объяснить то, что я говорю, потому что 95 процентов пишут по-русски, они привыкли к такой деятельности.

Я недавно написал работу по татарским дастанам и еще в процессе выбора языка задумался, на каком писать. Конечно, если бы я написал на русском, то читателей у меня было бы больше. Но, когда я пишу по-татарски, глубже могу передать содержание, потому что сам эпос на татарском языке. Там есть такие вещи, которые перевести невозможно. Паллиативный аппарат, который

сложился в Средневековье, требует такого языка, который объясняет во всех деталях то, что там заложено. По-русски это передать бывает сложно, поэтому сам предмет требует родного языка.

Здесь заходила речь, но не было до конца сказано: Наил Кадырович правильно отметил, что у нас только один философ нашелся – Гиззатов. Но проблема в том, что у нас была своя философская школа. Она была именно богословской. Но после того, как эти слова вместе с религией исключили из языка, философии тоже не стало. Понятно, что наши татары в советский период могли заниматься марксистской философией, но они всегда уступали бы немцам, которые сделали это давно, то есть здесь возникает вторичность. Оригинальность мышления во многом основывается и на языке тоже. Поэтому родной язык позволяет встроиться в мировое сообщество с оригинальным взглядом, без этого и смысла нет, потому что здесь зашла речь о том, что многие шведы и так далее говорят сейчас по-английски. Старшее поколение уже не понимает молодых шведов, которые напичканы английским языком, но это же конец шведов. Если все будут говорить по-английски, то, что останется от шведского? Не знаю.

Но я для татар не хотел бы такого результата. В научном плане язык должен использоваться, причем не только историками или лингвистами, но и в других направлениях. Я допускаю, что в естественных науках может преобладать английский, особенно в будущем, но в гуманитарных науках – это не наш путь, нам надо развивать свою научную базу на собственных понятиях. Гуманитарное направление должно быть сохранено. Это трудная работа, я согласен с предыдущим высказыванием. Если мы не достроим верхний уровень образовательной системы – университет, то нам, наверное, не удастся подобного сделать. Поэтому мы должны биться за верхний уровень, чтобы взаимоувязать все эти существующие у нас направления, чтобы татарский язык функционировал полноценно.

Думаю, что и для математики татарский язык будет не плох, потому что он имеет свою специфику, очень такой интересный язык, несмотря на то что формульная база там полностью международная. Во всяком случае, я сейчас в журнале «Туган жир» печатаю одну философскую работу о бессмертии души – и на татарском языке это очень интересно получается. Данная паллиативная система на родном языке позволяет немножко по-другому развиваться.

ИЛЬНАР ГАРИФУЛЛИН: «У МЕНЯ БЫЛИ СМУТНЫЕ НАДЕЖДЫ, ЧТО ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК ВЕРНУТ В ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКИЙ АСПЕКТ»

Модератор: Одна из опасностей, которые мы видим, – это деградация языка. Мы фактически говорим и пишем на русско-татарском, это деградация суржика, дальнейшая деградация приведет к потере научного языка. Просто он не сможет развиваться. Я долгое время занимался Персией, там они сохранили именно персидскую науку, то есть персидский взгляд на философию, у них есть и математика, и медицина. Они через философию заходят.

Ильнар Гарифуллин: Я считаю, что нужно признать очевидные вещи: язык, в том числе и в научной среде, может существовать только в том случае, если для этого есть своя ниша либо, грубо говоря, сообщество, которое будет транслировать научные познания на данном языке.

У меня лично были смутные надежды, что мы татарский язык все-таки сможем вернуть в философско-богословский формат через Болгарскую исламскую академию, потому что, когда ее организовывали, были разговоры о том, что татарский станет одним из рабочих языков этого учебного заведения, но, к сожалению, после его создания выяснилось, что татарскому языку там никакой роли отводиться не будет, потому что даже эти смутные надежды в итоге исчезли. То есть вернуть татарский язык в науку даже в таком философско-богословском формате, о котором говорил Дамир Мавлявиевич (то, что у нас было уже в XIX в.), мы через БИА не смогли, потому что для этого нет ниши.

Естественно, единственная ниша на сегодняшний день – это то, о чем мы говорим... возрождение татарского национального университета. Может, кто-то другой еще в состоянии писать научные труды на татарском языке, но я, как и большинство ученых, этим уже не занимаюсь, потому что нужна база и не только, а самое главное – мы должны понимать, для чего мы все это пишем.

Если я как историк пишу труд на татарском языке о татарской истории, то должен понимать, где его буду применять и для чего. Я эти знания не смогу применить ни для написания кандидатской, ни для докторской диссертации, потому что у нас все диссертации защищаются на русском языке. Плюс у нас практически не осталось ваковских журналов, где мы могли бы писать статьи на татарском языке. То есть на уровне научных журналов татарского языка уже практически нет.

Искандер Измайлов: В журнале «Филология и культура» публикуются татарские статьи с ревьюе и принимаются при защите.

Ильнар Гарифуллин: Но это скорее исключение, сохраняющееся ради какого-то принципа. Ниша узкая, конкретной практической необходимости писать на татарском языке, даже в этом случае, нет. Если ученый и пишет на татарском языке, то исключительно из личных предпочтений или внутренних убеждений.

Плюс второй момент. Искандер Лерунович говорил, что в Татарстане имеется направление по исторической науке, где мы впереди, – это да. Исследование Золотой Орды, археология – это все есть. В то же время вы сами говорили, что мы должны защищаться, отбрыкиваться. Но, к сожалению, по многим вещам, по которым идет накат на нас, на татар как на нацию и в политическом смысле, и в идеологическом, мы ответить не можем, потому что у нас нет экспертов, нет ученых, которые работали бы в этой сфере. Для примера возьмем то направление, которое вы очень сильно критикуете, – этногенетические исследования в истории. Например, со стороны московских биологов, башкирских генетиков постоянно идет накат, что татары – это не единая нация, что это какой-то субстрат из разных народов. В качестве доказательства данные ученые приводят результаты своих неких генетических исследований. На эти домыслы надо бы ответить именно на научном языке, на языке этногенетики, но мы не можем, потому что в Татарстане нет ни одного человека, который работал бы в научном учреждении и занимался вопросами этногенетики на профессиональном уровне.

Дамир Исхаков: Это специально делается.

Ильнар Гарифуллин: Да, есть энтузиасты, я даже знаю двух таких людей, но им нет места в нашей научной среде – ни в университете, ни в Институте истории, ни в Институте археологии.

Искандер Измайлов: Может, они не профессионалы?

Ильнар Гарифуллин: Они профессионалы, пишут диссертации, давно занимаются историей, для подтверждения своих научных теорий используют в том числе и генетические исследования, но им нет места в наших научных учреждениях. В Башкортостане есть два человека, которые целенаправленно занимаются этим, работают и с московскими биологами.

Искандер Измайлов: Это псевдонаука.

Ильнар Гарифуллин: Возможно, псевдонаука, но сейчас она используется в идеологическом плане, и ответить им на этом языке мы, к сожалению, не можем.

Что касается других направлений (идеологических, политических), я в начале нашего разговора отмечал, что у нас нет политологов, научных учреждений, где можно было бы вести дискуссии на тему федерализма, будущего татарской нации и так далее. Да, сегодня сказали, что в России политология пребывает в упадническом настроении, что эти научные учреждения штампуют заказы сверху, но в то же время мы как нация, как Республика Татарстан тоже могли бы через политологов, если бы те были, давать заказ на то, чтобы они продолжали конструирование дискуссий по федерализму, вносили в общественное пространство нашу позицию о том, что Россия либо может существовать только в рамках федерализма, либо перестанет существовать как государство. Это я говорю, как пример.

НАИЛ ТУКТАМЫШОВ: «МЫ ДОЛЖНЫ ПИАРИТЬ САМИХ СЕБЯ»

Модератор: Спасибо, мысль понятна, Наил Кадырович, вам слово.

Наил Туктамышов: Я целиком вас поддерживаю в том смысле, что наука, конечно, должна развиваться и на родном языке, любая наука – все науки, если хотите. И для этого должна создаваться база. Выпущено много серьезных терминологических словарей как по математике, так и по

физике, есть политехнические словари. Я думаю, такая база создается для того, чтобы в дальнейшем данное дело продвигать.

И я согласен с мыслью о том, что мы не можем войти как вторичный продукт, мы не должны быть догоняющими, а должны войти со своими идеями. Есть ли такие возможности? История татарского народа, наверное, плохо изучена, она во многом искажена, тут, вероятно, полно возможностей показать свою точку зрения. Но и в других науках есть такая возможность. Для примера: изучались народы Полинезии, у них та же математика, но совершенно другая. Если мы берем систему координат, где точки пересечения – это я, оказывается, «я живу, я существую» – это европоцентристская модель. У народов Полинезии два начала координат: я и ты, мы одинаковые, не от меня идет, а от нас двоих. И это можно обосновать математически, ввести такую систему координат и получить другие уравнения. Они строго обоснованы, там все нормально, но это другие подходы, другие идеи.

Любой язык, любой народ может породить новую тему, способен породить оригинальную тему. Этим нужно заниматься, и данная тема обязательно появится. И терминологическая основа создается. Вопрос стоит так: хорошо, мы что-то сделали, написали, но нас мало, как сделать так, чтобы нас признали? Для этого нам надо все-таки выучить английский язык. Никуда не денешься, такова реальность. Мы должны пиарить самих себя.

И потом, если мы хотим, чтобы наука развивалась, нужно иметь в виду: это не просто люди, которые ее создают, она имеет глубокие корни в самом народе. Поэтому здесь должна быть построена такая глубокая эшелонированная система, надо создать соответствующие стимулы – школы, гимназии, колледжи и так далее, потом искусство. Все это должно подпитывать научную часть, на вершину необходимо поставить университет. Но не только университет – должны создаваться различные общества, культурные центры на татарском языке по пропаганде научных знаний и прочее. И главное – они должны финансироваться, данный вопрос здесь один из самых важных. Даже если мы создадим национальный университет, но оставим для преподавательского состава такие же ставки, что существуют сейчас, то туда никто не пойдет, я вам гарантирую. Поэтому если национальный университет создается, то среди учредителей должно быть не только государство, но и частные лица. Если будут соответствующие ставки, то можно приглашать выдающихся людей. Только приглашая таковых, можно поднять науку. А этим людям надо платить.

Модератор: Государственно-частное партнерство?

Наил Туктамышов: Нельзя, чтобы профессор получал 50 тыс. Никто туда за 50 тыс. рублей работать не пойдет, я прагматично говорю, практично.

Рамиль Гарифуллин: Надо смотреть на ту реальность, в которой мы находимся. А у нас реальность одна – постмодернистская. Поэтому мы согласны с тем, что живем в эпоху постмодернизма. Это реальность, мы должны принять, что университет как какая-то опора постепенно меняет свою сущность, он превращается в нечто. Подобное уже и французские постмодернисты обрисовали. Это тенденция, когда, по сути, идет извращение учебных заведений и манипулирование такими понятиями, как университет.

Нам необходимо признать – развивается Интернет. Я отслеживаю тенденции в татнете, в татарской «Википедии». Все развивается очень скромно, очень медленно – динамика мне не нравится. Я сам занимался тем, что писал статьи в «Википедии», и знаю, как тяжело в русской «Википедии» продвигаются заметки о регионах, татарах. Только сейчас это постепенно начало развиваться. Поэтому с точки зрения развития первое – надо усиливать Интернет-пространство, представленность. Второе – формировать имидж, чтобы ценность татар основывалась именно на том, что появляется большая потребность прочитать подлинник, в том числе прошлых трудов и настоящих. То есть должны появиться интересные прогрессивные авторы, которые актуальны, но написано должно быть на татарском языке. Хочешь познать глубоко, читай, изучай татарский – будешь познавать. Есть два сектора – возродить то, что нами, татарами, было написано в

просветительстве, но одновременно можно работать и над тем, чтобы мы открыли то, что еще не открыто. И мне интересно было бы узнать, каким образом татарский язык мог бы быть использован как инструмент для познания каких-то вещей, с которыми познакомиться легче именно с помощью татарского языка. Хочешь, например, познать кулинарное искусство, почитай труды Ахметзянова на татарском, а если ознакомишься с ними на русском, то у тебя блюдо не получится. К примеру. Это я шучу, конечно.

Но мне хочется отметить другую сложность – психологического барьера абитуриентов. Я считаю, что это серьезная проблема, которая является критерием температуры того, что происходит. Появляются первые выпускники татарских школ – они умные, талантливые, но сдают экзамены на русском языке, им приходится входить в эту среду... И что с ними будет? А там ведь очень много самородков, талантливых детей. Они тоже хотят познавать и естественные науки, и гуманитарные науки на татарском.

«АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАЧАЛЬНИК ПОДЧИНЕННОГО СТАРАЛСЯ РУГАТЬ ПО-РУССКИ, А ХВАЛИЛ ПО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИ»

Дамир Исхаков: Татары быстро еще не исчезнут. Расскажу одну кулинарную историю. Моя бабушка спрашивала маму, которая готовила тесто: «Все ли ты положила?» Мама говорила: «Все». «А Бисмилла сказала?» – «Нет». – «Тесто, значит, у тебя не удастся». Потом я у биолога, который занимается окислительными процессами, спрашивал – оказывается, молитва может повлиять на качество теста.

Рамиль Гарифуллин: Она еще на динамику рук повлияла, поэтому тесто получилось другим.

Модератор: Есть известный японский фильм «Вода»: там показано, как меняется структура воды, когда произносят молитву. Если на нее накричать, то структура воды принимает совсем другой вид.

Рамиль Гарифуллин: Как раз созвучно скажу: я исследовал феномен мата – и оказалось, что мат оказывает психотерапевтический эффект. Когда человек кроет матом, он облегчает свое состояние. К сожалению, ему иногда помогает не молитва, а мат. У меня есть исследования про так называемый транснациональный феномен: если крыть матом на греческом или немецком, то это разные ощущения. Многие люди в качестве психотерапии применяют мат различных народов мира. Это тоже очень интересная вещь.

Дамир Исхаков: Есть такое социологическое исследование по азербайджанцам, оно опубликовано: азербайджанский начальник подчиненного старался ругать по-русски, а хвалил по-азербайджански. Что-то в этом есть, видимо.

Хочу добавить концептуально по языковому основанию доктринальных документов. Когда мы разрабатывали стратегические документы, возник целый ряд проблем, в том числе связанных с нашими научными достижениями и паллиативным аппаратом. Это требует специального обсуждения. Каким образом наш язык, который мы используем, выдает подлинный уровень наших достижений? Потому что стратегический документ показывает, что мы не смогли подняться туда, куда надо.

Искандер Измайлов: Для этого терминологию нужно развивать, а для того, чтобы это делать, необходимо, чтобы были базовые термины. ИЯЛИ должен разрабатывать терминологию, а не писать в татарско-русский словарь: трактор – трактор, индустриализация – индустриализация. Должна быть терминология. И в энциклопедии должны быть не описательные статьи, а терминология. Или, например, «эчпочмак» пишут как «треугольник», по-русски так, но «шаурму» или «хинкали» никто не переводит! Это и есть боязнь многих ученых и целых научных направлений, школ, которые должны подобным заниматься. Какая терминология? Сначала нужно культуру возвести.

Гульназ Бадретдин

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/432163>,

21 июля 2019.

«УФА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ОДНИМ ИЗ ЦЕНТРОВ ТАТАРСКОГО МИРА»

«Можно долго и много клясться друг другу в верности, говорить о том, что Татарстан и Башкортостан братья навек, но решительного сдвига без сильной инфраструктуры не произойдет», – считает Айрат Файзрахманов. Автор «БИЗНЕС Online» призывает руководство Татарстана и ВКТ оказывать большую поддержку татарам Уфы. Если Казань выкупит дом Султановой-Акчуриной, который мэрия Уфы выставила на продажу, то он мог бы стать центром татарской жизни в столице РБ, консолидировав татарские сообщества.

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТАТАРСТАНСКО-БАШКОРТОСТАНСКИХ СВЯЗЕЙ КАК ОПАСНОГО ДЛЯ РОССИИ ЯВЛЕНИЯ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ШОВИНИЗМ»

Принято считать, что Улус Джучи, как и некогда Тюркский каганат, делился на два крыла – Белую и Синюю Орду, Западную и Восточную часть. В России единое пространство между Волгой и Уралом, словно имея генетическую память, снова обрело два крыла – теперь это Татарстан и Башкортостан. Да, возможно, размах уже не тот, но без этих крыльев двухглавому орлу парить точно не получится. Ослабить эти крылья, заставить махать их в разные стороны – непозволительная роскошь для сегодняшней России.

Поэтому любые слова о росте товарооборота между Татарстаном и Башкортостаном в два раза, о тесных экономических связях, о синхронизации программ развития – это не прихоть татар и башкир, это жизненная необходимость для всей страны. Здесь и вопросы создания межрегиональных кластеров в сфере нефтехимии и машиностроения, агропромышленной и строительной кооперации, совместное формирование экспортных цепочек, усиление транспортного сообщения. Тесная экономическая кооперация двух республик способна дать стагнирующей экономике страны необходимый элемент роста. Дугинское определение татарстанско-башкортостанских связей как опасного для России явления – это не только шовинизм, но и большие экономические убытки, неиспользованные возможности и геополитические риски дезинтеграции дружественного Казахстана и России.

Пока же мы видим, что даже в Стратегии пространственного развития России Татарстан и Башкортостан включены в разные макрорегионы: в Волго-Камский и Волго-Уральский соответственно. Нижний Новгород и Казань на одной оси, а вот Уфа с Нефтекамском и Казань с Альметьевском – почему-то на разной оси регионов. То есть в головах экономических стратегов Татарстан и Башкортостан должны кооперироваться с регионами, с которыми они даже не имеют общей границы (например, Волго-Уральский макрорегион помимо Башкортостана включает в себя Пензенскую область), а вот похожим друг на друга республикам нужно вести жизнь порознь. Стратегия пространственного развития в дальнейшем проецируется и на другие экономические документы, на транспортное планирование. При этом Министерство экономики не представило публике экономических расчетов нового пространственного развития.

Есть еще и «кудринские агломерации», вопрос о которых поднимался не так давно. Они предполагают создание единого экономического пространства между Казанью и Самарой, но при этом Кудрин не считает необходимым увязывать, например, Альметьевскую и Камскую агломерации (Набережные Челны, Елабуга, Заинск, Нижнекамск) с Уфой. Заметим, в соответствии с этим планом Уфа и вовсе оказывается вне рамок кудринских мегаагломераций. Между тем Башкортостан, Челябинская и Свердловская области уже заявили о создании совместного уральского промышленного кластера.

«СПРЯМЛЯЮЩАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ВЕТКА КАЗАНЬ – НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ – УФА УСКОРИЛА БЫ ПОТОК ТОВАРОВ ИЗ КИТАЯ В МОСКВУ И ЕВРОПУ»

Нужно учитывать и тот факт, что Казань и Уфа плохо связаны железнодорожным транспортом, по существу их железнодорожные ветки относятся к двум разным широтным коридорам. Это силь-

но сковывает не только межреспубликанские экономические связи, но и сказывается на международной торговле. Исследование, проведенное коллегами в ЦСИ «Платформа XXI» говорит о том, что спрямляющая железнодорожная ветка Казань – Набережные Челны – Уфа ускорила бы поток товаров из Китая в Москву и Европу по железнодорожному Шелковому пути. Авторы приводят в пример кейс Казахстана: «[Данный опыт] является одновременно и неотъемлемым звеном трансевразийского коридора, и примером по удачному встраиванию в конъюнктуру мировой торговли с учетом выгоды своего экономико-географического положения. С 2011 г. Казахстан потратил более 1,1 трлн тенге (\$3,2 млрд) на модернизацию своих железнодорожных линий и подвижного состава. Между 2013 и 2016 гг. грузовые перевозки выросли пятикратно». Конечно, экономический эффект еще нужно подсчитать, но пример Казахстана здесь показателен.

Прямой железнодорожный коридор между Уфой, Челнами и Казанью имеет важное геостратегическое значение для Российской Федерации, эта важнейшая евразийская ось позволила бы лучше интегрироваться казахстанской и российской экономике. Кстати, планам по преодолению этого железнодорожного дисбаланса уже почти 80 лет. Дополнительный импульс получила бы инициатива по созданию Уральского промышленного кластера. В такой железнодорожной ветке могло быть заинтересовано как минимум пять субъектов Российской Федерации, которые могли бы выступить с совместной инициативой.

«С ЭТОГО МОГЛА БЫ НАЧАТЬСЯ НОВАЯ СТРАНИЦА В СОХРАНЕНИИ ТАТАРО-БАШКИРСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ УФЫ»

Конечно, можно долго и много клясться друг другу в верности, говорить о том, что Татарстан и Башкортостан братья навек, но решительного сдвига без сильной инфраструктуры взаимодействия не произойдет. Благо уже анонсировано открытие представительства Башкортостана в Татарстане. Через активную работу представительств мы будем лучше знать друг о друге. Так, турецкое и иранское консульства присутствуют в публичной жизни столицы Татарстана, чувствуется и наличие китайского и казахского консульств. Было бы отрадно, если Башкортостан смог бы догнать их, тем более межрегиональное взаимодействие, проявление мягкой силы регионов не связаны с дипломатическими ограничениями. Казани, Татарстану не хватает представленности башкирской культуры, чей язык, символы хорошо понятны каждому татарину. Проходящий на ура совместный фестиваль татаро-башкирской эстрады – тому свидетельство. Почти под боком роскошная природа Башкортостана, развитая туристическая инфраструктура. Предполагаю, что пока татарстанцы просто мало информированы об этих рекреационных возможностях соседа.

Вслед за диким туризмом непременно потянется и туризм деловой, а с ним – кооперация малого и среднего бизнеса. И в Казани, и в Уфе малый бизнес очень амбициозный, то новое, что появляется в одной столице, хорошо «заходит» и в другой. Не говоря уже о кооперации между «пограничными» районами (при условии, если райцентры связаны между собой хорошими дорогами): в этом случае складывается высокая интеграция капиталов и трудовых ресурсов. Известно, что юго-восток Татарстана любит ездить за покупками в башкирский Октябрьский, а бавлинцы и урусинцы вовсе предпочитают проводить досуг в этом городе чуть ли не в ежедневном режиме.

В этом ключе нужно и усиление существующего представительства Татарстана в Уфе. Несмотря на то, что татарстанское полпредство в последнее время оживилось, ресурсами в три-четыре человека вряд ли можно вести большой фронт работы. Кроме того, на весенней встрече с Президентом РТ Рцстамом Миннихановым и председателем «Милли шура» Василем Шайхразиевым также прозвучал запрос на появление полноценного отделения конгресса татар в Уфе. В тот момент предложение уфимского профессора Касима Юсупова о необходимости открытия филиала ВКТ было встречено участниками встречи бурными аплодисментами. К тому же есть пул татарских организаций: «Ак калфак», активная молодежь, татарские краеведы и градозащитники, дискуссионный клуб им. Акчуриной, национально-просветительский центр «Рамазан», татарское общество при мечети «Ихлас», действует региональная национально-культурная автономия, есть активные меценаты. Практически все они ютятся в съемных офисах. Например, дискуссионный

клуб им. Султановой-Акчуриной проводит свои мероприятия, арендуя те или иные залы, так сказать, вскладчину. Постоянного офиса или места для встреч участников этого клуба, куда входят не только общественники, но и видные республиканские ученые и предприниматели, бизнесмены, нет. Например, завсегдаем клуба является народный артист Татарстана и Башкортостана, заслуженный артист РФ Идрис Газиев.

Есть кроме этого и академическое сообщество, татарские филологи, создан Институт Каюма Насыри, который мог бы взять на себя роль и интеллектуального центра. Спорные вопросы предстоящей переписи, проблему интерпретации истории края можно было решать, создав согласительную комиссию, состоящую из уфимских и казанских ученых, в международной практике имеются подобные успешные примеры.

Иногда татарам Татарстана элементарно не хватает информации о татарской жизни Уфы, мы оказываемся плохо осведомлены о деятельности татарских организаций, о состоянии исторического наследия, о тех вопросах, которые волнуют уфимских татар. Нет широкой сети корреспондентов, а в уфимских сюжетах корреспондентского пункта «ТНВ» превалирует тематика сабантуев. Безусловно, здесь нужна консолидация медийного ресурса, свой пул экспертов, публицистов, блогеров. И эта функция тоже могла бы быть сконцентрирована под крышей одного центра.

Где бы мог появиться подобный центр? Так сложилось, что на одной улице с резиденцией главы Башкортостана сохранился дом татарской просветительницы Марьям Султановой-Акчуриной – создательницы первого в России женского благотворительного общества. «БИЗНЕС Online» писал, что мэрия Уфы изымает у собственников данное здание. Татарстан мог бы выкупить двухэтажное кирпичное строение и открыть в нем такой центр. Полпредство Татарстана и другие татарские организации перестали бы ютиться в съемных офисных комнатах. Дом с богатой историей (на нем сохранился даже вензель с инициалами Султановой) вполне мог бы стать таким центром татарской жизни в Уфе, консолидировав татарские сообщества города. Кстати, буквально месяц назад на деньги известного мецената Камиля Аблязова здесь была установлена памятная табличка. Вполне возможно, что с этого могла бы начаться новая страница в сохранении татаро-башкирского архитектурного и исторического наследия Уфы: комплекса Третьей соборной мечети, дома имама Сатаева, мусульманского кладбища, дома просветителя и основателя медресе «Галия» Зия Камали, здания, в котором какое-то время жил Дардменд, и т. д.

«К СОЖАЛЕНИЮ, УФА ПЕРЕСТАЛА РАССМАТРИВАТЬСЯ В КАЧЕСТВЕ ОДНОГО ИЗ ЦЕНТРОВ ТАТАРСКОГО МИРА»

Примеры есть. Татарстан решил взять на себя финансирование столичного дома Асадуллаева, хотя Уфа не менее важна, чем Москва. Еще пример: полномочное представительство Татарстана в Свердловской области расположено в памятнике архитектуры – особняке купцов Агафуровых в Татарской слободе Екатеринбурга. В области татар меньше в 7–8 раз, чем в Башкортостане, но они смогли, изыскав средства, начать восстановление находящегося рядом исторического здания татаро-башкирского театра (татары и башкиры старались держаться вместе), на очереди – возведение сквера Агафуровых. В общем, должно получиться небольшое татарское или даже татаро-башкирское пространство на территории исторической слободы столицы Урала. Если бы к решению этой задачи, а также к многолетней проблеме строительства соборной мечети в Екатеринбурге смог бы подключиться административный ресурс Татарстана и Башкортостана, то это была бы отличная возможность продемонстрировать дружбу и кооперацию наших народов. Российские цари некогда поощряли строительство мечетей в Приуралье, миграцию сюда башкирских и татарских поданных, чтобы закрепить за собой евразийское пространство, но теперь эта политика почему-то не работает. Даже возвращение наследия идет очень туго (но идет), не говоря уже о новых зданиях и территориях присутствия.

К сожалению, Уфа перестала рассматриваться в качестве одного из центров татарского мира, хотя для этого есть не только историческая основа, но и люди. Самое же главное – у миллиона татар Башкортостана и Уфы скопилось большое количество проблем, которые ждут своего решения:

это и преподавание в школах родного татарского языка, создание татарской гимназии, реабилитация статуса языка, исчезающее историческое наследие, состояние коллективной памяти, давно назрел вопрос проведения съезда татарских организаций Башкортостана. Местным татарам пока не хватает сильного партнера, центра мягкой силы, который смог бы консолидировать разную татарскую общественность региона, тесно взаимодействуя при этом с властями Башкортостана. Уверен, укрепление «татарского фактора» в братской республике лишь усилит самих башкир и евразийский вектор российской геополитики.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/432897>,
27 июля 2019.*

* * *

ТАТАРСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ЗАСТОЙ или ПРОРЫВ*

Руслан Айсин: Предлагаю начать! Наша тема – Татарские общественные объединения: застой или прорыв. Вы все знаете, что мы провели ряд обсуждений, направленных на подготовку Стратегии развития татарского народа. Часть наших мыслей вошла в Стратегию, окончательный вариант еще никто не видел. Мы продолжаем обсуждение и считаем, как часто любит говорить Путин, «Времени на раскачку нет!»

У татарской нации тоже нет этого времени на раскачку. Тем более, всё бремя ответственности ложится на общественные силы, на третий сектор, который за последние 30 лет прошел длинный путь от создания и развития, и где-то даже до угасания. У нас есть существенные провалы, а где-то наоборот добились существенных успехов. В подводке к «круглому столу» вы можете видеть наш краткий анализ. Он носит оттенок негатива для того, чтобы, как говорится, «затравить тему». Говорить о том, что всё прекрасно, мы не можем. Мы здесь собрались, чтобы обсудить проблемы. Выяснить прорывные выходы из них.

Механика нашего разговора такая: мы обсудим два вопроса, ориентируемся на время по 5 минут. По истечении 5 минут я делаю звончек. Проходим таким образом два круга. И затем сможем обсудить то, что не обсудили.

Итак, первый вопрос: в чём сила и слабость татарских объединений? Могли ли они стать по-настоящему третьим сектором власти? В состоянии ли они выражать интересы татарского мира? Где их место на сегодняшний день на карте общественно-политических процессов РФ? Слово бы я дал Дамиру Мавляевеичу. Это историк, член «Милли Шура» и просто известный татарин.

Дамир Исхаков: У меня есть личный опыт длительного взаимодействия в рамках общественных организаций. И есть собственный взгляд на эту проблему. Если сказать в целом, то у татар есть, конечно, множество общественных объединений разного типа. Я даже специально изучал этот вопрос и могу сказать, что первоначально татарские организации возникли на основе фольклорных групп, которые существовали еще в 1950-х гг. Поэтому база у нас существовала.

Что произошло с татарскими объединениями – это интересно. Я думаю, что по мере того, как в России менялась политическая система, точнее режим, татарские общественные объединения стали попадать под давлением режима, под влияние нового состояния российского общества. То есть авторитаризм усиливался и организации попадали под более жесткий контроль. Не только в России в целом, но в Татарстане тоже. К сожалению, это привело к тому, что сейчас татарские общественные объединения в основном работают под государственным контролем. Особенно ведущие: Федеральная автономия и конгресс татар. Конгресс татар изначально создавалась как полугосударственная структура. Автономия изначально имела статус более демократической организации,

* В сокращенном виде материалы были опубликованы в «Бизнес Online» (См.: <https://www.business-gazeta.ru/article/438798>, 14 сентября 2019 г.). Данный текст подготовлен редакцией настоящего издания на основе полной записи «круглого стола». Публикуется с разрешения редакции «Бизнес Online». Расшифровка редакции. Дискуссия проведена до образования клуба «Татарский квадрат», где эта проблема также обсуждалась.

но тоже не стала таковой в полной мере. И, к тому же, образовалась ещё одна проблема, которая влияет на качество татарских объединений. Один пример приведу: любые конференции, продолжающееся длительное время, примерно на пятый год вырождаются. То же самое с общественными объединениями. Примерно через 3–4 года они начинают «скукоживаться». Действия становятся более формальными. Руководство организаций попадает в руки людей, которые не хотят уходить из этих мест. И вот этот процесс накрыл практически весь татарский мир. Сейчас во многих регионах татарские организации попали в руки несменяемых лидеров, которые много лет сидят на одном месте и у них устойчивая связь с властями, и они очень чутки к властным позывам. Но менее чутки к татарским нуждам. И это привело практически к тому, что наши общественные объединения находятся в кризисном состоянии. Поэтому они не слишком дееспособны. Получилось так, что с двух концов мы поджались. С одной стороны, само российское общество, которое стало менее демократичным, более авторитарным, и поле деятельности сузилось. С другой стороны, сами татарские объединения изнутри пошли навстречу этим тенденциям и стали также менее демократичными и подверженными влиянию только властных структур, а не общественных групп.

В таком кризисном состоянии мы сейчас находимся. Всемирный конгресс татар также из кризисного состояния не вышел, к сожалению. Этот кризис начался раньше. По этому поводу мы даже записки писали. Отчасти, смена власти в конгрессе произошла под влиянием этих записок. Но мы недалеко ушли от старых образцов. Я считаю, что руководящий орган конгресса татар – «Милли Шура», по составу был подобран случайным образом. Состав не ахти какой. Для больших дел не годится. Могу сказать прямо: если, не дай Бог, республика будет ликвидирована, то «Милли Шура» ни в коем случае татарским парламентом стать не сможет. Из-за своего состава. Точно такое же положение у Федеральной автономии. Но я думаю, об этом расскажете отдельно. Осталась очень большая неразрешенная проблема по взаимодействию между Федеральной автономией и Всемирным конгрессом татар. Вопрос так и не решён. Хотя предлагались варианты. Римзиль Валеев специальную книгу по этому поводу даже написал.

Заканчивая, я хотел бы сказать, что, к сожалению, у нас татарские общественные объединения для больших дел не годятся. Особенно хорошо это понимаешь, если сравниваешь наше состояние с Еврейским конгрессом России и Всемирным еврейским конгрессом. Сравнение совсем не в нашу пользу.

Руслан Айсин: Большое спасибо! Передаем слово Сурие Асгатовне Усмановой. Это общественный деятель, много занимается вопросами обучения деятелей общественных организаций: как правильно получать гранты, эффективно взаимодействовать с органами власти. Вы знаете внутренние алгоритмы взаимодействия. Пожалуйста!

Сурия Усманова: Спасибо! Я принесла все материалы и буду свои мысли излагать на татарском языке, так будет лучше. Я всегда интересуюсь происходящей ситуацией. Некоторое время назад в «Татар Информ» были материалы Рузили Мухаметовой, посвященные событиям, происходящим в среде татарских молодежных организаций. Также я изучала и ваши выступления. Моя точка зрения немного отличается.

Татарские молодежные организации не могут сохранить татарский язык. Однако не стоит ударяться в пессимизм. Вот, например, Фандас абый ни в какой организации не состоит, но, посмотрите, сколько полезной работы он делает. Таэмина Биктимирова, которой в следующем году будет уже 80 лет, всё своё время проводит в архиве и изучает историю татар. Смотрите сколько людей у нас работают всю жизнь. Это так, просто напоминание. А сейчас давайте к главной теме.

Мы говорим про кризис. Говорим, что кризис в татарских организациях. Но ведь нельзя отделить эти организации от татарстанского 3-го сектора. Я в этом секторе уже более 20 лет и примерно 3–4 года назад изучила информацию по поводу 3-го сектора и решила провести анализ. Сначала я составила его в форме тезисов. Отправила президенту. Потом подумала, что этого недостаточно, так не годится. И решила ещё лучше изучить тему. Я составила аналитический доклад «О состоянии 3-го сектора Республики Татарстан». На 12 страниц – это только выжимки. Буквально на днях

отправила его президенту и в Госсовет. По тому же вопросу я встречалась с Сафаровым, Терентьевым. Несколько часов мы с ним это обсуждали. Я приводила свои факты, они мне свои. Даже в 2-х газетах вышли мои статьи, но изменений нет. Изменения нужны и нам самим необходимо собраться, сесть и обсудить эту тему.

В материалах, которые вы нам раздали, тоже указано, что в России кризис общественных организаций. Но ведь в России есть сильные организации. Мы знаем нынешнюю ситуацию, в Москве её тоже знают. Но в этой сфере есть сильные лидеры, и работа ведется.

Вы говорите, что старшее поколение не дает вам свободу действия. Да, они не дают свободы. Люди на госслужбе до 70 лет и из общественных организаций тоже никто не уходит. Поэтому нужно продумать другой путь. А еще вы говорите, что они работают в Молодежном форуме, а потом исчезают. Но ведь для того, чтобы не исчезнуть, каждый из них должен составить свою организацию.

А в то же время Гильмутдинов тоже говорит: «Почему не организуют?». Надо организовать Всемирную татарскую организацию. Они организуют, но работать не могут. А почему не могут работать? Вот и Айрат Файзрахманов сколько раз уже говорил в своих статьях об этом. Потому что в нашей республике третий сектор – это волонтерство с утра до ночи. Общественные организации должны быть во всех сферах жизни: и в медицине, и в образовании. А у нас это волонтерство с утра до ночи. А на какие средства должны существовать эти организации? Может быть 3–4 вида источников. Первое – это гранты. Почему у нас мало общественных организаций? Потому что в них нет возможности работать. Грантовая система у нас никуда не годится. Но это отдельная тема. Нужно сесть и обсудить это. У нас в республике у компаний есть корпоративная благотворительность. Наши организации дают деньги только на благотворительность, потому что их каждый год приглашают к руководителю нашему и дают подарок. Поэтому наши организации опять не могут работать. А третий источник – это фонды олигархов, которые помогают общественным организациям. А у нас, в наших фондах, нет ни одного богача, ни одного олигарха. Таким образом, наши организации становятся нежизнеспособными. Если заглянуть внутрь, тогда узнаешь реальное состояние 3-го сектора в республике.

Руслан Айсин: Спасибо! Теперь Равиль Гатауллаевич Хуснутдинов – это директор магнитогорского филиала Института истории им. Шигабутдина Марджани. Член совета Конгресса татар Челябинской области, главный редактор газеты «Татар рухы» и просто один из наших татарских интеллектуалов, который пытается вдохнуть какую-то мысль в общественную плоть татарского народа. Пожалуйста, по первому вопросу что вы можете сказать?

Равиль Хуснутдинов: Если анализировать проблемы организаций, то ситуация, в общем-то, одинаковая. Но с региональными отличиями, поскольку ситуация одна в Татарстане, другая в Москве. Так или иначе, она примерно одинаковая, потому что за Уралом в принципе власть не очень исторически присутствует.

Стали ли татарские общественные организации при всей своей многочисленности реальным третьим сектором власти? Я думаю, что нет. По ряду причин. Во-первых, сама власть этого не желает. Во-вторых, сами организации даже при наличии грантовой поддержки не слишком хорошо выстраиваются. Они организуют вокруг себя даже по самым оптимистичным оценкам процентов 10 всего татарского населения.

Ни один руководитель конгресса, ни один председатель не может сказать, что представляет татарский народ, например, Челябинской области. То есть, он не имеет права на это. Нет представительства в Москве. Я для себя это четко обнаружил летом, когда проходил трехдневный семинар для работников администраций, которые занимаются национальными делами. Там были всевозможные кейсы. С одной стороны, центральный регион, ребята грамотные, но сразу в работе вырисовывается картина – создание отчёта наверх. Вы же кейсы решаете, давайте расслабьтесь и получайте удовольствие. И моё замечание прямо перпендикулярно для них. Я сказал: «Вы хотите возложить ответственность при решении межнационального конфликта на руководителей общественных организа-

ций? Они представляют из себя в лучшем случае 5–10% от населения, которое проживает здесь. Как вот это всё вы учитываете?» А для них это было настолько неожиданно и не нужно, потому что они привыкли расписывать так. Например, из автономии татар поручить такому-то или с него спросить. Вот примерно так. Этот момент тоже очень важный, потому что ни одна офицорганация не охватывает большинства народа. И, допустим, как говорил Дамир абый, про то, что все организации, так или иначе, грубо говоря, «зажрались». Руководители засиделись. И этот момент тоже есть. И опять же, неожиданно удивил Исполком конгресса татар, когда сказал о том, что временно приостанавливает сотрудничество с организацией «Штаб татар Москвы». Я знаю «Штаб татар Москвы». Это вполне себе такая хорошая организация. Ну, значит, что-то пошло не так.

– *Кому интересно, что член Милли Шура не получил объяснения, в связи с чем произошло приостановление?*

– Они сняли себя ответственность за решение «Штаба татар Москвы». Говорили, что Москва вешает ответственность, на это они сказали: «Мы за них не отвечаем». Сын за отца не отвечает.

– *Дело даже не в причине, а в самом подходе, в самом ракурсе. А для чего тогда вообще всё?*

– Чтобы их по голове не били. Они же деньги получают, ты понимаешь? Они же финансируются.

– *Интересно другое: в этой организации останется 17 отставных генералов, несколько десятков докторов наук...*

– Вопрос решается совершенно в другом ракурсе.

Руслан Айсин: Спасибо! Слово предоставляется Шарипову Иреку Ильдусовичу. Это директор Дома дружбы народов, действующий депутат Госсовета. Человек, который пришёл из региона. Он возглавлял в Удмуртии национальную и культурную автономию, и очень успешно. Поэтому знает регионы и жизнь татарских общественных организаций изнутри. Он зам. председателя Федеральной автономии татар. Пожалуйста, Ваше мнение по первому вопросу.

Ирек Шарипов: Я пришел не в качестве директора Дома дружбы народов, потому что в данном случае, это моя работа. Я являюсь заместителем председателя Федеральной национально-культурной автономии татар России – это главное. И заместителем председателя Ассамблеи народов России и Татарстана.

В чём сила и слабость татарской общественной работы? В первую очередь, конечно, в том, что эти организации востребованы. Потому что татары были, есть и будут вторым по численности народом Российской Федерации. Во многом от позиции татарских общественных организаций зависит принятие решений и другими национальными культурными объединениями. То есть наша роль и миссия здесь очень большая и ответственная. Поэтому наша сила – потенциально в этом. Когда эта сила проявляется? Когда мы легитимны. Вот эту составную надо выдержать, когда мы определились – кто именно представляет наш народ в регионе и в целом.

Это очень важный вопрос, потому что опять я хочу вернуться к опыту работы в регионе. Тогда Национально-культурное объединение общественности татар Удмуртии было в двух периодах сильное, когда мы могли избрать легитимного лидера. Это первый этап в Удмуртии, когда появился Татарский общественный центр, единственный и возглавлял его единственный избранный председатель – Масгут Вахитович Гаратуев. Потом пошёл второй период, когда появились вторая организация, третья, молодёжная, землячество, ещё что-то. И роль лидера размылась. Это уже был кризис. И тогда мы вышли из кризиса, опираясь на институт национальной культурной автономии. То есть, мы решили, что организаций может быть несколько, но представлять, согласно закона и легитимно, свой народ в Республике Татарстан должен председатель национально-культурной автономии. Мы об этом договорились и создали автономию. Я довольно долгое время возглавлял эту структуру.

То есть легитимность. Мы должны этого добиваться и договариваться, иначе слова председателя будут слабыми. Есть пути как добиться легитимности. Здесь я хочу обратиться к примеру Ассамблеи народов Татарстана, где действует принцип «один народ – один голос». Когда власть

сама подвигает к тому, чтобы лидер данного народа был легитимен. То есть в Ассамблею народов Татарстана от каждого народа входит один представитель. Мы говорим председатель Автономии удмуртов Татарстана, а это член Ассамблеи народов Татарстана. Председатель автономии марийцев – он тоже член Ассамблеи.

Мне вот сейчас звонит председатель Автономии азербайджанцев Татарстана. Это очень демократичный народ. Они на четвертом съезде смогли избрать председателя 7 лет назад – никогда не раскалывали своё общество. Потому что Ассамблея народов Татарстана – измеритель легитимного лидера и мы обязательно будем с ним работать. Азербайджанцы собирают 4 съезда, чтобы избрать председателя автономии Азербайджана и он вошёл в Ассамблею. Но они не раскололись на 2–3 организации. У них же тоже есть разные лагеря, то есть один лагерь мог избрать себе одного председателя, а другой другого.

То есть стать легитимным – это в наших силах и об этом нужно договариваться. И в этом будет наша сила. А слабость, соответственно, в отсутствии легитимности.

Стать третьим сектором власти – это миссия любой общественной организации. Конечно, мы это можем. Опять-таки, обращаясь к опыту работы в регионе: это ведь не только Удмуртия. Этот результат есть и в Ульяновской области, и в ряде других областей. Например, исторически мэром города Ижевска выдвигается депутатами и избирается из района компактного проживания татар. Потому, что татарское общественное движение – это всегда конструктивное движение. Это не бессистемная оппозиция. Даже если в каких-то частях есть точки трения, своё амплуа, конструктивность татарское движение должно выдерживать. Мы обязаны быть людьми ответственными и конструктивными. Это тоже в наших силах. И я против такого состояния, когда общественность – это обязательно оппозиция власти. Мне нравится ситуация, когда в нашем регионе председатель Автономии Чувашей Татарстана стал министром культуры и национальной политики Чувашской Республики. То есть он был общественником и стал представителем исполнительной власти. Я сам в Удмуртии был представителем автономии татар и стоял в резерве правительства на должность замминистра национальной политики. Это абсолютно нормальная ситуация.

Второй вопрос – что необходимо изменить. К нему мы вернемся позже.

Третий: роль и место на карте общественно-политических процессов. Я считаю, как представитель одного из самых крупных народов РФ, что во всех регионах есть национально-культурные объединения. В этих структурах – Ассамблеях народов регионов – мы должны занимать весомые позиции. Спасибо!

Руслан Айсин: Слово предоставляем Айрату Файзрахманову – заместителю председателя Всемирного форума татарской молодежи. Только-только прошёл внеочередной Форум и ещё не остыли стаканы и сковородки. У него большой опыт общественно-политической деятельности, деятельности, в первую очередь, национальной. Поэтому есть что сказать. Много проектов реализуется нашей молодёжью. Пожалуйста, Айрат.

Айрат Файзрахманов: Я попробую сначала ответить на те вопросы, которые обозначены в повестке. Соглашусь с тезисом и ещё раз акцентирую внимание: татарские организации не являются единственным субъектом. Существуют другие институты. Даже газета «Бизнес online», в каком-то смысле, является институтом изменений в татарском мире, потому что несет с собой новые смыслы, доносит их до татар.

В чём сила? Есть сетка организаций, их много. Пусть из них половина, или даже больше половины, – это спящие институты. Но татары, как и многие другие народы, ждут изменений в общественно-политическом строе Российской Федерации. Эти спящие институты, я надеюсь, перестанут быть таковыми. Но я подчеркну, что татары не будут первыми в изменениях, не будут инициировать эти изменения. Но если эти изменения возникнут, то мы своё слово скажем. А слабость этих организаций во влиянии общероссийской общественно-политической сфере. А в Татарстане еще более акцентированные общероссийские тренды. Есть какой-то централизм, ориентация на политическую волю одного лица. В этом сила и слабость республики.

Здесь говорилось про «Штаб татар». Это не первая организация, которая исключена, так скажем, из оборота Всемирного конгресса татар. Есть системные организации и есть несистемные. Мы не говорим, в каком состоянии сейчас находится Татарский общественный центр, хотя он задумывался изначально в ином состоянии. Здесь есть люди, которые стояли у истоков. К сожалению, эта организация стала несистемной намеренно. Татарские организации, которые входят в орбиту влияния конгресса татар, отстают от общероссийских моделей развития. Тем более от мировых. Например, говоришь, что есть «Теплица социальных технологий» в России. Это интереснейший ресурс, где обозначены новые социальные технологии. А никто, практически, об этом не знает. Мы сами – Всемирный форум татарской молодежи – только начинаем познавать эти формы.

Огромное количество форумов в России проходит по развитию третьего сектора. Да, это не политический сектор, но он растет очень большими темпами и начинает оказывать влияние на сферы, в которых действует. Существуют также условные инвест-сессии, когда общественные организации привлекают ресурсы к своим проектам. В татарском мире этого, практически, нет.

Мы как раз попытались сконструировать на последнем Форуме такой механизм. У нас уже не первый год всё посвящено созданию новых проектов. Мы объявили небольшой грант – 180000 руб, разделили на две части и вчера звучали проекты. Из них десятков – очень интересные. Если сравнивать с прошлым годом, то тогда мы пытались сделать тоже самое не очень успешно. А в этом году есть движение вперед. Молодёжь потихоньку начинает понимать, как строить проекты, как привлекать ресурсы, как правильно об этом говорить и как правильно позиционировать. Потому что без правильного позиционирования, без медийного сопровождения проект обречён на провал. И ещё говоря о слабостях в татарских организациях: возможно, не всегда в республиках, особенно в Татарстане, организации используют официальные структуры. Например, общественные палаты, какие-то комиссии. Мы не особо погружены, нас никто не приглашает, и мы туда не особо стремимся, хотя эти механизмы нужно бы использовать. Ещё последние два момента: для некоммерческих организаций важно упрощение регистрации НКО, потому что этот процесс очень сильно забюрократизирован. Такие у татарских организаций конечно же сильна самоцензура: как бы чего не вышло. В Татарстане мы боимся обвинений в сепаратизме, в регионах боятся, что их обвинят в излишнем национализме. Конечно же, это влияет на состояние организаций. А вот говоря про Форум, мы в какой-то мере, смогли перешагнуть этот порог, когда форумы превращаются в нечто сухое. Мы превратили его в живую организацию и надеемся, что несем какие-то смыслы, делаем множество проектов. Мы могли бы оказаться как Форум имамов, но всё-таки стали живой организацией.

– Я читал, что у вас зарегистрировано чуть больше 25 организаций. Так Шайхразиев сказал. А остальные? Значит тоже есть проблемы.

– Здесь, как раз-таки, речь идет об упрощении регистрации НКО. Молодежные организации делают первые шаги и им нужна, естественно, профессиональная помощь, нужны ресурсы.

Руслан Айсин: Сейчас передаем слово Марату Вазыховичу Лотфуллину. Он у нас общественный деятель, Президент ассоциации работников образования «Магариф». В чем сила и слабость татарских общественных организаций?

Марат Лотфуллин: Эти слабости общие, они общероссийские. Все общественные организации в таком состоянии. Первое: сила в татарских общественных объединениях. Там всё-таки более-менее собран потенциал интеллектуальный народа. Он автоматически собран там, потому что в этих общественных объединениях выступают люди не по каким-то финансовым или другим интересам. Там собрались в основном филантропы и те, кто болеет за свой народ. Они обладают достаточным интеллектом и культурой. В этом и есть сила. Они являются образцами для всех людей. И люди это понимают. В душе. Кроме того, все эти организации – не экстремистские. Они действуют в рамках законодательства. И деструктивные действия не совершают и не призывают к этому других.

Слабость – финансирование. У них нет собственной финансовой базы. Они все зависят от подачи государства, и поэтому государству служат. Поэтому коренные интересы татарского народа

они защитить не могут. Российское государство, то есть Федеральное правительство, этого и не желает.

Ещё одна слабость этих организаций – комсомольский стиль работы. Они гонятся за мероприятиями, отчитываются о мероприятиях. То есть результат работы их не интересует. У всех в головах одно: нужно провести мероприятие. А к чему это приведет, есть ли от этого результаты? Вы можете взять для примера татарский Конгресс и посмотреть их резолюции. Из года в год идут одни и те же задачи в течение 20 лет. А как они решались? Какой результат? Вы нигде эту информацию не найдете. Надо, значит надо. На следующий год то же самое. Через 20 лет надо то же самое, а почему? Это чистый комсомол. Видимо, это у нас у всех в крови.

Могли бы они стать сектором власти и могли бы выражать интересы татарского народа? В чём заключаются интересы татарского мира? Это вопрос очень интересный. И этим никто не занимается. Да, мы пытаемся. А вы знаете, сколько интересов появилось? И они все диаметрально противоположные. Поэтому вопрос очень важный. Мы, более того, не знаем даже численности татар, не то, что их интересы. Не можем посчитать! У нас нет таких механизмов. Российская Федерация нам таких возможностей не предоставляет. Даже не знаем, сколько детей учится в школах, чтобы их обеспечить учебниками и учителями. Хотя бы по татарскому языку и литературе. Мы не знаем, сколько детей воспитываются в татарских детских садах, чтобы подготовить им воспитателей. Им нужны воспитатели, владеющие татарским языком. Их ведь надо готовить. А число их неизвестно и Российская Федерация нам не предоставляет таких возможностей. Даже категорически против.

Где их место на сегодняшний день на карте общественно-политической? Их место – это имитация, то есть через них ведется спекуляция, что Россия интересуется судьбами народов, о них заботится. Это аргументация – о заботе о народах. Общественные организации несут такую функцию и поэтому их финансируют. Немного, но финансируют. Но когда дело касается решительных действий, то интересы татарского народа эти общественные организации конечно не защищают. Ничего сделать не могут. Те, которые, конечно, более-менее крупные. Конгресс татар... об этом можно сказать отдельно. ТОЦ – татарский общественный центр, который создавался в период демократических преобразований с подачи Горбачева. Тогда ФСБ били по рукам, партию били по голове, чтобы они народу давали высказываться. Это была действительно организация, она выражала интересы. Но с течением времени необходимость в ней отпала. Политика изменилась, власти почувствовали, к чему это приведет и создали альтернативу – Всемирный конгресс татар. Всемирный конгресс татар – это альтернатива ТОЦ. Это государственная общественная организация! И она его задавила. Естественно, появилось финансирование, должности и всё прочее. Прежняя организация стала маргинальной. Сейчас она действительно маргинальная. Если вы туда пойдете, у вас волосы дыбом встанут. Там сидят старики типа меня и похуже, и всё. Больше никого там нет. Кроме того, я хочу сказать, в нашем Российском государстве народы никак не представлены. В законодательстве никак. Есть Конституция и Декларация, что власть принадлежит всему народу многонациональному и всё. И никаких механизмов представительства народов нет. Это я к тому, что общественные организации не представляют народы. Нас никто не представляет вообще. Татарстан – это не представитель народа татар. Откройте Конституцию: это многонациональное государство, демократическое государство и всё. Татары наравне со всеми. С марийцами, мордвой, чувашами, чеченцами и азербайджанцами, армянами, русскими. Поэтому народы никак не представлены. Всё спасибо

Руслан Айсин: Переходим ко второй части «круглого стола». Что необходимо изменить в функционировании татарских общественных организаций? Какая модель общественных организаций нового типа нужна сегодня? Мы говорили, что ТОЦ себя уже изжил. Чтобы ответить вызову современности, чтобы пройти между Сциллой давления сверху и Харибдой социального запроса? Как нам быть в этих условиях? Дамир Мавлявиевич, пожалуйста. Так же 5 минут.

Дамир Исхаков: Я здесь настроен пессимистически. Для того чтобы измениться, нужно направление. У нас нет главного элемента. К сожалению, нет и ресурсов. Я даже думаю, что татар-

ское общество до семнадцатого года была в лучшем положении. Там, по крайней мере, существовала реальная частная собственность. И мелкий, и средний бизнес тоже существовал. Сейчас у нас национальные капиталисты есть, но нет национального капитала. И здесь было сказано совершенно верно, что от них копейки не получишь. Даже на богоугодные дела с большим трудом дадут. Вот в этом плане на ближайшее время и не предвидится, что мы будем обладать реальными ресурсами для развития общественной активности. А как работать без денег? Все структуры, которые дают деньги на общественные дела, своеобразно заточены. Они под большим контролем и их деятельность спланирована таким образом, что от них национальные объединения для себя больших выгод не заметят. Ты можешь заниматься, скажем, обучением незрячих. Да, это нужно. Но на этом всё и заканчивается. А вот для других дел ты деньги найти не сможешь. Я думаю, что в этом плане у нас важный вопрос – это решение финансовой проблемы. Я могу привести пример: когда Национальные культурные автономии были созданы в семнадцатом году, в России это не получило развития. Но в странах Прибалтики, например, в Эстонии, есть точно опубликованные данные о том, что определённая часть налогов данных этнических групп возвращалась группе в размере 3%. Народ сам собирал эти деньги на свои нужды. Государство в этом прямо не участвовало. А у нас Национальная автономия поставлена под государственный контроль и из-за этого заниматься глубоко национальными делами они не могут. Хотя наш соотечественник А. Бурганов пытался. Он даже написал вариант закона, где было чётко сказано, что определённая часть денег должна возвращаться обратно народу без вмешательства государства. Этого нет.

Ресурсная база нам не позволяет развиваться и здесь что-либо изменить невозможно без демократизации самой России. И, тем не менее, что-то надо делать. Я думаю, что самые важные вещи, которые мы способны сделать, находятся в наших руках, но правда, тоже под контролем это будет производиться. Например, необходимо возвращаться к демократической модели уставов общественных организаций. То есть, нужна смена руководства. Сейчас ведь до чего дошло: я знаю ряд случаев, когда региональные организации, их действующее руководство созывают нелегитимными съездами для того, чтобы их переизбрали. Народ в этом не участвует. Только узкая группа и они таким образом добиваются переизбрания, а народ отходит после этого от организации. Они вроде бы есть, но за ними народа нет. Значит, нужно ввести такие основные изменения в обязательном порядке, возможно, составить какой-то образцовый устав, опираясь на интеллектуальные ресурсы Всемирного конгресса татар. Это первый механизм. Второй механизм: к сожалению, у нас нигде не готовятся кадры, которые будут работать в общественных организациях. Это должен быть специализированный отряд людей, которые прошли хорошую подготовку не только юридическую, но и общественно-политическую. Помните, существовала Высшая комсомольская школа, Высшая партийная школа. А у нас такого нет вообще. И вот сейчас мы слышим из уст молодёжи, что они занялись, наконец, обучением. Но это всего лишь общественные институты и государство никак не участвует в этих делах. Они это сами придумали. Если бы мы смогли подготовить нормальные кадры, то эффективность их деятельности усилилась бы. И последнее, что я хочу сказать: нам всем известно, в принципе, что все организации, включая Всемирный конгресс татар, представляют лишь малый сегмент татарского общества. Может быть больше невозможно. Мы знаем, что бизнесменами способны стать от силы 5% населения. Может быть и общественной деятельностью занимаются не все. Поэтому полное представительство народа иметь в них не можем. Но мы должны в уставном порядке и документально, всё-таки, эти нормы представительства специально обозначить. Скажем: от какого количества людей выдвигаются делегаты, которые потом сюда приезжают и кого они представляют? Это должно быть чётко прописано. Если у одного человека за спиной 100 человек стоит, а у другого 1000 людей, то почему они имеют равные права, равный вес? Эти вещи в уставном порядке можно прописать. Но это не сделано, к сожалению. Что касается изменения модели, я думаю, что здесь совершенно верно было сказано. Нужно обращать внимание на отчёты руководства и руководящего органа. Опыт показывает, что отчёты совершенно формальные. Так происходит и мы очень плохо представляем, каким образом имеющиеся финансовые ресурсы

вращаются в организациях. Всё очень непрозрачно. Все эти вопросы должны быть прописаны в уставном порядке, о деятельности ревизионных комиссий, которые должны быть не номинальными, а реальными. И общественность должна знать, куда что ушло. Тогда можно оживить даже существующую структуру, но, правда, только до определенных пределов. По большей части, я в этом вопросе пессимист.

Руслан Айсин: Большое спасибо! Пожалуйста, Сурия Асгатовна!

Сурия Усманова: Я бы поделила свое выступление на три части. Первое: третий сектор из-за слабости развития и отсталости, слишком большое внимание уделяет мелким проблемам. Так, например, вышел спор о ненужности попечительского совета Форума молодежи. У любого, мало-мальски уважающего себя фонда, такой совет есть. У нас в РТ есть Фонд «Акбарс Возрождение». Кого туда включают? Людей опытных, людей богатых, людей полезных. А тут раздули проблему из текущего вопроса. Потом вопрос зашел о возрасте молодежи. Какая разница? Если у человека душа болит за народ, пусть работает. Зачем из-за этого поднимать шум? Это я говорю в форме напоминания, это небольшой вопрос.

– *Выгоняют ведь!*

– Да! Вот Айрат понимает. Он там работает и видит.

Второй момент: язык. Почему такая ситуация возникла с языком? Сейчас расскажу об этом и Общественной палате. Язык – это ведь не только преподавание на татарском языке. Человек не может быть истинным татариним, не зная своей истории и культуры. Для этого нам нужно много организаций: одна будет заниматься культурой, другая историей, кто-то выпускает книги. Это все равно возвращение «татарскости».

Что касается Общественной палаты, это было в октябре – в самый сложный момент решения вопроса языков. И ни разу Общественная палата этот вопрос не поднимала. А организация РОСТ уже сколько лет занимается этим вопросом. Они ведь через Общественную палату действуют. Если бы наши представители обсудили этот вопрос в Общественной палате, у которой есть такая функция по Уставу, но никакой пользы для татар от них нет. Если бы у нас там был свой человек, то вопрос языка бы не зашел так далеко. Есть и вторая сторона. Недавно был Форум и хоть кто бы сказал по теме языка, но там тоже нет людей.

Сейчас в Общественную палату РФ пришел руководителем Фадеев. Он говорит в выступлениях и в годовом отчете, что в Общественную палату нужно вводить людей самим. Пока они только говорят, а через какое-то время издадут закон и все. Смогут в нашу Общественную палату назначать людей из Москвы. Представляете, что потом будет? Те же самые люди окажутся у нас, и вы понимаете, что получится. У нас нет там человека, что с ними сядет за стол переговоров. Как делают другие? В Москве есть отдельный комитет, в Саха Якутии есть специальное Министерство по делам гражданского общества. Государство должно работать. На будущий год у нас столетие. В РТ Общественная палата, можно сказать, бездействует. Но 1 номинацию все-таки выделили. Наверное, к столетию будут мероприятия. А вот в Якутии с 2016 по 2022 гг. проводят грантовый конкурс для общественных организаций. У них по всей республике 100 общественных инициатив. Я это знаю и могу несколько часов об этом говорить. Не зря у них 95% населения знает свой язык. Потому что невозможно знать язык, только изучая его в школе. Что же делать?

Ирек эфэнде, в вашей организации есть люди, которые были на обучении в Москве, Айрат Файзрахманов, я – мы все, должны поговорить. Давайте действовать как Москва, как Якутия, как Пермь, как Новосибирск. В моем докладе все написано. Надо взять пример с регионов, изложить свои предложения и идти к руководству. Мы не должны от других отставать!

Руслан Айсин: Хорошо! Спасибо! Равиль Гатауллаевич, пожалуйста!

Равиль Хуснутдинов: Надо озадачиться, если сила давления увеличивается. Нужно понять есть ли Харибда социального запроса? Я сомневаюсь, что она существует. Она не сформирована. Потому что, находясь на Урале, я пишу диссертацию. Собираю материал по языковой ситуации на Южном Урале. То есть, не только с татарским языком, но всех других. Там такое перекрестие пу-

тей, там шелковый путь, казахи, башкиры, нагайбаки, татары, в том числе оренбургские. Общась с простыми людьми, на рынке или ещё где-то, опрашивая их, приходишь к выводу, что все эти высоколобые мысли интеллектуалов татарских остаются на уровне татарских интеллектуалов. Простые люди просто живут и выживают. Они пользуются языком в той мере, какой им удобно. Если удобно, то пользуются русским языком. Если семья смешанная, например, муж татарин, а жена казашка, говорят они на нагайбакском языке. Это практически татарский язык, но с отсутствием арабизмов. Они говорят естественно и просто, без какого бы то ни было надрыва или социального заказа. Просто говорят, потому что им так удобно. Фактически, получается, что общественные организации представлены, но находятся в подвешенном состоянии. Между Сциллой давления и Харибдой отсутствия социального давления. Это некий вакуум, в котором мы болтаемся. Здесь мы прорабатываем на будущее возможные движения и тренды. Но, тем не менее, в Магнитогорске давно уже решили, что если с песнями и плясками всё более-менее нормально, то упор нужно делать на интеллектуальную составляющую. Мы делали упор на историю, на газету. Сейчас мы благодарим президента, что он откликнулся. 1 октября прошлого года он приезжал Магнитогорск. Я озвучил несколько вопросов и просьб, в том числе по поводу открытия корпункта в городе. Это корпункт «ТНВ», и он начал активно работать. Но тут же возникает вопрос. Ведь политика «ТНВ» – делать всё на татарском языке. Получается так, что они начали сейчас размещать на сайте и аккаунте в ВК ролики, которые в подвешенном состоянии. Если человек говорит по-русски, то есть бегущая строка по-татарски. Если человек говорит по-татарски, то бегущей строки по-русски нет. Потому что для Татарстана это может быть неактуально, а для регионов это архиактуально. И не признавать это неправильно. Всё дело в установке тех, кто этот вопрос решает. Возможно, это можно использовать как ещё один рычаг для изучения татарского языка. На самом деле это просто затруднение.

Меняться – это единственный выход. Нужно изучать язык, но это очень сложно, потому что трудно поставить на системную основу. Изучать язык партизанскими методами невозможно. Даже в Москве есть какие-то курсы, где Юлиана Сафина великолепно преподаёт. Таких преподавателей по всей России немного. Это должна быть система. Если система уже разрушена даже в Татарстане. Тогда о какой системе можно говорить в регионах? Система кружков – это не система. Поэтому выход – усиление горизонтальных связей. Если организации между собой начнут общаться, сотрудничать и подписывать какие-то соглашения, то это будет некая основа на будущее. И сами по себе эти контакты горизонтальные приносят очень много энергии и оптимизма. Мы в рамках нашей краеведческой работы открыли под Магнитогорском Свяжский редут. В 1754 г. татары снялись из-под Свяжска и переселились за Урал и там организовали село. Это село просуществовало 200 лет, потом они куда-то рассосались. Но, тем не менее, эти 200 лет мусульмане-казаки выполняли там свою функцию. Там сохранилось роскошное кладбище. И это момент активного краеведения. Когда выходят книги, телеканал это запечатлевает, а потом – это есть воссоздание истории татар. Поддержание и освещение всеми способами – это один из вариантов как продолжать работу.

Руслан Айсин: Спасибо! Ирек Ильдусович, Вам слово!

Ирек Шарипов: Я с оптимизмом смотрю на роль общественных организаций, потому что их роль в том, что они выступают как нервные окончания организма. Они сигнализируют мозгу – власти о состоянии данной части своего тела-региона, социального слоя. Без них нельзя. Я на примере Ассамблеи народов Татарстана могу сказать про тенденции. Это развивается в свободном режиме. Мы начинали с 7–8 организаций несколько десятилетий назад, а сейчас это 232 организации. Пусть часть из них формально создана, но большая часть реально отражает интересы своего народа. Они влияют на систему образования, культуры, финансирование, выделение грантов и так далее. Власть сама заинтересована, чтобы эти сигналы с мест поступали. И это делают общественные организации. В обратном порядке это тоже работает. Что делать этим частям тела? Мозг посылает сигнал через эти нервные окончания, поэтому никто не заинтересован в том, чтобы омертвели эти нервные клетки. В Удмуртии власти сами были заинтересованы, чтобы сеть татар-

ских организаций была легитимная и довольно мощная. Это не только было наше желание, но и желание власти, чтобы они могли активно взаимодействовать. Нужно найти правовые институты, которые сегодня продекларированы. Я с оптимизмом смотрю на институт национально-культурных автономий. Немногие это поддерживают, но я сам сторонник этого движения. Потому что оно всё-таки дает возможность работать в правовом поле, легитимно заявлять об интересах своего народа, того или иного региона. Дает возможность финансирования легитимно со стороны власти или своего актива. Управление татарстанского региона должно опираться на культурные автономии. За пределами России – это другой институт. Внутри Татарстана это 3-й институт. В России это национально-культурная автономия. Необходимо изменить легитимность. Ещё раз хочу это подчеркнуть: когда лидер не формальный, а легитимный.

Здесь говорили про «сабантуинность». Я изучал историю развития, заселения татарами Удмуртии. Я отношусь к Сабантую не как к спортивному празднику. У нас, в Удмуртии, Сабантуев не было. Мы обнаружили в архивах, что были «жыен», то есть это съезды. Тогда происходил сход, который был нужен и сабантуй. Поэтому нужно углублять тему. Если мы имеем механизм проведения сходов, и даже если они называются по-другому. Функционал этого схода нужно углублять и расширять.

– *Наши сабантуи стали походить на безумное чаепитие.*

– Я именно поэтому и говорю, что сам формат схода подразумевает расширение функционала. На сабантуй всегда приходит губернатор. И мы должны ему вручать решения схода ежегодно, должны обеспечивать контроль. То есть мероприятия нужно делать более конструктивным и результативным. Мы должны иметь эти инструменты. Например, у меня на полке стоит инструмент на 3 кВт, это хорошо. Сеть есть – хорошо. А в сети есть предохранитель, а он на 0,5 кВт. И это уже другая ситуация. Можно поменять предохранитель. И власть когда-то сама меняет предохранитель, потому что опять-таки полноценное функционирование нервных окончаний – это в интересах государства. Это интересы общества. И когда они сомкнутся в середине – это будет большой толчок в развитии страны.

– *Можно вопрос? Может быть лучше при Министерстве культуры создать специальный сектор, который будет заниматься только сабантуем? Это всё-таки институт культурный. Я бы хотел избавить Конгресс татар от сабантуев, чтобы этим занималось Министерство культуры. Как вы на это смотрите? Можно ли это сделать?*

– На самом деле потенциал есть. Спасибо тем людям, которые создали механизм проведения сабантуя в России и мире. А наполнение этих мероприятий в другим содержанием реально.

– *Всемирный конгресс татар полгода занимается сабантуем. Это огромные временные ресурсы.*

– Нужно создать дирекцию АНО сабантуев и передать все полномочия, которые есть у Конгресса этой организации. Передать в эту дирекцию часть организации праздника.

– *А то Сабантуй сейчас – это люди, собравшиеся броуновским способом и попойка.*

Руслан Айсин: Передаем слово Айрату Файзрахманову.

Айрат Файзрахманов: У конгресса должна быть такая дирекция. Даже форумы, многие технические вопросы, должны готовить люди, которые в аппарате Конгресса работают, имеют хороший бэк-граунд, акыллы кешелэр. Они занимаются простыми вопросами, бегают по поводу полка или еще каких-то вопросов. Этим должны заниматься менеджеры. Мир уже создал эти механизмы, и мы должны идти по этому пути, создав какую-то специальную дирекцию. И средства, которые идут на Сабантуй, просто передать туда. Естественно, это дирекцию может контролировать конгресс.

По изменениям структур: большинство организаций, особенно это касается молодежных организаций, должны быть социальными проектами, которые конструируют какие-то сообщества. Например, сообщество молодых родителей, сообщество краеведов, образовательное сообщество. Следующая ступень – эти сообщества могут формализоваться, превращаться в крупные сообщества, получать гранты российские и зарубежные. Когда-нибудь эта формулировка – «иностранный агент», исчезнет, и мы сможем нормально работать с международными фондами.

Далее нужно сформировать специальное обучение, магистерскую подготовку, повышение квалификации «этнокультурный менеджмент», «управление этнокультурными сообществами и общественными организациями». Я предлагал конгрессу создать такую структуру как «Корпоративный университет» и, в принципе, нормально к этому отнеслись. Был даже сделан первый шаг. Аппарат конгресса два дня обучался, хотя я предлагал больше, конечно. Целую программу. Преподавал КФУ, но КФУ не знает «внутрянку» этнокультурную. Им нужно обучаться, нам нужно обучаться, постоянно получать новые знания.

Третий момент. Буквально вчера на Форуме было предложено, что нужен некий ресурсный центр, который будет продюсировать проекты, продвигать, помогать. Где-то не нужны гранты, где-то даже деньги не нужны на проекты, нужно сконтактировать людей, подсказать как сделать, чтобы проект дальше развивался. В этот ресурсный центр нужно подводить различный пул экспертов, которые бы выслушивали как эти проекты будут действовать. Вот кстати, по одному проекту мы даже методичку сформировали. Там у нас 30 проектов. Это, условно, как франшиза – бери и делай в более камерном порядке у себя в регионе. У нас тут проходит масштабно, а ты проводи у себя. Шаги там расписаны. Попытались оцифровать свои проекты. Это, конечно, сделано «на коленке». Нас 2–3 человека. Вести эту работу нужно более системно. Проекты как франшиза: сделали в Магнитогорске, оцифровали, сделали методичку и обучили тому, как делать этот проект. Нашли под него команду, потому что проект может быть супер-интересен для людей другого региона. И система индикаторов, о которой тут говорили. Мы должны выбирать приоритетные направления, делать проекты и по ним ставить индикаторы как задачи перед аппаратом конгресса.

Говоря вообще о грантовой системе, о фандрайзинге, когда частные лица или частные компании дают деньги на общественные проекты, у нас практически нет категории «национальные». Есть межнациональные: межнациональные отношения, межнациональное спокойствие. «Этнокультурное развитие» иногда проскакивает, но этого вообще не хватает республике, на мой взгляд. Нужна отдельная категория «национальное». Это не только татарская проблема, русские тоже жалуются. Мы с русскими организациями в Казани хорошо общаемся, у нас много общего. Мы видим их пример. Я знаю, как православная гимназия формировалась. Это прекрасный пример. Конечно, у них была помощь, которой у нас нет. Ноте шаги, которые они делали, у нас еще никто не повторял.

И еще по грантовой системе: «Татнефть» сейчас организует гранты классно, там тоже национальной категории нет. Я знаю только, что по национальным проектам деньги дали только на запись альбома группе «Джуна». Мы подали более 10 проектов, ни один не прошел. Не потому, что проекты какие-то не такие, а нет внимания и понимания у частных фондов, хотя «Татанефть» не совсем частная организация.

Руслан Айсин: Спасибо, Айрат Шамилевич, за конкретику. Марат Вазыхович, Вам завершать.

Марат Лотфуллин: Что необходимо изменить в функционировании общественных организаций? В их функционировании, мне кажется, изменить что-то нелегко. Самостоятельно мы, конечно, можем порассуждать. С Дамиром Мавляевевичем согласен, в уставы изменения по демократизации и структурированию нужно внести. Структуры пока у них нет. С улицы приходит кто-то, говорит: «Я из общественной организации такой-то, участвую в совещании» и несет, и несет, и несет чушь. Чем это плохо? Нормальные люди оттуда уходят. Потому что это бессмысленно. Для больных, честно говоря. Я много лет работал в НИИ и к нам приходили проекты на оценку. Они частью изначально не отвечали всем научным принципам. Мы должны написать им все равно аргументированный ответ. Это отнимает кучу времени. Шиза – это такая болезнь. Человек вроде все говорит правильно, но есть всего один пунктик. И его надо нащупать. Тратить время на это никто не хочет. Поэтому у нормальных общественных организаций есть структура, если вы обратили внимание. Там есть рядовые члены, есть еще какие-то организации, где они могут пообщаться в пятерке, десятке. Потом, есть еще среднее звено. Туда нужно попасть по результатам выборов и работы. И есть верхушка, где сидит политбюро. Это люди отборные, выборные. В наших организациях такого, к сожалению, нет. Но есть государственные организации, где есть структура. Но они

тоже люди неконкурсные, назначенные. Они люди преданные, подчиненные, очень нетворческие, не вполне интеллектуальные. Ничего сами не придумывали и не могли в принципе. Зато лояльные и преданные. Будут исполнять что им велено. Естественно, за определенную «кормежку».

Я бы хотел, чтобы общественных организаций было больше. Чтобы они не были комсомольскими. Во-первых, нужно заниматься вопросами просвещения, агитации и пропаганды. Здесь у нас Руслан более-менее занимается, Вы занимаетесь (обращается к кому-то из присутствующих). Это серьезная работа. Нужно как-то организовать общественные лектории. Возможно, через институты. Раньше они проводились и были эффективны. Люди туда ходили. Они в этом нуждаются. Телевизор этого не покажет, лектории нужны. Тем более, поколение, которое не прошло через татарские школы. Ни языка, ни истории, ни традиций они не знают. Живут какими-то сказками.

Самое плохое – это благотворительность. Задам простой вопрос: зачем человеку быть татаринном? Какой смысл? Одни трудности. Тех, кто жил этим – процентов 5. Героев никогда не бывает более 10%. А народ просто выживает, ему просто нужен кусок хлеба. Мы должны им помогать. Например, евреям. Они помогают. Им выгодно быть евреями. Какая разница, что несколько веков назад было невыгодно. Все-таки благотворительность нужна. Сайты нужны, в Интернете мы представлены слабовато. Нет познавательного контента. Наконец-то появился «Шаян-ТВ» и более-менее полезную информацию можно получить на родном языке.

Что делать дальше? Ограничиваться РФ не надо. Возможности из года в год тут будут сужаться. Быстрыми темпами мы возвращаемся в Советский Союз. И, видимо, через года 3–4, будет чистый СССР. Мы уже дошли до Союза по вульгаризации, а по организации не дошли еще. Все-таки нам надо ориентироваться на татар, живущих за рубежом. Там их сейчас много, поэтому должны быть фонды и не только ФСБ-шные организации. Есть самостоятельные ребята, с которыми нужно держать связь, их поощрять к организации финансовых основ. И надо целенаправленно работать с бизнес-сообществом. Как бы тяжело это не было, надо в них проникать. А для этого надо найти людей, которым они доверяют и которых уважают. Нужно еще работать с научно-технической интеллигенцией. Они полезны и результативны. По системе образования г. Казани, которую делал профессор математики КИСИ Ахмадиев Фаиль (он был замом К. Исхакова). Он все понимал и с ним работали. Был Гали Юнусович – академик из АН РТ, КАИ, который возглавлял «Магариф». Они все были математики, высококвалифицированные. И сделали дело. Нам надо «ходить в народ».

Дамир Исхаков: У меня есть предложение. У каждого осталось 2–3 тезиса, несказанных. Давайте еще пройдемся по ним. Обращаю ваше внимание: в Стратегии татар никакого пункта об общественных организациях нет. И обсуждений не было. Это, кстати, симптоматично. Второй важный момент: у нас есть организации молодежные, есть организации, где заседает старшее поколение. Конгресс татар – это аксакалы. У нас выпало среднее возрастное звено полностью. И третий момент: татарам так и не удалось сформировать интеллектуальное ядро. Сколько было попыток. Римзиль Валеев даже записки писал, чтобы Совет экспертов создать. Это нам не удалось. Совет ведь может функционировать как общественная организация.

Сурия Усманова: Марат эфэнде, я хочу вернуться к теме, которую вы начали. О взаимодействии с бизнесом. В рамках РФ у каждого богатого человека есть свой фонд. А как они образовались? В 2000-х с приходом Путина каждому, и Усманову в том числе, было указано, что они должны сделать. Например, для музея кто-то покупает яйца Фаберже, кто-то строит здание. А на данный момент в Санкт-Петербурге проводится культурный фестиваль, где выбирают меценатов, способных сделать вклад. У нас же только спорт и благотворительность.

Ирек эфэнде, у Вас есть место для встречи и человеческие ресурсы. Айрат, давайте организуем встречу. Давайте соберем специалистов ресурсных центров. И дойти нужно до руководства республики, другого пути нет.

Равиль Хуснутдинов: Можно сколько угодно иронизировать над создателями идеи российской нации. Но маховик запущен. И тема будет доведена до логического завершения. Нужно думать, как быть дальше. Как в новых условиях занимать вершины? И нужно признать, что татары – это

двуязычный народ. Это мужественный поступок. И опять же, после признания нужно думать, как действовать в этих обстоятельствах. Важный момент – это не только воспитание и работа с татарами, а работа с русским окружением по его воспитанию и образованию. Мы, допустим, выпускаем газету на русском языке, и она разлетается. Мы поднимали вопрос об увеличении тиража, но пока не получается. Газета покупается и читается русскими магнитогорцами и этот момент, когда татары пишут об актуальных темах – он очень важен.

Айрат Файзрахманов: Я как раз риторический вопрос поставил: как оказаться Федеральной национальной культурной автономией? Если мы говорим о том, что Национальная культурная автономия влияет на национальную политику, и я тоже хочу влиять. Как я там могу оказаться? Люди об этом не знают. Получается, как будто Конгресс и Автономия – это закрытые организации. На самом деле есть механизм и возможности влияния на них.

Далее. Бизнес сообщество ведет вложение денег, но вкладывается в стены – мечеть, город Болгар. Других возможностей не видит, потому что не предлагаются другие продукты. Нужно оцифровать свои практики, проекты и расписать какие ресурсы нужны. Как раз на Форуме мы озвучивали, что нужна крауд-фандинговая платформа, где можно было бы обозначить лучшие проекты. Даже информации нет в татарском мире по этому поводу.

Говоря о лекториях, мы их делаем. Есть «Ачык университет» – «Открытый университет». Там все серьезно: обучение, повышение квалификации, удостоверения.

Про Шаян-ТВ здесь тоже говорилось, неплохо сделали. Но 90% наших предложений не учли, с ними не работают. Канал пока не совсем отвечает запросам.

Действительно, нужны экспертные советы. При Министерстве культуры есть Совет, в Конгрессе его нет. Нужны общественные советы, например, при «ТНВ».

Марат Лотфуллин: По поводу работы с бизнесом. Для бизнесменов эту работу считаю опасной, потому что сразу нагрянет налоговая, потом пожарные и прочие надзорные организации одновременно. Знаю из своего опыта, что даже те бизнесмены, которые помогли школам, пострадали. Им открытым текстом сказали, что у них видимо лишние деньги появились. Это временные явления, поэтому работать нужно хотя бы духовно.

Руслан Айсин: Причиной нашего мероприятия было собрание всех последних социальных, образовательных наработок, чтобы понять, как татарам двигаться. Можно бесконечно жаловаться и причитать. Но после обсуждения мы видим, что есть возможности, которые нужно довести до конгресса татар, до широкой татарской общественности в разных регионах. Фронт работы очень большой. Возложена большая задача.

Всех благодарим за участие!

Расшифровка «круглого стола» от 14 сентября 2019.

* * *

Айрат Файзрахманов

«ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ДОЛЖНО СТАТЬ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Айрат Файзрахманов уверен в том, что развитие татароязычной молодежной среды не остановит даже удар по лидерам младотатар

Историк и наш блогер Айрат Файзрахманов подводит итоги деятельности Всемирного форума татарской молодежи за 15 лет. По его мнению, за это время Форум стал одним из самых успешных проектов ВКТ. Поначалу он рассматривался как одно из мероприятий конгресса, но в итоге стал самостоятельным и постоянно действующим органом. «Схема „Партия сказала: «Надо!» – комсомол ответил: «Есть!» в отношении Форума не работает», – отмечает автор «БИЗНЕС Online».

В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА ОТСУТСТВУЕТ «МОЛОДЕЖНЫЙ РАЗДЕЛ»

Прошедшим летом исполнилось 15 лет с момента образования Всемирного форума татарской молодежи – время подвести некоторые итоги движению и обрисовать текущие задачи, которые ставят перед собой татарские молодежные общественные организации. К тому же, заметим, в Стратегии развития татарского народа отсутствует «молодежный раздел», потому как, по своей сути, она ориентирована на будущие поколения и их потребности.

Всемирный форум татарской молодежи сформировался и действует под эгидой всемирного конгресса татар и, наверное, стал одним из самых его успешных проектов. Если поначалу Форум рассматривался как одно из мероприятий конгресса, как площадка для репрезентации Татарстана и молодежных знакомств, то затем он стал вполне самостоятельным явлением и постоянно действующим органом. Главный результат – это даже не количество татарских молодежных организаций (их много – более полторы сотни по всему миру) и мероприятий, а креативная татарская среда, которая генерирует новые смыслы, проекты, делает татарский язык и «татарскость» модными для остальной молодежи. И если раньше мы мечтали о татарской городской молодежной субкультуре, то теперь в Казани и этот уровень преодолен. С Форумом или без – татароязычная молодежная среда будет развиваться, правда, пока в пределах Татарстана.

Как бы мы ни отрещивались от понятия «младотатары», как явление оно уже состоялось. Даже удар по лидерам вряд ли остановит это движение, потому что оно уже стало сетевым, а идеи приобрели вирусный характер. А вот стимулировать дальнейшую генерацию такой среды может появление центров современной татарской культуры в крупных городах, выполняющих в том числе функцию ресурсных и образовательных центров для развития молодежных проектов. Именно так можно взрастить большую когорту поликультурной и полилингвальной молодежи, которая стала бы идейной и модернизационной опорой Татарстана. Вместо недовольства неустроенностью жизнью – реальные проекты и дела.

Сейчас у Форума сформировалась своя возрастная ниша – как правило, это молодые люди, успевшие окончить вуз. Со школьниками, например, работает лагерь «Сэлэт», хотя степень его татароязычности вызывает все больше вопросов, но есть стержень, немало ребят приходят к нам именно оттуда. Собственно, молодые профессионалы или дерзкие экспериментаторы из «младотатарской среды», имея хороший профессиональный опыт, начинают генерировать проекты. Все это не исключает участия студентов, старшеклассников или, наоборот. Многодетных мам и отцов.

При этом активная татарская молодежь может сказать и свое политическое слово: мы не молчим, когда задеваются наши языковые права, историческая память, принижается право на самостоятельную культурную и образовательную политику, когда кто-то ставит под сомнение государственность Татарстана. Определенно, у татарской молодежи есть свой голос, и наши письма и обращения – это собственный порыв, а не указка сверху. Из последнего: на недавнем съезде было принято отдельное обращение с резким неприятием попытки установки памятника Ивану Грозному в Астрахани, празднования Стояния на Угре и отдельное предложение по поводу празднования на федеральном уровне 1100-летия принятия болгарами ислама (памятные знаки на месте болгарских городищ, мемориализация захоронений, возведение юбилейных мечетей, серия просветительских мероприятий, организация тематических музейно-выставочных пространств и так далее).

НАДЕТЬ ОДИНАКОВЫЕ ФУТБОЛКИ И ПОЙТИ УСТРОИТЬ БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ФЛЕШМОБ – ЭТО НЕ НАШ СТИЛЬ

Схема «Партия сказала: «Надо!» – комсомол ответил: «Есть!»» в отношении Форума не работает. Надеть одинаковые футболки и пойти устроить бессодержательный флешмоб – это не наш стиль. Мобилизационный ресурс ограничен, и хотелось бы использовать его только для ключевых событий, а не для кампанейщины. К сожалению, старшее поколение на местах продолжает видеть в молодежи бесплатную волонтерскую силу для сабантуйа, Новое поколение же хочет делать свои

проекты и площадки, получать ресурсы под них. Зачастую такой разрыв в понимании приводит к конфликту, появлению конкурирующих друг с другом сообществ или к вымыванию молодежного актива. Ушедшие однажды редко возвращаются вновь, тем более если нужно встраиваться в иерархические взаимоотношения и шаблонные мероприятия. При том, что молодежный мир становится все более горизонтальным, иерархия для него все более неприемлема. В этом смысле Всемирный форум татарской молодежи не смог стать полноценным кадровым резервом конгресса татар, который уже, как отмечал Руслан Айсин, потерял среднее поколение. И дело здесь не только в нежелании обновления (никто на словах не ратует за консервацию), суть в пресловутой проблеме отцов и детей, в неосознанном желании монополизировать интерпретацию «татарскости».

При этом надо понимать, что, если ты действуешь в этнополитической теме вне поля конгресса татар или вне Национально-культурной автономии, есть большая вероятность быть записанным в оппозиционеры и националисты. Любой твой проект, команда, идеи автоматически могут получить множество барьеров. К примеру, «Татар телле ата-аналар» (сообщество татароязычных родителей) – идея и многотысячное сообщество пока не приняты ВКТ, а работа со школами и садиками стоит. В то время как организация родительского сообщества – основа для восстановления национального образования, без которого нет возможности развивать татарский язык. Во Всемирном курултае башкир, напротив, данное направление стало приоритетным, и его основа – это молодые родители. Между реальным делом и громким «фи» хочется выбирать первое, и поэтому я считаю, что молодому поколению по пути с конгрессом татар (и с другими официальными субъектами национальной политики в Татарстане), несмотря на все противоречия, эйджизм и разные образы будущего.

МЫ ПРИШЛИ К ПОНИМАНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ЦЕНТРА ДЛЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Нужно отметить с большим сожалением, что вне Татарстана татарский язык и культура уходят быстрыми темпами. И это самая большая наша боль, частично вина лежит и на нас – мы много чего еще не успели сделать, особенно в образовании. Информационная, институциональная, культурная и языковая глобализация, в которой молодым татарам все труднее находить себя, на глазах «съедает» молодое поколение. В этом смысле татарские сообщества в регионах и за рубежом – это последний барьер на пути потери этнической идентичности. Активная татарская молодежь в регионах с большим трудом, пересиливая себя, пытается говорить на родном языке, познавать татарскую культуру, но, в отсутствие национального образования, языковой среды, ресурсной поддержки, больших сдвигов вряд ли приходится ожидать. Поэтому главной задачей нашего поколения в ближайшее десятилетие должно стать возрождение национального образования. Без связи с государственными органами власти, без конгресса татар вряд ли удастся это сделать.

На настоящий момент главная идея ВФТМ остается прежней: развитие пула современных татароязычных проектов и генерация новых программ. Именно на это были направлены последний съезд и трехдневное обучение руководителей организаций. Почему акцент именно на проекты, если мы говорим о возрождении национального образования? Такое фундаментальное направление для татар, как открытие национальных школ, татарских классов и групп, преподавание языка, создание татарских центров, защита памятников истории и культуры, также требует проектного управления и современных подходов. Стимулируя проектный подход, увеличивая количество и разнообразие (не все увлекаются политикой или культурой) проектов, мы способствуем вовлеченности разных групп татар в общественную жизнь, повышаем свою конкурентоспособность, решаем конкретные проблемы.

В ходе Форума пришли к пониманию формирования ресурсного центра для этнокультурных проектов, который бы продюсировал их, прорабатывал идейную и креативную составляющую, айдентику, помогал подтягивать ресурсы под национальные проекты посредством нахождения частных и государственных грантов, целенаправленной работы с бизнес-сообществом и сбора средств (краудфандинговые и фандрайзинговые технологии) или вообще способствовал выходу на самоокупаемость. Иногда для старта проекта достаточно нужных социальных связей. Для этих

задач необходимо проведение имиджевых фестивалей татарских проектов в формате акселераторов, инвест-сессий с обязательным привлечением экспертного сообщества и бизнес-сообщества в качестве ресурсодателей – они должны четко понимать, какой эффект несет с собой тот или иной проект и что дает каждая вложенная тысяча рублей. Пока же национально ориентированное бизнес-сообщество научилось вкладывать в строительство мечетей, в инфраструктуру родной деревни и в Сабантуй. Других возможностей, институций, которым можно довериться, сообщество не видит, да и показывают ли ему эти шансы?

Проходя проверку временем, проект может передаваться на места как франшиза: как это уже делается с «Татарча диктант», «Татар кызы», акцией «Мин татарча сөйләшәм» и фестивалем «Печән базары». Если же проект становится масштабным и тиражируемым, им уже может заниматься дирекция с профессиональным event-менеджментом. Я считаю, что уже давно назрел вопрос с формированием подобной организации, которая, используя те же финансовые ресурсы, могла бы уже сейчас заняться организацией крупных Сабантуев и татарских фестивалей, избавив стратегические умы в ВКТ от лишней головной боли.

ОБЛЕГЧЕНИЕ НОРМАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕГИОНАХ НЕ ПРИВЕЛО К КАКИМ-ЛИБО СУЩЕСТВЕННЫМ СДВИГАМ

Важнейший элемент проектной работы – постоянное обучение, которое могло бы организовываться на базе своего корпоративного университета. Кстати, на Форуме командой 18-летних ребят был презентован проект национального «Ачык университет» на онлайн-основе. Жаль, что председатель нацсовета «Милли шура» Василь Шайхразиев, давая молодежи на пленарном заседании часовое наставление, затем не смог услышать выступления этих ребят. Если в Татарстане никак не получается открыть национальный университет, на общественных началах он должен появиться хотя бы в такой форме. С весны 2019 г. мы уже провели два продолжительных курса по истории государственности и по современной татарской культуре, скоро будет запущена отдельная учебная платформа.

Оказался неслышанным официальными лицами и большой аналитический доклад московской молодежи, где были проанализированы учебные планы нескольких сотен школ в Татарстане и регионах компактного проживания татар: «языковая контрреформа» привела к снижению более чем на 30% количества часов на родной язык и более чем на 50% количества часов, отводимых на изучение родной литературы; с другой стороны, облегчение нормативных возможностей для преподавания татарского языка в регионах не привело к каким-либо существенным сдвигам. По признанию некоторых участников съезда, именно с озвучивания данного доклада и надо было начинать пленарное заседание, но, к сожалению, взгляд на нас, как на комсомольскую организацию, не позволил сделать это.

Как минимум для институциональной поддержки национального образования нужно реализовать те положения, которые были продекларированы депутатом Госдумы Ильдаром Гильмутдиновым. Кстати, от имени Всемирного форума татарской молодежи ему направили воодушевленное письмо с поддержкой и конкретными предложениями, но в ответ мы получили только короткую отписку. Отмечу, что по написанному в адрес ВКТ письму с аналогичными предложениями я и вовсе не дождался ответа. Будем надеяться, что все это не оказалось предвыборным трюком, в котором вопрос об институциональной поддержке татарского языка является лишь предметом для манипуляций.

БОЛЬШИЕ РУКОВОДИТЕЛИ В ТАТАРСТАНЕ СМОТРЯТ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК КАК НА НЕЧТО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ И НЕКОНКУРЕНТОСПОСОБНОЕ

Важно отметить, что особое внимание молодежи приковано к полилингвальным гимназиям (тому подтверждение – резолюция съезда). Как и ожидалось, молодые татары в регионах очень бы хотели отправлять на обучение туда своих детей. В кулуарах было много вопросов (с надеждой)

про «шаймиевские гимназии». Однако есть и опасения относительно того, что в полилингвальной гимназии среди трех языков татарский окажется на третьем месте, при этом сильно отставая от других. И недавний спич ректора КФУ Ильшата Гафурова о том, что для функционирования татарского языка в образовании достаточно начальных классов, подтвердил эти опасения. Большие руководители в Татарстане смотрят на татарский язык как на нечто дополнительное и неконкурентоспособное, но раз есть госзаказ, воля первых лиц, то, хочешь или не хочешь, нужно выполнять задачу.

Немудрено, что у большинства татар, в том числе у педагогических кадров, укоренилась установка, что татарский – это язык по остаточному принципу, язык деревни, фольклора и гуманитарных научных дисциплин. Если в полилингвальных гимназиях на первое место ставить кадры (и на это уже, судя по речи Минитимера Шаймиева, делается ставка), то первое, что нужно делать в работе с ними, – в массовом порядке менять подобные психолингвистические установки, сознание, отношение к языку. Именно тогда татарский будет востребован в рамках полилингвального образования и перестанет быть мертвым, языком училок и языком далеких деревень.

К сожалению, такое понимание сильно влияет на то, как татарский язык функционирует в публичном пространстве. Если он и присутствует, то всегда на втором месте или вовсе идет мелким шрифтом (хотя в 1990-е гг. было не так). Если вдумываться в ситуацию, получается, что твой родной язык имеет право на меньшее пространство и только на второе место после языка старшего брата. Мы сами загоняем себя в искусственные рамки. Хотя если говорить о конституционной равнозначности в Татарстане, то здесь не должно быть первого и второго языка. К слову, делегаты съезда в который раз отмечают, что в Казани ни в одном из татарских (!) кафе, которое они посещали, не встретили меню на татарском. Добавлю: даже в Старо-Татарской слободе Казани информация на татарском – редкое явление.

НУЖНО РАБОТАТЬ С ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ УСТАНОВКАМИ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ

Очень распространенная ситуация, особенно в регионах компактного проживания татар: татароязычные дедушки и бабушки живут или провели значительную часть жизни на селе, дети умеют неплохо изъясняться на татарском языке, но преимущественно общаются на русском, внуки уже могут знать лишь несколько слов на татарском. Бабушки и дедушки пытаются заговорить с ними на родном языке, но быстро перестают стараться и переходят в общении на русский. Даже с чисто утилитарной стороны – имея такое важное преимущество в современном мире, как билингвальность, родители не передают этот навык своим детям. Почему? Проблема очень сложная, и простым увещанием, вызыванием татар к совести ее не решишь.

Поэтому еще раз подчеркну: нужно работать с психолингвистическими установками двух поколений родителей и формировать у них базовые педагогические навыки. Для молодых татарских семей необходим корпус простейших учебных материалов – множество коротких видео с практиками обучения детей родному языку в домашних условиях (с учетом того, что у родителей язык на самом базовом уровне), видеоуроки, инфографики, иллюстрации, анимированные ролики и так далее. Благо, движение в этом направлении уже есть.

Необходимо транслировать мнение широкого спектра специалистов (психологов, педагогов, лингвистов, специалистов в сфере раннего развития детей, в области мозговой деятельности и так далее) о преимуществах полилингвальности. Каждый книжный магазин в Татарстане должен себе позволить иметь качественную детскую литературу на татарском языке, и этой полке нужно быть на самом видном месте. То же самое необходимо в каждом татарском национальном центре за пределами Татарстана. Кстати, один из проектов, которые предлагали делегаты из регионов, – родительские клубы по совместному чтению детской литературы на татарском языке и книжный минимум. Поэтому важнейшая задача, в том числе и в рамках Стратегии развития татарского народа, – повысить гордость за использование родного языка через конкретную просветительскую и институциональную политику.

Несмотря на то, что текущий съезд Всемирного форума татарской молодежи не был посвящен стратегии (на предыдущем съезде в прошлом году эта тема уже была главной), прозвучало множество идей, конкретных предложений, которые я постараюсь консолидировать и изложить в следующей публикации. Они могли бы стать новым подспорьем для разработчиков стратегии и лиц, принимающих ключевые для татарского народа решения.

P. S. Так получилось, что в момент написания этих строк случилась трагедия с удмуртским ученым Альбертом Разиным. Она всколыхнула многие народы России, и их несколько неожиданная и эмоциональная реакция – это, действительно, сигнал о большом неблагополучии в языковой, национальной сфере (не путать с межнациональной!). В некотором роде публичный акт Разина нужно расценивать не как жест отчаяния удмуртской интеллигенции и тем более не как суицид, а как выстраданный политический акт. Этот поступок – символ борьбы против попрания прав коренных народов, против деления языков на сорта, против нежелания видеть проблемы и наплевательского отношения к так называемым «малым» народам.

Не случайно трагедия произошла во Всемирный день предотвращения самоубийств. То есть в этот день депутаты могли остановить, но не остановили ученого. Они просто прошли мимо. Получилось так, будто удмуртский активист с его лозунгами, как и сам удмуртский язык, оказались не стоящими внимания этой власти. И от этого становится еще более грустно. Быть чужим в своем родном доме – это трагедия, которую нам всем еще предстоит переосмыслить. И как же глубока трагедия удмуртского народа, чья этничность находится в гораздо более сложной ситуации, чем у татар. Но нам не стоит обольщаться, мы тоже можем оказаться в положении «чужого» в родной республике, если не определим верную стратегию и точки роста, если не сможем вернуть национальное образование, уважение и гордость за язык, культуру, историю и собственное этническое «я».

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/438807>,
15 сентября 2019.*

* * *

Руслан Айсин

«ТАТАРСТАН НАХОДИТСЯ В ТРУБЕ ТУРБУЛЕНТНОГО ПОТОКА И СТАРАЕТСЯ НЕ ПОТЕРЯТЬ УПРАВЛЕНИЕ»

Руслан Айсин о том, как Рустам Минниханов в послании Госсовету РТ напомнил о 30-летию принятия Декларации о суверенитете республики

Многие наблюдатели предполагают, что в будущем году юбилей принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана будет в тени на фоне 100-летия образования ТАССР. Между тем Президент РТ в своем ежегодном послании к республиканскому парламенту напомнил о событии, ставшем поводом для красного дня календаря, 30 августа, по сути, легимитизировав праздник с его политической составляющей. Впрочем, политолог Руслан Айсин считает, что 2020 г. в целом станет для Татарстана рубежным.

ВО МНОГИХ ОТНОШЕНИЯХ 2020 ГОД – РУБЕЖНЫЙ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ

Во многих отношениях 2020 г. – рубежный для республики. В нем, как в единой точке, должны сойтись несколько важных политических векторов и тенденций. Выборы президента РТ, всероссийская перепись населения, где татарский вопрос сторонниками искусственного разделения нации политизирован до высокого градуса, и сразу два больших юбилея татарстанской государственности – 100-летие образования ТАССР, а 30 августа исполняется 30 лет принятию Декларации о государственном суверенитете республики.

Очевидно, что на плечи управленческого класса республики в следующем году ляжет тяжелая ноша. Придется испытать немалое напряжение всех имеющихся у республики сил. В общем и це-

лом, я полагаю, с выборами разберутся легко. Здесь татарстанский механизм результата работает, как немецкая машина, сбоек практически не дает. А вот с переписью населения могут возникнуть сложности, но не в самой республике, а в местах компактного проживания татар. Татарстан несет ответственность за состояние татарского мира, в его конституционные, между прочим, обязанности входит удовлетворение духовных нужд и запросов соплеменников, проживающих за пределами РТ. Не исключено, что в ряде мест будет предпринята попытка снизить количественные показатели татарского населения или записать их в состав другого этноса.

Такое уже было во время прошлых переписных кампаний 2002 и 2010 гг., по итогам которых удельный вес татар в общероссийском масштабе уменьшился. При этом отдельные силы в Москве продолжают гнуть свою линию, проводя политику искусстве и подгруппы, буквально придумывая их на ходу и сочиняя на коленках. В результате таких псевдонаучных манипуляций единству татарской нации наносится значительный моральный, психологический, символический, административный и политический урон. И кто возразит, что в основе всего этого не лежит древний римский принцип *divide et impera*, то есть «разделяй и властвуй». К сожалению, часть правящего на федеральном уровне номенклатурного кластера отчего-то считает, что культурные движения народов Российской Федерации – это вызов общегосударственному монолиту! Национальные административно-территориальные единицы республики также рассматриваются как источники перманентной опасности всевластию Москвы. И, кажется, все забывают, что живем мы в федеративной стране с богатой мозаикой народов, географических, хозяйственных, цивилизационных, культурных и иных особенностей, что унифицировать все это – неправильно, а местами просто преступно перед историей. Москва расходует огромные ресурсы, чтобы постоянно что-то запрещать вместо того, чтобы цивилизованно, компетентно регулировать, прописывать адекватные правила, которые устроили бы все стороны.

Энергия запретительного начала – по сути, ресентимент – в разы превышает созидательный принцип. Потому так повелось здесь, что столица не может существовать вне экспансионистского режима. Натиск и экспансия – вот состав властного алхимического зелья, без которого она уже не мыслит свое физическое и цивилизационное существование. За короткий срок после крушения золотоордынского проекта Московское княжество выросло до масштабов целой империи. Экстенсивное развитие даже, казалось бы, в бескрайней географии Евразии имеет свои пределы. Оно достигнуто. Как говорил историк Михаил Гэфтер, «уже утрачены ресурсы пространственные и, вероятно, на исходе резервы времени». Поэтому экспансия идет внутрь. «Внутренняя империя» – это попытка сохранения некоего важного статуса, в первую очередь для самой распавшейся империи. Это, как мы отмечали выше, психологическая потребность, острая нужда в самоощущении собственного геополитического величия. Компенсаторный механизм, призванный минимизировать последствия боли от падения с пьедестала сильнейших мира сего. При этом она провоцирует сильнейшую апатию, экзистенциальную скуку, которая, по мнению известного психоаналитика Карла Юнга, есть растворенная во времени боль. А она калечит.

Как видим, проблема лежит не только в политической плоскости, она значительно многограннее. Татарстан находится в этой трубе турбулентного потока и пытается сохранять как минимум видимость контроля на местности, изо всех сил старается не потерять управление. Это не так легко.

*В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ЗАПИСАНО, ЧТО РЕСПУБЛИКИ
В СОСТАВЕ РФ ЯВЛЯЮТСЯ ГОСУДАРСТВАМИ*

И, наконец, третий пункт рубежного 2020 г. – это историко-символическое прочтение двух юбилейных дат: 100-летия образования ТАССР и 30-летия принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана. На первый взгляд, здесь нет видимых полюсов напряжения, могущих оказать какое-то влияние на ход политического маховика. Но это не так. Есть отдельные персонажи и силы в российской властной и околотовластной тусовке, которые пытаются наделить историю сильным идеологическим звучанием, поставить ее на службу текущим нуждам правящего класса.

Они делят историю на правильную и на фальсифицированную, а уже исходя из этих видений формируется позиция по многим политическим вопросам сегодняшнего дня, выбираются враги и друзья. Далеко ходить за примером не надо. Из последнего: поражает, как вывернут наизнанку исторический факт стояния на реке Угре войск Ивана III и хана Большой Орды Ахмеда в 1480 г. с предложением отмечать его как день избавления от выплаты ясака татаро-монголам. Мало того, что исторически это не соответствует действительности, так еще и спровоцировало большой политический скандал. Татарстан не мог отсидеться в стороне и проигнорировать такой провокационный выпад фальсификаторов, которые из всего пытаются выжать максимальный политический и имиджевый гешефт.

Из официальной истории получается, что есть «хорошие ребята» с центром в Москве и «плохие парни», как правило, наследники татарских средневековых княжеств, финно-угры, кавказская цивилизация. На этом примитивном противопоставлении, черно-белом одномерном видении, к сожалению, и строится сегодняшняя идеологическая и политическая повестка. Эти исторические штампы слишком глубоко въелись в коллективное бессознательное масс.

Такая же реакция наблюдается сегодня по отношению к 90-м гг. Их выбрали источником всех бед, некой темной эпохой, в глубине которой живет неистребимое зло, до сих пор вредящее нам, современникам, мешающее окончательно и бесповоротно встать с колен. При этом весь управленческий класс, творческий и интеллектуальный бомонд сформировались и пробрались на большую арену социума власти именно тогда. Если бы не «проклятые 90-е», вряд ли они сегодня имели бы то, что имеют. Из этих же соображений строятся отношения к событию 30 августа 1990 г., когда была принята Декларация о государственности Татарстана, и популистские обвинения в сепаратизме.

Историю не перепишешь. Она часть нашего настоящего, ее бессмысленно ругать и очернять. Ее надо воспринимать с холодной расчетливостью. Татарстан не собирался в 1990 г. никуда откалываться, это дешевый и пропагандистский миф. Напротив, он готовился к подписанию нового союзного договора, сулившего ему статус союзной республики. Декларацию о суверенитете принял 12 июня 1990 г. Верховный Совет РСФСР (сегодня эту дату празднуют как День России), 20 июля парламент Северо-Осетинской АССР принял аналогичный документ, 9 августа Карельская АССР и 29 августа Коми ССР последовали их примеру. И только потом Татарстан сказал свое слово. Суверенитет провозглашался в этих документах как юридическая норма. Вопрос о полной государственной независимости и выходе из состава РСФСР, как правило, не ставился, отношения с федеральным Центром предполагалось в дальнейшем урегулировать путем заключения с ним договоров, таким ровно образом возник СССР. Как впоследствии и вышло. В действующей Российской Конституции записано, что республики в составе РФ являются государствами. Это такая федеративная модель – государственные субъекты составляют единую плоть объединенного как бы над (ними) государства. США, для примера, это Соединенные государства (слово «штаты» не передают дефиницию понятия) Америки.

«БЕЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО МЫ НЕ ДОБИЛИСЬ БЫ ВЕРШИН НАСТОЯЩЕГО»

Обретенная политическая субъектность регионов наделила их значимостью и полномочиями для формирования новой демократической страны. Импульс к обрушению шел из союзного центра, регионы были вынуждены брать политическую инициативу в свои руки, чтобы не стать жертвами катаклизма. Они спасли страну от окончательной дезинтеграции и учредили новое государственное образование.

В своем юбилейном, десятом, послании Государственному Совету республики Президент Рустам Минниханов коснулся темы 100-летия ТАССР. Он сказал, что эта дата «обращает к истокам становления республики, ее героическому пути и современной государственности». Касательно 30 августа Президент отметил, что Декларация о государственном суверенитете определила современное развитие Татарстана. Важнейшая мысль, которую обозначил Минниханов: без нашего прошлого мы не добились бы вершин настоящего. А найдется ли тот, кто решится поставить под сомнение тот факт, что за истекшие почти 30 лет Татарстан из рядовой автономной республики

превратился в ведущий регион страны, чей положительный опыт развития внимательно изучают, а о достижениях в разных сферах говорят на международной арене?

А бороться с историей, как пытаются это делать некоторые намундиренные властью деятели, все равно, что поступать как когда-то папа Иннокентий VIII. Он в пылу разгула инквизиции признал кошек помощниками дьявола, и тысячи особей были сожжены. Как следствие – массовое убийство кошек привело к резкому увеличению популяции крыс, что усугубило последствия эпидемии чумы для всей Европы.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/440562>,
28 сентября 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«К СОЖАЛЕНИЮ, ОПЫТ ТАТАРО-МИШАРСКИХ АГРОПОЛИСОВ УНИКАЛЕН И ПОЧТИ НЕПОВТОРИМ»

Айрат Файзрахманов уверен, что идеология национализма, став для государства инструментом мобилизации граждан, может продолжать экспансию

Блогер «БИЗНЕС Online» решил включиться в академическую дискуссию Дамира Исхакова и Альфрида Бустанова – «нация-государство» vs «постнация». По мнению Файзрахманова, постнационализм как производное от глобализации не исключает наличия национализма, эти понятия могут существовать в параллельных реальностях, сталкиваться лоб в лоб и даже способствовать взаимному развитию. «Нужно ли противопоставлять друг другу так называемые воображаемые сообщества?» – задается вопросом наш автор.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ МОГУТ ИСЧЕЗАТЬ КАК БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ БАРЬЕР, НО НЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВОДОРАЗДЕЛ

В дискуссии «Постнация или нация?» возникает следующее сомнение: нужно ли противопоставлять друг другу эти два понятия, так называемые воображаемые сообщества. Постнационализм может отвергать этничность, используя такие категории глобализма, как «человек мира» или «мир без границ», а может являться и новой формой проявления этничности. Если рассматривать постнационализм как производное от глобализации, стирающей национальные границы, то и в этом случае оно не отменяет наличие «национализмов».

Данные понятия могут существовать в параллельных реальностях, они могут сталкиваться лоб в лоб или даже способствовать развитию друг друга. Глобальные правила и стандарты могут становиться частью национальной идентичности и наоборот: национальные проблемы являют собой часть глобальной повестки. То, что кажется наднациональным, на поверку оказывается производной от какой-либо национальной культуры: так, популярный хит или кино создается на конкретном языке – основном носителе национальных смыслов, они могут иметь множество непонятных «чужому» культурных кодов, устойчивых выражений, включающих в том числе религиозную основу. «Человек мира» также использует в своей повседневности конкретный язык и усваивает культурные установки окружения, «корнями» уходящие в ту или иную этничность.

Сам дискурс о нациях глобален и заставляет большинство государств продолжать использовать его, поддерживая в своих гражданах общенациональную гражданскую идентичность и меняя лишь отдельные ее составляющие. При этом государство и его институты становятся более тотальными – серых зон, куда бы не дошло внимание чиновников, становится все меньше и меньше. Идеология национализма, став для государства самым удобным инструментом для мобилизации граждан, может продолжать свою экспансию, пронизывая систему образования, сферу государственного управления, образы власти и государственные символы, коллективную память, СМИ,

кино, музыку, спорт, молодежные сообщества и пр. Государства продолжают «подавать заявки» на древнее наследие, известных в мировой истории личностей, конкурируют между собой в этом, они могут объявлять об утерянных национальных территориях, продолжении славных традиций древности и т. д. И пока трудно найти в мире какое-либо организованное движение, мощную идеологию, которая бы противопоставляла себя идеологии государственных национализмов. Даже альтернатива тотальному государству – третий сектор, или система некоммерческих организаций, – также не исключает национального дискурса.

Ни по Европе, ни по США, ни по Ближнему Востоку, Индии, Китаю или Африке нельзя сказать, что эра национализмов прошла и постнациональный глобализм съел этнические идентичности. Даже в таком «плавильном котле», как США, увеличивается роль этнического национализма, что во многом является попыткой ответа на продолжающийся рост количества мигрантов. Нам уже обещали слияние наций, мировое государство, конец истории, но эта затянувшаяся концовка пока оказалась лишь одним из этапов исторической эволюции общества. Подъем общегосударственных и региональных национализмов вопреки предсказаниям (каталанский, шотландский, тирольский, квебекский, кашмирский, аймаранский и т. д.), возможно, оказался одним из самых больших неожиданностей в современном мире. При этом государственные национализмы смогли пережить и коммунистическую идеологию. При этом государственные и региональные национализмы смогли пережить и коммунистическую идеологию, и интернационализм. Общеввропейская идентичность, несмотря на нынешний успех интеграционного проекта, также не привела к утрате этнической идентичности. Да, современный мир является миром больших городов, который зачастую съедает у человека собственную этничность, предлагая взамен собственную идентичность, а легкость перемещения между мегаполисами – национальные границы. Однако часто «внуки вспоминают то, что хотели позабыть их отцы и деды», – некогда утерянная этничность может стать одной из идентичностей жителя, воспроизводиться как часть культурного ландшафта города и даже встраиваться в экономику мегаполиса. К тому же не факт, что человек, отвергнув свою этничность, не вернется к попытке ее осознания. Не факт и то, что, имея в качестве своих предков представителей разных этносов, он не заинтересуется каждым из них. Что касается национальных границ, они могут исчезать как бюрократический барьер, но не как культурный и цивилизационный водораздел. Тем более если говорить о религиозных и цивилизационных отличиях разных государств. Невозможно представить, что, окажись Турция в ЕЭС, ее население смешается с гражданами Греции.

ЭТО УЖЕ БОЛЬШЕ СПОР ТЕОРЕТИКОВ – К ЧЕМУ ОТНЕСТИ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ФОРМЫ АКТИВНОСТИ

Пока в дискурсе о постнации было приведено мало примеров подобной формы проявления этничности – возможно, речь идет о сообществах, механизмах передачи этничности без участия государства, сетевом взаимодействии. Например, вместо национальных школ можно сделать акцент на домашнем, семейном обучении, которое развивается быстрыми темпами даже в странах с хорошим школьным образованием. Некоторые специалисты считают, что за распределенными формами получения образования будущее. В России данный образовательный сегмент растет среди религиозных семей, особенно среди мусульман, у которых это происходит в силу отсутствия инфраструктуры в виде религиозных школ и исламофобских настроений в обществе. Исчезновение системы образования с татарским языком обучения, оптимизация школ также могут подтолкнуть к семейному обучению и дальнейшей самоорганизации на этой основе татарских родителей. Еще один пример этноконфессиональной самоорганизации, где роль государственного национализма минимальна, – узбекские и таджикские кафе (зачастую их трудно различить), которыми полны российские города, это и место досуга с соотечественниками, и место прочтения молитвы, и пространство для родного языка.

Возможно также описать форму существования современных татар как постнациональную – переход некоторых из них от этнической к преобладающей мусульманской идентичности, от национального сообщества к участию в жизни религиозной общины. Зачастую подобная мусульманская

идентичность в культурном плане не имеет в своей структуре этнических, локальных кодов, в том числе в силу нарушения межпоколенческой передачи знания. И здесь исламская идентичность становится одним из явлений культурной глобализации. Хиджаб в такой парадигме является лишь общемусульманским кодом, современным трендом, а не продолжением традиции. Однако и в этих случаях укрепление мусульманской идентичности зачастую исходит из воспоминания о том, кем были предки (татарами, мусульманами). Конечно, нужно детальнее изучать степень этнической самоидентификации мусульманской уммы в российских мегаполисах. Еще один «самоорганизующийся» феномен – мишарские села-аглополисы, чьи горизонтальные связи вбирают в себя и новую экономическую кооперацию, и передачу обновленных религиозных знаний, и практику назначения имамов, и конструирование локальной исторической памяти, и сеть землячеств в мегаполисах. Зачастую эти села нуждаются лишь в символической поддержке Татарстаном, они не встроены в его институциональную среду, кроме отдельных мероприятий Всемирного конгресса татар. Подобное горизонтальное взаимодействие – это и досоветская национальная традиция, и форма защитной реакции от нападков партийных органов в годы советской власти (альтернативные формы национализма), и постнациональная, безгосударственная форма проявления этничности. К сожалению, опыт татаро-мишарских агрополисов уникален и почти неповторим.

В общем, все это уже больше спор теоретиков – к чему отнести те или иные формы активности: к национальным или постнациональным формам проявления этничности? Да и нужно ли гнаться за «чистоганом»? В этом смысле «гибридные (гибкие) формы этничности» (о которых пишет Альфред Бустанов), не только «постнация», здесь действует другая формула. Гибридная форма этничности = национализм + постнационализм. То есть это сочетание государственных, «казенных» форм и независимых сетевых сообществ.

НУЖНА ОТДЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ТАССР

Неважно, к чему отнести неэстрадную татарскую музыку («альтернатива») – к постнациональным или национальным формам. Она не ротируется на государственных радиостанциях и «ТНВ», но активно продвигается в соцсетях и поддерживается в рамках фестивалей. Главное, что к ней есть интерес татарской молодежи и эта музыка становится важным элементом обновленного этнического самосознания.

В мире, где человеку свойственна множественность групповых идентичностей и социальных ролей, он может иметь и национальное сознание, и постнациональную идентичность. Например, гражданин смотрит государственные татарские СМИ, ходит в государственный татарский театр, отдает детей в государственную школу и при этом слушает мусульманские проповеди с другого континента (ислам как часть глобалистского постнационального дискурса), предпочитает интернациональную кухню, будучи уже коренным горожанином участвует в чате земляков-сельчан и сборе средств для субботника в деревне. Одновременно такой человек может видеть в фигурах Минтимера Шаймиева и Рустама Минниханова национальные государственные символы, но при этом максимально отстраиваться от любого взаимодействия с государством.

Конечно, многие люди в мире вовсе не думали и не думают о своей этничности. Большинство татар, как и многие другие народы, заняты повседневной жизнью настолько, что они не только равнодушны к тому, на каком языке говорят, кем по национальности будут его внуки, но и им неважно, какая власть в стране и чисто ли у них в подъезде. В вопросах этничности они «плывут» за окружением, информационной повесткой. В конечном счете, либо усваивается этничность своих родителей, либо человек перенимает ее у другого доминирующего окружения. Лишь какой-то мощный раздражитель способен всколыхнуть это этническое «я», например, языковая контрреформа.

Пока же этничность большинства поддерживается активными действиями государства, политикой нациостроительства, формированием собственной исторической памяти, национальных образов, мифов, и это делается, прежде всего, через СМИ, наглядную информацию, культуру, поведение элит. Постнациональные формы без мощной ресурсной базы априори не имеют такой масштаб воздействия. Потому немудрено, что татарская общественность возлагает ответственность за

судьбу татар на татарстанские власти, государственные институты поддержки языка и культуры, на проправительственный конгресс татар. Высокая степень патернализма имеет все же более глубокие корни, чем советский Татарстан. Трудно согласиться, что мы движемся лишь по навязанному с советского периода сценарию: многие процессы представляются вполне естественными для татар – и формирование автономной республики, и вера в коммунизм, и разительная светскость, заметная уже в годы революции, и отступление перед языком старшего брата, и многое другое. Для этого нужна отдельная дискуссия об образовании ТАССР, о ее роли в жизни нации.

Стоит отметить лишь несколько фактов. Формирование ТАССР не являлось лишь продуктом ленинской национальной политики и подарком большевиков, республику мы получили и сохраняли в результате длительной политической борьбы за собственное национальное самоопределение. Ее появление стало логическим продолжением идеи национально-культурной автономии, о которой мечтали многие национальные лидеры начала XX в. И татарская национальная школа, и татарский театр, и татарские СМИ, и татарская книга, и историческая память, став советскими, долго не теряли своей основы, заложенной еще до революции. Элементы дореволюционной самоорганизации тюрко-татарского мира продолжали существовать в виде национальных районов, национальных сельсоветов, татарских слобод, своих учебных заведений, татарско-башкирских секций партийных органов и культурных учреждений до конца 30-х гг. Вместе с этим естественный процесс формирования у русского языка статуса общегосударственного в результате модернизации, повышение его престижа, институциональное понижение иных языков, случившееся после войны, мало чем отличались от языковых процессов, происходивших чуть ранее в европейских странах. При том, что советская модель нациостроительства вынуждена была в разной степени использовать риторику развития разных национальных культур.

БЕЗ СВОЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРЫ МОГУТ БЫСТРО ОКАЗАТЬСЯ В ПОЛОЖЕНИИ БРАТСКОГО НОГАЙСКОГО НАРОДА

Конечно, возникает противоречие между попытками построения мононационального государства в России и функционированием «республиканских национализмов», полиэтничных по своей сути и включающих в себя на равных правах и русскую надрегиональную этничность. Изначально в Конституции России был предложен весьма компромиссный вариант модели многонационального государства, в которой «российскость» является суммой «региональных национализмов». Сейчас существует опасность, что «постнация» может стать удобным понятием для нивелирования «республиканских национализмов» и самих республик, при этом же выстраивание русского национализма продолжится. Мы не курды и не цыгане – без своей государственной идеологии, республики татары могут быстро оказаться в положении братского ногойского народа. Мы видим, какая трагичная судьба у шорцев или недавно лишенных своих автономий коми-зырян, усть-ордынских бурятов, коми-пермяков, долганов. Мы наблюдаем, до каких отчаянных поступков может доходить национальная интеллигенция в своих «титულных» республиках, если те перестают защищать их интересы. И наоборот, есть множество примеров, когда грамотно выстроенные государственные институты за два поколения, за 20–30 лет способны восстановить утраченные позиции языка и укрепить идентичность, – Израиль, Уэльс, страна Басков, Южный Тироль, Квебек и т. д.

Еще один важный момент: в условиях, когда иерархичная по своей сути государственная машина, настроена рубить горизонтальные связи внутри общества, «региональные национализмы» позволяют вновь воссоздавать эти связи. Принадлежность к национальному сообществу формирует возможность для проявления чувства особого доверия и попечения к незнакомым людям, имеющим с тобой некий общий опыт. Именно этот факт, подмеченный философом Бернардом Яком, заставляет говорить о высоком потенциале «региональных национализмов» в построении гражданского общества.

Дискуссия о постнации, начатая Бустановым, ценна в практической плоскости тем, что она обращает внимание на необходимость этнической самоорганизации. «Не надеяться на государство, а делать самим», «бери и делай» – установки, которых не хватает активной татарской обще-

ственности. Хотя не только их, но и современных компетенций. Созвучна и главная идея – развитие многообразия татарского народа, его культуры, истории, языка и самосознания. Именно это предлагалось в рамках стратегии развития татарской нации взамен шаблонной идеи о «единстве татарского народа».

Чем больше этнических маркеров, культурных практик мы готовы предложить татарам, тем лучше. Например, татарин плохо знает татарский язык, но интересуется национальной историей, исполняет предписания ислама, почитал некоторых татарских классиков хотя бы на русском языке, любит национальную кухню, посетил несколько раз Булгар, просматривает в СМИ национальные темы, бывает на Сабантуе, часто слушает татарскую музыку, ходит в татарский театр, копает свою родословную до седьмого колена. Речь, конечно же, не о том, чтобы все это воспроизводить в себе, но, чем больше набор и чем более осознанное его применение, тем крепче этническая самоидентификация. Такой татарин рано или поздно захочет потом «вспомнить» татарский язык или будет иметь мотивацию, чтобы знали его дети. Этнические маркеры – это и осознанный выбор имени своему ребенку, и стремление познать татарский язык (для начала хотя бы его символическое использование), и книжная культура, знание чего-то из национальной музыки, театра, литературы; даже надеть тубетейку на семейном празднике тоже значит для многих быть татаринном.

Наряду с оттачиванием методологического инструментария, важно не забывать и о конкретных вызовах, формах (гибридных и негибридных), предложениях по развитию татарского народа. Они актуальны как для постанциональных, так и для национальных форм этничности.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/444348>,
6 ноября 2019.*

* * *

Р.С. Валеев

ТАТАРСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО (К стратегии развития татарского народа)*

Татарское информационное пространство и национальные СМИ служат эффективным инструментом формирования и сохранения этнической идентичности, распространения общественно значимой информации, связанной с историей, наукой, культурой и образованием татарского народа. Они являются важным средством приобщения молодежи к национальным обычаям, нравственным ценностям. Информационные каналы, работая на татарском, русском и других языках, освещают актуальные проблемы этнокультурного развития татар, объединяют представителей татарской национальности, живущих в регионах РФ и зарубежных странах. Они создают эффективную среду применения родного языка, служат средством этнокультурного воспроизводства, сохранения национальных традиций татар, интеграции их в социально-экономические и общественные реалии стран и регионов проживания.

В начале XX в. татары первыми среди народов России откликнулись на процесс демократизации общества. В 1905 г., с началом издания первых газет на татарском языке, во всех регионах Российской империи появились татарские газеты и журналы, выражающие общественно-политические взгляды и мировоззрение татарского народа. В годы Советской власти появилась массовая большевистская печать на татарском языке, издаваемая вначале на арабском шрифте, с 1929 – на латинском алфавите, а с 1939 – кириллице. Начиная с 1930-х гг., газеты на татарском языке выходили почти во всех регионах компактного проживания татар. В годы Великой Отечественной войны на татарском языке издавались 15 фронтовых газет.

* Данный текст был представлен в ходе разработки официальной версии «Стратегии развития татарского народа» в 2019 г. Публикуется впервые.

К 1985 г. в ТАССР и других регионах СССР выходили до 147 газет и 14 журналов на татарском языке. С объявлением в стране гласности и свободы слова, число татарских СМИ значительно возросло. Наряду с газетами и журналами, издаваемыми с помощью государства, в Республике Татарстан и в регионах РФ появились частные, корпоративные и общественные издания. Новые телерадиокомпании – региональные филиалы «ВГТРК» («Россия-1»), «ТНВ», частые телеканалы «ТМТВ», «Майдан», «Туган тел», радиоканалы «Татар радиосы», «Болгар FM», «Болгар» и другие средства вещания ведут передачи на татарском языке.

Телерадиокомпании, финансируемые из республиканского бюджета, осуществляют вещание на двух языках, что соответствует принципам этнокультурной политики в Татарстане. Коммерческие телеканалы и FM-радиостанции в основном русскоязычные, в то время как государственные телерадиокомпании осуществляют вещание и на русском, и на татарском языках. Получая финансирование (в полном или частичном объеме) из бюджетов государственных структур, эти СМИ не только обеспечивают реализацию прав граждан получать информацию на своем родном языке, но и создают этнокультурную среду, позволяющую сохранять и развивать национальную самобытность и татарский язык.

С 1997 г. по настоящее время 30–40 татарских периодических изданий издаются в Республиках Башкортостан, Удмуртия, Марий Эл, Чувашия, в Астраханской, Волгоградской, Нижегородской, Кировской, Саратовской, Оренбургской, Самарской, Челябинской, Ульяновской, Свердловской, Тюменской, Новосибирской, Омской, Пензенской областях, в Пермском, Красноярском краях, в Москве и Санкт-Петербурге. В основном эти издания остаются информационно-новостными и адресованы населению отдельно взятого региона. Именно они находятся в наиболее близком и доверительном расстоянии с респондентами и могут стать полноправными участниками реализации Стратегии.

Информационное пространство Татарстана многонационально, как и этнический состав жителей республики. Здесь при помощи государства издаются 49 газет и 10 журналов на татарском, 3 журнала на русском и татарском, республиканская и 5 районных газет на чувашском, есть газета на удмуртском языке. Выходит, значительное число независимых и частных татарских изданий, которые по своему тиражу не уступают тиражам «государственных». Это объясняется традициями татарской печати и наличием потенциальной аудитории в Татарстане, где живут более 2 млн татар, а также эти издания уходят в регионы РФ, прежде всего в пределах Поволжско-Уральского региона, где проживают около 80% всех татар.

Издаются татарские книги, на татарском языке снимаются фильмы, которые тоже составляют информационную среду, привлекая общероссийскую и зарубежную аудиторию, оказывая позитивное влияние имиджу страны.

Ведущие газеты и журналы, информационное агентство «Татар-информ», телеканал «ТНВ», известные татарские Интернет-сайты популярны как в Татарстане, так и за его пределами. Действует татарский сегмент телевидения, радио и сети Интернет.

Из 561 зарегистрированного печатного средства массовой информации, редакции которых располагаются на территории Республики Татарстан, 146 газет и 56 журналов, в т. ч. одна для кряшен выпускаются на татарском языке. Каждую пятницу в 89 городских и районных газетах размещаются в виде двенадцатистраничного блока республиканской информации газета «Атна вакыйгалары». Среди 17-ти республиканских журналов 10 – на татарском языке, 3 выходят на двух языках.

Наблюдается рост числа и тиражей частных (авторских) газет, и эта тенденция требует особого внимания в аспекте содержания, расширения тематики, качества и достоверности представляемой там информации. Востребована грантовая поддержка подобных изданий, регулярное обсуждение их проблем в журналистском сообществе.

С 2000-х гг. наблюдается снижение тиражей печатных СМИ, что объясняется, прежде всего, с развитием электронных средств массовой коммуникации, и уменьшением доли владеющих литературным татарским языком. Так, по данным опроса аудитории в Республике Татарстан в 2014 г. среди всех опрошенных доля читающих преимущественно на татарском языке составляли всего

8,8%. А использующих преимущественно русский язык – 70,6%; а активных билингвов оказалось 20,6%. В последующие годы такая тенденция, скорее всего, сохраняется.

Региональные национальные СМИ нуждаются в информационно-методической, этнокультурной поддержке Республики Татарстан, ее научных и информационно-культурных учреждений. Это влияние обуславливает и обратную связь, взаимообмен информационными потоками.

Активно ведется книгоиздательская деятельность. С 2013 по 2017 г. ГУП «Татарское книжное издательство» было издано 949 книг на татарском языке (свыше 80% от общего количества изданной литературы) общим тиражом 2341150 экз., 588 из которых – за счет средств бюджета Республики Татарстан. Как правило, 75% издаваемой литературы распространяются через центральные библиотечные сети РТ, 10% – через Всемирный конгресс татар, 15% – через фирменные магазины ГУП «Татарское книжное издательство» и контрагентов.

Литературу на татарском языке издает также ООО «Татарское республиканское издательство «ХӘТЕР»: в 2013–2017 г. там вышли в свет 59 книг (около 90% от общего числа изданной литературы) с тиражом 159969 экз., 35 из которых – за счет средств бюджета Республики Татарстан.

Для освещения деятельности татарских общин регионов издается ежемесячная газета на татарском языке «Татарлар», включенная во Всероссийский каталог периодических изданий. Татарские СМИ регионов нуждаются в развитии электронных версий, продвижении в Интернет-сайтах, социальных сетях, взаимодействии с информационными ресурсами Республики Татарстан. С этой целью при Исполкоме Всемирного конгресса татар создано специальное управление, занимающееся информационно-аналитической работой, развитием портала tatar-congress.org, оно работает на татарском, русском и частично английском языках. Большинство региональных татарских организаций, телерадиокомпаний и их Интернет-ресурсы, сотрудничает с этим порталом.

Радио и телевидение. Важную роль, согласно массовым и экспертным опросам, выполняет татароязычное телевидение. Так, республиканский телеканал «Татарстан Новый век» позиционируется не только как татарстанский, но в рамках Российской Федерации как общетатарский. Исследования аудитории телеканала свидетельствуют о том, что этот канал многое делает для популяризации современной татарской культуры (театра, музыки, татарской эстрады); он транслирует новости о событиях в Татарстане и татарском мире за его пределами. Значимым событием в истории телевидения стало открытие в 2018 г. детского образовательного канала на татарском языке «Шаян ТВ».

Создаются фильмы и другие аудиовизуальные произведения как собственного производства (с 2013 по 2017 г. 11 фильмов и 46 передач, показанных на телеканале «ТНВ»), так и переведенные на татарский с языка оригинала (с 2013 по 2017 г. 10 фильмов, транслированных на телеканале «ТНВ»).

В 19-ти муниципальных районах местными телерадиокомпаниями выпускаются новостные и культурно-просветительские передачи на татарском языке. Телерадиокомпанией «ТНВ» организовано сопровождение социально значимых передач на татарском языке субтитрами на русском, как с целью донесения информации до аудитории, так и в качестве метода приобщения к татарскому языку русскоязычного населения. Субтитрование финансируется из средств Государственной программы по сохранению и развитию языков в республике.

Большинство экспертов отмечают в качестве недостатков татарского телевидения слабое использование потенциала телеканала: есть возможности и ресурсы для создания познавательных программ по татарской истории, языку, культуре, другим актуальным проблемам татар, проживающим в Российской Федерации и за рубежом. Содержание передач телеканала в большей степени привлекает зрителей старшего поколения, в то время как его молодежная аудитория относительно невелика. Назрела необходимость увеличения числа информационных и аналитических программ, ток-шоу, передач информации в клиповом исполнении. Требуется дифференциация теле-аудитории по социальным характеристикам и интересам различных групп, с учетом тенденций развития современных этнонациональных процессов, удовлетворения информационно-культурных потребностей молодежи в условиях конкуренции информационных потоков. Крайне редко в республи-

канских СМИ освещаются страницы истории татарского народа в контексте Отечественной истории, показ этнокультурного развития и достопримечательностей регионов проживания татар.

Этнический сегмент глобальной сети Интернет. Для дисперсно расселенных татар Интернет становится одним из важнейших ресурсов внутриэтнической коммуникации и поддержания родного языка. Только в социальной сети «ВКонтакте» зарегистрировано более 6000 виртуальных татарских сообществ, в «Одноклассниках» – 4000. Тем не менее, необходимость обеспечения всеобщей компьютерной грамотности татарского населения с возможностью полноценной работы в сети Интернет остается задачей номер один.

Наиболее перспективным направлением информационной работы является интеграция печатных и электронных СМИ, продвижение их в сети Интернет. Videостудия «Денья» готовит программы на татарском и русском языках. Вся информация, поступающая от региональных организаций, вовлеченных в деятельность ВКТ, оперативно размещается на страницах сайта. В Республике Татарстан отмечается положительная динамика посещаемости Интернет-версий татарских газет и журналов. Вместе с тем, наблюдается необходимость в разработке специального контента для татарских региональных СМИ.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в группах, которые образованы для обсуждения проблем ислама, татарской музыки, юмора и в целом культуры, доминирующим языком публикаций является татарский, в группах, объединяющих людей по национальному признаку (мы татары) – русский. На русском языке написано большинство сообщений, связанных с рекламой, экономикой, историей, политикой, спортом, браком и знакомствами. Необходимо расширение тематики татарского Интернета, организация распространения по спутниковым телевизионным каналам и в сети Интернет не только фильмов, концертов, художественных произведений, но и образовательных, а также просветительских программ.

Имея непродолжительную историю – с 1994 г., татарский сегмент Интернета достиг достаточно высокого уровня. С 2004 г. поисковая система Google начала поддерживать поиск на татарском языке, открылась Википедия на татарском языке; с 2010 г. Яндекс перевел свой интерфейс на татарский язык (включая и почту), ввел поиск на татарском языке и открыл офис в Казани. В 2006 г. была представлена операционная система Windows с интерфейсом на татарском языке; открылась татарская электронная библиотека и сайты для изучения татарского языка. В 2006 г. в рамках программы «Электронный Татарстан» появился официальный портал правительства Республики Татарстан. В 2007 г. начал свою работу проект Tatarland.ru – первая татарская социальная сеть в мире (с 2008 г. – «Duslar.ru»). С 2008 г. в домене SU стала возможна регистрация доменных имен на родных языках народов Российской Федерации.

В 2010 г. был открыт книжный фонд татарской литературы. На сегодняшний день почти все крупные татарские печатные издания, радиостанции и телеканалы имеют свои сайты. Ежедневно «Татар-информ» производит до 60–80 оригинальных сообщений на татарском языке. В последние годы появилось еще несколько новостных сайтов на татарском. Наряду с этим, востребована разработка, наполнение информацией и распространение в Интернете общедоступных энциклопедий (типа Wikipedia), справочных пособий, словарей и переводчиков, облегчающих изучение татарского языка и культуры, расширяющих их применение.

Исследование 2015–2016 гг. в городах Республики Татарстан показало, что лишь около трети сайтов учреждений РТ содержат контент на татарском языке, а 2% сайтов содержат информацию, в равных объемах (на татарском и русском языках). Начиная с 2018 г. на сайтах государственных учреждений наблюдаются определенные позитивные перемены, свидетельствующие о расширении сферы функционирования татарского языка. На сайтах коммерческих – он продолжает оставаться игнорируемым языком.

Перспективы развития информационного пространства. В реалиях современной жизни, в условиях глобализации, развития цифровых технологий, деятельность СМИ оказывает влияние на настроение татар и всего общества,

В условиях рыночной экономики, усиления процесса глобализации и урбанизации, роста роли цифровых технологий, тиражи татарских печатных СМИ снижаются. Редакции испытывают проблемы с финансированием, низкой заработной платой, нехваткой квалифицированных журналистов. Негативное влияние на подготовку журналистов оказывает сокращение системы национального образования, уменьшение доли носителей татарского языка, сокращение сферы применения языков.

Социально значимые и просветительские издания Татарстана издаются при помощи республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «ТАТМЕДИА». Однако, отдельные частные издания – «Акчарлак», «Ирек майданы», «Безнең гәжит» успешно набирают тиражи и продолжают конструктивно работать не получая дотации от государства и не опираясь на административный ресурс.

Несмотря на существующие проблемы, сохраняют свою востребованность газеты «Ватаным Татарстан», «Шәһри Казан», «Мәдәни жомга», журналы «Казан утлары», «Сөембикә», «Идел», «Безнең мирас», «Чаян», «Сабантуй», «Ялкын», «Мәгариф», «Гаилә һәм мәктәп», «Салават күпере» и районные, а также городские татарские радио, татарские программы телеканала «ТНВ» и «Россия-1».

Важной экспериментальной площадкой являются информационные ресурсы динамично развивающегося агентства «Татар-информ», где практикуются Интернет-трансляции важнейших событий, готовятся высокорейтинговые публикации, которые играют важнейшую роль в формировании этнической идентичности и реальной среды применения родного языка.

Модернизация контента. Этнические СМИ – носители культурного кода татарского этноса, инструменты сохранения идентичности, постижения Отечественной истории. Они служат средством передачи знаний, воспитания гражданина, формирования личности. Эффект их деятельности измеряется не только количеством посещений Интернет-сайтов и суммой заработанных рекламных денег. Однако привлечение максимума потенциальной татарской аудитории к печатным, электронным СМИ является приоритетной задачей в формировании и расширении татарского информационного пространства и деятельности этнических СМИ.

Именно в них – история, культура родного края, Республики Татарстан, идеи патриотизма, защиты демократии и федерализма, воспитания уважительного отношения к Конституции России и Татарстана, сохранение обычаев и нравственных ценностей татар и других народов страны.

Если татарская и региональная пресса не помогает формированию этнического самосознания, сохранению духа народа, раскрытию лучшего опыта межнационального согласия, не защищает федерализм и основы конституционного строя РФ и РТ – смысл ее существования и перспективы сомнительны.

Информационные ресурсы Татарстана и татарских общин в регионах, их контент и оформление нуждаются в модернизации. Требуется повернуть их лицом к молодежи, выводить в Интернет, расширять видео и аудиоверсии, активно производить видеоролики, развивать ютуб-каналы на татарском языке, с этнокультурным контентом.

Недостаточность или пассивность современно и креативно мыслящих татарских журналистов и популярных блогеров, независимых и объективных экспертов, каналов обратной связи является тревожным сигналом, свидетельствующим о состоянии гражданского общества, о незащищенности информационной безопасности татарского мира.

В масштабе России, особенно в регионах проживания татар, не хватает объективных знаний и сообщений об истории и культуре, социальной и духовной жизни татарского народа. Как правило, СМИ Татарстана и российских регионов не уделяют достаточного внимания национальной культуре, истории, анализу общественно-политических и экономических событий.

Телевидение Татарстана, расширившее радиус своего действия благодаря использованию возможностей спутникового канала «НТВ», по разным причинам не может конкурировать с многочисленными русскоязычными каналами.

В информационном поле регионов компактного проживания татар наблюдается резкий национально-языковой дисбаланс в теле- и радиоэфире, в периодических изданиях, что приводит к оттеснению татарского компонента от общественной, социально-экономической и культурной жизни. Информационное обеспечение национального развития татар, масштабы самого культурно-языкового пространства недостаточно развиты и не в состоянии играть значительную роль в этнической консолидации татарского народа, разделенного государственными, региональными и иными границами.

Для объективной оценки татарского информационного пространства, выработки оптимальных путей повышения эффективности этнической журналистики, целесообразно выделить важнейшие факторы, проблемы и недостатки, характерные для татарских и татарстанских СМИ:

- уменьшение доли татар, знающих родной язык;
- несовершенство формы и содержания телерадиопрограмм, низкие тиражи, рейтинги, ограниченность объема издания и вещания, радиуса распространения сигнала и связанная с этими факторами недостаточная материальная и финансовая обеспеченность СМИ;
- низкая эффективность и недостаточное усвоение выпускаемой информационной и развлекательно-просветительской продукции из-за некачественного менеджмента, рекламирования выпускаемых программ, ограниченности языковой аудитории;
- слабое распространение информационного продукта, неподготовленность аудитории;
- в ряде случаев татароязычные телепрограммы неконкурентоспособны, особенно по зрелищности, актуальности, по использованию современных средств информационно-развлекательной журналистики и привлекательности для молодежной аудитории;
- немотивированная и вынужденная конкуренция между татарскими СМИ, оказавшимися в одной нише, взаимное дублирование, дробление одной и той же ограниченной аудитории. Преобладание сельской журналистики, слабый учет запросов городского населения;
- неравномерность распространения этнокультурного продукта, перенасыщение СМИ и культурно-просветительских мероприятий национальными кадрами в Татарстане, при их нехватке в регионах РФ.

Модернизация национальных СМИ, переход к мультимедийной журналистике. Национальные и региональные СМИ еще недостаточно полно выполняют миссию формирования атмосферы толерантности и этнического самовоспроизводства. Средства информации и этнокультурные организации еще не смогли убедить школьников и родителей в полезности билингвизма и многоязычия.

Журналисты часто теряются в условиях весьма тесных, когда определенные силы в стране продвигают ксенофобию и одноязычие, не могут дать компетентный ответ тем, кто внушает, что изучение татарского или русского языков «мешает» владению одним из них. Родители часто сами отлучают детей от языка предков ради сдачи ЕГЭ, хотя это вообще-то не гарантирует успешную сдачу экзаменов моноязычными учащимися.

Как показывает практика, если ребенок или его родители ленивы, то это проявляется на любом языке: Знание не только двух, а трех и более языков с раннего возраста, может стать основой раскрытия способностей ребенка. В многонациональном сообществе общение с внешним миром и ближайшим окружением возможно лишь в случае многоязычия и поликультурного духовного развития его членов.

Как известно, молодежная пресса готовит журналистов и читателей для взрослых СМИ, оживляет общественно-политическую обстановку, привлекает детей к гражданскому становлению, осуществляет отбор будущих сотрудников активистов редакций СМИ.

В Татарстане действует детский телеканал «Шаян ТВ», издаются детские журналы «Салават күпере», «Сабантуй», «Ялкын», молодежный журнал «Идел». Однако практически нет молодежных газет. «Татарстан яшьләре», издававшаяся в свое время тиражом почти в 400 тыс. экз., существует на заработанные средства в статусе «независимой», а популярная газета «Молодежь Татарстана» перестала издаваться. Между тем, центральные «Комсомольская правда» и «Московский

комсомолец» и другие региональные молодежные издания адаптировались к новым условиям и успешно осваивают Интернет, даже открывают свои радиоканалы и производят видеопroduкцию в каналах youtube.

Современная молодежь, в том числе из татарских семей, с новым взглядом, возрастным максимализмом, особым интересом к жизни в других странах, к карьере и любовной тематике, ищет информационную среду в Интернете, в зарубежных телеканалах. Существующее информационное пространство мало формирует этническую и гражданскую идентичность, сохраняются условия для духовной эмиграции и трансформирования нашей молодежи в потенциальных иностранцев.

В республике, где обучаются около 150 тыс. студентов, много продвинутой молодежи, но нет своей спортивной или туристической газет, популярного и объединяющего молодежного портала! Это нонсенс.

Если журналист или издание не интересны, не актуальны, не талантливы, то они и в печатном виде, и в Интернете, и на телеэкране вызывают негативную реакцию. И, наоборот, если отдельные авторы и информресурсы популярны в бумажном носителе, также будет и в эфире и Интернете. Особенно это касается национальных СМИ, которые в глобальной сети, к сожалению, занимают незначительное место.

Татарская общественность пока что удовлетворяется слушанием эстрадных песен при незначительном информационном контенте.

Билингвальное, многоязычное общество, понимающее историю и современность, с уверенным владением всеми видами и носителями передачи информации, симметричной региональной и федеральной идентичностью, поликультурной эстетикой, обследующие местным колоритом и этнической самобытностью – такова характеристика информационного пространства, которое предстоит формировать в Татарстане и татарском мире.

Целесообразно организовать взаимодействие различных видов доставки информации на разных языках. По радио, телевидению следует рассказывать о контенте печатных изданий и Интернет-сайтов, а в газетах – обсуждать телерадиопередачи и серьезные публикации из Интернет-пространства. Необходимо осмысливать актуальные темы и события, честно и глубоко помня интересы разных народов и специфику национальной тематики. Это повысит тиражи и рейтинги, если конечно все сделать талантливо.

Центральной задачей надо считать модернизацию этнических СМИ расширением аудитории мультимедийной этнической журналистики. Целесообразно обратиться ко всей общественности РТ и всему татарскому миру с призывом читать, смотреть и слушать существующие информресурсы, адресованные татарской аудитории, убеждать этническую общественность потреблять уникальный информпродукт.

В журналистском конкурсе «Хрустальное перо» «Бәллүр каләм» не ограничиваться одной единственной номинацией «Туган тел», а учредить целый ряд номинаций по многоязычной и мультимедийной журналистике. В сфере массовой коммуникации нужно стимулировать употребления языков и развития мультимедийной журналистики, утверждать перспективность многоязычия и мультимедийного общения.

Пути развития информационного пространства, укрепляющего этнокультурную идентичность и включение татарского мира в современное информационное поле:

- Формирование системы подготовки татарских журналистов.
- Создание татарских мультипликационных фильмов, фильмов для детей, сопровождающих ребенка с самого рождения и на протяжении многих лет.
- Создание системы, регулирующей процесс организации и осуществления переводов на татарский язык.
- Пропаганда передач круглосуточного радио- и телевидения на татарском языке.
- Налаживание системы передачи на трех языках при помощи мультимедийных контентов информации о происхождении, истории, этнокультурных группах татарского народа.

- Активизация производства фильмов различного формата, посвященных татарской истории, культуре, сегодняшнему дню татарского народа.
- Активизация в Интернете и социальных сетях деятельности, связанной с национальными вопросами и проблемами.

Формирование многопрофильной информационной среды для татар Татарстана, российских регионов и зарубежья с целью продвижения татарской истории, культуры, языка:

- печатные и электронные СМИ;
- Интернет-ресурсы (стимулирование сетевых сообществ, курсы обучения татарскому языку; Интернет-игры с сюжетами по истории и культуре татар для разных возрастных категорий детей и молодежи с сюжетами по Великому Шелковому пути, Золотой Орде, тюрко-татарским государствам и т. п.);
- социальная реклама;
- визуальная реклама (билборды, оформление городского/сельского пространства);
- репрезентация в печатных, электронных СМИ и Интернет-ресурсах информации по туристическим программам, связанным с историей татар и Татарстана;
- размещение в Интернет-ресурсах свода (базы) памятных мест татарского народа на территории Российской Федерации и в масштабах мира;
- размещение в Интернет-ресурсах репрезентаций музейных экспозиций, имеющих отношение к истории местного села, города и т. д.

Поиск стимулов и создание институциональной базы для формирования сетевых сообществ среди татар на основе различных интересов.

Разработка многоцелевой PR-стратегии в информационном пространстве на уровне республики:

- а) по продвижению достижений Татарстана в качестве эпицентра истории, культуры и языка татар на федеральном и мировом уровнях;
- б) по продвижению социально-экономических, спортивных достижений республики на федеральном и мировом уровнях;
- в) формирование престижа «татарскости» в различных сферах общественной жизни.

Организация конкурсов и учреждение грантов по названным направлениям.

Продвижение конкурентоспособной продукции на общероссийский и международный рынки с помощью PR-стратегии.

Классификация типов татарских СМИ.

При оценке деятельности татарских СМИ предлагается определить критерии классификации типов СМИ по следующим признакам и параметрам:

- языку издания (вещания);
- составу учредителей и условиям учредительского договора, привязанности к владельцу;
- политическим целям и принадлежности к партиям, политическим группировкам;
- тематике и содержанию;
- по гендерным характеристикам – возрастному и половому признаку читательской аудитории;
- позиции и поставленным задачам;
- условиям проживания читателей, зрителей, слушателей (городские, сельские, промежуточные, передвижные);
- региональным и отраслевым уровням;
- ведомственной принадлежности;
- менеджменту и финансированию, степени зависимости от государства или политических структур, уровню самостоятельности;
- охвату населения (тиражам, радиусу распространения сигнала);
- регулярности, объему телерадиовещания, рейтингу, качеству, популярности;

- уровню научности, политической, правовой глубине, проработанности охватываемых тематик;
- характеру качественного состава аудитории, уровню национального самосознания;
- степени массовости, усвояемости материала, ориентированности на обширный круг потребителей;
- национальному колориту, историко-культурному, литературно-художественному уровню;
- степени радикализма или толерантности, лояльности или оппозиционности к власти;
- международной интеграции, связанности со странами проживания татар или зонами интересов татарского народа;
- степени причастности к информационным войнам, политическому противостоянию, борьбе за сохранение или завоевание власти.

Подготовка конкурентоспособных кадров в сферах:

- татарской печатной журналистики;
- татарских электронных СМИ;
- кинематографии и мультипликации.

Особенность татарского информационного пространства на современном этапе – это преобладание смешанного типа татарских СМИ по тематике, содержанию, а в ряде случаев и по языку. Его облик и содержание определяют журналисты, получившие образование в КФУ (журфак, татфак, филфак) и других учебных заведений, не связанных с медийной специальностью.

Однако, несмотря на наличие крупных медиаструктур в лице «ТАТМЕДИА» и подготовку кадров в Высшей школе журналистики массовых коммуникаций при КФУ, в настоящее время не создана система научного и экспертного изучения деятельности и путей оптимизации национальных СМИ, повышения их эффективности.

Татарское сообщество, знающее историю и современное состояние своего народа, уверенно владеющее родным языком, знакомое всеми видами и носителями передачи информации, с симметричной этнической, и гражданской идентичностью, поликультурной эстетикой, местным колоритом и региональной самобытностью – таковы параметры ожидаемых результатов развития информационного пространства, которое предстоит формировать в Татарстане и татарском мире.

ЧАСТЬ 4. ОБСУЖДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

I. НАЦИЯ

Альфريد Бустанов

«БУДУЩЕЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА – ЭТО КОНЦЕПЦИИ, НЕ СВЯЗЫВАЮЩИЕ СЕБЯ С СОВЕТСКИМ ПРОЕКТОМ»

Альфريد Бустанов о том, что будет с татарами в эпоху «после нации», возникающей вместе с исчезновением империи, которая создавала эти национализмы

Одним из выходов из сегодняшнего кризиса идентичности мог бы стать реальный отказ от советских концепций нации, а может быть, и от идеи нации вообще, считает известный историк, ассистент-профессор Амстердамского университета Альфريد Бустанов. В своем материале для «БИЗНЕС Online» он напоминает, как в течение XX в. сформировалась татарская нация в ее современном понимании. Но она уходит в прошлое вместе с советским проектом, а будущее за наиболее устойчивыми гибридными формами.

«СОВЕТСКАЯ НАЦИЯ ТАТАР В СВОЕЙ ОСНОВЕ ДЕРЕВЕНСКАЯ, ПОСКОЛЬКУ ОНА ОТКАЗАЛАСЬ ОТ СОБСТВЕННОГО ДЛИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Когда мы говорим о татарской нации, складывается ощущение, что само понятие народа/нации не изменялось на протяжении века как минимум. Национальный нарратив усыпляюще приятен в его невнимании к динамике изменений, крутых поворотов, испытаний и катастроф, полностью переформатировавших одни общества и принесших с собой другие. В подобном состоит нелепость изучения слюны историками: генетически это могут быть одни и те же «популяции», в том числе группы счастливиц-автохтонов, проживавших на одной территории в течение столетий, но ментально и культурно это совершенно иные люди. За несколько десятков лет у одного и того же сообщества людей в корне может поменяться мировоззрение и содержание концептов, его описывающих. Иными словами, эти люди по-другому воспринимают мир вокруг, описывают его другими словами, иначе переживают эмоции и рефлексиируют о своем опыте.

В течение XX в. фактически сформировалась татарская нация в ее современном (все еще советском) понимании. Не в XV в., не в XIX, а именно в течение XX в. Это стало возможно благодаря советскому проекту коренизации, созданию ТАССР и всей инфраструктуры, поддерживавшей татарскую культуру и национальное самосознание. Все те элементы нации, о неизбежной потере которых говорят сегодня активисты, – это наследство именно национального проекта большевиков, самих татар в том числе. И гуманитарные институты Академии наук, и факультет/кафедры в университете, литературный татарский язык (включая его грамматику и лексику), инфраструктура национальных школ и средств массовой информации. Все это – разваливающееся на наших глазах – наследство советского национального проекта. Никакой татарской нации в известном нам сегодня виде до 1930-х гг. не существовало. Конечно, помимо советского проекта татарской нации, были и другие, альтернативные, но о них в другой раз. Важно зафиксировать: очень мало что связывает этот советский проект с досоветским прошлым, уж очень глубоко были изменения. Слюна, может, и та же, а культура совершенно иная.

Татарская нация досоветского времени была пропитана инициативой снизу, жаждой к знаниям, арабскими буквами, славилась книгопечатанием, системой частных медресе, открытостью арабо-мусульманской традиции (сегодня для большинства она ничего не значит). Большевики 1930-х гг. не были дураками, они прекрасно знали, с чем борются: в предписаниях лингвистической экспедиции тех лет татарская культура описывается как городская, находящаяся под сильным влиянием Корана и городской буржуазии. Потому большевики и боролись с ней. В этом смысле советская нация татар в своей основе деревенская, поскольку она отказалась от собственного длительного опыта городской культуры, построенного на исламской этике. Если досоветская татарская культура по своему определению городская, даже если ее носители жили в сельской местности, то советская культура – это культура деревни в городе с ее песнями, фольклором, языком и ментальностью. Поэтому неудивительно, что советские этнографы для изучения культуры народа отправлялись изучать не городских татар – нередко их коллег по факультету, а сельских жителей, «носителей настоящих традиций» в только что созданных колхозах, без мечетей и медресе, с убитым имамом и его разграбленной библиотекой.

Безусловно, старая татарская культура оставила своих наследников – это последнее поколение выпускников медресе. Хотя они продолжали писать на арабской графике и молиться, большинство из них по необходимости участвовали в советском нациестроительстве через систему образования, науку или муфтияты. Их дети – совсем другие по складу люди: они уже не слышали в детстве напевы «Мухаммадии», им не читали «Кысса и Йосыф» – старая культура умерла вместе с ее последними носителями к началу 1990-х.

«В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ГИБРИДНЫЕ, СМЕШАННЫЕ ФОРМЫ ЯВЛЯЮТСЯ НОРМОЙ. ИМЕННО ОНИ ИСТОРИЧЕСКИ НАИБОЛЕЕ УСТОЙЧИВЫ»

Будущее татарского народа (как, впрочем, и других народов бывшего Союза) может быть связано только с появлением новых альтернативных концепций, не связывающих себя с советским проектом. Почему? Ответ прост: больше не существует той империи, что создавала и поддерживала эти национализмы. Одним из выходов из сегодняшнего кризиса мог бы стать реальный отказ от советских концепций нации, а может быть, и от идеи нации вообще.

Кратко мой посыл таков: татарская культура сильна своим внутренним разнообразием, именно в нем кроется главный ресурс для воспроизводства и творческого развития культуры. Это разнообразие и гибкость необходимо всячески поддерживать и научиться ими управлять. Сужение взгляда к единственному шаблону приводит лишь к деградации.

Я исхожу из положения, что устойчивого развития и убаюкивающей стабильности никогда не возникнет, а будут кризисы, новые вызовы, сокращение ресурсов. Как быть в постоянно меняющейся, динамичной ситуации? В современном мире гибридные, смешанные формы являются нормой. Именно они исторически наиболее устойчивы перед лицом изменений.

Татарская культура через такую призму – это не чак-чак, а достаточно разнообразный набор продуктов, с которым готовы себя ассоциировать совершенно разные люди. Язык в данном случае выступает лишь как инструмент. Не зря ведь львиная доля татарского письменного наследия была создана на арабском и персидском языках. Авторы этих текстов использовали язык для высказывания, он был средством, а не самоцелью. Поэт Дәрдемәнд велик не языком, но тем посылом, что остался на века.

Татарская культура очень многообразна. Это и множество диалектальных особенностей, обогащающих литературную норму, и религиозные традиции, и фишки из быта. Нельзя это все терять и тесать под один махровый стандарт. Хотя ислам и составляет сердце татарской культуры, невозможно закрыть глаза на то, что традициям христианства у татар уже несколько столетий, да и наследие советского атеизма не сбросишь со счетов. Русский язык уже давно не чужой для татар – даже участники пугачевского бунта переписывались между собой на суржике с многочисленными русскими заимствованиями. Все это – татарская культура в ее многообразии, гибридных формах и внутренней противоречивости. И такой мы ее знаем – полной амбиций и тяги к экспансии.

Именно эта гибридность является секретом выносливости перед испытаниями и нескончаемой потенции к новым культурным взлетам. Одни формы и вариации культуры могут кануть в Лету под ударами судьбы, а другие продолжают существовать и дадут жизнь новым комбинациям, о которых мы даже еще не мечтаем.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/435439>,
18 августа 2019.*

* * *

Дамир Исхаков

«КОНЕЦ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ? НЕ БУДЕМ СПЕШИТЬ С ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ ВЕРДИКТОМ»

Можно ли разделять «досоветский» и «советский» проекты бытия татарского этноса: Дамир Исхаков спорит с Альфридом Бустановым

Серьезный резонанс в академических и не только кругах вызвала статья в «БИЗНЕС Online» ассистент-профессора Амстердамского университета Альфрида Бустанова, который считает, что в условиях кризиса идентичности необходимо отказаться от советских концепций нации. Доктор исторических наук Дамир Исхаков не согласен с коллегой, а суть претензий он решил изложить в собственной статье.

«ИЗ-ЗА ТАКОГО ХОДА ИСТОРИИ ТАТАР ТУТ КОНЦЫ С КОНЦАМИ НЕ ВПОЛНЕ СХОДЯТСЯ»

Основные идеи, которые излагаются в статье Альфрида Бустанова «Будущее татарского народа – это концепции, не связывающие себя с советским проектом», были мне знакомы и раньше. Но сейчас, после того как они оказались транслированы на публичное пространство, появилась возможность их детального разбора. Тем более что автор рассматриваемой публикации не только декларирует в ней конец «„советского проекта“ татарской нации», но и постулирует тезис о том, что надо вообще отказаться от самой «идеи» нации, мол, она не годится для современных условий.

Это последнее мнение заслуживает самого пристального внимания, так как за ним скрывается одна весьма серьезная для татарского общества проблема, еще кажется, толком не осознанная татарскими идеологами и не ставшая предметом специального исследования. «Что за проблема?» – спросите вы. Ответ на этот вопрос, дорогие читатели, будет дан несколько позже, а пока нам необходимо проследить общий ход размышлений интересующего нас автора, во вводной части рассматриваемой статьи редакцией «БИЗНЕС Online» несколько поспешно, на мой взгляд, названного «известным историком».

Ядро размышлений Бустанова составляет противопоставление старого – «досоветского» – проекта татарской нации, по его мнению, основанного на «городской культуре», советскому проекту, как он полагает, базировавшемуся на «деревенской культуре». Утверждение, конечно, смелое, но, как думается, не до конца продуманное – Бустанову, как ассистент-профессору Амстердамского университета, должно быть известно, что в дореволюционной Российской империи свыше 9/10 татар жили в сельских условиях (а что происходило в татарских селах между 1860-ми – 1917 гг. – это отдельный, но весьма интересный вопрос), в массе своей превратившись в горожан, правда, в первом поколении, именно в советский период – к 1970 г. свыше половины татарского населения СССР уже являлись городскими жителями.

Из-за такого хода истории татар тут концы с концами не вполне сходятся, автор отмеченной статьи вынужден произвести следующую мыслительную операцию – по его мнению, даже если абсолютное большинство татар в Российской империи проживало в сельской местности, основная культура, которая их обслуживала, являлась городской! Интересно, однако, получается. Похоже, что нашему почтенному «известному историку» не доводилось читать о существовании «высо-

кой» и «народной» страт культур, первая из которых всегда формируется в городах, впоследствии оказывая глубокое влияние и на народную (можно сказать, сельскую) культуру, сама по ходу тоже подвергаясь воздействию последней. Об этом кое-что написано применительно и к татарам, знакомы ли эти работы автору статьи, мне неизвестно. Похоже, что нет.

ДВА СОСТОЯНИЯ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ

Для чего же нужен Бустанову столь странный концепт? А вот для чего: объявив досоветский проект татарской нации, основанный на сугубо городской культуре (ряд ее особенностей им перечисляются конкретно, о чем ниже), проектом совершенно уникальным, ничем не связанным с советским, «деревенским» по своей сути, проектом нации, он проводит непроходимую грань между этими двумя историческими состояниями татарской общности. Как полагает этот автор, последние наследники старой культуры татар – выпускники медресе, ушедшие в небытие к началу 1990-х, – унесли с собой в могилу и этот «городской» культурный проект, а советский вариант, пришедший взамен, был совершенно иным «деревенским», и, что важно, сейчас он «разваливается на наших глазах». А раз так, то необходимо срочно чем-то наполнить возникший вакуум. Чем же? По мнению ассистент-профессора, новыми «гибридными» (смешанными) культурными формами (о них подробнее далее). Они то, по всей видимости, призваны, похоже, в итоге похоронить под собой и саму «идею» нации, ибо сейчас национальные проекты не являются актуальными, они вообще не могут сегодня состояться (тут я немного додумываю ход мыслей Бустанова, так как он не до конца оформил логику своих размышлений).

Чтобы увидеть структуру построений Бустанова относительно татарской нации более системно, полезно сравнить его характеристики «досоветского» и «советского» проектов бытия татарского этноса. Итак, вот как, по мнению данного исследователя, выглядел дореволюционный (досоветский) проект: он строился на инициативе снизу; его члены обладали «жаждой» к знаниям; они писали арабицей и занимались книгопечатанием, имели целую систему частных медресе и, наконец, были «открыты» к арабо-мусульманской традиции. По-другому предстает перед нами в анализируемой публикации советский проект татарской нации: он создавался на основе «национального проекта большевиков» (при некотором участии самих татар, правда); главными его элементами были: учреждение Татарской АССР, политика коренизации, создание инфраструктуры культуры (академические институты и вузовские кафедры, национальная школа, татарская система СМИ, татарский литературный язык с соответствующей времени лексикой и даже – внимание – грамматикой!

В конечном счете, если внимательно сравнить эти два состояния нации (к сожалению, из-за некоторой неясности мыслительных операций Бустанова, анализ вопроса придется проделать мне самому), установим следующее: в советском проекте преобладали государственно-партийные способы формирования культурной и языковой политики, причем с отрицанием исламского наследия, а в дореволюционном – частная инициатива при общем господстве мусульманского культурного кода. Другой важнейшей разделительной линией между этими двумя состояниями татарской нации являлся характер культуры – как уже указывалось, в первом (советском) он был «деревенским», во втором – «городским».

И последний момент различий – советизированная культура – база советского типа татарской нации – была подчинена «единому шаблону» (то есть «махровому стандарту»), тогда как досоветская культура татар являлась совершенно иной, гораздо более разнообразной, не подчиненной, как в советское время, жесткой партийно-советской стандартизации.

«НЕ ВСЕ ЛИ РАВНО, НА КАКОМ ОСНОВАНИИ ФОРМИРУЕТСЯ НАЦИЯ – НА БУРЖУАЗНОМ ИЛИ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ?»

Итак, что же, согласно позиции Бустанова, делать татарам при нынешних, уже совершенно иных, реалиях? Естественно, отойти от указанной выше «удушающей» советской действительности, тем более что того проекта, который долго поддерживался «старой (то есть советской – прим. Д. И.) империей», уже нет, как и самих традиционных для СССР, «национализмов».

Таким образом, получается, что татарам надо быстрее всего избавиться от всего «дурного», что было при Советах, и создать проект своего культурного развития с учетом нынешних реалий. Таков в целом план ассистент-профессора Амстердамского университета. Однако если вдуматься в то, что нам предлагается «известным историком», может возникнуть ряд требующих ответа вопросов. Они-то и должны быть обсуждены. Начать надо с одного философско-методологического аспекта общей проблемы, возникающей при чтении рассматриваемой статьи. Он связан с советским проектом, советским наследием в целом.

Не секрет, что в постсоветской России длительное время было принято ругать советскую действительность. Особенно в этом деле усердствовали российские либерал-демократы, основные идеи которых, как известно, были заимствованы с Запада. Именно там долгие десятилетия по отношению к исследованию советской цивилизации, советского исторического опыта господствовали взгляды прописных советологов, работавших на идеологический заказ правящих политических кругов «золотого миллиарда». Да, в этой критике было много верного, особенно при раскрытии темных сторон сталинизма и советского тоталитаризма. Однако, увлеченные «разоблачительством», советологи прошли мимо серьезных исторических проблем, связанных с советским строем (об этом буквально на днях было рассказано в весьма интересной и содержательной публикации А. Сабова (См.: А. Сабов. Война за советское наследие. Неудобная нация // Огонек. 2019. № 32. С. 18–22). К сожалению, перегруженный, видимо, западным историческим багажом Бустанов, в своих рассуждениях о проекте татарской советской нации, как и советологи, не замечает весьма важные аспекты общественного бытия в СССР, в итоге видя его только в черных красках. На что в этой связи следовало бы обратить внимание?

Для начала надо напомнить о том, что грандиозный по своему замыслу коммунистический проект, в условиях СССР весьма быстро превратившийся из-за глубоко сидящего в этническом большинстве особого культурного кода (вспомните «глубинный народ» г-на Суркова) в проект формирования советской империи и «новой исторической общности – советского народа», лет 10–15 (до начала 1930-х гг., для татар, быть может, до конца 1920-х гг.) являл собой образец интернационализма (хотя и «пролетарского») и национально-культурного, а также национально-государственного строительства. Почему на это надо обратить особое внимание? Да потому, что как это не покажется странным, за те самые относительно демократические 10–15 лет, советская власть для татар проделала многое для превращения их в современную нацию. Действительно, у них появилась своя политическая автономия (Татарская АССР), татарский язык был объявлен в республике одним из двух (наряду с русским) государственных языков, этот язык получил реформированную арабскую графику, сложилась сеть национальных школ, татарских СМИ (газеты, журналы), потом и издательства. Зарождалась академическая научная структура (Академцентр). Конечно, все это было пронизано советским содержанием и атеистическими (не сразу) подходами, когда, например, из татарского языка были выброшены 10 тыс. арабо-персидских заимствований (в пылу борьбы с «религиозным дурманом» и «схоластикой»), что лишило наш народ философского уровня мышления (оно у нас базировалось на мусульманских категориях суфийского происхождения).

По большому счету, не все ли равно, на каком основании формируется нация – на буржуазном или на социалистическом? На выходе же все равно оказывается политическая общность современного типа – нация (миллет). Короче, для татар, у которых буржуазный путь становления национальной общности оказался слишком коротким, – они о политической-то автономии заговорили лишь в ходе революции 1905–1907 гг. – первый этап советского развития оказался продолжением начатого ранее нацистроительства. Правда, без класса национального буржуа, который был заменен партноменклатурой, и без ярко выраженной частной собственности (хотя личная собственность существовала, да еще кое у кого какая!).

Другое дело, что режим Сталина, весьма быстро осознавший, что мировой революции не предвидится и придется выживать в одиночку, уже с начала 1930-х гг. приступил к реализации имперского проекта с особой ролью русских и их языка. Эта политическая линия получила оконча-

тельное завершение в 1940-х гг. после победной речи тов. Сталина, объявившего русский народ главным в СССР. Попутно, естественно, пошли тенденции к усилению роли русского языка и к сужению значения национальных школ. Но при Сталине это только началось...

«СВЯЗЬ ВРЕМЕН ПРЕРЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ, ДА ЭТО И НЕ ПОЛУЧИТСЯ»

Для чего я обо всем этом рассказываю? А для того, чтобы объяснить читателю, в общем-то, довольно очевидное, – истоки татарской нации находятся не только в досоветском, но и в советском периоде нашей истории. История ведь непрерывна и из нее нельзя произвольно вытаскивать одни куски, задвигая в угол другие ее части. Скажу прямо: такой подход и методологически неприемлем.

Но есть и иной аспект обсуждаемой тут проблемы, который Бустанову, быть может, из-за того, что советской жизни ему, в отличие от меня самого, досталась немного, остался недоступным. Могут быть и иные причины отчетливо видимой слепоты этого автора по отношению к советскому прошлому, о чем я еще скажу отдельно.

Под другим аспектом я имею в виду содержательную сторону советского этапа истории татар. Так как она очень многогранна, остановлюсь только на одном, но очень показательном, ее ракурсе, связанном с развитием академической гуманитарной науки в Татарстане в советский период. Эта сфера мне очень хорошо знакома, впрочем, как думаю, и Бустанову тоже.

Если бросить панорамный взгляд на татарскую гуманитарную науку, существовавшую до 1917г., несмотря на все ее достижения, необходимо констатировать – она находилась еще только на стадии зарождения. Многих направлений гуманитарных исследований тогда вообще не существовало. Оно и понятно – отсутствовали сами институциональные основания таких изысканий. А вот в советский период они появились и дали свой результат: были проведены систематические фольклорные, диалектологические, этнографические, археологические, археографические и др. экспедиции, позволившие не только собрать громадный научный материал, но и, проводя их обработку, опубликовать фундаментальные труды (атласы, собрания фольклора и т. д.), сопровождавшиеся их теоретическим обобщением. Как академическому ученому, всю жизнь проработавшему в одной из сфер гуманитарной науки, мне как никому другому понятно – без этого «советского» наследия двигаться дальше не получится. Для показательности скажу: возьмите любой исторический труд татарских авторов XIX – начала XX вв. и сравните его с недавно завершенной 7-томной «Историей татар с древнейших времен». Тогда вы поймете, о чем тут идет речь.

Таким образом, глубокоуважаемый Альфрид Бустанов в принципиальном плане сильно заблуждается – связь времен прерывать нельзя, да это и не получится. Хотя из сегодняшней политической жизни России мы знаем – такие попытки предпринимаются постоянно, причем силами разрушения, а не созидания.

*«БЫЛО БЫ НЕПРАВИЛЬНО ЗАКЛЮЧАТЬ, ЧТО СТАРОЕ НАСЛЕДИЕ УШЛО
НАВСЕГДА ВМЕСТЕ С ЕГО НОСИТЕЛЯМИ»*

Однако в данном случае следует установить – частное ли это заблуждение ассистент-профессора или мы тут имеем дело с проявлением более общих процессов, характерных для постсоветского пространства. Думаю, что верно второе. И вот поэтому не помешало бы разобраться с причинами появления такого, как у Бустанова, концептуального подхода. Между прочим, он далеко не безобиден, как можно было бы полагать на первый взгляд.

И тут нам необходимо вернуться к советскому наследию. На самом деле, в одном Бустанов прав – партийно-идеологический контроль, сдобренный в последние полстолетия советского режима шовинизмом, крайне сузили татарское наследие, придали нашей академической гуманитарной науке весьма далекий от описания реальных исторических процессов, характер. Достаточно будет в этой связи вспомнить про прямой запрет на изучение истории Золотой Орды – ключевого этапа становления татарского народа, а также аналогичный запрет на осмысление исламского наследия, действительно являвшегося ядром татарской культуры досоветского периода. Естественно, такие громадные лакуны в исследовательском процессе советского периода лишают нас

возможности прямого соединения старого наследия с современностью. Понятно, что Бустанов, длительное время занимавшийся именно старым наследием татар, способен глубже других осознать ту пропасть, которую создала, вполне осознанно, кстати, советская власть, между прошлым и настоящим. Однако было бы неправильно из того заключать, что старое наследие уже ушло навсегда вместе с его носителями – шакирдами медресе.

Нет, оно сохранилось в виде больших компендиумов архивных (рукописных) источников и огромного числа книг, журналов и газет. Да, их надо ввести в научный оборот, освоить. Да, для этого нужны кадры ученых и научная политика, которой в республике все еще нет. Но нет необходимости паниковать по этому поводу – начало движения в этом направлении уже положено. К тому же не надо думать, что прежние, уже советского периода, ученые, не знали этого наследия – они были с ним знакомы; другое дело, что не могли о нем писать. Поэтому в академической среде, в узких кругах (семинары, конференции, сборники и т. д.) все время это наследие так или иначе обсуждалось. Иногда скрытно, например, под видом обращения к джадидизму (но будем помнить, и джадидизм довольно долго был у нас под запретом).

Наконец, обсуждаемая проблема все же смыкается с нашей нынешней действительностью в виде отрицания Бустановым необходимости (и возможности) в перспективе такой общности, как татарская нация, то есть политически оформленного в республику этнополитического образования. Тут у данного исследователя сразу проглядывают несколько оснований: а) Татарстан не особо печется об интересах татар; б) Москве республики по большому счету только мешают; в) с точки зрения не жившего в Татарстане и волею судеб оказавшегося на семи зарубежных и не только ветрах татарина, к тому же сильно ориентированного на принятие доминирования исламской идентичности взамен этнической, более продуктивными могут выглядеть иные формы объединения татар в будущем (недаром он заикнется об альтернативных путях такого объединения, которые существовали в досоветский период).

Однако такой подход крайне спорен, о чем надо бы написать отдельно. Возможно, я за это время вскоре и возьмусь. Там и будет показано, насколько советская культура татар была «деревенской» и чем она все-таки отличалась (кроме атеизма) от нашей дореволюционной культуры.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/437058>,
1 сентября 2019.*

* * *

Альфريد Бустанов

«ПАМФЛЕТ ДАМИРА ИСХАКОВА ВПОЛНЕ ОБЪЯСНИМ, ХОТЬ И АНАХРОНИЧЕН»

Очевидный результат советского и постсоветского нациестроительства – Республика Татарстан нуждается в смысловой перезагрузке.

«Повестка постнации, которую я предлагаю, актуальна не только для татар», – уверен историк, ассистент-профессор Амстердамского университета Альфريد Бустанов, отвечающий доктору исторических наук Дамиру Исхакову. О том, как постколониальная критика на постсоветском пространстве оказалась лишь антиколониальной и почему в англоязычной литературе ставятся кавычки в слове «татарский» применительно к эпохе до XX в., – в очередном материале Бустанова для «БИЗНЕС Online».

МЫСЛИТЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ ДЛЯ МНОГИХ ПРИЯТНО НЕ ТОЛЬКО В СИЛУ ИХ ВОЗРАСТА

«В медресе я старался всячески просвещать студентов и преподавал им разные науки. Заказывал газеты и журналы, объяснял студентам необходимость стремления к знаниям с прицелом на

будущее и делился с ними своими идеями. Руководству медресе это не понравилось. Они пожаловались на меня куда следует (тиешле урынга данус) и объявили меня атеистом-реформатором, вернувшимся домой после учебы за границей. Они обвинили меня в распространении политических идей среди студентов и приобретении турецких газет, но так и не смогли мне навредить».

Так описывал свое возвращение из Медины на родину в 1908 г. Габделмажит Кадыйри (1881–1962), специалист по рецитации Корана из деревни Эстерлебаш. С тех пор мало что изменилось в нашей интеллектуальной атмосфере. К 1970-м гг. жанр политического доноса стал привычен даже в исламской среде, не говоря уже про сферу науки. Поэтому памфлет Дамира Исхакова с его риторикой борьбы с западными врагами вполне объясним, хоть и анахроничен. Содержательно текст моего оппонента либо подтверждает уже высказанные мною положения, либо просто иллюстрирует их. По этой причине я воспользуюсь возможностью развернуть свой аргумент, обращаясь не столько к содержанию памфлета Исхакова, сколько к самому факту его высказывания.

Мой оппонент занимает охранительную позицию: время наций не прошло, а любая критика этого концепта должна быть безжалостно предана анафеме. Для меня очевидно, что мыслить в национальной парадигме для многих приятно не только в силу их возраста, но и в связи с политическими процессами на постсоветском пространстве – на наших глазах национализмы разных цветов лишь набирают силу и в России, и на Кавказе, и в Средней Азии. Поэтому повестка постнации, которую я предлагаю, актуальна не только для татар. Это касается всех, и было бы чрезвычайно полезно услышать продуктивные мнения коллег из других регионов и интеллектуальных традиций.

«АРХИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ФАКТИЧЕСКИ ЛЕГИТИМИРОВАЛА НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ «УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ»

Важно заметить, что современное увлечение нацией объясняется не только советским наследием. Как известно, после развала Советского Союза ранее недоступные архивы нашей страны открыли двери для многочисленных исследователей. Работа с рассекреченными архивами известна сейчас в качестве кратковременной «архивной революции» 1990-х, после которой многие архивы вновь закрылись. На мой взгляд, одним из интеллектуальных последствий «архивной революции» стало усиление национальной парадигмы на постсоветском пространстве, а во многом и в самой международной науке.

Дело в том, что многие исследователи, работавшие с открывшимися архивными данными, социализировались в эпоху холодной войны, поэтому политический пафос их работ был антисоветским. Главным объектом их подспудной критики стала политика Москвы, да и на региональные сюжеты во многом они смотрели через призму архивов в Москве и Петербурге. На этом фоне национальные элиты оказывались в роли молчаливых жертв, чьи взгляды на собственную историю в XX в. и субъектность в рамках советского проекта модернизации просто-напросто игнорировались.

Одним из последствий такого взгляда на бывшее советское пространство стало доминирование, как это ни парадоксально, национальной парадигмы в научных исследованиях. Критикуя советский проект нациестроительства, в целом международная наука восприняла или оказалась под влиянием национальной матрицы. Иными словами, Советский Союз предстал в глазах ученых лишь как совокупность наций. Такой взгляд, несмотря на декларируемую критику национальных нарративов (они плохи просто из-за своей «советскости»), по-прежнему очень заметен.

Внимание международной науки к национализмам льстило местным интеллектуальным элитам и поддерживало их критику московской политики. Тем самым «архивная революция» фактически легитимировала национальные нарративы «угнетенных народов». Постколониальная критика на постсоветском пространстве оказалась лишь антиколониальной, не предлагающей новой повестки дня и свежего взгляда на прошлое и, самое главное, на будущее. Даже когда в англоязычной литературе ставятся кавычки в слове «татарский» применительно к эпохе до XX в. и брезгливо отзываются о «национальной историографии», все равно мы имеем дело лишь с зеркальным отражением советского взгляда на нацию.

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН СЕГОДНЯ КАК НИКОГДА НУЖДАЕТСЯ В СМЫСЛОВОЙ ПЕРЕЗАГРУЗКЕ

Все это я пишу не для того, чтобы в стиле моего оппонента обвинить Запад во всех грехах. Моя критика имеет целью нащупать иную повестку дня и не в качестве очередного псевдоидеолога-одиночки, а как исследователя со своим взглядом на прошлое и будущее. Альтернатива – это наше все. И чем больше таких альтернативных вариантов, тем лучше. Ведь каждый человек в течение своей жизни является не только частью воображаемых сообществ, но и включен в массу иных прагматических связей и смыслов.

Здесь же я бы хотел пояснить свою позицию по отношению к прошлому в проектах будущего. Мой оппонент приписывает мне лишь отрицание всего советского. Во-первых, история гораздо сложнее и динамичнее, чем непрерывные блоки, к которым привыкла национальная историография. В одно и то же время люди прошлого могли жить и в Буинском уезде Симбирской губернии, и в регионе под названием Джабалистан – «Горная сторона». Речь идет о разном культурном восприятии пространства. Более того, татары жили сразу в двух хронотопах – по христианскому и мусульманскому (а то и иранскому!) календарю. В такой перспективе разговоры об «имперском» и «советском» – лишь вынужденная условность. Внутренняя динамика культурно обусловленного времени и пространства куда богаче и интереснее!

Во-вторых, не имеет никакого смысла лишь отрицать и упрощать все «советское» или «западное». И в том, и другом случае мы имеем дело с гетерогенными традициями, в которых много места для разнообразия и альтернативности. Одни традиции были маргинализированы и прервались, другие же развивались в течение XX в. согласно своей внутренней логике. Именно поэтому очень важно изучать разные языки (само) описания – это позволит нам со временем уйти от доминирования национальной проблематики в науке, а также существенно расширить культурный репертуар, доступный для строительства сценариев будущего.

И, в-третьих. Я не вижу в дореволюционных или альтернативных советских моделях панацею для будущего развития. В одну и ту же реку дважды войти не получится. Невозможно реанимировать те социальные формы, что уже канули в Лету. Однако какие-то полезные элементы, в том числе рожденные советским опытом модернизации, хорошо бы сохранить и переосмыслить, наполнить их новым содержанием. Это касается в первую очередь Республики Татарстан. Очевидный результат советского (да и постсоветского!) нациестроительства, Республика Татарстан сегодня как никогда нуждается в смысловой перезагрузке. После непродления договора о разграничении полномочий и ударов по татарскому языку содержание слов «Республика Татарстан» не могло не поменяться. Хочется верить, что наша повестка постнации послужит отправной точкой для более широкой дискуссии о новых смыслах для старых институтов.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/438285>,
15 сентября 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ОБЪЕКТОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА, НАХОДЯЩИХСЯ В ОПАСНОСТИ, ДОСТАТОЧНО МНОГО»

Айрат Файзрахманов о путях сохранения национальных слобод в российских городах

Вопрос сохранения татарских слобод в регионах – это тема для стратегии развития татар, уверен историк Айрат Файзрахманов. Будучи на 70% городской нацией, татары еще только ищут свое место в мегаполисе. Но, не укоренившись в городской истории, мы рискуем получить

обвинения в том, что татары – лишь конструкт ленинской национальной политики, или превратимся в диаспору, у которой всегда меньше прав, отмечает он. В своем материале автор «БИЗ-НЕС Online» предлагает рецепты решения вопроса.

**«КАЖДАЯ ТАТАРСКАЯ СЛОБОДА, ЕСЛИ ТАМ ЕЩЕ ТЕПЛИТСЯ ЧТО-ТО
НАЦИОНАЛЬНОЕ, СТАНОВИТСЯ ЧАСТИЧКОЙ БОЛЬШОГО ТАТАРСТАНА»**

В середине сентября в Томске прошел Всероссийский форум татарских краеведов, главной темой которого стали татарские слободы. Событие для татарского мира довольно масштабное и проводится в таком выездном формате впервые. Из поволжских регионов для участия сформировалась весьма представительная делегация краеведов и историков (более 50 человек). По пути следования она посетила татарские слободы Новосибирска, Екатеринбурга и ряд близлежащих татарских поселений. Взаимодействие профессиональных историков и народных краеведов дало хорошую синергию: последних оно обогащает фундаментальным взглядом на местную историю, а первым дает пласт интересной информации с мест, которой порой не увидишь в открытом доступе.

Общество краеведов при Всемирном конгрессе татар смогло сдвинуть привычную рамку мероприятий: «зацикленность на Казани» (обвинения, которые порой приходится слышать от татар из регионов) отошла здесь на второй план. Глядя на Томск, слушая вживую выступления краеведов о татарской Астрахани, Уфе, Самаре, Ульяновске, Семипалатинске и других городах, понимаешь, насколько обширен и многообразен татарский мир, причем это богатство не ограничивается только Татарстаном и Башкортостаном. И пока можно сказать, что «пациент скорее жив, чем мертв»: остатки этого наследия живы и по сей день – что-то из него, как в Томске или Москве, продолжает служить на благо татарской нации, что-то еще предстоит возратить и восстановить, что-то потеряно, но имеет носителей воспоминаний и вошло в анналы истории.

Тема и место для Форума краеведов были выбраны не случайно. Во-первых, Татарская слобода Томска, как бы пафосно это ни звучало, – настоящая жемчужина татарского мира, единственная в своем роде сохранившаяся деревянная Татарская слобода. Томское Заисточье (аналог казанского Забулачья) давно ждало такого внимания. Удивительно, что более чем в 2 тыс. км от Казани пусть немного, но смогла сохраниться уникальная атмосфера Татарской слободы со своими жителями, культурными практиками, старожилками и исследователями. Слегка погрузившись в историю местных татар, сибирско-татарской государственности (для меня стала открытием чеканка разнообразного типа монет местными ордынскими ханами), многочисленных миграций, образования татарских поселений, формирования субэтнических групп и их «переплетений» с другими татарами, особенностей полукочевового быта вплоть до XVIII в., понимаешь, насколько многосоставной и многокультурной является татарская нация. Причем кирпичики, из которых она строилась, соединились неслучайным образом.

Во-вторых, важнейшую роль сыграл весенний визит в Томск Президента Татарстана Рустама Минниханова и непротокольный вопрос от местных татар о слободе. В этом смысле каждая Татарская слобода, если там еще теплится что-то национальное, становится частичкой Большого Татарстана, местом его репрезентации и общественной дипломатии. Кроме того, ряд городов с историческими Татарскими слободами являются стратегическими пунктами в торговом транзите. Например, Астрахань, Самара, Оренбург, Томск, будучи расположенным в Обско-Иртышском бассейне, могут стать одними из стратегических пунктов для выхода на Северный морской путь, на который Российская Федерация возлагает особые надежды. Кстати, еще с XIX в. существовали проекты соединения Волжско-Камского и Обь-Иртышского бассейнов рек (трансуральский водный путь, объединяющая ось «Южный и Северный морской путь»), которым не суждено было сбыться.

**«НЕ БУДУЧИ УКОРЕНЕННЫМИ В ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ, МЫ РИСКУЕМ
БЫТЬ ОБВИНЕННЫМИ В ТОМ, ЧТО ТАТАРЫ ЛИШЬ КОНСТРУКТ ЛЕНИНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»**

В-третьих, Татарские слободы – это то пространство, которое дало нам всплеск развития национальной культуры и образования на рубеже XIX–XX вв.: типографии, джадидские медресе, первые

национальные СМИ, театры и музыка, национальный капитал, богатая архитектура, богословская и поэтическая мысль, движение за национальное самоопределение, борьба женщин за свои права, лучшие медресе и первые светские учебные заведения. Каждая крупная татарская слобода имела в своем активе подобные узловые элементы национальной инфраструктуры, без которой татары бы не состоялись как нация.

Конечно, многое из вышеобозначенного уже прекрасно описано в исторической литературе и краеведческих заметках в СМИ, но большинство публикаций не имело своей целью вычлнить отдельную слободскую тематику – зачастую она идет лишь как фон исследования. Эта информация редко попадает в широкие массы, и ее пока нет в устах руководителей. Даже в Татарстане, например, мало кто знает, что Ново-Татарской слободе исполнилось 270 лет. Пока у нее не сложилась своя группа властных лоббистов. С другой стороны волжского берега Казани – у Адмиралтейской слободы – такие радетели все же есть, поэтому даже при маленьких ресурсах удалось отметить ее 300-летие. Кстати, возможно, это и к лучшему – есть время подготовиться лучше и сдвинуть дату основания Бишбалты-Адмиралтейки на много столетий вглубь.

Для Казани (и не только) тема возрождения слобод важна с точки зрения устойчивого развития местности – это и построение соседского общества в городе, общественного самоуправления, и возрождение традиций и культурных кодов территории, и экономика соучастия, и, наконец, более ответственное отношение за будущее того места, в котором ты живешь. Невозможно, чтобы полуторамилионная агломерация, по площади превышающая некоторые государства в мире, делилась лишь на четыре района (все, что ниже, называется сегодня жилыми массивами) и управлялась только усилиями чиновников.

Почему слободская тематика понадобилось татарской общественности именно сейчас? Потому как это вопрос дальнейшего развития для стратегии развития татар. Будучи сегодня на 70% городской нацией (вполне европейский показатель), татары еще только ищут свое место в мегаполисе. И в этом поиске важно нащупать истоки обитания своего народа в том или ином городском пространстве, иначе есть риск стать Иванами, не помнящими родства, диаспорой, у которой всегда меньше прав, чем у представителей коренного народа. Не будучи укорененными в городской истории, мы рискуем быть обвиненными в том, что татары лишь конструируют ленинскую национальную политику, притом, что почти у каждого исторического города России, где проживают татары, есть такие «татарские истоки» (например, в Москве, Санкт-Петербурге, Костроме, Нижнем Новгороде, Ростове, не говоря уже о золотордынских городах, и т. д.), которые необходимо постоянно актуализировать. Надо делать это прошлое своим для местных татар. Отсюда должна следовать органичность наличия мечетей в российских городах, сильной мусульманской общины, право на свое пространство, на изучение родных языков. Например, в Москве мало кто сомневается, что татары здесь коренной народ и что они заслуживают быть голосом столичной исламской уммы.

«ОПЕРАТОРАМИ В ЭТОМ ВОПРОСЕ МОГЛИ БЫ СТАТЬ СУЩЕСТВУЮЩИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ НА МЕСТАХ»

К тому же слободская тема вслед за развитием внутреннего туризма в России и политизацией урбанистической повестки переходит из научной проблематики в более массовый, популярный разряд – в сферу так называемого public history (публичной истории). В этом отношении стоит отметить пять/ряд современных форматов, которые постепенно актуализируют слободскую тематику: это публикации в СМИ (в казанских средствах массовой информации визуально виден рост интереса к слободской тематике), экскурсии, в том числе и по нетуристическим местам, видеоблоги, публичные лекции, исторические квесты.

Между тем «татарская тематика», Татарские слободы могут разнообразить порой одинаковые пейзажи российских городов. Пора выводить на свет их запятанную татарскую историю. Это можно сделать единым пакетным предложением (пять направлений): дополнениями в экскурсионные маршруты, сувенирной продукцией, заточенной под местные культурные коды, созданием медиапроекций и аудиогидов, проведением мастер-классов и квестов. Операторами в данном вопросе мог-

ли бы стать существующие татарские культурные центры на местах. Пока же даже в Томске, в одном из центральных музеев города, где можно увидеть иностранных туристов (в музее деревянного зодчества), почти нет никаких упоминаний о татарах и Татарской слободе. К слову, Казани тоже не хватает своего музея деревянного зодчества, связанного с быстроисчезающим наследием городских слобод, к тому же есть немало энтузиастов, собирающих информацию об этом достоянии.

Не будем забывать, что «краеведы формируют смыслы и ценности территории» (Свят Мурунов, центр прикладной урбанистики), которые затем могут быть капитализированы, в результате создается конкретный социокультурный и экономический эффект: это не только фестивали, внутренний туризм, но и развитие архитектуры города, культурной инфраструктуры, привлечение инвесторов, снижение иммиграции. Для этого нужно комплексное исследование территорий (на стыке пяти дисциплин): культурологическое, историко-краеведческое с изучением локальной топонимики, антропологическое, урбанистическое, архитектурное. Городские слободы могут находиться в фокусе внимания именно этих научных дисциплин. Татары и Татарстан всегда отличалась взвешенным, аналитичным подходом к делу, уверен, что в регионах местные власти такой исследовательский метод оценят положительно.

Сейчас тема слобод, развития городских территорий не стоит в научной повестке Академии наук РТ, в Татарстане и вовсе пока не готовят урбанистов, а специалистов по национальной архитектуре можно пересчитать по пальцам. В настоящее время мы не можем назвать точное число Татарских слобод, определить их состояние и динамику изменений, остается много вопросов: что относить к понятию «Татарская слобода», где ее хронологические рамки, каковы этапы развития, какие были связи между слободами в разных городах, как функционируют современные «постслободы» и сохранились ли в них предыдущие культурные коды? Кстати, информация о Татарских слободах слабо присутствует в Интернете, данной темы почти нет в «Википедии» – это то, над чем необходимо потрудиться татарской молодежи. Было бы неплохо соединить краеведческий потенциал, нынешнее активное развитие татарского раздела «Википедии» и проектную деятельность учащихся и школьных учителей с тем, чтобы продвинуть слободскую тему и сформировать интерес к ней у молодежи.

«ОПЫТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ НАС ХОРОШИМ ПРИМЕРОМ»

К сожалению, после окончания Форума пришло трагическое известие о том, что сгорела усадьба Акчуриных в поселке Старое Тимошкино Ульяновской области. О ее состоянии, о том, что нужно сделать, чтобы спасти ее, говорили за несколько дней до этого в рамках секционной работы на Форуме. И таких объектов истории и культуры татарского народа, находящихся в опасности, достаточно много. Только в радиусе 100 км от Казани (направления, куда можно спланировать тур выходного дня) их несколько десятков.

Например, роскошная усадьба татарского бая Валиуллы Бакирова (образец национального деревянного зодчества) в с. Олы Мингер Атнинского района находится в заброшенном, плачевном состоянии или Кышкарское медресе в Арском районе. По масштабу это не просто села, а настоящие агрополисы того времени, причем тесно связанные торговыми и клановыми узами с городскими татарскими слободами. Образ жизни подобных агрополисов мало чем отличался от провинциальных городов того времени. Лишь к концу XIX в. татарские агрополисы уступили в конкуренции городам. Состояние первых – головная боль местных властей и душевная боль хранителей наследия. И это если не говорить об остатках Ново-Татарской слободы Казани, Бишбалты, Плетеней, Ягодной слободы и т. д., информация о которых пока с трудом доходит до казанцев. Причем это то наследие, как показывает практика 131-го квартала в Иркутске, которое можно капитализировать и сделать самым посещаемым местом в городе.

Татарам, конгрессу, национальным автономиям уже давно нужно свое национальное общество охраны памятников истории и культуры, которое могло бы отслеживать в разных регионах судьбу объектов, ставить их на охрану, лоббировать на местном уровне их восстановление, работать с

профессиональным сообществом, архитекторами, формировать по данным памятникам инвестиционные предложения. Тем более что у Татарстана с большинством субъектов РФ есть соглашения о сотрудничестве. Иначе мы будем продолжать лишь охать о судьбе татарского архитектурного наследия и терять один исторический объект за другим. Благо есть отличный опыт татарстанского ВООПиК – одного из самых активных в стране. Между тем татарская общественность не имеет даже полного реестра памятников татарской истории и культуры за пределами РТ. Шире – стоит говорить и возвращении вакуфного имущества, отобранного у татарской мусульманской общины в первые годы советской власти. Опыт возвращения церковного имущества является для нас хорошим примером.

«КРОМЕ САБАНТУЯ БОЛЬШОЙ ГОРОД О ТАТАРАХ НИЧЕГО НЕ СЛЫШИТ»

Несколько иным образом обстоят дела с татарскими кладбищами. Трагедия на кладбище Ново-Татарской слободы подтолкнула к более активному изучению академической наукой этого наследия. Происходит фиксация материала, его цифровизация, каталогизация... В регионах все чаще проводятся субботники на старых татарских кладбищах. Так, в Екатеринбурге за несколько лет молодежь смогла очистить территорию старого татарского кладбища, поставить каменный мавзолей Агафуровых на охрану и остановить попытку застройки данного участка. Хороший образец для других. Это еще одна важная задача – остановить процесс разрушения мест захоронений, зафиксировать надгробные надписи, сделать старые кладбища местами национальной памяти татар. Кстати, на Всероссийском форуме татарских имамов в июне текущего года данные вопросы выносились на отдельное обсуждение – в качестве рекомендации звучало предложение о придании статуса мемориального нескольким татарским кладбищам (уже есть прецеденты за пределами Татарстана), формировании путеводителей и аудиогидов, необходимости создания музея эпитафий, т. к. это наследие также очень быстро теряется. Для татар настало время собирать камни.

Татарское сообщество Екатеринбурга (его новое поколение) показывает еще один важный пример сохранения архитектурного наследия – татарам возвращено бывшее здание татарского-башкирского театра (особняк Миллера), его удалось законсервировать, сформирован проект реконструкции, идет сбор немалых средств. А самое главное, что об этой истории знает активная часть горожан, татары не закрылись в данном вопросе от остального общества, а, наоборот, приглашают к партнерству представителей самых разных сообществ, урбанистическую «тусовку», сам проект был представлен в стенах «Ельцин-Центра». Пожалуй, сегодня это одна из главных ошибок многих татарских организаций – зачастую они варятся в собственном соку, участвуют в общегородских дежурных мероприятиях и в качестве партнеров видят лишь местную администрацию и Дома дружбы народов. Кроме Сабантуя большой город ничего о татарах не слышит. Вкупе со сверхконтролем старшего поколения, его обоснованными и необоснованными страхами, советской традицией аппаратных интриг подобное отталкивает от национальной повестки и самих татар, в то время как татарская тема при открытости и правильной подаче может быть потенциально интересна самым широким слоям большого города. Нельзя закрываться в четырех стенах, нужно максимально использовать городское пространство (речь не о Сабантуе). Именно так можно наполнить жизнью территории Татарских слобод.

«ХОРОШИЙ САДИК И ШКОЛА С НАЦИОНАЛЬНЫМИ КЛАССАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ МОГУТ ПРИТЯНУТЬ СВОИХ ЖИТЕЛЕЙ»

Что еще может оживить территории Татарских слобод? Итак, первое условие – постоянное присутствие национальной автономии и других национальных организаций на данных участках, необходимость быть открытым остальному городу. Второе – активная мусульманская община и медресе, которая должна помнить об истории мусульманской уммы города. При этом в ситуации превалярования в общине представителей республик Средней Азии и Кавказа важно присутствие грамотных татарских имамов и преподавателей, просвещенных лидеров общины. Третье – нали-

чие детского сада и школы с «татарскими» группами и классами, а в городах Татарстана это татароязычные образовательные учреждения. В Саратове, Москве, Нижневартовске такие примеры есть. Хороший садик и школа с национальными классами на территории Татарской слободы могут притянуть своих жителей. Кстати, старожилы томского Заисточья на Форуме краеведов не преминули напомнить о необходимости восстановления школы на их территории. Крепкое здание татарской школы в Томске еще сохранилось.

Если продолжать говорить о тенденциях, то, с одной стороны, исчезает ценная архитектура и простые дома, формирующие историческую среду слобод, уходят старожилы, устные истории и народная топонимика, пропадают привычные детали, например традиционная татарская полихромия, резные окна, ставни, ворота, двери, цветочные палисадники, колонки, вывески, исчезают водоемы и зеленые территории, деревянные заборчики заменяют недружелюбные заборы из профиля, одни учреждения, привычные магазины и кафе сменяются другими и т. д., с другой стороны, как мы видим, есть и новые, позитивные тренды: новое поколение градозащитников, новые форматы актуализации истории, отмеченные выше, и даже новые (почти татарские) слободы на окраинах города, живые мечети и медресе, активный интерес многих татар к своей истории. Уже давно витает в воздухе идея создания большого медиаресурса, освещающего историю и современность Татарских слобод, и данная задача стоит на повестке дня у молодого поколения исследователей и активистов. Наконец, есть и позитивные сдвиги в самой исторической науке, которые, несомненно, помогут в изучении Татарских слобод.

Скорее всего, в ближайшие 10 лет станет возможной интеграция оцифрованных и переведенных на современную татарскую графику метрических книг и надгробий, данных родословных (шеджере) и краеведческой информации о татарских населенных пунктах, а также сведений генетического проекта по татарам в одну большую big data. И тогда каждый из нас будет иметь возможность найти в один клик детальную информацию про своих предков и нащупать собственные корни. Параллельно развитие археологического 3D-моделирования, картографических сервисов, «оживление» фотографий и интеграция их с видеоплатформами могут сделать национальную историю более понятной и близкой простому человеку. Если каждую из Татарских слобод и деревень сделать в цифровом плане более открытой, благотворительная помощь для них может стать более активной. Краеведы и новейшие технологии способны помочь найти известных потомков-выходцев из того или иного татарского поселения. Главное во всем этом – не растерять специалистов и энтузиастов в лице краеведов, потому как это даже не идеология (на которой, как известно, не экономят) и не макроистория, а «краеведческие изыскания» – верный способ осознания себя в глобальном будущем.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/440618>,
29 сентября 2019.*

* * *

Дамир Исхаков

«НАМ ВАЖНО ПОНЯТЬ, ЧЕМ БЫЛ ТАТАРСТАН ДЛЯ ТАТАР»

«Нация-государство» vs «постнация». В продолжение академической дискуссии по маршруту Казань – Амстердам. Часть IV

Доктор исторических наук Дамир Исхаков решил продолжить спор с ассистент-профессором амстердамского университета о путях развития татарской нации в XXI в. Исхаков в очередном материале для «БИЗНЕС Online» указывает, что находится с оппонентом на концептуально разных позициях относительно происходящих в татарском мире политических и иных процессов, а также их предпосылок. При этом автор находит новые аргументы в пользу национализма татар по «советскому» образцу.

ВАЖНЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕ ЛИЧНЫЕ НАСКОКИ

Читавшие опубликованные ранее материалы дискуссии с Альфридом Бустановым ряд моих друзей предложили мне «обойтись с ним помягче». В наших публикациях, обративших на себя внимание и известного американского аналитика Пола Гобла (Paul Goble), совершенно правильно понявшего суть начавшейся дискуссии, были важны, прежде всего, не личные наскоки, которых довольно много в публикации моего оппонента, а раскрытие содержательных аспектов обсуждаемых вопросов, ибо из них вытекает серьезнейшая проблема определения вектора дальнейшего движения татар в рамках постсоветской России.

Но прежде чем приступить к их содержательному анализу, считаю необходимым рассмотреть те высказывания в мой адрес, которые содержатся в последней статье Бустанова. Он упрекает меня в следующих «грехах»: а) в причастности к «риторике борьбы с западными врагами»; б) относительно сочинения мною «политического доноса»; в) по поводу «охранительности» моей позиции; г) в принадлежности меня к ряду «псевдоидеологов». Перечень можно было бы продолжить и дальше, но, думаю, этого пока достаточно.

Конечно, можно было бы на все эти высказывания ассистент-профессора закрыть глаза и заняться одним, так сказать, холодным анализом проблем, которые лежат в ядре нашей начавшейся дискуссии (надо думать, будут еще и другие публикации на эту тему). Но так как в обвинениях, предъявленных мне, есть и содержательные, хотя и сильно субъективизированные моменты, целесообразно все-таки их разобрать. В том числе и для того, чтобы сторонники «постнации» осознали: казанские татары – из них и состоит ядро Татарстана – от концепта нации-государства просто так не откажутся. Поэтому, как думается, надо размышлять несколько иначе, чем это делает Бустанов.

Итак, по порядку.

ЭТО НЕ КО МНЕ, А СКОРЕЕ К РАФАЭЛЮ ХАКИМОВУ

Попытка приписать мне некое «враждебное» отношение к Западу ничем не обоснована. Прежде всего потому, что по своим политическим взглядам я скорее являюсь левым демократом, близким к европейским социал-демократам, то есть вполне вписываюсь в западную демократию определенного типа. Затем научные достижения ученых-гуманитариев США и европейских исследователей мне не только хорошо известны (думаю, что не меньше, чем моему оппоненту), но и были широко использованы при написании моих трудов (чтобы убедиться в этом, достаточно туда заглянуть). И я многие работы западных исследователей ценю весьма высоко. Что не означает моей пылкой «любви» к западной системе в целом. Впрочем, тут я не сильно отличаюсь от многих ученых и других интеллектуалов, живущих в европейских странах. Из моей статьи, прочитав которую, Бустанов почему-то приписал мне указанный выше «грех», на самом деле вытекает только мое отрицательное отношение к советологическим трудам, и то не ко всем, а только к определенной их части. Обращаю внимание читателей, что сам мой оппонент, как видно из его последней публикации, аналогичного мнения о советологических работах.

Относительно «доносительного» характера моей публикации. Скорее всего, этот «наскок» проделан моим оппонентом на скорую руку. Похоже, он действительно считает себя светлым ангелом, а меня – пособником дьявола. Так вот, докладываю: на своей исторической родине я вообще-то причисляюсь к «опасным националистам», не вполне (в иных случаях – совершенно) лояльным к здешним режимам, а ассистент-профессор – вряд ли. Если бы дело обстояло иным образом, я давно был бы уже «академиком» и учиненным лаврами «заслуженным деятелем», на крайний случай – стипендиатом ТАИФа. Но, как известно, ничего этого нет.

Теперь об «охранительности» моей позиции. Напомню: речь идет о том, что я защищаю концепт нации – государства, а Бустанов – «постнации», хотя и без всякого содержательного объяснения того, что же это такое в его понимании. К тому же к этой весьма трудной исследовательской теме ассистент-профессор Амстердамского университета умудрился приплести мой уже немолодой возраст (подтекст – «отсталый» консервативный старикан!), которому противостоит полный сил и энергии, а также обладающий «свежестью» взгляда, прогрессивно мыслящий молодой уче-

ный-западник, стремящийся отодвинуть от бедной татарской нации вот этого цепляющегося за старое «псевдоидеолога-одиночку». Но дело то в том, что суть его концепта не раскрыта.

Что касается последнего момента – приписывания мне статуса «псевдоидеолога-одиночки», благодарю покорно, это не ко мне, а скорее к Рафаэлю Хакимову, я же всю жизнь был и предпочитаю оставаться ученым-этнологом и историком. Так что не по адресу. Хотя, что скрывать – написанное мною очень даже известно, и, в отличие от Бустанова, меня достаточно хорошо знают в татарском (и не только) мире, о чем из-за обширности контактов со своими сородичами, как обществу деятелю с большим стажем, мне известно доподлинно. Как академическому ученому, постоянно контактирующему с исследователями из разных стран, я знаю также, что мои работы там тоже очень даже читаются.

ПОЗИЦИЯ МОЕГО ОППОНЕНТА ВЕСЬМА ПРОТИВОРЕЧИВА

После несколько затянувшегося введения можно уже и приступить к продолжению рассмотрения начатых в моей первой публикации рассуждений. Тем более что сейчас имеются достаточно многочисленные, хотя и, к сожалению, не слишком содержательные комментарии к прежним нашим публикациям.

Скажу сразу: невозможно согласиться с утверждением Бустанова относительно того, что якобы мой текст «подтверждает» или даже «иллюстрирует» его высказывания. Этого нет и не может быть просто потому, что концептуально мы находимся на разных позициях как по поводу происходящих сейчас в татарском мире политических и иных процессов, так и относительно объяснения их культурно-исторических предпосылок. Я отстаиваю концепцию нации-государства (государственно-организованного татарского народа), а мой оппонент – «постнации». Согласно Бустанову, некие неназванные им «псевдоидеологи», куда кажется, как отмечалось, был причислен и я, ранее занимались лишь «антиколониальной критикой», не предложив ни «свежего взгляда», ни «новой повестки» для татар. А вот сияющий рыцарь на белом коне в лице Бустанова именно такую «новую повестку» предложил, правда, как выяснилось, не объяснив ее содержания.

В принципе, логика ассистент-профессора понятна – после известных политических потерь, понесенных Татарстаном в последние годы, проект нашей республики точно нуждается в «перезагрузке». Ее-то вроде бы и предлагает мой оппонент, но, как уже было сказано, без всякой конкретизации своих предложений. Любопытно, что сей «постнационалист» при всех своих построениях относительно постнации никак не может пройти мимо нации-государства, то есть Республики Татарстан, ведя речь о ее «перезагрузке». Об этом я пишу потому, что позиция моего оппонента весьма противоречива. С одной стороны, он вроде бы меня критикует, но, с другой – пишет о том же, что было сказано мною. Естественно, в такой ситуации с ним дискутировать сложно и мне остается одно – не слишком обращая внимания на высказывания ассистент-профессора, продолжить те идеи, о которых я начал писать прежде.

НАЦИЯ ИЛИ ПОСТНАЦИЯ?

Во всех рассуждениях нашего оппонента речь идет, как уже говорилось, о «советской» нации с отрицательной маркировкой, в татарском случае оказавшейся сейчас, по мнению Бустанова, в «кризисной ситуации». Он в одной из своих публикаций указывал, что применительно к татарам надо исходить из того, что потеря ими в своем большинстве родного языка уже в ближайшем будущем «весьма вероятна». В этих условиях, говорит он, пора вспомнить, что язык является всего лишь «средством, а не целью», к тому же между языком и этничностью прямой связи нет (на ум тут приходят последние, близкие по своей сути, высказывания академика Валерия Тишкова), поэтому в условиях случившегося уже с татарами глубоко политического и культурного кризиса надо отказаться от прежнего советского политического проекта нации, когда татарская культура развивалась лишь в «одном центре» (подразумевается Татарстан), к тому же на основе единственного «шаблона» («махрового стандарта») и переходить к множественности центров культуропроизводства, проявляя для развития национальной культуры максимальную «гибкость»,

если надо – используя даже (видимо, чтобы запутать недругов) риторику «отрицания нации». При этом ассистент-профессор начинает прямо-таки пугать: мол, если станем и дальше «цепляться» за устаревшую модель нации, последствия могут быть весьма печальными. Какими? А вот такими – из-за своей «негибкости» мы, татары, получим «политический удар». Сказано сильно, но неясно.

Выше нами были обрисованы общие контуры мышления нашего образцового постнационалиста, теперь мы можем уже заняться их анализом. Но для начала придется вспомнить, чем являлась так называемая советская нация, в частности татарская, скрывавшаяся за Татарской АССР. Однако до этого хотелось бы высказать некоторые общие соображения относительно того, а на какой политической почве в стране растут взгляды сторонников постнации вроде Бустанова.

Сейчас весьма часто из уст разного рода шовинистов и государственников имперского пошиба можно услышать высказывания о том, что нынешние российские республики, в том числе и Татарстан, являются «подарками» большевиков, в свое время неразумно «нарезавших» остатки единого и неделимого российского имперского пространства на национальные территории. Политические силы, стоящие за подобными рассуждениями, хотели бы из Российской Федерации, существующей на основе своей принятой на всенародном референдуме Конституции, быстренько сделать унитарную Россию. При этом ими полностью игнорируется история нашей страны и вообще не принимается в расчет динамика политического и культурного процесса последнего столетия среди коренных народов России/СССР/Российской Федерации. Глубокая ошибочность и крайняя вредность для российского общества подобных взглядов очевидны каждому, кто способен сколько-нибудь поразмышлять концептуально с учетом современных политических и культурных реалий. Я же ответственно заявляю: те, кто попытается разрушить конституционный строй страны, заодно способны полностью развалить нашу общую Родину. Пресловутое русское демографическое большинство не поможет. Коренные народы, живущие сотнями лет на своих территориях, оказавшихся волею истории в рамках России, не согласятся на переустройство федерации на основе унитарного принципа. Поэтому-то более умные имперцы типа господина Тишкова хотят вначале создать языковую и следующую за ней по пятам культурную однородность, отодвигая время новой «нарезки» образующегося уже однородного «тела» так называемой российской нации на более отдаленное будущее (при этом, правда, предпочитая забыть, что, по прогнозам ООН, к 2050 г. в России доля мусульман достигнет 37–38%).

В целом необходимо указать на то, что сторонники постнации заранее «прогибаются» именно перед вышеназванными силами, реальные возможности которых на самом деле достаточно ограничены.

НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ АУТОНОМНОСТЬ ТАТАР БЫЛА ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ

Теперь вернемся к советскому проекту «автономной» нации татар, консолидированной в рамках Татарской АССР. В преддверии 100-летнего юбилея нашей республики об этом порассуждать будет особенно полезно.

Татарам, потерявшим свою государственность в большинстве случаев еще в XVI в., для прихода к идее ее обретения заново в форме хотя бы автономии пришлось очень долго прозябать в условиях колониального существования (помните надписи XIX в. в отдельных парковых зонах Казани – «для собак и татар вход запрещен»?). Но наши интеллектуалы уже к середине XIX в. начали «вспоминать» историю татарского народа, в результате чего вся цепочка государственного существования наших предков была восстановлена и доведена до широких масс. А буржуазное развитие России, ускорившееся с 1860-х гг., создало предпосылки социальной и культурной модернизации, приведшей к формированию у татар «высокой» культуры. Поэтому уже к революции 1905–1907 гг. татары начали превращаться в политическую нацию, выдвигавшую на передний план задачи обретения вначале культурной автономии (в делах религии, образования и т. д.), затем – автономии политической. На самом деле это был общий процесс вызревания в Восточной,

частично и в Центральной Европе национальных проектов (к примеру, весьма похожие процессы проходили и в Австро-Венгерской империи).

В итоге к революциям 1917 г. (Февральской и Октябрьской) татары, как и многие другие народы Российской империи, подошли уже вполне подготовленными к реализации политической автономии. Отсюда и проекты штата Идель-Урал, а также Татарско-Башкирской республики. Скажем прямо: большевики были вынуждены реализовать масштабный проект национально-территориального обустройства сохранившейся части бывшей Российской империи. Если бы они этим не занимались, попросту не удержали бы в стране власть. Кто хотя бы в общих чертах разбирается в перипетиях политических процессов 1917–1922 гг., знает, как большевикам пришлось пожертвовать своими «областническими» теориями под давлением национальных движений. А всякие словеса нынешних шовинистов относительно республик, которыми якобы большевиками были «одарены» народы России, не более чем проявления необразованности или имперского синдрома. Вообще-то, история создания национально-территориальных образований в нашей стране изучена достаточно неплохо (на этот счет имеются и ценные труды западных исследователей), поэтому всякий желающий узнать о подлинных политических процессах того времени, а не опираться на «мнения» имперцев нового пошиба может просто ознакомиться с написанными по этой теме трудами.

Татарская АССР также была создана в 1920 г. в общем контексте данных процессов. Много чего об этом можно было бы порассказать, однако стоящая перед нами задача заключается не в подобном, а несколько в ином – нам важно понять, чем был Татарстан для татар. И вот тут-то выясняется, что вопрос о татарах как о «советской» нации изучен из рук вон плохо. Да и динамика самой Татарской АССР как особого типа политической автономии, хотя и советской, не была, к величайшему сожалению, предметом отдельного изучения. А там много чего надо бы еще исследовать.

Скажем, уже в 1920-х гг. выяснилось, что татарская политическая элита (заметьте, коммунистическая!) осталась недовольной той степенью автономии, которую татарам дала советская власть. Именно этим объясняются репрессии против М. Султан-Галеева и ряд других акций устрашения и подавления, примененные центральными партийно-советскими органами по отношению к этой элите во второй половине 1920-х гг. (вопрос изучался Б. Ф. Султанбековым). Между тем на начальной стадии советской власти автономность татар была значительной (свои наркоматы, за исключением силовых, особая языковая политика, взаимоувязанная с коренизацией кадров, создание целой системы культуропроизводства и многое другое). Даже к концу 1930-х гг. кое-что от реальной автономии Татарстан еще сохранял (вплоть до следов наличия своего гражданства).

«АВТОНОМНЫЕ» ТАТАРЫ ДО КОНЦА 1950-Х НЕ СЛИШКОМ ОТСТАВАЛИ ОТ «СОЮЗНЫХ» НАЦИЙ

К чему этот длинный пассаж? А к тому, что советская власть, как это ни покажется странным, в 1920–1930-х гг. выполняла те же задачи нациестроительства, которые были реализованы и в разного рода буржуазных обществах и странах: стандартизация национального языка, создание системы школьного образования на этом языке, формирование учреждений гуманитарной науки академического профиля (академцентр, общество татароведения, ИЯЛИ), систематическое изучение культурного наследия, развитие национальных театров, литературы, издательского дела, СМИ и многое другое.

Татары существовали тогда в СССР как современная нация, хотя и «советского» типа. Единственное, из-за того, что большинство народа по причине диаспорального расселения оставались за пределами ТАССР, все время существовала проблема соединения «оторванной» части нации с ее государственно организованным политическим ядром. Хотя работа шла и в этом направлении – за пределы республики поставлялись учебники, подготовленные в Татарской АССР, направлялись книги, газеты и журналы, издававшиеся в республике, в регионы проживания татар отправлялись экспедиции (фольклорные, диалектологические и другие), выезжали театры, концертные бригады и т. п. Но надо признать: эти механизмы связи этнического ядра с диаспоральными группами были

не институционализированы, в основном опирались на партийно-советские органы, на волю и дозволение центральных государственных и партийных органов СССР.

При всех трудностях и проблемах советской действительности «автономные» татары до конца 1950-х не слишком отставали от «союзных» наций, во всяком случае от тюркских. Но признаем: своей второсортностью, не соответствовавшей реальному уровню нашего народа, татары всегда тяготились. Именно из-за этого они еще по ходу подготовки «сталинской» Конституции 1937 г. попытались изменить свой политический статус от «автономного» к «союзному». Известно, что по поручению Сталина тогда были подготовлены специальные критерии (похоже, прокурором СССР А. Я. Вышинским), которые позволяли отказать татарам (и башкирам тоже) в их стремлениях. Но татары не уgomонились – в архиве политбюро КПСС сохранились письма татарской интеллигенции начала 1950-х, требующие изменения статуса ТАССР на «союзный». Последняя попытка этого рода была предпринята татарской коммунистической республиканской элитой в ходе подготовки «брежневской» Конституции 1977 г. Дело дошло до того, что, согласно устным сообщениям, был написан даже проект Конституции Татарстана как союзной республики!

Как из нашей истории выкинуть все эти этапы национального развития?

Если вернуться к концепту постнации Бустанова, его критика советской татарской нации в одном действительно правомерна: на самом деле этнокультурное воспроизводство татар тогда было сосредоточено в национальном политическом ядре – в Татарской АССР. Да, этот процесс был, согласно партийным и советским нормативом того времени, очень сильно унифицирован (шаг вправо, шаг влево – «расстрел»), всячески ограничен идеологически. Конечно, такое положение не шло на пользу татарам. Но в аналогичном состоянии были все народы в СССР, правда, со своими нюансами – в лучшем положении находились «союзные» нации, особенно отдельные из них (грузины, армяне, украинцы, прибалты). Татарам, потенциальные возможности которых были достаточно высокими, автономный статус навредил очень сильно, и начиная со второй половины XX века они начали отставать от других тюркских наций, имевших союзный статус.

Однако нравится ли кому-то или нет, длительное развитие татарской советской нации в рамках Татарской АССР привело к тому, что все основные институты культуропроизводства и национальная академическая наука гуманитарного профиля (а это несколько сотен ученых высокой квалификации) оказались сосредоточены тут. Теперь же нам Бустанов заявляет, что надо «рассредоточиться», не «класть все яйца в одну корзину». Интересно, как он это представляет конкретно? Что, надо ученых из Казани, из системы АН РТ, переселить в Уфу или Самару, а то и в Тюмень? Или татарские театры, расположенные в столице Татарстана, перевести в другие регионы РФ? Таких вопросов моему оппоненту можно выставить очень и очень много. Вот когда начинаешь конкретно рассматривать концепт постнации в редакции нашего оппонента, выясняется, что за ним вообще-то, кроме простого сотрясения воздуха, ничего нет.

РЕШЕНИЕ ДИЛЕММЫ: НОВЫЙ ВИТОК НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА ИЛИ ПЕРЕХОД К СТРУКТУРАМ ПОСТНАЦИИ?

По большому счету идеологи концепта «российской нации» или его более радикального и неприкрыто шовинистического варианта господства в стране одной лишь «великой русской нации», открыто ориентируются на то, чтобы в ближайшие десятилетия если не окончательно «растворить» коренные нерусские народы РФ, то хотя бы уничтожить их этнокультурную отличительность настолько, чтобы можно было их всех (а еще есть многочисленная группа мигрантов) «сбить» в однородную массу россиян. При этом очень большие надежды политическими силами, стоящими за этими получаемыми поддержку на самом верху проектами, возлагаются не только на весьма своеобразно выстроенную русскоязычную, нацеленную на языковую ассимиляцию школьную систему, но и на проекты учреждения нового, безэтничного в своей основе административного деления страны на некие абстрактные «земли» числом до двух десятков (в разных версиях со слегка различающимся числом), которые нам регулярно демонстрируются, видимо, для того, чтобы мы привыкли к их визуальному образу.

Но показательно, что на главный вопрос, который висит в воздухе, сторонники этих преобразований ответа не дают. А он звучит так. В связи с тем, что в ближайшие десятилетия коренные народы, среди которых много и достаточно крупных этносов, точно не исчезнут (сохранив и собственные культурно-языковые особенности), следовательно, также и этнокультурные потребности, которые пока удовлетворяются за счет социальных институтов и механизмов, выстроенных в этнических политиях того или иного характера, как будут решать эти проблемы в планируемых новых административных реалиях? Иногда нам намекают на механизмы национально-культурной автономии, через них, мол, можно все решать. Пардон, как показал российский 20-летний опыт, через национально-культурную автономию дальше «танцев-манцев-обжиманцев» пойти нельзя. Кроме того, что гораздо более важно, на самом деле в местах компактного проживания любого достаточно многочисленного этноса (например, как татары), проект последовательной национально-культурной автономии автоматически будет перерастать в автономию политическую, территориальную.

В истории это очень хорошо продемонстрировал опыт Австро-Венгерской империи, начавшей, как известно, с проектов национально-культурной автономии (теоретики этого концепта как раз там и жили), но развалившейся в итоге на политические составные по этническому признаку. Поэтому, даже если татар хотя бы частично начнут собирать в некие абстрактные Идель-Уральские штаты (такие планы нам демонстрируют регулярно), из-за того, что их там при любых конфигурациях данной «земли» окажется достаточно много, они все равно и в новых границах будут обладать политическим весом и при необходимости смогут «пробить» институты этнокультурного воспроизводства. То есть этнический фактор никуда не исчезнет.

Отсюда фундаментальный вывод: пока в РФ будут сохраняться многочисленные, укорененные тут аборигенные народы, обладающие собственными этнокультурными особенностями, их будет невозможно свести до положения мигрантских/диаспоральных групп, живущих по закону о национально-культурной автономии. Российский опыт недавнего прошлого с чеченцами очень хорошо иллюстрирует то, что может произойти при непродуманных политических решениях, затрагивающих организованные в республики народы. И с этой точки зрения внутренние нации-государства (и в меньшей степени иные типы этнически окрашенных территорий) в лице республик, в РФ никак не могут быть упразднены, как это предполагают недалекие умы, одним кликом московской руки. Попытки, возможно, даже сделают, причем в разных версиях, а реализовать точно не удастся.

БЫТЬ МОЖЕТ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАДО НАЧАТЬ ГОТОВИТЬСЯ К МОДЕЛЯМ ПОСТНАЦИИ

В этом плане стремление Бустанова подготовиться к некоему «часу X», конечно, понять можно, но принимать всерьез не стоит. Для таких многоэтничных стран, как Российская Федерация, в мире ничего, кроме федеративного устройства, основанного на этническом признаке, не придумано. Но да, в этой стране, где мы обитаем, далеко не всегда учитывают мировой опыт, за что потом нашему народу приходится весьма дорогой ценой расплачиваться, поэтому, в принципе, всякое возможно. Следовательно, Бустанов не во всем неправ, народу республики в будущих политических раскладах придется учитывать и концепт постнации, возникающий к тому же не только из-за возможных попыток реализации проектов внутренних преобразований в России, но и под воздействием глобальных процессов, среди которых очевидны: резкое уменьшение в ближайшие десятилетия в стране числа сельских жителей (с потерей традиционной поселенческой структуры и, следовательно, территориальной протяженности этносов, например татарского) с собиранием большинства населения в городах, особенно в крупных, приводящих к формированию городских агломераций и становления там нового сознания, характерного для жителей этих суперпоселений, а также образования совершенно иных экономических и социальных связей, базирующихся на не характерных прежде информационных и технологических потоках огромной мощности.

Названный глобальный «поток» точно прокатает всех, сильнее всего меняя, деформируя традиционный образ жизни, культуру, бытовые привычки и так далее, в конечном счете изме-

нив фундаментально сам характер этнической матрицы населения, в целом этническую психологию и самосознание. Эти изменения могут быть настолько существенными, что само «татарство» (и любое другое этническое) может начать выстраиваться на совершенно иных основаниях, чем это было прежде.

Актуальны ли будут в итоге в грядущем недалеком уже будущем с их фундаментальными изменениями внутренние нации-государства вроде Татарстана? Быть может, действительно надо начать готовиться к моделям постнации, осознанно выстраивая сетевые и иные похожие структуры, способные вписаться через новые механизмы в глобальные тренды? Например, в том числе, быть может, не заморачиваться с изучением татарского, а обучаться полностью на русском и английском, выходя сразу на «широкие оперативные просторы», как нас и призывает Тишков.

Хотя политическая и интеллектуальная элита Татарстана делает вид, что этих вопросов нет, на самом деле они не только есть, но и чрезвычайно актуальны. И на них придется дать ответ, но не путем организации полузакрытого курултайчика из престарелых писателей в аппарате республиканского ведомства по народному просвещению, как это произошло недавно. Тут нужны умы намного круче. И нереализовавшийся до сих пор проект татарской стратегии должен был быть посвящен именно этому.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/441490>,
6 октября 2019.*

* * *

Камиль Галеев

СМОТРЕТЬ НА ТАТАРСТАН ШИРЕ, ЧТОБЫ БЫТЬ СИЛЬНЕЕ

В последние месяцы в татарском общественном поле прогремела дискуссия между двумя известными историками – Дамиром Исхаковым и Альфридом Бустановым. Если вкратце, Бустанов предложил отказаться от концепций национального строительства, связанных с советским проектом и перейти к новой парадигме «постнации». Исхаков обрушился на него с критикой. Для тех, кто не следил – обзор историка и публициста Камиля Галеева.

Разговор получился, мягко говоря, накаленным, участники успели бросить в адрес друг друга немало обвинений, возможно не всегда справедливых.

Обозначу свою позицию в этой дискуссии. Один норвежский экономист как-то выразился насчет теории Маркса следующим образом: анализ прекрасный, но практические рекомендации сомнительны. Таково и мое отношение к концепции Бустанова: анализ блестящий, но практические рекомендации – не слишком убедительны.

Почему я назвал анализ Бустанова блестящим? Потому что он сумел ухватить то, что так редко принимают во внимание идеологи, да, честно говоря, и многие историки – «цветущую сложность» татарской идентичности и интеллектуальной жизни, причем не только дореволюционной. Действительно, одновременно на одной и той же территории сосуществовали совершенно разные идентичности, которые, в общем и целом, можно обозначить как «татарские». «Татарская» идентичность исторически была многослойной и гибридной, а не монолитной.

Нельзя не согласиться с Бустановым и в том, что советизация означала для татар цивилизационную катастрофу и тотальный даунгрейд. Во второй раз после 1552 г. городская татарская культура была уничтожена физически вместе со своими носителями. В качестве нормы и образца была принята культура деревенская, причем речь не о традиционной татарской деревне по состоянию на 1917 г., а о деревне кастрированной, «с убитым имамом и его разграбленной библиотекой».

Короче говоря, советское татарское общество – это общество обезглавленное, и в городской, и в деревенской его части. Одним из самых печальных результатов этого стала ускоренная ассими-

ляция наиболее образованных слоев татар – они просто не находят татарской интеллектуальной среды, в которую могли бы вписаться и вписываются в итоге в русскую. А не находят потому, что эту среду в полном составе закатали в асфальт в 1920–1930 гг.

Тем не менее, когда речь заходит о практических рекомендациях и планах на будущее, аргументы Исакова представляются более весомыми.

Во-первых, Бустанов выдвигает совершенно необоснованный тезис об отмирании наций в современную эпоху и необходимости перехода к «постнациям». В условиях, когда митинги за независимость в Шотландии и Каталонии собирают сотни тысяч участников, этот тезис выглядит довольно слабо. В современной Европе мы наблюдаем ослабление старых, имперских идентичностей, таких как «британская» или «испанская» и одновременно громадное усиление идентичностей региональных, вроде шотландской или каталонской.

Принципиально важным моментом является то, что эти усиливающиеся идентичности «малочисленных» народов имеют территориальную привязку. Важность этого факта нельзя переоценить. Мне представляется чудовищно опасной и даже убийственной иллюзией представление о якобы блестящих перспективах татарской «нации» или даже «постнации» без своей республики.

Ведь что мы видим на практике? За пределами республики основная масса татар все больше ассимилируется – с каждым новым поколением. Этому способствует и система образования, ориентированная исключительно на использование русского языка, и смешанные браки и, давайте начистоту, отсутствие ощущения, что земля, на которой они живут в полной мере им принадлежит (не будем забывать, что о татарских общинах за пределами Татарстана, даже в Поволжье регулярно говорят как о «диаспорах»).

Противостоять этому давлению могут считанные проценты нонконформистов. Но стратегия, ориентированная исключительно на нонконформистов ущербна и в длительной перспективе провальна.

Татары очень многое потеряли в годы Советской власти. Потеряли собственную интеллектуальную элиту, что секулярную, что религиозную. Потеряли, в огромной степени, старую культуру. Некоторой компенсацией за наши утраты послужила собственная государственность – Республика Татарстан. Единственное место на земле, где среднестатистические татары-конформисты (а не единицы пассионариев) могут быть социально успешны, оставаясь при этом в перспективе татарами. И отказываться от этого приобретения ради каких-то невнятных перспектив «постнации» было бы нелепостью.

Другое дело, что концепцию татарской идентичности, действительно стоит переосмыслить. Нельзя повторять ошибку русских националистов, носящихся со своими линейными схемами преемственности как с писаной торбой.

Во-первых, нам надо осознать, что татарский народ включает в себя не только тюркский, но и финно-угорский субстрат. Среди наших предков есть и болгаро-огуры, и кипчаки, и огузы, и марийцы, и удмурты, и мордва. Так что вся дурная бесконечность споров между «булгаристами» и «татаристами» – это пустая трата времени и чернил. Не смущает же англичан, что среди их предков есть и кельты, и римляне, и англосаксы с ютами, и викинги, и, наконец, норманны? Наоборот, они всячески подчеркивают сложность и многослойность своей идентичности, в чем можно убедиться за полчаса, пролистав любой британский учебник истории. Так же и нам следует принять эту сложность и многослойность.

Во-вторых, и нынешнюю татарскую государственность следует позиционировать не как сугубо татарский этностейт – здесь я абсолютно согласен с Бустановым в том, что такая формулировка провальна – а шире – скорее как тюрко-финский симбиоз, опирающийся на давние традиции сотрудничества. И дело тут не только в прагматических соображениях, но и в нашем долге благодарности перед историческими союзниками.

В период между двумя последними переписями, численность марийцев снизилась во всех регионах РФ за исключением Татарстана (и даже в Марий Эл). Мне кажется, этот факт подчерки-

ваит значимость Республики не для одних только татар, но и для всех коренных народов Поволжья – даже в нынешнем печальном состоянии он представляет собой наш общий Ноев Ковчег.

В-третьих, территориальная привязка татарской идентичности вовсе не должна означать замыкание в собственных границах и автаркию. Это было бы непростительной ошибкой. Можно вспомнить немало случаев, когда диаспоры и общины, живущие за пределами родной страны, оказывали колоссальное влияние на ход ее истории. И речь здесь не только о демографической или финансовой подпитке со стороны диаспор, но и о ее интеллектуальном (и медийном) ресурсе, который в некоторой ситуации может оказаться незаменимым.

*Источник: <https://www.idelreal.org/a/30221919.html>,
20 октября 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ТАТАРЫ – ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ НАЦИЯ ИЛИ РАЗДЕЛЕННЫЙ ПО РЕГИОНАЛЬНЫМ КВАРТИРАМ ЭТНОС?»

20 главных татарских проблем, требующих открытого обсуждения, по версии Айрата Файзрахманова, – депопуляция, исламофобия и архаика

«У татар есть уникальный шанс создать весьма интересный прецедент в мире наций», – уверен автор «БИЗНЕС Online», кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов. Но для подобного требуется детальная проработка, поиск коллективных решений и создание своих «дорожных карт» по каждому комплексу существующих татарских проблем. И пока мы отстраиваемся от какой-либо политики, в это же самое время она продолжает заниматься нами.

НЕГЛАСНЫЙ ЗАПРЕТ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, СИЛЬНЕЕ СЕТЕВОЙ ПОСТНАЦИИ

Дискуссия о нации и постнации требует более обстоятельного обсуждения, вовлечения широкого круга экспертов и значительных временных затрат, но текущая повестка вносит свои коррективы. Очередные программные заявления Президента России Владимира Путина по языкам, кейс профессора Гасана Гусейнова, периодически возникающие противоречия между татарской и башкирской общественностью, «тишковские» идеологические интервенции и проблема переписи – и мы уже оказываемся в другой ситуации с иными вводными данными и, возможно, новыми судьбоносными решениями. Все эти события, безусловно, влияют на развитие татар. Пока мы отстраиваемся от какой-либо политики, в это же самое время политика занимается нами.

Как пример. Одна из самых неполитизированных, современных и гибких форм проявления этничности – «Википедия» на татарском языке или на других языках народов России. В последние годы в нее вовлечено большое количество молодежи, она делает большие успехи и получает много слов одобрения со стороны официального Татарстана. Это и вовлечение в общемировое движение, и современные компетенции, и активно растущее сетевое сообщество, и развитие татароязычного контента, и новые знания, и многое другое. Казалось бы, перед нами прекрасная постнациональная форма развития! В это же время, оказывается, достаточно нескольких аналитических записок в администрацию президента, и уже «Википедия» подвергается критике первого лица, оказываясь перед угрозой блокировки.

Или же ситуация со строительством мечетей в некоторых крупных городах России, за пределами «мусульманских республик». К примеру, в большом городе постоянно растет количество мусульман, желающих построить мечеть, складывается община (почти постнация), есть несколько томов разрешительных документов, кипы переписки с органами власти, а вопрос остается нерешенным. Или, что еще хуже, инфраструктура, хоть как-то заменяющая собой мечеть, – просветительские

центры, мусульманские кафе в какой-то момент оказываются закрытыми. В итоге негласный запрет местных властей становится сильнее сетевой постнации. С таким запретительным подходом мусульманам, как в советское время, вскоре придется читать пятничные намазы на кладбищах.

Или возьмем политику «исторической амнезии», за счет которой может вычищаться история целых народов. Носители другой истории маргинализируются. В конечном счете мы получаем «открытие Америки Колумбом», «освоение Сибири первопроходцами» (словно на этих территориях не было никаких государств и народов), истории края, в которой нет места, кроме как истории Старших братьев. Притом, что попытка преодолеть амнезию через сетевое просвещение может натолкнуться на запрет книг, блокирование «Википедии», «Телеграма», YouTube, уголовное преследование за репосты и многое другое. Не говоря уже об отсутствии социального и государственного заказа на историю исчезающего народа.

И последний пример. Представьте такую часто встречающуюся ситуацию у татар: родители говорят с ребенком преимущественно на родном языке, далее они отдают его в садик, где доминирует другой язык, и вот уже ребенок начинает забывать родную речь, у него исчезает мотивация к ее использованию. Государственная инфраструктура (вернее, ее отсутствие) побеждает усилия отдельно взятой ячейки общества, как бы она ни старалась. Информационное поле с одним доминирующим языком разрушает даже татароязычность нашего села. Многие городские татары сетуют, что уже бессмысленно отправлять детей в деревню для изучения родного языка, так как и там они уже не разговаривают между собой на татарском. За пределами Татарстана молодое поколение, родившееся в татарской деревне, владеет родным языком весьма слабо, а то и вовсе может не знать его. Заметьте, прошло всего несколько десятилетий с того момента, когда в этих деревнях перестали учить детей на татарском, и одно десятилетие с тех пор, как уроки татарского превратились в факультатив или исчезли вовсе. Поэтому, следуя этому сценарию, даже в Татарстане село (моноэтническая среда) уже скоро может перестать подпитывать татарскость.

«КАКОГО ЧУДА МЫ МОЖЕМ ОЖИДАТЬ ОТ ХРОНИЧЕСКИ НЕДОФИНАНСИРОВАННЫХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ?»

Убежден, вышеназванные проблемы сегодня решаемы с помощью соответствующей образовательной и медиаинфраструктуры, создание которой невозможно без вмешательства «государственного национализма». Русский язык в России, как и любой другой государственный язык в мире, поддерживается и государственными институтами, и миллиардными вливаниями в его развитие. Так какого же чуда мы можем ожидать от хронически недофинансированных республиканских государственных языков? Что касается постнациональных форм, они будут действенны, когда начнет развиваться независимый малый бизнес и появится заинтересованный постнациональный капитал. Например, для краудфандинговых форм нужна соответствующая культура благотворительности в обществе и высокое этническое самосознание вносящих средства (даже весьма скромные).

Между тем попытка государства все сделать самому, без полноценного вовлечения общественности, приводит зачастую к мертворожденному продукту. Поэтому сейчас очень важно, чтобы общественность реагировала на государственную национальную политику (в том числе через официальные каналы), выстраивала свою тактику влияния на нее, находила возможности лоббирования своих интересов. Мы пока очень слабо участвуем не только в федеральных, но и в республиканских официальных общественных институтах – ведомственных общественных советах, комиссиях. А ведь там решаются многие важные вопросы, касающиеся национальной политики, обсуждаются проекты профильных государственных программ и законодательные инициативы. Скоро выборы в Общественную палату Татарстана: выдвинула ли татарская общественность туда кого-нибудь? Конечно, есть сомнения: пропустят ли, не имитация ли это и стоит ли тогда потакать ей? Однако, несмотря на общее снижение доверия к государственным институтам, у подобных механизмов все же гораздо больше возможностей доносить мнение и рекомендации до властей.

*«ПОЧЕМУ-ТО ПОД УГРОЗОЙ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ОКАЗАЛИСЬ РЕСПУБЛИКАНСКИЕ,
А НЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»*

В этом смысле последнее заседание совета по русскому языку при Президенте РФ можно интерпретировать двояко. С одной стороны, языковой вопрос становится все более политизированным. И, судя по риторике, это уже не попытка действовать с помощью мягкой силы, а жесткая оборона. В такой риторике войны, когда русский язык становится инструментом геополитического противостояния, легко не замечать проблемы других языков в Российской Федерации. Или вовсе искать виноватых среди своих, как это делает один из основных докладчиков на совете, филолог Владимир Алпатов, противопоставляя преподавание татарского и русского языка (а наравне с ним – и другие государственные языки республик). Делает это он с легкостью политика, а не ученого мужа. Памятуя об июльских путинских тезисах 2017 г. на заседании в Йошкар-Оле, татарстанская общественность замерла в ожидании новой языковой контрреформы и проверок татарстанских школ. Почему-то под угрозой в очередной раз оказались республиканские, а не иностранные языки, и это несмотря на антизападный дискурс – уже вводится обязательный ЕГЭ по английскому языку и второй обязательный (!) иностранный язык.

В то же время прозвучало выступление по полилингвальным школам ректора Северо-Кавказского федерального университета Алины Левитской. Что не может не радовать Татарстан, создающий свои, «шаймиевские» полилингвальные гимназии. Сам факт выступления и проявленный на совете интерес говорит о том, что модель осетинских полилингвальных школ и садиков может брать за образец и внедряться в других национальных республиках. Причем потенциал есть у многих республик. По сути, полилингвальная гимназия и полилингвальное воспитание – это и есть та гибкая модель идентичности, о которой говорится в рамках дискуссии о постнации.

Сегодня полилингвальные школы и садики – те разрешенные границы, в рамках которых может существовать образование на родных языках. Подчеркнем, в условиях большого города – это единственная возможность погрузить ребенка в родную языковую среду. В рамках полилингвальных школ это и дополнительные языковые компетенции, и возможность получения более высоких учебных результатов, о которых говорила профессор Левитская. Это и большая эмпатия, восприятие мира в его многообразии. Если добиться реальных результатов, полилингвальность в образовании способна сбавить и накал по языковой теме. Поэтому татарстанский слоган полилингвальной школы «Адымнар – путь к знанию и согласию» – это не пустой звук, за ним реальный опыт и содержание.

К сожалению, образование на саха, татарском и башкирском подвергнуто критике, несмотря на высокие результаты выпускников национальных школ и их вековые традиции. Те, кто готовил материалы для президента, или намеренно скрыли факт сдачи четырех экзаменов ЕГЭ на 399 баллов выпускником татарской гимназии, или для них это не показатель. К тому же по факту в стране уже не осталось моноязычных национальных школ. В условиях необходимости сдачи ЕГЭ русский так или иначе используется как язык обучения. Даже в самых отдаленных сельских школах. Сегодня татарские школы на селе по факту являются билингвальными или даже «полуторалингвальными» – с преимущественным использованием русского языка. Что ж, возможно, большинство татарских школ и гимназий перейдет под полилингвальную вывеску. Лучше реальное полилингвальное обучение, чем самообман, что у нас существуют сотни татарских школ.

«РЕАКЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ МОЖЕТ БЫТЬ ОСТРОЙ»

Совет по русскому языку наметил и возможную смену языковой парадигмы, которая может потянуть за собой и вопросы национальной самоидентификации. Почти 100 лет русский язык позиционировался именно как общегосударственный для народов России и как родной для русской нации. Теперь же советник президента Владимир Толстой говорит, что «для граждан России русский язык не может, не должен быть неродным, как бы иностранным». Получается, что, по Толстому, цель проводимой языковой политики состоит не просто в поддержке русского языка как государственного или как средства межнационального общения, а в превращении его в родной язык каждого жителя страны. Есть большая доля вероятности, что это будет делаться за счет вытеснения

иных родных языков. К тому же признание русского языка в качестве родного воспринимается как признак принадлежности человека к русской нации. Это заранее конфликтная и негибкая парадигма, которая не может быть принята многими народами. Все подобное будет влиять на систему образования и сферу культуры. Реакция в национальных республиках может быть острой. Вряд ли с таким позиционированием станет легко продвигать русский язык и за пределами страны.

К тому же не учитывается, что русский язык – это официальный язык нескольких государств и у него большая аудитория за пределами России, которая владеет им в совершенстве, не будучи русскими. Кстати, сегодня ни один мировой язык уже не является объектом монопольных прав лишь одного государства, жесткое языковое единство и однородность уходят в прошлое, оставаясь признаком лишь небольших государств. Эта гибкость позволяет сохранять статус международного испанскому, немецкому, французскому, английскому, арабскому языку. Насколько сегодня «гибким» является продвижение русского?

Тот же самый вопрос можно задать и относительно татарского языка. Возможно, разговорный татарский ощущается как «гибкое явление», однако гибки ли сами татары в своем восприятии людей, говорящих на татарском языке неправильно? Насколько мы готовы воспринимать сибирско-татарский и мишарский диалект или татарскую речь с сильным русским акцентом? Зачастую жесткая позиция к ошибкам в языке приводит к отторжению, к боязни на нем говорить. Безусловно, современному языку нужен литературный стандарт и утвержденный «корпус языка», но насколько сегодня вообще существует возможность оценить владение татарским языком на соответствие такому стандарту? Есть ли у нас вообще ранжирование по степени владения устным и письменным языком, которое используется, например, при изучении английского, появились ли у нас новые учебники и методики для обучения взрослых, есть ли курсы делового татарского? И если они существуют, то почему не становятся достоянием широкой общественности?

«ПО ПРИЧИНЕ «НАУЧНОГО ЭЙДЖИЗМА» ПРАКТИЧЕСКИ ОСТАНОВИЛАСЬ ДИСКУССИЯ О РАЗВИТИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»

Еще один комплекс языковых вопросов – формирование новых терминов и понятий. Проблема «гибкости» языка заключается еще и в том, что на татарском могут генерироваться новые понятия и термины (теми же википедистами или иными сообществами энтузиастов), но в официальный оборот они попадают с трудом. Возможно, по причине «научного эйджизма» практически остановилась дискуссия о развитии языка, об использовании терминов из родственных тюркских языков, а сближение их алфавитов, научного аппарата уже могут и вовсе рассматриваться как пантюркизм. Так, необоснованные государственные фобии могут задвигать этнокультурную общественную инициативу.

Как тут не поверить в то, что родственные народы намеренно стравливают, а создание на ровном месте скандалов, наподобие «Татарского диктанта» в Башкортостане, выгодно силам, боящимся мифического пантюркизма? Только стоит напомнить, что попытка действовать по принципу «разделяй и властвуй» очень дорого обошлась союзному центру в период перестройки. Ситуация вокруг татарского диктанта очень важна с той точки зрения, что это спор о том, являются ли татары экстерриториальной нацией. Или же они представляют собой разделенный по региональным квартирам этнос, который подотчетен в своих национальных делах, прежде всего местным властям? Что первично в словосочетании «уфимские татары» – Уфа или татары?

Кстати, башкирские организации более действенны в своих национальных делах, их инструментом являются не только разовые акции, а работа «в поле» – объезды деревень, встречи, раздача книг о местной башкирской истории. Надо отдать должное, идеологическая и полевая работа перед переписью здесь выстроена на высоком организационном уровне. Представители курултая успели посетить большую часть закамской зоны Татарстана. Заметьте, Татарстан не реагирует на подобные явления как на экспансию, попытку изменить границы или нарушение межреспубликанского этикета. Республика в целом не считает нужным реагировать даже на научном уровне на сформированный к переписи концепт северо-западного диалекта башкирского языка, академи-

ческая наука не дала своего ответа. Концепт объясняет, что всю свою сознательную жизнь люди говорили не на татарском, а на особом диалекте башкирского языка. Уж не на северо-западном ли диалекте башкирского нам все это время пели выходцы из Башкортостана Айдар Галимов, Салават Фатхетдинов и Хания Фархи?

Вот только насколько такой подход стратегичен для самого Башкортостана? Пытаясь изменить национальное самосознание и добившись успеха среди небольшой части населения, у другой части такой «республиканский национализм» может вызывать отторжение и поспособствовать отъезду из региона. В городах же бывает и так – люди, не имея своей национальной инфраструктуры, перестают воспроизводить татарскую идентичность, не становясь при этом и башкирами. Тратя огромные силы на доказывание башкирского происхождения своих граждан, успевают ли в Башкортостане создавать образовательную инфраструктуру на башкирском языке, продвигать современные национальные проекты, помогать строить мечети? Ведь несколько десятков миллионов рублей на национальные гранты, в которых не оказалось места татарам, – это весьма скудные ресурсы, на которые вряд ли можно сделать что-то масштабное и значимое.

И это общая проблема для национальных республик. Если культуру финансируют по остаточному принципу из бедных региональных бюджетов, то на дела национальные идет уже то, что осталось после расходов на учреждения культуры, а на новое дают и вовсе «крошки», вокруг которых потом возникают споры. Да и для крупного республиканского бизнеса со штаб-квартирами в Москве, который может целиком высосать за несколько лет шиханы и не подавиться, «национальное» не оказывается даже предметом для показной заботы. Вот о каких проблемах прежде всего нам нужно говорить. Выходит, что народы существуют для федерации, а не федерация для народов.

«ОДНИХ ДОМОВ ДРУЖБЫ НАРОДОВ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ФОРМАТОВ ЗДЕСЬ ТОЧНО НЕ ХВАТИТ»

На этом противоречивом фоне уже не удивляет мигрантофобия, проявившаяся в огульной критике поста профессора Гусейнова об отсутствии газет на языках бывших союзных республик. Мигрантофобия не только не возбраняется, она и вовсе порой считается признаком хорошего тона. И это в условиях количественного роста мигрантов в нашей стране, который по экономическим прогнозам будет продолжаться (без него уже не разровнять демографические провалы), а значит, неприятие, дух конфликтности станет только нарастать.

Даже среди татар такое отношение порой считается нормой, несмотря на этнокультурное, религиозное, языковое родство, общую историю. Однако знание о нашем родстве за последние 20–30 лет выветрилось из национального сознания. Мы уже не помним, что для татар знание персидского языка (основным носителем которого для наших предков являлась Бухара) являлось признаком высокой культуры. А ведь без приезжих бухарцев, органично вошедших в состав татарской нации, без бухарского пласта татарская культура была бы гораздо беднее. Да и правильно ли называть выходцев из бывших союзных республик мигрантами, если мы столетиями жили вместе, если часть их этногенеза происходила на территории современной России – по сути, казахи, киргизы, узбеки и многие другие являются нашими коренными народами. Например, хан Ахмат, победой над которым гордится вся Калуга, долгое время воевал на Нижней Волге с узбекскими ханами, которые, в свою очередь, были теснейшим образом связаны родственными узами с Сибирским ханством и Ногайской Ордой. Вполне вероятно, что не только экономика, но и генетическая память заставляет возвращаться бывших кочевников на пространство северной Евразии.

Возможно, что второе-третье поколение укоренившихся в России выходцев из СНГ вскоре сможет вспомнить и о своих языковых и этнокультурных правах. И тогда одних Домов дружбы народов и фольклорных форматов здесь точно не хватит. В этом смысле Татарстан мог бы задуматься об интеграции приезжающих через овладение татарским языком, совместные культурные мероприятия, создание сети мусульманских школ. Интеграция – это обоюдный процесс познания друг друга, а не попытки подчинить существующим общественным устоям. Пока же второе-третье поколение приезжих, учась в татарстанских школах, чаще интегрируется в пацанскую субкультуру

ру. Сомневаюсь, что татарский язык и культура представляют для них хоть какой-то интерес. Это немудрено при существующей ныне языковой пропаганде.

Вспомним главный аргумент закона против родных языков: «Как можно учить ребенка военного местному языку, если он через некоторое время переедет в другое место?» Или же: «А если ребенок из национальной школы захочет поступать в вуз за пределами своей республики?» И еще: «Передача школьных знаний на родном языке ограничивает ребенка». Как верно замечает удмуртский активист Артем Малых: «Грубо говоря, 80% семей не находятся в постоянном передвижении по стране, но дискурс строится под практики 20% кочующего населения и именно его поведение оформляется как референтное, ориентируясь на которое, надо строить образовательную и социальную политику». Да, это гипотезы и отвлеченные рекомендации, но насколько глубоко изучен вопрос? Кто, кроме УФМС, нескольких ученых и общественников ассамблеи народов, системно занимается оценкой процессов интеграции мигрантов и насколько эти оценки подходят для республики? Понимаем ли мы, например, что происходит в межнациональных мусульманских браках, какую идентичность принимают дети в них, как происходит передача языка?

Справиться с подобными мигранто-, лингво-, этно-, исламо-, тюрко- и прочими фобиями, вредными для государственного организма и народов (в том числе и для татар), можно было бы и с помощью публичных обсуждений, но большинство научных, образовательных институтов, профильных ведомств погружено в свои внутренние проблемы, их вовлечение в публичный дискурс происходит только административным путем, а центры модерации практически отсутствуют. Кроме того, озвучивать проблемы экспертам, выполняющим научно-образовательный госзаказ, становится все сложнее. Обсуждение стратегии татар выявило подобные проблемы. Здесь всегда есть опасность имитации общественного участия по принципу «мы вас услышали». Тем не менее, работа с реальными запросами снизу, соучаствующее проектирование, так называемая партиципация – это мировой тренд в управлении общественными процессами, в том числе и в случае интеграции мигрантов. Татарстан научился соучаствующему проектированию при обсуждении будущего парков и скверов, но пока не может делать это при дискуссиях о будущем нации. Проблемы и наказы услышаны, но вряд ли они будут исполнены.

*«У ТАТАР ЕСТЬ УНИКАЛЬНЫЙ ШАНС СОЗДАТЬ ВЕСЬМА ИНТЕРЕСНЫЙ
ПРЕЦЕДЕНТ В МИРЕ НАЦИЙ»*

Вот очень краткий перечень 20 татарских проблем, требующих открытого обсуждения:

- депопуляция – снижение количества татар вне Татарстана, смена этнической идентичности на доминирующую и более престижную, здесь же – разрушение большой семьи, изменение семейно-родственных практик;
- постепенная потеря татарами политической субъектности, этнических территорий, размывание «большого Татарстана»;
- сверхцентрализация и дефедерализация страны, формализация государственности Татарстана, сужение ресурсной базы, оценка частью элит и российского общества наличия национальных республик в РФ как исторической ошибки;
- низкая юридическая защищенность татарской культуры, образования и языка, наличие федеральных институций и законов, препятствующих национальному развитию, не удовлетворяющая запросы татар Стратегия государственной национальной политики;
- низкий социальный и экономический престиж татарского языка, который мало применяется в государственной сфере, редко используется элитой. Татарский язык на большей части территории, где живут татары, является миноритарным (языком меньшинства), отсутствие равностатусности языков в Республике Татарстан;
- быстрая языковая ассимиляция – потеря в течение 10 лет около 1 млн татар, владеющих родным языком (перепись 2020 г. может показать потерю еще 1 млн);
- потеря национального образования – практическое отсутствие конкурентоспособных татарских садиков, гимназий в больших городах, утрата высшего образования и науки на

татарском, постепенное исчезновение преподавания татарского языка за пределами Татарстана;

- исламофобия, большие затруднения в строительстве мечетей;
- размывание исторического самосознания, историческая амнезия, забывание письменного наследия, низкая степень его цифровизации, потеря историко-архитектурного наследия городских татарских слобод;
- межнациональные браки, где совместный ребенок не становится человеком двух культур, не знает татарский язык;
- депопуляция татарской деревни как моноэтнической и природной экосреды происходит одновременно с потерей земельных ресурсов;
- слабость национального капитала, мало современных форм меценатства и национальных ресурсных центров, несистематичность поддержки национальных проектов;
- депопуляция национального человеческого капитала – татарских ученых, деятелей культуры, технической и гуманитарной национальной интеллигенции – при одновременной миграции высокого человеческого капитала в городские центры, где нет представленности татарской культуры;
- общемировая и русскоязычная глобализация: в части унификации культур, консюмеризма, исчезновения малых языков, тотальной урбанизации (глобализацию не отменить, но можно перевернуть) – слабое использование глобализированных, современных форм в репрезентации татарского языка и в развитии татарского контента;
- большинство татар теряют свою этничность в условиях большого города, в том числе вследствие несформированной конкурентоспособной татарской городской культуры, малого объема современного и привлекательного контента на татарском языке;
- превалирование архаичных («сельских») культурных паттернов в рамках татарской этничности, которые не воспринимаются большинством глобализированных («городских») татар, акцентирование сельского начала в татарской этничности и культуре, замыкание татарской культуры, татарской общественности в себе и на своих проблемах, татарский дискурс остается интересным только татарам, фольклоризация татарской культуры за пределами РТ;
- монополия государственных и окологосударственных структур в трактовке татарскости, традиционные институты плохо поддерживают новые или экспериментальные формы татарской культуры, характерно использование советских форм репрезентаций и мероприятий;
- территориальная разобщенность, дезинтеграция, разность дискурсов «татарстанских татар» (амбиция на политическую субъектность) и татар за пределами Татарстана (попытки закрепить себя в культурном поле своего региона);
- консервативность институциональной среды, отвечающей за национальные общественные организации, высокая конкурентность и разобщенность ряда организаций на местах;
- ослабевание татарских интеллектуальных и идеологических центров, ресурсная слабость современных национальных think tank.

Этот далеко не полный перечень проблем, значительная часть которых присутствует в тексте стратегии татар и была озвучена на « круглых столах » в редакции « БИЗНЕС Online », может быть актуальным и для национальной и постнациональной форм татарской этничности. Данный перечень, возможно, и недостаточно корректный, требует детальной проработки, продолжения коллективного поиска решений, создания своих « дорожных карт » по каждому комплексу проблем. Одна из форм проработки проблем – проведение научно-практической конференции с приглашением зарубежных ученых-татар и открытыми образовательно-просветительскими форматами. В этом смысле у татар есть уникальный шанс создать весьма интересный прецедент в мире наций.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/447855>,
30 ноября 2019.*

ДАМИР ИСХАКОВ: «КОНЕЧНО, «СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ БАШКИРЫ» – ЭТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Известный историк об апатии бизнесменов из «Милли шура», Magna Hungaria на месте РТ и РБ и двойной идентичности в будущих переписных листах

Сразу несколько важных политических событий, связанных с татарским миром, ожидается на следующей неделе в Казани. Соберется ежегодный Форум «Деловые партнеры Татарстана», ожидается заседание нацсовета «Милли шура», кроме того, будет дан старт празднованию 100-летия ТАССР. Накануне этих важных мероприятий «БИЗНЕС Online» поговорил с членом «Милли шура», профессором Дамиром Исхаковым о том, дождемся ли мы принятия стратегии татар и можно ли считать языковой вопрос в стране закрытым.

«МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ СЛИШКОМ ПРИСЕДАЕМ»

– Дамир Мавляевеич, на следующей неделе ожидается долгожданное заседание национального совета «Милли шура». Кто-то из наблюдателей считает, что это формальная ежегодная встреча, кто-то – что от такого мероприятия в любом случае можно ждать как минимум ярких дискуссий. Что вы думаете, будучи членом «Милли шура»?

– В целом существуют завышенные ожидания вообще от Всемирного конгресса татар. Я давно в этой организации и могу сказать, что она изначально была задумана как полугосударственная, то есть это никак не общественная структура. Не только татарский конгресс, но и другие аналогичные организации в России (а они есть практически у всех народов) имеют такой же статус и работают между народом и государством. Очень тесно связаны представители организации с политической элитой, поэтому здесь есть сильные ограничения.

Тем не менее, другой организации, представляющей интересы татарской нации в целом, нет. Как угодно можно к ней относиться, но она является таковой. И не дай бог, в случае ликвидации республик (а такие планы у некоторых кругов в Москве тоже есть), ну, может, не прямая ликвидация, а образование крупных субъектов и так далее, такие структуры, как Всемирный конгресс татар, окажутся единственными организациями, которые смогут действовать от имени народа. Так что, в принципе, учитывая, что другой площадки для обсуждения общих проблем, стоящих перед татарами, нет, приходится использовать этот инструмент.

Он далеко не совершенен, я могу изнутри это сказать, но какие-то вопросы там обсудить можно, в том числе серьезные. Я вспоминаю, что перед VI съездом ВКТ в 2017 г., где произошла смена руководства конгресса татар, почти целый год готовили языковую платформу. Она должна была быть вынесена на этот Форум и принята. Тогда еще знаменитого высказывания Путина в Йошкар-Оле не было. Но татары уже чувствовали, что-то надо менять. Правда, эта платформа не была вынесена на съезд, к тому времени уже вектор немного поменялся. Но потом она использовалась в рамках разработки стратегии татарского народа. Стало быть, какие-то общие веяния, в том числе политического и культурного плана, татары, живущие по всей России, да и в других странах, ухватывают и пытаются каким-то образом транслировать политической элите свои пожелания.

– Вспоминается, что во время секционной работы на съездах ВКТ бывают очень интересные обсуждения...

– Да, ряд проблем, в том числе транслируется к обсуждению руководством конгресса, но все равно это результат собирания материала, информации из регионов, из разных организаций. Конечно, из-за того, что мы находимся под бдительным политическим оком, в том числе и Москвы, эти подходы шлифуются, вырабатывается такая усредненная линия, иногда, может быть, мы слиш-

ком приседаем, такое тоже бывает. Но, в принципе, проблемы ухватываются, и грамотные аналитики могут это увидеть.

– И все-таки про «Милли шура». Ее деятельность нельзя рассматривать отдельно, только в контексте всего конгресса татар?

– «Милли шура» – это руководящий орган. Раньше он назывался Исполкомом ВКТ, и в него входили представители местных отделений. «Милли шура» же в основном представляет существующие в других субъектах федерации, а также зарубежных странах, татарские организации. Хотя, конечно, ситуация в ходе подготовки съезда в 2017 г. была такой, что, может быть, состав «Милли шура» оказался недостаточно продуман. Я считаю, что там есть и случайные люди, которые вошли туда благодаря каким-то личным контактам. Можно было более осмысленно этот состав собрать – может быть, именно поэтому он и не играет такой активной роли, какую мог бы.

Скажем, во Всемирном еврейском конгрессе эти вопросы четко продуманы, там в руководящие органы входят очень солидные люди, в отличие от нашей организации.

«МЫ ЗАНИМАЕМ ПОЗИЦИЮ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ОТВЕЧАЮТ ТОЛЬКО НА УДАРЫ, СЛЕДУЮЩИЕ ДРУГ ЗА ДРУГОМ»

– Кого не хватает национальному совету в составе: конкретных персоналий или представителей отдельных сфер деятельности?

– Я думаю, должны быть больше представлены финансовые и экспертные круги. Того и другого там на самом деле нет. Даже те, кто туда попал в качестве представителей бизнес-кругов, оказались фигурами случайными, я считаю. Могу прямо сказать, что, например, Камиль Аблязов (крупный саратовский бизнесмен и меценат – прим. ред.) фактически выпал из обоймы, хотя считается одним из замов Василя Шайхразиева, отвечая за российских татар. Но Аблязов никак не проявился за все это время.

– Говорят, что у компаний известного саратовского предпринимателя Аблязова были серьезные финансовые проблемы.

– Да, были, видимо, он просто застрял в своих личных проблемах. Примерно по тем же причинам исчез Нурулла Сагтаров из конгресса татар Тюменской области (в сентябре прошла информация, что предпринимателя объявили в федеральный розыск – прим. ред.). Он не присутствует, так сказать, в реальном поле. Это говорит о том, что, когда собирают состав «Мили шура», надо очень серьезно продумывать данный вопрос.

Кроме того, изначально же предлагался вариант, когда при «Милли шура» создается экспертный совет. И мы еще раз убедились в необходимости этого органа, когда приступили к стратегии развития татар, которой пока до сих пор нет. Мы увидели, что нас, экспертов, оказывается, очень мало и мы не собраны. Поэтому такую функцию пришлось возложить на Академию наук Татарстана, руководство конгресса приняло такое решение. Но, по моему мнению, это был неудачный ход, и академические круги наши не справились с этой задачей, потому что стратегия – очень комплексный и сложный документ и там нужны специалисты очень широкого профиля, каковых на самом деле среди татар и так мало. Вот если бы у нас был такой экспертный совет, осмысленно собранный, может быть, мы действовали бы по-другому.

Сейчас же обстановка коренным образом изменилась, и политическая ситуация в России, и так далее. В этой ситуации самым важным звеном являются группы экспертов, которые могут выдавать какие-то аналитические обзоры и рекомендации, как действовать татарскому миру в усложняющейся ситуации. А мы не способны транслировать такие осмысленные подходы. Мы всегда занимаем позицию людей или сообщества, которые отвечает только на удары, следующие друг за другом. Мы не готовы к опережающим действиям из-за того, что аналитическая часть отсутствует.

– Но речь идет, видимо, не только об изменениях во внутренней политике Российской Федерации.

– Да, и глобальные изменения происходят. Сейчас же фактически уже совершенно иная информационная среда во всем мире. В глобальные процессы вовлекаются целые крупные нации. Мы

тоже в этом вращаемся. Может быть, мы не замечаем, но от этого никуда уйти нельзя. Ну и внутрироссийские изменения тоже очень важны. Тем более сейчас, когда начинается «транзит-2024». Куда он повернет, насколько, мы не очень можем знать, но все равно какие-то сценарии необходимо прорабатывать. Татары – не последний народ в России, поэтому мы должны в этом участвовать как осмысленный субъект Российской Федерации.

– Должны ли заседания «Милли шура» проходить с определенной периодичностью?

– Необходимо проводить встречи не менее одного раза в год. Можно и почаще. Но на самом деле «Милли шура» как таковая после съезда 2017 г., когда она и была создана, ни разу не собиралась. В 2018 г. собрание такое проводилось в рамках внеочередного съезда ВКТ, но оно было с участием руководителей региональных татарских организаций, то есть такой расширенный формат.

А «Милли шура» в первую очередь задумывалась как более закрытое сообщество, чтобы обсуждать серьезные вопросы. Но сам состав, повторяю, не такой качественный. Это скорее такая дежурная организация, которая может поставить печать под некоторыми решениями, потому что все равно те решения, которые принимаются между съездами, должны пройти через «Милли шура». В этом году отдельная встреча членов национального совета предполагается. Посмотрим, какие вопросы туда вынесут.

«В ТАКОМ РАКУРСЕ, В КОТОРОМ МЫ ВЫСТРОИЛИСЬ, СТРАТЕГИЮ ПОСТРОИТЬ НЕ УДАТСЯ»

– В любом случае на заседании «Милли шура» или на Форуме «Деловые партнеры Татарстана» поднимут вопрос о стратегии татарского народа. На какой стадии идет работа над ней? Сначала речь шла о принятии ее до 30 августа 2019-го, потом говорили о конце года, но и эти сроки не выдерживаются. Теперь официальный представитель казанского Кремля Лилия Галимова говорит о принятии стратегии к 100-летию ТАССР в первой половине 2020-го...

– Я занимаю специфическое положение в этих стратегических делах. Что-то я знаю, а что-то, может быть, мне неизвестно, но на самом деле у меня на столе лежит пять толстых папок. Это пять разных текстов стратегии, которые обсуждались экспертами. В конечном счете, сам я тоже оказался в составе экспертной группы, которая привлекалась к обсуждению, хотя в самой разработке я не участвовал. После пяти заседаний лично пришел к выводу, что в таком ракурсе, в котором мы выстроились, стратегию построить не удастся. Я свое мнение высказал откровенно, хотя были люди, которые считали, что там можно составить некий компактный вариант, который будет основой. Но я думаю, что мы не достигли успеха в разработке этого документа.

Здесь есть и изначальные организационные недостатки. Я, например, был сторонником появления нескольких конкурирующих групп. Такой вариант, кстати, башкиры выбрали. Они сначала объявили конкурс, потом разные идеи собрали и только после этого составили экспертную рабочую группу...

– А у нас все делалось под руководством замглавы АН РТ Дании Загидуллиной.

– Да. В общем, я даже не могу сказать, будет ли вынесен или нет вопрос о стратегии на обсуждение в ходе следующей недели.

– Могут попросить активных общественников и бизнесменов не будировать лишний раз болезненную тему?

– Конечно, какой-то не слишком, может быть, осведомленный человек вопрос о стратегии может задать. Тогда нашему раису придется отвечать на этот вопрос. Но какой ответ он даст, я не могу сказать. Могу только высказать собственное мнение. Мне кажется, что стратегии нет.

– У вас было пять заседаний экспертной группы. Когда будет шестое?

– Неизвестно.

– На сайте ВКТ можно познакомиться с последним вариантом эскиза стратегии татар...

– Он немного поменялся. Но эскиз излагает намерения, а содержания-то нет как такого, воплощенного варианта нет. Есть текст, последняя версия которого была около 60 страниц. Но очень несовершенная.

– *У вас какие были к нему претензии, по пунктам?*

– Там изначально был неправильно выбран подход. Я думаю, что сначала (и настаивал на этом) нужно было разработать общую концепцию, такое общее видение того, куда татарский мир должен двинуться и в каком состоянии находится. Это концептуальный подход. Такой очень сложный документ на самом деле, можно сказать, философский, без этого разработать концепцию стратегии невозможно.

– *А у нас пошли от частного к общему?*

– Пошли от частного к общему. Рабочую группу создали, которая разработала конкретный материал, а потом попытались все это свести, но не удалось. Концы с концами не свелись.

*«ТАТАРЫ НЕ ОСОЗНАЮТ СОБСТВЕННОЕ МЕСТО В РОССИЙСКОМ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ»*

– *И что, получается, по факту, мощнейшее фиаско всей команды Всемирного конгресса татар?*

– В принципе, задача реализации такого документа была поставлена Президентом Татарстана. Он, наверное, думал и о том, что грядут президентские выборы, соответственно, надо и по татарскому фронту что-то сказать. Так во всяком случае мне представляется. Но если конгресс татар не сможет такой документ разработать, то тут возникает вопрос...

Хотя я бы напрямую не стал вешать всех собак на руководство конгресса. Это документ действительно сам по себе сложный. Я отчетливо видел это в ходе участия в самом процессе. И у нас экспертов высокого класса, повторяю, явно недостаточно. По многим направлениям вообще нет людей. Это фундаментальный недостаток татарского мира. И в том числе и нашей Академии наук. В былые годы помню еще литовское национальное движение на стадии распада СССР, так вот, «Саюдис» (*общественно-политическая организация Литвы, возглавившая в 1988–1990 гг. процесс выхода Литовской ССР из состава СССР* – прим. ред.) состоял сплошь из академиков местной Академии наук Литвы. Они были мозговым трестом. Я бы не сказал, что у нас Академия наук может быть таким мозговым трестом.

Поэтому татарам остается единственный вариант – искать отовсюду, собирать экспертов, но это сложная операция, я думаю, достаточно дорогостоящая, привлечь хороших экспертов, чтобы можно было серьезный документ подготовить. А просто так подготовить дешевый вариант, на основе которого можно потом деньги выделять под государственные программы, – это неинтересный подход и несодержательный. Хотя и такое время уже наступает. У нас предыдущая татарстанская госпрограмма по идентичности уже срок свой завершила, там сейчас идут методом продления.

– *Каких ученых не хватает для разработки стратегии татарского народа?*

– Нет политологов высокого уровня, нынешние уже довольно пожилые и практически в работе не участвуют. Философы тоже нужны. Есть серьезные вопросы, связанные с социальной психологией. Потому что иногда, например, очень трудно понять, почему татарские родители не отдают своих детей в национальные школы или хотя бы не настаивают на изучении родного языка. Это же гибельный путь, если ты таким образом 20 лет проживешь, ты можешь остаться нацией без языка. Это очень серьезная проблема. И потом, явно в психологическом плане татары не осознают собственное место в российском цивилизационном пространстве. А мы там занимаем очень важное место.

Когда языковой кризис начался, я общался со многими людьми из других субъектов. Все смотрели на татар, что будет с Татарстаном и какое решение татары примут. И потом, когда мы промолчали... Они не ожидали такого. Это означает, что у нас есть фундаментальная недооценка собственной роли в этом пространстве. Это серьезная проблема.

Экономисты у нас вообще отсутствуют как таковые. Это, кстати, проблема именно Татарстана. В Башкортостане есть свой академический институт экономики, там около 100 человек работают. У нас, конечно, минфин каким-то образом выкручивается, у них своя структура есть. Но вот собственно академические проблемы, сложные по своей сути, не обсуждаются на серьезном уровне.

К сожалению, последний демографический прогноз по татарам был сделан под моим руководством, уже больше 10 лет прошло, до 2025 г. Нет людей, способных произвести демографический прогноз: какова будет численность татар к энному году? Хотя весь мир занимается этим. Скажем, в ЮНЕСКО знают, какова будет примерная численность больших народов к 2050 г., к концу века. Такие прогнозы можно сделать, надо сидеть и считать, на основе конкретных половозрастных структур и так далее это сделать можно. Но нужны специалисты, а их нет.

– ***Вы считаете, что нужно привлекать, скажем, через систему грантов к написанию стратегии татар, например, академические институты РАН?***

– Если у нас самих нет, значит, надо привлекать оттуда, где есть. Но это, правда, денег стоит. Я припоминаю, в самом начале, когда стратегия начала разрабатываться, спикер нашего парламента Фарид Мухаметшин встречался с журналистами. У него фраза такая прозвучала, что стратегия – это не государственный документ, он сказал так. За такой документ, мол, должно платить федеральное правительство.

Это довольно странный подход на самом деле. Если Татарстан является республикой, которая выражает в том числе и интересы татар, то почему это не должен быть документ, разрабатывающийся на государственном уровне? Это же не секретный документ. На его основе мы выстраиваем конкретную политику. Конечно, это должно быть согласовано с федеральной властью. Но это все равно весьма серьезный документ, который должен быть выработан на государственном уровне. И деньги должны выделяться государственные, я считаю. Не бегать в поисках спонсоров под это дело, а решение принять, выделить и разработать.

– ***И какие у вас прогнозы, как будет дальше двигаться работа над стратегией?***

– В начале следующего года мне исполнится 68 лет, поэтому я смотрю немного скептически на такие общие прогнозы. Откровенно говоря, у меня нет конкретного мнения, появится ли в итоге такой документ. Потому что доработка требует серьезных усилий. Если будут дорабатывать то, что есть, очень быстро сделать не удастся, я так считаю. Может быть, наше начальство по-другому считает, но это мое личное мнение.

– ***Как-то не верится, что в ВКТ разведут руками и признают, что не справились. Как-то это не похоже на современный Татарстан. А как же «без булдырабыз»?***

– Я думаю, что возможен и отрицательный вариант. Тем более, по моим оценкам, некоторым федеральным кругам будет хорошо, если татары не будут иметь стратегию. Тогда с нами можно как угодно проделывать разные операции.

«ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ НЕ ПОЛУЧИЛ»

– ***Еще одна тема, которая наверняка будет обсуждаться в ходе мероприятий на следующей неделе, языковая. Как вы считаете, можно ли говорить, что в этом вопросе уже наступила некая стабильность и дальше ситуация серьезно меняться не будет?***

– Нет. Буквально на этой неделе в ИЯЛИ была большая конференция. Там отчетливо транслировалось, что субъекты федерации недовольны той ситуацией, которая сложилась.

– ***Национальные субъекты?***

– Да. Это на самом деле серьезный вызов для федерального Центра. Я изначально высказывался по этому поводу и считаю, что там палку перегнули однозначно и очень сильно, не продумав последствия. А сейчас федеральному Центру и обратный ход дать очень сложно. С другой стороны, та парадигма, которая транслируется, ни к чему хорошему не может привести.

Вот сейчас в Татарстане делается упор на проект полилингвальной школы, но это очень сложный проект. Его чрезвычайно трудно будет реализовать. Вопрос упрется, в том числе и в качество преподавателей. А у нас таковых очень мало, способных преподавать на трех языках на равном уровне. А если содержать для каждого языка отдельного преподавателя, то это будет очень дорогостоящее мероприятие.

В общем, языковой вопрос окончательного решения не получил. Но я понимаю, что в федеральном Центре сейчас осознали – необходимо что-то делать. И там существует попытка выра-

ботать общие подходы. Но это тоже потребует времени, а недовольство будет нарастать. Я сам бываю в субъектах. Недавно съездил в Тюменскую область. Там директорам школ однозначно дали негласное указание – оставить родные языки в объеме одного часа в неделю. Это же ноль на самом деле! Хотя даже существующие ФГОСы дают возможность три часа преподавать. Но там сейчас еще один иностранный надо засунуть, время обучения оставить пять дней в неделю с двумя выходными... Все кивают на отсутствие времени, часов и ужимают в основном родные языки.

– Но в той же Тюменской области есть реальная возможность выбрать татарский в качестве родного?

– Можно. Сейчас же, согласно российским нормам, если родители пожелают, государство обязано предоставить такую возможность.

– Но необходимо иметь как минимум 8 заявлений от родителей для создания такой группы. Да и могут сослаться на то, что нет учителей.

– Да, есть определенное количество учеников. Эти параметры во всех странах существуют, но, правда, где-то очень низкий порог. Скажем, в Финляндии три человека должно быть, у нас – 8. Это не так мало. Но набрать такое количество не проблема. А вопрос по поводу наличия учителей будет возникать. Например, в той же Тюменской области были две кафедры (в Тюмени и Тобольске) по подготовке преподавателей татарского языка – их ликвидировали. И у нас такая проблема сейчас тоже существует. Эти вопросы комплексные, и их на государственном уровне надо решать.

**«ПРОБЛЕМА У НАС ТАКАЯ: У ГЛАВНОГО НАРОДА РОССИИ НЕТ
ФЕДЕРАЛИСТСКОГО СОЗНАНИЯ»**

– В общем, языковой вопрос пока никуда не уйдет?

– Думаю, языковая проблема с повестки, в том числе и политической, не уйдет и придется предпринимать какие-то серьезные шаги по исправлению того, что произошло. Хотя я московский подход понимаю – там же есть и очень серьезные вызовы, которые имеют общероссийский масштаб. Мы же сейчас не можем существовать без мигрантов, а по прогнозу международных организаций, в России к 2050 г. доля мусульман достигнет 38%, то есть она фактически удвоится, а произойдет это в основном за счет миграции. Стало быть, в федеральных кругах считают, что мусульман необходимо ассимилировать в языковом отношении через создание русскоязычных школ. Например, в США париться по поводу других языков не будут: там английский язык – и всё, хотя в частном порядке можно изучать все что угодно.

Таким образом, федеральный Центр отчасти понять можно, но у нас же кроме мигрантов существуют и коренные народы, которые, согласно международным конвенциям, обладают очень большими правами. Мало кто обратил внимание на такой момент. Якуты – по-моему, через местный Конституционный суд – объявили себя коренным народом. Таким образом, у них теперь есть возможность опираться на международное законодательство в области сохранения прав коренных народов. А у татар и у других народов статус юридически не обозначен.

– Татарам это нужно, как вы думаете?

– Да, думаю, стоит об этом подумать для дальнейшей перспективы. Если подобные процессы, которые уже идут в России, будут происходить дальше, федеральному Центру придется реагировать на те новые моменты, которые будут возникать. У нас до сих пор, например, не решился вопрос о преподавании татарского языка как государственного, а он все равно висит, потому что это конституционная норма, от которой уйти нельзя. Надо принять какое-либо решение.

– Вы говорите о недовольстве регионов последними решениями Центра. То есть не ждете какого-то нового ужесточения со стороны самой Москвы? Некоторые общественники не скрывают, что хотели бы, чтобы тот же татарский язык вообще остался бы в школе исключительно как факультативный предмет.

– Однажды в Швейцарии я присутствовал в обществе федералистов (как известно, сами швейцарцы прирожденные федералисты, у них все построено соответствующим образом) и там задал вопрос: «В чем ваша специфика, на чем вы держитесь?» Они ответили очень просто: «Если нет

федералистского сознания, невозможно построить федерацию». У главного народа России нет федералистского сознания, и это серьезнейшая проблема. Однако государство, согласно Конституции, является федерацией. Каким-то образом нашему «старшему брату» надо объяснить, что здесь необходимо выстраиваться немного по-другому. Мы раз за разом скатываемся к прежним схемам. Если посмотреть на опыт Советского Союза, там начали с «широкой» федерации, потом, начиная с 1930-х гг., немного ужимали, а в начале 1960-х мы уже дошли до новой общности – советского народа, который должен был иметь один язык (какой – понятно). Потом произошел обратный процесс, и сейчас мы вновь залезли туда же, вернулись к прежней схеме.

Да, я понимаю, что в федеративных странах очень трудно найти баланс, тем более когда много коренных народов, как в России. Но федеральному Центру – может быть, не сразу, а на некотором повороте событий – начать движение немного в другом направлении. Хотя все будет зависеть от политического вектора России. Может быть, к власти придут другие люди и другие круги, но, даже если останутся прежние, им все равно придется учитывать сопротивление регионов и других народов, какая-то реакция должна быть.

«НАСТОЯЩИХ БАШКИР, НОСИТЕЛЕЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА, В САМОЙ РБ НЕ БОЛЕЕ 15 ПРОЦЕНТОВ»

– Когда мы с вами общались в прошлый раз, вы прогнозировали, что по итогам всероссийской переписи населения в 2020 г. число татар в России немного возрастет. Не отказались от этого прогноза?

– Недавно один сложный вопрос обсуждали в Комитете по делам национальностей Госдумы Ильдара Гильмутдинова. Тогда в парламенте спорили о вопросе возможности использования в графе «национальность» двойной или множественной идентичности. Из этого обсуждения видно, что есть определенные научные круги, которые «нажимают» на сохранение двойной идентичности.

– Кто должен вынести решение об использовании двойной идентичности в переписи?

– Это будет решение федерального правительства. Но здесь есть множество подводных камней. Например, не учитывается тот факт, что множество людей в России живет в смешанных браках, а это примерно около трех десятков миллионов человек. Так как в последнее время рождаемость сильно просела, то, может быть, для некоторых высоких федеральных чиновников, например, важно показать, что у нас русских еще много, в том числе, за счет смешанных браков.

– Несмотря на все прогнозы, приток мигрантов и прочее, на моей памяти официальная цифра количества русских в нашей стране не меняется десятилетиями – это 81% населения.

– И я, например, на месте московских политиков хотел бы, чтобы эта цифра не менялась в отрицательную сторону. Но для этого каким-то образом надо притянуть определенные круги и объявить их представителями «большого» народа... Татар это тоже касается – с башкирским направлением у нас серьезная проблема. Я и летом предупредил о ней на конгрессе этнологов. Ведется пропаганда со стороны башкирских околостатских кругов – они на северо-западе упорно работают.

– Объясните, что это за концепт такой – «северо-западные башкиры», о которых все чаще можно слышать из соседней республики?

– Могу привести такую цифру – по-моему, ее уже как-то озвучивал. В 1986 г. проводили социологическое исследование в Башкортостане, москвичи, кстати, в нем участвовали. Итоги не опубликованы, но существуют. Выяснилось, что одна треть башкир находится в смешанных с татарами браках, преимущественно на северо-западе Башкортостана. Родной язык местного тюркского населения (татарско-башкирского, скажем так) – разговорный татарский. Но так как оба языка между собой очень схожи, некоторые башкирские политики объявили его диалектом башкирского языка.

Дальняя цель такова: если удастся доказать, что там очень много этнических башкир, можно будет в школах объявить, что надо изучать башкирский язык. Хотя зона эта татароязычная, в каждом селе только одна школа, где раньше преподавание вели на татарском языке. Когда же

начались языковые изменения, татары, чтобы не подвергнуться башкиризации в языковом плане, перешли значительной частью на русский язык преподавания.

Башкирская элита хочет сохранить те «достижения», которые были достигнуты в 2002 г. – тогда процент башкир существенно подскочил. В январе 2010 г. он немного упал, но, думаю, еще 150 тыс. «спорных» людей в составе башкирского этноса остались. Башкиры во что бы то ни стало хотят сохранить второе место по численности в Башкортостане после русских. Это сложная задача, тем более, если учитывать, что настоящих башкир, носителей башкирского языка, на котором и построен литературный башкирский, в самой РБ не более 15%.

Конечно, «северо-западные башкиры» – это политический проект, и он очень ухудшает отношения между Татарстаном и Башкортостаном. Сейчас мы стараемся их наладить, наши политики вроде бы видят перспективы, но, если данные переписи будут получены в том ракурсе, о котором мечтают определенные круги башкирских интеллектуалов и политиков, то это не будет работать на дружбу между республиками. Могут быть в итоге и серьезные коллизии также внутри РБ: как я уже говорил, будет деревня с одной школой и встанет вопрос, на каком языке преподавать. Возникнет массовое недовольство: твой язык татарский, а тебе в качестве литературного преподают башкирский язык...

«НАЧИНАЯ С 1959 ГОДА ИЗМЕНЕНЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ 373 НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В БАШКОРТОСТАНЕ»

– Возникает ощущение, что Татарстан на самом высоком уровне публично предпочитает всего этого не замечать.

– В преддверии президентских выборов у нас, в Татарстане, когда наши власти хотят сохранить такое равновесное отношение, делают вид, что не обращают внимания на эту проблему, хотя, думаю, кулуарные переговоры ведутся. И, присутствуя в общественных кругах, в том же ВКТ, могу сказать, что есть очень большой нажим на конгресс, чтобы он сам начал, наконец, шевелиться вокруг этого вопроса.

Помню, Шайхразиев даже транслировал такую позицию перед журналистами: конгресс татар готов организовать группу юристов, которые смогут после переписи провести судебный процесс, если будут жалобы по поводу нарушений. Пока вопрос окончательно не решился, но такая позиция была заявлена. Думаю, это интересный подход, ведь в случае жалоб можно оспорить результаты переписи.

– Если бы вас, к примеру, позвали на научную конференцию, посвященную северо-западным башкирам, вы бы поехали? Понять, на каком уровне изучается тема, высказать собственную позицию...

– Про собственную позицию я уже давно пишу, у меня в этом плане есть научные работы и статистические данные. Первую справку по данной тематике я писал еще в 1988 г. для ЦК КПСС. Перед тем как Лигачев на заседании Политбюро заявил о нарушениях в Башкортостане во время переписи, здесь как раз был представитель ЦК, до сих пор помню его фамилию – Солодовников. Сначала с ним беседовали я и Рафаэль Хакимов, а потом он поехал в Башкортостан – узнавать их мнение. Справку я потом опубликовал – в ней написано, что начиная с 1959 г. изменены идентичности населения 373 населенных пунктов в Башкортостане с татарского на башкирский. Все на основе конкретных данных.

– Говорят, что национально ориентированные башкирские интеллектуалы также уверены, что северо-восточные территории Татарстана – исконно башкирские земли.

– Об этом писал известный башкирский этнограф татарского происхождения Раиль Гумерович Кузеев – мы с ним были в хороших отношениях. Это теория так называемого Большого Башкортостана или исторического Башкортостана. Впрочем, в ней есть нюанс, который известен только специалистам. Иоганка Венгр, побывавший на этой территории в 1320 г., назвал эту территорию Башгардией. Тюркологи говорят, что правильно читать следует Машгардия, так как в тюркских языках буквы «б» и «м» переходные, а потому получается историческое название «Великая Вен-

грия» – Magna Hungaria. Учитывая такой подход – да, предки венгров там жили, археологически это хорошо известно – они как раз охватывали и восточный Татарстан. Но это не были башкиры, это был один из этнических компонентов, который в том числе вошел в состав башкир Башкортостана. Поэтому даже само историческое понятие – «Башкирия» – изначально обозначает угров.

*«БАШКИРЫ КАК ЭТНОС И КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА НЕ СПОСОБНЫ
«ПЕРЕВАРИТЬ» ТАТАР БАШКОРТОСТАНА»*

– Насколько значимым для вас является 100-летие ТАССР? Можно ли всерьез говорить о том, что современный Татарстан – это правопреемник ТАССР или это все-таки разные вещи?

– Является правопреемником, это определено – и территориально, и конституционно, хотя, конечно, современный Татарстан отличается от ТАССР по, скажем так, внутреннему содержанию. В частности, в Конституциях есть серьезные отличия. Но сам по себе проект обустройства татар явно имеет коммунистические истоки, хотя даже глава государства перегибает палку, когда говорит, что коммунисты сделали «подарок», «нарезав» территорию, на самом деле это не так.

Татары без всяких коммунистов, начиная со второй половины XIX в., постепенно вызревали к политическому проекту Волго-Уральских штатов (на его основе потом был создан проект Татаро-Башкирской республики, потом из него образовались ТАССР и БАССР) – совершенно не большевистскому. Татары самостоятельно подошли к этой идее. С современной точки зрения эта была интересная идея – сейчас мечтают укрупнить субъекты, а тогда это был уже готовый укрупненный субъект, огромная территория с большим населением. Поэтому ТАССР не является «подарком» коммунистов, но да – идея была реализована коммунистами, в том числе и с недостатками. Современный западный татароязычный Башкортостан запросто мог тогда быть включен в состав ТАССР, если бы, конечно, в центре не боялись формирования крупного субъекта, а страх был вызван именно этим, потому и отдали территорию. Проблема так и не исчезла, она создала и для самих башкир очень большие проблемы.

Например, Заки Валиди, который является фактически основоположником современного Башкортостана, не хотел включать в его состав Уфимскую губернию, только восточную половину. Это, на самом деле, был более осмысленный проект и более выгодный для формирования башкирской нации. Я давно слежу за ситуацией в Башкортостане: башкиры как этнос и как политическая сила не способны «переварить» татар Башкортостана. Это больше миллиона человек, весьма образованные, социально продвинутые, и это не в их силах. Поэтому будут возникать противоречия, что не идет на пользу самому Башкортостану.

Почему я об этом говорю? Известный башкирский историк, который после себя оставил многогранную историю башкирского национального движения, – Билал Хамитович Юлдашбаев (был профессором Башкирского университета), если не ошибаюсь, в 1991 г. создал проект Конституции нового Башкортостана, где предлагал федерализовать данную республику: татароязычная зона, башкироязычная зона, в центре – смешанная зона, уфимский ареал. Грамотный был специалист, знал, что есть что, в отличие от некоторых современных башкирских кругов.

Вот в этом плане сама история ТАССР весьма любопытна. Там, кстати, много неизученных вопросов, которые и сейчас являются животрепещущими. Например, я являюсь научным руководителем одной аспирантки, она подготовила диссертацию (скоро будем выставлять на защиту) по языковой политике ТАССР в 1920-х гг. По работе отчетливо можно понять, что проблемы, которые были раньше, существуют до сих пор. Многие механизмы, которые тогда были использованы, можно применить и сегодня.

– Например?

– Вначале были созданы этнически более однородные волости, потом – кантоны, думаю, по образу швейцарских. На этой основе и можно было выстроить языковую политику, ведь языковая политика всегда имеет территориальное выражение. Возьмем Финляндию – там есть районы, где шведов больше, чем финнов. Там вплоть до конкретного населенного пункта прописано, до какой

доли шведов используется шведский язык. У нас должно быть то же самое, если мы хотим превратить татарский язык в государственный. У нас ничего этого нет, тем не менее, опыт соответствующий есть.

Поэтому при изучении истории ТАССР мы можем уделять внимание даже таким проблемам, которые тоже у нас не изучены, например, каким образом сформировалась татарская политическая элита. В 20-х гг. татар среди коммунистов было очень мало, среди верхушки преобладали нетатары: евреи, русские, представители других национальностей. Татары же начали в коммунистических кругах усиливать свои позиции постепенно, и к середине 1980-х гг. татар в руководстве республики стало более 60%. Происходил процесс так называемой коренизации – это термин сталинского времени. Этнос не стоит на одном месте, он социально растет. Сейчас же мы ничем не уступаем нашим братьям русским, которые здесь живут, в социальном плане. Может, даже в чем-то превосходим.

– *Кто-то скажет, что есть даже своего рода дискриминация уже со стороны татар.*

– Нет, не дискриминация. Это же реальный процесс, дискриминацией это назвать невозможно. Есть сферы, где русских больше до сих пор. Скажем, в естественно-технических науках русские преобладают, скажем, среди профессуры. Среди инженеров русских больше – у них есть старые позиции. А в каких-то других сферах татар больше. Во всех многосложных субъектах всегда есть разделение труда. Ясно, что в гуманитарных областях татары представлены больше, это естественно: для всей татарской нации делается гуманитарная сфера, например, театр, консерватория и т. д. В этом отношении история ТАССР должна быть изучена совершенно по-новому, исходя из современных реалий.

Я считаю, что из семитомной истории татар худший том – последний, седьмой, где описывается советский период.

– *Почему?*

– Потому что история ТАССР была плохо изучена. У нас нет ни одной хорошей работы по истории ТАССР в целом. Немного изучен начальный период, некоторые отдельные кусочки, при этом мы совершенно не обладаем историей татар, живущих за пределами республики этого периода. Это еще только задача, но процесс идет. Я обратил внимание – сейчас начали писать историю татар, которые живут как диаспора в Казахстане. Написана история татар Финляндии. Нет еще истории татар Турции, хотя зачатки есть. Таким образом, понимание существует.

«ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЧТО ЮБИЛЕЙ СОВПАДАЕТ С ВЫБОРАМИ ПРЕЗИДЕНТА РТ»

– *Например, истории татар Тюменской области нет, но она должна быть?*

– Естественно. Оттуда мы увидим, каким образом за этот период изменились. Кстати, когда писали стратегию развития татарского народа, серьезной проблемой было то, что, оказывается, мы практически не обладаем социологическими данными, которые описывают татар за пределами Татарстана, очень мало информации. Современная информация во многом анализируется при помощи тех данных, которые собирают представители конгресса татар, выезжающие в деловые поездки. Они видят все на местах, а потому могут что-то порекомендовать Аппарату Президента. Это не изучение, а просто информация.

Что же касается последнего момента, то процесс образования ТАССР и документально не очень хорошо изучен. Существовал однотомный сборник документов этого периода, сейчас начали готовить трехтомник. Первый том уже вышел – он содержит ряд новых очень интересных документов. Что касается второго тома, то сказали, что он отдан в печать, но третий том еще должен готовиться. К сожалению, Джаудат Миннуллин, который все это курировал, умер, он был уже не очень молод. Думаю, постараются закончить, и, если трехтомник выйдет, мы сможем несколько по-иному посмотреть на процесс образования ТАССР.

Тогда же устаревшая московская позиция о том, что большевики «подарили» республики народам, немного потеряет почву под собой. Из документов видно, что это было большое народное движение, революция, там национальный момент реально существовал, и без таких республик

ни РСФСР не смогли бы сохранить, ни Советский Союз бы не сложился. Это вынужденные шаги коммунистов-большевиков того времени по формированию этнически окрашенных субъектов.

– *Ожидаете ли вы в связи с празднованием 100-летия ТАССР от ВКТ и властей республики каких-то прорывных вещей, либо все ограничится «зур концертами» и «сабантуйной дипломатией»?*

– У меня однозначного мнения не сложилось. Все готовят разные программы, в том числе и Всемирный конгресс татар. Есть, к сожалению, печальный пример наших соседей – башкир.

– *Соседи неудачно провели 100-летие БАССР?*

– Думаю, неудачно. Все было низведено на локальный уровень. Не было присутствия серьезных московских представителей. Может быть, федеральному Центру и не хотелось особо афишировать, мол, у нас вот есть автономия такая хорошая, ей 100 лет...

Но я здесь не совсем скептик. Все-таки татары в этом вопросе – это не башкиры. Мы крупный этнос, достаточно мощный. Если мы начнем впрягать в этот процесс нашу большую сильную диаспору, нашу группу ученых, имеющих мировую известность, типа Рашида Сюняева, таких очень много, привлечем артистические круги со всех уголков мира, мы можем дать полный импульс этому празднованию. И очень хорошо, что юбилей совпадает с выборами Президента РТ. Это немножко помешает некоторым людям, которые в федеральном Центре спят и видят, как бы татар поприжать.

Я думаю, этот подарок мы получили по воле Аллаха.

*Источник: //www.business-gazeta.ru/article/450126,
15 декабря 2019.*

* * *

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ С РАЗНЫХ РАКУРСОВ

Айрат Файзрахманов

«СОБЫТИЯ 1552 ГОДА ОСТАЮТСЯ В ПАМЯТИ НАРОДА, НО «ХЭТЕР КӨНЕ» НЕ СТАЛ ВСЕОБЩИМ ДНЕМ СКОРБИ»

Почему для одних этот день является символом национального возрождения и пассионарности, а для других – «пугалом» татарского национализма

Сегодня татарская общественность отмечает «Хэтер көне» – День памяти, посвященный 464-й годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов в статье для «БИЗНЕС Online» рассуждает, почему эта дата остается незамеченной официальными властями, как к подобным событиям относятся в других странах и чем грозит замалчивание данного исторического факта.

«ЕСЛИ «СОБЫТИЕ ПАМЯТИ» ВПИСЫВАЕТСЯ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА, ТО ОНО ПОПАДАЕТ В РАЗРЯД ГОСУДАРСТВОМ САНКЦИОНИРОВАННОЙ ПАМЯТИ»

Вот уже 28-й год подряд в Казани в середине октября проходит памятное мероприятие под названием «Хэтер көне», связанное с падением Казанского ханства от войск Ивана Грозного в октябре 1552 г. Что для одних стало победой, для других явилось горьким поражением и вечной исторической травмой. Каждый народ хранит в своей коллективной памяти исторические травмы и жертвенные фигуры (у татар это, например, Сююмбике и Кул Шариф), которые актуализируются через мифы, предания, учебники истории и популярные книги, памятники, кино, литературу, культурные и памятные мероприятия. В итоге каждое «событие памяти» отделяется от самого исторического события, конструирует новое сознание и становится самоценным явлением. Если «событие памяти» вписывается в историческую политику государства, то оно попадает в разряд

государством санкционированной памяти, которая воспроизводится элитами и национальными институтами. Если нет, то его стараются не замечать, а в отдельных случаях и вовсе препятствовать его реализации. В этом случае уже включается политика «исторической амнезии».

Например, как это случилось с аналогичными дню памяти мероприятиями в Каталонии или Шотландии. Если ранее официальный Мадрид чинил препятствия Национальному дню Каталонии в Барселоне, а затем старался его не замечать, то теперь памятное мероприятие интегрировано в историческую политику Испании. В вопросах памяти общество здесь постепенно движется от истории конфронтации к истории примирения. Схожая ситуация сложилась и с Шотландией, Уэльсом. В отдельных штатах США, Австралии, где местное автохтонное население (индейцы, аборигены) было уничтожено практически подчистую, также теперь проводятся свои локальные памятные мероприятия, связанные с трагедией завоевания. Кстати, в Австралии существует официальный календарь памятных дат разных народов мира, в нем отведено место и казанскому Дню памяти. Получается, в Австралии признали «Хэтер көне», а в Татарстане – нет.

В этом смысле «Хэтер көне» как событие также ценно само по себе – это уже часть истории современного Татарстана. В начале 1990-х памятное мероприятие собирало свыше 10 тыс. участников, непосредственно влияя на политическое поле республики. Для одних он был символом национального возрождения и пассионарности, для других – «пугалом» татарского национализма. Про «Хэтер көне» снимались целые передачи и документальные фильмы журналистами как российских каналов, так и иностранных. Сейчас состав участников сузился до нескольких сотен человек, а потенциал угас многократно. Изначально став оппозиционным политическим мероприятием и продолжив митинговую традицию, мероприятие в последние годы в сознании татарстанцев сильно маргинализировалось. Многие ходят сюда по привычке, отдать дань памяти, увидеть старых знакомых, потому что иного крупного памятного мероприятия у татар нет. Можно было бы вспомнить «Болгар жыены», но у него нет какой-либо четкой исторической сюжетной линии – люди просто приезжают посмотреть на древний город.

«БУДУЧИ ОТОДВИНУТЫМ НА ПЕРИФЕРИЮ ПАМЯТИ, ВМЕСТЕ С «ХЭТЕР КӨНЕ» ОКАЗАЛАСЬ ОТВЕРГНУТОЙ И ПАМЯТЬ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ»

События 1552 г. остаются в памяти народа, но «Хэтер көне» не стал всеобщим днем скорби для татар. С одной стороны, он не был воспринят официальным Татарстаном и тем более федеральным Центром, с другой – потому что данное событие оказалось «приватизированным» оппозиционно настроенной татарской интеллигенцией. Практическое отсутствие на «Хэтер көне» видных политиков, ученых, писателей, крупных религиозных деятелей (приходят лишь единицы) не означает, что о событиях 1552 г. не помнят, а об убитых не скорбят.

В этой связи в преддверии ежегодно организуемого «Хэтер көне» стоило бы задуматься об актуальности формата подобного мероприятия. Молодому поколению трудно воспринимать долгие и скучные речи, митинги, старые лозунги. Классические форматы коллективного воспоминания изживают себя. Будучи отодвинутым на периферию памяти, вместе с «Хэтер көне» оказалась отвергнутой и память о национальной трагедии.

В «официальном поле» события 1552 г. стали неудобной историей, о них стараются не вспоминать. В конечном счете молчание распространилось и на всю историю Казанского ханства. Иначе чем можно объяснить то, что в Казани нет ни одного памятника, связанного с историей Казанского ханства? В городе есть целых три места, где увековечена память о Екатерине II, но не нашлось места ни одному казанскому хану. На сегодня столица Татарстана, имея богатую историю периода Казанского ханства, практически никак не мемориализирует это время.

У обывателя невольно возникает ощущение, что в истории Казани были только болгары, Зилант, Сююмбике и... дальше уже была Эби-патша, XX в., война, суверенитет (воспринимаемый зачастую как случайное наследие лихих 90-х) и нынешние «тучные» годы. Иногда могут припомнить еще и Кул Шарифа. Так, недавно один из известных туристов-блогеров, посетивших Казань, сожалел, что самое красивое здание Кремля названо в честь «сепаратиста» Кул Шарифа. Вспомни-

ная о взятии Казани, многие недовольно крутят головой и твердят о нетолерантности. 7 лет тому назад вышла статья небезызвестной Яны Амелиной «Обиженные на Ивана Грозного» о том, что нет смысла ворошить прошлое, а большинство уже забыло о нем. Видимо, именно такими эпитетами принято награждать тех, кто помнит об исторических трагедиях, а историческая амнезия возводится в благодетель. Попытка сказать, что Казани нужен памятник защитникам города от войск Ивана Грозного, и вовсе оборачивается окриком о разжигании межнациональной розни.

Такая политика исторической амнезии, с одной стороны, формирует «Иванов, не помнящих родства», с другой – создает почву для кривотолков, радикальных настроений и бытового национализма. Получается слишком много неудобных событий, имен, организаций. В то время как важно учиться отвечать на неудобные вопросы и уметь объяснять, чтобы действительно не было исторических обид и бытовых кривотолков. Взять смелость объяснить «неудобную» историю грамотно по силам только зрелому гражданскому обществу. И здесь этническая разнородность Татарстана не препятствие. Однако нужно предостеречь – «компромисс», в котором одна сторона то и дело отмалчивается, поддакивает и старается угодить, вряд ли можно назвать таковым, он не будет иметь сколь-нибудь значимого КПД.

*«БОГАТСТВО РОССИИ С МОМЕНТА ЗАХВАТА КАЗАНИ СТАЛО ПРИРАСТАТЬ
ТЕРРИТОРИЯМИ, А НЕ ИНТЕНСИВНЫМ ТРУДОМ...»*

В этом смысле тема реального межнационального диалога в Татарстане не перестает быть актуальной. Речь не о телевизионной идиллии решенного национального вопроса в духе советской дружбы народов. Реальность куда сложнее. Жаркие споры в СМИ и социальных сетях по поводу интерпретации исторических событий (в первую очередь связанных со взятием Казани) и установки памятников свидетельствуют, что разные оценки могут и вовсе приводить к «войнам памяти».

Оценки событий 1552 г. сильно разнятся именно в массовой среде: от акта геноцида и победы абсолютного зла над абсолютным добром до дарованной свыше победы и торжества «святой державности». Некоторые из эмоциональных оценок сегодня и вовсе находятся на грани уголовной ответственности. Что касается профессионального цеха историков, большинством без особых сомнений принимается тезис о том, что 1552 г. стал началом создания многонациональной империи, которая взяла курс на сугубо экстенсивный путь развития. То есть богатство России с момента захвата Казани стало прирастать территориями, а не интенсивным трудом, технологиями и людьми. Если ранее московское государство «собирало русские земли» и боролось за наследие Рюриковичей, то с момента взятия Казани оно встало на путь завоевания государств, имеющих совершенно иной этнический и конфессиональный состав. Завоевание татарских ханств стало поводом для того, чтобы считать, что российское государство стремилось стать единственным наследником Золотой Орды. Из новых интерпретаций вызывает интерес точка зрения известного европейского историка Александра Эткинда, который считает, что причиной для завоевания Казани стала... борьба за пушнину, которая была важнейшим сырьем того времени. По сути, роль американского золота для испанского двора в российском государстве исполнили меха татарских ханств. Конечно, комплекс причин, приведший к захвату Казани, большой – это не только узел экономических и геополитических противоречий, но и сфера высоких смыслов и идеология. Тем не менее, героическая оборона города продемонстрировала настоящее мужество ее защитников, стоявших до конца, буквально до последней капли крови. Русские летописи с восхищением писали о татарах как примере мужества, бесстрашия и самоотверженности.

*«ОФИЦИАЛЬНОЕ МОЛЧАНИЕ РОЖДАЕТ ПОЧВУ ДЛЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ»*

Надо отдать должное: во многом благодаря усилиям татарстанских историков российские учебники истории ушли от этнической конфронтации, в них признана жесткость действий войск Ивана Грозного и их драматические последствия для татарского народа, а наряду с термином «присоединение» соседствуют слова «завоевание», «захват», «трагедия». Разные мнения в профессиональном цеху историков удалось свести к общему знаменателю.

Не удалось это сделать пока в сфере мемориализации памяти. Установленный вчера в Орле памятник Ивану Грозному стал первым сигналом, что в публичной политике есть готовность спекулировать на крови, на противоречиях. В желании сильной руки обыватель готов забыть одни факты и превознести другие. Такое явление называется не иначе, как «манипуляция массовым сознанием». Орловский Иван Грозный еще и яркий пример «войны памяти», причем во всем: в речах губернатора, названиях, датах, сравнениях. Вслед за Орлом о праве на «своего» Ивана Грозного заявили и в Александрове. Ситуация с установкой памятника Ермаку в Омске при несогласии коренных народов – из той же серии. Однако это явно не путь к консолидации российского общества, о которой в последнее время любят говорить. Тем более если это делать за счет принципа «держат и не пущать», подчинения меньшинства большинству, доминирования одной этнокультурной парадигмы в многонациональной стране.

Что касается вопроса о памятнике защитникам Казани, который поднимается с первого «Хәтер көне», вот уже без малого 30 лет. Аргументация татарской общественности понятна и логична – нужно восстановить историческую справедливость, тем более что на одном из самых проглядываемых мест города расположен храм-памятник павшим при взятии Казани. В этом отношении весьма дельным является предложение, озвученное группой «Европейский Татарстан» в социальных сетях. Речь о том, что независимо от того, на чьей стороне находились русские и татары, нужно установить на противоположной стороне Казанки памятник мусульманам, погибшим в Казанской войне; изменить название православного храма-памятника на «памятник православным, погибшим в Казанской войне».

Осознаю, что, возможно, на меня посыпятся упреки в предательстве с одной стороны баррикад и в национализме с другой. Но в этом вопросе Татарстану нужно уходить как от конфронтации, так и от смещения баланса в чью-либо сторону или от простого замалчивания. Иначе официальное молчание рождает почву для неофициальных противоречий. Это не призыв забыть свою историю, а затем свой язык и культуру – трагедия должна оставаться на страницах учебников и книг, в памяти народа. Однако подобное предложение было бы действительно великим историческим примирением и новым. Только так мы сможем уберечься от манипуляций историей, которая все больше превращается в политику, обернутую в прошлое.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/325677>,
15 октября 2016.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«МЫ ШТАМПУЕМ ОШИБКУ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, ПРАЗДНУЯ 100-ЛЕТИЕ ТАТАРСТАНА В 1920 ГОДУ»

«Татарстан готовится к столетнему юбилею республики в 2020 г. Однако республика родилась не в 1920-м, ее истоки – в революционном 1917-м», – считает блогер «БИЗНЕС Online» кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов. Первые национальные органы власти, первый опыт самоуправления татары получили в рамках национально-культурной автономии и деятельности Милли Маджлиса в 1917–1918 гг., образовавшегося в результате Всероссийского съезда мусульман, прошедшего в Москве ровно 100 лет назад.

«СЕГОДНЯ МНОГИМИ СОЗДАНИЕ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ПОДАРОК СТАРШЕГО БРАТА И БОЛЬШЕВИКОВ»

Республика Татарстан загодя готовится к столетнему юбилею, который официально будет праздноваться в 2020 г. Взялись за торжество по-чиновничьи активно – утверждается перечень мероприятий, создан оргкомитет, готовятся юбилейные издания и т. д. Дело архиважное, особенно когда

на высшем уровне ставится вопрос об исторических ошибках создания национальных республик. Чем раньше заявимся, тем лучше. Главное, чтобы не произошло так же, как и с 800-летним юбилеем Казани. Хотя протокольные мероприятия не являются гарантией гражданской вовлеченности.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что Татарстан родился не в 1920-м, его истоки – в революционном 1917-м. И с этой точки зрения было бы справедливо юбилейные торжества начать уже в этом году. Потому как Татарстан – государство производное от проекта национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири (создана 22 июля 1917 г., ликвидирована в мае 1918 г.), штата «Идел-Урал» и Татаро-Башкирской республики. Именно эти государственные «проекты» стали прямым истоком и отправной точкой современной государственности Татарстана, но оказались намеренно забытыми в советское время. Сейчас же мы штампуем ошибку советской историографии, перенося празднование лишь на 1920-й.

Именно поэтому сегодня многими создание Татарской Республики воспринимается как подарок старшего брата и большевиков. Однако республика берет свое начало не в умах и декретах вождей пролетариата. В революционном 1917-м, до прихода к власти большевиков, татары и другие народы России на своих национальных съездах вполне конкретно, пользуясь правом на самоопределение, заявляли о восстановлении своей утерянной государственности. Более того, делалось это и при самодержавии, хотя активность национальных движений и пресекалась на корню. По большей части эта государственность мыслилась в рамках предоставления прав широчайшей автономии, в рамках федеративной и демократической России. Большинству национальных лидеров представлялось, что федерация дает для их народов больше возможностей, чем ограничений. В частности, об этом неоднократно заявлялось на Всероссийских мусульманских съездах в Москве в мае 1917-го, в Казани – в июле 1917 г., где татары играли роль главных организаторов и идеологов.

*«ТАТАРСТАНУ ВЕРНУЛИ ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАДЖЛИСА, НО НЕ ВЕРНУЛИ
В ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИСТОКАХ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСТАНА»*

Возможно, у кого-то есть опасения, что историческая память об «Идел-Урале» и Милли Маджлисе может поставить много неудобных вопросов, но не стоит бояться своей истории, иначе память заполнят сказки и мифы других народов. Пока же получается так, что куда Национально-культурная автономия со своим национальным парламентом (Милли Маджлис) заседала в Уфе, то как будто бы не имеет отношения к Татарстану. Между тем первые национальные органы власти, первый опыт самоуправления татары получили именно в рамках Национально-культурной автономии и деятельности Милли Маджлиса в 1917–1918 гг. В настоящее время Татарстану вернули имя председателя Маджлиса – Садри Максуди (в ноябре 2016 г. ему был установлен памятник в парке «Истамбул» в Казани), но не вернули в публичное пространство памяти представление об истоках государственности Татарстана.

Что касается штата «Идел-Урал» (state – «государство»), то его восприятие также не далеко ушло от советских штампов. Как на проект государственного строительства на него незаслуженно навешан ярлык сепаратизма. В сознании многих он и вовсе ассоциируется с нашумевшим легионом «Идел-Урал». Сейчас о штате и его лидерах Ильясе Алкине, Галимзяне Шарафе, Исмагиле Атнагулове и других практически не вспоминают на официальном уровне. Надо подчеркнуть, что эта идея в начале 1918 года не только не выходила за рамки понятия «субъект Российской Федерации», штат «Идел-Урал» и вовсе был проектом с советским государственным устройством. Несмотря на это, его конец оказался печальным: большевики не захотели мириться с волеизъявлением снизу, лидеры «Идел-Урала» накануне объявления о создании штата были арестованы (27 февраля 1918 г.), а в пику данному проекту центральным комитетом было опубликовано положение о Татаро-Башкирской Республике (ТБССР). Нужно сказать, что подобное заигрывание большевиков с идеей национальной государственности позволили выбить почву из-под ног национальных лидеров. Даже местные мусульманские «радикалы» – так называемые ваисовские божьи полки, грезившие о Булгаристане, – пошли вслед за большевиками.

Но в итоге даже объявление советской Татаро-Башкирской Республики в 1918 г. по причине бушевавшей в Поволжье Гражданской войны было отложено. В определенной степени помешала и смерть Муллачура Вахитова – председателя центрального мусульманского комиссариата, руками которого «Идел-Урал» был столь бесцеремонно заменен на проект ТБССР. Более чем через год, в конце 1919-го, необходимость создания Татаро-Башкирской Республики была подтверждена Всероссийским съездом коммунистических организаций народов Востока.

Преемник Вахитова, Мирсаид Султан-Галеев, несмотря на титанические усилия и статус соратника Иосифа Сталина, пролоббировать проект ТБССР не смог. Партия повела свою игру: положение о ТБССР и решение съезда было отменено. Конечно, могло быть и хуже, ведь среди старших «товарищей» татар по партии и вовсе был популярен лозунг «Ни Уфы вам, ни Казани». В итоге государственность татарского народа возродилась в существенно урезанном виде. Границы ее были проведены таким образом, что территория республики составила 68 тыс. кв. км вместо около 130 тыс. кв. км по проекту Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и около 220 тыс. кв. км территории запроецированного национального штата «Идел-Урал».

«РАЗРАБОТКА ТАТАРСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ПОЛНОЦЕННОГО И ПРОРАБОТАННОГО ПРОЕКТА «ИДЕЛ-УРАЛ» СТАЛА НЕОЖИДАННОСТЬЮ ДЛЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ТАТАРСКИХ ПОЛИТИКОВ»

Кстати, человек, картой татарстанских границ которого пользуются и по сей день – Галимзян Шараф, – являлся одним из создателей ТАССР, видным политическим деятелем и ученым. С тем-то уровнем технологий, полной разрухой и сегодняшней кадастровой щепетильностью картографические данные остаются актуальными! Не удивляться этому невозможно. В конце 1917 г., в 21-летнем возрасте, он был председателем Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата (КУВШ), в состав которой входили такие зубры татарской политики, как Максуди, Фатих Карими, Ибниямин Ахтямов, Хади Атласи и другие. Именно он в январе 1918 г. на заседании национального собрания – Милли Меджлиса – делал основной доклад по созданию штата «Идел-Урал».

Надо сказать, что разработка татарской молодежью полноценного и проработанного в нескольких вариантах проекта «Идел-Урал» стала неожиданностью для старшего поколения татарских политиков.

Впоследствии Шараф участвовал в качестве эксперта в разработке проектов Татаро-Башкирской ССР и ТАССР, был экспертом при наркомнаце, тесно работая с тогдашним наркомом Сталиным. Именно на него была возложена разработка детальных границ республики в 1920 г. и согласование их с руководством РСФСР.

Шараф возглавлял также процессы подготовки статистических материалов по экономике, национальному и социальному составу населения республики. Несмотря на то, что он открыто сожалел о нереализованном проекте ТБССР и невключении Уфимского и Бирского уездов в состав ТАССР, все важнейшие проекты внутреннего административного деления республики с 1920 по 1933 гг. разрабатывались им или при ближайшем его участии. Издал множество трудов по языкознанию, демографии, экономической географии. В 1937 г. репрессирован, провел восемь лет в лагерях, выжил, последние годы преподавал в Апастово. Умер в 1950 г. и похоронен на кладбище Ново-Татарской слободы Казани.

Кстати, родные братья Галимзана, Гильметдин и Бурхан Шараф, – учредители крупнейшей дореволюционной татарской типографии. Другие братья, Шихабетдин и Шагартдин, – видные религиозные деятели, Шихабетдин одним из первых перевел Коран на литературный татарский язык (рукопись в настоящее время числится утерянной), был женат на родной дочери муфтия Ризаэддина Фахреддина – Асьме. Все братья были репрессированы в разные года.

В 2016 г. Галимзяну Шарафу исполнилось 120 лет, но юбилей такого человека оказался подзабыт. Возвращение этого имени общественности – это то, что непременно должно быть в перечне мероприятий по празднованию 100-летия республики. Предание забвению Шарафов, как сделали в этом году относительно Алкиных (Ильяс Алкину – в 2015 исполнилось 120 лет), не делает чести для республи-

ки, которая пока еще не забыла о своей государственности. К счастью, все шансы для этого есть – дом семьи Шарифовых отреставрирован. Дело остается за малым – рассказать о них татарстанцам.

«В РЕСПУБЛИКЕ ПРАКТИЧЕСКИ НЕТ УЛИЦ И ПАМЯТНЫХ МЕСТ, СВЯЗАННЫХ С ИСТОРИЕЙ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСТАНА»

Вообще, ушедшие два года были богаты на юбилеи целой плеяды выдающихся личностей, без которых бы Татарстан не появился на свет. Так случилось, что пока их имена оказались незаслуженно забыты и о них известно только узкому кругу специалистов. В 2016 г. 120 лет исполнилось второму советскому премьеру Кашафу Мухтарову, 140 лет – Юсуфу Акчуре, в 2015-м – 130 лет Вахитову, 120 лет – Ильясу Алкину. В 2017 г. – юбилей у его отца, известного татарского политика начала XX в. Саидгарея Алкина, юбилей также у основателя исламского социализма, татарского большевика №1 Султан-Галеева. Последнему должен был появиться памятник на площади между Госсоветом и НКЦ, однако долгие годы там простоял большой камень, а сейчас в пылу большой стройки есть опасения, что и памятного камня не останется.

В республике практически не существует улиц и памятных мест, связанных с историей становления государственности Татарстана. Только лишь то, что связано с советской историей. Нет улиц Акчуры, Алкиных, Галимзяна Шарафа, Мухтарова, Атнагулова и других. А Галимзян Ибрагимов, Шамиль Усманов, Гаяз Исхаки для казанца скорее писатели, нежели политические деятели. Не увековечена память о тех, кто создавал ТАССР, за исключением весьма противоречивой фигуры Саид-Галеева. Музейные фотографии 10 на 12, которые даже не сопровождаются сухим пересказом экскурсовода, не в счет.

Может показаться, что достаточно советских памятных досок, с идеологическим пафосом говорящих о процессе создания ТАССР. Среди подобных проблем забвения для истории создания Татарстана – это исчезнувшая после реставрации дома на ул. Астрономической, 17 мемориальной доски Мухтарова – первого руководителя татарстанского здравоохранения, ставшего премьером и победившего голод в республике.

Имя, которое пользовалось авторитетом и популярностью у современников, осталось в анналах исторической науки, но не в исторической памяти Татарстана. Видимо, в тех условиях, когда у республики нет необходимости формировать эту память, она редко соприкасается с исторической наукой. Однако имена и дела, которые сегодня на слуху, быстро могут быть забыты потомками.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/344980>,
7 мая 2017.*

* * *

Марк Шишкин

**ДАМИР ИСХАКОВ: «РОССИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ КРОВНО
ЗАИНТЕРЕСОВАНА ВКЛЮЧИТЬ В СВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»**

Историк Дамир Исхаков о претендентах на наследие Чингизидов, «матери народов тюркских» и о потере термина «татаро-монголы»

События прошлого постоянно используются в качестве аргумента для обоснования сегодняшних политических задач и интересов. Чаще всего это касается истории XX в., но в отдаленных эпохах есть явления, привлекающие не только ученых, но и политиков. Одно из таких явлений – великая евразийская империя Улус Джучи, также известная как Золотая Орда. О том, какие дискуссии сегодня идут вокруг золотоордынского наследия и кто претендует на свою часть истории Орды, рассказал «Реальному времени» Дамир Исхаков, известный этнолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АН РТ.

КАЗАХИ ПРЕДЛАГАЮТ ОТНОСИТЬСЯ К ЗОЛОТОЙ ОРДЕ КАК К ДРЕВНЕЙ РУСИ

– *Дамир Мавлявеевич, какие народы сейчас претендуют на историческое наследие Золотой Орды?*

– Вопрос о разделе исторического наследия Золотой Орды относительно новый. В советское время вспоминать об этом было неактуально. После сталинского определения, что Золотая Орда это кочевое, рыхлое, паразитическое государство, желающих претендовать на нее не осталось. Хотя татары полностью не могли игнорировать эту часть прошлого и периодически возвращались к ней, общий запрет мешал. Всерьез начали разрабатывать только после распада СССР.

Казахи тоже начали заниматься совсем недавно. Я думаю, не без влияния необдуманного тезиса Владимира Путина о том, что у «казахов не было государственности». Хотя единой позиции на этот счет у них самих нет по историческим причинам. Южные казахи Старшего жуза больше связаны с Чагатайским улусом (*часть Монгольской империи в Центральной Азии* – прим. ред.), где была выше роль монгольского компонента. В большей степени на золотоордынское наследие претендуют северные казахи, принадлежавшие к Младшему и Среднему жузам.

Кроме казахов, конечно, могли бы претендовать и узбеки. В 60-е гг. там писали об этом. Вышла известная книга Бури Ахмедова «Государство кочевых узбеков», посвященная истории Шибанидов в XV в. (*Шибан – младший брат Батыея* – прим. ред.). Но поскольку в Узбекистане очень сильно увлеклись Тимуридским государством, этот сюжет отошел для них на второй план. Впрочем, полностью отключиться не получается, ведь сам термин «узбек» был привнесен в Среднюю Азию золотоордынцами, которые подчинялись Шибанидам.

Ногайцы тоже подчеркивают свое происхождение от Золотой Орды через Ногайскую Орду. Но ногайцев мало, поэтому основные претенденты на золотоордынское наследие – это татары и казахи. Как-то раз я высказался в том духе, что нам придется делиться с казахами историей Золотой Орды и сразу же подвергся критике. Сначала выступила Фаузия Байрамова, затем один из казанских историков и археографов Марсель Ахметзянов. Но позицией «ничего не отдадим» вряд ли можно что-то решить.

– *В чем суть расхождений между татарскими и казахскими учеными?*

– Недавно Рафаэль Хакимов в одном интервью сформулировал тезис, что европейцы, конечно же, считают татар главными наследниками Улуса Джучи. Да, с точки зрения европейцев все золотоордынцы – татары. И казахский просветитель Чокан Валиханов (сам чингизид по происхождению) говорил, что казахи выделались из «батыевских татар». Но у современных ученых из Казахстана немного другие подходы. Часть из них считает, что к Золотой Орде следует относиться также как Древней Руси, которая была общей родиной русских, украинцев и белорусов. Что не следует особенно выпячивать роль какого-то одного народа. Думаю, что, несмотря на внутренние разногласия, казахские ученые будут консолидироваться вокруг этой позиции.

Казахи идут в историю Золотой Орды через свои племенные подразделения, которые у них сохранились до начала XX в. Действительно, как показывают исследования, многие племена, зафиксированные в Золотой Орде, есть и у казахов. Но эти же племена есть у башкир и узбеков. Их следы можно найти у татар. Из 92 племен, которые известны среди кочевников восточной части Золотой Орды у казахов их примерно 20. Остальные тянут к югу в Чагатайский улус и в другие регионы. Не все население было племенным и кочевническим. В Поволжье по разным оценкам было до 150 городских поселений, и в них тоже жили тюрки. На территории Казахстана были города Сауран, Отрар, Туркестан и другие. Поэтому трактовка через племена имеет не только бесспорные преимущества, но и слабые стороны.

– *Возможно, противоречия идут от национальных амбиций, а академическая наука спокойно расставит все по своим местам?*

– Проблема в том, что в самой академической науке слабо изучен этнический аспект формирования населения Улуса Джучи. Не только у татарских и казахских, но даже у западных исследователей эти вопросы представлены недостаточно. К золотоордынской истории нужно применять

этнологические подходы, которые помогут построить модели развития государствообразующего народа Улуса Джучи. Пока этого нет, будут господствовать примитивные трактовки.

Например, современные монголы предпочитают не замечать, что в Великом Монгольском государстве с самого начала в большом количестве были представлены тюрки. Хотя персидский историк Рашид да-Дин прямо говорил, что многие тюркские племена, после усиления Чингисхана, приняли имя монголов. У нас можно услышать, что монголы были лишь правящим домом, а все государство было тюркским. Это тоже крайность. Поэтому нужно исследовать, как из разных компонентов складывалась общность, которая стала этническим каркасом Улуса Джучи и послужила основой для нескольких народов.

ТАТАРЫ ИСЧЕЗЛИ ИЗ УЧЕБНИКОВ ВМЕСТЕ С ИГОМ

– В своих публикациях вы реабилитируете термин «монголо-татары», против которого долгое время боролась татарская историческая наука. Можете объяснить свою позицию?

– Основная причина лежит на поверхности. Татары долго воевали за то, чтобы в федеральных учебниках не было термина «монголо-татарское иго». Они достигли успеха. Но одновременно с «игом» исчезли и «татары». Сейчас в учебниках можно найти только понятие «ордынцы», и непонятно каким образом из этих ордынцев затем возникают татары, которые были населением Крымского ханства, Казанского ханства, Астраханского и других ханств.

Я предлагаю подходить к термину «монголо-татары» более научно. Мы должны определить содержание термина и установить причины, по которым он закрепился. Термин «мэн-да» – то есть «монголо-татары» многократно встречается в китайских источниках. И вряд ли он был искусственно привнесен китайскими чиновниками. Скорее всего, китайцы зафиксировали реальное положение двухкомпонентности формирующегося этноса. Различные группы, с которыми воевали монголы и которые они включили в свою империю, были тюркскими по происхождению. Это найманы, меркиты, керейты, белые татары – онгуты, джалаиры. Значительная часть тюрков, оказавшихся рядом с монголами, была связана с древними татарами.

– Кем были и откуда произошли древние татары?

– Происхождение древних татар – предмет дискуссий, и их языковая принадлежность до сих пор в точности не установлена. Есть точки зрения, что они были монгольского или даже маньчжурского происхождения, но есть все основания считать древних татар тюрками, а отнюдь не монголами. Татары были элитной, царственной группой еще со времен Тюркского каганата. Как писал Рашид ад-Дин, татары были покорителями и владыками большей части монгольских племен и областей. Племя найманов было частью татар, как об этом позволяют судить данные авторов XIII в. Джузджани и Ибн ал-Асира. Меркиты. Другие племена, завоеванные Чингисханом, тоже имели татарское происхождение. Получается, что уже на первом этапе своего становления, Монгольская империя вобрала в себя татарский компонент.

С еще большей частью татар монголы столкнулись, когда стали покорять земли к западу от Монголии. В 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи отправился на завоевание Алтая и бассейна Иртыша. А на этой территории находились наследники Кимакского каганата, где правящими племенами были татары. Еще в XI в. кимаки принимают ислам. Позже кимаки становятся военной элитой государства Хорезмшахов, и у последних хорезмшахов матерями были кимакские принцессы. Сам Джучи родился после того, как его мать Бортэ освободили из меркитского плена, и всю жизнь над ним довлело «меркитское проклятие». При таком стечении обстоятельств неудивительно, что русские и западноевропейские авторы называли наступающую с востока армию татарами, а не монголами.

Ранняя история Улуса Джучи проявлялась и позже. Из источников известно, что будущего хана Берке воспитывали мусульмане, а его личные владения располагались в Средней Азии. Я думаю, что гвардия Берке состояла из кимаков, которые были очень воинственным народом. Когда Берке стал ханом, он привел их в Поволжье.

– Изучают ли наследие Кимакского каганата в Казахстане?

– Отдельные ученые изучали и даже сумели показать, что элитные группы кимаков имели татарское происхождение. Но они этот тезис не развили. История Кимакского каганата осталась изолированной от дальнейших процессов в составе Золотой Орды.

– ***Кого же все-таки называли татарами в Золотой Орде?***

– Я и мой соавтор Искандер Измайлов были одними из немногих, кто уделил внимание этому вопросу. По нашему мнению татарами называли воинское сословие Золотой Орды. Это группа, составлявшая основу армии. Группа, структурированная на сотни, тысячи и тумены, которая была представлена в политической системе через племенную аристократию. Благодаря нашему американскому соотечественнику Юлаю Шамильоглу мы знаем, что в татарских ханствах ханов поднимали племенные беки. Это четыре карачибек-кланов Аргын, Барын, Ширин Кипчак, и один из них – беклербек был командующим армией. Вот это армейское сословие и есть татары.

КЕМ БЫЛИ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УЗБЕКИ

– ***От какой части ордынцев произошли современные татары, а от какой казахи?***

– Казахские ученые советского периода объясняли этот процесс через деление Золотой Орды на западную и восточную части: Белую Орду и Синюю Орду. В источниках есть разночтение о том, к кому какой цвет отнести, но сейчас это не важно. Так вот казахов связывали только с восточной половиной государства, с улусом Орду-Ичена (*Орду-Ичен – старший брат Батыея* – прим. ред.). И действительно, казахские племена больше связаны с востоком Улуса Джучи. Но есть одно «но». В первой половине XVI в. Казахское ханство усилилось, распространившись к реке Урал и в сибирском направлении. В этот период казахи включили в свой состав и другие этно-племенные компоненты. Поэтому в составе Младшего Жуза много потомков ногайцев, а в Среднем Жузе – потомков сибирских татарских групп.

– ***Много неясности существует вокруг этнонима «узбеки». Современные узбеки живут на территории древних провинций Хорезма и Мавераннахра. Но в средние века это название употреблялось в Золотой Орде, а государство кочевых узбеков исследователи помещают на территории современного Казахстана. Как вы трактуете эту проблему?***

– Автор начала XVI в. Рузбихан писал, что три племени относились к узбекам. Это Шибаниды, казахи и мангыты т. е. ногайцы. То есть узбеками называли все население восточной части Улуса Джучи, и это имя выводили от хана Узбека (*годы правления 1313–1341, период высшего расцвета Золотой Орды* – прим. ред.). Это подданные хана Узбека, «узбекиане» или «узбековцы». И это свидетельствует, что войсковые подразделения хана Узбека, в большей части состоявшие из кочевников, были локализованы на востоке. Поэтому восточная часть с некоторых пор играла более важную роль в золотоордынских делах.

После распада Улуса Джучи там образуется государство хана Абулхайра – потомка Шибанидов, которое узбекская историография называет государством кочевых узбеков. Но когда распалось и само государство Абулхайра, стала разделяться узбекская этническая общность. Возникли разные этногенетические линии: ногайцы, казахи и та часть узбеков, которая затем ушла в Среднюю Азию. Я бы предложил формулу, что казахи и узбеки выделались из состава татар, но не из современных татар, а из средневековых, которые были государствообразующим народом Золотой Орды.

– ***Золотоордынское войско состояло из кочевников, а какую идентичность имело тюркское городское население Золотой Орды?***

– Я думаю, что на разных территориях разную. По отношению к Булгарскому вилайету Золотой Орды в русских летописях встречается определение «бесермены (т. е. мусульмане) и татары». Скорее всего, городское население маркировано как «бесермены». Оно имело сложный этнический состав, кроме булгар там были половцы и другие тюрки, пришедшие из Алтая, бывшего Кимакского каганата, Хорезма. Это городское население подчинялось татарской элите и потом быстро усвоило татарский этноним. Но не везде. В восточной половине Улуса Джучи развитие пошло иначе, и там утвердились другие этнонимы. Чтобы понять разнообразие моделей, можно привести в пример Чагатайский улус, где было больше монголов, и утвердился этноним «могулы». Потом

эти могулы ушли из Средней Азии в Индию и создали там государство Великих Моголов, которое просуществовало до прихода англичан.

СИБИРСКИЕ ТЮРКИ В ЗЕЛЕНОДОЛЬСКОМ РАЙОНЕ

– В научной и популярной литературе прочно утвердилось мнение, что казанские татары – это болгары, ассимилировавшие кипчакскую военную элиту. Как этот тезис соотносится с вашей концепцией?

– Этот тезис – очень большое упрощение процессов. Мой друг Юлай Шамильоглу, который изучал эпидемию чумы в XIV веке, высказал версию, что, может, история болгар закончилась во время Черной смерти. Эпидемия в Поволжье была очень сильной, и болгарские надгробные памятники встречаются только до чумы. Скорее всего, погибли не все. Кто-то ушел, кто-то ассимилировался в новых волнах населения. Уцелевшие потомки болгар пропитаны кипчакским и кимакским влиянием.

В составе современных казанских татар есть группы, которые проникли сюда из Сибири. Вплоть до Зеленодольского района мы можем найти потомков табынцев. Эта группа происходит с Алтая. В конце XV века после междуусобицы с разными кланами Шибанидов они ушли из Сибири в Приуралье, из Приуралья в бассейн реки Ик, где теперь Мензелинский район. А оттуда расселились в Мамадышском районе и Заказанье. В Зеленодольском районе есть надгробные памятники, указывающие на группу табын.

Говор дубьязских татар и этнографические данные свидетельствуют о том, что они происходят от аргынов. Аргыны – это монгольская или тюрко-монгольская группа, которая пришла в европейскую часть вместе с Тохтамышем. Сначала они поселились в Крыму, а затем с Улу-Мухаммедом пришли в Казань. Такие связи роднят наше Заказанье с Башкирией и Казахстаном. Язык нукратских татар в Кировской области похож на язык касимовских татар, которые тоже пришли с юга в войске Улу-Мухаммеда.

В общем, Поволжье не было изолировано от других районов Улуса Джучи. Болгары, конечно же, являются этнической подосновой казанских татар. Но они были накрыты миграционными волнами татар ордынского происхождения и растворились в них.

– Как к дискуссиям среди тюркских ученых относятся представители монгольских народов: монголов и российских бурятов? Возможно, свое видение проблемы есть у Китая?

– Как я уже говорил, монгольские ученые считают древних татар монголами. Доводы, о том, что белых татар – онгутов – китайские источники изображают тюрками, на них не производит впечатление. Думаю, что однажды нам придется вступить в дискуссию с коллегами из Монголии. Бурятов, как наиболее северную группу монголов, которая больше других соприкоснулась с тюрками, можно рассматривать как наших союзников. Тем более, бурятские ученые признают наличие тюркской составляющей у своего народа.

Китай от обсуждения этих вопросов несколько стоит в стороне, но именно там есть вероятность найти новые данные о прошлом татар. Я знаю, что известный саратовский бизнесмен Камиль Аблязов занят поиском таких источников, и на него работает группа историков, знающих китайский язык. В истории древних татар есть несколько веков, про которые мы знаем крайне мало. Хорошо изучен период ранних тюркских каганатов и монгольский период, а что было между ними известно недостаточно, только потому, что не переведены все китайские источники. Думаю, было бы полезно пристальнее изучить историю этнических контактов монголоязычных киданей, которые правили в Северном Китае в X–XII веках. Возможно, когда будут открыты новые источники, наша позиция по тюркам в Великом Монгольском государстве станет еще четче.

СКЕЛЕТЫ В ШКАФАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЙ

– Насколько вообще политизирована тема золотоордынской истории?

– Политизированность есть, хотя это тщательно скрывается всеми участниками. После образования независимых государств Центральной Азии, им необходимо подкрепить идентичность

историческими данными. Поэтому все центральноазиатские народы начали усиленно писать национальные истории. Требуется найти логичное и понятное для обычного человека объяснение, откуда произошел народ. Но пытаясь дать простые ответы, национальные истории пересекаются, и возникают спорные моменты.

Без Шибанидов невозможно объяснить историю узбеков, но с ними связаны и казахи. С другой стороны, узбеки больше всего претендуют на тимуридское наследие, но южные казахи тоже связаны с тимуридскими государствами. Приходится производить весьма тонкое размежевание, что не так-то просто. Киргизы стараются создать стройное обоснование своего происхождения от енисейских кыргызов. Казалось бы, им не до Золотой Орды. Но есть источниковые данные, что главный герой киргизского эпоса Манас был кипчаком. Не всем киргизским исследователям такие данные нравятся. Во время своей последней поездки в Бишкек я рассматривал большую таблицу племен киргизов и заметил весомую долю найманов. Поскольку найманы тесно связаны с древними татарами, то и киргизская история начинает смотреться, чуть иначе, чем трактуют ее национальные историографы.

Однажды я был на большой дискуссии о создании общего учебника тюркской истории, которая проходила в Тюркской академии в Астане. Были ученые из Турции, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана. По соглашению между Министерствами народного образования этих стран, курс общетюркской истории должен преподаваться в школах. Так вот, даже при трактовке средневековой истории, разногласия слишком существенные. И если европейцам в итоге удалось написать общую историю Европы, хотя там тоже полно скелетов в шкафу, у среднеазиатских народов этот этап еще впереди.

И здесь возникает вопрос о позиции России. Россия должна быть кровно заинтересована включить в свое историческое поле наследие Золотой Орды. Это способ участия в центральноазиатских делах через историческую науку. Если смотреть на Орду, только как на враждебную силу, которая только угнетала русских, то Москва сама себя лишает ценного политического инструмента. А ведь через татар Россия могла бы стать участником не только интеллектуальных дискуссий, но и процессов формирования национальной идентичности у ближайших соседей. Но до таких тонкостей московские политики пока не додумались. Хотя среди русских историков немало разбирающихся специалистов. И многие писатели сейчас активно осваивают золотоордынское пространство. Но ничего этого нет на официальном уровне.

– ***Что нужно сделать, чтобы позиция татарской этнологической науки была услышана?***

– Нужны новые форматы и более широкий взгляд на прошлое. Я, например, ни разу не слышал, чтобы кто-то проводил конференцию по этногенезу тюркоязычных народов Северной Евразии. По Центральной Азии такие конференции были, но чтобы рассмотреть тюрков Обского и Иртышского бассейнов и Алтая, со всеми их связями с Поволжьем и другими регионами, такого еще не было. Можно посмотреть еще шире и написать этническую историю Северной Евразии, куда бы вошли не только тюркские и монгольские, но и индоевропейские народы, включая скифов, живших на Алтае, индоиранцев – усуней и других, сыгравших роль в этногенезе тюрков и русских.

Ближайший повод, чтобы поговорить о разделе исторического наследия Золотой Орды представится уже скоро. В программе празднования 100-летия Татарстана есть проведение большой научной конференции. Сейчас обсуждается ее содержание. Есть предложение сделать упор на экономику и посвятить ее Великому Шелковому пути. Но я вижу ее как площадку для диалога с представителями других стран, где мы разработаем общие принципы по отношению к нашему золотоордынскому прошлому. Ключевой момент – договоренность с казахами. В конце мая я планирую поехать в Астану, и, если представится возможность, предложу этот вариант коллегам.

*Источник: <https://realnoevremya.ru/articles/66160-intervyu-s-damirom-ishakovym-kak-podelit-zolotuyu-ordu>,
24 мая 2017.*

«ПОЧЕМУ ЖЕ ТАТАРЫ ОКАЗАЛИСЬ МЕНЕЕ ДОСТОЙНЫ СВОЕЙ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ?»

К вопросу о продвижении исторических и культурных брендов: как в Татарстане «пропустили» важные юбилеи 2017 г.

В Баку этим летом отмечали 100-летие первого Всероссийского съезда мусульман России, рассказывала недавно на научно-практической конференции в КФУ участница Форума из Азербайджана. Татарстан же дружно пропустил не только эту серьезную дату, но и 100-летний юбилей своей первой национально-культурной автономии, констатирует кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов. Автор «БИЗНЕС Online» объясняет, чем можно быть полезно продвижение «татарских сюжетов» в российскую историю и массовую культуру.

«ПРАЗДНОВАЛИ 100-ЛЕТИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО СЪЕЗДА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ, А НЕ В РОССИИ»

«В этом году было 100-летие первого Всероссийского съезда мусульман России. Мы в Баку отмечали, поскольку это событие имеет важное значение в жизни мусульман, в том числе тюрко-татарского народа, вообще бывшего СССР», – эти слова прозвучали из уст представителя делегации Азербайджана, специально приехавшей в декабре в Казань на конференцию, посвященную 130-летию историка Газиза Губайдуллина. Фигура Губайдуллина символична – он объединяет в себе и участие в мусульманском национальном движении в 1917–1918 г., и написание крупных исследований по истории Татарстана, Азербайджана и Узбекистана. По сути, он первый татарский историк-концептуалист, «сконструировавший» национальную историю татар практически в том виде, как мы знаем ее теперь.

В отличие от Азербайджана, Татарстан и татары, к сожалению, дружно пропустили не только столетие Всероссийских мусульманских съездов, но и столетие своей первой Национально-культурной автономии. О мусульманских съездах написано много интересных статей и книг, но знание о них продолжают оставаться уделом узкого круга научной и национальной общественности.

Вместе с тем в 2017 г. был целый ряд крупных форумов, которые могли бы пройти под знаком этого юбилея. Большой майский Форум татарских религиозных деятелей тему мусульманских съездов практически пропустил. А ведь именно 100 лет назад, в мае 1917 г., на московском мусульманском съезде впервые был избран муфтий (им стал Галимджан Баруди), на этом фундаменте демократической культуры было реорганизовано Духовное управление. Организаторы съезда в 1917 г., в том числе татарские религиозные деятели, взяли на себя смелость сформировать свое видение того, как решить рабочий, аграрный, военный, образовательный вопрос, проблему государственного устройства страны. Кроме того, впервые среди мусульман мира именно на этом съезде было заявлено об уравнивании в правах женщин и мужчин. В этом величие I Всероссийского мусульманского съезда. Наконец, было сформировано Милли Шура – Национальный совет. Представители татарского народа оказались одними из главных организаторов и лидеров российских мусульманских съездов. Они мыслили глобальными категориями – общемусульманским возрождением, освобождением Востока, равноправием народов. Однако праздновали 100-летие Всероссийского мусульманского съезда в Азербайджане, а не в России.

В 1917 г. татарские политики и татарские религиозные деятели «замахнулись» на то, чтобы сконструировать единую политическую нацию мусульман России. Это могло бы стать моделью политической перестройки всего мусульманского мира, который переживал на тот момент слом старой имперской системы. Интеллектуальные и финансовые ресурсы, духовный авторитет, компетенции татарских элит позволяли думать и предпринимать в 1917 г. конкретные действия для

этого. И хотя такая феноменальная попытка провалилась, вплоть до начала 1920-х гг. в отечественной политической риторике категория «мусульмане» означала не только конфессиональную принадлежность, но и особую этнополитическую общность. Конечно же, такой амбициозный внепартийный проект представлял опасность для большинства политических сил революционной России, для большевистской идеологии, но не для единства страны.

«В СОСЕДНЕМ БАШКОРТОСТАНЕ К СОБЫТИЯМ 1917 ГОДА ОТНОСЯТСЯ С ГОРАЗДО БОЛЬШИМ ТРЕПЕТОМ»

Всемирный конгресс татар в этом году проходил именно в те дни, когда 100 лет назад в Казани на совместном заседании трех Всероссийских мусульманских съездов была объявлена Национально-культурная автономия мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, – по сути, была принята ее конституция. И это событие стало истоком государственности Татарстана и татарского народа. Но сформированная Всемирным конгрессом татар современная «Милли шура» даже не особо потрудились объяснить с высоких трибун, откуда взялось такое название. О столетии автономии не было сказано почти ни одного слова.

К слову, в соседнем Башкортостане к событиям 1917 г. относятся с гораздо большим трепетом. Для башкирского народа это важнейшая точка национального возрождения: ровно 100 лет назад они смогли создать свою территориальную автономию. Благодаря башкирскому телевидению и исторической документалистике они смогли сделать из этих событий целый культ, символ своей государственности. Для татар 1917 г. также стал рубежным для формирования органов национального самоуправления, элементов автономии, кристаллизации национального самосознания, реализации чаяний национальной интеллигенции. Почему же татары оказались менее достойны своей истории революции?

Такой юбилей событий, круто изменивших судьбу народа, бывает только раз. Такого повода, как в этом году, – осмыслить бурное общественно-политическое наследие, понять, где истоки наших крутых изменений, – может больше не быть.

«СОЗДАНИЕ “ФЕНОМЕНА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТАТАР” НЕ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ МЕХАНИЗМОМ ВЫЖИВАНИЯ НАЦИИ»

Надо вспомнить, что в дни Форума татарских религиозных деятелей произошло перезахоронение останков казанских ханов Махмуд хана и Мухаммед-Амина. Событие тоже прошло довольно тихо, в то время как многим казалось, что это должна была быть похоронная процессия при большом стечении народа, с лафетами и пышной церемонией. К сожалению, всенародным событием назвать его нельзя. Время и место широко не анонсировалось. Получалось так: вроде бы наши ханы, но мы о них громко не говорим. Хотя, что тут такого? Логичным бы выглядело на церемонии перезахоронения и присутствие представителей других народов, ведь Казанское ханство – это многоэтничное государство, это часть истории народов Поволжья, часть истории Татарстана и России. Подавать эту историю как сугубо внутреннее дело самих татар означает воспроизводить парадигму противостояния разных коллективных памяти. Перезахоронение останков казанских ханов, должно было иметь не только важное этическое значение, но и еще раз подчеркнуть глубокие исторические корни татарстанской государственности.

Историческая память народов бывшего Казанского ханства о государственности сохранялась через века, чтобы, наконец, после революции 1917 г. на этой основе сформировались национальные республики в составе Российской Федерации. Вот только возникает риторический вопрос: должна ли государственность татар быть интегрирована в российскую историю или она будет продолжать оставаться ее антагонистом?

Если мы взглянем на пример Великобритании, то здесь история Шотландии и Уэльса тесно интегрирована в общebritанскую историю. Британская история буквально пронизана их символами и культурой. И это при том, что английский язык и культура являются безусловной доминантой современного мира: казалось бы, можно было бы не замечать свои «малые» народы. Валлийцы

пытаются удержать свой язык, активно лоббируют свою историю, используют символы своей культуры для создания из них общебританских символов культуры: например, ритуал инвеституры наследника британского престола (принца Уэльского) в замке Карнарвон в Уэльсе; образ короля Артура, сражающегося во главе кельтов против англосаксов, образ уэльского дракона и так далее. Шотландцы практически не владеют своим исконным языком, но романтизировали архаичные образы своей культуры, смогли навязать свой дискурс, с помощью экзотизации создали новую англофонную культуру и успешно продают ее образы, знакомые нам через голливудские фильмы. При этом здесь региональная идентичность превалирует над этнической.

В этом смысле создание «феномена русскоязычных татар» не может служить механизмом выживания нации. Мы не продвинули свои исторические и культурные бренды настолько, чтобы они были популярны на мировом уровне и являлись общепризнанными российскими символами. Пока татарской истории недоступны качество и эстетика турецкого телесериала «Великолепный век». Из-за отсутствия притягательной «упаковки» исторических и культурных символов языковая ассимиляция через одно-два поколения ведет и к коллективному забыванию своей этничности.

О «ТАТАРСКИХ СЮЖЕТАХ»

Если замахиваться на то, что татары – государствообразующий этнос, а Россия – наследник Золотой Орды и татарских ханств (и об этом должны знать все россияне), то на церемонии перезахоронения татарских ханов должен был бы присутствовать не больше и не меньше, чем сам Президент Российской Федерации. Пока же мы видим обратное: очернение династии Чингизидов в российских фильмах, в то время как в Англии снимаются телесериалы про валлийскую династию Тюдоров. В вышедшем недавно на экраны фильме «Легенда о Коловрате» образ Бату-хана способен вызвать у зрителя только отвращение, уловка с переименованием татар в «ордынцев» не удалась. И это при том, что такие фильмы поддерживаются Министерством культуры Российской Федерации.

Пока складывается так, что Россия в коллективном порядке и активно «забывает татарский след» в истории становления многих своих городов. Астрахань (Хаджи-Тархан), Саратов (Увек) и прочие начинают свою точку отсчета не с момента основания, а с момента присоединения города к московскому царству. Иначе получается «неудобная история».

Татарстан очень хорошо умеет лоббировать свои экономические интересы, активно участвует в федеральных целевых программах. Однако Татарстан за долгие годы не смог добиться федеральных денег на крупные кинопроекты, которые бы «перевернули» отношение к татарской истории в России. Реальность такова, что национальным республикам Российской Федерации придется доказывать свое право на существование. Именно деятельное продвижение «татарских сюжетов» в российскую историю и массовую культуру могли бы стать хорошим подспорьем для такого доказательства.

*Источник: <https://kam.business-gazeta.ru/article/367084>,
16 декабря 2017*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ЭТО БОЛЬШОЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ТАТАР, КОТОРЫЙ СФОРМИРОВАЛ НАС КАК НАЦИЮ»

Айрат Файзрахманов считает, что поднятый Рустамом Миннихановым вопрос судьбы Татарской слободы Томска должен стать началом целого движения

К началу XX в. во многих городах Российской империи были татарские слободы, к сожалению, многое из этого наследия уже безотвратно потеряно, констатирует в своей статье для «БИЗНЕС Online» Айрат Файзрахманов. Однако, воссоздавая образ татарской слободы, мы пространственно закрепляем татар на территории своего коренного расселения, фиксируем их след,

уверен наш автор. И это значимо для «Большого Татарстана», будучи важной составляющей его присутствия в других регионах.

«Республика Татарстан оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан».

Конституция Республики Татарстан, статья 14

«К НАЧАЛУ XX ВЕКА ВО МНОГИХ ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ БЫЛИ ТАТАРСКИЕ СЛОБОДЫ»

Татарская слобода Томска (Заисточье), наконец, дождалась внимания РТ. На 25-летию местного центра татарской культуры с участием Президента Татарстана Рустама Минниханова и губернатора Томской области Сергея Жвачкина был поднят вопрос сохранения слободы. По словам Минниханова, сюда будут направлены специалисты из Татарстана, они окажут поддержку. Если смотреть на перспективу, то при льготных условиях к специалистам мог бы подтянуться и татарстанский капитал.

Заисточье – одна из крупнейших слобод Сибири и одна из самых старейших в истории татар. Можно сказать, что она старше самого Томска и почти ровесница Старой татарской слободы Казани. Настоящий шедевр деревянного зодчества и очень атмосферное место со своей слободской жизнью. Что важно, там еще сохранилось соседское сообщество и историческая среда, сейчас чуть более 10% населения Заисточья – татары. В 2000-е территория слободы стала стремительно убывать, над ней нависла угроза полного уничтожения. Спихватились поздно, но ядро успели сохранить, процесс разрушения пока притормозился. Недавно в слободе была восстановлена так называемая Красная мечеть.

Как и везде, город съедает исторические территории, коммерческие интересы превалируют над историко-культурным, а местные власти при скудных бюджетах не могут обеспечить сохранность таких участков. Сейчас слободе явно не хватает капитальных вложений, а местный бизнес ориентирован лишь на застройку территории. Даже успешный пример 130-го квартала в Иркутске пока не особо вдохновляет бизнес вкладываться в воссоздание исторических поселений и в туристический кластер. Для этого нужны долгие деньги, осознание финансовых перспектив и наличие нематериальной мотивации. Хотя для Татарстана этот кейс понятен, о возможности его повторения в республике говорят не первый год.

Важно отметить, что к началу XX в. во многих городах Российской империи были Татарские слободы. До революции это были обособленные городские территории с татарским населением, центры экономической, культурной, религиозной и духовной жизни местных татар. И это большой период в истории татар, который сформировал нас как нацию. К сожалению, многое из этого наследия уже безвозвратно потеряно. Где-то осталась одна мечеть, например, в Новосибирске, один переулок или пара зданий, где-то еще сохраняется старая община, как в Старой Каргале близ Оренбурга, во многих слободах сменился этнический состав жителей, там уже ничто не говорит об истории татар.

За пределами Татарстана нет желания признавать, что тот или иной город заложен татарами или их предками, например, Астрахань, Самара, Саратов, Томск, Тобольск, Уральск и пр. Носителей этой истории остаются единицы. В итоге татары оказываются лишь пришлой диаспорой на своих коренных территориях. Например, на днях в Томске проходила большая школьная конференция «Мой край» – там не прозвучало ни слова о татарах! Казаки во главе с Ермаком оказываются героями-первопроходцами, освободителями, несущими луч прогресса. Историю переписывают и «забывают» на наших с вами глазах. И такая историческая амнезия может дорого обойтись народам России, особенно в Сибири, где дыхание большого восточного соседа ощущается остро. Конечно, совместить противостоящие друг другу исторические концепции сложно, но опыт их успешного диалога имеется. Жаль, что вместо культуры диалога национальных историй в России начинает побеждать право сильнейшего.

Немудрено, что даже в Казани местные жители 10 лет назад оказались против переименования улицы Клары Цеткин в улицу Бишбалты, хотя эта улица практически находилась в границах данного поселения. Конечно, на историческую амнезию наслонились сугубо административные методы в переименовании наших улиц. Что делать в этом случае? Напоминать историю, рассказывать ее жителям и доносить информацию о слободе через школы, кружки, находить старожилов, делать выставки старых фотографий, распространять информацию в СМИ и т. д.

«СЧЕТ 7:2, И ОН НЕ В ПОЛЬЗУ ТАТАРСКИХ СЛОБОД»

Определить точное количество Татарских слобод пока сложно. По нашим подсчетам, их цифра уже перевалила за 50: от Харбина на востоке до Гданьска на западе и от Тобольска на севере до Ташкента на юге. Где-то это территория этногенеза татар, где-то – результат миграционной политики местных властей или экспансии татарского капитала. Только в Казани существовало 7 слобод, которые можно назвать татарскими, – Старая и Новая, Барудия (Пороховая), Ягодная (Жиләкле), Бишбалта (Адмиралтейская), Плетени (Плэтэн), Колмаметьево (Колмэмэт). К сожалению, об их существовании большинство казанцев и не слышали. Татарские слободы разных концов страны могли быть связаны невидимыми узами торгового капитала. Мечети, доходные дома, особняки, построенные на средства Яушевых, Казаковых, Акчуриных, Хусаиновых и т. д., стояли в нескольких городах России.

Духовным и архитектурным каркасом, главным общественным пространством и фактическим административным центром Татарских слобод являлись мечети. Поэтому история слобод воссоздается большей частью на основе документов мусульманских общин – махаллей и рукописей, оставленных имамами мечетей. Лишь начало XX в. и разрешение на издание собственных газет дают нам более полное представление о культурной жизни Татарских слобод. Вот только беда в том, что число татар, умеющих читать на старотатарском, не увеличивается. В начале 1990-х был массовый интерес к старотатарскому литературному языку, но он угас.

В современной Казани многим может показаться, что татарское архитектурное наследие города восстановлено сполна. Есть мечеть Кул Шариф, есть Старо-Татарская слобода, есть восстановленные исторические мечети. Однако, не все так гладко. Счет 7:2, и он не в пользу Татарских слобод. Прошло два года с тех пор, как было громко заявлено о реконструкции Ново-Татарской слободы, и два года со времени погрома на кладбище. Здешняя историческая мечеть № 11, или «Белая мечеть», которой исполнилось 215 лет, не только не вернула себе минарет (дело весьма затратное), но и продолжает существовать в запустении. Мечеть «Иске Таш», построенная по преданию на месте коллективной могилы защитников Казани от войск Ивана Грозного, вынуждена тащить за свой счет ремонт здания, являющегося памятником федерального значения.

В то же время на другом конце исторического центра города восстанавливается храм-памятник воинам, павшим при взятии Казани. В Татарстане, особенно на территории двух культур, всегда старались соблюсти баланс: если восстанавливают мечеть, то восстанавливают и церковь. Не хочется думать, что в РТ случился сбой. Можно ждать инвесторов долгое время, сколько угодно вписывать исторические здания в инвестиционные проекты, но рушащийся фасад и протекающая крыша не ждут. К сожалению, пока указанные памятники татарской истории в списках восстанавливаемых объектов не значатся.

*«ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, ЧТО ТАТАРЫ – ЭТО СЕЛЬСКИЙ НАРОД, А ГОРОД НЕТИПИЧЕН
ДЛЯ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА ТАТАР»*

Вместе с тем начат процесс восстановления кладбища Бишбалты. Общественность добивалась порядка на кладбище более 10 лет, и власть нас услышала: оно внесено в список охраняемых объектов культурного наследия. С другой стороны, в проекте реконструкции Адмиралтейской слободы татарской истории отведен лишь этот объект, хотя здесь пустуют две площадки снесенных в 1980-е гг. мечетей, частично сохранились улочки Бишбалты с деревянными домами и национальным колоритом. Они бы отлично вписались в проект реконструкции слободы.

Более грустная история случилась с другим кладбищем. Пока мы делали запросы о возможности уточнения месторасположения старого мусульманского кладбища на территории 5-й гор-

больницы (клиника КГМУ), на предполагаемом месте кладбища, на месте сада со старыми липами (Бабайлар бакчасы) сделали парковку. Наверное, на этот раз уже без какой-либо возможности установить памятный знак.

Что важно, в советское время слободы оставались своеобразными «языковыми гнездами» в условиях русскоязычного города. Здесь теплилась национальная жизнь, могла существовать татарская школа, клуб, газета. За пределами этого «гнезда» татарского языка фактически не было. Даже когда массово стали закрываться татарские школы (с 1950-х гг.), в городских условиях несколько десятилетий сохранялся татарский язык, потому что это была моноэтническая среда, соседская община. Сейчас в татарском мире таких слобод практически не осталось. В конце советского времени слободы перестали существовать, ушел тот социальный институт, который поддерживал татароязычную среду. Воссоздать слободы в этом виде, конечно же, не получится.

Зачем же это наследие самим татарам? Принято считать, что татары – это прежде всего сельский народ, а город нетипичен для стереотипного образа татар. Сабантуй, бабушка с дедушкой и деревенский дом – это пожалуйста, но городская культура и татары пока не вяжутся в массовом сознании. Сейчас практически 70% татар уже проживают в городах, многие из них не ощущают своей сопричастности к городу, к его истории и культуре. Многие уже не сельские жители, но в то же время они еще не обрели полноценную городскую идентичность. Для этого важно найти себя в истории города и жить его проблемами. Здесь татары вынуждены подстраиваться под среду, теряя при этом свой язык, культуру, традиции. Отчасти лишь Казань, Арск и Болгар способны сформировать ощущение «своего города» в массовом сознании татар. Между тем вся история народа с момента зарождения государственности говорит об обратном: мы были, есть и будем оставаться народом с высокой городской культурой. И татарские слободы – тому материальное подтверждение.

Воссоздавая образ Татарской слободы, мы пространственно закрепляем татар на территории своего коренного расселения, фиксируем их след. И это значимо для «Большого Татарстана», это может быть важной составляющей его присутствия в других регионах и элементом его гордости. К тому же у самих татарстанцев (неважно, какого этнического происхождения) зачастую наличие татарского местечка с глубокой историей в городе, который они посещают, вызывает неподдельный интерес и радость за «своих» татар.

«ЭТОТ МОМЕНТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОСМЫСЛЕН В РАМКАХ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА»

Между тем мы продолжаем стремительно терять именно татарские слободы, они уже утонули в современном городе (и ничего не поделаешь, все сохранить не удастся никогда). Даже умершим деревням в плане сохранности везет больше, чем застроенной слободе. Татары, уехавшие из деревень, всегда могут вернуться на родную землю, ощутить ее дух, связь с ней, а потомок жителей Татарской слободы максимум может увидеть мечеть, которую посещал его предок. У многих татарских сел есть свои «святые места» (не путать со священными!), которые являются важным локальным кодом этноконфессиональной идентичности. У таких мест есть свои истории, традиции, смотрители и посетители, инфраструктура памяти, акты поминовения, туда водят молодое поколение, через них проходят свадебные маршруты, туда приходят на религиозные праздники. Ничего из перечисленного у татар Казани и других городов сейчас практически нет, эти вещи зафиксированы отрывочно, о них знает очень узкий круг специалистов и старожилов. Таким местом является разве что башня Сююмбике и октябрьский День памяти (Хәтер көне). Легенды, которые существовали вокруг исторических мечетей Казани, зачастую не могут воспроизвести даже сами служители.

Филологами вдоль и поперек изучены диалекты в татарских деревнях, а говор, например, жителей Новой-Татарской слободы почти не зафиксирован, не говоря уже о его изучении. Антропологи, этнологи, урбанисты тоже пока не подключились к этому вопросу.

Феномен Татарской слободы не осмыслен сполна, а вопросов возникает много: каковы границы территорий тех или иных слобод, сколько проживало здесь татар; почему какие-то слободы сохранили свою национальную атмосферу, а другие – нет; в каких-то слободах татары ассимили-

ровались, а в других еще продолжают держаться; что послужило причиной исчезновения и как восстановить память у потомков; как территориальная обособленность не мешала интегрироваться в социальную ткань российского государства и т. д.

«МЕСТНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ В «БАШКОРТИЗАЦИИ» ИСТОРИИ ГОРОДА»

В скором времени состоится очередной Всероссийский форум татарских краеведов. Это поистине массовое движение, но пока его не интересуют татарские слободы. Уже можно собрать огромный портал по истории сел и городищ, оцифровав тома локальных историй (сделать это усилиями местных энтузиастов вполне возможно), можно выложить терабайты фотографий, создать глобальную «карту татарской географии». Однако в «татарской географии» слободы будут представлены лишь трудами нескольких исследователей: в 1990-е гг. большая работа по изучению истории городских махаллей Татарстана была проделана доктором исторических наук Радиком Салиховым и Р.М. Хайрутиновым, история более сотни махаллей уральских городов изучена челябинским исследователем Денисом Денисовым. Из других городов неплохо изучена татарская слобода Москвы – здесь больше деталей, живых историй, интеллектуально насыщенных экскурсий. Петербург осмысляет этот феномен в категориях «ислам и город» – и это очень перспективное междисциплинарное направление, с большим практическим потенциалом. Но отдельная боль – это процесс забвения татарской Уфы. Процесс обоюдный – местные специалисты заинтересованы в «башкортизации» истории города (и это нормально), а татары продолжают терять свой некогда главный город.

Мечеть 1910 г. постройки в Челябинске сейчас находится в очень неприглядном виде, функционирует как Городской экологический центр. После Татарстана и Башкортостана Челябинская область – это регион, где живет самое большое количество татар. Местный конгресс татар инициировал грандиозный фестиваль «Татар кызы», а вот на возвращение своего исторического наследия у них пока не хватает сил или, возможно, осознания проблемы, понимания того, как татары могут вернуть свое наследие. Попытка сноса дома имама Сатаева в Уфе тоже показательна: даже имея представительство Татарстана в Уфе, имея своих депутатов, организации, академический театр, «официальные» татары практически никак не включились в борьбу за свое наследие. Третья мечеть до сих пор не возвращена общине, самое время обратиться к новому главе Башкортостана! Но пока все тихо.

Да, мы катастрофически не успеваем: умирают последние старожилы, готовятся к сносу дом имама Сатаева и дом, где жил видный татарский просветитель Зыя Камали, теряются рукописи, пересыхают истоки, празднуются другие юбилеи. Так, у Новосибирского водохранилища на Оби был установлен мемориал в честь «светлой памяти победителей над ханом Кучумом», а в этом году праздновалось 420-летие победы сибиряков в Ирменском сражении. Только непонятно, что делать татарам. Радоваться вместе с сибиряками?

Но даже если слободы исчезли на 99%, важно успеть зафиксировать культурные коды территории, узнать истории, не написанные в исследовательской литературе. Можно расписать экскурсионные маршруты, собрать сборник легенд, баек и рассказов местных жителей, сформировать перечень локальной топонимики, карты значимых объектов, поработать над воссозданием локальных сообществ. Как рекомендуют эксперты, если слободе предстоит реконструкция, важно изучить мнение жителей, сформировать независимое градостроительное заключение, дать рекомендации для проектантов. Вся подобная информация может послужить основой для концепции будущего Татарских слобод с тем, чтобы это попало в планы государства, а не превратилось в гламурное, но не наполненное жизнью пространство.

«ПРОИСХОДИТ СТИХИЙНЫЙ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ «ТАТАРСКИХ СЛОБОД 2.0» НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАНИ»

Это верно и для всех казанских слобод. В столице РТ мог бы появиться «кочующий» фестиваль казанских слобод: Старо-Татарской, Архангельской, Ново-Татарской, Адмиралтейской, Ягодной, Пороховой и пр. – прежде всего для самих казанцев, для местных жителей. Благо в некоторых слободах это

движение уже есть. Без излишнего пафоса, заорганизованности, без ожидания первых лиц. Это нужно для того, чтобы слободы показали историческое и сегодняшнее культурное богатство, жители познакомились друг с другом, чтобы на открытый воздух вышли коллективы ДК, школы, училища, вузы, общины мечетей и церквей. Это могла бы быть череда открытых, бесплатных экскурсий, открытых театральных представлений, зарисовок, знакомств-посиделок, настольных игр. В этом случае появился бы более конкретный запрос на общественные пространства. Например, в маленьком Уруссу смогли сделать подобный проект под названием «Место встречи». Несмотря на свою уруссинскую специфику, он мог бы быть перенесен и на почву Казани и Татарских слобод за пределами Татарстана.

Для всего этого нужна системная работа и хотя бы массовый исследовательский интерес к проблеме. В рамках стратегии развития татар речь может идти о программе реабилитации Татарских слобод. Здесь важно наличие сильной группы юристов, которые, пользуясь правом на реституцию, могли бы возвращать мечети, здания медресе, дома видных татарских деятелей с дальнейшей передачей их татарским автономиям, национальным школам и детским садам. Тем более во многих Татарских слободах уже работают центры татарской культуры, есть откуда стартовать. Теперь же пришло время возрождать в регионах свои образовательные центры по примеру еврейской школы в Казани с ее знаменитым школьным автобусом, который собирает детей со всего города.

При этом происходит стихийный процесс формирования эдаких «Татарских слобод 2.0» на территории современной Казани, и исследователи практически не замечают этого процесса. Так, например, в Салмачах, Клыках, Куюках формируется соседское татарское сообщество. Происходит своеобразное воспроизводство сельского идеала: большой дом, высокий забор, обособленная жизнь. Пока единственным общественным пространством в данных микрорайонах остается мечеть. Однако укорененность в религии у татар не такая, как 100 лет назад, да и современный ритм жизни формирует иной режим и городские практики. Поэтому новым слободам нужны общественные пространства с учетом этнокультурных особенностей. В деревнях на территории Татарстана отремонтированы или заново отстроены дома культуры, сельские клубы. В Казани же есть поселки с большим количеством татарского населения, которые могут быть в несколько раз больше, чем сельское поселение, они сравнимы с райцентром и могут не иметь ни одного общественного пространства, не видеть ни одного культурного события на своей территории. Если сравнить сельское население и жителей подобных обособленных микрорайонов в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске и вокруг них, то татар, живущих на таких территориях, может оказаться даже больше, чем татар, которые действительно живут в настоящих деревнях. И вот этот момент тоже должен быть осмыслен в рамках стратегии развития татарского народа.

*Источник: www.business-gazeta.ru/article/404629,
2 декабря 2018.*

* * *

Рустам Курчаков

СОВЕТСКО-СТАЛИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО ПО-ПРЕЖНЕМУ СКВОЗИТ ИЗ ВСЕХ ЩЕЛЕЙ «ДЕРЖАВНОГО» УСТРОЙСТВА*

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ РАЗРЫВ ПОКОЛЕНИЙ

Если принять в расчет бесчисленные потрясения прошлого века, то получается, что поколенческий разрыв уже превысил человеческий век. Такие потери не проходят даром. И неважно, будете вы диагностировать этот разрыв поколений на примере страны, своего народа или семьи, результат и симптомы примерно одинаковы, пишет, продолжая цикл исторических заметок, автор «БИЗ-НЕС Online» Рустам Курчаков.

* Часть 13 большой серии статей.

ПОСМОТРЕТЬ ПРАВДЕ В ГЛАЗА

Если всерьез решать задачи мобилизации духовно-нравственного потенциала, который необходим для обустройства лучшего будущего, то надо посмотреть правде в глаза. А правда в том, что за годы безвременья, когда подлинные ценности народа были забыты, принесены в жертву мнимым и временным ценностям или даже утрачены в сознании многих людей, образовался разрыв между старшими и молодыми поколениями.

Недавнее советское прошлое еще сохраняло и даже отчасти культивировало черты и скрепы традиционного общества, пусть и в искаженном идеологией виде. Народы СССР, хотя и в разной степени, в короткие мирные периоды советской истории получили возможность возрождения и развития национальной культуры. Культура, в строгом смысле, является предметным, зримым воплощением духовных ценностей народа. Поэтому, даже в условиях жесткой идеологической системы, появлялась возможность как-то «вписать» ее в материалистическую советскую действительность. Более того, талантливый человек мог иногда «контрабандой», несмотря на цензуру «соцреализма», донести до своего народа незримые ценности, чуждые официальной идеологии. Правда, этот путь, как известно, был усеян многими жертвами.

Но даже с этим недавним прошлым теперь образовался временной разрыв более четверти века, то есть время активной жизни целого поколения. А если принять в расчет бесчисленные потрясения прошлого века, то получается, что поколенческий разрыв уже превысил человеческий век. И такие потери не проходят даром. Чтобы это понять, достаточно сопоставить 12-летние циклы взросления человека (фрагменты этого знания сохранились в Библике) с хронологией событий за последние 30, 50 и 100 лет. И неважно, будете вы диагностировать этот разрыв поколений на примере страны, своего народа или семьи – результат и симптомы примерно одинаковы.

Для татарского народа – это вековой разрыв, который отделяет нас от образовательного и культурного взлета, джадидистских реформ конца XIX – начала XX вв. Этим опытом вековой давности ни в коем случае нельзя пренебрегать. И он не должен стать лишь поводом для ностальгических печалей. Например, говоря о современных проблемах родного языка, следовало бы в практической плоскости вспомнить и осмыслить опыт тройной реформы письменности в школах Советской Татарии в 30-е гг. Когда за короткий период школьное обучение перевели сначала от традиционной для татар арабской графики (Элифбэ) на латиницу, а затем через какое-то время – на кириллицу. Да, с одной стороны, это шок и травма, которую нынешняя школа вряд ли выдержала бы. А с другой... не раз встречал людей старшего поколения, которые сумели даже из этого извлечь пользу – пригодилось.

Надо просто спокойнее и мудрее осваивать уроки своего прошлого. В конечном счете, если наверху пирамиды «кадры решают все», то внизу, в реальной жизни всё зависит от нас самих...

И ВНОВЬ ИСПЫТАНИЕ...

Скажем прямо: старшие поколения уже выработали свой ресурс, и в лучшем случае единицы, но уже не весь человеческий потенциал этих поколений, способны мыслить и действовать адекватно духу времени – по причинам «физического и морального износа». Молодые же поколения, которые по природе вещей всегда более восприимчивы к новому, с его новыми вызовами, возможностями и угрозами, уже тяготеют старой мировоззренческой матрицей, за которую по инерции держатся старшие.

Травма духовного стержня и родовой памяти привела к тому, что у молодого и старшего поколения сегодня во многом разные ценности, оценки и взгляды на будущее. Но, ведь, такие травмы лечатся не навязыванием своего мнения и принципов, а только терпеливым диалогом – как это бывает в дружной семье. Действующие социальные институты, в том числе те, которые призваны решать национальные вопросы, при всем уважении, вряд ли способны выполнить в этом вопросе решающую роль – причины очевидны. К тому же, пресловутая «геронтократия», которая была отличительной чертой Системы на излёте СССР, как-то незаметно перекочевала и в нынешние институты. Как видно, по естественным причинам...

Таким образом, это уже новое, современное испытание родовой памяти и веры. Проблема эта незрима, ее не видно на поверхности жизни, но если ее не решить и не соединить порванные нити, то образ будущего, без прочного фундамента, повиснет в неопределенности и запутается в неосознанности происходящего. Это мы уже проходили...

Проблема разрыва поколений касается не только татар, а всех остальных народов бывшего Союза ССР. И, может быть, стоит пока, не замахиваясь на долгосрочные стратегии, сосредоточить силы на выработке конкретной и понятной всему народу среднесрочной (на 3–5 лет) программы самых неотложных мер в сфере татарского языка, образования и культуры. Причем, понятной не только самим татарам, но и русским и всем другим. Чтобы от эмоциональной разногласности, вздорных претензий и надуманных подозрений постепенно двигаться к разумному сотрудничеству народов, без которого невозможно обновление жизни в России и каждом ее регионе, как его ни назови.

А главное – наладить народный контроль за каждым пунктом выполнения такой программы. То есть заняться исцелением своих социальных недугов, а не просто припудриванием болячек для пиара и «фейс-контроля». Если же ты реально живешь только сегодняшним днём и мыслишь на воробьиный скок, то от планов на 30–50 лет, то есть на поколения вперед, – от таких планов только голова закружится...

О ФАЛЬШИВЫХ «СКРЕПАХ» И «ЗАНОЗАХ»

Разумеется, на фоне поколенческой проблемы сразу же становится видна фальшивость некоторых современных подделок «под духовность», «религиозность» и прочих подручных «скреп», используемых за неимением прочного внутреннего стержня. Как пример – фальшивый «образ Зулехи, открывающей глаза», запущенный в массовое сознание по низкоидейной, но высокобюджетной орбите. Травма духовного стержня и родовой памяти – именно эта тема весьма своеобразно раскрывается в романе Гузель Яхиной.

Разумеется, «каждый пишет, как он дышит», и от ошибок спасает не цензура (Боже упаси!), а внутренний такт, производный от творческого дара. Но если и фильм, снимаемый по роману, будет пущен в прокат под тем же названием, то получится упрощенный для «чурок» парафраз известного квази-масонского фильма «С широко закрытыми глазами» (Eyes Wide Shut, реж. С. Кубрик, 1999) с Томом Крузом и Николь Кидман в главных ролях. Можно сказать, учебный фильм для тренировки способности различать суть от «мистической мути». Во всяком случае, он интереснее, чем упрощенный вариант манипуляторов «татарской темой».

Обратим внимание, что до сих пор такая массовая культур-продукция, задевающая национальные чувства, (вроде фильма-пустышки «Орда») изготовлялась в «нетатарской» среде. Поэтому ее низкое качество и провокативный эффект можно было списать на счет непрофессионализма и бестактности изготовителей, объяснить просчетами минкульты, погоней за кассовыми сборами и т. п.

Но в данном случае речь идет о «занозе», которую – сознательно или по недомыслию – «вживляют» в самую болезненную точку национального самосознания. Разрыв между нынешними поколениями (в возрасте до 35–40 и теми, кому за 50–60) – это одна из ключевых проблем сохранения и развития татарского народа. Она прозвучала и на недавнем «круглом столе» «БИЗНЕС Online» с участием младотатар.

Любимая многими и по праву уважаемая за свою общественную деятельность, актриса Чулпан Хаматова, приглашенная на роль Зулехи в снимаемом по роману фильме, не так давно в беседе с Катериной Гордеевой (опубликовано в сетевом проекте Людмилы Улицкой «Время колотить лед» – занимательная социология современной поколенческой истории) рассказала о тех психологических причинах (по сути, «разрыв родовой памяти»), которые заставили ее покинуть Казань и найти себя в ином культурном пространстве. Отнесемся к этому с уважением и терпением («сабыр»), тем более что это касается многих и многих. Надо понимать, что подобные травмы и царапины лечатся временем и терпением, но не «эмоциональными наркотиками». И нужно проявлять разумную осторожность, чтобы не попасть в руки «знахарей-манипуляторов».

Верно говорят, что нет худа без добра, и пусть выброшенная в массовое сознание тема «Зулейхи» (имя возлюбленной коранического Юсуфа в знаменитой поэме Кул Гали – случайно ли?) станет индикатором степени его зрелости и «вирусоустойчивости».

НЕЛЬЗЯ ВЫБИРАТЬ ПРОШЛОЕ ЦЕНОЙ БУДУЩЕГО

Почему мы так контрастно и даже утрированно разбираем фигуру Сталина в роли социального и религиозного реформатора? Да потому что советско-сталинское наследие – и добротная, и прогнившая его часть – по-прежнему светит и сквозит из всех щелей и институтов нынешнего «державного» и общественного устройства. Как говорится, «разуй глаза и посмотри!». Ни хрущевское, ни брежневское не светит, потому что в них не было жизненной энергии, а только инерция.

Это наследие еще не ушло, как положено, в историю. Потому что отжившее и прогнившее не похоронено, но активно дискутируется и раскалывает массовое сознание на враждующие части. А из добротного не извлечены полезные уроки и заделы на будущее. Чтобы это понять, надо только несуетливо оглянуться на окружающие нас социальные институты и сопоставить их с прошлыми – сравнить по сути, а не по декору.

Иногда, по разным поводам, повторяют расхожий штамп – дескать, у нас теперь не 37-й год! А вы посмотрите внимательно вокруг – ну, хотя бы на одно из самых заметных и обсуждаемых. К примеру, причудливо протекающий процесс «антикоррупционной борьбы». Какие же чувства, эмоции и мысли вызывает он в массовом сознании, в верхах и низах? И не напоминает ли это беснование митинговых толп 30-х годов прошлого века (еще и ста лет не прошло!) по поводу «врагов народа» и «уклонистов» от партийного курса. Казалось бы, деидеологизация избавила Систему от былой жесткости. Но теперь «закручивание гаек» и «зажим винтиков» происходит с не меньшей силой. Разница лишь в том, что это «сжатие» идет в неформальном кланово-коррупционном пространстве, которое только частично подконтрольно государству и законодательству. Но уже проникло во все поры общества. Потому и говорят: «Беспредел»...

Учитывая опыт пройденного, может, стоит попробовать по-другому лечиться от наследственных социальных болезней? В первую очередь, диагностировать их корни, а не только симптомы. Ведь, первая заповедь врача – не навреди, а разберись сначала, прежде чем лечить и оперировать. И вспомнить золотое правило: «Не сотвори себе кумира» – ни из фараона, ни из золотого тельца.

Не берусь судить о том, многие ли готовы об этом задуматься – о корнях сегодняшних проблем, исторических и родовых. Чаще звучит другое: надо использовать китайский (то есть «ордынский») пример искоренения коррупции... Не понимают, что Китай – это и есть та самая пирамида, которая выстроена по советско-фараонской модели, только гораздо выше, тяжелее и мощнее. В которой, кстати, так же «выровнены» и уложены кирпичами все народы страны – пять основных и еще многие малые, которые записаны в единый «ханьский народ». Только вот уйгур осталось обтесать и вписать...

ИЗВЛЕЧЬ УРОКИ И ПОМНИТЬ СРОКИ

Подводя черту под сталинским наследием, ограничимся сказанным и вспомним, что созданная под руководством Сталина советская империя недолго просуществовала после его смерти. А пресловутая «мина замедленного действия», разорвавшая СССР по так называемому «андроповскому плану», заложена была вовсе не Владимиром Ильичем, а Иосифом Виссарионовичем. Хотя оба великих вождя до конца не ведали, что творят.

Советский Союз в итоге повторил судьбу империи Чингисхана и царства Ивана Грозного – они быстро утонули в династических и номенклатурных разборках, неосознанности происходящего, религиозных расколах и смуте.

И стоит ли повторять то, что не прошло проверку временем? Зато стоит взять из прошлого то, без чего никакой фундамент не выдержит предстоящих перемен.

История циклична, но через сотню лет требуется новый ответ на вечные вопросы. Нового ответа пока нет. Нет и не будет его и у действующих «элит». И не только по причине их качества, но и по самой природе власти, присущей российской цивилизации (об этом – позже). Поэтому ответ

предстоит выработать терпеливой совместной работой всех народов России – больших и малых. В ней, заодно, родятся и адекватные формы общественного устройства и государственности. Это работа для тех, кто не согласен оставаться в фараоновом царстве.

В сталинском Союзе ССР были четкие и жесткие сроки, потому что было понимание – «надо быстро догонять, иначе сомнут». Сроки на стройках социализма измерялись пятилетками, а в лагерях ГУЛАГа, как правило, десятилетиями. С тех пор и до наших дней сроки все больше размывались и уходили в неопределенность, как и образ будущего.

Теперь, как видно, страна уже перешла порог перемен, когда сроки будут определяться не «бумажными стратегиями» и не «национальными проектами», а «обстоятельствами непреодолимой силы», «точками невозврата» и «точками бифуркации». Это на языке политологии и социологии, а религиозный человек увидит в этом проявление неотвратимой Божией воли. Может, оно и к лучшему – на всё воля Всевышнего. Раз уж самим ума не хватило обустроить свою жизнь...

Теперь понятно, что волны глобального финансового кризиса (2007–2012 гг.) были только прелюдией цивилизационных перемен. Первая волна этих перемен уложила в 2013–2018 гг. Взгляды ваясь в обозримую перспективу и учитывая груз нерешенных проблем, можно предположить, что вторая волна перемен потребует еще 3–5 лет. Но при этом каждый год будет за три, а то и за 5–10. Так в нашей истории не раз бывало.

Время пошло!

Мартовское (новогоднее) новолуние в Горно-Алтайске, 2019.

С НОВЫМ ГОДОМ ПО СОЛНЕЧНОМУ КАЛЕНДАРЮ!

Встречая Новый Год – Науруз – еще раз повторим: прошедший 2018 г. подвел окончательную черту под советским наследством. Знаки очевидны даже для тех, кто до последнего держался иллюзии так называемого «социального договора» власти с народом.

Это ликвидационная пенсионная «реформа», предпринятая властью даже не по финансово-экономическим, а мобилизационно-политическим причинам.

Это цепная реакция техногенных, экологических и морально-политических катастроф, открывающая бездну хозяйственной и психо-соматической разрухи, образовавшейся по естественным причинам, после того, как окончательно изношены и расхищены остатки советского хозяйства.

Это и тупиковость «борьбы с коррупцией», которая, если следовать логике действующего законодательства, может означать на деле лишь подрыв существующего общественно-политического строя – Боже упаси! А в половинчатом, избирательном виде приведет к власти и управлению только худших из худших – тоже не дай Бог!

Но... воспрянем духом! Ведь, весенний Новый год всегда дарит надежду на обновление Природы и человеческих отношений. В связи с этим, думаю, уместно прозвучит обращение пассионарного евразийца Павла Зарифуллина, нашего земляка (родился в Казани, учился в Казанском университете), который лучше многих понимает, почему тюрко-иранский Науруз переплетается с русскими обрядами на Пасху и Ивана Купалу, отзывается в исторической памяти, в живых славянских сердцах и подсознании:

«Науруз – это и наш русский традиционный праздник. Он напоминает нам те блаженные времена, когда предки славян отмечали новый год весной.

И между славянским, тюркским и иранским мирами не было религиозных и государственных границ.

Когда мы были единым целым страны Востока. Царством праздничного Науруза! Когда Цари-Кочевники на колесницах распространяли ценности нашей евразийско-скифской цивилизации далеко на Юг и на Запад. Во все стороны – в Индию, Египет, Европу, Китай.

Когда Время Науруза царствовало над Евразией».

Потому с Новым годом, друзья!

С Русским Скифским Евразийским Новым годом!»

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/418881>,
31 марта 2019.*

«ДУХОВНОЕ ЯДРО ТАТАРСКОГО НАРОДА ВО ВСЕ ВРЕМЕНА СОХРАНЯЛО НЕПРЕРВАННУЮ ТРАДИЦИЮ ЕДИНОБОЖИЯ»*

«СВЕТСКИЙ ИСЛАМ» И ТРАДИЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Коран следует единой линии откровений и пророчеств, поэтому не делит живую веру на религии. Другое дело, что исторический ислам отошел от коранического откровения, повторил ошибки предшествующих религий и сам превратился в отдельную религию, пишет, продолжая цикл исторических заметок, автор «БИЗНЕС Online» Рустам Курчаков. Он рассказывает про особенности исторического ислама у казанских татар.

ЖИВАЯ ВЕРА И РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ

В ускоряющемся потоке перемен происходит переоценка ценностей, исправляются имена и восстанавливаются изначальные смыслы. Пришло время для четкого различения религии и веры.

Понятие «религия» возникло еще в греческой древности в связи с переменной способа мировосприятия в массовом сознании – сдвигом от образно-символического к рационально-логическому восприятию. Это слово происходит от ряда глаголов латинского корня, близких или родственных по смыслу:

- religare – связывать, соединять;
- reeligere – воссоединять;
- religio – восстанавливать покорность, зависимость, преданность.

Этим словом тогда обозначали постоянные действия, усилия устремленного к вере человека по восстановлению некоего утраченного состояния, в котором человек непосредственно ощущал свое единство с миром, творением и Творцом.

Первоначально, на этапе целостного предметно-образного восприятия, эта связь и отношения проявляются во взаимодействии с Природой и формируются матрицей Природы. В оформившихся позже религиозных системах этот способ живневосприятия толкуется как язычество.

Затем, по мере развития рационального мировосприятия, подлинная связь и отношения человека со Всевышним раскрываются через вспышки откровений, ниспосылаемых по единой линии пророчеств и фиксируемых в Книге писаний. Энергия откровений возрождает в народах свет живой веры, которая наполняет жизнь смыслом и не нуждается в рациональных объяснениях, понятиях и внешних культах.

Но по мере того, как воспринятая энергия пророчеств и обретенная живая вера постепенно угасают в человеческой массе исторических народов, подвергаясь искажениям, лицемерию и самообману, возникает особый институт для консервации, укрепления и охранения рационального «осадка» веры и рассудочных аспектов связи человека с Богом. И дальше он используется для укрепления морали, общественного влияния и политической власти.

В результате сублимации живой веры она становится всего лишь поводом для укрепления социальных позиций религии и удобной формой для особых технологий внешнего манипулятивного управления. В данном случае сублимация обозначает особый механизм человеческой психики, посредством которого энергия внутреннего напряжения (вдохновение, озарение, интуитивное знание, спонтанное решение проблемы и другие измененные состояния сознания) перенаправляется на внешние мирские цели, задачи и действия.

Сублимированная вера сначала существует в форме конфессии – союза единоверцев. Помимо искренне верующих, в них объединяются разного рода «попутчики», «последователи» и «равно-

* Часть 18 большой серии статей.

душные», которые лишены внутреннего напряжения веры и обращают внимание лишь на социальную форму и материальные преимущества принадлежности к конфессии.

И постепенно, по мере дальнейшего усиления социальной обусловленности на основе однородных конфессиональных союзов выстраивается институциональная религия, опирающаяся на церковь, священнослужителей, канонизированные обряды и религиозные догматы. А дальше – только от соотношения энергии живой веры, хранящейся в «тайниках сердца», и силы социального принуждения зависит, как скоро институт религии окажется во власти «Князя мира сего».

О ТРАДИЦИОННОМ ИСЛАМЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР

В российском исламе и православии доминирует представление о вере («иман»), а не понятие религии в смысле внешнего института. В этом своеобразии исторического опыта правоверных и православных: социализация живой веры трансформировала массовое сознание верующих в меньшей степени и в иных формах, чем в западных конфессиях.

Коран следует единой линии откровений и пророчеств, поэтому не делит живую веру на религии. «Те, которым дано писание, разделились в мнениях уже после того, как получили знание, из ревности одних к другому» (К.3:19). Другое дело, что исторический ислам отошел от коранического откровения, повторил ошибки предшествующих религий и сам превратился в отдельную религию.

В связи с этим важно отметить особенности исторического ислама у казанских татар, которые повлияли на формирование самобытной традиции, сыгравшей свою роль на важном для татарского народа историческом переломе конца XIX – нач. XX вв.:

- Духовное ядро татарского народа во все времена сохраняло непрерывную традицию единобожия по линии Тангре – Ходай – Алла. Это, само по себе, утверждает в сознании единую линию откровений и подчеркивает условность религиозных различий для тех, кто исповедует живую веру.
- Исламская конфессия казанских татар («северный ислам») существовала не в составе ближневосточных халифатов, а в условиях исторической, географической и политической автономии. В итоге эта конфессия не превратилась в религиозный институт, включенной в российскую систему власти и управления. При всем трагизме обстоятельств утраты казанскими татарами своей государственности, нельзя игнорировать тот факт, что насильственное включение казанских земель в состав российского государства и последующий социальный гнет под статусом Казанской губернии в составе Российской империи – все эти драматические события, в определенном смысле, послужили фактором консолидации татар в мусульманскую конфессию, ставшую основой для сбережения народа и его последующего развития.
- Практическая приоритетность, эффективность и более существенная значимость человеческих отношений и деловых связей в среде единоверцев-мусульман как в Поволжье, так и за его пределами («товарищество, партнерство на вере»). Приверженность ценностям и нормам ислама в развитии отношений «по горизонтали» на протяжении как минимум трех столетий (XVII–XIX вв.) была гораздо более значимым условием не только развития, но и выживания татарского народа, чем формальное «подданничество» казанских татар в системе имперской российской вертикали.
- Для значительной части татарского социума принадлежность к мусульманской конфессии была не менее, а иногда и более значимой, чем идентификация с определенной этнической группой. Не случайно даже в качестве национального самоназвания часто использовалось название конфессии («мы мусульмане»).

Родовая и конфессиональная память для человека, как правило, более значима и устойчива в процессе социально-семейного наследования, чем сознание принадлежности к политической нации. Как показывает исторический опыт, для большинства народов нация как форма социальной общности – это весьма условный и преходящий феномен, возникающий в связи с конкуренцией за раздел ресурсов – ресурсов политического влияния, сырья и рынков.

Именно исторически обусловленное качество мусульманской общины и характер всего спектра отношений, развивавшихся на конфессиональной основе («совместная жизнедеятельность на вере») стали определяющими в формировании самобытной традиции ислама казанских татар. «В татарском обществе еще живо стойкое убеждение, что именно ислам сохранил духовную культуру народа, вопреки многочисленным лишениям и притеснениям».

ТРАДИЦИЯ ОБНОВЛЕНИЯ

Традицией, которая прочно утвердилась и дала вполне зримые положительные результаты в исламе казанских татар в конце XIX – нач. XX вв., стала традиция обновления – джадидизм. Она явилась продуктивным ответом татарского народа и его духовных лидеров на глубокие социально-политические трансформации, происходившие в российском обществе того времени.

Укоренившийся в народной массе ислам стал основой для религиозного, просветительского и социально-политического реформаторства, нацеленного на формирование татарской нации и усиление ее социальной активности в большой и неравноправной семье российских народов. Эти социально обусловленные цели не были достигнуты в полной мере, а национально-демократическое движение татар остановлено на полпути 1917 г., расколото Гражданской войной и поставлено на паузу последующим политическим режимом.

Оценивая подлинное наследие джадидизма, значимое не только для настоящего, но и для будущего татарского народа, можно обозначить его одним емким словом – просвещение. Оно передает суть обновления исламской конфессии, системы образования и общественно-политических идей татарского общества. Общим для всех реформаторов того времени намерением было стремление вывести татарский народ на ясный свет веры, научного знания и национального самосознания, чтобы занять достойное место в мире.

По существу это особая модель «Просвещения по-татарски». Ее результаты, исход и судьбы реформаторов обычно оцениваются в пессимистических тонах, хотя стоит обратить внимание на нерастраченный потенциал этого просветительского движения, который выходит за рамки не только XIX, но и XX в.

Корни «исторического пессимизма» в основном объясняются тем, что идеология национального движения 90-х прошлого века при всей его протестно-митинговой активности не смогла в полной мере задействовать потенциал реформ начала прошлого века и реализовать его в новых условиях.

Основное отличие джадидизма от западноевропейской модели Просвещения состоит в том, что деятельность татарских просветителей происходила не в борьбе с религией, а именно на основе исламских ценностей. И хотя критика клерикализма была частью движения джадидов, она направлялась не на исламские религиозные институты (таковые в конфессии казанских татар существовали лишь в зародыше), а на освобождение ислама от средневековых предрассудков.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ИСЛАМ

В татарском обществе еще живо стойкое убеждение, что именно ислам сохранил духовную культуру народа, вопреки многочисленным лишениям и притеснениям. Вполне очевидно, что этот судьбоносный ислам – не религия и не замкнутая конфессия (механизмы конфессиональной защиты включались у татар только в связи и под давлением «православного миссионерства»), а жизнеутверждающая вера – «Дин», что по смыслу означает единство преданной веры Всевышнему, образа жизни и общего закона для единоверцев.

Обратившись к первоисточникам татарского просвещения, несложно понять, что его немеркнущий образ применительно к современности можно истолковать как «светский ислам», а своеобразие сложившейся в уникальных исторических условиях мусульманской конфессии следует рассматривать в контексте исторической миссии и предназначения казанских татар.

«Светский ислам» в умах религиозных адептов и профессиональных богословов может вызывать когнитивный диссонанс. Такая реакция объясняется просто: в массовом и научном сознании

действует старая прививка евроцентричного взгляда на прогресс вообще и на Просвещение в частности.

В Европе Просвещение рождалось в ожесточенной и длительной борьбе между рациональной наукой и иррациональной верой, охраняемой церковью. Ожесточение этой борьбы привело в конечном счете к расколу западных социумов на разнородные индивидуально-приватные части, которые соединяются только в правовом поле (примат «юридических скреп» – специфика западных сообществ). Цепная реакция распада была спровоцирована принудительной силой закона, закрепившего «свободу совести».

Когда же «свобода совести» превращается в принцип и норму права, это означает фактически гораздо более грубое тотальное вторжение во внутренний мир человека, чем это позволяла себе церковь. А под прикрытием данного формального права «свободы совести» завершается окончательное отделение от совести институтов церкви и государства, а теперь и «гражданского общества». «Совесть» как связь с единым заменяется моралью, мораль подпадает под право, а социальные институты формируются в цивилизованное «царство Князя мира сего».

Интеллектуально-духовный раскол, характерный для западных социумов, разделил общественную жизнь на религиозную и светскую часть, на священное и мирское. Ничего подобного не могло быть в просветительском движении казанских татар, в сознании которых ислам и наука гармонично связаны.

Стремление к светоносной вере, «сияющему Корану» (А. С. Пушкин) было неотделимо от усилий по освоению современных научных знаний и включению в образовательные программы медресе светских наук и русского языка, вопреки противодействию царских чиновников, которые в просвещении инородцев видели угрозу подрыва основ государства.

По существу на рубеже XIX–XX вв. обновленцы-просветители казанских татар стали едва ли не единственными из числа духовных лидеров мусульманского мира, кто после сотен лет консервативно-клерикального застоя возродил светоносную энергию коранического Откровения, которая не случайно перекликается с образами Евангелий от пророка Иисуса (Исы): «Бог есть свет небес и земли» (К. 24:35).

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/blog/423212>,
5 мая 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ПОПЫТКА ВОСХВАЛЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО ВЫЗЫВАЕТ В ТАТАРСТАНЕ ОТОРОПЬ»

Айрат Файзрахманов о том, почему установка памятника Ивану IV в чувашском Алатыре будет расценена татарами как «черная метка»

Администрация города Алатырь запустила онлайн-голосование об установке памятника Ивану Грозному, обосновывая это тем, что именно он является основателем поселения. Однако автор «БИЗНЕС Online», кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов напоминает, что Алатырь упоминается в источниках как один из городов Казанского ханства, а кроме того, есть документы, которые указывают на вхождение города в состав владений казанских беков задолго до прихода сюда московских войск.

«РАСКОЛ ОБЩЕСТВА ПО ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКЕ УДОБЕН»

В Алатыре Чувашской Республики отделом культуры местной администрации снова поднят вопрос об установке памятника Ивану Грозному как основателю города и «выдающемуся политику и мыслителю своего времени». Именно с таким обоснованием на сайте администрации города ор-

ганизовано голосование за или против установки памятника. Кстати, в нем может принять участие каждый. В противовес этой идеи можно приводить множество фактов об ужасах опричнины и массовых казнях, самодурстве и деспотическом характере власти Ивана IV, о пагубных последствиях его политики и кровавых завоеваниях. Не будем забывать, что Алатырь входит в состав Чувашии, которая сильно пострадала от войск Ивана Грозного в ходе Черемисских войн. Да и на мнение соседей не принято махать рукой – в Татарстане попытка восхваления этого правителя вызывает оторопь.

К сожалению, каток идеализации тиранов и деспотов только набирает обороты. Пантеон героев российской истории обновляется, и там уже оказывается и Иван Грозный, и Иосиф Сталин. Восхваление жесткой руки внедряется в стране как национальная идея уже давно, но памятники организатору опричнины ставятся впервые: такого себе не позволяли даже в самодержавной России. Если в Александрове (Александрова слобода – резиденция Ивана IV) все-таки смогли отвергнуть памятник тирану, то в Орле не смогли лишиться себя искушения быть первыми в этом деле. И пока в России только начинают ставить памятники тиранам, администрация Алатыря, видимо, тоже решила заработать очков. Видимо, властям небольшого города с характерным набором проблем (отток населения, нехватка бюджета, ветшающая инфраструктура) в ситуации всеобщего неблагополучия остается только хайповать и заниматься установкой сомнительных памятников – именно так характеризуют ситуацию горожане в местном паблике. *Раскол общества по вопросу о памятнике удобен, ведь на другие значимые вопросы у населения может и не хватить сил.*

Возможно, это не инициатива отдельных чиновников, замысел более масштабный, и кому-то очень хочется сломать через колено историческую память народов России; наконец, добиться того, чтобы черное назвали белым. В свое время чувашская интеллигенция выступила категорически против установки такого памятника в Чебоксарах, и теперь его решили «впихнуть» на землю чувашей именно в Алатыре – там, где их меньше всего. Метод выбран очень грязный – противопоставить разные народы, опереться на темную сторону сознания большинства и страх, равнодушие меньшинства, внести раскол и добиться своего. Может быть, уже стоит ожидать вала памятников: на Северном Кавказе больше Ермоловых, в Сибири – Ермаков, в Поволжье – больше Иванов Грозных, в башкирском Приуралье – Неплюевых или Тевкелевых. Только такие конфликтные попытки не остаются без следа. Даже если это удастся и российские школьники на уроках истории будут изучать «эффективный менеджмент Ивана Грозного», значительная часть сограждан отдалится от такой общероссийской истории, а для татар это будет очередная «черная метка» неуважения.

«АЛАТЫРЬ УПОМИНАЕТСЯ КАК ОДИН ИЗ ГОРОДОВ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА»

Однако дело не только в токсичности фигуры Ивана Грозного для российского общества. Обращает на себя внимание следующее обоснование установки памятника в Алатыре: «Если спросить у любого жителя нашего города: «Кто является основателем Алатыря?» – все от мала до велика ответят, что Иван Грозный!» Откинем в сторону сомнения относительно объективности подобного «социологического опроса» – людям свойственно повторять мифы прошлого, спускаемые сверху, особенно если они связаны с известными историческими личностями и событиями. В свете этого события необходимо отметить некоторые исторические факты.

В ходе археологических раскопок, инициированных местными историками-краеведами, в культурном слое Алатыря начала XIV в. (!) были найдены основания больших домов с глинобитными полами и напольными печами, обломки красной болгарской и серой лепной керамики, железные ножи, различные украшения и серебряная монета чеканки хана Тохты. Кроме того, обнаружен богатый культурный слой эпохи неолита и энеолита, следы жилищ хвалынской культуры, эрзянское городище X–XIII вв. В топонимике Алатыря сохранилось название местечка с эрзянским происхождением – Сандулеи, с эрзянского – Сянглеи, «Развилка реки». Добавим, что в сочинении Шарафетдина ибн Хисаметдина «Булгарская история» Алатырь упоминается как один из городов Казанского ханства. Есть данные шэжэрэ самарских татар, которые также указывают на вхожде-

ние Алатыря в состав владений казанских беков задолго до прихода в эти края московских войск. Само название города (чуваш. Улатӑр) также имеет тюркские корни, об этом, в частности, писал известный чувашский филолог, профессор Михаил Федотов. Возможно, горожане не могут знать о данных археологических раскопок десятилетней давности. Однако администрация, которая участвовала в организации раскопок, продолжает настаивать на основании города Иваном Грозным. Нонсенс: упоминание в московских летописях оказывается важнее археологических данных, а упоминание у татарских авторов не берется в расчет.

В этом смысле нарратив об основании Алатыря Иваном Грозным – это типичный колонизаторский подход к истории нашей страны. Получается как в Южной Африке или Америке, – ранее считалось, что до прихода белых никакой истории у здешних обитателей и не было. У нас же доходит до курьезов и по сей день: до взятия Астраханского ханства Иваном Грозным как будто и не существовало Астрахани, история этого города начинается чудесным образом 450 лет назад! Существовало Тюменское ханство, а сама Тюмень якобы возникает только с приходом в Сибирь казаков! Между тем в России, на Украине, в Казахстане существует множество городов и поселений, появившихся задолго до прихода туда московского государства (но не признанных таковыми отечественной историей): Саратов, Самара, Тобольск, Томск, Уфа, Волгоград, Чебоксары, Азов, Уральск, Актобе, Запорожье и др. – на их месте были города Золотой Орды и доордынские поселения.

Для того времени это были развитые в культурно-цивилизационном отношении города – с храмами, богатыми усадьбами, ремесленными мастерскими, банями, площадями, домами с системами отопления, канализацией. Их инфраструктура превосходила многие европейские города. Кстати, сетка городов и дорог времен Золотой Орды во многом жива и по сей день. Известны также многочисленные мордовские, марийские, чувашские городища и поселения, которые также стали основой для появления здесь русских городов. О них широкому читателю известно еще меньше, чем о болгарских и золотоордынских городах Поволжья. Трудно говорить о каком-либо преумножении и распространении подобных знаний, так как в соседних республиках финансирование археологических экспедиций практически не ведется, а древние поселения и могильники исчезают на глазах, история родного края преподается на правах факультатива. Уже некому замолвить слово о вероятности существования на месте Нижнего Новгорода и Арзамаса укрепленного мордовского городища.

*«ВИЗИТ ЕКАТЕРИНЫ II В КАЗАНЬ, ПО МНЕНИЮ ВЛАСТЕЙ, ЗАСЛУЖИВАЕТ
ОТДЕЛЬНОГО ПАМЯТНИКА, А ОСНОВАТЕЛИ ГОРОДА ИЛИ КАЗАНСКИЕ
ХАНЫ – НЕТ»*

Российские города, имея прекрасную возможность углубить и показать древность происхождения, к сожалению, продолжают упорно отмахиваться от своей истории. Все то, что не вписывается в контексты официальной истории России, представляет собой апокриф, подлежащий забвению. Своя, особенная история российских городов, не имеет лица, она становится лишь приложением к официальной истории. Люди привыкли к такому положению вещей. Именно поэтому хорошо потребляется информация о визитах российских царей, поэтов и писателей в тот или иной провинциальный город. Такие визиты – это каркас истории большинства городов. Поэтому визит Екатерины II в Казань, по мнению властей, заслуживает отдельного памятника, а основатели города или казанские ханы – нет. Пока получается, что местная история становится значимой только через прикосновение к ней деятелей российского масштаба или через контекст общегосударственных событий. Хотя наши предки жили в иной реальности, сильно отличных от стандартизированной истории учебника. Повседневность российских городов была многообразна, и сводить ее к одному знаменателю, подавая ее лишь через призму истории большого государства, означает сильно обеднять нашу историю.

Престижнее иметь в предках лишь легендарных варягов и исключать из родового дерева финно-угорские или тюркские народы. А если и были те, кто не вписывается в благородную родослов-

ную, то они ассимилировались быстро и незаметно, как нам повествует об этом легендарный летописец Нестор или литературовед Карамзин. Между тем еще в XIX в., в эпоху расцвета российского самодержавия, этническая картина многих считающихся сегодня «исконно русских» областей была весьма разнообразной: Тамбовщина или Нижегородская земля пестрела многочисленным мордовским и татарским населением, Урал был скорее похож на Дикий Запад, нежели на образ селений времен «Малахитовой шкатулки» (написана в 30-е гг. XX в.). На землях Краснодарского края (в том числе сегодняшнего Сочи), на Ставрополье 200 лет назад преобладало черкесское и тюркское население. А в считающихся сегодня «исконно русскими» землях Северного Казахстана были лишь островки русских поселений.

Огромный пласт истории, целые народы и государства, порой превосходившие цивилизационно и по масштабу Московское, заслуживают по чьей-то прихоти называться лишь локальной или местной историей. Большинство российских школьников вряд ли узнают на уроках истории о дагестанских шамхальствах, Черкесии, Ногайской Орде, Киргизском каганате, Джунгарских ханствах, Мордовских княжествах. Зато они увидят на улицах своего города памятник российским правителям, память о которых и так никогда не сотрется.

Даже в своих республиках эта история изучается по остаточному принципу или не рассматривается вовсе. Но если все эти территории сегодня часть России, то почему они не заслуживают быть частью истории России?

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/423855>,
11 мая 2019.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА», МЕДИНСКИЙ И «ТАТАРСКИЙ ВОПРОС»

***Айрат Файзрахманов сожалеет, что события 1552 г. в трактовке татар
продолжают оставаться в России неудобной историей***

Сегодня в сквере им. Тинчурина национальная интеллигенция традиционно отметит грустную дату – Хәтер көне. Несмотря на почти пять столетий, прошедших с тех пор, эта тема все еще не теряет актуальности, констатирует автор «БИЗНЕС Online», историк Айрат Файзрахманов. Он уверен, что подпускать к публичным рассуждениям о национально-религиозных смыслах таких событий можно только тех, кто умеет осторожно расшифровывать эту многосложную антропологию чувств.

ПОЛУЧАЕТСЯ КАКАЯ-ТО ЗЛОВЕЩАЯ ЦЕПЬ СОБЫТИЙ, ЯВНЫЙ ДИСБАЛАНС

Удивительно, но в федеральном СМИ, на сайте «Парламентской газеты», появилась статья о взятии Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. Материал в основном излагает лишь общеизвестные факты, слегка манипулируя словами о «присоединении» и «агрессивной политике Казанского ханства», оправдывая расширение торговых связей и продвижение на Восток. Сам факт публикации в официальном печатном органе Государственной Думы говорит о том, что событие все-таки является значимым для государственной идеологии.

И если завоевание города долгие годы было Днем скорби и памяти татарского народа, то впервые и параллельно с ним состоится «первое архиерейское богослужение в храме-памятнике православным воинам, погибшим при взятии Казани». Как отмечает в своей заметке Михаил Щеглов, председатель Общества русской культуры, сегодня «качественно изменилось отношение региональной иноверческой власти к этой православной святыне». Действительно, не первый раз выделяются деньги на реставрацию данного памятника. К тому же в связи с удачным расположением

его встречает каждый московский поезд (чего не скажешь в отношении мемориализации памяти защитников Казани).

Отметим, что происходит подобное на фоне демонтажа народного памятника в честь защитников Казани, находившегося на неприметной площадке, рядом с Казанским Кремлем. О необходимости равноценного памятника защитникам Казани татарская общественность говорит еще с момента формирования ТАССР, т. е. уже почти 100 лет. Как известно, она не оставляет попыток добиться такого и поныне. К сожалению, события 1552 г. в трактовке татар продолжают оставаться неудобной историей, что приводит к тому, что молчание распространяется и на всю историю Казанского ханства. Наверное, именно поэтому в Казани, ханский период истории которой притягивает своей таинственностью и туристов, и горожан, нет ни одного памятника, посвященного данному периоду. И это еще одно неудовлетворенное требование общественности. Даже место захоронения ханов рядом с башней Сююмбике не являет собой мавзолей в полноценном смысле слова. Посетителю трудно понять, что это за место.

До сих пор нет должного внимания и к мечети «Иске Таш», которая также является памятным символом о трагедии 1552 г. Молельный дом, которому исполняется в этом году 215 лет, реконструируется сугубо на деньги прихожан и спонсоров, в отличие от храма-памятника на Кировской дамбе, притом, что мечеть является памятником истории и культуры федерального значения. Каков должен быть уровень лоббизма, чтобы внимание к ней увеличилось?

Не будем забывать и недавнюю попытку запрета «Запратанной истории татар» Вахита Имамова. Массовая книга, изданная на местные спонсорские средства, в 90-е гг. являлась символом возрождения национальной памяти и возвращения забытых имен и событий. Зачем понадобилось притаптывать эту память, поднимая в то же время на общегосударственный уровень такой региональный калужский праздник, как Стояние на реке Угре?

Для чего-то в эти осенние дни понадобился демонтаж птицы «Хөррият» («Свобода») на стеле у бывшего здания НКЦ – еще одного символа национального возрождения татар и суверенитета. Долгие годы здесь же организовывали национальные праздники на открытом воздухе, в том числе несколько лет подряд проходил Хәтер көне. Не так-то у татар много символов и памятников, чтобы не обращать внимание на это необъясненное исчезновение.

Получается какая-то зловещая цепь событий, явный дисбаланс, который становится все более явственным и болезненным для татар, а вместе с ними и для других народов Российской Федерации. Историческая память – это не менее сложная сфера, чем языковая политика. Негативные эмоции, к тому же основанные на чувстве несправедливости, имеют свойство выплескиваться в самый неподходящий и неожиданный момент. Захочет ли обиженный подать руку помощи обидчику, когда взаимная поддержка будет так необходима? Пока же многонациональная федерация движется медленно, но верно в сторону памятников Ивану Грозному, Ермолову...

МЕДИНСКИЙ НЕ ОБЪЯСНЯЕТ ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ «ЧУЖОГО»

Наверное, недавнее появление на полках книжных магазинов переизданной огромным тиражом книги министра культуры РФ Владимира Мединского «Мифы о русской демократии, грязи и „тюрьме народов“», где значительное место уделено «татарскому вопросу», взятию татарских ханств, можно было бы посчитать обыденным событием, если бы не вышеобозначенный фон перереформируемой исторической памяти.

Вот как позиционирует взятие Казани один из главных конструкторов историко-идеологической парадигмы современной России: «...Завоевание Казанского ханства воспринимались народным сознанием как великий акт национально-религиозного значения. И вот всю эту подлинную историческую действительность нам хотят подменить какой-то трогательной русско-татарской идиллией!.. К сказанному можно добавить еще одно: никакой другой народ не воспринимался в народном сознании страшнее и хуже, чем татары».

Доктор исторических наук Мединский одновременно успеваешь полемизировать и с концепцией историка Михаила Худякова, и с взглядом Ричарда Пайпса, и с «татарскими националистами», не

приводя хоть сколь-нибудь значимого перечня аргументов и практически не ссылаясь на комплекс исторических источников.

Позволю еще ряд весьма возмущающих цитат профессора Мединского из той же главы «Татарский вопрос»: «Но ни шведский „потоп“ XVII в., ни века противостояния с Литвой и Польшей, ни две мировые войны с германцами, ни набеги варягов не впечатались так жутко в народное русское сознание. Нет в народной памяти ни поляка, ни немца, ни шведа – такого же беспощадного „со-сальщика“ дани, насильника, убийцы». Заметим, речь не только о далеком прошлом, но и о народной памяти XX в., в которой татары оказываются хуже фашистов.

При этом Владимир Ростиславович противоречит сам себе, говоря о том, что половину войска Ивана Грозного почему-то составляли те же «ненавистные татары», которые при этом еще служили верой и правдой Московскому государству (при таком-то враждебном отношении!). Кстати, почему-то сохранились останки именно православного воинства, завоевавшего Казань, что послужило основой для возведения храма-памятника, но не осталось мусульманских захоронений сторонников Ивана Грозного. Или их число было незначительное, или они не принимали деятельного участия в захвате Казани.

И в продолжение: «В дореволюционной истории ни выход к Балтике в начале XVIII в., ни взятие Варшавы в 1795 г., ни взятие Берлина в середине XVIII в. или Парижа в 1813 г. никогда не поднимались на Руси до такого уровня значимости, как взятие Казани или Крыма. Эта победа возводилась в ранг религиозной победы над «погаными», борьбы сил добра и зла».

Если рассуждать в этих категориях, то можно будет выносить на публичную поверхность то, о чем судачат на кухнях народы друг о друге. Что уж греха таить, татары также могут выдать из глубин сознания схожие интерпретации и понимание событий, связанных с ближайшим соседом. Стереотипы и обиды в отношении соседей существуют, пока живы сами соседи. Проблема в том, что Мединский не объясняет изменение восприятия «чужого». Как «чужой» постепенно переставал быть врагом и почему стоит относиться к данной истории спокойнее? Не это ли должен объяснять министр культуры многонациональной России?

Мединский же экстраполирует прошлое, весьма сложное отношение русских к татарам к дню сегодняшнему, продолжая лить воду на мельницу националистов. При всем при этом русские продолжают быть в историях министра культуры теми же русскими, что и сейчас, а татары оказываются несложившимся этносом, хотя всему северному евразийскому пространству еще предстоят сложные и интенсивные этнические процессы, волны миграции, процессы интеграции культур и языков вплоть до XX в.

Дадим подсказку Владимиру Ростиславовичу: вместо разговора о многовековой нелюбви одного народа к другому можно было бы рассказывать о межцивилизационном столкновении того времени, европейских интересантах в схватке между Москвой и татарскими ханствами, ловкости российской дипломатии, нейтрализовавшей ногайцев, помощи ханств друг другу и вмешательстве османских султанов, наконец, даже посыпать соль на рану и порассуждать о естественности проигрыша Казанского ханства: силе военных специалистов и технологий, поставляемых прямым из совершившей технологической рывок Европы; гораздо большем экономическом, военном и людском потенциале Москвы перед Казанью.

Подпускать к публичным рассуждениям о ненависти русских к татарам, национально-религиозных смыслах подобных событий можно только тех, кто умеет осторожно расшифровывать эту многосложную антропологию чувств, иначе мы получим воспроизводство традиции ненависти, которая, в свою очередь, будет формировать обратную реакцию и противодействие. Заставляя забыть о трагической истории, прошлых обидах, мы расчищаем поле для радикального взгляда. В Татарстане часто слышат разные стороны и умеют находить золотую середину, будем надеяться, что к ней смогут вернуться и сейчас.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/442254>,
12 октября 2019.*

«И С ТОЙ, И С ДРУГОЙ СТОРОНЫ РЕКИ УГРЫ СТОЯЛИ ПРЕДКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН»

Круглый стол в «БИЗНЕС online»: из какого псевдоисторического сора пытаются растить имперскую идеологию. Часть I

«Может ли Стояние на Угре в 1480 г. быть памятной датой РФ?» – такой была тема «круглого стола» «БИЗНЕС Online». Эту дату уже осенью может утвердить российский парламент, потому что, считают инициаторы, «в результате данного исторического события произошло окончательное освобождение Руси от ига ордынских ханов и была обретена независимость Российского государства с центром в Москве». Однако категорически против такой трактовки выступают многие профессиональные историки.

«Может ли Стояние на Угре в 1480 г. быть памятной датой РФ?» – такой была тема «круглого стола» «БИЗНЕС Online»

Участники «круглого стола»:

Трепавлов Вадим Винцерович – главный научный сотрудник, руководитель центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Гилязов Искандер Аязович – директор Института татарской энциклопедии и регионалистики АН РТ, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук.

Миргалеев Ильнур Мидхатович – руководитель центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Сейдаметов Эльдар Халилович – руководитель крымского научного центра Института истории им. Марджани АН РТ.

Измайлов Искандер Лерунович – доктор исторических наук, профессор, завотделом средневековой археологии Института археологии АН РТ, заслуженный деятель науки РТ.

Исхаков Дамир Мавлявиевич – доктор исторических наук, профессор.

Недашковский Леонард Федорович – профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор исторических наук.

Айсин Руслан Валерьевич – политолог, руководитель портала «Татполит».

Галимов Тэймур Рустэмович – старший научный сотрудник центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук.

Фомина Татьяна Юрьевна – доцент ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук.

Модератор: Галямов Рашид Замирович – издатель «БИЗНЕС Online».

«ЭТА ДАТА НИКАК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СТАТУСНОЙ И УЗЛОВОЙ»

Модератор: Добрый день, коллеги! Спасибо, что пришли к нам в редакцию, а кто-то даже приехал специально на «круглый стол».

Два слова по теме нашей сегодняшней встречи. Наверное, мы можем найти массу различных дат в нашем прошлом и сделать из них праздник. Это, конечно, хорошая вещь, но только в том случае, если такой праздник как-то всех нас, жителей многонациональной страны, объединяет, а не разъединяет. В данном случае это не так. Мы все в советское время слышали про татаро-монгольское иго. И снова, через 500 лет после события, поднимать данную тему – значит вызвать в татарстанском обществе, и не только в нем, тревожения. Есть ощущение, что это будет не праздник, а некий раскол страны, которую мы еле-еле собрали после 1991 г. Татары – патриоты России не менее, чем русские и представители других национальностей, и не менее чувствуют себя автохтонами, исконными жителями этой территории. И поднимать на щит подобную памятную дату само

по себе странно. Я уж не говорю о том, что в России вообще надо заниматься, наверное, повышением уровня жизни, экологическими проблемами, развитием производства. А в Госдуме вместо того, чтобы заниматься вот этими важными вещами, будут обсуждать, что было 500 лет назад на Угре. Какой-то театр абсурда. Но, раз он задан некими режиссерами, попытаемся внести в него разумную рациональную линию.

Спасибо, что вы собрались на наш «круглый стол». Здесь ведущие эксперты, ученые, все с известными именами. Кто-то специалист по той эпохе, кто-то – нет, тем не менее каждому, надеемся, есть что сказать.

Слово Ильнуру Мидхатовичу Миргалееву, руководителю центра исследования Золотой Орды и татарских ханств института истории имени Марджани.

Ильнур Миргалеев: «Данная тема обсуждается уже третий год. Сначала мы думали, что это чисто историческая постановка вопроса. Но в дальнейшем она начала политизироваться».

Тема, которой посвящен наш «круглый стол», обсуждается уже третий год. Сначала мы думали, что это чисто историческая постановка вопроса. Но в дальнейшем она начала политизироваться. В прошлом году в письме губернатора Калужской области было сказано, что их инициативу поддерживали уже чуть ли не все ученые советы разных исследовательских институтов, университетов. Мы, конечно же, были в недоумении и поставили вопрос: кто же их поддержал? И второй момент – это компетенция не ученых советов, а все-таки экспертов, если мы говорим о памятной дате. И вот в 2019 году уже пошла конкретика, мы увидели, кто поддержал инициативу на самом деле. Когда тема была озвучена, мы ее начали обсуждать, в том числе и с широким кругом специалистов, не только казанских. Среди них, я бы хотел это подчеркнуть, будь то казанские или московские, никаких разногласий по поводу оценки данных событий нет. Когда вот такие конкретные даты политизируются, историкам такое не нравится. Но мы понимаем, что живем в обществе, что есть законы о памятных датах – это нормально. Но какой у последних посыл? Они должны объединять людей, да? А здесь мы видим попытку объявить эту памятную дату федеральной. Мы понимаем, что она имеет значение для Калужской области, для развития там туризма... Так что памятную дату можно было отмечать как региональную. Есть наш, татарстанский, пример – Болгар, и не только. Но принимать эту дату на общенациональном уровне считаем неправильным.

Хотя в сопроводительном письме указано, что ни в коем случае то событие не надо воспринимать как противостояние татар и русских. Но мы же все-таки из Советского Союза и помним уроки по Куликовской битве, по хану Батыю, как тогда это все оценивалось. Если даже я учился в татарской школе, то все равно подобные темы были, мягко скажем, дискуссионными. А чисто с исторической точки зрения на что специалисты обращают внимание? На то, что эта дата никак не может быть статусной и узловой. Дескать, вот в тот «день независимости» мы объявили, что не подчиняемся ордынским ханам и теперь Русь станет свободной. Такого не было. Это одна из дат в противостоянии русского и татарского мира, можно, так сказать. Но ее восприятие трансформировалось с политическими изменениями в постордынском мире. Прежде всего было несколько игроков, которые претендовали на золотоордынское наследие, верховенство в постзолотоордынском мире. Это, естественно, русские территории, русский князь, Крымское ханство, Большая Орда, которая позже трансформировалась в Астраханское ханство, Казанское ханство. В дальнейшем осталось два игрока – Крым и Москва. Дальше татарский мир все больше и больше распадался, потом возникли другие проблемы. А русский мир, русские князья, московские уже были великими князьями не только Владимирского княжества, но и других великих княжеств. Дальше стали царями. А потом Петр I был последним царем всея Руси и первым всероссийским императором. Шла трансформация понимания всего этого. Еще осенью 1480 г. архиепископ Вассиан написал Ивану III «Послание на Угру». И с тех пор дата становится одной из главных, но подобное имеет отношение прежде всего к идеологии. Напомню, и в период Петра I татарские ханы рассматривали Русь как подчиненные территории, до конца XVI в. не признавали статус царей и продолжали получать так называемые поминки (татары называли «казна») – регулярные выплаты Московского государства Крымскому ханству.

«НАСКОЛЬКО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ПЛОХО МЫ ПРЕДСТАВЛЯЕМ ПРОШЛОЕ»

Модератор: Искандер Аязович, пожалуйста, вам слово.

Искандер Гилязов: Уважаемые коллеги, у нас здесь «круглый стол», не дискуссия, а скорее обсуждение. Каждый из нас, вероятно, может сказать что-то свое, какие-то ассоциации, которые появляются в связи с этой инициативой. Миргалеев как специалист по истории Золотой Орды больше может высказаться именно по тому периоду, по тем событиям, которые тогда происходили. Мне же хочется отметить в общем плане – какие чувства, мысли, появляются у меня в связи с этой ситуацией. Когда я в сентябре прихожу к студентам и начинаю читать лекции по истории Татарстана, я всегда удивляюсь тому, насколько слабо современные юноши и девушки понимают, что такое история и в чем ее значение. Вот я у них спрашиваю: что такое история? Почему нужно ее изучать? Они мне отвечают штампами: «Кто не знает прошлого, у того нет будущего» или «Кто не знает историю, тот не может знать своего будущего» и так далее. Они не могут даже объяснить смысл этих фраз, к сожалению. И в связи с тем, что появилась инициатива празднования Стояния на Угре, опять-таки возникает мысль: насколько же все-таки плохо мы представляем прошлое.

Мне вспоминается анекдотическая ситуация, как в свое время обходились наши литературоведы и наша общественность с творчеством Габдуллы Тукая. Нередко при разборе одного и того же стихотворения делали из поэта атеиста, а потом – глубоко верующего религиозного человека. Точно так же мы можем обходиться и с историей, получается. Берем какой-то факт и как хотим его вертим. Берем какую-то ситуацию и как хотим ее интерпретируем. История ничего не сумеет ответить, она не может повториться. И мы, к сожалению, сегодня как хотим, так и поступаем с историческими фактами. И одна из больших ошибок, которые мы допускаем при оценке истории (я всегда обращаю внимание на подобное, например, своих студентов), – в ней очень часто видим только то, что хотим. Это абсолютно постоянные составные части нашего понимания истории. Мы видим в ней героев, подвиги, только какие-то положительные вещи. Между тем она абсолютно многообразна, многогранна, многоуровневая. А мы очень часто просто какие-то ситуации замалчиваем, а некоторые специально выпячиваем.

У меня появляется такое чувство, что вот эта дата – 1480 г. – опять такая же ошибка. Мы выпячиваем то, что в принципе не играет такой громадной и значительной роли для того времени. Это один из эпизодов. И вот подобное, оказывается, нужно сегодня, необходимо в политическом каком-то отношении кому-то. И мы, к сожалению, не задумываемся, что произвольно обращаемся с историей, а также о том, какие ассоциации, чувства вызовет это в обществе. Уже вроде мы говорили о том, что подобное может вызвать, скажем, у русского читателя и слушателя одну реакцию, ассоциацию, у татарского – совершенно иную. И в данной ситуации такой момент очень смущает. Я сам занимался в свое время тематикой, скажем так, не слишком приветствуемой и получал за это серьезную критику от своих учителей в том числе. Что же теперь делать с историей? Опять-таки наступать на те же самые грабли и искать только то, что нам нравится? Последние инициативы (памятник Ивану Грозному, Ермаку) – все ситуации примерно одного плана. Снова мы ищем в истории того, кого хотим возвеличить. Это мне, конечно, очень не нравится.

Модератор: Спасибо. Прежде чем Татьяне Юрьевне слово передать, я бы хотел вот что спросить. Вы говорите: русские князья, татарские. Но неужели в XV в. вообще этносы были? Мне кажется, только в XIX в. они появились, нации в современном понимании. Искандер Аязович правильно отмечает: мы экстраполируем сегодняшнее представление, желание и так далее на прошлое. Может, вообще мы сидим в концептуальной ловушке?

Искандер Измайлов: Русская вера как православная вера и святая Русь как Российское государство к XV в. – это уже неоспоримый факт.

Модератор: –Я сейчас не о православии, а про этносы. Когда вы произносите «русские» или «татары», это, честно говоря, ухо немного режет. Есть ощущение, что все мы сидим в концептуальной ловушке. Какое-то иго опять воспроизводят... О чем речь вообще? Какое иго? Масса ученых утверждают, что его не было.

Татьяна Фомина: Когда меня коллеги пригласили на « круглый стол», то задали вопрос: откуда взялась эта дата? И почему она позиционируется как дата всероссийского праздника? Представители научного сообщества понимают, что исторические источники не дают для этого никаких оснований. Дело в том, что 21 мая 2012 г. Владимиром Владимировичем Путиным подписан приказ № 1334, в котором было поручено разработать историко-культурный стандарт, то есть единую концепцию изучения отечественной истории. В 2013 г. он утвержден, в его разработке принимали участие ученые-историки, учителя-практики и авторы учебников. Заявленный вариант стандарта отличался от представленного проекта.

Первый тематический раздел историко-культурного стандарта называется «От Древней Руси к Российскому государству». В концептуальной части говорится: «Нанесенный по русским землям завоевателями из Золотой Орды в середине XIII в. удар серьезно изменил их развитие, в первую очередь политическое. Русские земли оказались политически и экономически ослабленными и попали в зависимость от иноземной власти. Сильнейшим государством Восточной Европы и северо-западной части Азии стала теперь Золотая Орда. В этих условиях перестало существовать формальное единство русских земель во главе с Киевом, сохранявшееся до середины XIII столетия, несмотря на наступившую в XII в. политическую раздробленность. Западные и южные русские земли в течение второй половины XIII – начала XV вв. вошли в состав иноэтничных по происхождению государственных образований – Великого княжества Литовского и Польского королевства. В северо-восточной Руси через некоторое время после установления зависимости от Орды начался процесс объединения русских земель. Центром его стало возникшее во второй половине XIII в. Московское княжество, чьи князья к концу XIV столетия закрепили за собой великое княжение Владимирское – главное в северо-восточной Руси, а с ним – право именоваться великими князьями всея Руси. Особое место среди русских земель занимали Новгородская и Псковская боярские республики. В XV столетии политическая карта Восточной Европы выглядела совсем иначе, чем до нашествия Батыя. Вместо более десятка земель на ней доминировали два крупных государства – Великое княжество Литовское (включившее в себя значительную часть русских, восточнославянских территорий) и Великое княжество Московское. Они вели между собой борьбу за первенство в условиях постепенного ослабления и последующего распада Орды».

Кроме того, в разделе указаны относящиеся к периоду отечественной истории до конца XV в. понятия и термины, персоналии, а также события и даты. В числе дат, относящихся к русско-ордынским отношениям, есть следующие: 1223 – битва на реке Калке, 1237–1241 – завоевание Руси ханом Батыем, 1242–1243 – образование Улуса Джучи (Золотой Орды), 1327 – антиордынское восстание в Твери, 1378 (11 августа) – битва на реке Воже, 1380 (8 сентября) – Куликовская битва, 1382 – разорение Москвы Тохтамышем, 1395 – разгром Золотой Орды Тимуром.

В проекте историко-культурного стандарта был указан 1472 г. как дата окончания выплаты дани Орде (хотя мы знаем, что об уплате ордынского выхода упоминается гораздо позже этой даты, например, в духовной грамоте Ивана III). В утвержденную редакцию стандарта дата 1472 г. не вошла. В проекте также указан 1480 г. как Стояние на реке Угре, а в утвержденной редакции документа 1480 г. – это «Стояние на реке Угре. Падение Ордынского владычества». Историко-культурный стандарт – документ идеологический, а не научный. Он призван сформировать в обществе отношение к событиям отечественной истории. Если бы к его созданию были привлечены специалисты по данному вопросу, то дата 1480 г. как время падения Ордынского владычества не вошла бы в окончательную редакцию стандарта. Это достаточно тревожный момент, так как документ является основой для создания учебников по отечественной истории, разработки заданий по ОГЭ, ЕГЭ. Мы прекрасно знаем, что качество современных учебников истории оставляет желать лучшего, значительная часть результатов современных научных исследований не находит в них отражение. И в какой-то момент к нам могут прийти студенты, с которыми, вполне возможно, мы уже перестанем понимать друг друга. Поскольку, помимо научной деятельности, я долгие годы работаю в системе переподготовки и повышения квалификации учителей истории, то не понаслышке знаю, с какими

серьезными проблемами они сталкиваются. Педагоги говорят: «За последние 30 лет регулярно меняются концептуальные оценки событий отечественной истории, ежегодно вносятся изменения в содержание ОГЭ и ЕГЭ, возможно, предмет „История“ станет обязательным при сдаче ОГЭ и ЕГЭ. Если сейчас еще и даты начнут меняться, то как нам вообще решать эту задачу?» Поскольку историко-культурный стандарт уже утвержден, то сейчас очень сложно что-то изменить – первоначально документ был представлен в проекте, окончательный вариант стал известен уже после утверждения. Но уточнение фактов отечественной истории, вошедших в историко-культурный стандарт, я думаю, должно стать полем совместной работы профессиональных историков.

*«ИСТОРИК ЗА ДОСТОВЕРНОСТЬ ИЗЛОЖЕНИЯ ФАКТОВ ОТВЕЧАЕТ ПЕРЕД
ВСЕВЫШНИМ»*

Модератор: Спасибо. Слово Дамиру Мавлявиевичу Исхакову, ведущему татарскому историку.

Дамир Исхаков: Хотел бы начать с того, что наш известный историк, знаменитый Шагабутдин Марджани, как-то сказал: «Историк за достоверность изложения фактов отвечает перед Всевышним». В данном случае мы как раз видим, что обозначенная дата совершенно не соответствует тем реалиям, которые происходили. Это и есть на самом деле ответственность, в том числе, перед Всевышним. Люди, которые подобное проталкивают, будут отвечать перед историей, потому что исторические факты говорят совсем не то, что здесь описывается.

Хочу немного остановиться на том, что происходило. Во-первых, надо четко понимать, что в 1480 г. фактически воевали две коалиции между собой. Был союз между Москвой и Крымом, а другой союз – между Большой Ордой и Польско-Литовским королевством. Откровенно говоря, царь Ахмат, который подступил к Угре, в конце концов, долго ждал польско-литовское войско. В русской летописи отлично это описано. Просто войско на поддержку не пришло, потому что союзник Москвы – Крым – совершил нападение на литовские окраины. Так что здесь никакой конфронтации не было между татарами и русскими. Мы прекрасно знаем, что в Польско-Литовском королевстве тоже существовало огромное славянское население, которое можно называть как угодно. Они разговаривали по-русски, и документы от них остались на русском языке. То есть в этом плане еще и русских как таковых не было, они формировались в разных государствах, потом оттуда разные этнические основы пошли. И самое интересное, что там еще есть деталь, на которую не обращают должного внимания. На самом деле Ахмат, согласно московской летописи конца XV в., подошел к Угре по призыву двух братьев – Великого князя Андрея и Бориса, которые со своим старшим братом повздорили. Так что приглашение было со стороны русских.

Модератор: – Условных татар со стороны условных русских того времени, опять хочется сделать ремарку...

Дамир Исхаков: Да. Во всяком случае, тех, которые имели дело с Великим княжеством Московским. Когда все это учитываешь, Стояние на Угре сразу приобретает совершенно другой характер, иной окрас. Но еще надо иметь в виду, что все это происходило на разлагающемся золотоордынском пространстве. Уже Золотой Орды не существовало как таковой. Говорить, что происходил конец ордынского ига, очень странно, потому что Великой Золотой Орды уже просто не было, она распалась на ряд составных частей, и одной из них стало само Великое княжество Московское. Оно взаимодействовало с татарским государством в своих интересах. С ногайцами тоже в контакты вступили русские, Московское княжество. То есть происходило некоторое политическое взаимодействие и военное – тоже, последнее никакого отношения к концу условного ордынского ига не могло иметь.

Самое интересное, если читать русские летописи, тот же московский рукописный свод, там в конце есть фраза о том, что татары на Угре потерпели поражение, отошли. Но имеется в виду только конкретный этот момент, вот та акция, а не вообще – что татары куда-то ушли побежденные... Если вчитаться, то на самом деле произошло что? Бежали фактически обе стороны. Московский князь тоже отступил, боясь, что сейчас перейдут – лед уже сковал Угру. Татары тоже отодвинулись – может быть, из-за того, что Великое Литовское княжество не подошло со своими войсками,

а может, хан Ахмат просто получил сообщение, что ногайцы приближаются. Такое тоже возможно, потому что вскоре они появились. Поэтому здесь никакой победы никто не одерживал. Это конкретика такая. Надо четко отделять научный факт, а он, если смотреть с разных сторон, совсем не такой, как трактуют политики, которые хотят дату основать как время великой победы.

Модератор: То есть, если я правильно понимаю, на Угре произошло некое тактическое действие, которых было множество. Его даже в число главных нельзя ввести, так же?

Дамир Исхаков: Даже дореволюционные историки, которых часто называют имперскими, так писали. Есть «Сборник русского исторического общества», очень хороший, где документальный материал. Там 1474–1505 гг. – этот период описывают как эпоху свержения монголо-татарского ига. Целый период, никакая не конкретная дата. Даже они, имперские историки, так писали.

«ВРЯД ЛИ ПОДОБНЫЙ ПОДХОД СПОСОБСТВУЕТ СПЛОЧЕНИЮ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО НАРОДОВ»

Модератор: Спасибо, Дамир Мавлявиевич. Слово передаю Эльдару Халиловичу Сейдаметову. Он приехал из Крыма, сотрудник крымского научного центра Института истории имени Марджани. Спасибо за то, что откликнулись на приглашение и такое путешествие проделали. Взгляд из Крымского ханства очень интересен. Что же было на Угре? Помнят ли в Крыму об этом?

Эльдар Сейдаметов: Прежде всего, я хотел бы поблагодарить и организаторов за предоставленную возможность участвовать в таком высоком мероприятии, в кругу больших ученых, которые занимаются проблематикой Золотой Орды и татарских ханств. Я хотел бы выступить с небольшим сообщением, которое объединило бы вопросы сегодняшней повестки дня, и подойти к ним немного под другим ракурсом.

В современном мире политики, общественные деятели, историки нередко обращаются к опыту совместного военного прошлого народов, населяющих многонациональное государство. В рамках национальной политики увековечивается память и о войнах между предками современного населения какой-либо страны. К примеру, в военно-историческом музее Окленда в Новой Зеландии установлена мемориальная доска в память маори и британцев, погибших в земельных войнах 1845–1872 гг. На поле битвы в Южно-Африканской Республике в 1879 г. сегодня находится два памятника – в память павших зулусов и погибших английских солдат. Еще один пример – мемориальная доска на Площади трех культур в Мехико. Там содержится текст следующего содержания, хочу его процитировать: «13 августа 1521 года героически защищаемый Куаутемоком Тлателолько пал под натиском войск Эрнана Кортеса. Это не было ни победой, ни поражением, а болезненное рождение мультикультурного общества сегодняшней Мексики». Интересным представляется осмысление данного военного события современными мексиканцами.

Сегодня калужские политики предлагают ввести новую памятную дату в истории России, посвященную тому, как в 1480 г. одно государство, занимающее небольшую часть современной Российской Федерации, выставило свою армию против другого, также расположенного на небольшом участке нынешней России.

Это не первый пример подобного рода. Всем нам известна дата 21 сентября – День воинской славы России в честь победы Дмитрия Донского над Мамаем на Куликовом поле. Несмотря на то, что в последние годы издается огромное количество научной литературы, посвященной проблематике Золотой Орды и татарских ханств, где переосмысливается значение золотоордынской цивилизации в истории России и в целом в мировой истории, продолжает оставаться тенденция, когда совместную историю русского и татарского народов излагают через призму истории лишь одного из них. И в рамках такого подхода под историей Отечества понимается исключительно государственное образование, управляемое русскими князьями, в то время как татарское ханство в него не включается.

В качестве примера хотел бы привести немного подробнее описание военных действий периода Стояния на Угре из работы Юрия Алексея о походах русских войск при Иване III. Он пишет, что воскресенье, 12 ноября 1480 г., – первый день полностью независимого Русского государства,

одна из важнейших дат в истории нашего Отечества. Ярко эта позиция продемонстрирована и в труде Вадима Каргалова «Конец ордынского ига». Хотел бы сказать, что вряд ли подобный подход способствует сплочению русского и татарского народов и на пользу России в целом. Нам всем известно, что празднование побед над российскими войсками (битвы под Оршей в 1514 г. и Конотопом в 1659 г.) в современных постсоветских странах понимается в России как проявление русофобии. Чем же тогда являются подобные инициативы некоторых политиков, которые пытаются развести победы одних народов над другими уже в самой России? Полагаю, что праздничные даты должны носить, конечно же, созидательный характер. Они обязаны способствовать не разделению, а сплочению. Подобные же инициативы лишь способствуют нагнетанию межнациональной напряженности и конфликтов. И последнее, что хотел сказать, – надо отказаться от эгоцентричного подхода к отображению прошлого страны, населенной десятками народов.

Модератор: Спасибо за такое конструктивное выступление. Передаю слово Тэймуру Рустэмвичу Галимову, старшему научному сотруднику центра истории Золотой Орды и татарских ханств Института истории имени Марджани. Я, кстати говоря, в свете последних событий переименовал бы в центр расследования Золотой Орды и татарских ханств. Это как-то более актуально...

Тэймур Галимов: Когда я вступил в должность, то долго учил это название, чтобы правильно представляться. Вообще, название центра очень забавно можно прочесть в коротком виде – ЦИЗОТХ. Вот такая страшная аббревиатура. Чтобы представить себе, что конкретно произошло в 1480 г., как это восприняли современники, те русские или москвичи, москвитяне, как вам угодно, чтобы конкретно проиллюстрировать, обратимся непосредственно к источнику – «Повести о Стоянии на реке Угре». Пожалуйста, отрывок: «Это мы писали не для того, чтобы их укорять. Но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: «Мы своим оружием избавили Русскую землю», но воздадут славу Богу и Пречистой Его Матери Богородице, ибо Он нас спас». Ни в коем случае не оружие спасло Москву и подобное не победа стратегического какого-то мышления, нет. Это именно победа Его. И люди так и воспринимали. Данная вставочка исчезает только в XVI в., и то не во всех списках, если не ошибаюсь.

Модератор: Первоисточник утерян?

Тэймур Галимов: Нет. Но он прошел несколько редакций. Это нормальное явление для текстов того времени.

Искандер Измайлов: Ранние варианты сохранились в вологодско-пермском летописании, часть – в львовской, софийской летописи. Однако все они восходят к нескольким источникам, но основными были великокняжеская летопись, рассказы, «Послания» Вассиана и еще ряд сообщений, которые вместе собраны и включены в ряд летописных сводов.

Тэймур Галимов: Спасибо огромное Искандеру Леруновичу за такое замечательное добавление. Понятно, что были и иные мнения. Такое можно увидеть у Вассиана Рыло. В своем послании Ивану III он рушит клятву его отцов и предков, служить царю запрещает, грубо говоря. Почему так происходит? Посмотрим на это подробнее: потому что Вассиан был представителем русской православной церкви, а она до того имела совершенно иную позицию по данному поводу – благопожелательную, как и писалось в ханских ярлыках, выдаваемых церкви. Вассиан Рыло рушит подобное и пишет: «А это... чтобы богомерзкому и скверному самозванному царю повиноваться тебе...» И далее совсем уничтожает род Батя: «Особенно за отчаяние и маловерие попустил Бог на твоих прародителей и на всю нашу землю окаянного Батя, который пришел по-разбойничьи, захватил всю землю нашу, поработил и воцарился над нами, хотя он и не царь, и не из царского рода». Много всего пишет Вассиан – и все ради того, чтобы Иван III вышел и дал бой. Почему именно архиепископ пошел против прежних порядков? Скорее всего, ощущал, что Орда слабеет. И РПЦ, как и в XIII в., то есть задолго до событий на Угре, пыталась найти себе новых защитников, потому что церковь обычно смотрит в завтра. Мы – на сегодня, а она – на завтра. Еще есть маленький нюанс, за который могут зацепиться люди, проталкивающие новую памятную дату, – то, что существовал целый пласт татар, перешедших на службу Москве. И через это выведут линию: «Вот

же были татары, которые тогда хотели свергнуть ордынское владычество». Представят подобное как многонациональное русско-татарское движение против Орды. Но их количество на службе у Ивана III в то время было столь мало и несущественно, что не может рассматриваться как особое движение. Число служивших татар резко возрастает именно после падения хана Ахмата.

*«НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОЖНО ПАМЯТНУЮ ДАТУ
УСТАНОВИТЬ»*

Модератор: –Спасибо. Слово передаю Вадиму Винцеровичу Трепавлову, известному ученому, представляющему Институт российской истории РАН, доктору исторических наук. Так что произошло на Угре?

Вадим Трепавлов: Прежде всего я хотел бы выяснить, чем должно закончиться сегодняшнее мероприятие, цель всего этого? Ради чего? Чтобы отменить включение даты в перечень памятных дат или просто обозначить свою позицию?

Ильнур Миргалеев: Вадим Винцерович, мы хотим узнать, каково мнение научной общественности об инициативе по памятной дате. И у нас уже третий год идет переписка с Калужской областью. В последнем письме они показали, какие организации их поддержали. Таковых там немного. Мы подготовили проект обращения, которое хотим отправить тем, кто поддержал законопроект. Что касается этой памятной даты, мы против того, чтобы она стала федеральной. Мы предлагаем, например, рассмотреть возможность сделать ее региональной.

Вадим Трепавлов: Понятно. Я не настолько пессимистичен, не думаю, что сейчас бесполезно уже возражать против новой памятной даты. Не нужно в итоговых документах и тех материалах, которые, возможно, пойдут наверх, делать акцент на исторической несостоятельности этого события, дегероизации. Не рассказывать, что там, на Угре, случилось. Вы должны понимать идеологический контекст нашего времени.

Вы помните историю с панфиловцами? Сейчас немецкие историки выступили с развенчанием танкового Сражения под Прохоровкой. И любое негативное мнение относительно Стояния на Угре будет воспринято точно в таком же контексте, а реакция окажется абсолютно противоположной той, на которую мы рассчитываем. Не следует заострять внимание на событиях, которые задевают национальное чувство и историческую память народов, населяющих Россию. Ведь никому в голову не приходит праздновать начало или окончание Кавказской войны XIX в. либо завоевание Казанского ханства на общенациональном уровне. Хотя в нынешнем политическом вакууме, когда у населения все больше и больше разочарования, конечно, станут придумывать такие даты. К этому нужно быть готовыми. На региональном уровне действительно, я согласен, можно памятную дату установить. Вот День памяти, 2 октября, в Татарстане отмечается (*взятие Казани Иваном Грозным* – прим. ред.). Понятно, о чем речь. Или вот в Чечне установлен День чеченской женщины – в память о том, как в 1819 г. 46 чеченок обхватили русских конвоиров и бросились с ними в пропасть. В пределах одной республики – ради бога. Есть события, которые никого не задевают и могут праздноваться на федеральном уровне. Это череда «добровольных присоединений к России» (на 90% искусственная, тем не менее отмечается), или 2500 лет Дербенту, или 1000 лет Казани. Никому такие даты особо не мешали. Калужским губернским чиновникам, разумеется, нет никакого дела до падения ига, их интересуют только деньги и туризм. Мало им того, что Калуга – это место почетной ссылки имама Шамиля, что последний крымский хан там жил и Циолковский работал...

*«И С ТОЙ, И С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СТОЯЛИ ВОЙСКА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ
ПРЕДКАМИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН»*

Модератор: Спасибо. Вы поднялись над ситуацией, и такой уже интересный, конструктивный взгляд высказан. Слово передаю Леонарду Федоровичу Недашковскому, профессору нашего Казанского университета, доктору исторических наук.

Леонард Недашковский: Я постараюсь говорить достаточно кратко, поскольку сам являюсь археологом, не историком. Что касается значения даты, 1480 г. – это, конечно, одна из дат во вза-

имоотношениях Большой Орды и Московского государства. Одно из многих событий, которое имело место. Что касается конфликта Ахмата и Ивана III, конечно, если мы подходим формально с момента какого-то разрыва, выразившегося в невыплате дани, то он, на мой взгляд, как убедительно доказал Антон Анатольевич Горский из Института российской истории РАН, случился приблизительно в 1472 г., когда был последний факт выплаты выхода, за 8 лет до битвы. В 1476 г. Ахмат направил посольство к Ивану III, требуя прибыть в Орду с целью подтверждения его власти, требуя доставки дани. На это второй открыто ответил категорическим отказом и публично порвал ярлык хана в присутствии его послов. Именно данные события и привели в конечном итоге к попытке Ахмата вернуть власть над русскими землями силовым путем в 1480 г. Фактически крупного сражения на берегах реки Угры не произошло, как мы знаем, поэтому и в исторических сочинениях обычно именуется не битвой, не сечей, а именно стоянием. Не было крупного сражения, потому, на мой взгляд, нельзя говорить о том, что это следует выносить как какую-то дату федерального значения, дату Дня воинской славы России. Не тот случай, что с войной 1812 г. И где было стояние, продолжавшееся около четырех месяцев, мы тоже достоверно не знаем, точной локализации какого-то пункта нет. Есть версия историков, что это происходило на территории современной Калужской и, возможно, Смоленской областей России. То есть, конкретной привязки нет. Что касается оценки значения стояния, следует иметь в виду, что и с той, и с другой стороны, как совершенно верно подчеркивали сегодня выступавшие, фактически стояли войска, представленные предками современных россиян. И о каком-то событии федерального значения, наверное, вопрос, на мой взгляд, поднимать рано. Может быть, стоит предложить создать в Калужской области музей, посвященный Стоянию на Угре. Насколько я знаю, там есть только любительский при православном монастыре. Нужен музей совершенно светский, объективно показывающий, вне зависимости от какой-то православной идеологии, моменты, связанные со Стоянием на Угре и историей России. Не могу не сказать о том, что в Калужской области есть много других событий, мест, которые нуждаются в музеефикации. Вот взять тот же самый Козельск, всем известный из школьного курса истории, который в XIII в. после долгой осады, если не ошибаюсь, 7 недель оказывал сопротивление монголам, и был разрушен Батыем, даже переименован им в «Злой город». Только в последние годы там проведены небольшие археологические исследования. Их, конечно, нужно расширять. И именно работы последних лет, что интересно, доказали: домонгольский Козельск располагается именно на месте современного, а не в каком-то другом месте. Материалы исследований также нуждаются в музеефикации. И это тоже был бы интересный момент – создание музея средневекового Козельска, известного героической обороной от монголов в течение очень длительного времени. Хотя никакого военного значения, конечно, данная оборона не имела, русские земли, как известно, все были завоеваны монголами в итоге, но это пример несомненного героизма при обороне родной земли...

Модератор: Спасибо за такое информативное сообщение. Следующий спикер – Руслан Валерьевич Айсин, политолог, постоянный автор «БИЗНЕС Online», историк по образованию. Руслан, даже в Татарстане по-прежнему говорят: ханство, иго, татары, русские... Это все-таки ловушки, из которых мы никогда не найдем выход. Стоит ли в таком контексте обсуждать проблему?

Руслан Айсин: Я сделал небольшой пост у себя в телеграм-канале, написал, что идеальная Россия в срезе взглядов наших политических деятелей и интеллектуалов – это сорокинский день опричника, такая тяжелая архаика вкупе с технологизацией, с Рублевкой... И попытка вкрутить несуществующие событийные моменты в некий идеологическо-политический контекст вполне укладывается во взгляды Сорокина. По-другому достаточно тяжело охарактеризовать то, что происходит. Поэтому, наверное, и возникают такие странные инициативы. Вот экс-губернатор Смоленской области Алексей Островский заявил, что Иван Грозный сына своего не убивал, он повез его лечить в Санкт-Петербург. Это уровень восприятия истории политическими деятелями... Данные инициативы, конечно, до боли смешны для историков. А попытка объяснить, что белое – это белое, а черное – это черное, наталкивается на сопротивление: нет, тут аспект нашей воинской

славы, нет, мы били татар, магометян, басурман... Но в конечном итоге, на мой взгляд, Россия сейчас пребывает в ситуации как раз-таки постмодернистской архаики, потому что она никак не может выйти, разрубить эти обручи карамзинского формата, которые ее еще держат, потому что, собственно говоря, Карамзин-то писал историю не Российского государства, а российской власти.

Модератор: По немецкой методичке...

Руслан Айсин: Есть такое, что по заказу Романовых, но это отдельный вопрос. А факт в том, что до сих пор у нас история является сильно идеологизированным моментом. Я думаю, что она все еще некая питательная среда для политиков, политиканов, которые пытаются впрыснуть некий элемент, скажем так, пассионарного бытия. Так как очевидно, что российское население, или, как говорит Павловский, российские населенцы, очень сильно увядает, и им постоянно нужно впрыскивать какие-то наркотические лекции. Это первый момент. Второй, может, даже третий. Мне вспомнилось почему-то, что известная поэтесса Анна Ахматова готовила свою генеалогию – как раз-таки с последнего хана Большой Орды. Мы можем говорить о том, что, с одной стороны, русская культура Серебряного века увязана на Ахматовой, потому что через нее воспринимается Гумилев-старший и младший, тот период... С другой – данный аспект и событийность являются моментом раздрая для нас. Вот буквально на днях убрали под Казанским Кремлем камень, который символически указывал на то, что здесь произошло. А там случился в 1552 г. слом Казанского ханства. И вот – быстро убрали. Кто – непонятно. Действительно, когда в Татарстане возникают вопросы, как бы увековечить, или каким-то образом символическим узаконить, или, как муху в янтаре, застолбить трагическую дату 1552 г., тут же появляются всевозможные протесты со всех сторон, и это не удается сделать. Требуется дать таким инициативам зеленый свет. Думаю, что России – и населенцам, и управленцам – необходимо преодолеть этот архаический пласт собственного восприятия, которое до сих пор таково, как говорил Чаадаев: «В России нет подлинной истории. В ней нет собственного бытия». По его словам, аспект отсутствия дает нам возможность абсолютной экспансии. То есть у нас нет истории как таковой, потому что у нас она событийно-разорванная вещь. Но, с другой стороны, это открывает нам возможность экспансии к чему-то новому, построению полноценного общества на равных условиях, где и татары, и русские, и чеченцы, и крымчане, и прочие имеют равное основание, равные паи в государственной системе. Сейчас мы пришли к тому, что есть доминирующий пласт, этнический, политический, управленческий, культурный. И существуют все остальные, которые должны куда-то там под него подстраиваться. Поэтому с политологической точки зрения, я считаю, конечно, такие даты, как Стояние на Угре, не исторические, они прежде всего идеолого-политические – и надо им давать соответствующую оценку.

«ЭТО ДОВОЛЬНО НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ЭПИЗОД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

Модератор: Спасибо! Искандер Лерунович Измайлов, доктор исторических наук, наш известный ученый, человек, который был среди тех, кто написал семитомную «Историю татар». Есть ли в ней Стояние на Угре?

Искандер Измайлов: Конечно. Описан весь контекст данного события, хотя оно не разбиралось настолько подробно, чтобы описать в такой многотомной истории, так как это довольно незначительный эпизод с точки зрения истории Золотой Орды. И тем более сама концепция тома не предполагала детального описания русско-золотоордынских взаимоотношений. Я хочу сказать, легко было Петру Чаадаеву, потому что он официально был признан сумасшедшим, поэтому мог позволить себе говорить все что угодно. Тогда сам император и являлся главной инстанцией, которая определяла, какой быть истории России. Понятно, что мы находимся в несколько более щекотливом положении. Я с удовольствием принес на обсуждение несколько книг, где есть про Стояние на Угре, – это основные наши произведения, определяющее сегодняшнее понимание данного события в российском обществе. Я не стал брать Щербатова, Карамзина, Соловьева, поскольку тогда бы неподъемный груз был. Но вот основные современные труды Каргалова, Алексеева, Борисова.

Вообще, если сообщение источников на буквы разделить, то количество монографий, изданных об этом событии, намного превосходит число букв, которыми оно было в свое время описано. Здесь возникает очень интересный проблемный момент. Если сообщения источников настолько краткие, а событию такая обширная литература посвящена, то здесь есть какая-то серьезная научная проблема. Если мы обратимся к источникам и посмотрим, как развивалось представление о стоянии во времени, то увидим, что для современников это было обычное рядовое событие – военное противостояние с татарами, каких много случалось в тот период истории. В том же самом контексте, как и, например, взятие и сожжение Алексина в 1472 г., и многие другие подобные события. И, собственно, понятно, почему стояние названо не победой, не побоищем, а именно так – потому что действительно военного столкновения между противниками не произошло, военной победы не случилось. В летописных рассказах, сохранившихся в вологодско-пермской летописи, типографской летописи, прямо сказано, что войска разбежались. Как русские, так и татары бежали каждый в свою сторону. Не то что там какое-то сражение произошло, а наоборот – обоюдное бегство. Когда река Угра покрылась льдом и уже можно было выступить в бой, противники отступили. По словам русской летописи, едва татары на конях попытались перейти через Угру, как русские войска отступили от берега, даже бежали. Хотя в то же самое время хан Ахмат ушел в степи, к Сарая, где в январе следующего, 1481 г. был убит ногаями.

Историческая проблема в другом – событие на том закончилось, но оно продолжило жизнь на страницах летописей, книг и научных монографий. Это была очень своеобразная жизнь, поскольку она начинает существовать в новой идеологической среде, которая стала менять описание самого события и его интерпретацию, формируя представления о нем. На основе данного события очень хорошо можно проследить, как формировалась, собственно говоря, имперская идеология и российская историография, как историческая мифология в чистом виде начинает влиять на понимание прошлого. Стояние не представлялось современникам столь значимым, и вполне возможно, что было бы найдено иное, более важное, например Куликовская битва. Но оно имело одно очень значимое отличие, которого не было в других событиях. Вассиан Рыло, будучи авторитетным духовным лицом, узнав о колебаниях великого князя московского Ивана III и его желании пойти на мирные переговоры с ханом, написал «Послание на Угру», в котором всячески поддерживал и наставлял того на борьбу с неверными, мусульманами за православную веру. Вот в послании архиепископа и стала закладываться основа для осознания данного события как священной борьбы против неверных. Но тогда это было только началом процесса идеологизации. Главным в понимании стояния как начала борьбы православного царства с татарами-мусульманами осознание стало позднее. Когда войска Ивана IV уже двигались в сторону Казани и во время ее осады, митрополит московский и всея Руси Макарий начинает писать письма, наставляя молодого царя на борьбу с неверными, захват Казани. И здесь впервые он использует стилистику послания Вассиана и прочерчивает красную нить русской истории – от нашествия Батыя до Стояния на Угре, которое закончилось ничем. И вот сейчас перед царем Иваном IV стоит великая задача решить эту проблему искоренения татарской опасности. Очевидно, что Макарий внимательно читал «Послание» Вассиана, потому что есть прямо цитаты из него. И вот тогда Стояние на Угре приобрело характер такого знакового и важного идеологического события, переломного в русской истории, поскольку оно было поставлено в череду событий уже определенном идеологическом контексте.

Не могу не сказать еще об одном сюжете в этой связи – не таком значительном, но очень важном. В российских и советских учебниках живо описано, что пришли якобы к московскому князю послы хана Ахмата, чтобы вручить тому грамоту, чтобы ехал в Орду получать право на княжение. Написано, что как будто вручили ему басму. Что это такое в данном контексте, непонятно – то ли печать, то ли ярлык. Иван III якобы разорвал и растоптал ее. И с тех пор Москва сбросила ненавистное татарское иго. Самое интересное, что этот эпизод есть только у автора публицистической псевдолетописи «Сказание о Казанском царстве» (или «Казанской истории»), но ни в одном аутентичном источнике рассказа нет. В историю России данное событие как исторический факт вошло

благодаря Карамзину. Но это не факт, а, как говорят сейчас, фейк, фантом, поскольку такого не было вообще. Но если мы почитаем литературу, в том числе и современные учебники, то там оно есть. А уж сколько картин было великими русскими живописцами написано на эту тему! Есть даже спор, что топтал князь Иван. Где-то пишется, что он просто грамоту рвет, а у других, в частности у Ишимовой, событие расписано так, что князю принесли образ царя своего, эту самую басму, то есть куклу, которой должен был поклониться, но он ее растоптал. Мы видим, из какого в общем-то негодного идеологического сора вырастает подобная имперская идеология. И если сейчас она так же востребована, как и в XVI в., то это очень интересное и знаковое явление.

(Окончание следует)

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/436254>,
25 августа 2019.*

* * *

«ТАТАРЫ, БАШКИРЫ, ЯКУТЫ... ОБЩИМ ФРОНТОМ МЫ ВЫСТОИМ НЕ НА УГРЕ, НО НА МОСКВЕ-РЕКЕ»

Какие политические последствия может иметь признание стояния на Угре памятной датой в российской федерации? Часть II

К чему может привести признание Думой РФ на общенациональном уровне «Днем независимости» Руси 11 ноября 1480 г.? Об этом говорили эксперты на «круглом столе» в «БИЗНЕС Online». Не расколется ли общество новая памятная дата? Не подтолкнет ли к тому, чтобы воспринимать это как факт превосходства русских над другими народами? Не поссорит ли нации, у которых в нашей стране общая земля и общая история? И что сделать, чтобы это предотвратить?

Участники «круглого стола»:

Трепавлов Вадим Винцерович – главный научный сотрудник, руководитель центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Гилязов Искандер Аязович – директор Института татарской энциклопедии и регионалистики АН РТ, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук.

Миргалеев Ильнур Мидхатович – руководитель центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Марджани АН РТ.

Сейдаметов Эльдар Халилович – руководитель крымского научного центра Института истории им. Марджани АН РТ.

Измайлов Искандер Лерунович – доктор исторических наук, профессор, завотделом средневековой археологии Института археологии АН РТ, заслуженный деятель науки РТ.

Исхаков Дамир Мавлявиевич – доктор исторических наук, профессор.

Недашковский Леонард Федорович – профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор исторических наук.

Айсин Руслан Валерьевич – политолог, руководитель портала «Татполит».

Галимов Тэймур Рустэмович – старший научный сотрудник центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук.

Фомина Татьяна Юрьевна – доцент ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук.

Модератор: Галямов Рашид Замирович – издатель «БИЗНЕС Online».

«И ВДРУГ СЕЙЧАС БУДЕМ ПРАЗДНОВАТЬ – МЫ ТАТАР ПОБЕДИЛИ!»

Модератор: Переходим ко второму вопросу нашей повестки – какими политическими последствиями грозит признание стояния на Угре памятной датой в Российской Федерации? Имеют ли

реальные основания власти и общественность Татарстана, а также других национальных республик критиковать эту инициативу и если да, то почему? Что вы могли бы предложить как эксперты в контексте происходящего?

Ильнур Миргалеев: Какая была позиция наших специалистов, нашего института, я уже сказал. Три года идет переписка по этому поводу. Мы не против этой даты как памятной. И в письме губернатора Калужской области обговаривается, что авторы инициативы ни в коем случае не хотят, чтобы это было расценено как противостояние русских и татар или других народов, потому что все-таки это наше общее государство, в котором были Золотая Орда, постзолотоордынский мир, дальше – русский мир. Это все-таки практически те же народы, которые входят в состав современной России, и это не только татары и русские. И опять же, обратите внимание, с исторической точки зрения нельзя сказать, что вот здесь были русские, а там – касимовские татары и русские. Более того, когда в «Фейсбуке» начали обсуждать эту инициативу, некоторые краеведы и историки написали, что предки самого губернатора Калужской области вообще-то из литовских земель и входили в татарскую коалицию. Вот Искандер Аязович рассказал, какое понимание истории у тех, кто только вчера закончил школу. А принятие такой памятной даты для всей Российской Федерации станет противопоставлением разных народов друг другу. Хотя, может быть, оно будет не таким жестким. Еще хотел бы обратить внимание, что сейчас в составе России Крым, крымские татары. А у них свое понимание истории, идет ее осмысливание, их успокаивают. И вдруг сейчас будем праздновать – мы татар победили!

Модератор: Ну они будут гордиться, они в союзе были с Иваном III, возможно, для них этот подарок и делается.

Ильнур Миргалеев: Это для историков, а вот для простых обывателей... Поэтому все равно ситуация с этой памятной датой уже политизировалась. И каждому обывателю мы же не сможем все профессионально объяснить. Что вот, были крымские татары. Что сам губернатор Калужской области, который выступил с этой инициативой, его предки были на стороне татар. Что казанские татары в стоянии на Угре вообще, может быть, не участвовали, а касимовские, наоборот, были на стороне русских. Мы, конечно, постараемся все это объяснить – и посмотрим после публикации, сколько там комментариев и какие. Здесь уже говорили: признать 11 ноября 1480 г. своеобразным «Днем независимости» Руси – это не созидательно. Конечно же, мы понимаем, что Калужская область, как каждый регион, ищет какие-то точки роста, хочет показать себя. Поэтому вполне реально сделать 11 ноября региональной памятной датой и региональным праздником. Может быть, действительно, и музей создать. Я бы, например, предложил Калужской области – давайте уйдем от политизации и проведем настоящий научный семинар или «круглый стол», обсудим и места сражения, и конкретно, что там происходило, и проблемы музеефикации.

Модератор: Может, лучше научную конференцию провести, посвященную Калужской области и этой теме?

Ильнур Миргалеев: Здесь мы уже упоминали 1000-летие Казани, Болгар. Все это не просто так было. Проводились научные конференции, книги писались. Мы могли бы предложить на международном уровне провести конференцию. Я не говорю, что только специалисты должны участвовать, специалистов не так много. Может быть, современные политологи могли бы этот вопрос тоже обсудить более широко.

Модератор: Какие последствия вероятны в случае принятия решения об общенациональном памятном дне?

Искандер Гилязов: Во-первых, я хочу отметить, что мне было очень интересно послушать всех выступающих, очень много интересных размышлений, мыслей, основ для дальнейших каких-то умозаключений. Я не оракул и не пророк и не могу ничего предсказать, сказать, что будет. Но в любом случае я считаю, что это определенный урок. Это опять показатель того, что история – это абсолютно беспомощная дисциплина, к сожалению. Очень часто получается, что мы можем поступать с прошлым так, как хотим сегодня. Ведь, смотрите, мы все время говорим: ладно, здесь специалисты

собрались, здесь те, кто занимается историей Золотой Орды, постордынских государств. Они все понимают прекрасно – и что это за дата, и что был такой факт и так далее. Но когда мы, допустим, примем эту дату как общефедеральную памятную, как это будет восприниматься в обществе в целом? Как будут воспринимать это люди, которые вообще не понимают, что такое история? Для которых история – это миф. Они будут это воспринимать реально, как факт превосходства русских над другими нациями. И все, больше ничего. Это же как раз сказывается отсутствие нюансов, отсутствие понимания истории, отсутствие исторической базы. К сожалению, это имеет очень неприятные последствия, и для русских в том числе, кстати говоря. Я, конечно же, хотел бы так сказать: у меня есть мечта, чтобы мы, вообще все россияне, жители Российской Федерации, граждане РФ, так относились к своему прошлому, чтобы могли видеть все – и хорошее, и плохое, и героическое, и позорное. И к этому относиться спокойно, без лишних эмоций, без оскорблений друг друга. И только тогда мы можем говорить о том, что у нас зрелое общество. Только тогда, когда мы будем понимать, что история многообразна, что в истории может быть всякое, и что в истории нельзя что-то специально выпячивать или что-то специально забывать. Вот мне хотелось бы, чтобы наше общество рано или поздно стало таким зрелым, и тогда мы будем сами себя уважать.

Модератор: Спасибо. Хотя, наверное, должны все-таки быть какие-то героические. Мы гордимся Победой 1945 г., мы гордимся Победой 1812 г....

Искандер Гилязов: Это наша история, это то, чем мы живем, это то, что нас объединяет. Так это гораздо более правильно, чем какие-то политические аспекты, которые всегда разделяют людей. Потому что политика – это поле битвы, а история – это то, что нас объединяет. Потому что мы здесь жили и здесь живем.

Модератор: Просто хотелось бы, честно говоря, непротиворечивую, нормальную, не немецкую историографическую школу, нормальную историю России наконец-то получить, адекватную. Надеюсь, рано или поздно получим, и только тогда у нас будет нормальное государство. Иначе все время так и будем выискивать какие-то даты.

*«ЭТО ВЫБОР НАШИХ ПРЕДКОВ, КОТОРЫЕ ТАК ЖЕ, КАК ДРУГИЕ НАРОДЫ,
ЗАЩИЩАЛИ СВОЮ СТРАНУ»*

Татьяна Фомина: Мы все здесь прекрасно понимаем, что дата – 1480 г. – даже в рамках периодизации русско-ордынских отношений не является значимой вехой. Второй момент – эта дата обрела свою значимость только в рамках современной общественно-политической мысли, а не исторической науки в ее истинном понимании. Если мы говорим о тех датах воинской славы, которые у нас отмечаются на сегодняшний день, то они восприняты обществом и очень глубоко переживаются, память о них жива. Мы помним дедов и прадедов, которые воевали во Второй мировой войне, в Первой мировой войне. В конце концов, можем найти в архивах сведения о своих родственниках, которые, возможно, принимали участие в войне 1812 г. Но что касается 1480 г., то сколько бы мы ни искали, вряд ли сможем найти кого-то из своих предков через много поколений. И поэтому, с точки зрения исторической памяти, эта дата утрачивает свою значимость, потому что мы не знаем, на чьей стороне воевали наши предки и воевали ли вообще. С точки зрения бытового исторического сознания, генетической памяти общества оно теряет свою актуальность и ощущение сопричастности и становится лишь предметом профессионального интереса историков.

Хотела бы отметить еще один важный момент. В курсе отечественной истории русско-ордынские связи прослеживаются до конца XV в., после этого в тематическом планировании отношения с Казанским ханством, с крымскими татарами рассматриваются лишь в контексте внешней политики государства. А между тем это достаточно глубокий процесс. Мы знаем, что наши предки жили на этой территории, было огромное количество межнациональных браков, были военные столкновения, политические союзы, взаимодействие культур. Это сложный процесс нашей общей истории. Это не повод для стыда или гордыни. Это выбор наших предков, которые так же, как другие народы, защищали свою страну, отстаивали свои политические интересы, одерживали победы и проигрывали сражения, предавали, ошибались. И если так сложилось исторически, что мы

находимся на одной территории, то это наше общее богатство, а не причина, чтобы как-то противопоставлять друг другу. Нужно с глубоким уважением относиться к истории каждого народа.

Модератор: Если дату все-таки примут, какие-то последствия будут, как вы считаете?

Татьяна Фомина: В этом случае подлинная история русско-ордынских отношений и событий 1480 г. останется предметом интереса узкого круга профессиональных историков, а политика, к сожалению, победит.

Модератор: Как всегда, в России.

Татьяна Фомина: История – это то, что изменить невозможно. Это то богатство и те уроки, которые мы, профессиональные историки, должны передать обществу.

Модератор: В конце концов, может быть, назначить Путину советника по истории? У Шаймиева же был свой советник по истории, Рафаэль Хакимов... Спасибо, Татьяна Юрьевна! Вы опытный боец политический, не только историк.

*«В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАНЕ ДЕЛАТЬ УЧЕБНЫЙ КУРС ПО
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ОДНОМЕРНОМ ПЛАНЕ – БОЛЬШАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА»*

Модератор: Дамир Мавляевеич, какие последствия могут быть, если будет принята новая памятная дата?

Дамир Исхаков: Тут важно подчеркнуть одну деталь, которую почему-то мы упускаем из виду. Коллега объяснила, что фактически дата, которую как праздник пытаются ввести, уже попала в образовательные стандарты. То есть политический подход навязывает историкам эту дату как ключевой момент российской истории. Это вообще-то означает, что та история, которую будут учить наши дети как отечественную, будет на самом деле национальная русская история, а не отечественная и не других народов. Вот этот момент проталкивается упорно, и я думаю, что это очень большая политическая ошибка. В многонациональной стране делать учебный курс по отечественной истории только в одномерном плане – это большая ошибка. Потому что народы никуда не исчезли, они существуют, у них есть собственное представление об истории. У них есть свои ученые. И тот подход – это прямой путь к конфронтации. Сначала на научной базе, а потом на идеологической, а потом и в политическом плане. Поэтому люди, которые монархическо-православные подходы, сложившиеся очень давно в русской исторической науке, пытаются протянуть до современности, работают во вред России. Я думаю, что Россия может существовать только как федеративное государство, многонациональное, многокультурное, где учитывается история всех народов, – только так. А если идти против этого течения, то такое общество будет неустойчивым, ему будет грозить распад при любых возможных осложнениях. Думаю, что люди, которые сейчас пытаются эту линию провести, очень недалекие и о современных реалиях вообще не задумываются.

Модератор: А что бы вы предложили Думе сделать в контексте обсуждения на нашем «круглом столе?»

Дамир Исхаков: Отказаться от рассмотрения этой проблемы как научно необоснованной, вообще выкинуть из повестки дня. Это не есть историческая дата, и она научно не обоснованная. Это просто фейковое событие, из которого сделали что-то. В нем нет содержания.

Эльдар Сейдаметов: Недавно, как известно, должны были сдать учебник по истории Крыма для 10-го класса, где в параграфе о коллаборационизме был сделан акцент на том, что якобы крымские татары были более активно вовлечены в коллаборационистскую деятельность по сравнению с другими этническими группами Крыма. Причем практически ничего не было сказано о тех, кто воевал в рядах РККА и получил боевые награды. Очень болезненная тема, как мы знаем. Благо реакция общественности, ученых и мудрость политиков позволили изъять эту статью.

Модератор: Изъяли все-таки?

Эльдар Сейдаметов: Насколько мне известно, изъяли. Вот и данном случае, с новой памятной датой, должна быть подобная реакция, политики должны проявить мудрость. Чем грозит? Приня-

тие этой даты на общенациональном уровне может привести к глубокому расколу не только между русскими и татарами, но и между крымскими татарами и казанскими татарами...

Тэймур Галимов: Какие будут последствия новой памятной даты? Прежде всего, никто нюансов учитывать не будет. В обществе точно никто ничего учитывать не будет. Если мы хотим обучить – поздно. Если мы хотим дать новым поколениям понимание о том, что история была вот такой... Если прошлые поколения этому не обучились, то и эти тоже останутся такими маленькими бездарями, которые историю не читают и не знают. Это скучно для них, когда есть телевизор, компьютер, Интернет. А давай в Интернете посмотрим! Замечательно. Есть всякие порталы русские националистические, которые совершенно ничего не чураются. Их совершенно не интересует объективность. Если они получают этот праздник, для них это будет действительно праздником. И конечно, это создаст прецедент. Поэтому, скорее всего, этот законопроект нужно вообще рассматривать с точки зрения юридической составляющей. И обязательно, как мне кажется, нужно посмотреть, не нарушает ли он закон в принципе. Скорее всего, нарушает. Тем более что мы очень постарались посмотреть на эту проблему с разных сторон.

«НАДО ПРЕДЛОЖИТЬ ОТМЕЧАТЬ ЭТУ ДАТУ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ»

Модератор: Спасибо. Вадим Винцович, ваш прогноз – какие последствия возможны?

Вадим Трепавлов: Я немного в другом ракурсе рассмотрю вопрос. Насчет последствий, мне кажется, все понятно. В первой части «круглого стола» мы говорим примерно об одном и том же, убеждали друг друга в том, в чем не надо нас убеждать. И сейчас то же самое продолжается. Все документы на историческую тематику из администрации президента, Думы, министерств идут на экспертизу в Институт российской истории РАН. Но вот документ насчет Угры я не видел. В первоначальной редакции этот юбилей Стояния на Угре шел как День воинской славы. И поэтому он прошел у нас, видимо, через центр военной истории или через центр феодализма. Я посмотрел материалы в Интернете – там сплошь положительные экспертизы.

Дамир Исхаков: А где тут День воинской славы, вот я не понимаю. Где она, воинская слава?

Вадим Трепавлов: Ну не в этом дело, Дамир. Не об этом речь. Сейчас это совершенно неважно. Вот у нас в проекте резолюции сказано: «Отечественные и зарубежные ведущие специалисты по данной проблематике, следуя за синхронными источниками, также склонны полагать, что стояние на Угре не следует признавать как конец ордынского господства на Руси». Так в ответ на это нам предъявят несколько положительных экспертиз. Я думаю, самое лучшее – не опровергать значимость стояния на Угре и, как тут говорили, вообще предложить Думе забыть этот вопрос. Нет, надо предложить отмечать эту дату на региональном уровне. Не из-за надуманности или исторической ничтожности события, а из-за вредности национального противостояния в Российской Федерации. Вот под этим соусом подать. Я посмотрел в Интернете, в каком состоянии сейчас находится этот вопрос. Профильный комитет обсудил, одобрил и готов вынести на осеннюю сессию Государственной Думы. Но, мне кажется, еще рано опускать руки. И нужно предъявить не обращение к общественности, которое у нас тут составлено. Ведь Дума будет обсуждать дополнение к федеральному закону 1995 г. о памятных датах. И тут очень хороший повод устроить парламентские слушания по этому поводу – пригласив экспертов. Причем по закону о Госдуме парламентское слушание проводится только в период работы Думы. Сейчас она на каникулах, а вот осенью это можно будет устроить. Но лучше, если инициатива провести слушания будет исходить не от группы заинтересованных историков, а от руководства субъекта Федерации. Вот как это сделать солидно, чтобы действительно поставили в повестку работы Думы, как это технически сделать, я не знаю. А наше обращение, как тут сказано, «к научной общественности», можно уже потом обсудить вместе со слушаниями. Если они все-таки закончатся вынесением этого вопроса на голосование, то Дума наверняка проголосует за эту дату.

Леонард Недашковский: Я тоже обратил внимание на этот проект обращения, обращенный к научной общественности Российской Федерации. Если пойдет речь о его подписании или вынесении куда-то в профильные административные либо научные организации, то, на мой взгляд, его следует подкорректировать. Если авторы сочтут это обращение возможным, тут есть фраза,

что представленные в научном обороте исторические источники доказывают, что стояние на Угре не завершилось освобождением Московского государства от власти татарских ханов. Ну и идет ссылка на завещание Ивана III, которое «содержит пункт о необходимости продолжения сбора и выплаты ордынских выходов в татарские ханства». Что мне хотелось бы сказать? Что с этим не согласятся многие российские ученые-историки, которые это прочтут. Потому что некоторые из них имеют мнение, что освобождение Руси от зависимости от Большой Орды произошло до 1480 г., а не после. То есть у них другое мнение. Это вызовет научные споры, дискуссии, которые, в общем-то, совершенно далеки от того, что мы с вами сегодня обсуждаем. Поэтому я бы советовал это убрать, поскольку в науке есть разные мнения на сей счет. Надо не нарываться на какую-то критику, а предложить свои конкретные идеи, что эта дата, 1480 г., действительно жестко не привязана к освобождению Руси от зависимости от Большой Орды. Показать, что это является предметом научных дискуссий, а не какой-то данностью.

Модератор: Спасибо большое.

Руслан Айсин: Думаю, что политические последствия могут быть очень серьезные. Я напомним, что Людовик XVI 14 июля 1789 г. в своем дневнике написал: «Ничего необычного не произошло». Мы тоже можем сказать, что ничего необычного не произойдет. Но мы не знаем, как это запустит цепочку политических, идеологических событий. Потому что мы находимся в очень турбулентной ситуации. Она связана сейчас с истощением политической системы или, как говорили древние греки, с маразмом. На древнегреческом это означает «истощение». Система истощилась, и теперь это как бы ошметками разносится по округе. Я напомним, что это началось с 2017 г., с татарского языка, потом с попытки запрета или ликвидации республик. Сейчас происходит наступление на историю, как главный идеологический ресурс власти, потому что наша система власти идеологизирована по одной простой причине – у нас нет общества. Там, где нет сильного гражданского общества, там обязательно присутствует доминация идеологического момента. Второе – это попытка пересмотра неких событий, например, Рамзаном Кадыровым. Так, он поставил оценку имаму Шамилю определенным образом, что вызвало волнение в Дагестане. А Рамзан Кадыров очень нервно выступил, сказал, дескать, давайте приезжайте сюда и здесь митингуйте, я вам покажу, кто здесь главный.

Модератор: На самом деле серьезный симптом.

Руслан Айсин: Я и говорю, очень серьезный симптом. То есть одно дело заявить, что имам Шамиль был вот таким либо татары платили или не платили оброк или дань. Но это может вызвать цепную реакцию в условиях разворачивания дезинтеграционных процессов в Российской Федерации. Это может стать плохим стартовым механизмом. Поэтому для острастки, возможно, надо подготовить какой-то документ с общим политологическим анализом, где надо бы объяснить, что на самом деле попытка пересмотра или выпячивания одного из таких исторических моментов может спровоцировать очень серьезные процессы, в том числе в Крыму, на Кавказе, в Поволжье. Мы помним простой момент, связанный с изъятием татарского языка, он всколыхнул национальную общественность вообще в России. И в какой-то степени возродил чувство национального достоинства у людей. Думаю, что те, кто замысливает новую памятную дату, – не задумывают ли они некий подрыв и подготовку какой-то смены политической формации, скажем так, по-марксистски? Я бы сделал упор именно на это, не на Государственную Думу. Однако же Государственная Дума, конечно, институт, но самый главный институт в Российской Федерации – это сами граждане. И если эти граждане выразят свое несогласие, если мы подключим сюда и башкир, и якутов, а у нас есть такая возможность, и они выскажут свою позицию, то общим фронтом мы сможем как бы выстоять – не на реке Угре, а на Москве-реке или в Лете забвения. Потому что мы стоим на берегу Леты забвения.

*«А ДЛЯ ДРУГИХ ПАТРИОТИЗМ – ЭТО ЗНАЧИТ ВЗЯТЬ ПОД КОЗЫРЕК ПЕРЕД
ВЛАСТЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ»*

Дамир Исхаков: Я хотел бы одну реплику высказать о том, что сейчас происходит. Кто был в Тобольске, знает, что там строится памятник Искеру и там есть Искерская Астана – мусульманская

святыня захоронения, рядом с православным кладбищем. В последнюю мою поездку выяснилось, что специально перед мусульманскими захоронениями перезахоронили православного человека, сделали большую ограду, и крест поставили. И татары сказали: «Уже наших мертвых окружают». Вот это общий идеологический тренд, очень глупый, совершенно имперский, не соответствующий новым веяниям. И таким путем далеко уйти нельзя. Когда вот так, в лагерь, запирают народ, это очень опасно.

Модератор: Не знаю, есть ли общий имперский тренд. Возможно, все банально и просто – калужский губернатор, вслед за 1000-летием Казани, 1000-летием Ярославля, решил получить федеральные деньги на памятную дату. Так как он губернатор, он живет интересами своего региона. А тут он попал на другое поле, на минное поле – даже страну может подорвать, не дай бог. А он потом скажет: «Я же не этого хотел...» Пожалуйста, Искандер Лерунович.

Искандер Измайлов: Мне кажется, что дело не в губернаторе. Это общеполитическая ситуация с того момента, когда еще в 2000 г. Путин опубликовал свое программное заявление. Не знаю, кто уж ему писал это, но там уже было подчеркнута как основная цель идеологии нового государства Российского – это патриотизм, как они его понимают.

Модератор: Хорошая идеология – патриотизм.

Искандер Измайлов: Хорошо, никаких вопросов нет к патриотизму. Просто получается два понимания патриотизма. Одни патриотизм понимают, как что-то такое местное, связанное со своим народом, его культурой. А для других патриотизм – это значит взять под козырек перед властью и государством. Это два разных патриотизма, и они имеют разную природу. И с этого момента совершенно четко определенный тренд – возрождение не просто империи, а унифицированного государства как имперского пространства власти. То, что не удалось ни в Российской империи, ни в Советском Союзе, сейчас пытаются возродить и навязать всем нам. Все сложное, не унифицированное, рассматривается его идеологами как мешающее, как негативное, чреватое развалом государства. В их понимании, для того чтобы внедрить свой патриотизм, преодолеть чужую идентичность, ее необходимо всячески изничтожить. Но ведь даже при советской власти, хотя были единые учебники, все равно были и какие-то областные учебники. А здесь предполагается вообще изъять из школы региональный аспект образования. Еще немного, и скоро мы будем изучать историю только по одной книге, которая будет утверждена где-то свыше. И это не какой-то футуристический прогноз, а вполне внедряемое в нынешнее сознание явление. Понятное дело, что этому надо противостоять. Считаю, что Вадим Винцерович совершенно прав – обращение нужно совершенно по-другому написать. Пока оно смотрится как продолжение какого-то научного спора. Эта бумага составлена совершенно неправильно. Здесь нужно апеллировать прежде всего к нашим местным республиканским властям, а не к Госдуме России.

Модератор: К депутатам Госдумы от Татарстана, к Госсовету Татарстана, ко Всемирному конгрессу татар...

Искандер Измайлов: Надо внедрять свой патриотизм. Думаю, республиканские власти это поддержат. В свое время из учебников изъяли понятие ига, то есть этой мифологемы не стало. Уже хорошо. Можно, значит, все-таки чего-то добиваться. Здесь точно так же. Но даже если этот праздник станет Днем воинской славы... Вообще, этих дней воинской славы на самом деле очень много. Синопское сражение... Кто помнит, что, где оно было, чем закончилось? Единственное, что возле какого-то Синопа. А по поводу идеологии – сам тренд возвеличивания вот этих самых воинских памятных дат кажется делом очень важным и даже патриотичным некоторым людям. Но, с другой стороны, они не понимают, что это очень обоюдоострое оружие. Например, на Украине днем воинской славы названо сражение при Конотопе, в Беларуси и Литве – под Оршей. Получается, что в России – одни праздники, а против них народы, которые вышли из состава Российской империи, Советского Союза, выдвигают свои. И растет пропасть между народами, которой еще совсем недавно не было. Тот, кто строит эту идеологию, просто не понимает, что он выковывает оружие обоюдоострое.

Модератор: Ящик Пандоры открывает...

Искандер Измайлов: Конечно. И в этом смысле мне очень нравится фраза, которую я постоянно говорю: если у нас не будет общего прошлого, то у нас не будет общего будущего. И это, мне кажется, очень важная формула, которую нужно помнить нашим политикам и идеологам.

Модератор: Хорошее завершение. Большое спасибо всем за участие в «круглом столе». Думаю, что наши читатели получают исчерпывающий материал по этой теме, экспертный материал. Плюс политики прочитают стенограмму «круглого стола», депутаты Госдумы, наша республиканская власть. В принципе, и в Москве читают нашу газету. Думаю, что дойдет наверняка и до губернатора Калужской области. Уверен, что все-таки этот человек точно не хочет развалить Россию, он патриот России и, может быть, тоже задумается, куда может это все привести. Что очень интересно, сегодня прозвучала и масса конструктивных предложений, мы в газете о них обязательно расскажем. Наша цель – сделать такие конструктивные публикации, чтобы люди прочитали, задумались и вообще перевели из минуса в плюс, раз уж дошло до Госдумы. Так что будем надеяться на лучшее, все-таки мы граждане России, поэтому «не бог, не царь и не герой» спасет ее, а мы, живущие здесь, должны быть активными. Спасибо за общение, за позицию, за принципиальность.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/436915>,
30 августа 2019.*

ЧАСТЬ 5. ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАЛИЗМА

Айрат Файзрахманов

«МЫ ВЕРНЕМСЯ К СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ «ФЕДЕРАЛИЗМА», КОГДА ТАССР ВЛАДЕЛА 2% СВОЕЙ ЭКОНОМИКИ»

Слова Рустама Минниханова о том, что доходы между центром и регионами распределяются несправедливо, вызвали широкий политический резонанс, а многие федеральные СМИ охарактеризовали это как демарш и «бунт регионов». Блогер «БИЗНЕС Online», кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов считает, что нам необходимо вернуться к основным принципам федерализма, а дальнейшее закручивание гаек в этом вопросе может откинуть нас во времена СССР – сформируется зависимая дотационная экономика.

**«1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:
... и) установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации».**

Конституция Российской Федерации, ст. 72

«ПОДОБНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА МОЖЕТ СТАТЬ ПОВОДОМ ДЛЯ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В СУДЕ»

После высказываний Президента Татарстана Рустама Минниханова о несправедливости распределения доходов между центром и регионами, большинство федеральных СМИ поспешили охарактеризовать эти слова как демарш и «бунт регионов». Хотя речь шла о федерализме и об очевидных государствообразующих истинах. Гайдаровский форум подтвердил, что это не только наша боль. Подобная риторика – это не какие-то политические «игры». Речь не о доходах сторонней организации под названием «Республика Татарстан», ситуация характерна для всех регионов – около 67% забирают у всех, а после этого удивляются долгам регионов. Оставшиеся доходы затем конвертируются в зарплаты бюджетников, уровень жизни, темпы развития экономики, качество оказания государственных и социальных услуг. Или не конвертируются, если денег в регионе остается соразмерно бюджету новогодней иллюминации Москвы.

Считающаяся установившейся в нулевые годы в Российской Федерации система межбюджетных отношений, в рамках которой подавляющая часть региональных доходов изымается федеральным Центром, еще далеко не установилась и продолжает «прогрессировать». Так, с 2010 г. собранные на территории республики налоговые и неналоговые доходы выросли на 184 млрд рублей в год. Этот рост почти на $\frac{2}{3}$ ушел в федеральный бюджет. Отчисления в федеральный бюджет за эти годы увеличились на 106%, или на 115 млрд рублей, тогда как доходы консолидированного бюджета республики – только на 62% (69 млрд рублей). Закономерность: чем больше зарабатываешь, тем меньше получаешь в совокупной доле доходов. Получается «прогрессивный» налог на регионы-доноры.

Такими темпами к 2042 г. мы вернемся к советской модели «федерализма», когда ТАССР владела только 2% своей экономики, а остальное перераспределялось Москвой. Впрочем, доходы, которые ныне остаются в регионах, по большей части вполне управляемы из центра – многочисленные приказы, акты и иные ведомственные и подведомственные документы определяют, как наиболее эффективным образом на местах потратить деньги. Почти как в петровскую эпоху циркуляров и

указов, вот только тогда большая часть денег оставалась на местах – бочонки с деньгами точно не свозились из дальних губерний в царскую казну и обратно.

С учетом этого фактора можно отнести модель бюджетного федерализма в России к группе стран, где менее 20% доходов – это полностью собственные деньги региона. Есть и другая закономерность, где модель бюджетного федерализма может коррелировать с уровнем коррупции в стране, судите сами.

Из указанных в первой и второй группе федеративных стран центр не имеет права залезать в кошельки субъектов, объявляя от своего имени льготы по региональным налогам. Не может он единолично забирать и раздавать полномочия. В противном случае подобное поведение федерального Центра может стать поводом для разбирательства в высшей судебной инстанции или причиной для жарких политических баталий. В Российской Федерации представить, например, чтобы Калужская область судилась с федеральным Центром, невозможно. В условиях высокой централизации забываются свои же федеральные законы, статусом которого обладает «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», где один из пунктов оговаривает невозможность вмешательства в полномочия республики.

«НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ О ФЕДЕРАЛИЗМЕ ВСПОМИНАЮТ РЕДКО»

Вообще на федеральном уровне о федерализме вспоминают редко. Складывается ощущение, что из знакомого и родного нам всем сочетания «Российская Федерация» представители «центра» (в их числе федеральные СМИ) вряд ли смогут четко рассказать о смысле и сути второго слова. Тема не только не модная, но и, видимо, имеет статус нон грата в публичном пространстве. Иначе чем можно объяснить молчание депутатов Государственной Думы и Совета Федерации, где наибольшая концентрация представителей регионов? Избиратель не видит ярких выступлений и консолидированной позиции по этому поводу. В итоге о Татарстане, как об «опухшей» республике, говорит Владимир Жириновский.

Наоборот, признаком хорошего тона стало ругать появление федерализма, мол, большевики одним росчерком пера, в декретном порядке ввели «ненужную» для России федерацию. Любят попрекнуть Ленина и К^о и в том, что те вдруг взяли и отдали Финляндию, Польшу, создали своими руками Украину и Белоруссию. Якобы, если бы они проповедовали жесткий унитаризм, мы жили бы в самой лучшей стране мира. Естественно, подобная манипуляция историей не выдерживает никакой критики (ряд автономных государственных образований сформировался еще до большевиков), но обвинять мертвого льва в развале империи гораздо легче, чем копаться в себе. Поэтому обещания Жириновского после прихода к власти на следующее утро сделать страну централизованной и встать на грабли унитаризма не встречает сильного сопротивления.

Однако идеальная унитарная модель Жириновского, когда из Москвы за один день меняют всех губернаторов и знают, сколько гвоздей нужно Владивостоку, не существует в природе. И здесь часто приводимый пример КНР, Франции или других европейских стран не просто нерепрезентативен, он очень далек от истины. Так, еще с 1880-х гг. в авторитарном Китае идет процесс делегирования полномочий вниз и децентрализации бюджетной системы, действует принцип «одно государство – две системы», существуют автономные районы с большими полномочиями (которые, несмотря на все их проблемы, не ликвидируются) и т. д., на государственно-партийном уровне существует ряд проектов реальной федерализации Китая. Сосед КНР по азиатско-тихоокеанскому региону, Индонезия, движется в сторону федерализации с еще большей скоростью. В соседнем унитарном Казахстане, где также идет постепенная децентрализация, в среднем около 30% остается на местах, при том что даже регионы-доноры затем щедро снабжаются различного рода трансфертами, а объявленная накануне Назарбаевым политическая реформа передает большое количество полномочий регионам.

*«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР, ЧТОБЫ ИСПОЛНИТЬ «МАЙСКИЕ УКАЗЫ» ПРЕЗИДЕНТА,
ПЕРЕКЛАДЫВАЕТ ГОЛОВНУЮ БОЛЬ НА СУБЪЕКТЫ»*

Как бы это парадоксально ни звучало, практически единственным способом развития федерации является сверхцентрализация – денег, идей, ресурсов, людей, жизненных пространств. Причем это сверхцентрализация, которая неоднократно воспроизводится на протяжении всей российской истории, несмотря на то, что всегда служила и продолжает служить сильнейшим институциональным барьером развития страны. Вместе с тем другие институты (политические, судебные, экономические), позволяющие снижать барьеры и максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества регионов, остаются вне риторики федерального Центра.

Даже в условиях, когда гигантская инфраструктура и огромные команды управляются с другого континента парой кликов мыши, мировой тренд складывается в пользу регионализации и значительной децентрализации власти. В Испании, Италии, Японии, в Соединенном Королевстве существуют вполне самостоятельные региональные правительства. Славившаяся своим централизмом Франция и та движется в сторону передачи полномочий на уровень избираемых региональных органов власти. В регионах и муниципалитетах сосредотачивается до 70% налогов.

Пока же у нас получается так, что федеральный Центр, чтобы исполнить знаменитые «майские указы» президента, перекладывает головную боль на субъекты, урезая при этом часть доходных статей в пользу федеральной казны. Далее регион активно кредитруется (суммарный объем региональных долгов – более 2,3 трлн рублей!) и параллельно оптимизирует дотации муниципалитетам, которые «режут» свои бюджеты – на культуру, на дворовую инфраструктуру, на дороги и т. п. Отдавая 67% в федеральную казну, из оставшихся денег регион оставляет муниципалитетам десятую долю, вынужденно делая просящими в региональных кабинетах уже муниципальных чиновников. Благо около 5–7% возвращается через всевозможные ФЦП. Дотаций, вопреки расхожему мнению, Татарстан и остальные регионы-доноры не получают. Субсидии, субвенции и межбюджетные трансферты (это отдельная песня) – чуть более десятой доли доходной части. Интересная логика: отдали деньги, потом обратно их получили в виде подарка или в виде кредита.

По всей видимости, в дальнейшем регионы должны будут руководствоваться следующим тезисом федерального премьер-министра: «По-хорошему, каждый регион должен зарабатывать свои доходы сам». Но в том-то и дело, что абсолютное большинство регионов худо-бедно зарабатывают, а федеральный Центр забирает себе больше половины «получки». При том что большая часть бюджетников (учителя, врачи и т. д.) кормится преимущественно с денег региона.

Вместе с этим количество трансфертов, субсидий из федерального Центра субъектам РФ стало ощутимо снижаться в 2016 г., только в Татарстане за первое полугодие 2016 г. отмечалось сниже-

ние потока денег по федеральным программам и составило 29%. Кроме того, в параметрах федерального бюджета предусмотрено снижение затрат на здравоохранение, в реальном выражении проседает также образование. В такой ситуации заставить регионы повысить зарплаты бюджетников можно только за счет радикальной оптимизации сети бюджетных учреждений и сокращения ставок. Что мы и видим в последнее время.

Во всей этой привычной картине есть еще две новые вводные данные. Пик по долгам региональных бюджетов еще впереди. Конечно, выплаты будут пролонгированы, но оттягивать выплату долга вечно не получится, регионы – это не Куба или Монголия, которым можно простить долги. Второй момент – ускорение падения реальных доходов населения на 6,1% по сравнению с прошлым годом. И если из общефедерального знаменателя убрать Москву и высокодоходные группы, то картина окажется еще более плачевной. Вынужденное повышение тарифов и акцизов, новые косвенные платежи сработали как налог на бедных и ощутимо ударили по деградирующим доходам нижней страты среднего класса.

*«МАСШТАБНАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ ОТДЕЛЬНЫМ РЕГИОНАМ БЕЗ
СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ФОРМИРУЕТ
ЗАВИСИМУЮ ДОТАЦИОННУЮ ЭКОНОМИКУ»*

В упомянутых выше федеративных странах дотации и иные трансферты, составляют солидную долю доходной части субъектов: в Германии совокупная цифра составляет 44%, в Канаде, США и Швейцарии – от 13 до 26%, в федеративной Бельгии – 68%. Для сравнения: в Российской Федерации – 23%, и это на фоне высокоцентрализованных доходов. Львиную долю получают действительно неэффективные. Масштабная финансовая помощь отдельным регионам без стимулирования развития конкурентных преимуществ формирует зависимую дотационную экономику, где основной является сфера бюджетных услуг. Предлагаемый Татарстаном механизм, когда сильный регион помогает слабому напрямую, минуя центр, не принимается во внимание.

В такой конфигурации группа регионов, находящаяся в ситуации долговременной дотационности, не заинтересованная в финансово-экономической самостоятельности, будет существовать постоянно. В то же время регионы, которые обладают реальными признаками экономической и финансово-бюджетной самодостаточности, способные взвалить на себя высокий уровень ответственности, имеют тот же круг полномочий и структуру доходно-расходной части. Вообще, в мире нет абсолютно симметричных федераций, и те немногие из них, которые позиционируются как таковые, включают в себя элементы асимметрии. Конституционная норма (в т. ч. и в России) о равноправии субъектов остается не более чем теоретической абстракцией, которая в реальной жизни всегда имеет разнообразные отклонения от идеала.

Разнообразие субъектов в России – в стране с 11 часовыми поясами и более 180 народами – явление естественное. Это объективная реальность, с которой следует считаться, а не бороться, как к тому призывают некоторые политики. Нет двух одинаковых субъектов Федерации, каждый имеет свой уровень экономического и политического развития, свои исторически сложившиеся отношения с центром.

Сегодня воспроизводство старых институтов имперской и советской государственности в сочетании с новыми институтами и их мутациями, постоянная борьба за меняющийся объем политических и финансовых ресурсов формируют сложный, необычный и интересный контекст российского федерализма, в котором борется столичный централизм и региональная асимметрия. Не исключено, что мы приближаемся к очередной развилке, где будет сделан выбор между жесткой централизованной модификацией формы государственного устройства или же гибкой моделью, передающей субъектам Федерации больше прав и вместе с ними больше ответственности. Что победит, зависит и от голоса самих регионов и их скоординированных действий.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/335364>,
29 января 2017.*

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПРЕПОДАВАНИЕМ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В БАШКОРТОСТАНЕ?

Общественная дискуссия вокруг роли и места башкирского языка в образовательной системе Башкортостана в конце июня разгорелась с новой силой. Поводом послужило предписание прокурора Башкортостана, адресованное главе республики Рустэму Хамитову, в котором говорится о нарушениях при преподавании башкирского языка в школах региона. Речь идет как о нарушениях при составлении методических пособий и учебников, так и о несоответствии местных образовательных норм федеральному законодательству. Практически одновременно (и это вряд ли случайно) Рустэм Хамитов в интервью главному редактору «Эха Москвы» Алексею Венедиктову подчеркнул, что башкирский язык изучается в школах республики в обязательном порядке 1–2 часа в неделю именно как государственный язык. Правда, он добавил, что сам всегда выступал за отказ от принуждения и полную свободу выбора в изучении языков.

Проблема изучения башкирского языка появилась не сегодня. К сложившейся ситуации привели сразу несколько внутриреспубликанских факторов, и в последнее время эти факторы заметно усложнились и усугубились. И дело не только в регулярных жалобах на обязательное изучение башкирского языка всеми (хотя это тоже сыграло свою роль). С одной стороны, была принята программная резолюция Всетатарского общественного центра, в которой речь идет о нарушениях национальных прав татар Башкортостана. С другой стороны, появилась новая башкирская организация – Конгресс башкирского народа, уже успевший отметиться рядом весьма неоднозначных заявлений.

Всё это является индикатором того, что в национальной политике, проводимой госорганами республики, далеко не всё гладко, и здесь явно срочно нужно что-то менять.

Отметим, что языковая ситуация в Башкортостане разительно отличается от других национальных республик, в которых кроме русского государственным является и язык «титულიной» национальности (например, Татарстан и Чечня). На нее влияют следующие факторы:

Фактор этнический. Как известно, башкир в Башкортостане даже по данным последней переписи 2010 г. (которую многие татарские организации считают списанной с результатов сфальсифицированной переписи 2002 г., а значит, не отражающей реальной этнической ситуации) не больше 29% от всего населения республики. Причем, минимум треть из них – татароязычные башкиры, для которых родным языком является татарский. В результате количество башкироязычных башкир не превышает 18–19% населения республики. Татары по данным переписи 2010 г. составляют 25%. Прибавляем сюда 11% татароязычного населения, записанных башкирами и получаем в итоге 36%. Русских в республике по данным той же переписи – 36% (сомневаться в достоверности этой цифры не приходится). Итого получаем на выходе следующие цифры: башкироязычное население – 18–19%, татароязычное – 36%, русскоязычное – 36%.

В Татарстане же татары составляют 53% населения, а в Чеченской республике чеченцы – 95%. В этом смысле сравнивать Башкортостан и целый ряд других национальных республик России не совсем уместно.

Не стоит забывать и о том, что этнический состав современного Башкортостана был разбавлен присоединением к нему в 1922 г. территории части Уфимской губернии, населенной в большинстве татарами, но промышленно более развитой, чем башкирское Зауралье. Безболезненное национальное самоопределение башкир тогда, безусловно, было отдано в жертву усилению экономического потенциала башкирской автономии.

Как видим, этнический состав Башкортостана играет явно не в пользу сторонников обязательного изучения башкирского языка.

Фактор юридический. Как известно, Татарстан имеет Договор о разграничении полномочий между органами государственной власти России и органами государственной власти Татарстана (истекает 24 июля 2017 г.), который де-факто и де-юре предопределяет особое положение Татарстана в системе федеративных отношений РФ. С юридической точки зрения это важнейший (а по сути, единственный) документ, связывающий Татарстан с Россией, так как Татарстан, в отличие от других субъектов федерации, не подписывал в 1992 г. Федеративный договор, а граждане республики не участвовали в референдуме 1993 г. по принятию новой российской Конституции.

Республика в составе Российской Федерации – это национально-территориальная автономия, созданная для самоопределения одного из народов РФ. И государственный статус языка этого народа – символ этой автономии, символ политического самоопределения народа.

Но, как мы видим на примере Башкортостана, при формировании его границ этнический фактор не учитывался должным образом, поэтому не только башкирской интеллигенции, но и всей многонациональной общественности республики в этой ситуации необходимо понять и договориться о том, какая же конечная цель преследуется при изучении башкирского языка как государственного? И вот это ключевой вопрос, без ответа на который нельзя найти взаимоприемлемый вариант.

Целью здесь не может быть абстрактная и расплывчатая формулировка вроде приобщения к культурному наследию народа, именем которого названа республика. Она должна быть определена конкретно: человек вне зависимости от своего этнического происхождения за годы обучения в школе должен, как минимум, уметь читать, писать и хотя бы бегло изъясняться на башкирском языке. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы в случае практической необходимости суметь разобраться с документальными материалами госорганов, которые должны вести свой документооборот на всех государственных языках.

КАКАЯ КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ ПРЕСЛЕДУЕТСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО?

Однако становится очевидным, что обязательное изучение башкирского языка в Башкортостане всеми – в том виде, как это происходит сейчас – дальше продолжаться не может.

Это не означает, что башкирский язык не имеет прав на свое развитие. Это не означает потерю государственного статуса башкирского языка. Это лишь говорит о том, что в нынешней ситуации нужно что-то менять, но при этом максимально (насколько это возможно) соблюсти интересы всех сторон. Прежде всего, необходимо «ослабить гайки» там, где это возможно. Например, это касается сложившейся, по сути, абсурдной ситуации, когда татарские школьники вынуждены изучать башкирский язык в течение 11 лет, при этом чаще всего не имея возможности учить свой родной язык в качестве отдельного предмета (про татарские национальные школы и речи не идет – их в республике осталось крайне мало). Подобная практика вредит всем сторонам.

Преподавание на протяжении 11 лет башкирского языка фактически дает татарским школьникам мало знаний, неся при этом массу отрицательных моментов: школьники не просто плохо усваивают башкирский (при морфологическом и лексическом сходстве татарского и башкирского насильное изучение последнего идет во вред изучению родного языка), но и де-факто становятся противниками обязательного изучения государственного башкирского языка. Дело в том, что именно через обязательное обучение татарских школьников башкирскому языку проводилась политика «башкиризации»: под видом преподавания родного языка татарам преподавался башкирский.

Татарский же преподается только как предмет, и это в лучшем случае, так как большинство татарских школьников лишены даже такой возможности. Напомним, что в миллионной Уфе, где проживает 286 тыс. татар, функционируют всего две татарские гимназии, которые оснащены на порядок хуже башкирских и русских средних учебных заведений.

ПОД ВИДОМ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА ТАТАРАМ ПРЕПОДАВАЛСЯ БАШКИРСКИЙ.

В этой связи отметим, что татарские общественные организации никогда не выступали против изучения башкирского языка как такового. Справедливые претензии всегда вызывала лишь явная подмена понятий и преподавание башкирского языка татарским школьникам под видом родного.

Не секрет, что татарский и башкирский языки практически идентичны друг другу, таким образом, знающий татарский язык де-факто уже владеет и башкирским. На это всегда указывали и татарские общественные организации. Еще в 1989 г. Уфимский ТОЦ и клуб любителей татарской культуры имени Галимджана Ибрагимова в своем письме ЦК КПСС писали: «татарский и башкирский языки очень близки друг другу и не требуется специальной подготовки для общения друг с другом». Таким образом, количество лиц, знающих башкирский язык, в республике, по сути, составляет около 2 млн человек, т. е. более чем вдвое превышает численность башкирского населения, признающего родным башкирский язык.

Если конечная цель – это овладение башкирским языком, то не будет ли более целесообразным разработка отдельного учебного пособия для татарских школьников, благодаря которому усвоить небольшую разницу между татарским и башкирским (а значит, и выучить башкирский) можно в течение одного семестра (максимум – одного учебного года)? В остальное же время татарским школьникам должны быть созданы все условия для полноценного изучения родного языка, как в рамках национальных школ и гимназий (нынешнее мизерное число которых должно быть увеличено хотя бы в крупных городах республики), так и обычных школ.

Теперь даже на официальном уровне идут разговоры о разработке нескольких вариантов учебников башкирского языка. Значит, написание небольшого учебно-методического пособия для татарских школьников не потребует больших финансовых вложений – зато решит множество проблем.

Разработка отдельного учебного пособия для татарских школьников, благодаря которому усвоить небольшую разницу между татарским и башкирским можно в течение одного семестра – более целесообразна

Кроме того, отсутствие необходимости в течение 11 лет преподавать башкирский язык приведет к значительной экономии финансовых средств, которые можно направить на улучшение тех же учебно-методических пособий.

В результате треть школьников овладеет татарским и башкирским (чего, кстати и желает башкирская интеллигенция), а у татароязычного населения укрепится лояльное отношение к государственному статусу башкирского языка. Также важен и тот момент, что это позволит башкирскому национальному сообществу, что называется, «сохранить лицо» в отстаивании своей позиции в данном вопросе.

Таким образом, сходство двух языков из проблемы превратится в конкурентное преимущество.

Старания башкирской национальной интеллигенции во что бы то ни стало удержать позиции башкирского языка, на первый взгляд, понятны. Однако ссылки на опыт Татарстана и тем более Чечни тут явно не уместны. Невозможно продолжать навязывать свою волю, если башкироязычное население составляет меньше 1/5 от населения всей республики. Демократия предполагает власть большинства при учете мнения меньшинства. Поэтому вопрос об изучении башкирского языка будет решен лишь тогда, когда он удовлетворит интересы большинства населения всего Башкортостана. А при реализации вышеописанного варианта как раз и получается устойчивое большинство: 36% татароязычных + 19% башкироязычных дают в итоге 55% населения республики, и игнорировать мнение такого большинства уже невозможно. При подобном раскладе вопрос об обязательности преподавания государственного башкирского языка отпадет сам собой.

Но это несомненно потребует отказа башкирской национальной интеллигенции от их главной идеологемы – попытки выправить положение башкирского этноса за счет интересов татар Башкортостана. В противном случае перед башкирским языком маячит перспектива не только потери своего статуса, но и дальнейшей деградации, потери своих позиций даже среди самих этнических башкир.

Источник: <https://www.idelreal.org/a/chto-delat-s-bashkirskim-yazykom/28601499.html>,

11 июля 2017.

* * *

Айрат Файзрахманов

«ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ НЕВОЗМОЖНА БЕЗ ФЕДЕРАЦИИ. ЭТО АКСИОМА, КОТОРОЙ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ»

Может ли быть унитарным государство, где дорога из Сахалина в Петербург занимала больше года?

На федеральном уровне все чаще обсуждается тезис о том, что создание на обломках Российской империи республик было большой исторической ошибкой: слова Жириновского о необходимости губернизации России, заявления Габрелянова... Кандидат исторических наук Айрат Файзрахманов в материале для «БИЗНЕС Online» отмечает, что республики – это вовсе не «бомба в фундамент Российского государства», а создание СССР как союза национальных республик было актом собирания земель, а не попыткой их разделить.

«ПОЧЕМУ ЗА ОТРИЦАНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НЕТ НИКАКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?»

На сегодняшний день на федеральном уровне все чаще культивируется тезис о том, что создание на обломках Российской империи республик было величайшей исторической ошибкой. Кто-то, как Президент РФ Владимир Путин, останавливается только на истории, а кто-то, как Владимир Жириновский, идет дальше, повторяя тезис о необходимости губернизации России.

Буквально накануне, перед тем как вспыхнули «страсти по Араму Габрелянову», где тот поддел в своем посте татар и Президента Татарстана, в официальном издании Госдумы – в «Парламентской газете» – были опубликованы очередные рассуждения Жириновского о необходимости ликвидации республик. Конечно, «историзм» и дипломатический этикет Владимира Вольфовича не выдерживает никакой критики. Черногория и Македония для него «невиданные государства», хотя эти народы берут исток государственности из глубины веков; он вспоминает о не существовавшей при Никите Хрущеве официальной политике коренизации в Казахстане, путая ее с совершенно другими процессами. А главное, Жириновский, как и многие, переносит термин «унитарное государство», которое является порождением эпохи модерна, на века назад. Может ли быть унитарным государство, где дорога из Сахалина в Петербург занимала больше года? Сторонники исторической унитарности России всерьез верят в то, что большая часть налогов в такой протяженной стране собиралась и отправлялась в столицу, а потом распределялась и снова возвращалась в губернии. Они думают, что украинский гетман, казахские и хивинские ханы, калмыцкие нойоны, финский и польский сеймы, бухарский эмир, главы башкирских родов и остзейского дворянства, дагестанские шамхалы существовали непременно в унитарном российском государстве...

И если в Татарстане или в других республиках стараются просто не замечать выпады главного либерал-демократа, то официальный парламентский рупор подает эту тему не только как мнение главы думской фракции, но и как предмет для дискуссии.

Возникает вопрос: если в Уголовном кодексе РФ введена ответственность за публичные призывы «к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», а непризнание вхождения Крыма в состав России расценивается как потенциальное преступление, то почему за отрицание существования республик в составе Российской Федерации нет никакой ответственности? Что это, если не отрицание основ конституционного строя? В свое время Российская Федерация воевала за восстановление этого конституционного строя в одном из своих субъектов, а сегодня в стране пропагандируется необходимость отказа от одной из основ этого строя.

*«ПОЛИТИКИ ЗАБЫВАЮТ, ЧТО НА ПРОТЯЖЕНИИ 75 ЛЕТ СУБЪЕКТАМИ РФ
ЯВЛЯЛИСЬ ТОЛЬКО РЕСПУБЛИКИ, А НЕ ОБЛАСТИ»*

Между тем недавно исполнилось 100 лет первой официальной российской конституции (10 июля) и 100 лет конституционному оформлению федеративного государственного устройства в нашей стране. И если первенством в установлении прочной демократии Россия похвастаться не может, то о российском федерализме можно сказать, что он один из самых старых в мире. Как ни странно, этот юбилей не находит сегодня сколь-нибудь заметного отклика ни в государственных структурах, ни в официальной научной среде.

В пылу Гражданской войны именно Конституция РСФСР впервые официально закрепила такие базовые основы государства, как республиканскую форму правления, светский характер и федеративное устройство государства. Она завершила процесс ликвидации сословного общества в стране и объявила все те конституционные свободы, которые декларируются и по сей день. В состав первой Конституции целиком и полностью вошла «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», объявлявшая в начале 1918 г. Россию «федерацией советских национальных республик». Конечно, другой вопрос, как все эти положения воплощались в жизнь: что-то действительно реализовывалось, а потом выхолащивалось, что-то понималось по-своему – «по-советски», какая-то часть Конституции так и осталась на бумаге. Многие, кто поверил большевикам, со временем жестоко за это заплатились, в том числе и национальные движения. Однако все же национальные республики стали основой федеративного устройства страны. Политики забывают, что на протяжении 75 лет субъектами Российской Федерации являлись только республики, а не области, которые были простыми административно-территориальными единицами.

Сегодня на государственном уровне большевиков ругают уже не за загубленные миллионы жизней, а за «ненужный» для России федерализм. Любят попрекнуть Владимира Ленина в том, что при нем в декретном порядке ввели национально-территориальный принцип федеративного устройства, взяли и отдали Финляндию, Польшу, создали своими руками Украину, Беларусь и другие республики. Многим кажется, что, если бы они проповедовали жесткий унитаризм или федерализм без национальных республик, мы жили бы в самой лучшей стране мира.

Однако если посмотреть на то, как развивались события, то становится ясно, что в 1917 г., еще до прихода к власти большевиков, в пылу революционной борьбы сложился ряд национальных автономий. Боролись не только советы и Временное правительство, партия войны и партия мира, пролетарские окопы и капитал – боролись между собой столица и национальная окраина, петроградский революционный унитаризм и стремление к самоопределению (не путать с сепаратизмом!). Федерализм вводился в России не «сверху», не актом высочайшего благородства верховной власти, а по сути – формировался явочным порядком.

*«НЕ БУДЬ ПОДДЕРЖКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ, КРАСНЫЕ БЫ НЕ
ВЫИГРАЛИ, И ТОГДА НЕ СОБРАЛИ БЫ ЗАНОВО В ПРАКТИЧЕСКИ ПРЕЖНИХ
ГРАНИЦАХ ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО»*

Большинство народов на своих национальных съездах заявили о необходимости создания автономий и скорейшей федерализации страны. И сделано это было без большевиков, без участия центральной власти. Временное правительство пыталось сопротивляться возникновению автономий,

но в один из самых решающих моментов нежелание признавать украинскую автономию привело к правительственному кризису. В момент Октябрьской революции под лозунгами национального самоопределения появились новые автономии. После прихода к власти большевикам ничего не оставалось, кроме как признать право на образование автономий. Что касается Финляндии, то царская власть сделала многое, чтобы отдалить этот край от России: политика унификации, постепенное лишение особого статуса, в 1917 г. попытка разогнать местный парламент – и некогда благодарные финны, как только в России началась вооруженная борьба за власть, решили сбежать из общего дома. Все это напоминает процесс распада СССР. Польша же была оккупирована Германией, ее народ никогда не забывал о своей независимости, а воевать за эфемерные лозунги российские солдаты не хотели.

Если же говорить об альтернативе власти большевиков, то избранное на основе всеобщего избирательного права Всероссийское учредительное собрание, на своем единственном заседании 5–6 января 1918 г. успело провозгласить большинством голосов Россию федерацией. Причем федерацией, основанной на национально-территориальном принципе. Предполагалось также, что на местах должны быть созваны Учредительные собрания, которые бы определили конкретную форму национальных автономий и степень их самостоятельности. Как известно, под знаменитую фразу «Караул устал» российской республике и ее народам не дали самоопределиться в свободной форме. Разгон большевиками Учредительного собрания послужил юридическим основанием для объявления Украиной, Эстонией, Латвией, Молдавией, Беларусью своей полной независимости, так как большевики не были признаны в качестве легитимной общефедеральной власти.

Другая альтернатива большевикам в 1918 г. – Вооруженные силы юга России, главной опорой которых стали казачьи войска. В их среде также были сильны федералистские настроения. На восточном направлении Оренбургское казачество атамана Александра Дутова и вовсе поддержало башкир и казахов в их стремлении объявить автономию. Вместе с тем в пылу гражданской войны, когда руководство белого движения решило не признавать автономии, оно потеряло поддержку национальных окраин и значительные боевые силы. Пока Антон Деникин воевал с украинцами и чеченцами, Александр Колчак не соглашался признавать независимость Финляндии и башкирскую автономию, большевики под лозунгами о национальном самоопределении переманивали на свою сторону целые народы и национальные войсковые части. Не будь поддержки национальных движений, красные бы не выиграли, и тогда не собрали бы заново в практически прежних границах единое государство. Западный мир, на который ориентировались адмирал Колчак, генерал Деникин и Евгений Миллер, уже признавал независимость некоторых национальных окраин. В этом смысле создание в дальнейшем СССР как союза национальных республик было как раз актом собирания земель, а не попыткой их разделить.

«СЕГОДНЯШНИЕ РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВЕ РФ – ЭТО НЕ ПЛОД «ЛЕНИНСКОЙ МЫСЛИ», А ПРЯМОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОПЫТОК ОБЪЯВИТЬ СВОЮ АВТОНОМИЮ»

Да, часть автономий действительно создавалась на основе отдельных постановлений центральной советской власти – тем самым большевики лишь перехватывали стратегическую инициативу на местах. Так, в ответ на самостоятельное желание татар создать советский штат «Идел-Урал» большевики выдвинули свой во многом похожий проект (в тех же границах – «Татаро-башкирской советской республики»), из которого потом и вырос Советский Татарстан (ТАССР).

В контексте всей этой истории сегодняшние республики в составе Российской Федерации – это не плод «ленинской мысли», это не результат декретов из центра, а прямое продолжение идей национальных съездов 1917–1918 гг. о государственности, продолжение попыток объявить свою автономию. Предпосылки распада федеративного государства – это отнюдь не сама идея национальных республик, а настырное желание надеть на все народы страны одинаковую одежду взамен старой, подмена реального федерализма квазифедерализмом, мелочная регламентация хозяйственной жизни из одного центра. О такой «бомбе в фундаменте» незадолго до ареста еще в 20-х гг. предупреждал «главный татарский коммунист» и работник сталинского

наркомнаца Мирсаид Султан-Галеев. Он говорил о том, что деление республик на «настоящих сыновей» (союзные республики) и «пасынков» (автономные республики), вездесущий и указующий перст Москвы и полуколониальные отношения в форме «старший брат – младшие» приводят к распаду СССР.

Не будет лишним периодически напоминать об этом общественности, которая видит весь корень проблем в большевистской федерации. Считая создание республик «бомбой в фундамент Российского государства», мы отвергаем свой исток, свои принципы государственности, самих себя. В современных условиях единственная возможность сохранения единства огромной многообразной страны – это не жесткий унитаризм, централизация и диктат центра, а создание такого положения, при которых субъектам комфортно и выгодно участвовать в федеративном образовании. Демократия в России невозможна без федерации, это аксиома, которой более ста лет.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/388727>,
15 июля 2018.*

* * *

Ильнар Гарифуллин

ЧТО ДЛЯ РОССИИ ЗНАЧИТ «14 МАКРОРЕГИОНОВ»?

Одной из самых обсуждаемых тем после пресловутой пенсионной реформы стал проект создания «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.», согласно которой территория страны будет поделена на 14 макрорегионов. Текст проекта размещен на сайте Министерства экономики.

Поволжье оказалось разделенным на два макрорегиона: Волго-Камский и Волго-Уральский. Волго-Камский макрорегион включает в себя Марий Эл, Мордовию, Татарстан, Удмуртию и Чувашию, Кировскую и Нижегородскую области, а также Пермский край.

В Волго-Уральский макрорегион вошли Башкортостан, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области.

А их действительно ли делили экономисты с учетом сложившихся экономических связей, транспортных коридоров между регионами и экономической специализации субъектов?

В оправдание данной, весьма странной, на первый взгляд, инициативы авторы документа вспомнили об экономических районах, доставшихся в наследство от советского периода и ныне формально существующих, но которыми уже в реальности никто давно не пользуется. Забыв, правда, упомянуть одну существенную деталь – экономическое районирование, не покушавшееся на национально-территориальное разделение страны, основывалось на том, что советская экономика была плановой. На основе такого разделения еще можно было вести речь о том, что районирование необходимо для лучшего планирования социально-экономического развития страны – где государству строить новые производства, в соответствии с этим куда направлять деньги на развитие инфраструктуры и т. д. Но со времени развала Союза прошло уже 27 лет, и на место планово-административной экономики пришла рыночная со всеми вытекающими отсюда последствиями, главной особенностью которых является то, что экономическое развитие территории определяется рыночными процессами, движением капитала, а не директивой государства. И как в такой ситуации государство может напрямую регулировать экономическое развитие той или иной территории? Вопрос остается без ответа.

Рассмотрим сам принцип деления на макрорегионы. Как заявило Министерство экономики РФ, «макрорегионы сформированы с учетом сложившихся социально-экономических связей, в том числе системы расселения, транспортных связей». Но даже беглый взгляд на модель деления поволжских регионов на два макрорегиона вызывает сомнения. Границы проведены одним рощерком карандаша без хотя бы предварительного анализа, примерно, как Иосиф Сталин расчерчи-

вал границы национальных республик, по ведомой только ему логике, что впоследствии породило большие межнациональные конфликты на всем постсоветском пространстве.

Посудите сами, что общего может быть у Республики Башкортостан, к примеру, с Саратовской или Пензенской областью? Или, если касаться Волго-Камского макрорегиона, что общего у Татарстана и Мордовии? Да какая вообще привязка Мордовии к Камской зоне? Наоборот, учитывая критерии Минэкономики, Мордовия, Пензенская, Ульяновская, Самарская, Саратовская области должны в этом случае оказаться в одном макрорегионе, а Татарстан, Удмуртия, Башкортостан, Оренбургская область – в другом. Логика такого разделения может быть только одна, но о ней поговорим ниже.

Вот как оценивает предлагаемое деление на 14 макрорегионов Ринат Гатауллин, доктор экономических наук, заведующий сектором экономики и управления развитием территорий Института социально-экономических исследований УНЦ РАН, экс-замминистра экономики республики Башкортостан: *«Логика разделения на макрорегионы мне вообще непонятна. Это всё похоже на профанацию, попытку изобразить бурную деятельность на пустом месте. Могу сразу сказать: при таком раскладе ни к какому положительному экономическому эффекту оно не может привести в принципе.»*

Башкортостан отнесли к Волго-Уральскому макрорегиону, где наша республика соседствует с Самарской, Саратовской и даже Пензенской областью. Где тут экономическая логика? Башкортостан в экономическом плане имеет серьезные связи с тремя регионами: Татарстаном, Оренбургской и Челябинской областями. С Татарстаном нас связывает нефтянка, транспортные коридоры. Кстати говоря, около 2,5 млн тонн нефти ежегодно «Башнефть» на сегодняшний день добывает в приграничных регионах, в первую очередь, с Татарстаном – речь идет о Ютазинском районе. И самое главное: вышки на территории Башкортостана благодаря технологии горизонтального бурения (длина доходит до 20 км), которую в советское время мы освоили первыми в Союзе, также частично добывают нефть из недр Татарстана. Из Оренбургской области мы получаем газ для перерабатывающей промышленности. С Челябинской областью у нас тесно связана горнодобывающая промышленность Зауралья. Но в рациональный подход к вопросам экономики всегда негативным образом примешивалась политика, что априори не может привести ни к благотворному экономическому развитию, ни, в конечном счете, и к политическому. Хотя у трезво мыслящих людей именно политика следует за экономикой, а не наоборот.

Приведу небольшой пример. Еще будучи замминистра экономики, я, по поручению правительства Башкортостана, в 1992 г. (премьер-министром тогда был Марат Миргазьямов – «Idel.Реалии»), участвовал в рабочей группе по созданию Договора о двустороннем экономическом сотрудничестве с Татарстаном. Мы проанализировали наши экономические связи и пришли к неутешительному выводу – несмотря на то, что сама жизнь заставляла кооперироваться обе республики в экономическом плане, на деле всё делалось с точностью до наоборот. Пример – флагманы наших экономик – нефтянка. Мы добывали у себя в Башкортостане нефть и вынуждены были гнать её на переработку в Кременчуг (Украина), на тамошний НПЗ. А для переработки нефти на уфимских НПЗ закупали нефть в Западной Сибири. В свою очередь, Татарстан нефть, добываемую у самой границы с Башкортостаном, вынужден был гнать на переработку в Нижегородскую область. Хотя в нефтедобыче уже была тесная взаимосвязь в треугольнике «Азнакаево – Баулы – Октябрьский». Было ясно, что при такой ситуации ни о какой экономической эффективности не могло быть и речи, ни одна экономика мира при такой логистике не могла нормально развиваться.

Другой пример – один из транспортных коридоров между двумя республиками – это трасса М7, проходящая через Актанышский район Татарстана и Илишевский район Башкортостана. Так вот, с татарстанской стороны до самой границы тогда была идеальная асфальтовая дорога, в свою очередь, со стороны Башкортостана на последних 7 км асфальта не было вообще – его намеренно, по непонятной причине, не клали долгие годы, и люди вынужденно пересекали границу

между двумя республиками через какой-то окольный мост, не приспособленный для этого. Проанализировав всё это, мы составили взаимовыгодный Договор между Башкортостаном и Татарстаном, но потом правительство из-за конфликта премьера с Муртазой Рахимовым отправили в отставку, а Договор в результате так и не реализовали», – вспоминает Ринат Гатауллин.

Так в чем же реальная причина деления федерации на 14 макрорегионов? Некоторые эксперты осторожно заявили о том, что это постепенная подготовка политической ситуации и общественного мнения к перекраиванию административно-территориального деления внутри Российской Федерации. Или, проще говоря, к отмене деления на национальные республики и области, пресловутая «губернизация» страны. Почему осторожно, потому как большинство не прочитало огромный проект этого документа. Однако если не полениться и ознакомиться с ним подробнее, то сомнений в этом практически не остается. Так, согласно проекту данной Стратегии, «общими принципами пространственного развития Российской Федерации являются»:

- 1) обеспечение территориальной целостности, единства правового и экономического пространства Российской Федерации;
- 2) создание равных возможностей для граждан Российской Федерации независимо от места их проживания в реализации своих экономических, политических, социальных и культурных прав;
- 3) согласованное во времени и пространстве обеспечение социально-экономического развития территорий инфраструктурой федерального, регионального и местного уровней;
- 4) дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития различных типов территорий с учетом особенностей систем расселения, транспортной доступности, динамики развития экономики и других факторов.

Вообще-то усиливать «целостность и единство», в принципе, уже некуда. По первому пункту возникает невольный вопрос – а разве у нас до этого не было единого правового и экономического пространства? И это в ситуации, когда все правила игры диктуются из федерального центра, а региональные парламенты не обеспечены реальным правом на принятие каких-либо значимых законов на своей территории. Несмотря на то, что эта практика прямо противоречит принципам федерализма, наша данность, и усиливать «целостность и единство», в принципе, уже некуда.

А вот второй и третий пункты уже поинтереснее. Они фактически говорят нам о том, что развитие инфраструктуры и социалки даже на региональном и местном уровне – это теперь прерогатива макрорегионов. Проще говоря, открывается широкий простор к тому, что вопросы о строительстве школы или подведения водопровода к вашему дому будут решать бюрократы, руководящие этими макрорегионами. А согласно пункту 4, решать они это будут уже «дифференцированно», то есть если у соседей, к примеру, в другом регионе дела совсем плохи, тогда, дорогие сограждане, как завещал Дмитрий Анатольевич, «держитесь», ведь, то что осталось после отправки ваших налогов в федеральный бюджет, теперь имеют право направить уже им. В общем, как ни работай, как исправно ни плати налоги, а на жизни в твоём селе/городе/области/республике это теперь вряд ли как-то отразится.

А что же касается национального фактора? Тут нам в помощь пункт 7 – «обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни». То есть на некоторую самостоятельность, читай «поддержку самобытности», могут рассчитывать только малочисленные народы Севера, про этносы, самоопределившиеся в рамках национальных республик, видимо, вспоминать особо не будут.

Если даже отбросить такие вещи как экономический федерализм, права народов на свое территориальное самоопределение в рамках национальных республик, принципы разделения на макрорегионы, то всё равно сама идея экономической эффективности в случае укрупнения даже в рамках всей страны напрочь лишена каких-либо надежд.

Во-первых, практика укрупнения, «оптимизации», весьма популярная у современной российской бюрократической машины, вечно рыскающей в поисках новой идеи «где бы еще отрезать, сократить», к реальному улучшению жизни граждан не привела, равно как и к уменьшению бюрократического аппарата. Только наоборот. Так и здесь, укрупнение регионов ни к какому экономическому улучшению и синергии привести не может в принципе. Это означает лишь, что в условиях, когда бюджетный «пирог» становится всё меньше, еще больше усилится обезлюдивание территории страны и концентрация населения в нескольких ключевых агломерациях. Тем более, и сам проект Стратегии на каждом шагу твердит о развитии больших агломераций. Это означает дальнейшее вымирание сел, маленьких городов и расширение «новой Москвы», в которой, по подсчетам аналитиков, если продолжится нынешняя тенденция, через 20 лет будет проживать 1/4 населения страны.

Во-вторых, вместе с полномочиями и деньгами будут нивелированы и возможности региональных властей по социально-экономическому развитию своих территорий, то есть не будет больше разделения на успешные и отстающие регионы. Все будут жить одинаково. Практика нашей жизни показывает, что в данном случае одинаково плохо.

Сомнений в принятии данной Стратегии практически не остается, тем более сама идея укрупнения регионов посредством сбора населения в нескольких мегаполисах активно проталкивалась до этого бывшим министром финансов Алексеем Кудриным, который, как известно, был и главным лоббистом повышения пенсионного возраста. Эта идея теперь претворяется в жизнь.

В общем, как пел Егор Летов, «всё идет по плану»...

*Источник: <https://www.idelreal.org/a/29461665.html>,
31 августа 2018 года.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ОБКОМУ ТАССР ПРИХОДИЛОСЬ ЕЗДИТЬ НА ПОКЛОН И В КУЙБЫШЕВ, И В МОСКВУ»

Айрат Файзрахманов о том, к чему может привести проект стратегии пространственного развития РФ, «поделивший» страну на 14 макрорегионов

Ни одно укрупнение регионов не привело к должному результату, но исключать риска перекраивания административно-территориального деления страны не стоит, считает автор «БИЗ-НЕС Online» Айрат Файзрахманов. В своем материале историк приводит возможный сценарий: постепенная передача на уровень макрорегионов полномочий и финансовых ресурсов по исполнению федеральных программ, нивелирование роли субъектов в распределении ресурсов и повышение роли муниципалитетов, взаимодействующих с центром напрямую.

«СУБЪЕКТЫ ФЕДЕРАЦИИ – ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ИХ НАЛИЧИЕ – ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РФ»

Проект стратегии пространственного развития Российской Федерации, «поделивший» страну на 14 макрорегионов, вызвал множество недоуменных вопросов, главный из которых: «А что будет с регионами, их объединят? Ликвидируют ли республики?» Конечно, это далеко не первая проба общественного мнения на этот счет и не последняя. Стратегия, заметим, пока носит сугубо прикладной экономический характер: макрорегионы как единица экономического районирования вполне могут мирно сосуществовать с нынешним административно-территориальным делением государства.

Опыт других федераций подсказывает, что при соблюдении прав и максимальном учете мнений субъектов макрорегионы могут стать важной вспомогательной конструкцией для ро-

ста территорий. В идеале это не промежуточное звено между столицей и провинцией или еще один ревизор, а координирующий центр, который озабочен созданием макрорегиональной инфраструктуры. Получается не регионы для центра, а центр к услугам регионов, иерархические отношения здесь не работают. Такой принцип реализуется с переменным успехом в Индии (Индия – также, как и Россия, федерация с этнотерриториальными образованиями в составе) и в рамках Европейского союза. Есть обратный пример: создание макрорегионов в Бразилии с прикреплением к ним полномочий по исполнению федеральных программ не было признано успешным. Дефицит федерализма, справедливых межбюджетных отношений и отсутствие выборности власти (которая могла бы зависеть от электората, а не от мнения начальников сверху) наталкивает на поиск новых административных методов и перекраивание вертикали. Кажется, если ввести в вертикаль новых начальников, очередных оберфискалов, создать новое суперведомство или объединить, к примеру, весь Кавказ в одну большую губернию, то панацея будет найдена. Однако субъекты Федерации – не хозяйственные единицы или подведомственные учреждения, это всегда гораздо более сложный организм для реформирования, тем более если говорить о национальных республиках в составе РФ.

Субъекты Федерации – все-таки явление политическое, их наличие и типы регионов – это не просто конституционная норма, а основы конституционного строя Российской Федерации. Изменение основ конституционного строя означает смену Конституции и тектонические сдвиги в российском государстве. Конечно, исключать риск перекраивания административно-территориального деления не стоит. Возможный сценарий – это постепенная передача на уровень макрорегионов полномочий и финансовых ресурсов по исполнению федеральных программ, нивелирование роли субъектов Федерации в распределении ресурсов (в том числе под предлогом борьбы с коррупцией) и одновременное повышение роли муниципалитетов, которые будут взаимодействовать с макрорегионами напрямую. И это лишь экономический инструментарий, палитра политических методов еще более широкая, вплоть до принятия новой Конституции, о чем говорят все чаще и чаще.

«НЫНЕШНЯЯ ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ 14 МАКРОРЕГИОНОВ СМАХИВАЕТ НА РЕФОРМУ 1920-х»

Страна проходила через перекраивание административно-территориальной структуры много раз. В заслугу Петру I обычно ставят создание губерний: всего их было образовано 8 вместо 146 уездов. Это даже меньше, чем сегодняшнее количество макрорегионов. Но вскоре губернии поделили на доли, потом вместо них ввели провинции. Через 10 лет губернская реформа не удовлетворила царя, он начал вторую волну. Экономика страны лежала после «великих реформ» в руинах, часть страны не контролировалась, зато мы продолжаем возводить в абсолют губернский централизм Петра Великого. В XVIII–XIX вв. административно-территориальное обновление шло постоянно, регионы дробились, но попытки возвратиться к гигантским губерниям больше не было.

В Советском Союзе было проведено несколько реформ, в ходе которых менялось экономическое районирование и структура управления территориями, укрупнялись и разукрупнялись регионы, появлялись новые названия административно-территориальных единиц. При этом существование республик оставалось неизменным, несмотря на попытки «экономистов» исключить этот фактор, заменив национальное самоопределение на экономическую целесообразность. Несмотря на мнения ученых умов, экономистов, республики не решились трогать. Во многих смыслах нынешняя попытка создания 14 макрорегионов смахивает на реформу 1920-х гг.

Все же оптимальной модели страна так и не нашла. Сразу после Гражданской войны Госпланом (в его усеченной роли сегодня выступает минэкономики) была инициирована масштабная реформа административно-территориального деления страны. Во главу угла был поставлен экономический принцип, территория РСФСР была поделена на крупные области и края: в 1920-е гг. было создано всего 13 таких единиц и плюс 10 автономных республик, гораздо меньших

по территории и потенциалу. Каждая из областей или краев концентрировалась вокруг крупного города. Старые губернии упразднялись. Считалось, что таким количеством административно-территориальных единиц будет легче управлять. Новые единицы были гигантскими по размеру: например, в Дальневосточный край входил почти весь сегодняшний Дальневосточный федеральный округ, в Ленинградскую область – и Псковщина, и Мурманск, в Средневолжский край – и Оренбуржье, и Пенза со столицей в Самаре. Из этого исходило и дальнейшее возведение транспортной, инженерной, промышленной инфраструктуры. Так, «столичная» Самара стала важнейшим железнодорожным узлом, через который сошлись три железные дороги, республиканская Казань осталась лишь промежуточной станцией на Горьковской железной дороге. И сегодня мы чувствуем плоды 20-х гг.: районы республики почти не связаны между собой железнодорожными путями, железные дороги проходят лишь по краям Татарстана, а для того чтобы стать транспортным хабом, республике надо приложить множество дополнительных усилий и финансов.

Очень скоро оказалось, что гигантские по площади, населению и числу населенных пунктов края и области были плохо управляемы, и поэтому в начале 1930-х гг. встал вопрос о разукрупнении краев, областей и районов. Разукрупняли регионы вплоть до начала войны. Как только страна встала из руин, в 1952 г. дробление продолжилось. Так ТАССР была разделена на Казанскую и Чистопольскую область. Эксперимент по дроблению республик не удался и его быстро свернули.

*«ЧАСТЬ ПОЛНОМОЧИЙ СОЮЗНОГО ЦЕНТРА БЫЛИ ПЕРЕДАНЫ ЭТИМ
«МАКРОРЕГИОНАМ»: ОБКОМУ ТАССР ПРИХОДИЛОСЬ ЕЗДИТЬ НА ПОКЛОН И В
КУЙБЫШЕВ, И В МОСКВУ»*

Следующий этап – воссоздание совнархозов и дальнейшее их укрупнение (на территории России до 24). Часть полномочий союзного центра были переданы этим «макрорегионам». Впоследствии обкому ТАССР приходилось ездить на поклон и в Куйбышев, и в Москву. При этом административно-территориальное деление страны оставалось прежним, макрорегионы не заменили собой регионы. Надо сказать, количество экономических районов, оптимальное для управления за 8 лет, так и не было найдено. Косыгинские реформы, последний мощный виток советской индустриализации осуществлялся при административно-территориальном делении страны, которое осталось и поныне. При этом рост городов, размещение производительных сил продолжали осуществляться по логике развития военно-промышленного комплекса, а не по логике рыночной экономики. Отсюда – малые города, рассеянные в тайге и тундре, на отшибе торговых путей. В настоящее время мы продолжаем пожирать плоды этой военно-промышленной логики, затрачивая огромные ресурсы на поддержание моногородов, градообразующих оборонных предприятий. «Последняя надежда» – генсек Андропов – также, придя к власти, приготовился было к изменению административно-территориального деления, но не успел или понял всю умозрительность новой конструкции. Его соратник, генсек Горбачев, увлеченный поначалу идеей централизации, принялся за создание гигантских суперведомств наподобие «Агропрома». Однако консолидация ресурсов в одном центре не смогла дать должного эффекта.

Сегодня почти аксиомой стало предположение о том, что в России чрезмерное количество регионов. И когда сегодня речь идет об уменьшении их количества, хочется спросить: а какое число оптимальное? В идеализируемой царской России, в середине XIX в., было 55 губерний, а при премьер-министре Столыпине был 101 регион! Хотя большинство привыкло думать, что губерний и областей в идеально скроенной Российской империи было гораздо меньше. В США, которые меньше по территории РФ в два раза, сейчас 55 штатов. Но никто не говорит, что это недостаток США. Кстати, часть штатов имеют явные этноконфессиональные особенности, у некоторых есть свой второй язык, а мы продолжаем видеть в штатах идеальную безэтничную федерацию.

Проект стратегии пространственного развития России и новое экономическое районирование не дает четкого понимания, что станет с большой сеткой российских городов, будут ли равнять территории по сильным или по слабым, как будут сосуществовать регионы и макрорегионы и

многое другое. С другой стороны, отсутствие конкретики по многим вопросам пространственного развития дает возможность задать сильным российским регионам свой тон в дискуссиях о макро-регионах, не дожидаясь роковых решений.

Резюмируя, можно констатировать, что ни одно укрупнение регионов в России не привело к должному результату, страна возвращалась к сложившемуся территориальному делению.

По материалам центра стратегических исследований «Платформа XXI».

Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/394605>,

9 сентября 2018.

* * *

Ильнар Гарифуллин

«ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ» 1993 – КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ И НАЧАЛО КРАХА РЕАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Всю минувшую неделю в СМИ вспоминали и обсуждали октябрьские события 1993 г. и разгон Верховного Совета, которым в этом году исполнилось 25 лет. В этой связи чаще всего вспоминали печально знаменитый указ №1400, повлекший за собой разгон законно действовавшего представительного органа РФ и кровавую бойню на улицах Москвы. Накал противостояния, вкупе с пролитой кровью, позволяет характеризовать эти события как кульминацию гражданской войны низкой интенсивности.

Этим указом Б. Ельцина узаконивалась передача власти от представительных, законно избранных органов, назначенной сверху бюрократии

Вспоминая действия обеих сторон того конфликта в конце сентября – начале октября 1993 г., многие эксперты забывают, что те события повлекли за собой не только разгон Верховного Совета, но и всех нижестоящих Советов (республик, областей, городов и районов). Оформлен он был в форме указа №1617, вышедшего за подписью Бориса Ельцина ровно 25 лет назад – 9 октября 1993 г. Этот судьбоносный документ, так же, как и указ №1400, носил сухое бюрократическое название: «О реформе представительных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации». Он не только расформировал Советы всех уровней по всей стране, но и, согласно четвертому пункту этого указа, предусматривалась передача всех их полномочий местным административным властям – вплоть до новых выборов. То есть фактически этим указом Ельцина узаконивалась передача власти от представительных, законно избранных органов, назначенной сверху бюрократии.

Разгон Верховного Совета и последовавший за ним разгон Советов разных уровней стал де-юре концом советской власти. Да, советская власть (т.е. «власть Советов») закончилась не с развалом Советского Союза, а именно после событий октября 1993 г., так как именно после этого Советы, как институт народного самоуправления, перестали существовать. Настоящая реальная власть Советов, существовала не слишком долго. Первый этап – это собственно возникновение самих Советов, как органов народного самоуправления, в ходе Февральской революции 1917 г. Затем постепенный переход реальной власти от них к партийным органам, узаконенный где-то в начале 1920-х гг., связанный с окончательным переходом к однопартийной политической системе. В итоге Советы номинально существовали, но реальная власть была у партийных органов и именно партийные бюрократы, а не избранные депутаты, определяли жизнь в стране

В годы перестройки Советы получили «второе дыхание», став по мере ослабления власти органов КПСС уже не номинальной, а реальной властью.

Всемогущие первые секретари горкомов и обкомов запросто проигрывали выборы вчерашним студентам.

Особенно этому способствовала атмосфера подлинно демократических выборов 1989–1990 гг., свободная как от влияния больших денег избирательных фондов, так и от всевозможных изби-

рательных «технологий» нынешней России – как то административный ресурс, «карусели» и т. д. Депутатом Совета любого уровня, начиная с районного и заканчивая Верховным Советом страны, мог стать любой гражданин: ученый, аграрий, журналист, писатель, рабочий от сохи или профсоюзный деятель – в общем, любой парень с соседней улицы. Не было необходимости даже в сборе многочисленных подписей и поддержки какой-либо партии – достаточно было организовать сбор инициативной группы из числа представителей какого-либо коллектива предприятия, общественной организации и т. д. Благодаря этому всемогущие первые секретари горкомов, обкомов запросто проигрывали выборы вчерашним студентам, не обремененным грузом каких-либо посторонних обязательств, но зато крепко связанным со своими непосредственными избирателями. Это был образец настоящей «народной» демократии, о которой так мечтали многие поколения.

А как же события реанимации Советов и их трагической гибели отразились на судьбе национальных республик? Анализ ситуации того времени говорит нам о том, что именно существование Советов, как полностью легитимных органов, представляющих интересы избравших их граждан – стало тем самым «фундаментом», скреплявшим чаяния простых граждан и всего общества в целом. Особенно это проявилось в случае с национальными республиками, так как здесь, помимо экономических, общеполитических были и иные аспекты, а именно восстановление поправленных прав многих народов.

В случае с Башкортостаном главной нервной точкой в национальном вопросе того периода был татарский аспект.

Выборы в Верховный Совет РСФСР и Советы автономных республик прошли в 1990 г. Изменившийся состав высших представительных органов автономных республик способствовал тому, что именно они стали движущей силой, добивавшейся расширения их прав и приравнивания их по своему статусу к союзным республикам. Если сравнивать две близкородственные республики – Башкортостан и Татарстан, то так было и в случае с Верховным Советом ТАС-СР (Татарстан), и в случае с БАССР (Башкортостан). Разница между двумя республиками была лишь в том, что в случае с Татарстаном партийные органы продолжали оказывать определенное влияние на эти процессы, а в Башкортостане же партийные органы полностью потеряли свою силу еще к 1990 г.

Парламент Башкортостана так и не рассмотрел вопрос о статусе татарского языка.

Однако национальные проблемы сводились не только к борьбе за суверенитет, но и к решению ряда других застарелых проблем. И в этом случае свою роль играли и местные советы. В случае с Башкортостаном главной нервной точкой в национальном вопросе того периода был татарский аспект. И в ходе обсуждения Декларации о суверенитете Башкортостана, при обсуждении вопроса о государственных языках, остро встал вопрос о возвращении татарскому языку статуса официального/государственного в республике.

Но в итоговый текст Декларации положение о языках так и не попало. И всё же борьба продолжалась. И свое слово взяли Советы. Так, одним из первых на эту проблему откликнулись депутаты Нижнекарышского сельсовета Балтачевского района, заявив в своем решении о необходимости признания татарского языка в качестве государственного.

Затем аналогичные решения выносят уже вышестоящие Советы. Так, 2 июня 1992 г. такое решение выносит Янаульский горсовет: «Считать целесообразным предоставление статуса государственного языка в Башкортостане башкирскому, русскому, татарскому языкам».

Решения с таким же требованием были приняты сессиями Дюртюлинского, Кушнаренковского, Чекмагушевского и других горрайсоветов западных и северо-западных регионов РБ, где, как известно, абсолютное большинство составляет татароязычное население. Однако уже тогда, находясь под идеологическим влиянием антитатарски настроенной части местной интеллигенции, председатель Верховного Совета Муртаза Рахимов намеренно тянул с решением по данному вопросу. «Успешно» дотянув с этим вплоть до осени 1993 г. В итоге парламент республики так и не рассмотрел вопрос о статусе татарского языка.

растаскиванию крупных и лакомых кусков государственной собственности, что, в свою очередь, привело как к обнищанию населения, так и к развалу народного хозяйства (или, как принято говорить сейчас, реального сектора экономики). Разгон Верховного Совета полностью уничтожил и низовую демократию, вновь зародившуюся в годы перестройки в виде реально действовавших профсоюзов. В частности, именно после событий октября 1993 г. Федерация независимых профсоюзов стала подконтрольной властям организацией.

Разгон не только Верховного Совета, но, что немаловажно, и всех низовых Советов, стал, как мы теперь можем убедиться, по сути, катастрофой и точкой невозврата для всей демократии в целом. Окончательно были похоронены идеи о реально работающем местном самоуправлении, которого мы не можем дождаться уже четверть века. А для национальных республик это означало, что закончился период «народного» суверенитета, и взамен начался период его «номенклатурного» варианта, который полностью выхолостил подлинные идеалы самостоятельности, ликвидировал исторический шанс народов федерации на построение настоящего федерализма, где их права были бы соблюдены в полной мере – заодно уже тогда предопределив все нынешние проблемы.

*Источник: <https://www.idelreal.org/a/29534252.html>,
3 октября 2018.*

* * *

Айрат Файзрахманов

«ТРОГАТЬ СТАТУС РЕСПУБЛИК, МЕНЯТЬ ГРАНИЦЫ, УКРУПНЯТЬ РЕГИОНЫ ТАК ПРОСТО НЕ ПОЛУЧИТСЯ»

Айрат Файзрахманов о том, что в случае реализации предложений Валерия Зорькина нас может ожидать череда стремительных изменений

На этой неделе председатель КС Валерий Зорькин выступил с программной статьей, в которой рассказал о необходимости внесения изменений в Конституцию страны. Автор «БИЗНЕС Online» Айрат Файзрахманов в своем материале рассуждает, что может грозить национальным республикам и чем на эти предложения может ответить Татарстан. «Есть ли у Татарстана в рамках экспертной дискуссии видение, какие из полномочий должны уточняться, будет ли по этому поводу экспертная дискуссия вообще?» – задается вопросом он.

«СЛУХИ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОСНОВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНА ПРИОБРЕЛИ БОЛЕЕ ОТЧЕТЛИВЫЕ ОЧЕРТАНИЯ»

Программная статья председателя Конституционного суда Валерия Зорькина о несовершенстве российской Конституции – это уже серьезная заявка в направлении изменения государственного устройства страны. Кремль пока не решается сказать это напрямую, он отнекивается, но под тем или иным предлогом периодически закатывает пробные шары. Во всяком случае слухи об изменении основного государственного закона приобрели более отчетливые очертания.

Казалось бы, многие изменения в политической системе прекрасно уживались и без корректив Конституции, в их числе и федеральные округа, и администрация президента, и принцип назначения губернаторов. Но, видимо, как и брежневская конституция, «зорькинская» должна отобразить новые грани усовершенствования отечественной политической системы. Будем жить теперь уже при развитой суверенной демократии.

Отказ от местного самоуправления и принципа верховенства международного права, интерес к корпоративизму председателя Конституционного суда не могут не страшить. В случае реализации предложений Зорькина нас может ожидать череда стремительных изменений. При необходимости новая конфигурация – Государственный Совет с расширенными полномочиями и составом (возможно, похожим на Всекитайское собрание народных представителей), ОНФ-зация всей страны, совет

безопасности с чрезвычайными полномочиями – будет воплощена очень быстро. Причем динамика изменений окажется важнее результативности. В массе процесс будет воспринят на ура, особенно под знаменем борьбы с коррупцией чиновников на местах (по принципу «царь хороший, воеводы плохие»), а общество глубже подсядет на крючок популизма. Если в стране, победившей фашизм, все же будет оформлен корпоративизм как идеологическая компонента Конституции (то, что фактически предлагает Зорькин), то через ОНФ будет происходить и оформление профессиональных «корпораций», встраивание их в политику. И в этом процессе интересы нерусских народов также должны найти свое достойное место и организационное оформление. Рядом с большой корпорацией «русского мира» должна быть и «корпорация тюркского мира», «корпорация угро-финского мира» и т. д. Только так может быть достигнута солидарность, о которой мечтает Зорькин. Идея федеральной партии народов России может переформатироваться в особую организационную структуру ОНФ.

«СУБЪЕКТАМ ФЕДЕРАЦИИ НУЖЕН ПРИНЦИП «НЕТ ПОЛНОМОЧИЙ БЕЗ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ»

Если ориентироваться на этот возможный сценарий, для нас во всех рассуждениях Зорькина важно то, что о федерализме он высказался весьма расплывчато, а тему национальных республик и вовсе не трогал. Не было типичных рассуждений об исторической ошибке создания республик, тяжелом наследии большевиков и т. д. Две строчки Зорькина о необходимости уточнить распределение полномочий и вовсе можно трактовать двояко: с одной стороны, это может быть и дальнейшая централизация (куда уж дальше?), а с другой наоборот, необходимость уточнить, разграничение полномочий в рамках предметов совместного ведения (ст. 72 Конституции РФ).

Так, сегодня совместное ведение образования выглядит следующим образом: регион оплачивает из своего кармана функционирование среднего образования, а федеральный Центр устанавливает все правила игры вплоть до мельчайших подробностей, контролирует и надзирает. Страна федеральная, регионы очень разные, а образование стало унитарным. Языковая ситуация, возможности преподавания родных языков даже в соседних республиках могут сильно различаться. Конституционно закрепленное возвращение к базисному учебному плану, в рамках которого субъект федерации и федеральный Центр совместно определяют содержание программы, могло бы разрешить эту проблему.

Можно рассматривать невнимание Зорькина к федерализму как специально оставленный большой «люфт» – для того, чтобы субъекты федерации сами определили те «точечные изменения» в рамках разграничения полномочий. Или вместо них это сделают депутаты Госдумы и Владимир Жириновский. Кто окажется быстрее в озвучивании мнений – популисты из федерального парламента или регионы? И есть ли у Татарстана в рамках экспертной дискуссии видение, какие из полномочий должны уточняться, будет ли по этому поводу экспертная дискуссия вообще?

«РЕГИОНЫ СТАНОВЯТСЯ ГОЛОВНОЙ БОЛЬЮ МОСКВЫ»

Субъектам федерации как минимум нужен принцип «нет полномочий без финансового обеспечения» и гарантия того, что отчисления в федеральный бюджет не будут меняться в одностороннем порядке.

На фоне вопроса о продлении власти, снижения рейтингов, социально-экономических проблем, вопрос об изменении федеративного устройства страны отодвигается на третий план. Вроде бы есть вялое желание укрупнить регионы, но сделать это, не разрушив фундамент, невозможно. Регионы становятся головной болью Москвы, а вот принципы их существования, общие пожелания остаются без особого внимания.

И в программной статье премьер-министра Дмитрия Медведева, посвященной развитию российской экономики в ближайшие шесть лет, нет никаких упоминаний о бюджетном федерализме, хотя для регионов это архиважный вопрос. Получается, что совершенствование межбюджетных отношений, а тем более пересмотр не входит в число каких-либо приоритетов социально-экономической жизни страны. Между тем подспудно внутриведомственными актами федеральный Центр забирает у регионов то одни, то другие источники пополнения бюджетов. Выпадающие доходы

могут компенсировать, но их использование происходит строго в рамках, которые определяет федеральный Центр. Видимо, в Москве лучше знают, на что должны регионы тратить свои деньги.

Стоит обратить внимание, что стратегия пространственного развития, о которую в последнее время сломано немало копий, рассматривается Медведевым в ключе «развития магистральной инфраструктуры». Премьер предлагает через этот механизм сосредоточить «крупные ресурсы». Хорошо, если это будет происходить за счет федерального бюджета, без привлечения финансов и без того тощих региональных бюджетов. Другое дело, если регионам предложат скинуться, а деньгами будет распоряжаться надрегionalный орган управления. Туда же, на этот уровень может уйти и финансирование федеральных целевых программ.

«ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ ВАЖНЫМ ФАКТОРОМ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА»

В политическом плане взаимоотношения центра и регионов сводятся к вопросам: кого из технократов назначить и оставлять ли выборность глав регионов или нет? Но при снижении рейтинга федеральной власти легитимация выборных назначений перестает работать. Мы оказываемся на развилке: или ястребиный антидемократический ответ на народное недовольство с отменой выборов, или управляемая плюрализация мнений, при которой федеральная власть переключает ответственность за развитие на системную оппозицию и региональный «актив». При этом запрос на изменения на местах огромный. Как показывает последнее исследование комитета гражданских инициатив, еще до повышения пенсионного возраста великодержавные настроения россиян сменились ожиданием справедливости и позитивных реформ.

Официально межнациональные отношения могут выглядеть блестяще. Это дает повод думать о том, что народам достаточно оставить национально-культурную автономию, ансамбли, песни, языковые курсы и этнофестивали. Думается, что выхолостили идею территориальной автономии, еще немного – и мы станем единым российским народом, а потом можно будет ликвидировать сами республики. Многим представляется, что в СССР вплоть до Михаила Горбачева в национальном плане было все спокойно, идея единого советского народа побеждала национализм. И когда оставалось совсем чуть-чуть, дали свободу, и семья народов сразу позабыла дружбу и любовь... Отнюдь. «Этнические бунты» были и в 1920-е, 1930-е, а во время войны все это вылилось в коллаборационизм. В годы оттепели и застоя, когда СССР выглядел вечным державным исполином, волнения на этнической почве происходили почти каждый год.

Конфликты в Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Башкортостане (Шиханы, драка в Темясово) отчетливо показывают, что этническое и региональное самосознание продолжает оставаться важным фактором жизни общества. И оно никуда не делось, оно пытается обрести свою политическую субъектность. И здесь риторикой о межнациональной дружбе волну не сбить. Люди готовы биться за свои земли, за свой народ, за свои республики, наконец. Очевидно, что трогать статус республик, менять границы, укрупнять регионы так просто не получится.

*Источник: <https://www.business-gazeta.ru/article/398848>,
14 октября 2018.*

* * *

Ильнар Гарифуллин

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА МЕЖДУ ВОЛГОЙ И УРАЛОМ: КАК РИСОВАЛИ ГРАНИЦУ ТАТАРСТАНА И БАШКОРТОСТАНА

В 2019 г. – Башкортостан, а в 2020 г. Татарстан будут отмечать свои столетние юбилеи. Эти две национальные республики в силу множества причин, в том числе, и общности этнического состава народов, их населяющих, часто сравнивают между собой словно это две половинки

одного целого. Разделение общего пространства, проведение границ, случившееся почти сто лет назад, порой приводило к удивительным, абсурдным, трагическим, а иногда и смешным вещам.

ЛЕНИН СОМНЕВАЕТСЯ, ШЕЙНКМАН ВСТАВЛЯЕТ ПАЛКИ В КОЛЁСА

Забегая вперед, отметим, что проекты штата Идель-Урал и Татаро-Башкирской республики, выдвинутые в период 1917–1918 гг., не были в конечном итоге реализованы в силу различных причин. Наибольшее рвение в деле осуществления Татаро-Башкирской республики, а затем и включения уездов Уфимской губернии к образовавшемуся Татарстану (ТАССР), проявили выдающиеся общественно-политические деятели той бурной эпохи, выходцы из этих территорий – Галимджан Ибрагимов, Мирсаид Султан-Галеев и Сахиб Саид-Галиев. Зная этническую ситуацию этих территорий, что называется, изнутри, они лучше других понимали жизненно важную необходимость включения этих земель, населенных преимущественно татарами, в состав республики Татарстан.

Причем, провозглашение отдельной Башкирской Республики – проекта Ахмет-Заки Валиди – не воспринималось как что-то препятствующее этому. По их мнению, Башкирская Республика существовала бы в этом случае отдельно, а Татаро-Башкирская – отдельно. Последняя попытка реализовать этот проект была предпринята в конце 1919 г., когда II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока принимает решение об образовании Татаро-Башкирской республики. Но 13 декабря 1919 г. Политбюро РКП (б) отменяет это решение. Судя по всему, главную роль в этом деле сыграл глава Наркомнаца Иосиф Сталин.

Наибольшими противниками создания Татаро-Башкирской республики первоначально были казанские большевики, а именно, Карл Грасис и Яков Шейнкман.

Оба не были уроженцами Волго-Уральского региона (или как бы сказали сегодня, являлись «варягами»). Татарские коммунисты тогда смогли заручиться поддержкой советского правительства и в конечном итоге нейтрализовали эту группу.

После этого главными противниками проекта стало руководство уфимского губкома во главе с Борисом Эльцином (тоже «варяг»). Они ради достижения своих целей не гнушались устраивать и политические провокации. В частности, в официальном докладе 20 марта 1920 г. (на конференции партработников Казанской губернии) партийные работники М. Брундуков и Альмухамедов говорят об интригах Бориса Эльцина против обеих национальных республик и, как доказательство этого, приводится факт насильственного разоружения 2-го мусульманского полка под предлогом возможного его участия в «вилочном» восстании и затем его повторного формирования уже с карательной целью. При этом все указанные «операции» преподносились как еще одно доказательство «нелояльности национальных автономий». Причина противодействия руководства Уфимского губкома понятна – они были недовольны тем, что восточная часть Уфимской губернии уже стала частью Башкирской Республики, и поэтому остальную часть губернии им упускать из рук никак не хотелось.

Территория Татарстана должна была включать всю оставшуюся часть Уфимской губернии, не вошедшую в состав Башкирской Республики. А это Белебеевский, Бирский и части Уфимского и Стерлитамакского уездов, не включенные в территории Башкурдистана.

Несмотря на это, в марте 1920 г. состоялась весьма знаковая встреча татарских национальных лидеров: Мирсаида Султан-Галеева, Сахиба Саид-Галиева и Бурхана Мансурова с Владимиром Лениным. Полностью содержание того разговора неизвестно. Частично о нем мы можем судить лишь по воспоминаниям Саид-Галиева, в которых он поведал о сути разговора спустя несколько лет. Главным его предметом было башкирское население Уфимской губернии. Учитывая, что оно являлось явным этническим меньшинством на этой территории, это свидетельствует о том, что разговор опять-таки шел о реализации Декрета о Татаро-Башкирской республике, за которую так долго держались татарские коммунисты, и за которую они не перестали агитировать даже после решения Политбюро РКП (б).

Ленин, судя по весьма косвенным данным Саид-Галиева, несколько сомневался в возможности самоопределения татар и башкир в рамках одной республики. Здесь, однако, стоит учесть тот

момент, что Ленин тогда плохо разбирался в национальной политике, проводившейся в отношении мусульманских народов. Об этом свидетельствовало письмо Мидхата Брундукова Набиулле Вахитову и (оба являлись заместителями председателя Центра мусульманской военколлегии), датированное 7 сентября 1919 г. А всё дело в том, что в Совнарком за национальные вопросы отвечал Сталин. Он информировал Ленина по всем вопросам, исходя из своих личных предпочтений. В то же время Сталин весьма ревностно (из-за его популярности среди мусульман-коммунистов) и негативно (из-за благосклонности Льва Троцкого) относился к Султан-Галееву. В дальнейшем негативная роль Сталина во всей этой истории прослеживается более чем четко.

АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДИ НЕ ПРОТИВ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В конечном итоге, в январе 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) образовало комиссию по подготовке к созданию Татарской Республики, руководил ею Галимджан Шараф (автор проекта штата Идель-Урал). По данному проекту предусматривалось, что территория Татарстана должна была включать всю оставшуюся часть Уфимской губернии, не вошедшую в состав Башкирской Республики. А это Белебеевский, Бирский и части Уфимского и Стерлитамакского уездов.

В то же время существует стереотипное мнение, что противниками проекта Татаро-Башкирской республики или Татарстана с включением в его состав территории Уфимской губернии было руководство Башкурдистана и лично Ахмет-Заки Валиди. Однако в реальности это далеко не так. В частности, в письме от 17 февраля 1920 г., подписанном Валиди и представителями Башкирской Республики при ЦИК РСФСР Абдуллой Адигамовым и Абдрашитом Бикбавовым и адресованном ЦК РКП (б), говорилось: «Мы, башкирские представители, гарантируем, что нет и не будет со стороны малочисленных башкир какого бы то ни было требования» (*относительно территории Уфимской губернии* – И. Г.). Указывалось также, что «башкир в пределах Уфимского района Татарской республики всего 355 772, тогда как татары, не включая Казанской, Вятской и Симбирской губерний, составляют 1332379 душ». Единственным их условием было, чтобы в названии республики не было термина «Татаро-Башкирская», а только «Татарская». Учитывая дату письма и упоминаемую численность башкир, можно быть уверенным, что под «Уфимским районом», относимом к Татарстану, они имели в виду не только Уфимский, Белебеевский и Бирский уезды, но и Стерлитамакский уезд, который к тому времени также входил в состав Уфимской губернии. То есть, никакого желания претендовать на оставшуюся часть Уфимской губернии руководство Башкирской республики не изъявляло, прекрасно понимая реальную этническую ситуацию на этой территории и тот факт, что татарское население составляло там большинство.

ДВА УЕЗДА, КОТОРЫЕ ПОВИСЛИ В ВОЗДУХЕ

Тем не менее, в начале мая 1920 г. создается новая комиссия уже во главе со Сталиным, в которую вошли только два представителя татар – Мирсаид Султан-Галеев и Сахиб Саид-Галиев. Однако четких предписаний от Москвы относительно будущих границ Татарстана она не получила, то есть, осторожная позиция Ленина по данному вопросу сохранялась. В это время появляется проект, согласно которому в состав Татарстана должны были быть включены только его нынешние центральные и восточные территории. После протеста Султан-Галеева и Саид-Галиева этот проект был отклонен и предложен третий, компромиссный Декрет, который вышел 27 мая 1920 г. – он и считается ныне днем официального возникновения ТАССР. Согласно ему, северные, южные, западные границы республики остались неизменными с первоначального проекта. Уфимский и Стерлитамакский уезды выпали, однако в Декрете отдельным пунктом специально оговаривалось, что вопрос и включения в состав республики Бирского и Белебеевского уездов должно решить само население этих территорий через референдум.

Тогда же – в мае 1920 г. – в Москве побывала делегация представителей Белебеевского уезда с просьбой включить их территорию в состав Татарстана, после чего на совещание были вызваны М. Султан-Галеев и С. Саид-Галиев.

Что же представляли собой эти два уезда, которые должны были войти в состав Татарской республики? По результатам переписи 1920 г., население Бирского уезда составляло 656 тыс. человек. Из них башкиры – 22,9%, татары – 35,5%, русские – 26,2%. То есть, вместе татаро-башкирское население составляло более 58%. В Белебеевском уезде проживало 595 тыс. человек. Из них татары составляли 46%, башкиры – 15%, вместе они составляли 61,1%. Русские – 19,6%. Бирский уезд составлял по площади 22,1 тыс. кв. км и включал в себя территорию нынешнего Аскинского, Янаульского, Татышлинского, Караидельского, Бакалинского, Бирского, Бураевского, Дюртюлинского, Калтасинского, Мишкинского, Краснокамского, Балтачевского и частично Чекмагушевского и Кушнаренковского районов. Территория Белебеевского уезда составляла по площади 20,7 тыс. кв. км и включала, в основном, земли 12 западных районов современного Башкортостана: это Альшеевский, Бакалинский, Белебеевский, Бижбулякский, Благоварский, Буздякский, Давлекановский, Еркееевский, Миякинский, Туймазинский, Шаранский, Чекмагушевский, а также часть территорий Илишевского и Стерлибашевского районов (западная его часть).

Как мы видим, в Белебеевском и Бирском уездах татары составляли большинство населения. Причина, по которой руководство Татарстана ранее требовало включить в его состав и Уфимский уезд (единственный уезд Уфимской губернии, где русские, благодаря включению в него населения Уфы, составляли большинство – 51%) заключалась в том, что Белебеевский и Бирские уезды были экономически тесно связаны с Уфой.

ТАТАРСТАН И БАШКОРТОСТАН

Даже если бы был реализован компромиссный вариант с включением в состав ТАССР территории Белебеевского и Бирского уездов, это в корне изменило бы облик нынешнего Татарстана. В этом случае здесь проживала бы большая часть всей существующей татарской этнонации (сейчас – не более 30%), что безусловно сняло бы остроту многих вопросов, связанных с реализацией национальных интересов татарской этнонации. Помимо этого, площадь Республики Татарстан составляла бы 111 тыс. кв. км (сейчас – 68 тыс. кв. км.), а учитывая демографические процессы, численность всего населения РТ составляла бы в настоящее время около 6 млн человек (сейчас – 3,9 млн).

В случае с Башкортостаном, при реализации проекта Ахмет-Заки Валиди, эта республика сохранила бы свою моноэтничность, к которой всячески стремился её основоположник. Что позволило бы в полной мере реализовать право башкирского народа на самоопределение – максимально снизив все потенциальные проблемы на этом пути.

Борьба за эти два уезда продолжалась. В сентябре 1920 г. Уфимский губком выносит решение, что Бирский и Белебеевский уезды экономически больше привязаны к Уфе, а потому он отрицательно отнеслись к включению их в состав Татарстана. При этом тогда же – 1 сентября 1920 г. – Уфимский губком выносит постановление о необходимости исполкомам этих уездов «воздержаться от созыва чрезвычайных съездов» под предлогом того, что это якобы помешает «продовольственной кампании». То есть наличие официального Декрета ВЦИКа о необходимости проведения плебисцита не мешало уфимским властям саботировать это решение.

«ОТДАЙТЕ НАМ МЕНЗЕЛИНСК И ОРЕНБУРГ!»

Судя по всему, получив некую отмашку «сверху», в начале февраля 1921 г. председатель СНК премьер Башкирской Республики Муллаяна Халиков собирает комиссию по вопросу о расширении территории республики. В марте он поднимает этот вопрос перед ВЦИКом. В числе обоснований этого решения были экономические соображения (Башкурдистан был беден на городские центры, не было железных дорог, слабо развито сельское хозяйство и т. д.) и то, что присоединение Уфимской губернии дало бы республике более «миллиона башкир». Как последний тезис коррелирует с теми данными, которые руководство Башкирской Республики предоставило всего год назад? Это остается под вопросом.

Поскольку Москва не сразу одобрила прошения М. Халикова, это позволило уфимским властям под разными предложениями тянуть время и не проводить плебисцит.

Еще до этого председатель Совнаркома Татарской Республики Сахиб Саид-Галеев в течение всего 1920 г. неоднократно бомбардировал Москву письмами: он просил скорейшим образом рассмотреть вопрос о включении Белебеевского и Бирского уездов в состав ТАССР. Поняв, что дело идет к худшему варианту, он попытался добиться этого в августе 1921 г., пригласив представителей Советов Уфы, Белебея, Бирска и правительства Башкирии на совещание в Казань. Однако они отмолчались тем, что не знают мнения местного населения, а сами они очень заняты другими вопросами (в том числе, борьбой с голодом).

Помимо трех уездов Уфимской губернии они потребовали обратно из Татарстана даже территорию бывшего Мензелинского уезда и Оренбург.

Более того, в мае 1921 г. «аппетиты» комиссии М. Халикова выросли до совсем уже карикатурных пределов, что опять-таки показывает, что он мог так действовать, только почувствовав реальную поддержку в Москве. В частности, помимо трех уездов Уфимской губернии они потребовали обратно из Татарстана территорию бывшего Мензелинского уезда, и даже Оренбург. Это является еще одним подтверждением того, что у М. Халикова были свои могущественные покровители-лоббисты. Иначе трудно объяснить такие щедрые запросы главы Башкирского правительства, возникшие из ниоткуда.

УЖЕ РУЛИТ СТАЛИН

Если проанализировать дальнейший ход событий, в том, что таким лоббистом выступил Сталин, сомнений не остается. В конце сентября 1921 г. ЦК просит нарком по делам национальностей Сталина изучить вопрос о создании «Большой Башкирии». И уже в январе 1922 г. Наркомнац принимает решение директивным образом передать Башкортостану все три уезда: Уфимский, Бирский и Белебеевский. ВЦИК подготовил проект Декрета по данному вопросу, но неожиданно данный вопрос вновь был приторможен. Но спустя полгода – 14 июня 1922 г. – выходит вновь разработанный Декрет, в соответствии с которым вся оставшаяся часть Уфимской губернии была присоединена к Башкирской республике.

О причинах, по которой официальное оглашение уже разработанного декрета не выходило в течение полугода, можно только догадываться, но она удивительным образом совпала с болезнью Ленина, который весьма осторожно подходил к вопросу об установлении окончательной границы между двумя республиками. Но Ленин неожиданно заболел в мае 1922 г. и полностью отошел от непосредственного участия в управлении страной. А через считанные недели Декрет был официально оглашен.

Директивное присоединение Уфимской губернии к БАССР, уже находясь в эмиграции, раскритиковал и Ахмет-Заки Валиди. «Уфимскую губернию присоединили к Башкортостану», – писал он в письме Ленину в 1923 г., «а на деле эта лукавая мера означает не что иное, как присоединение Башкортостана к Уфимской губернии». Видимо он не был в курсе его состояния (с конца 1922 г. из-за болезни Ленин окончательно отошел от дел).

С точки зрения экономических интересов, М. Халиков, конечно, действовал вполне понятно, ибо существовавшие территориальные рамки Башкирской Республики позволяли говорить о том, что автономия не была сбалансирована с экономической точки зрения: отсутствие городов (за исключением Белорецка) и логистические проблемы. Но эти проблемы были к 1921 г. уже решены путем передачи Башкирии Стерлитамакского уезда с городом Стерлитамаком. И самое главное, с уходом Заки Валиди Халиков был руководителем не просто региона, а национальной республики. И в такой ситуации, он просто обязан был учесть этнический фактор, чего, однако, не произошло. Тем более он присоединял родные ему территории, и обязан был понимать, какие потенциальные проблемы в будущем это готовит землякам (Халиков был родом из нынешнего Буздякского района, тогда территориально входившего в состав Белебеевского уезда).

Некоторые исследователи связывают решение о передаче территории Уфимской губернии Башкирии тяжелыми последствиями голода 1921 г. Но, как мы видим, внезапный порыв Муллаяна Халикова отхватить уезды Уфимской губернии появились уже в январе 1921 г., когда голод еще не приобрел катастрофических масштабов. То есть, это не могло быть первопричиной, а было скорее дополнительным поводом.

Уже по факту Мирсаид Султан-Галеев и Галимджан Ибрагимов согласились и даже формально одобрили эту операцию в 1922 г. Очевидно, что внезапное изменение позиции Султан-Галеева и Галимджана Ибрагимова, не говоря уже о председателе Совнаркома Татарстана Саид-Галиеве, вызвано не переменой в их взглядах, а скорее желанием не навредить будущим отношениям двух республик и двух народов, учитывая, что всё возможное они уже сделали.

Султан-Галеев же вероятно очень надеялся на создание в дальнейшем федерации тюркских республик – «Туран», которая сняла бы все проблемы, а потому не сильно хотел конфликтовать с членами Башкирского правительства, со многими из которых у него были весьма весьма дружеские и доверительные отношения. В частности, с министром просвещения БАССР Абдуллой Адигамовым и комбригом Мусой Муртазиным, благодаря которым он, кстати, и стал главным переговорщиком в период перехода Башкирского правительства на сторону советского правительства в начале 1919 г. Через того же А. Адигамова он в 1922 г. пытался добиться возвращения и А. Валидова. Весьма примечательная деталь: с М. Халиковым М. Султан-Галеев не контактировал. Причина этого выясняется из тайных писем между М. Султан-Галеевым и А. Адигамовым, в которых главный идеолог исламского социализма просил министра просвещения Башкирии не посвящать в курс их переговоров Муллаяна Халикова, которого подозревал в работе на ОГПУ.

РАЗНИЦА В ДВА ЧАСА

Мужчины частенько использовали в прошлом двухчасовую разницу во времени, чтобы отовариться крепкими напитками у соседей в Татарстане. Что касается разницы во времени между двумя республиками, она появилась в 1924 г., когда территорию всего СССР поделили на часовые пояса. Татарстан вошел в третью часовую зону, и время здесь первоначально отличалось от московского на час вперед. Башкортостан вошел в четвертую часовую зону (на два часа вперед от московского). Однако в 1931 г. Татарстан был включен в «московскую» – вторую зону, и разница во времени между двумя республиками составила уже два часа.

Татарстан временами «возвращали» в свою изначальную часовую зону, переигрывая затем всё назад. Разница во времени в случае с Татарстаном во многом с географической точки зрения была не оправдана, к тому же это было еще одним фактором сдерживания взаимной интеграции двух республик.

Данный фактор приводил и к забавным местным «традициям». Так, в советское время представители мужской половины населения приграничных районов Башкортостана частенько использовали двухчасовую разницу во времени, чтобы отовариться крепкими напитками у соседей в Татарстане, когда у себя магазины уже были закрыты. Ныне необходимость в этом отпала, да и уровень потребления алкоголя снизился с тех пор в несколько раз.

Взаимодействие между двумя республиками по чисто политическим мотивам искусственно тормозилось в позднесоветское время, но особенно в 1990–2000 гг. порой доходя до абсурда. Но жизнь всё расставляет на свои места, и на сегодняшний день экономические, общественные, культурные и личностные связи между Татарстаном и жителями Башкортостана (особенно западной его части) устойчивы, пожалуй, как никогда. В этом лишний раз может убедиться каждый, кто хотя бы раз прогуливался по улицам Казани, и не мог не заметить, что наиболее часто встречающиеся автомобильные номера на улицах города после татарстанских – это номера региона 02 или 102, т. е. Башкортостана. И это притом, что расстояние от Казани до границы с Башкортостаном около 400 км, т. е. объективных предпосылок для этого вроде как нет.

Это еще раз доказывает, что границы, проведенные между двумя республиками в 1922 г., не учитывали ни этнических, ни даже в полной мере экономических раскладов – напротив, они стали перманентным источником национальных проблем жителей обеих республик. Тогда была возведена своего рода Берлинская стена между Казанью и Уфой, Волгой и Уралом.

*Источник: <https://www.idelreal.org/a/29532239.html>,
31 октября 2018.*

30 АВГУСТА – ПРАЗДНИК НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

30 августа Татарстан отмечает сразу два праздника: День республики и День города Казани. Празднование дня принятия Декларации о суверенитете Республики Татарстан «маскируется» теперь такими малозначительными определениями. А ведь именно в этот день 29 лет назад – 30 августа 1990 г. – Верховный Совет еще Татарской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете Татарской ССР, которая позволила Татарстану почти войти в число национальных автономий «первого сорта» – союзных республик. Но Татарстан не успел толком воспользоваться такой «привилегией», так как СССР вскоре развалился.

Если рассматривать историю татарского народа последних 200 лет, то всплеск, этапы резкого подъема ее развития всегда приходились на периоды либерализации общественной или религиозной жизни в стране.

По сути, татары тогда запрыгнули в последний вагон уходящего поезда, по максимуму используя возможности, которая дала Перестройка. Поэтому, если рассматривать суверенитет в отрыве от Перестройки и политики демократизации, мы просто не сможем понять, почему энергия народных масс тогда вылилась именно в такой политический проект. А самые большие подъемы были связаны с революциями 1905–07 и 1917 гг. Внутренняя энергия татарского народа тогда раскрылась самым максимальным образом. Свобода действий, творчества, свобода мысли – вот та почва, на которой татарский народ просыпается и движет свою историю вперед. Исключением не стала и перестройка конца 80-х гг. XX в.

В то же время суверенизация Татарстана была продолжением строительства Республики и поэтому она самым тесным образом связана с событиями 1920 г. Сразу после создания ТАССР выяснилось, что национальные республики были поделены на «первосортные» (союзные) и «второсортные» (автономные). Автономные республики оказались лишенными какой бы то ни было самостоятельности. Поэтому сразу же началась борьба за вхождение ТАССР в состав элитного клуба союзных республик. На этом «сгорела» вся тогдашняя немногочисленная татарская советская политическая элита, стоявшая у истоков создания Татарстана: все эти люди погибли в огне репрессий 1937–1938 гг. Символом этого пути является трагическая судьба Мирсаида Султан-Галеева, выходца из уфимских татар, положившего свою жизнь сначала на создание Татаро-Башкирской республики, а затем и на создание ТАССР.

Татары, имея на момент Февральской революции 1917 г. самые высокие стартовые позиции среди мусульманских народов Российской империи, получили самую куцую автономию.

Куцую как по своим правам, так и по территории, став самым разделенным народом на евразийском пространстве (в Татарстане оказалось не более 25% всех представителей татарской этнонации, а татары в самой республике составили около половины населения). В то же время рядом, в приграничных территориях с Татарстаном, осталось множество территорий с компактным проживанием татарского населения. Т. е. дело было вовсе не в невозможности их включения в состав Татарской республики.

Любая идея превратить маленький клочок земли под названием Татарстан в некую татарскую «резервацию», закрывшись в ее границах, заранее обречена на провал.

Поэтому в корне неверно отделять подписание Декларации о суверенитете 30 августа 1990 г. от борьбы татарского национального движения за самоопределение в 1917–20 гг.

Подписание Декларации о суверенитете в какой-то мере устранило первую несправедливость, да и то лишь на время, т. к. Союз распался, но несправедливость вторая так и осталась.

Она и стала одной из главнейших проблем, которая до сих пор затрудняет полную реализацию прав татарского языка как государственного даже на территории Татарстана. Проблема эта могла бы быть решена, если бы развитие демократических институтов в стране продолжалось теми же темпами, с которыми оно началось в конце 1980-х гг. В той же Каталонии, к примеру, каталонцы ныне

составляют только около трети населения региона. Однако благодаря тому, что в Испании институт выборов работает на полную катушку, гражданские права и свободы, как и права малых народов, защищены законом, и проблем с реализацией каталонского или баскского языка там не возникает.

Властная элита Татарстана быстро отделилась от остальной части народа и зажила собственной жизнью, полностью отрешившись от идеалов суверенитета.

В России же реального народовластия построить не успели, в результате чего властная элита Татарстана, как и вся российская власть, в целом, быстро отделилась от остальной части народа и зажила собственной жизнью, полностью отрешившись от идеалов суверенитета. Поколение того времени, окрыленное идеалами суверенитета, оказалось слишком наивным. Эти люди полагали, что достаточно взять самостоятельности Татарстану, а остальное всё само собой сложится. Это было логично, ибо они, будучи воспитанными в советском духе, не могли понять, что в рамках одного государства могут одновременно сосуществовать два отдельных мира – для властной элиты и для остальной части общества.

Ограниченная самостоятельность 1990-х быстро закончилась, а драгоценное время было упущено. Затем в «нулевые» началась эпоха централизации, и стало ясно, что помимо всего прочего эта дата – 30 августа – это символ не только реализованной экономической самостоятельности, но и годы, потерянные для республики, когда казалось: вот она, долгожданная свобода развития, национального возрождения, рывка вперед, но это окно возможностей оказалось потраченным во многом впустую.

Нынешний Президент РТ Рустам Минниханов, поздравляя жителей с Днем республики, ни слова не сказал о Декларации.

Память о самой Декларации, ее принципах и народных идеалах, связанных с ней, старательно вычищалась, а на смену ей пришли деполитизация и деидеологизация главного праздника республики. Это должно было стереть в народной памяти ту информацию, которая теперь стала просто «неудобной». Вместо дня подписания Декларации начали отмечать День города Казани. Праздник, посвященный политическому событию, был замещен абсолютно пустым по своему значению Днём города. Символизм суверенитета активно вымывался из сознания. Это было удобно как для федеральной, так и для региональной власти, для которой данная дата каждый раз служила напоминанием о тех проектах, которые она обязалась выполнить, но так и не выполнила. Поэтому тот факт, что сейчас про суверенитет в день Декларации о суверенитете не говорят – это не случайность, а логическое завершение проводящейся политики. Вот и нынешний Президент РТ Рустам Минниханов, поздравляя жителей с Днем республики, ни слова не сказал о Декларации.

В Татарстане политики как явления нет, поэтому нет и реальных рычагов давления на татарстанскую элиту.

Поэтому даже если сейчас дать республике ту долю суверенитета, которой она обладала в начале 1990-х, большого прорыва не будет. В Татарстане политики как явления нет, поэтому нет и реальных рычагов давления на татарстанскую элиту. Не будет реально действующих демократических институтов – в условиях, крепко спаянных между собой как цельный монолит различных групп татарстанской властной элиты никаких перемен ожидать не стоит. Не будут решены и другие вопросы будущего татарской нации как обустроить жизнь и реализовать право на самоопределение остальных 75% представителей татарской нации, оказавшихся за пределами РТ?

И поэтому любая идея превратить маленький клочок земли под названием Татарстан в некую татарскую «резервацию», закрывшись в ее границах, заранее обречена на провал. Простой классический федерализм с самостоятельностью субъектов мало что может дать татарской нации. В этой связи, смотря в будущее, надо думать о проекте «татарский мир», о котором у нас вспоминают лишь иногда. К тому времени, когда начнется Перестройка 2.0, у татар должен быть готовый свой проект, как воспользоваться окном открывшихся возможностей и не повторять ошибок прошлого. Это очень важно и именно об этом мы должны думать на 99-м году существования Татарстана в день 29-летия принятия Декларации о его суверенитете.

*Источник: <https://www.idelreal.org/a/30138048.html>,
30 августа 2019.*

Заключение

Тот из читателей, кто смог прочитать весь этот достаточно объемный труд, вслед за экспертами фактически прошел длинный путь по осмыслению современного положения татарской нации. Оно, как очевидно из представленных в книге материалов, весьма и весьма непростое. Татарский мир сейчас стоит перед серьезнейшими вызовами, в основании которых находятся как глобальные тенденции, так и специфические условия, характерные для нынешней Российской Федерации.

Все эти вызовы нуждаются в татарском ответе, к сожалению, в концептуальном виде все ещё не сформулированном. А те разрозненные шаги, которые в настоящее время предлагаются общественными организациями и официальными органами власти Республики Татарстан, хотя и полезны, но в решении фундаментальных проблем татарского сообщества решающую роль сыграть не могут. В том числе и потому, что многие из них возникли далеко не сегодня, имеют длинный исторический «хвост» и для объяснения их генезиса нужны многочисленные специальные исследования, которых по большому счету очень мало. По татарскому направлению практически отсутствуют качественные социологические, политологические, культурологические и др. исследования. Именно вследствие этого выводы экспертов, которые представлены в настоящем издании, носят достаточно предварительный характер.

Но из-за этого голову пеплом посыпать не стоит – главное для нас, национальных интеллектуалов и политиков, осознать реальное состояние татар. Если это произойдет, первый шаг в нужном направлении будет сделан.

А в дальнейшем уже следует выстраиваться в направлении выработки необходимых для преодоления существующих проблем, шагов. Наиболее важный из них – создание при ВКТ такого постоянно действующего института, как Совет экспертов. Учреждение его и обеспечение условий для функционирования (ресурсы, помещение для проведения заседаний и т. д.), есть прямая задача Национального Совета (Милли Шура) ВКТ, призванного координировать всю деятельность по обеспечению развития татарской нации. Как думается, официальное руководство РТ тоже поддержит такую структуру в случае начала её деятельности.

А главное направление деятельности Совета экспертов – завершение начатой работы по подготовке полноценной «Стратегии развития татарской нации» с прицелом охватить тенденции развития татарского мира хотя бы до 2050-х гг.

Редакция издания

**На пути к «Стратегии развития татарской нации»
Дискуссии татарских интеллектуалов**

Подписано в печать 14.10.2020 г. Формат 60×84 1/8
Усл. печ. л. 46,27 Тираж 200 экз.
в типографии ООО «Грумант»

ISBN 978-5-6044670-3-9

9 785604 467039